

Изо Аберкромби

Первый закон. Книга I

Кровь и железо

Annotation

Тьма сгущается над государствами Срединных земель. С Севера угрожает войной самозванный король Бетод и совершают опустошительные набеги страшные плоскоголовые твари шанка. Темные правители Юга, наделенные колдовской силой, только того и ждут, чтобы наброситься на своих соседей. И в самом сердце Союза, его столице городе Агрионте, черной язвой зреет измена. Кто способен сделать невероятное, защитить Срединные земли от сжимающейся вокруг петли? Верховный маг Союза Байяз призывает самых сильных и мужественных грудью встать на защиту родины. И первым на его зов откликается легендарный воин Логен Девятипалый по прозвищу Девять Смертей...

- [Джо Аберкромби](#)
 -
 - [Конец](#)
 - [Часть 1](#)
 - [Выжившие](#)
 - [Вопросы](#)
 - [Никакого выбора](#)
 - [Игра с ножами](#)
 - [Зубы и пальцы](#)
 - [Просторный и пустынный Север](#)
 - [Фехтование](#)
 - [Утренний ритуал](#)
 - [Первый из магов](#)
 - [Добрый человек](#)
 - [Следующий в списке](#)
 - [Предложение и дар](#)
 - [Король Севера](#)
 - [Дорога между двумя дантистами](#)
 - [Плоскоголовые](#)
 - [Деяния истинной любви](#)
 - [Как дрессируют собак](#)
 - [Чаепитие и месть](#)
 - [Часть 2](#)
 - [На что похожа свобода](#)

- [Королевское правосудие](#)
- [Пути к бегству](#)
- [Три знака](#)
- [Лавка театральных декораций](#)
- [Варвары у ворот](#)
- [Что дальше](#)
- [Лучше, чем смерть](#)
- [Больное место](#)
- [Вопросы](#)
- [Благородство](#)
- [Черное дело](#)
- [Слова и пыль](#)
- [Выдающиеся таланты брата Длинного](#)
- [Такие не сдаются](#)
- [Она меня... не любит](#)
- [Семя](#)
- [Никогда не ставь против мага](#)
- [Идеальная аудитория](#)
- [Дом Делателя](#)
- [Ничья собака](#)
- [Каждый молится на себя](#)
- [Старые друзья](#)
- [Вернуться в грязь](#)
- [Несчастный](#)
- [Девять Смертей](#)
- [Орудия, которые у нас есть](#)

- [notes](#)
 - [1](#)
-

Джо Аберкромби

Кровь и железо

Четырем читателям — вы знаете, кто вы

Конец

Логен пробирался между деревьями, его босые ноги оскальзывались и проезжали по влажной земле, по грязи, по мокрым сосновым иглам; дыхание kloкотало в груди, кровь гулко стучала в висках. Потом он споткнулся и растянулся на боку, едва не раскроив грудную клетку собственной секирой. Некоторое время он лежал, тяжело дыша и всматриваясь в сумрачный лес.

Ищейка был рядом еще минуту назад, это точно, однако теперь куда-то пропал. Про остальных Логен вообще ничего не мог сказать. Ну и вожак: вот так растерять своих людей! Возможно, стоило повернуть назад, но шанка шныряли повсюду, Логен чуял их запах. Слева раздались какие-то крики — похоже, там шла драка. Он медленно и осторожно поднялся на ноги, стараясь не шуметь. Рядом хрустнул сучок, и Логен мгновенно развернулся.

На него надвигалось копьё — безжалостно и очень быстро. На другом конце копья находился шанка.

— Вот дерьмо! — выругался Логен.

Он бросился в сторону, оступился, упал вниз лицом и покатился вбок, ломая кустарник. В любой момент он ожидал удара копьем в спину. Тяжело дыша, вскочил на ноги, вновь увидел, как стремительно приближается сверкающее острие, увернулся и укрылся за толстым стволом дерева. Как только попытался выглянуть — плоскоголовый зашипел и ткнул в него копьем. Тогда Логен на миг показался с другой стороны и сразу же нырнул обратно за ствол, а потом выпрыгнул из-за дерева и с размаху, с оглушительным ревом опустил секиру. Раздался громкий треск: лезвие глубоко врубилось в череп шанка. Чистое везение. Однако Логен считал, что заслужил немного везения.

Плоскоголовый постоял, недоуменно моргая. Потом зашатался из стороны в сторону, по лицу его струилась кровь. А потом рухнул камнем на землю, выдернув секиру из пальцев Логена, и забился в конвульсиях у его ног. Логен попытался ухватить свое оружие за рукоять, но шанка не выпускал из рук копьё, беспорядочно рассекая им воздух.

— А! — выдохнул Логен, когда копьё вырвало кусок кожи из его руки.

На лицо его упала тень: еще один плоскоголовый. Огромная тварь, и уже в прыжке, с протянутыми руками. Нет времени, чтобы добраться до секиры. Нет времени, чтобы уклониться. Логен открыл рот, но не успел

ничего сказать. Да и что скажешь в такую минуту?

Они вместе рухнули на влажную землю и покатались по грязи, колючкам, сломанным сучьям. Они рвали и молотили друг друга, издавая рычание. Логен ударился головой о древесный корень — так сильно, что зазвенело в ушах. У него был нож, но он не мог вспомнить где. Они катились все дальше и дальше, вниз по склону, мир вокруг вращался, голова Логена гудела после удара, а он пытался задушить здорового плоскоголового. Это длилось бесконечно.

А ведь затея казалась такой разумной: разбить лагерь возле ущелья, и можно не опасаться, что кто-то подкрадется сзади. Теперь, когда Логен скользил на брюхе к краю обрыва, эта идея потеряла большую часть привлекательности. Его пальцы скребли сырую почву — одна грязь да бурая сосновая хвоя. Он продолжал цепляться, но хватал лишь пустоту. Потом он сорвался. Из горла вырвался слабый стон.

Его ладони сомкнулись на чем-то: корень дерева, торчащий из земли на самом краю ущелья. Логен охнул и закачался в воздухе, но не разжал рук.

— Ха! — вскричал он. — Ха!

Он жив! Горстки плоскоголовых мало, чтобы покончить с Логеном Десятипалым! Он принялся подтягивать свое тело наверх, на вершину обрыва, но почему-то не мог сделать этого. На его ногах висел какой-то тяжелый груз. Он глянул вниз.

Ущелье было очень глубоким, с отвесными каменистыми стенами. То там, то здесь из трещин тянулись вверх одинокие деревья, раскидывая кроны в воздухе. Далеко внизу текла быстрая речка — белый пенный поток, окаймленный зубцами черных камней. Все это не сулило ничего хорошего, но настоящая проблема располагалась ближе, прямо под рукой: здоровенный шанка не отстал от Логена. Он тихо покачивался взад-вперед, крепко вцепившись грязными руками в его левую лодыжку.

— Вот дерьмо, — пробормотал Логен.

В хорошенькую переделку он попал! Ему случалось выходить живым из самых плохих ситуаций, а потом петь об этом песни, но трудно себе представить что-нибудь хуже теперешнего положения. Это заставило Логена задуматься о своей жизни, и она показалась ему горькой и бесцельной. Она никому не принесла ничего хорошего. Только насилие и боль, а между ними — разочарования и житейские тяготы...

Руки уже начали устывать, предплечья горели. Огромный плоскоголовый, судя по всему, не собирался выпускать его. Наоборот, он понемногу взбирался вверх по Логеновой ноге. Шанка поднял голову,

установившись на врага горящим взглядом.

Если бы это Логен цеплялся за ногу шанка, он бы, скорее всего, думал так: «Моя жизнь зависит от ноги, на которой я повис, так что лучше не рисковать». Человек предпочтет собственное спасение убийству врага. Но шанка мыслят иначе. Логен знал это и не слишком удивился, когда плоскоголовый открыл свой огромный рот и вонзил зубы в голень противника.

— А-а-а! — завопил Логен.

Он сильно, как только мог, лягнул шанка босой пяткой, целясь в кровавую рану на голове, но тварь не разжала зубы. Чем отчаяннее Логен дергался, тем дальше руки его соскальзывали с покрытого грязью корня на краю обрыва. Вскоре пальцам стало почти не за что держаться, а оставшаяся часть растения могла переломиться в любую секунду. Логен старался не думать о боли в ладонях и предплечьях, о вонзившихся в ляжку зубах. Сейчас он упадет. Оставался единственный выбор — между падением на камни и падением в воду, и этот выбор почти не зависел от Логена.

Когда перед тобой стоит задача, лучше сразу браться за нее, чем жить в страхе перед ней, — так сказал бы его отец. Логен покрепче уперся свободной ногой в стенку обрыва, сделал последний глубокий вдох и швырнул себя в пустоту со всей силой, какая в нем еще оставалась. Он почувствовал, что зубы шанка отпустили его ногу, а затем разжались цеплявшиеся пальцы, и на миг ощутил свободу.

А потом он стал падать. Быстро. Мимо проносились стены ущелья: серый камень, зеленый мох, клочки белого снега. Все вертелось и кружилось.

Он перевернулся в воздухе, бесцельно молотя руками и ногами, слишком испуганный, чтобы кричать. Ветер хлестал в глаза, рвал одежду, мешал дышать. Логен видел, как огромный шанка ударился о стену ущелья, как тело врага переломилось, отскочило от камня и улетело вниз — теперь уже бездыханное. Зрелище было приятным, но удовлетворение длилось недолго.

Вода поднялась навстречу Логену. Она ударила его в бок, словно нападающий бык, выбила воздух из легких, сознание из головы и втянула в себя, вниз, в холодную тьму.

Часть 1

*Кровью тогда сватовство и торжественный пир
осквернится:*

Само собой прилипает к руке роковое железо.

Гомер. Илиада.

Песнь шестнадцатая, строки 293–294.

Перевод В. Жуковского

Выжившие

Плеск воды — первое, что он услышал. Плеск воды, шорох листьев, щелканье и щебет птицы.

Он приоткрыл глаза и сощурился. Расплывчато-яркий свет сиял сквозь листву. Это смерть? Тогда почему так больно? Весь его левый бок пульсировал. Логен попытался глубоко вдохнуть, поперхнулся, выкашлял воду, выплюнул грязь. Простонал, перевернулся на четвереньки, вытащил себя из реки, тяжело дыша сквозь стиснутые зубы, и перекатился на спину — на мох, склизкий ил и гниющие сучья возле края воды. Какое-то время он лежал и смотрел вверх, в серое небо за черными ветвями; дыхание со свистом вырывалось из сорванного горла.

— Я еще жив, — прохрипел он самому себе.

Еще жив, несмотря на все старания природы, шанка, людей и зверей. Насквозь промокший, распластанный на спине, он засмеялся сиплым булькающим смехом. Если хочешь что-то сказать про Логена Девятипалого, скажи, что он умеет выживать.

Порыв холодного ветра пронесся над заболоченным речным берегом, и смех Логена медленно затих. Он выжил, да, но остаться в живых и дальше — это будет гораздо труднее. Он сел, морщась от боли, затем поднялся на непослушные ноги и оперся о ствол ближайшего дерева. Вскреб грязь из носа, глаз и ушей, а потом задрал мокрую рубашку, чтобы взглянуть на свои увечья.

Бок покрывали кровоподтеки от падения — все ребра в синих и лиловых пятнах. Болезненно, если дотронуться, но переломов нет. Нога представляла собой сплошное месиво, изодранная и кровоточащая после зубов шанка. Логен чувствовал сильную боль, но ступней можно было шевелить, а это главное. Ноги ему понадобятся, если он хочет выбраться отсюда.

Нож по-прежнему висел в ножнах на поясе, и Логен весьма этому обрадовался. Опыт подсказывал, что лишних ножей не бывает, а этот клинок был очень хорош. Тем не менее перспектива удручала: он в абсолютном одиночестве посреди лесов, кишящих плоскоголовыми, и даже понятия не имеет, где находится. Правда, можно пойти вдоль реки. Все реки здесь текли на север, с гор к холодному морю. Значит, надо идти по берегу к югу, против течения, забираясь как можно выше — в Высокогорье, где шанка не смогут его найти. Это единственный шанс.

Там, наверху, будет холодно. Смертельно холодно. Логен глянул вниз, на свои босые ступни. Вот уж повезло, так повезло: шанка подобрался к нему как раз в тот момент, когда он снял сапоги, чтобы срезать мозоли. Куртку он тоже сбросил, поскольку сидел возле костра. В таком виде и дня в горах не продержаться. За ночь руки и ноги почернеют от мороза, и Логен сгниет кусок за куском, прежде чем дойдет до перевалов. Если раньше не умрет от голода.

— Вот дерьмо... — в который раз пробормотал он.

Он должен вернуться к лагерю. Еще есть надежда, что плоскоголовые ушли оттуда и оставили после себя хоть что-то. Что-то, что поможет выжить. Слишком много надежд, да, но выбора нет. Впрочем, у Логена никогда не было выбора.

К тому времени, как он добрался до места, начался дождь. Под мелкими брызгами волосы прилипли к черепу, одежда промокла насквозь. Логен прижался к мшистому стволу и с бьющимся сердцем смотрел в сторону лагеря. Пальцы его правой руки до боли сжимали скользкую рукоять ножа.

Он увидел черный круг на том месте, где разводили костер, недогоревшие сучья и угли, втоптанные в землю. Увидел большое бревно, на котором сидели Тридуба и Доу, когда пришли плоскоголовые. Увидел разбросанные по поляне обрывки и обломки их вещей. Увидел троих мертвых шанка: они валялись на земле, у одного из груди торчала стрела. Трое мертвецов и никаких признаков живых шанка. Это удача. Удача, которой хватает лишь на то, чтобы выжить — как обычно. Тем не менее враги могут вернуться в любой момент. Надо спешить.

Логен выскочил из-за деревьев, шаря взглядом по земле. Его сапоги по-прежнему стояли там, где он их оставил. Логен схватил их, принялся натягивать на окоченевшие ступни, прыгая на одной ноге, и чуть не поскользнулся в спешке. Куртка тоже обнаружилась на прежнем месте под бревном — потертая и исцарапанная за десять лет войны и плохой погоды, многократно разорванная и залатанная, от одного рукава осталась лишь половина. Походная сумка лежала бесформенной кучей в кустах неподалеку, ее содержимое было разбросано по склону. Логен принялся собирать и заталкивать вещи обратно, пригнувшись и затаив дыхание: моток веревки, старая глиняная трубка, несколько полосок вяленого мяса, игла с бечевкой, помятая фляжка, в которой еще булькали остатки жидкости. Все полезное. Все пригодится.

За ветку куста зацепилось изорванное одеяло, мокрое и покрытое

въевшейся грязью. Логен сдернул его и сразу расплылся в ухмылке: внизу на земле валялся старый потрепанный походный котелок — возможно, кто-то пнул его ногой во время схватки, так что посудина откатилась от костра. Логен обеими руками схватил котелок. Надежный, знакомый, помятый и почерневший за годы безжалостного использования, он сопровождал Логена через все войны, по всему Северу и обратно. В нем варили пищу на привалах и вместе ели из него — Форли, Молчун, Ищейка...

Логен снова осмотрел место стоянки. Трое мертвых шанка, но никого из его людей. Может, они где-то рядом? Быть может, если он рискнет поискать их...

— Нет.

Логен сказал это тихо, вполголоса. Он знал, чем дело пахнет. Здесь полно плоскоголовых, чертова уйма врагов. Он понятия не имел, сколько провалялся на берегу реки. Даже если кому-то из парней и удалось удрать, шанка наверняка погнались следом, прочесывая лес. И сейчас все люди Логена наверняка мертвы, а их трупы разбросаны по горным долинам. Ему остается одно: отправиться в горы, пытаясь спасти собственную жалкую жизнь. Надо смотреть правде в глаза, какую бы боль это ни причиняло.

— Теперь нас только двое, ты и я, — сказал Логен, засовывая котелок в походную сумку и забрасывая ее за плечо.

Он похромал прочь так быстро, как только мог. Вверх по склону, по направлению к реке и горам.

Лишь двое из всех. Логен и его котелок.

Выжили только они.

Вопросы

«Зачем я делаю это?» — в тысячный раз спрашивал себя инквизитор Глокта, хромая вдоль коридора.

Стены были оштукатурены и выбелены; впрочем, довольно давно. Все обветшало и пропиталось запахом сырости. Здесь не было окон, поскольку проход располагался глубоко под землей, и светильники отбрасывали медленно покачивающиеся тени.

«Кто бы вообще захотел делать это?»

Шаги Глокты выбивали устойчивый ритм по замызганным половым плиткам. Сначала уверенный щелчок правого каблука, потом клацанье трости об пол, затем долгое подтаскивание левой ноги, сопровождающееся знакомой пронизывающей болью в щиколотке, колене, копчике и спине. Щелк, клац, боль — таков был ритм его шагов.

Грязное однообразие стен коридора время от времени нарушали массивные двери, окованные и проклепанные рябым от ржавчины железом. Из-за одной вдруг донесся приглушенный крик боли.

«Интересно, что за бедолагу допрашивают здесь? В каком преступлении он виновен или неповинен? Какие тайны раскрываются, какие попытки солгать пресекаются, какие измены всплывают на поверхность?»

Впрочем, Глокта недолго думал над этим. Его размышления прервала лестница.

Если бы Глокте представилась возможность подвергнуть пыткам некоего конкретного человека, по собственному выбору, он, несомненно, выбрал бы изобретателя лестниц. Когда он был молод и вызывал всеобщее восхищение — до того, как на него свалились все эти несчастья, — он лестниц и вовсе не замечал. Слетал по ним вниз, перепрыгивая через две ступеньки, и беспечно шел дальше по своим делам. Больше так не будет никогда.

«Они повсюду. Без лестницы с этажа на этаж никак не переберешься. И спускаться куда тяжелее, чем подниматься, вот чего никто не понимает. Когда поднимаешься, лететь вниз всяко меньше».

Он хорошо знал этот пролет. Шестнадцать ступенек из гладкого камня, немного истертые посередине и слегка влажные, как и все здесь внизу. Перил не было, ухватиться не за что.

«Шестнадцать врагов. Серьезный вызов».

Глокта потратил много времени, чтобы разработать наименее болезненный способ спускаться по лестнице. Он двигался боком, словно краб: сначала трость, затем левая нога, после правая. Это было куда мучительнее, чем при обычной ходьбе, когда левая нога принимала на себя вес тела. Ведь сейчас добавлялась еще и настойчивая пронзительная боль в шее.

«Почему у меня так болит шея, когда я спускаюсь по лестнице? Не на шею же я опираюсь?»

Однако боль была тут как тут.

Глокта приостановился, когда до низа оставалось четыре ступеньки. Он почти победил лестницу. Его рука дрожала на рукоятке трости, левая нога горела огнем. Он провел языком по деснам — там, где раньше были передние зубы, — набрал в грудь побольше воздуха и сделал шаг. Лодыжка вывернулась с устрашающим хрустом, и он нырнул вперед, в воздух, изгибаясь, крелясь, переполняясь ужасом и отчаянием. Как пьяный, он неловко шагнул на следующую ступеньку, скребя ногтями гладкую стену и подвывая от ужаса.

«Проклятый идиот!»

Трость загремела по полу, слабые ноги боролись с каменными ступенями. Наконец он очутился у подножия лестницы, каким-то чудом сохранив равновесие.

«И — вот она. Это ужасная, восхитительная, бесконечная секунда между мгновением, когда ты споткнулся, и мгновением, когда придет боль. Скоро ли я почувствую боль? Насколько сильной она будет?»

Хватая воздух безвольно раскрытым ртом, Глокта стоял у подножия лестницы и ощущал дрожь предвкушения.

«Вот, сейчас...»

Мучение было невыразимым — раздирающая тело судорога вдоль всего левого бока, от ступни до челюсти. Он плотно зажмурил наполнившиеся слезами глаза, прижал правую руку ко рту с такой силой, что хрустнули костяшки, сомкнул челюсти так, что оставшиеся зубы заскрежетали друг о друга, однако все равно не смог удержать рвущийся изнутри тонкий, пронзительный вой.

«Кричу я или смеюсь? Можно ли понять разницу?»

Он с трудом дышал через нос, сопли пузырились, заливая руку, скорчившееся тело содрогалось от усилия выпрямиться.

Судорога прошла. Глокта произвел несколько осторожных движений, проверяя свое тело. Нога горела огнем, ступня онемела, шея щелкала при каждом повороте головы, стреляя вниз по позвоночнику злобными

маленькими уколами.

«Неплохо. Могло быть и хуже».

Он с усилием наклонился и подобрал трость, ухватив ее между двумя пальцами, снова выпрямился, вытер сопли и слезы тыльной стороной ладони.

«Захватывающее переживание. Понравилось ли мне оно? Для большинства людей лестница — обыденная вещь, для меня же — целое приключение».

Он похромал по коридору, тихо посмеиваясь. На его лице все еще играла слабая улыбка, когда он добрался до нужной двери и проковылял через порог в комнату.

Неопрятная белая коробка с двумя дверями напротив друг друга. Потолок слишком низкий, а пылающие светильники освещают комнату слишком ярко. Из одного угла ползла сырость, и штукатурка в том месте вздулась облезлыми пузырями, присыпанными черной плесенью. Кто-то когда-то пытался отскоблить продолговатое кровавое пятно на одной из стен, но, очевидно, приложил недостаточно усердия.

Практик Иней стоял на другом конце комнаты, сложив могучие руки на могучей груди. Он приветствовал Глокту кивком, выказав не больше эмоций, чем каменный валун, и Глокта кивнул в ответ. Их разделял привинченный к полу деревянный стол, усеянный зарубками и пятнами, с двумя стульями по бокам. На одном из стульев сидел голый жирный человек с коричневым холщовым мешком на голове и крепко связанными за спиной руками. Тишину нарушал единственный звук — сбивчивое приглушенное дыхание. Здесь, внизу, было холодно, но толстяк обливался потом.

«Так и должно быть».

Хромая, Глокта подошел ко второму стулу. Аккуратно прислонил трость к краю столешницы и медленно, осторожно, болезненно опустился на сиденье. Он вытянул шею влево, потом вправо и, наконец, позволил телу расслабиться, приняв почти удобное положение. Если бы Глокте представилась возможность пожать руку некоему конкретному человеку, по собственному выбору, он, несомненно, выбрал бы изобретателя стульев. «Он сделал мою жизнь почти сносной».

Иней молча шагнул из своего угла к привязанному человеку и взялся за угол мешка, зажав его между бледными толстыми пальцами — большим и указательным. Глокта кивнул, и практик сорвал мешок, открывая лицо Салема Реуса. От яркого света тот принялся часто моргать.

«Подлое, мерзкое свиное рыло. Ты гадкая свинья, Реус.

Отвратительный хряк. Ты готов сознаться прямо сейчас, могу поручиться — готов говорить и говорить без остановки, пока нас всех не затошнит».

На скуле Реуса темнел большой кровоподтек, и еще один виднелся на челюсти, прямо над двойным подбородком. Когда слезающиеся глаза Салема привыкли к резкому свету, он узнал Глокту, сидящего напротив, и лицо его вдруг озарилось надеждой.

«Тщетной, напрасной надеждой».

— Глокта, ты должен помочь мне! — завопил Реус, наклоняясь вперед, насколько позволяли веревки; слова извергались из его рта отчаянной нечленораздельной массой. — Меня ложно обвинили, ты знаешь это. Я невиновен! Ты ведь пришел помочь мне, правда? Ты же мой друг! Ты обладаешь влиянием. Мы с тобой друзья, друзья! Ты можешь замолвить за меня словечко! Я ни в чем не виновен, меня оболгали! Я...

Глокта поднял руку, призывая к молчанию. Мгновение он рассматривал знакомое лицо Реуса, словно никогда прежде его не видел. Затем повернулся к Инею.

— Очевидно, я должен знать этого человека?

Альбинос не ответил. Нижнюю часть его лица скрывала маска, а верхняя половина не выражала ровным счетом ничего. Он остановившимся взглядом смотрел на пленника, сидящего на стуле, и его розовые глаза были мертвыми, как у трупа. С тех пор как Глокта вошел в комнату, Иней не моргнул ни разу.

«Как у него это получается?»

— Да это же я! Я, Реус! — сипел толстяк. Его тонкий голос становился все выше, срываясь в панику. — Салем Реус, ты ведь знаешь меня, Глокта! Мы с тобой вместе воевали, пока ты не... ну, ты понимаешь... Мы были друзьями! Мы...

Глокта снова поднял руку и откинулся на спинку стула, словно в глубоком раздумье постукивая ногтем по одному из последних своих зубов.

— Реус... Это имя мне знакомо. Купец, член гильдии торговцев шелком. Человек, по общему мнению, богатый. Да-да, теперь припоминаю... — Глокта наклонился вперед и сделал паузу для пущего эффекта. — Он оказался изменником. Реуса забрала инквизиция, а его имущество конфисковали. Видишь ли, он замыслил уклониться от королевских налогов.

Реус разинул рот.

— От королевских налогов! — возопил Глокта, врезав ладонью по столешнице.

Толстяк смотрел на него во все глаза, нервно щупая языком зуб.

«Верхний ряд, правая сторона, второй сзади».

— Но мы забыли о манерах, — заявил Глокта, обращаясь в пространство. — Возможно, прежде мы с тобой и были знакомы, но моему помощнику ты наверняка не был представлен. Практик Иней, поздоровайся с этим толстяком.

Удар вышел не сильный — скорее шлепок, — но достаточно мощный, чтобы Реус слетел со своего сиденья. Стул заплясал на месте, но не сдвинулся.

«Вот как он это делает? Сбить человека со стула так, чтобы сам стул остался стоять?..»

Реус издал булькающий звук и распростерся по полу, прижав лицо к плиткам.

— Он напоминает мне выброшенного на берег кита, — произнес Глокта с отсутствующим видом.

Альбинос схватил Реуса под руку, подтянул вверх и швырнул обратно на стул. Из ссадины на щеке толстяка сочилась кровь, зато его свиные глазки теперь смотрели твердо.

«Большинство людей от побоев сразу плывут, но кое-кто, наоборот, ожесточается. Никогда бы не подумал, что этот слизняк способен на твердость. Однако жизнь полна сюрпризов».

Реус сплюнул кровью на стол.

— Ты зашел слишком далеко, Глокта, о да, слишком далеко! Торговцы шелком — уважаемая гильдия, они пользуются влиянием! И не станут мириться с подобным! Я известный человек! Быть может, прямо сейчас моя жена пишет прошение королю, дабы он выслушал мое дело!

— Ах да, твоя жена... — Глокта печально улыбнулся. — Твоя жена очень красивая женщина. Красивая и молодая. Боюсь, слишком молодая для тебя. Боюсь, она с радостью воспользовалась удобным случаем, чтобы избавиться от такого муженька. Боюсь, она сама, лично передала нам на изучение твои счета. Все до единого.

Лицо Реуса побледнело.

— Мы их внимательно просмотрели. — Глокта кивнул на воображаемую стопку бумаг слева от себя. — Затем сверились со счетами, хранящимися в казначействе. — Он показал на другую стопку справа. — И представь себе наше удивление, когда мы обнаружили, что цифры-то не сходятся. А ведь были еще ночные визиты твоих служащих на некие склады в старом квартале, небольшие незарегистрированные суда, определенные выплаты должностным лицам, подделанная документация...

Нужно ли продолжать? — спросил Глокта, с глубочайшим неодобрением покачивая головой.

Толстяк сглотнул и облизал губы.

Перед пленником стояла чернильница с пером и лежал лист бумаги с признанием вины, записанным во всех подробностях красивым, четким почерком Инея. Оставалось только подписать.

«Все. Сейчас он будет мой».

— Сознайся, Реус, — вкрадчиво прошептал Глокта, — и положи безболезненный конец сему прискорбному делу. Сознайся и назови своих сообщников; мы все равно уже знаем, кто они. Так будет легче для всех нас. Я не хочу причинять тебе боль, поверь, это не доставит мне никакого удовольствия. — «Мне его уже ничто не доставит». — Сознайся. Сознайся, и тебе сохранят жизнь. Ссылка в Инглию вовсе не так плоха, как про нее говорят. Ты будешь продолжать наслаждаться жизнью и честно трудиться на благо своего короля. Сознайся!

Реус сидел, уставившись в пол, и трогал языком свой зуб. Откинувшись на спинку стула, Глокта вздохнул.

— Или не создавайся, — продолжал он, — и тогда я вернусь сюда со своими инструментами.

Иней выдвинулся вперед, и его массивная тень упала на лицо толстяка.

— Тело найдут в воде возле доков, — нежно шептал Глокта, — раздутое от морской воды и страшно изувеченное. Опознать его не будет никакой возможности.

«Он готов заговорить. Он созрел и вот-вот лопнет».

— Были увечья нанесены до или после смерти? — отстраненно задал он вопрос, адресуя его в потолок. — Был ли таинственный усопший мужчиной или то была женщина? Кто сможет сказать? — Глокта пожал плечами.

Раздался резкий стук в дверь. Лицо Реуса дернулось вверх, преисполненное новой надежды.

«Только не сейчас, черт возьми!»

Иней подошел к двери и приоткрыл ее. Из-за двери что-то сказали. Потом она закрылась, и Иней нагнулся, чтобы прошептать Глокте на ухо:

— Эфо Шекуфор.

Из косноязычного бормотания Глокта понял, что за дверью ждет Секутор.

«Уже?»

Глокта улыбнулся и кивнул, словно услышал хорошие новости.

Лицо Реуса помрачнело.

«Этот человек так ловко утаивал свои товары, почему же он не способен сейчас утаить свои эмоции? — Но Глокта сам знал ответ на свой вопрос. — Трудно оставаться спокойным, когда ты напуган, беспомощен, одинок и отдан на милость людей, не ведающих жалости. Кому, как не мне, это известно?»

Он вздохнул и самым утомленным тоном, какой только мог изобразить, спросил:

— Желаешь ли ты сознаться?

— Нет!

Свиные глазки пленника вновь наполнились решимостью. Он ответил на взгляд Глокты прямым взором и теперь сидел молча, настороженно, щупая языком зуб.

«Неожиданно. Очень неожиданно. Но, с другой стороны, мы ведь только начали».

— Что, Реус, зуб беспокоит? — Глокта знал о зубах все. Над его собственным ртом в свое время поработали лучшие мастера. Или худшие — это уж с какой стороны посмотреть. — Похоже, сейчас мне придется покинуть тебя на время, но пока меня не будет, я поразмыслю над твоим зубом. Очень серьезно обдумаю, что с ним можно сделать. — Он взял свою трость. — И мне бы хотелось, чтобы ты, в свою очередь, подумал обо мне, думающем о твоём зубе. А еще серьезнее ты должен подумать о своем признании. — Глокта с трудом поднялся на ноги, расправляя ноющую ногу. — Вместе с тем мне кажется, что самые обычные побои также пойдут тебе на пользу, поэтому я оставлю тебя на полчаса в компании практика Инея.

От неожиданности рот Реуса округлился. Альбинос поднял стул и вместе с толстяком неспешно развернул его к стене.

— Несомненно, Иней — самый лучший из всех, кто у нас имеется для дел подобного рода.

Иней вынул пару потрепанных кожаных перчаток и принялся аккуратно натягивать их на большие белые руки, палец за пальцем.

— Ты ведь всегда предпочитал только лучшее, не так ли, Реус? — договорил Глокта и направился к двери.

— Подожди, Глокта! — взвыл Реус через плечо. — Подожди, я...

Практик Иней накрыл рот толстяка рукой в перчатке и поднес палец к своей маске.

— Тф-ф-ф! — прошипел он.

Дверь со щелчком закрылась.

Секутор ждал в коридоре. Он стоял, опираясь одной ногой о стену,

насвистывал под своей маской что-то неопределенное и время от времени проводил рукой по длинным прядям волос. Увидев Глокту, Секутор выпрямился и слегка поклонился. Глаза его улыбались.

«Он всегда улыбается».

— Вас требует к себе наставник Калин, — произнес Секутор с местным простонародным выговором. — И кажись, в таком гневе я его никогда не видел.

— Бедняга, как ты, должно быть, перепугался. Ларец у тебя?

— У меня.

— И ты прихватил оттуда немного для Инея?

— Прихватил.

— И конечно, еще чуточку для своей жены?

— Конечно, — ответил Секутор, глаза его улыбались еще «шире», чем прежде. — Моя жена будет довольна. Если я когда-нибудь ею обзаведусь.

— Хорошо. В таком случае я поспешу на зов наставника. Я проведу там пять минут, после чего войдешь ты вместе с ларцом.

— Прямо так взять и вломиться к нему в кабинет?

— Вламывайся на здоровье. Хоть глотку ему перережь, мне не жалко.

— Я сделаю все, как вы говорите, инквизитор.

Глокта кивнул и повернулся было, чтобы идти, но вдруг снова посмотрел на Секутора.

— Только не надо и в самом деле глотку ему резать, слышишь?

Глаза практика опять улыбнулись, и он вложил в ножны устрашающего вида нож. Глокта закатил глаза к потолку и похрамал прочь. Его трость клацала по плиткам, нога пульсировала от боли. Щелк, клац, боль — таков ритм его шагов.

Кабинетом наставнику служила просторная и богато обставленная комната, расположенная на одном из верхних этажей Допросного дома. Все здесь было слишком большим и слишком пышным. Из огромного окна, почти целиком занимавшего одну из обшитых деревянными панелями стен, открывался вид на ухоженные сады внизу. Столь же огромный, покрытый причудливой резьбой стол расположился в центре мягкого цветистого ковра из некой жаркой экзотической страны. Голова свирепого животного из страны холодной, но не менее экзотической висела над величественным камином, в котором горел слабый огонек, вот-вот грозящий потухнуть.

Однако кабинет казался маленьким и серым по сравнению с самим наставником Калином — упитанным, здоровым мужчиной лет под шестьдесят. Его намечающаяся лысина с избытком компенсировалась

великолепными белоснежными бакенбардами. Калина считали личностью устрашающей даже в среде инквизиции, но Глокта уже давно ничего не боялся, и они оба знали это.

У стола высилось большое вычурное кресло, однако наставник не сидел в нем, а расхаживал взад-вперед по комнате, кричал и размахивал руками. Глокте он предложил расположиться в другом кресле — тоже роскошном, но явно очень неудобном.

«Хотя меня это не сильно беспокоит. Обычное неудобство — это для меня вполне приемлемо».

Пока наставник неистовствовал, Глокта развлекал себя, представляя над камином вместо свирепого северного зверя голову Калина.

«Он очень похож на свой камин, этот напыщенный болван. Выглядит внушительно, но внутри почти ничего нет. Интересно, как бы он вел себя на допросе? Пожалуй, я бы начал с этих его нелепых бакенбард...»

Впрочем, лицо Глокты являло собой маску внимания и почтения.

— На сей раз ты превзошел самого себя, Глокта, безумный калека! Когда торговцы шелком прознают о случившемся, они живьем сдерут с тебя кожу!

— С меня уже как-то сдирали кожу. Это возбуждает.

«Черт подери, держи рот на замке и улыбайся! Куда запропастился этот свистун, этот болван Секутор? Я с него самого сдеру кожу, когда выберусь отсюда!»

— О да, отлично, Глокта, очень смешно! Подумать только — уклонение от королевских налогов! — Наставник яростно воззрился на него сверху вниз, щетинясь бакенбардами. — От королевских налогов! — завопил он, и на Глокту полетели брызги слюны. — Да они все этим занимаются! Торговцы шелком, торговцы пряностями — все! Каждый чертов придурок, у которого есть корабль!

— Но на этот раз они даже не скрывались, наставник. Это было прямым оскорблением для нас. Я подумал, что мы просто обязаны...

— Ты подумал? — Калин обратился к нему багровое лицо, трясаясь от ярости. — Тебе ясно было сказано: держаться подальше от торговцев шелком, торговцев пряностями и всех крупных гильдий!

Он зашагал взад-вперед с еще большей скоростью, чем прежде.

«Этак ты быстро протрешь ковер до дыр. И гильдиям придется покупать тебе новый».

— Ты подумал, скажите на милость! Так вот, ты должен его отпустить. Нам надо освободить его, а ты пока поразмысли над тем, как бы половчее да повежливее принести торговцам свои нижайшие извинения! Это черт

знает какой позор! Ты выставил меня на посмешище! Где он сейчас?

— Я оставил его в компании практика Инея.

— Что?! С этим косноязычным животным?! — Наставник в отчаянии рванул себя за волосы. — Что ж, вот мы и вляпались! Сейчас от него почти ничего не осталось! Мы не сможем отправить его обратно в таком состоянии! Все, Глокта, теперь с тобой покончено! Покончено! Я отправляюсь к архилектору! Прямоком к нему!

Массивная дверь кабинета распахнулась от мощного пинка, и внутрь ввалился Секутор с деревянным ларцом в руках.

«Минута в минуту».

Наставник уставился на вошедшего с разинутым ртом, от гнева потеряв дар речи. Секутор приблизился к столу и резко поставил ларец, глухо звякнувший при ударе.

— Какого черта? Что может означать это...

Секутор потянул на себя крышку, и Калин увидел деньги.

«Приятное зрелище, не правда ли?»

Калин умолк на середине тирады с полуоткрытым ртом. Лицо его выразило изумление, затем озадаченность, затем настороженность. Наконец он поджал губы и медленно опустился в кресло.

— Благодарю тебя, практик Секутор, — проговорил Глокта. — Ты можешь идти.

Наставник, задумчиво поглаживая бакенбарды, глядел, как Секутор идет к двери. Лицо Калина постепенно обретало свой обычный красный цвет.

— Конфисковано у Реуса, — объяснил Глокта. — Теперь это, разумеется, собственность короны. Я подумал, что должен отдать деньги вам как своему непосредственному начальнику, дабы вы передали их в казну.

«Или купил себе новый стол еще больше прежнего, жирная ты пиявка».

Глокта наклонился вперед, положив руки на колени.

— А в ответ на все обвинения вы можете сказать, что Реус зашел слишком далеко, что его поведение вызывало вопросы и пересуды и что пришла пора подать пример. В конце концов, мы ведь не можем допустить, чтобы люди решили, будто мы совсем ничего не делаем. А теперь крупные гильдии занервничают и станут держаться скромнее. — «Они занервничают, и ты выжмешь из них солидную прибавку». — И наконец, вы всегда можете сказать, что во всем виноват я, безумный калека. Валите все на меня.

Глокта видел, что наставнику это предложение пришлось по душе. Калин пытался не выдать своих чувств, но при виде такого количества денег его бакенбарды аж встопорщились.

— Ну хорошо, Глокта. Хорошо. Будь по-твоему. — Калин протянул руку и осторожно прикрыл крышку ларца. — Но если тебе снова придет в голову что-либо подобное... поговори сперва со мной, ладно? Не люблю сюрпризов.

Глокта неловко поднялся на ноги, прохромал до двери.

— Ах да, и еще одно!

Глокта настороженно повернулся. Калин сурово взирал на него из-под своих больших пышных бровей.

— Когда я пойду на встречу с торговцами шелком, мне нужно иметь при себе признание Реуса.

Глокта широко улыбнулся, открывая зияющую дыру на месте передних зубов.

— С этим не возникнет проблем, наставник.

Калин не ошибся: Реуса нельзя было отпускать в таком состоянии. Губы обильно кровоточили, бока покрывали быстро темнеющие кровоподтеки, голова свесилась набок, лицо распухло до неузнаваемости.

«Говоря коротко, он выглядит точь-в-точь как человек, готовый подписать признание».

— Сомневаюсь, что тебе понравились последние полчаса, Реус. Очень сомневаюсь, что они тебе понравились. Возможно, это были худшие полчаса в твоей жизни, хотя не могу утверждать наверняка. Однако я сейчас размышляю над тем, что еще мы можем тебе предложить, и понимаю одну печальную истину... Видишь ли, прошедшие полчаса были наилучшими. По сравнению с тем, что тебя ждет впереди, — это просто светская беседа! — Глокта наклонился, и его лицо оказалось в нескольких дюймах от кровавой каши, в которую превратился нос Реуса. — Практик Иней — девчонка рядом со мной, — шепнул он. — Безобидный котенок! Когда, Реус, тобой займусь я, прошедшие полчаса ты будешь вспоминать с тоской. Будешь умолять, чтобы я снова позволил тебе провести полчаса с моим практиком. Ты меня понимаешь?

Реус не издавал ни звука, не считая сипения, с которым воздух проходил через его сломанный нос.

— Покажи ему инструменты, — прошелестел Глокта.

Иней шагнул вперед и драматическим жестом раскрыл полированную коробку. Это была мастерски сделанная вещь, настоящее произведение

искусства. Как только крышка откинулась, множество находившихся внутри маленьких лотков приподнялись и разложились веером,ставляя на обозрение инструменты Глокты во всем их зловещем великолепии. Здесь были ножи всех размеров и форм, иглы изогнутые и иглы прямые, бутылочки с маслом и кислотой, гвозди и шурупы, тиски и клещи, пилы, молотки и стамески. Металл, дерево и стекло сверкали, отполированные до зеркального блеска и заточенные убийственно остро. Большая багровая припухлость почти полностью закрывала левый глаз Реуса, но своим правым глазом пленник заворуженно уставился на открывшуюся ему картину. Назначение одних инструментов было до ужаса очевидным, назначение других — пугающе неясным.

«Хотел бы я знать, чего он боится больше?»

— Кажется, у нас шла речь о твоём зубе, — промурлыкал Глокта. Глаз Реуса дернулся, переместившись на говорившего. — Или, быть может, ты предпочтешь сознаться?

«Он мой, он уже доходит. Ну же, признавайся, признавайся, признавайся...»

Раздался резкий стук в дверь.

«Да черт бы их всех побрал ещё раз!»

Иней приоткрыл щелку, слышался быстрый шепот. Реус облизнул вздувшуюся губу. Дверь закрылась, и альбинос наклонился к уху Глокты.

— Эфо арфи-экфор.

Глокта застыл.

«Денег не хватило. Пока я ковылял обратно от кабинета Калина, старый паскудник докладывал обо мне архилектору. И что же, со мной всё кончено? — При этой мысли он ощутил некое позорненькое возбуждение. — Ладно, но прежде я позабочусь об этой жирной свинье».

— Скажи Секутору, что я сейчас приду.

Глокта повернулся было к пленнику, но Иней положил большую белую ладонь на его плечо.

— Еф. Эфо арфи-экфор. — Иней показал на дверь. — Фам. Шейчаш.

Глокта ощутил, как у него подергивается веко.

«Здесь? Но зачем?»

Он с трудом поднялся, ухватившись за край стола.

«Быть может, это меня найдут завтра в канале? Мертвое, раздувшееся тело... Опознать его не будет никакой возможности».

Единственной эмоцией, которую он испытал при мысли об этом, была дрожь тихого облегчения.

«И никаких больше лестниц».

Архилектор инквизиции его величества стоял в коридоре за дверью. Его длинный белый камзол, белые перчатки, копна белых волос были столь ослепительно чисты, что засаленные стены за спиной казались бурыми. Архилектору перевалило за шестьдесят, но в нем не чувствовалось даже намек на дряхлость. Стройный, гладко выбритый, тонкокостный, он поддерживал свое тело в идеальном состоянии.

«Выглядит так, словно никогда ничему не удивляется».

Они уже встречались однажды, шесть лет назад, когда Глокта вступал в ряды инквизиции. С тех пор архилектор Сульт, один из самых могущественных людей Союза, ничуть не изменился.

«Один из самых могущественных людей мира, если уж на то пошло».

За спиной Сульта, как гигантские тени, маячили два огромных молчаливых практика в черных масках.

Когда Глокта вышел из комнаты, на лице архилектора появилась сухая улыбка. Она означала многое, эта улыбка: немного презрения и немного жалости, тончайший намек на угрозу. Все, что угодно, кроме веселья.

— Инквизитор Глокта, — проговорил Сульт, протягивая руку в белой перчатке ладонью вниз. На пальце сверкало кольцо с крупным багровым камнем.

— Служу и повинуюсь, ваше преосвященство.

Глокта не сумел сдержать гримасу, когда медленно нагнулся, чтобы прикоснуться губами к кольцу. Этот сложный и болезненный маневр, казалось, занял целую вечность. Когда Глокта наконец выпрямился, Сульт спокойно взирал на него своими холодными голубыми глазами. Взгляд архилектора означал, что он успел разложить Глоктору по косточкам и тот не произвел на него особого впечатления.

— Идемте со мной.

Архилектор развернулся и заскользил прочь по коридору. Глокта хромал следом, молчаливые практики шли сзади, практически вплотную. Сульт двигался с непринужденной, безразличной уверенностью, полы камзола изящно развевались за его спиной.

«Сволочь».

Вскоре они добрались до двери, сильно напоминавшей дверь кабинета самого Глокты. Архилектор отпер замок и вошел внутрь, практики заняли места по обе стороны двери, скрестив руки на груди.

«Значит, частная беседа. Возможно, она станет для меня последней».

И Глокта шагнул через порог.

Комната напоминала коробку, покрашенную изнутри белой штукатуркой, неудобную, со слишком ярким освещением и слишком низким

потолком. Вместо пятна сырости по стене проходила большая трещина, но в остальном кабинет архилектора ничем не отличался от кабинета Глокты. Здесь стоял такой же стол, покрытый зарубками, и те же дешевые стулья; на полу виднелось не до конца отчищенное пятно крови.

«Может быть, пятно просто нарисовали? Для усиления впечатления, так сказать?»

Внезапно один из практиков резко захлопнул дверь. Предполагалось, что Глокта должен был вздрогнуть, но он даже глазом не повел.

Архилектор Сульт грациозно опустился на одно из сидений и подвинул к себе через стол толстую папку, набитую пожелтевшими бумагами. Он махнул рукой в направлении второго стула — того, где обычно сидели заключенные; Глокта не пропустил аналогию.

— Я предпочитаю стоять, ваше преосвященство.

Сульт улыбнулся. У него были прекрасные, острые, ослепительно белые зубы.

— Неправда.

«Здесь он меня поддел».

Глокта отнюдь не грациозно опустился на стул для заключенных. Архилектор тем временем перевернул первую страницу из своей стопки документов, нахмурился и слегка покачал головой, словно был ужасно разочарован тем, что там увидел.

«Возможно, детали моей прославленной карьеры?»

— Меня не так давно посетил наставник Калин. Он более чем огорчен. — Жесткие голубые глаза Сульта поднялись от бумаг. — Его огорчили вы, Глокта. Он весьма красноречиво поведал мне о причине своего недовольства. Сказал, что вы являете собой неконтролируемую угрозу, что вы действуете без единой мысли о последствиях, что вы безумный калека. И требовал от меня удалить вас из его отделения. — Архилектор улыбнулся холодной зловещей улыбкой, в точности такой, какую сам Глокта практиковал на своих пленниках. «Правда, у него больше зубов». — Полагаю, он имел в виду, что вас следует удалить... совсем.

Они уставились друг на друга через стол.

«Видимо, здесь мне следует начать молить о пощаде? Припасть к земле и целовать тебе ноги? Однако все это слишком мало меня беспокоит, и я недостаточно гибок для коленопреклонения. Я встречу смерть сидя. Пусть твои практики перережут мне глотку, вобьют голову в плечи — все, что угодно. Просто не тяните».

Но Сульт не торопился. Облаченные в белые перчатки руки двигались аккуратно, размеренно; страницы шуршали и похрустывали.

— У нас в инквизиции очень немного людей, подобных вам, Глокта. Вы благородного происхождения, из прекрасной семьи. Великолепный фехтовальщик, лихой кавалерийский офицер. Человек, которого готовили для самых высоких назначений. — Сульт осмотрел его сверху донизу, словно с трудом мог поверить в это.

— Все это было до войны, архилектор.

— Разумеется. Когда вы попали в плен, скорбь была весьма велика, ведь надежды на то, что вас вернут обратно живым, практически не было. Война продолжалась, проходил месяц за месяцем, а надежда все таяла и в конце концов свелась почти к нулю. Однако после подписания мирного договора вы оказались в числе пленников, переданных Союзу. — Сульт воззрился на Глокту, сузив глаза. — Вы им что-нибудь рассказали?

Глокта не смог удержаться и разразился булькающим, пронзительным смехом, раскатившимся по гулкой холодной комнате. Странный звук. Не часто такое услышишь здесь, внизу.

— Рассказал ли я им что-нибудь? Да я говорил, пока не сорвал глотку! Я открыл им все, что только мог вспомнить. Я вопил, пока не выдал все тайны, какие когда-либо слышал! Я болтал, как деревенский дурачок. А когда у меня кончилось все, о чем я мог рассказать, я начал выдумывать. Я ссал под себя и плакал как девчонка! Все так делают.

— Но не все выживают. Два года в императорских тюрьмах... Все остальные не продержались и половины этого срока. Врачи были уверены, что вы больше никогда не встанете с постели, однако уже через год вы подали прошение о вступлении в инквизицию.

«Мы оба знаем это. Мы оба при этом присутствовали. Так чего же ты хочешь от меня, почему не приступаешь прямо к делу? Похоже, тебе очень нравится звук собственного голоса».

— Мне говорили, что вы калека, что вас сломали, что вы никогда не вылечитесь, что отныне вам нельзя доверять. Однако я хотел дать вам шанс. Турнир может выиграть любой дурак, но настоящие солдаты рождаются именно на войне. Однако ваше достижение — то, что вы сумели выжить и продержаться два года, — уникально. Поэтому вас послали на Север, чтобы присматривать там за одним из наших рудников. Что вы можете сказать об Индии?

«Грязная яма, до краев наполненная жестокостью и разложением. Тюрьма, где во имя свободы мы делаем рабами виновных и невинных. Вонючая дыра, куда мы посылаем тех, кого ненавидим и стыдимся, чтобы они умерли там от голода, болезней и тяжелого труда».

— Там было холодно, — произнес Глокта.

— И вы тоже были холодны. В Инглии вы завели себе очень немного друзей — почти никого из инквизиции и совсем никого из ссыльных. — Сульт выхватил потрепанное письмо, лежавшее среди бумаг, и окинул его критическим взглядом. — Наставник Гойл говорил мне, что вы холодны, как рыба, что в вас совсем нет крови. Он считал, что вы никогда ничего не добьетесь, и жаловался, что не может найти вам никакого применения.

«Гойл. Этот гад. Этот мясник. Лучше не иметь крови, чем совсем не иметь мозгов».

— Но спустя три года выработка на вашем руднике увеличилась. Фактически она увеличилась вдвое. Тогда вас вернули обратно в Адую и поместили под начало наставника Калина. Я думал, что, работая с ним, вы научитесь дисциплине, но, по-видимому, я ошибся. Вы упрямо стремитесь действовать по-своему. — Архилектор нахмурился и поднял взгляд на Глокту. — Откровенно говоря, мне кажется, что Калин вас боится. Они все вас боятся. Им не нравятся ваша самонадеянность, ваши методы, ваше... специфическое понимание сути нашей работы.

— А что думаете вы, архилектор?

— Честно? Ваши методы нравятся мне не больше, чем им, и я сомневаюсь, что ваша самонадеянность заслуженна. Но мне нравятся ваши результаты. Мне очень нравятся ваши результаты. — Архилектор резко захлопнул папку с бумагами и оперся на нее ладонью, наклонившись через стол к Глокте.

«Так же, как я наклоняюсь к своим заключенным, когда предлагаю им сознаться».

— У меня есть для вас работа, — продолжил Сульт. — Работа, которая станет лучшим применением для ваших талантов, нежели отлов мелких контрабандистов. Работа, которая позволит вам восстановить свое доброе имя в глазах инквизиции. — Архилектор сделал долгую паузу. — Я поручаю вам арестовать Сеппа дан Тойфеля.

Глокта нахмурился.

— Вы имеете в виду мастера-распорядителя монетного двора, ваше преосвященство?

— Его самого.

«Мастер-распорядитель королевского монетного двора. Влиятельный человек из влиятельной семьи. Очень крупная рыба. Слишком крупная, чтобы ловить ее в моем маленьком пруду. Рыба, имеющая могущественных друзей. Это очень опасно — арестовывать такого человека. Смертельно опасно».

— Позволено ли мне спросить почему?

— Нет, не позволено. Это моя забота. Сосредоточьтесь на том, чтобы вытащить из него признание.

— Признание в чем, архилектор?

— В коррупции и государственной измене, конечно же! Похоже, что наш друг мастер-распорядитель монетного двора был весьма опрометчив в некоторых своих частных действиях. Похоже, что он брал взятки. Что совместно с гильдией торговцев шелком он замыслил мошеннические операции в ущерб интересам короля. Было бы очень полезно, если бы какой-нибудь влиятельный член гильдии торговцев шелком случайно упомянул его имя в связи с каким-либо прискорбным вопросом.

«Вряд ли можно счесть простым совпадением то, что именно сейчас, когда мы разговариваем, один из влиятельных членов гильдии торговцев шелком сидит у меня в комнате для допросов».

Глокта пожал плечами:

— Когда у людей развязывается язык, на поверхность выплывают самые невероятные имена.

— Ну и хорошо. — Архилектор взмахнул рукой. — Можете идти, инквизитор. Я приду к вам за признанием Тойфеля завтра, в это же время. Лучше, чтобы к тому моменту оно у вас уже имелось на руках.

Тяжело дыша, Глокта брел по коридору обратно к своему кабинету.

«Вдох. Выдох. Спокойствие».

Он и не надеялся покинуть эту комнату живым.

«И вот теперь оказывается, что я причастен к судьбам сильных мира сего. Персональное поручение от архилектора Сульта: выбить признание в государственной измене у одного из самых важных чиновников Союза. Какие могущественные люди. Но долговечно ли их могущество? И почему именно я? Потому, что я умею это делать? Или потому, что мной можно пожертвовать?»

— Я приношу свои самые искренние извинения — сегодня нас постоянно прерывают. Входят, выходят. Просто бардак какой-то!

Реус скривил в печальной улыбке разбитые, вспухшие губы. «Улыбаться в такой момент — это просто чудо. Однако всему приходит конец».

— Будем откровенны, Реус. Никто не явится тебе на помощь. Ни сегодня, ни завтра, ни когда-либо потом. Ты подпишешь признание. Однако ты можешь выбрать — когда именно ты его подпишешь и в каком состоянии будешь к тому моменту. Ей-богу, если станешь тянуть время, ты ничего не приобретешь. Кроме мучений. Этого добра у нас предостаточно.

Трудно было различить выражение залитого кровью лица Реуса, но его плечи опустились. Дрожащей рукой он окунул перо в чернильницу и слегка наклонным почерком написал свое имя внизу листа с признанием.

«Я снова победил. И что, у меня меньше болит нога? Может, у меня снова выросли зубы? Помогло ли мне то, что я уничтожил человека, которого когда-то звал своим другом? Зачем же я делаю это?»

Скрип пера по бумаге был ему единственным ответом.

— Превосходно, — проговорил Глокта. Практик Иней передал ему лист. — А здесь что, список твоих соучастников?

Он лениво пробежал взглядом по именам: «Горстка младших торговцев шелком, три капитана кораблей, офицер городской стражи, пара незначительных таможенных служащих. До чего скучный рецепт. Не добавить ли нам немного перца?»

Глокта развернул лист и сунул его обратно через стол.

— Впиши имя Сеппа дан Тойфеля, Реус.

Толстяк в замешательстве посмотрел на него.

— Мастера-распорядителя монетного двора? — промямлил он распухшими губами.

— Именно.

— Но я никогда с ним не встречался!

— И что? — резко спросил Глокта. — Делай, как я тебе сказал.

Реус медлил, его рот был приоткрыт.

— Пиши, жирная свинья.

Практик Иней хрустнул суставами пальцев. Реус облизнул губы.

— Сепп... дан... Тойфель, — бормотал он, вписывая имя в лист.

— Превосходно. — Глокта аккуратно прикрыл крышкой свои ужасно прекрасные инструменты. — Я рад за нас обоих, что это нам сегодня не понадобится.

Иней защелкнул наручники на запястьях пленника, поставил его на ноги и повел к двери в заднем конце комнаты.

— И что теперь? — крикнул Реус через плечо.

— Инглия, Реус, Инглия. Не забудь прихватить с собой теплые вещи.

Иней вывел пленника, и дверь со скрипом затворилась. Глокта посмотрел на список имен, который держал в руках. Имя Сеппа дан Тойфеля стояло в самом низу.

«Одно имя. На первый взгляд ничем не отличается от остальных... Тойфель. Всего лишь еще одно имя. Но какое опасное...»

Секутор ждал его снаружи в коридоре, как всегда улыбаясь.

— Толстяка сплавим в канал?

— Нет, Секутор. Толстяка сплавим в Инглию на следующем же корабле.

— Вы сегодня милостиво настроены, инквизитор.

Глокта хмыкнул:

— Милостью был бы канал. Этот хряк не продержится на Севере и шести недель. Забудь о нем. Сегодня ночью нам предстоит арестовать Сеппа дан Тойфеля.

Секутор приподнял брови.

— Это не мастер-распорядитель монетного двора, случаем?

— Он самый. По чрезвычайному распоряжению его преосвященства архилектора Сульта. Похоже, он брал деньги у торговцев шелком.

— Ай-яй-яй, как не стыдно!

— Мы отправимся, как только стемнеет. Скажи Инею, чтобы был готов.

Худощавый практик кивнул, тряхнув длинными волосами. Глокта повернулся и заковылял по коридору; его трость клацала по замызганным плиткам пола, левая нога горела огнем.

«Зачем я делаю это? — снова и снова спрашивал он себя. — Для чего? Зачем?»

Никакого выбора

Логен проснулся и дернулся. Это неловкое движение наполнило тело болью. Он лежал в неудобной позе: шея вывернулась на чем-то твердом, колени подтянуты к груди. Логен приоткрыл припухшие глаза. Вокруг было темно, но откуда-то просачивался слабый отблеск — свет сквозь толщу снега.

Логен ощутил укол паники. Теперь он знал, где находится. Перед тем как забраться в эту крошечную пещеру, он сгреб ко входу побольше снега, чтобы удержать внутри тепло. А пока он спал, опять началась метель, и вход засыпало. Если снега навалило много — сугробы в рост человека, — то Логен никогда не выберется отсюда. Неужели он карабкался вверх из долины лишь для того, чтобы умереть в тесной дыре, где нельзя даже вытянуть ноги?

В отчаянии Логен принялся барахтаться в узком пространстве: разгребал сугроб онемевшими руками, двигался в снегу, сражался с ним, наносил яростные удары, бормотал под нос глухие проклятья. Свет хлынул в пещеру внезапно и пронзительно ярко. Логен отшвырнул последние комья снега и протиснулся наружу, на свежий воздух.

Небо было сверкающе-голубым, над головой пылало солнце. Логен поднял к нему лицо, закрыв слезящиеся глаза, и позволил свету омыть себя. Воздух в гортани был холодным до боли, он резал горло. Рот Логена пересох, словно туда набилась пыль, язык превратился в шершавый кусок дерева. Он зачерпнул пригоршню снега и затолкал в рот. Снег растаял, и Логен проглотил воду — такую холодную, что у него заболела голова.

Откуда-то несло кладбищенским зловонием, и это был не только его собственный запах, сам по себе достаточно мерзкий, — дух сырости и прокисшего пота. Смердело гниющее одеяло. Два его куса Логен обернул вокруг кистей и подвязал у запястий бечевкой наподобие варежек, а еще один намотал на голову, словно грязный вонючий башлык. Башмаки он туго набил лоскутами, а остатки ткани в несколько слоев накрутил на тело под курткой. Запах был отвратительный, но этой ночью одеяло спасло ему жизнь, и Логен считал, что дело того стоило. Вонь еще усилится, прежде чем он сможет позволить себе избавиться от лохмотьев.

Бултыхаясь в сугробе, Логен поднялся на ноги и осмотрелся вокруг. Узкую долину с крутыми склонами завалил снег. Ее окружали три могучие вершины — горы из темно-серого камня и белого снега на фоне синего

неба. Он знал их. Можно сказать, это были его старые друзья, единственные, что у него остались: он наконец-то добрался до Высокогорья. Это крыша мира. Здесь надежное место.

— Надежное, — прохрипел он, но без особой радости.

Место, надежно защищенное от всего. От еды. И от тепла. Может, он и убежал от шанка, но здесь земля мертвецов, и если он останется в горах, то присоединится к ним.

Надо сказать, его мучил зверский голод. Желудок был словно большая дыра, наполненная болью и взывавшая к нему, издавая пронзительные вопли. Порывшись в мешке, Логен вытащил последнюю полоску мяса — старую, бурую, лоснящуюся, похожую на высохший сучок. Вряд ли она заполнит пустоту, но выбора не было. Логен разорвал зубами крепкое, как кожа старого сапога, мясо и затолкал его в глотку вместе с горстью снега.

Прикрыв глаза ладонью, Логен посмотрел вниз на север, в долину, откуда пришел днем раньше. В ту сторону почва медленно понижалась: снег и скалы уступали место поросшим сосной заболоченным горным долинам, леса сменялись бугристой полосой пастбищ, а травянистые холмы выходили к морю — сверкающей ленте у далекого горизонта. Дом. При мысли об этом Логен почувствовал дурноту.

Дом. Там жила его семья. Отец — мудрый и сильный, хороший человек, хороший вождь для своего народа. Его жена, его дети. У Логена была прекрасная семья, и они заслуживали лучшего сына, лучшего мужа, лучшего отца. Его друзья тоже остались там — и старые, и новые. Как хотелось бы снова увидеть их всех! Побеседовать с отцом в длинном зале. Поиграть с детьми, посидеть с женой возле речки. Поговорить с Тридуба о тактике. Поохотиться с Ищейкой в горных долинах, проламываясь сквозь лес с копьём в руках и хохоча во все горло.

Логена мучительно потянуло домой, и он чуть не задохнулся от боли. Одна беда: все они умерли. Зал превратился в груды обгоревших бревен, речка — в канаву. Логен никогда не забудет, как поднялся на холм и увидел перед собой в долине дымящиеся руины. Как он ползал среди головешек, выискивая малейшие признаки того, что хоть кому-нибудь удалось спастись, а Ищейка тянул его за плечо и убеждал бросить эту затею. Ничего, кроме трупов, истлевших до неузнаваемости. Потом он перестал искать следы. Они все мертвы. Мертвы безвозвратно, ведь шанка всегда убивают наверняка. Он сплюнул в снег; слюна стала коричневой от вяленого мяса. Мертвые, холодные, разложившиеся трупы или обугленные головешки. Вернулись в грязь.

Логен скрипнул зубами и сжал кулаки, обмотанные гниющими

лоскутами одеяла. Он мог бы в последний раз в одиночку вернуться к развалинам деревни на берегу моря. Мог бы ринуться вниз с боевым кличем в глотке, как делал это в Карлеоне, где потерял палец и прославил свое имя. Мог бы избавить мир от нескольких шанка. Разрубить их надвое, как разрубил Шаму Бессердечного — от плеча до брюха, так что кишки вывалились наружу. Мог бы отомстить за отца, за жену и детей, за друзей. Это подходящий конец для того, кого называли Девять Смертей. Умереть, убивая. Вот песня, достойная того, чтобы ее спеть.

Но в Карлеоне он был молодым и сильным, и его окружали друзья. Теперь же он слаб, голоден и настолько одинок, насколько это вообще возможно. Шаму Бессердечного он убил длинным мечом, острым как бритва. Логен взглянул на свой нож: хотя нож и неплох, с таким клинком мщение будет очень кратким. Да и кто споет об этом? Даже если шанка опознают его в вонючем оборванце, которого нашьпигуют стрелами, все равно — у них неважно со слухом, а с воображением и того хуже. Пожалуй, мщение подождет. По крайней мере, до тех пор, пока Логен не раздобудет клинок подлиннее. В конце концов, надо смотреть правде в глаза.

Значит, на Юг, странствовать. Для человека с его навыками дело везде найдется; может быть, тяжелое и грязное, но все-таки дело. В этом даже есть нечто привлекательное: ты отвечаешь лишь за себя самого, ни за кого ничего не решаешь, ничья жизнь или смерть не подвластны тебе. На Юге у Логена есть враги, безусловно. Но с врагами Девять Смертей встречался и прежде.

Он еще раз сплюнул. Когда во рту хватает слюны для плевок, это уже полдела. Значит, и с остальным как-нибудь справимся. Ведь больше у Логена ничего, почитай, и не было — лишь слюна, старый котелок да несколько вонючих лоскутов одеяла. Умереть на Севере или жить на Юге, вот к чему сводится выбор. То есть, на самом деле, нет никакого выбора.

Надо просто жить дальше. Так Логен поступал всегда. Это следующая цель сразу после того, как ты сумел избежать смерти, и не важно, заслуживаешь ты жизни или нет. Ты вспоминаешь своих мертвых, говоришь о них несколько добрых слов. А потом продолжаешь жить и надеешься на лучшее.

Логен вдохнул большую порцию холодного воздуха и резко выдохнул.

— Прощайте, друзья, — пробормотал он.

Потом перебросил мешок через плечо, повернулся и начал пробираться сквозь глубокий снег. Вниз, на Юг, прочь от гор.

По-прежнему шел дождь — тихий дождь, который окутывал все

вокруг холодной росой, оседал на ветвях, на листьях, на хвое и лился оттуда крупными каплями, просачивавшимися сквозь мокрую одежду Логена и струящимися по коже.

Логен притаился в сыром кустарнике, неподвижный и безмолвный; вода стекала по его лицу, по сверкавшему от влаги лезвию ножа. Он ощущал все движения леса, слышал все его голоса, тысячи звуков: возню тысяч насекомых, слепое копошение кротов, осторожные шаги оленей, медленное перетекание сока в стволах старых деревьев. Каждое живое существо искало пищу себе по вкусу, и Логен занимался тем же. Он сосредоточился на звере, настороженно пробиравшемся сквозь лес неподалеку, справа. Из него выйдет отличная еда. Лес затих, не считая бесконечного шелеста капель, срывавшихся с веток. Мир съежился, сократился до Логена и его будущей трапезы.

Сочтя, что добыча подошла достаточно близко, Логен прыгнул вперед и повалил зверя на сырую землю. Это оказался молодой олень. Животное лягалось и боролось, но Логен был сильным и быстрым. Он ударил зверя ножом в шею и перерезал ему горло. Горячая кровь струей хлынула из раны на руки охотника и мокрую землю.

Логен поднял тушу и закинул ее на плечи. Из этого мяса выйдет хорошая похлебка; быть может, удастся собрать немножко грибов. Отлично. А потом, после еды, Логен попросит указаний у духов. Эти указания, как правило, совершенно бесполезны, но подсказка духов не помешает.

Когда он добрался до лагеря, солнце уже клонилось к закату. Место для ночлега соответствовало могучему телосложению Логена: два больших шеста поддерживали навес из сырых веток над ямой в земле. Внутри было почти сухо, к тому же дождь прекратился. Сегодня вечером Логен разожжет костер. Очень давно он не позволял себе такой роскоши: настоящий костер — только для себя.

Логен поел и отдохнул, а потом набил трубку чаггой. Он нашел эти грибы несколько дней назад, они росли на древесном стволе возле самой земли — большие, пропитанные влагой желтые пластины. Логен тогда отломил себе здоровый кусок, но курить до сегодняшнего дня не мог — чагга была недостаточно сухой. Теперь он взял у костра горящий сучок, поднес его к трубке и принялся старательно втягивать воздух, пока гриб не затлел, испуская знакомый земليсто-сладковатый аромат.

Логен закашлялся, выпустил струю бурого дыма и уставился в колышущиеся языки пламени. Его ум обратился вспять, к другим временам и другим кострам. Вот Ищейка: он ухмыляется, и свет поблескивает на его

острых зубах. Напротив сидит Тул Дуру, огромный, как гора, и хохочущий, словно гром. Форли Слабейший тоже здесь, глаза его, как всегда, нервно бегают, он слегка напуган. И Рудда Тридуба, и Хардинг Молчун — он вечно молчал, поэтому его так и прозвали.

Все они явились сюда, но на самом деле их нет. Они мертвы, вернулись в грязь. Логен выбил трубку в костер и спрятал ее. Он потерял вкус к курению. Отец был прав: нельзя курить в одиночку.

Он отвинтил колпачок помятой фляги, набрал в рот жидкости и выдул ее в костер облачком мелких капель. Поток пламени взвился вверх, в холодный воздух. Логен обтер губы, наслаждаясь жгучим резким вкусом. Потом откинулся назад, опершись спиной на узловатый сосновый ствол, и стал ждать.

Они пришли не сразу. Их было трое. Они молча вышли из пляшущих теней среди деревьев и медленно двинулись к костру, обретая форму по мере того, как выходили на свет.

— Деятипалый, — произнес первый.

— Деятипалый, — сказал второй.

— Деятипалый, — заговорил третий.

Их голоса были подобны тысяче звуков леса.

— Приветствую вас у своего костра, — отозвался Логен. Духи присели на корточки и уставились на него без всякого выражения. — Сегодня вас только трое?

Тот, что сидел справа, ответил первым:

— Каждый год все меньше нас пробуждается после зимы. Сейчас остались одни мы. Пройдет еще несколько зим, и мы тоже не проснемся. Тогда никто не ответит на твой зов.

Логен печально кивнул и спросил:

— Есть новости из большого мира?

— Мы слышали о человеке, который упал с обрыва, но был вынесен на берег живым. После этого он пересек Высокогорье в самом начале весны, замотавшись лишь в гнилое одеяло. Но мы не верим слухам.

— Очень мудро.

— Бетод затевает войну, — сообщил дух, сидевший посередине.

Логен нахмурился:

— Бетод всегда затевает войну. Это его любимое занятие.

— Верно. С твоей помощью он выиграл столько битв, что пожаловал себе золотую шапку.

— Ну и черт с ним, с этой сволочью. — Логен сплюнул в костер. — Что еще?

— К северу от гор много шанка, они жгут все, что попадает на пути.

— Шанка любят огонь, — заметил дух посередине.

— Верно, — согласился тот, что сидел слева. — Любят его даже больше, чем любит твое племя, Девятипалый. Они и любят его, и страшатся. — Дух наклонился вперед. — Мы слышали, на пустошах к югу отсюда один человек ищет тебя.

— Могушественный человек, — сказал тот, что сидел в центре.

— Маг из древних времен, — добавил сидевший слева.

Логен нахмурился. Он слышал о магах. Однажды ему довелось встретиться с заклинателем, но того «волшебника» оказалось легко убить — он не обладал никакими чудесными способностями; во всяком случае, Логен их не заметил. Однако маг — это нечто иное.

— Мы слышали, что маги мудры и сильны, — проговорил дух, сидевший посередине, — и что они могут взять человека в далекое путешествие и показать ему множество вещей. Кроме того, они лукавы и у них свои цели.

— Чего он хочет?

— Спроси его сам.

Духов мало заботили дела людей, и они всегда были слабоваты в деталях. Но это лучше, чем обычная трепотня про деревья.

— Что ты собираешься делать, Девятипалый?

Логен с минуту думал.

— Пойду на Юг, разыщу того мага и спрошу его, чего он от меня хочет.

Духи кивнули. Нельзя было понять, считают они это хорошей идеей или плохой. Им было все равно.

— Что ж, прощай, Девятипалый, — произнес дух, сидевший справа. — Возможно, мы больше не увидимся.

— Да уж, попытаюсь справиться без вас.

Однако иронию Логена не оценили. Духи поднялись и двинулись прочь от костра, постепенно растворяясь в темноте. Вскоре они исчезли. Тем не менее Логен должен был признать, что они принесли больше пользы, чем он смел надеяться. Они показали ему цель.

Утром он отправится на Юг и разыщет мага. Кто знает, вдруг тот окажется хорошим собеседником? Во всяком случае, это лучше, чем пасть под вражескими стрелами, не получив ничего взамен. Логен глядел в огонь и тихо кивал сам себе.

Он вспоминал другие времена и другие костры, у которых он сидел не один.

Игра с ножами

В Адуде стоял восхитительный весенний день. Солнце сияло сквозь ветви ароматного кедра, отбрасывая пятнистую тень на игроков, что расположились внизу во дворе. То и дело налетал ласковый ветерок, так что карты приходилось крепко держать в руках или прижимать к столу бокалами и монетами. На деревьях щебетали птицы, а с дальнего конца лужайки доносилось шелканье ножниц садовника, отражавшееся тихим благозвучным эхом между высоких белых зданий. Радовала ли игроков куча монет в центре стола, зависело от того, какие карты имелись на руках у каждого.

Капитана Джебзала дан Луфара деньги, несомненно, радовали. С тех пор как его назначили в личную королевскую охрану, он открыл в себе исключительный талант в области карточной игры — талант, позволявший ему выигрывать крупные суммы. Капитан, конечно же, не нуждался в деньгах, поскольку его семья была богата. Однако карты помогали ему скрыть от родных свою расточительность, хотя он швырялся деньгами, как моряк. Дома отец донимал всех разговорами о том, как разумно Джебзаль распоряжается своими средствами, а полгода назад старик купил ему в награду капитанский чин. Братья не слишком обрадовались этому... О да, деньги еще никому не мешали, и нет более приятной забавы, чем унижать своих близких.

Джебзаль полулежал на скамье, вытянув одну ногу вперед, и скользил взглядом по лицам других игроков. Майор Вест наклонил свой стул так далеко назад, раскачивая его на двух ножках, что рисковал вот-вот рухнуть на землю. Он поднял к солнцу бокал, любуясь игрой света в янтарной жидкости. На его лице играла легкая загадочная улыбка, словно он думал: «Я не дворянин и, может быть, ниже вас по социальному положению, но я победил на турнире и добился милости короля на поле битвы. Значит, я лучший, а вы, детки, черт вас побери, делайте то, что я вам говорю». Впрочем, сегодня карта ему не шла. По мнению Джебзала, майор слишком осторожничал со ставками.

Лейтенант Каспа, наклонившись вперед, хмурился и теребил свою песочного цвета бородку; он пристально вглядывался в карты, будто решал сложную арифметическую задачу. Этот жизнерадостный молодой человек ничего не смыслил в игре и всегда был чрезвычайно благодарен Джебзалю, когда тот покупал ему выпивку на его же собственные деньги. Однако

Каспа вполне мог позволить себе проигрывать: отец лейтенанта был одним из крупнейших землевладельцев Союза.

Джезаль часто замечал, что глуповатые люди, очутившись в компании людей поумнее, начинают строить из себя ну совершенных тупиц. Поскольку высокое положение им не светит, они охотно занимают позицию симпатичных идиотов, которые ни с кем не спорят (в спорах они обречены на поражение) и поэтому становятся всеобщими друзьями. Сосредоточенное выражение лица Каспы как будто говорило: «Я не умен, но честен и мил, что гораздо более важно. Ведь люди переоценивают значение ума. А еще я очень, очень богат, так что меня все любят».

— Я, пожалуй, поддерживаю, — сказал наконец Каспа и кинул на стол столбик серебряных монет.

Деньги с веселым звоном рассыпались, сверкая на солнце. Джезаль рассеянно подвел в уме итог. Может, новый мундир? Каспа всегда начинал слегка дергаться, когда к нему приходила хорошая карта, а сейчас он был абсолютно спокоен. Вряд ли блефует; скорее всего, ему просто надоело сидеть вне игры. Джезаль не сомневался, что Каспа сломается уже на следующем круге ставок.

Лейтенант Челенгорм насупился и швырнул карты на стол.

— У меня сегодня сплошное дерьмо! — прогремел он и откинулся на спинку стула, ссутулив могучие плечи.

Его хмурая мина означала: «Я силен и отважен, у меня пылкий нрав, поэтому все должны обходиться со мной почтительно». Однако именно почтения за карточным столом он так и не дождался. Пылкий нрав уместен в битве, а в денежных делах от него лишь неприятности. Если бы Челенгорм играл хоть немного лучше, Джезаль не выманил бы у него половину жалованья. Лейтенант одним глотком осушил бокал и снова потянулся к бутылке.

Значит, остается только Бринт, самый молодой и самый бедный в их компании. Он облизывал губы, и лицо его выглядело одновременно осторожным и отчаянным. Казалось, оно говорило: «Я не так уж молод и беден. Я могу позволить себе проиграть эти деньги. Я значу ничуть не меньше, чем вы все».

У него сегодня была куча монет — возможно, он как раз получил жалованье, и на эти деньги ему предстояло жить пару месяцев. Джезаль планировал отобрать у него серебро и потратить все без остатка на женщин и выпивку. При мысли об этом он с трудом удержался от смеха. Смеяться он будет, когда выиграет партию. Бринт откинулся назад, тщательно обдумывая ход. Ему нужно время, чтобы принять решение, и Джезаль взял

со стола свою трубку.

Он прикурил от лампы, стоявшей здесь специально для этого, и выпустил несколько неровных колечек дыма вверх, в ветки кедра. Курение, к сожалению, давалось ему далеко не так легко, как игра в карты: кольца представляли собой безобразные клубы желтовато-бурого дыма. Если быть до конца честным, ему не нравилось курить — от трубки его начинало подташнивать. Однако это было весьма стильно и очень дорого, а Джекзаль не мог упустить что-либо стильное только потому, что оно ему не нравится. В последний раз, когда он был в городе, отец купил ему замечательную трубку слоновой кости, чему братья Джезала тоже не очень-то обрадовались.

— Я в игре, — заявил Бринт.

Джекзаль скинул ногу со скамьи.

— Тогда я поднимаю на сотню марок или что-то около того.

Он сдвинул весь свой выигрыш в центр стола. Вест втянул воздух через зубы. Одна монетка соскользнула с верхушки груды, приземлилась на ребро и покатилась по деревянной столешнице. Она упала на каменные плиты с безошибочно узнаваемым звуком падающих денег. Голова садовника на том конце лужайки инстинктивно дернулась вверх, но он тут же вернулся к траве, которую подстригал.

Каспа отпихнул от себя карты так, словно они жгли его пальцы, и покачал головой.

— Черт побери, все-таки в картах я сущий болван! — пожаловался он и откинулся назад, опершись спиной о шершавый темный ствол дерева.

Джекзаль в упор смотрел на лейтенанта Бринта с легкой улыбкой, не выдававшей ничего.

— Он блефует, — проворчал Челенгорм. — Не позволяй ему надуть тебя, Бринт!

— Не делайте этого, лейтенант, — предупредил Вест.

Но Джекзаль знал, что Бринт это сделает — ведь он хочет казаться человеком, который может позволить себе проиграть. Бринт не стал колебаться и небрежным эффектным жестом тоже сдвинул свои деньги в центр стола. Все прекрасно знали, что он не может позволить себе проиграть.

— Здесь около сотни, немного больше или меньше.

Бринт очень старался говорить уверенно перед лицом старших офицеров, но в голосе его слышалась истерическая нотка.

— Пойдет, — сказал Джекзаль, — ведь здесь все друзья. Итак, что у вас, лейтенант?

— У меня земля.

Глаза Бринта мерцали лихорадочным блеском, когда он открывал карты другим игрокам.

Джезаль наслаждался напряженностью момента. Он нахмурился, пожал плечами, поднял брови. Задумчиво почесал голову. Посмотрел на Бринта, выражение лица которого менялось в зависимости от мимики самого Джезала: надежда, отчаяние, надежда, отчаяние. Наконец выложил карты на стол.

— О, взгляните-ка! У меня снова солнца.

На Бринта было жалко смотреть. Вест вздохнул и покачал головой. Челенгорм сдвинул брови.

— Я и не сомневался, что он блефует, — проворчал он.

— Как ему это удастся? — спросил Каспа, щелчком посылая откатившуюся в сторону монетку через стол. Джезаль пожал плечами.

— Надо уметь играть, сами карты ничего не значат.

Он принялся сгребать со стола кучу серебра. Бринт смотрел на него, стиснув зубы, с побледневшим лицом. Деньги сыпались в кошель с приятным звоном — приятным для Джезала, во всяком случае. Одна из монет упала со стола рядом с сапогом Бринта.

— Не могли бы вы передать ее мне, лейтенант? — спросил Джезаль, сладко улыбаясь.

Бринт резко поднялся, задев стол. Монеты и бокалы подпрыгнули и задребезжали.

— У меня много дел, — невнятно проговорил он и протиснулся мимо Джезала, толкнув его так, что тот отлетел к стволу дерева. С поникшей головой Бринт прошагал в дальний конец двора и скрылся в офицерских казармах.

— Нет, вы видели это? — Негодование Джезала возрастало с каждой секундой. — Видели, как он меня толкнул? Черт возьми, это очень грубо! А ведь я к тому же старше его по званию! Я всерьез подумываю написать на него рапорт. — Упоминание о рапорте встретило хор неодобрительных возгласов. — Ну, как бы то ни было, он не умеет проигрывать.

Челенгорм сурово взглянул на него из-под бровей.

— Ты не должен был так зло шутить над ним. Он небогат и не может позволить себе проигрывать.

— Ну, если он не может позволить себе проигрывать, не надо играть! — отрезал Джезаль, выведенный из себя. — Кто ему сказал, что я блефую? Ты мог бы держать свой большой рот на замке.

— Он новенький, — поддержал Вест. — Не хочет отставать от всех.

Разве вы сами не были новичком?

— А вы что, мой отец?

Джезаль вспоминал о том времени, когда сам был новичком, с болезненной остротой, и сейчас упоминание об этом вызвало у него чувство стыда. Каспа взмахнул рукой:

— Я одолжу ему немного денег, не стоит так волноваться.

— Он не возьмет, — возразил Челенгорм.

— Ну это уж его дело. — Каспа закрыл глаза и подставил лицо солнцу. — Жарко. Зима действительно закончилась. Должно быть, уже за полдень.

— Черт! — вскричал Джезаль, вскакивая и собирая свои вещи. Садовник перестал стричь траву и посмотрел в их сторону. — Почему вы мне ничего не сказали, Вест?

— А я что, ваш отец? — отозвался майор.

Каспа хихикнул.

— Опять опоздал, — сказал Челенгорм, надувая щеки. — Лорд-маршал будет недоволен!

Джезаль подхватил свои рапиры для фехтования и бросился бежать к дальнему концу лужайки. Майор Вест не спеша шел за ним.

— Пойдемте же! — крикнул Джезаль.

— Я иду, капитан, — откликнулся тот. — Следом за вами.

— Выпад! Выпад, Джезаль, выпад! — гаркнул лорд-маршал Варуз, хлестнув капитана по руке своей тростью.

— Оу! — взвизгнул Джезаль, вновь поднимая металлический брус.

— Я хочу видеть, что ваша правая рука работает, капитан! Что она бросается вперед, словно змея! Я хочу, чтобы ваши руки ослепили меня своей скоростью!

Джезаль проделал пару неуклюжих тычков неподъемным куском железа. Это было мучительно. Пальцы, запястье, предплечье, плечо горели от напряжения, он взмок, пот катился с его лица крупными каплями. Маршал Варуз без усилий отражал его жалкие потуги.

— А теперь удар! Слева!

Джезаль изо всех сил замахнулся большим кузнечным молотом, который держал в левой руке, целя старику в голову. Капитан с трудом мог поднять эту чертову штуковину, даже будь он в наилучшей физической форме. Маршал Варуз легко отступил в сторону и хлестнул его тростью по лицу.

— Ау! — взвыл Джезаль, пятясь назад. Он выронил молот, и тот упал

ему на ногу. — А-а!

Железный брус с грохотом полетел на пол; Джезаль согнулся к горящим болью пальцам ног, но тут же ощутил резкую боль в ягодицах — это Варуз огрел его тростью с резким щелчком, раскатившимся по двору, — и распластался на земле лицом вниз.

— Жалкое зрелище! — вскричал старик. — Вы позорите меня перед майором Вестом!

Майор сидел, откинувшись назад вместе со стулом и трясясь от приглушенного хохота. Джезаль уставился на безупречно отполированные сапоги маршала, не ощущая никакого желания встать.

— Поднимайтесь, капитан Луфар! — крикнул Варуз. — Если не ваше, то мое время дорого!

— Хорошо, хорошо!

Джезаль с трудом поднялся на ноги и выпрямился под жарким солнцем. Насквозь пропотевший, он пошатывался и хватал ртом воздух. Варуз подошел к нему вплотную и принялся к его дыханию.

— Вы что, выпивали сегодня? — требовательно спросил он, топорща седые усы. — И вчера вечером тоже, без сомнения!

Джезаль не отвечал.

— Черт вас побери! У нас много работы, капитан Луфар, и я не могу делать ее в одиночку! До турнира осталось четыре месяца. Четыре месяца на то, чтобы сделать из вас хорошего фехтовальщика.

Варуз ждал ответа, а Джезаль никак не мог ничего придумать. На самом деле он занимался этим только для того, чтобы угодить отцу. Однако вряд ли старый солдат обрадовался бы такому объяснению, а сам Джезаль предпочел бы обойтись без еще одного удара.

— Ну! — гаркнул ему в лицо Варуз и отвернулся, обеими руками крепко сжимая тросточку за спиной.

— Послушайте, мар... — начал Джезаль, но прежде чем он произнес слово, старый солдат развернулся и ткнул его прямо в живот. Джезаль выдохнул и упал на колени.

Варуз подошел и встал над ним.

— Вам предстоит совершить для меня небольшую пробежку, капитан.

— А-а-а...

— Предстоит пробежаться отсюда до Цепной башни. И бегом подняться наверх, до парапета. Мы узнаем, когда вы прибудете туда, поскольку мы с майором в это время будем наслаждаться приятной игрой в квадраты здесь, на крыше, — он показал на шестизэтажное здание позади себя, — откуда открывается превосходный вид на верхушку башни. Я

смогу наблюдать за вами при помощи моей подзорной трубы, так что на сей раз никакого мошенничества! — И он хлестнул Джезаль по макушке.

— О! — вскрикнул Джезаль, потирая голову.

— Показавшись нам на крыше, вы побежите обратно. Вы будете бежать так быстро, как только можете. И вы действительно постараетесь, потому что, если вы не успеете вернуться к концу нашей игры, то побежите снова. — Джезаль вздрогнул. — Майор Вест превосходно играет в квадраты, так что мне потребуется около получаса, чтобы побить его. Я предлагаю вам выдвигаться в путь немедленно.

Джезаль, шатаясь, поднялся и припустил рысцей к арке в дальнем конце двора, бормоча проклятия.

— Такой скорости недостаточно, капитан! — крикнул вслед ему Варуз.

Ноги Джезаль были словно налиты свинцом, но он заставлял их двигаться.

— Выше колени! — весело подбодрил его майор Вест.

Джезаль протопал по проходу мимо ухмыляющегося привратника у двери и выбежал на широкий проспект. Прорысил мимо увитых плющом стен Университета, тяжело дыша и вполголоса проклиная Варуза и Веста, миновал здание Допросного дома — почти без окон, с накрепко запертой массивной парадной дверью. Ему встретилось несколько некрасивых служащих, спешивших по своим делам. В это вечернее время в Агрионте было тихо, и Джезаль не увидел никого достойного внимания, пока не добрался до парка.

Три блестящие молодые дамы сидели возле озера в тени раскидистой ивы; их сопровождала пожилая дуэнья. Джезаль незамедлительно прибавил шага, заменив мученическое выражение лица на беззаботную улыбку.

— Дамы! — приветствовал он их, проносясь мимо. Он услышал, как они пересмеиваются за его спиной, и молча поздравил себя, но, оказавшись вне поля их зрения, сразу сбросил скорость как минимум наполовину.

«Черт с ним, с Варузом», — сказал он себе, замедляя темп почти до ходьбы на повороте в аллею Королей, но тут же был вынужден снова прибавить скорость: в двадцати шагах от него стоял кронпринц Ладислав со своей многочисленной пестро разодетой свитой.

— А, капитан Луфар! — вскричал его высочество, сверкая великим множеством безобразных золотых пуговиц. — Бегите, бегите изо всех сил! Я поспорил на тысячу марок, что вы выиграете турнир!

Джезаль знал из надежных источников, что принц поставил две тысячи марок на Бремера дан Горста. Тем не менее капитан поклонился так низко, насколько это возможно на бегу. Сопровождавшие принца хлыщи и

щеголи разразились вялыми подбадривающими криками ему вслед.

— Ничтожные болваны! — прошипел Джезаль себе под нос, хотя был бы не прочь стать одним из них.

Он миновал огромные каменные изваяния правивших четыреста лет высоких королей и статуи их верных сподвижников, размером поменьше. Перед поворотом на площадь Маршалов он пробежал мимо статуи великого мага Байяза. Джезаль кивнул ему, но волшебник продолжал хмуриться столь же неодобрительно, как и всегда. Величественное изваяние внушало благоговейный трепет, и этот эффект лишь чуть-чуть умаялся при виде белых следов голубинового помета на каменной щеке мага.

Поскольку открытый совет в это время заседал, площадь была почти пуста, и Джезаль получил возможность не спеша пройти до ворот Палаты военной славы. Коренастый сержант кивнул ему, и капитан подумал, не из его ли роты этот солдат — но ведь нижние чины все на одно лицо. Не ответив на приветствие, Джезаль побежал дальше между высокими белыми зданиями.

— Ну прекрасно! — пробормотал он, когда увидел, что возле дверей Цепной башни сидят Челенгорм и Каспа.

Они курили трубки и пересмеивались. Эти гады, должно быть, догадались, что он побежит сюда.

— За честь и славу! — провозгласил Каспа, гремя мечом в ножнах, в то время как Джезаль пробегал мимо. — Не заставляй лорд-маршала ждать! — крикнул он вслед, и ему вторил восторженный рев здоровяка Челенгорма.

— Чертовы идиоты, — пропыхтел Джезаль, распахивая плечом тяжелую дверь.

Хрипло дыша от напряжения, он стал взбираться по крутой спиральной лестнице. Это была одна из самых высоких башен в Агрионте, и подняться ему предстояло на двести девяносто одну ступеньку.

«Проклятая лестница!» — ругался Джезаль про себя.

Когда он добрался до сотой ступени, его ноги горели, а грудь тяжело вздымалась. На двухсотую он поднимался едва живой. Остальную часть пути он прошел шагом, и каждый шаг был мучением. Наконец через башенку он выбрался на крышу и оперся на парапет, моргая на неожиданно ярком солнце.

Внизу, к югу от него, расстился город — бесконечный ковер белых домов, простирающийся до самого сверкающего залива. В противоположном направлении открывался вид на Агрионт, еще более

впечатляющий: огромное скопище величественных зданий, громоздившихся друг на друга, перемежалось зелеными лужайками и большими деревьями. Их окружал широкий ров и высокая стена, усеянная сотней горделивых башен. Аллея Королей прорезала его центр и вела к Кругу лордов со сверкающим на солнце бронзовым куполом. Позади возвышались стройные шпили Университета, а за ними маячила зловещая громада Дома Делателя. Подобно черной горе, она высоко возносилась над остальными зданиями и отбрасывала на них длинную тень.

Джезалю показалось, что он увидел на расстоянии отблеск подзорной трубы маршала Варуза. Он снова выругался и повернулся к лестнице.

Джезаль почувствовал огромное облегчение, когда наконец добрался до крыши и увидел, что на доске еще остается несколько белых фигур.

Заметив его, маршал Варуз нахмурился.

— Вам очень повезло: майор Вест разыграл исключительно сложную партию. — Лицо Веста прорезала широкая улыбка. — Должно быть, вам уже удалось заслужить его уважение. Но мое вам только предстоит завоевать.

Джезаль наклонился вперед, упершись ладонями в колени. Он тяжело дышал, с него капал пот. Варуз поднял со стола длинный футляр и раскрыл его перед Джезалем.

— Покажите нам позиции.

Капитан взял короткий клинок в левую руку, а длинный — в правую. После тяжелого железа они казались легкими как перышки. Маршал Варуз отступил на шаг назад и скомандовал:

— Начинайте.

Одним рывком Джезаль встал в первую позицию: правая рука вытянута вперед, левая прижата к телу. Клинки со свистом рассекали воздух, сверкая на вечернем солнце, пока Джезаль переходил от одной позиции к другой с отработанной плавностью. Потом он замер, опустив оружие. Варуз кивнул:

— У капитана быстрые руки, вы не находите?

— Превосходно, — сказал майор Вест, широко улыбаясь. — Черт побери, это гораздо лучше, чем когда-либо получалось у меня!

Однако лорд-маршал был не столь высокого мнения.

— Вы слишком сильно сгибаете колени в третьей позиции, а в четвертой вам нужно постараться дальше вытягивать левую руку. Не считая этого... — Он помолчал. — Что ж, вполне сносно.

Джезаль вздохнул с облегчением. Это была очень высокая оценка.

— Ха! — выкрикнул вдруг старик, ткнув его в ребра концом футляра. Джебаль рухнул на пол, едва способный дышать. — А вот ваши рефлексy, капитан, еще нуждаются в отработке. Вы всегда должны быть наготове. Всегда! Если у вас в руке клинки, вы должны держать их поднятыми, черт возьми!

— Да, сэр, — прохрипел Джебаль.

— А ваша выносливость — это просто позор. Посмотрите на себя — вы же весь мокрый, словно карп! Я знаю из надежных источников, что Бремер дан Горст пробегает по десять миль в день и после этого на нем нет ни капли пота! — Маршал Варуз наклонился над Джебалем. — С этого дня вы будете ежедневно проделывать то же самое. О да! Пробежка вокруг стены Агрионта каждое утро в шесть часов, после чего час спарринга с майором Вестом, любезно согласившимся выступить в роли вашего партнера. Уверен, он сможет выявить все маленькие недостатки вашей техники.

Джебаль поморщился, потирая ноющие ребра.

— Что касается кутежей, я требую положить этому конец. Я весьма одобряю веселье в надлежащем месте, но для праздников хватит времени и после турнира. Конечно, если вы будете трудиться достаточно усердно, чтобы победить. А до тех пор здоровый образ жизни — вот то, что нам необходимо! Вы поняли меня, капитан Луфар? — Он наклонился еще дальше вперед, выговаривая каждое слово с величайшей тщательностью. — Здоровый. Образ. Жизни.

— Да, маршал Варуз, — пробормотал Джебаль.

Шесть часов спустя он был пьян в стельку. С безумным хохотом, с кружащейся головой он вывалился на улицу. Холодный воздух с силой ударил его в лицо, гадкие домишки плыли и качались, плохо освещенная дорога кренилась, словно тонущий корабль. Мужественно поборов приступ тошноты, Джебаль сделал широкий шаг наружу и обернулся лицом к двери. Его окатил расплывчатый яркий свет, громкий смех и крики. Из таверны вылетело чье-то тело, врезавшись в его грудь. Джебаль отчаянно ухватился за него и с сокрушительным грохотом рухнул на землю.

На какое-то мгновение мир потемнел. Затем Джебаль обнаружил, что лежит в грязи, а поверх него барахтается Каспа.

— Проклятье! — прохрипел Джебаль, еле ворочая распухшим неповоротливым языком.

Отпихнув локтем хихикающего лейтенанта, он перекатился на живот и рывком встал, пошатываясь; улица раскачивалась взад и вперед, словно

маятник. Каспа лежал на спине в грязи, захлебываясь от смеха, от него несло дешевым пойлом и кислым дымом. Джезаль предпринял неловкую попытку стряхнуть грязь со своего мундира. На груди расплывалось большое мокрое пятно, пахнущее пивом.

— Проклятье! — снова пробормотал он. Когда это он успел?

С другой стороны улицы доносились крики. Два человека сцепились в дверном проеме. Джезаль прищурился, напрягая зрение в полутьме. Какой-то верзила схватил другого, хорошо одетого парня и, судя по всему, пытался связать тому руки за спиной. Теперь он нахлобучивал парню на голову что-то вроде мешка. Джезаль моргнул, не веря глазам. Здесь не самый спокойный квартал, но это, пожалуй, чересчур.

Дверь таверны с грохотом распахнулась, и из нее показались Вест с Челенгормом, занятые пьяной беседой насчет чьей-то сестры. Яркий свет прорезал улицу, отчетливо осветив двух борющихся людей. Верзила был одет в черное, нижнюю часть его лица скрывала маска. У него были белые волосы, белые брови, белая как молоко кожа. Джезаль уставился на белого дьявола на той стороне улицы, и тот ответил пристальным взглядом прищуренных розовых глаз.

— На помощь! — кричал человек с мешком на голове. Его голос вибрировал от ужаса. — На помощь! Я...

Белый верзила наградил его свирепым ударом под дых, и тот с тяжелым вздохом сложился пополам.

— Эй, ты! — крикнул Вест.

Челенгорм уже спешил через дорогу.

— Ч-что? — выговорил Каспа, приподнимаясь на локте.

Мозги Джезала были вязкими, словно комок грязи, но его ноги сами последовали за Челенгормом, и ему ничего не оставалось, как брести вперед, борясь с дурнотой. Вест следовал за ним по пятам. Белый призрак распрямился и повернулся, встав между ними и своим пленником. Откуда-то из тени проворно вынырнул еще один человек, высокий и стройный, тоже в черных одеждах и маске, но с длинными сальными волосами. Он вскинул руку в черной перчатке.

— Господа! — Его невнятный простонародный выговор был заглушен маской. — Господа, прошу вас, мы здесь по делу короля!

— Король делает свои дела при свете дня! — прорычал Челенгорм.

Маска новоприбывшего немного наморщилась, когда тот улыбнулся.

— Именно поэтому ночную работу за него делаем мы. Правда, друг?

— Кто этот человек? — Вест показал на парня с мешком на голове.

Тот снова зашевелился.

— Я Сепп дан... о-о!

Белый монстр утихомирил его, врезав тяжелым кулаком в лицо. Пленник без чувств рухнул на дорогу.

Челенгорм, стиснув зубы, положил руку на эфес шпаги, и белый призрак с ужасающей скоростью надвинулся на него. Вблизи он был еще более массивным, странным и пугающим. Челенгорм невольно отступил на шаг назад, запнулся о камень мостовой и с грохотом повалился на спину. В голове у Джекзеля стучали молоты.

— Назад! — проревел Вест.

Его шпага вылетела из ножен с легким звоном.

— Ф-ф-ф! — зашипел монстр, сжимая кулаки, которые походили два огромных белых булыжника.

— О-о, — простонал человек с мешком на голове.

Сердце Джекзеля подскочило к самому горлу. Он посмотрел на худощавого в маске, и глаза того улыбнулись в ответ. Как можно улыбаться в такой момент? Джекзель с удивлением обнаружил, что человек держит в руке длинный нож весьма зловещего вида. Откуда он взялся? Джекзель пьяно зашарил рукой в поисках своей шпаги.

— Майор Вест! — раздался голос из уличной тьмы, совсем рядом.

Джекзель неуверенно остановился с наполовину вынутым из ножен клинком. Челенгорм поднялся на ноги, вытаскивая шпагу. Его мундир был покрыт грязью. Белый монстр смотрел на них, не мигая: он не отступил ни на пядь.

— Майор Вест! — повторил голос. Теперь его сопровождал какой-то клацающий, шаркающий звук.

Лицо Веста побледнело. Из темноты показалась фигура, отчаянно хромящая и стучащая тростью по грязной мостовой. Верхнюю часть лица закрывала тень широкополой шляпы, но рот оставался на виду, искривленный странной усмешкой. Джекзель заметил, что у хромого не хватает четырех передних зубов, и почувствовал подступающую тошноту. Человек прошаркал к ним, не обращая внимания на обнаженные клинки, и протянул Весту свободную руку.

Майор медленно убрал шпагу в ножны, взял руку и слабо пожал.

— Полковник Глокта? — спросил он осипшим голосом.

— Ваш покорный слуга, хотя я больше не служу в армии. Я теперь в королевской инквизиции.

Он медленно поднял руку и снял шляпу. Его мертвенно-бледное лицо избороздили глубокие морщины, седые волосы были коротко острижены. Окруженные глубокими темными кругами глаза полыхали лихорадочным

огнем; левый был заметно уже правого и влажно поблескивал вывернутым красным веком.

— Позвольте представить вам моих помощников: практик Секутор и практик Иней.

Долговязый отвесил шутовской поклон. Белый монстр одной рукой вздернул пленника на ноги.

— Погодите-ка, — сказал Челенгорм, делая шаг вперед, но инквизитор мягко положил ладонь на его рукав.

— Этот человек находится под следствием инквизиции его величества, лейтенант Челенгорм. — Тот остановился, удивленный тем, что его назвали по имени. — Я понимаю, вами движут самые лучшие побуждения, но он преступник, изменник. У меня есть ордер на его арест, подписанный лично архилектором Сультом. Поверьте мне, он совершенно недостоин вашей поддержки.

Челенгорм нахмурился и с ненавистью глянул на практика Инея. На белого дьявола это не произвело никакого впечатления, как на каменную статую. Он без видимого усилия взвалил пленника на плечо, повернулся и зашагал вдоль по улице. Тот, кого звали Секутором, улыбнулся глазами, спрятал свой нож, еще раз поклонился и неспешно последовал за товарищем, что-то насвистывая.

Левое веко инквизитора затрепетало, и по бледной щеке покатались слезы. Он бережно вытер их тыльной стороной ладони.

— Прошу меня простить. В самом деле, надо же до такого дойти, чтобы человек не мог контролировать собственные глаза, а? Проклятый слезливый студень. Иногда я думаю: не лучше ли просто вырвать собственный глаз и впредь обходиться повязкой?

Джезала чуть не вывернуло от этих слов.

— Ну, Вест, — продолжал инквизитор, — сколько лет прошло? Семь? Восемь?

По скуле майора перекатился желвак.

— Девять.

— Подумать только. Девять лет. Можно ли поверить? А кажется, все было только вчера. Где мы с вами расстались, на хребте?

— Да, на хребте.

— Не беспокойтесь, Вест, я нисколько вас не виню. — Глокта дружески похлопал майора по руке. — По крайней мере, за это. Вы пытались отговорить меня, я помню. В конце концов, я имел достаточно времени, чтобы поразмыслить над этим в Гуркхуле. Очень много времени. Вы всегда были мне добрым другом. И вот теперь молодой Коллем Вест —

майор личной королевской охраны, подумать только.

Джезаль понятия не имел, о чем они говорят. Он хотел лишь проблеваться и отправиться спать.

Инквизитор Глокта с улыбкой повернулся к нему, снова демонстрируя омерзительную дыру в передних зубах.

— А это, должно быть, капитан Луфар, на которого возлагают такие надежды на предстоящем турнире? Маршал Варуз — строгий учитель, не так ли? — Он слабо взмахнул тростью в сторону Джезала. — Выпад, выпад, а, капитан? Выпад, выпад...

Джезаль почувствовал, как у него внутри вздымается желчь. Он закашлялся и посмотрел себе под ноги, отчаянно желая, чтобы мир оставался неподвижным. Инквизитор обвел всех выжидающим взглядом: Вест был бледен, перепачканный грязью Челенгорм угрюмо молчал, Каспа по-прежнему сидел на мостовой посреди улицы. Ни у кого из них не нашлось слов.

Глокта прочистил горло.

— Ну что же, служба зовет. — Он неловко поклонился. — Однако надеюсь, что мы еще встретимся. И весьма скоро.

Сам Джезаль очень надеялся никогда больше не видеть этого человека.

— Может быть, снова пофехтуем при случае? — пробормотал майор Вест.

Глокта издал добродушный смешок.

— Я бы с удовольствием, Вест, да только в последнее время я немного прихрамываю. Но если вам так хочется подраться, практик Иней сможет оказать вам любезность. — Он перевел взгляд на Челенгорма. — Однако предупреждаю: он дерется не так, как благородные господа. Желаю вам всем приятного вечера.

Он надел свою шляпу, медленно развернулся и заковылял прочь по грязной улице. Офицеры смотрели ему вслед в долгом неловком молчании. Наконец Каспа, запинаясь, спросил:

— Что все это значило?

— Ничего, — отозвался Вест сквозь сжатые зубы. — Нам лучше забыть о том, что здесь что-то произошло.

Зубы и пальцы

— Времени мало. Мы должны работать быстро.

Глокта кивнул Секутору. Тот улыбнулся и стащил мешок с головы Сеппа дан Тойфеля.

Мастер-распорядитель монетного двора был сильным мужчиной внушительного вида. На его лице уже проступали кровоподтеки.

— Что все это значит? — заревел он, пытаясь изобразить благородное негодование. — Да вы знаете, кто я такой?

Глокта фыркнул:

— Разумеется, мы знаем, кто вы такой. Неужели вы думаете, что мы имеем привычку хватать на улицах всех без разбора?

— Я мастер-распорядитель королевского монетного двора! — вопил пленник, пытаясь сбросить путы. Практик Иней бесстрастно взирал на него со сложенными на груди руками. Железные инструменты уже лежали в жаровне, светясь оранжевым сиянием. — Да как вы смеете...

— Я не могу говорить, когда меня постоянно перебивают! — закричал Глокта. Иней свирепо пнул Тойфеля в голень, и тот взвыл от боли. — Как заключенный подпишет лист с признанием, если у него связаны руки? Немедленно развяжите его!

Пока альбинос развязывал запястья пленника, Тойфель тревожно озирался по сторонам. Потом он увидел топорик. Отполированный металл сверкал в ярком свете светильников, словно зеркало.

«До чего прекрасная вещь. Тебе хотелось бы держать его в руках, не правда ли, Тойфель? Ручаюсь, ты был бы не прочь отрубить им мою голову», — думал Глокта.

Он почти надеялся на это — правая рука пленника, казалось, была готова потянуться к оружию, но Тойфель всего лишь отпихнул лист с текстом признания.

— Ага, — проговорил Глокта. — Мастер-распорядитель у нас, как я вижу, правша.

— Мастер-распорядитель у нас правша, — прошептал Секутор на ухо пленнику.

Тойфель поглядел через стол сузившимися глазами.

— Я вас знаю! Вы Глокта, не так ли? Тот самый, которого взяли в плен в Гуркхуле и потом пытали. Занд дан Глокта, верно? Так вот, могу вам сказать, что на сей раз вы совершили глупость! Большую глупость! Когда

об этом услышит верховный судья Маровия...

Глокта вскочил на ноги и отпихнул назад стул, заскрежетавший по плиткам. Его левая нога взорвалась болью, но он не обратил на нее никакого внимания.

— Посмотри-ка на это! — прошипел он, широко раскрывая рот, чтобы испуганный пленник мог как следует взглянуть на его зубы. Или на то, что от них осталось. — Ты видишь это? Видишь? Там, где они выкрошили зубы сверху, снизу они их оставили. А там, где уничтожили снизу, оставили сверху, и так по всей челюсти. Видишь? — Глокта растянул пальцами углы рта, давая Тойфелю хорошенько рассмотреть то, о чем он говорил. — Это делали с помощью крошечного зубила. По маленькому кусочку каждый день. Это длилось несколько месяцев! — Глокта с трудом сел обратно на стул и широко улыбнулся. — Превосходная работа, а? И какая ирония! Оставить человеку половину зубов, но так, чтобы ни от одного из них не было толку! Я ем исключительно суп.

Мастер-распорядитель гулко сглотнул. Глокта увидел каплю пота, сбегающую по его шее.

— И зубы были только началом. Представляешь, мне приходится мочиться сидя, словно я женщина. Мне тридцать пять лет, однако я не могу встать с постели без посторонней помощи! — Он снова откинулся на спинку стула и вытянул ногу, болезненно поморщившись. — Каждый день для меня — это ад. Каждый божий день! Так неужели ты всерьез веришь, что способен сказать что-то такое, что меня испугает?

Глокта рассматривал пленника, выдерживая паузу.

«Половины былой самоуверенности как не бывало».

— Подпиши признание, — прошептал он. — Тогда мы сможем посадить тебя на корабль до Инглии, и у нас еще останется время, чтобы поспать этой ночью.

Лицо Тойфеля стало почти таким же белым, как у практика Инея, однако он продолжал молчать.

«Скоро архилектор будет здесь. Может быть, уже идет. Если к тому времени, как он появится, у меня не будет признания... тогда мы все отправимся в Инглию. В лучшем случае».

Глокта схватился за свою трость и поднялся на ноги.

— Мне нравится считать себя мастером, однако мастерство требует времени, а мы уже и так потеряли половину ночи, пока разыскивали тебя по городским борделям. Хорошо еще, что практик Иней наделен тонким обонянием и великолепным чувством направления. Он способен найти по запаху крысу, спрятавшуюся в сортире.

— Крысу, спрятавшуюся в сортире! — эхом повторил Секутор, в чьих глазах отражалось яркое оранжевое сияние жаровни.

— У нас очень плотный график, так что позволь мне говорить напрямую. Через десять минут ты подпишешь признание.

Тойфель фыркнул и скрестил руки.

— Никогда!

— Подержите его.

Иней сграбастал Тойфеля сзади, сдавив его, словно в тисках, так что правая рука пленника оказалась прижата к боку. Секутор завладел его левым запястьем и растопырил пальцы Тойфеля на изрубленной столешнице. Глокта обхватил рукой гладкую рукоятку топорика и медленно потянул к себе, царапая острием дерево. Он рассматривал лежавшую перед ним руку.

«Какие у него замечательные ногти. Такие длинные и глянцевитые. С такими ногтями будет трудно работать в шахте».

Глокта высоко занес топорик.

— Подождите! — завопил пленник.

Бам! Тяжелое острие глубоко вонзилось в столешницу, аккуратно срезав ноготь с Тойфелева среднего пальца. Тот учащенно дышал, на его лбу выступила испарина.

«Теперь мы посмотрим, что ты в действительности собой представляешь».

— Полагаю, ты уже догадался, к чему я клоню, — сказал Глокта. — Ты знаешь, такую же штуку проделали с одним капралом, которого взяли в плен вместе со мной. От него отрубали по кусочку в день. Он был крепкий человек, очень крепкий. Они добрались выше локтя к тому времени, как он умер. — Глокта снова поднял топорик. — Сознайся.

— Вы не можете...

Бам! Топорик отхватил самый кончик среднего пальца. Кровь хлынула на столешницу. Глаза Секутора улыбались в свете светильников. Рот Тойфеля раскрылся.

«Однако боль придет не сразу».

— Сознайся! — проревел Глокта.

Бам! Топорик отсек кончик Тойфелева безымянного пальца вместе с тонким кружочком среднего, который прокатился по столу и упал на пол. Лицо Инея казалось изваянным из мрамора.

— Сознайся!

Бам! Кончик указательного пальца пленника взлетел в воздух. Его средний палец уже укоротился до первого сустава. Глокта помедлил,

вытирая пот со лба тыльной стороной ладони. Его нога пульсировала от напряжения. Кровь капала на плитку мерным «кап-кап-кап». Тойфель расширенными глазами смотрел на свои укоротившиеся пальцы. Секутор покачал головой.

— Превосходная работа, инквизитор! — Он щелчком отправил один из отрубленных кружков плоти через весь стол. — Такая точность... Я в восхищении.

— А-а-а! — завопил мастер-распорядитель монетного двора.

«Вот теперь до него дошло».

Глокта снова занес топорик.

— Я сознаюсь! — завизжал Тойфель. — Я сознаюсь!

— Ну и прекрасно, — спокойно произнес Глокта.

— Прекрасно, — повторил Секутор.

— Пвекрафно, — сказал практик Иней.

Просторный и пустынный Север

Маги — это древний и загадочный орден посвященных в тайны мира, искушенных в путях волшебства. Маги обладают мудростью и могуществом, о каких простые люди даже не смеют мечтать. Так гласит молва. Казалось бы, член подобного ордена найдет способ отыскать нужного ему человека, даже если человек тот блуждает в одиночестве по просторному и пустынному Северу. Но если таковой способ и был, маг явно не торопился.

Логен поскреб спутанную бороду, размышляя над тем, что могло задержать великого. Может, заблудился? Логен снова и снова спрашивал себя, не лучше ли было оставаться в лесах, где по крайней мере хватало еды. Но духи велели идти к югу, а на юг от холмов лежали эти поблекшие пустоши. Вот он и ждал здесь, в вересковых зарослях, в грязи, измученный капризами погоды и постоянно голодный.

Его сапоги совсем износились, и он разбил свой маленький лагерь недалеко от дороги, чтобы случайно не пропустить чародея. Со времен войны Север был полон всякого опасного отребья — дезертировавших солдат, подавшихся в разбойники крестьян или просто безземельных и отчаявшихся людей, которым нечего было терять. Логен, однако, о разбойниках не думал. Ни у кого из них нет причин тащиться в эту дыру в заднице мира. Ни у кого, кроме самого Логена и неизвестного мага.

Поэтому Логен сидел и ждал, потом искал себе еду, ничего не находил, садился и опять ждал. В это время года пустоши промокали насквозь под внезапными ливнями. При каждой возможности Логен разводил дымные маленькие костерки, чтобы поддержать своих слабеющих духов и привлечь внимание любого волшебника, кому случится проходить мимо. Этим вечером шел дождь, но некоторое время назад он прекратился, и стало достаточно сухо для разжигания огня. Котелок уже стоял на огне, и в нем варилась похлебка из последних кусков мяса, принесенных из леса. Утром придется идти дальше и искать пищу. Маг может нагнать его и попозже, если еще не бросил эту затею.

Логен помешивал скудное варево и гадал, направиться ему завтра обратно на север или дальше к югу, когда услышал на дороге топот копыт. Одна лошадь, скачет медленно. Логен выпрямился, сидя на своей куртке, и подождал еще. Послышалось ржание, звякнула сбруя. Над гребнем холма показался всадник. Из-за блеклого солнца, висевшего низко над горизонтом

позади, Логен не мог хорошенько рассмотреть появившегося человека, но в седле тот держался напряженно и неуклюже, словно не привык к дороге. Всадник осторожно понукал свою лошадь, побуждая ее приблизиться к костру, потом остановился в нескольких ярдах от Логена и натянул поводья.

— Добрый вечер, — сказал он.

Он ни в малейшей степени не соответствовал тому образу, который представлял себе Логен. Маг оказался тощим, бледным, болезненного вида молодым человеком с темными кругами под глазами, с длинными волосами, облепившими голову после прошедшего дождика, и нервной улыбкой. Не столько мудрый, сколько мокрый, и определенно не обладающий могуществом, о каком не смеют мечтать люди. Он казался голодным, озябшим и больным. Если подумать, он выглядел так, как чувствовал себя Логен.

— Разве у тебя нет посоха?

Молодой человек, по-видимому, удивился.

— Нет... то есть э-э... дело в том, что я не маг, — ответил он и замолчал, нервно облизав губы.

— Духи сказали, что меня ищет маг. Но они часто ошибаются.

— А-а... ну да. Я только ученик. Мой хозяин — великий Байяз. — Тут он почтительно склонил голову. — Первый из магов, мастер высокого искусства, наделенный глубочайшей мудростью. Я послан, чтобы найти тебя и привести... — В голосе молодого человека внезапно зазвучало сомнение. — Ты ведь Логен Девятипалый?

Логен поднял левую кисть и взглянул на бледного юношу через просвет на том месте, где раньше был его средний палец.

— О, замечательно! — Ученик облегченно вздохнул, но вдруг осекся. — Ох, то есть я хотел... э-э... мне жаль, что ты потерял палец.

Логен рассмеялся — в первый раз с тех пор, как вытащил себя из реки. Не особенно смешная фраза, но он хохотал во все горло. Это было приятно. Юноша тоже улыбнулся и с болезненной гримасой соскользнул с седла.

— Меня зовут Малахус Ки.

— Малахус — как?

— Ки, — повторил тот, придвигаясь к костру.

— Что это за имя?

— Я родом из Старой империи.

Логен никогда не слышал о подобном месте.

— Империи, вот как?

— Ну, она когда-то была империей. Самая могущественная нация на Земном круге. — Юноша неловко присел на корточки возле костра. — Но

ее былая слава давно исчезла. Сейчас там лишь огромное поле битвы.

Логен кивнул: он хорошо знал, как выглядит поле битвы.

— Это очень далеко отсюда. На западе мира. — Ученик мага неопределенно махнул рукой.

Логен опять расхохотался:

— Там восток!

Ки печально улыбнулся.

— Я провидец, хотя, кажется, не очень хороший. Мастер Байяз послал меня отыскать тебя, но звезды не благоприятствовали мне, и я заблудился в грозу. — Он смахнул с лица волосы и развел руками. — У меня была выучная лошадь с провиантом и снаряжением и еще один конь для тебя, но я потерял их во время бури. Боюсь, я плохой путешественник.

— Похоже на то.

Ки достал из кармана фляжку и наклонился над костром. Логен взял ее у него, открыл и сделал глоток. Горячая жидкость пробежала по гортани, согревая его до корней волос.

— Ну что ж, Малахус Ки, ты потерял провизию, но оставил при себе то, что действительно важно. В такие дни надо постараться, чтобы заставить меня улыбнуться. Приветствую тебя у своего костра!

— Благодарю тебя. — Ученик помедлил, протягивая ладони к чахлому пламени. — Я не ел два дня... — Он тряхнул головой, и его длинные волосы закачались из стороны в сторону. — Это было... тяжелое время.

Он снова облизал губы и посмотрел на котелок. Логен протянул ему ложку. Малахус Ки воззрился на нее большими круглыми глазами.

— А ты сам уже поел?

Логен кивнул. На самом деле он не успел поесть, но несчастный ученик мага выглядел совсем изголодавшимся; к тому же еды едва ли хватило бы даже на одного. Логен еще раз отхлебнул из фляжки. Этого пока хватит.

Ки набросился на похлебку. Закончив, он выскреб котелок, облизал ложку, а вдобавок вылизал еще и края котелка. Наконец он откинулся назад, опираясь на большой валун.

— Я у тебя в неоплатном долгу, Логен Девятипалый, ты спас мне жизнь! Я и не осмеливался надеяться, что ты окажешься столь гостеприимным хозяином.

— Ну, ты тоже не совсем то, чего я ожидал, если честно. — Логен снова отхлебнул из фляжки и облизал губы. — Кто такой этот Байяз?

— Первый из магов, мастер высокого искусства, наделенный глубочайшей мудростью. Боюсь, он будет очень недоволен мной.

— То есть его следует бояться?

— Ну, — слабым голосом проговорил ученик, — характер у него действительно немного вспыльчивый.

Логен сделал еще глоток. Теперь тепло разлилось по всему телу, и в первый раз за прошедшие недели он почувствовал, что согрелся. Некоторое время ученик и Логен молчали.

— Чего он хочет от меня, Ки?

Ответа Девятипалый не услышал. С той стороны костра донеслось негромкое похрапывание. Логен улыбнулся и, завернувшись в куртку, тоже улегся спать.

Ученик мага проснулся от неожиданного приступа кашля. Стояло раннее утро, и хмурый мир вокруг был окутан туманом. Пожалуй, так даже лучше: здесь не на что смотреть, кроме нескончаемых миль грязи, камня и чахлых зарослей бурого утесника. Все покрывала холодная роса, но Логен ухитрился сделать так, что один тощий язычок пламени еще горел. Волосы облепили бледное лицо Ки. Он перекатился на бок и сплюнул мокроту на землю.

— О-о-ох, — прохрипел он, закашлялся и сплюнул еще раз.

Логен навьючивал последние остатки своего скудного снаряжения на несчастную лошадь.

— Доброе утро, — сказал он, поднимая голову и глядя в белое небо. — Хотя не очень-то оно и доброе.

— Я умру... Я умру, и мне уже не придется двигаться.

— У нас нет еды, так что, если мы останемся здесь, ты действительно умрешь. Тогда я смогу съесть тебя и вернуться обратно на ту сторону гор.

Ученик мага слабо улыбнулся.

— И что мы будем делать?

Действительно, что?

— Где мы найдем твоего Байяза?

— В Великой Северной библиотеке.

Логен не слышал о таком месте, но ведь его никогда не интересовали книги.

— И где это?

— К югу отсюда, около четырех дней пути верхом, около большого озера.

— Ты знаешь дорогу?

Ученик мага встал, слегка пошатываясь. Он дышал быстро и неглубоко, был призрачно бледен, а его лицо усеивали бисеринки пота.

— Кажется, да, — пробормотал он не слишком уверенно.

Ни Ки, ни его лошадь не продержатся четыре дня без еды, даже если предположить, что они не заблудятся. Найти еду — вот главная задача. Лучше всего следовать вдоль дороги, текущей через леса на юг, несмотря на большой риск. Там можно встретить разбойников, но корма для лошади в лесу много; в любом другом случае путники, скорее всего, погибнут от голода.

— Ты поедешь верхом, — сказал Логен.

— Но ведь это я потерял лошадей! Значит, мне и идти пешком.

Логен положил руку на лоб юноши, горячий и влажный.

— У тебя лихорадка. Тебе лучше ехать верхом.

Ученик не пытался настаивать. Он взглянул вниз, на Логеновы изорванные сапоги:

— Сможешь надеть мои сапоги?

— Они слишком маленькие, — покачал головой Логен.

Он встал на колени перед дымящимися остатками костра и сложил губы трубочкой.

— Что ты делаешь?

— У каждого костра есть свой дух. Я положу этого себе под язык, а потом мы сможем использовать его, чтобы разжечь новый костер.

Ки был слишком болен, чтобы удивляться. Логен втянул духа в рот и закашлялся, содрогаясь от горечи дыма.

— Ты готов? — спросил он ученика.

Тот развел руками и с безысходной покорностью ответил:

— Я уже собрался.

Малахус Ки любил поговорить. Он говорил без умолку, пока они двигались к югу через пустоши, а солнце светило в тусклом небе и когда они входили в леса ближе к вечеру. Болезнь не мешала Малахусу болтать, и Логен не возражал. Он давно ни с кем не говорил, а сейчас слова ученика помогали ему отвлечься от боли в ногах. Логен терзался от голода и усталости, но главной проблемой были именно ноги. Его сапоги превратились в обрывки старой кожи, пальцы были изрезаны и разбиты, голень все еще горела от зубов шанка. Каждый шаг стал пыткой. Когда-то Логена называли самым страшным человеком на Севере, а теперь его самого страшили камни и неровности дороги. Это походило на издевку. Логен вздрогнул, наступив на очередной острый камень.

— ...так я провел семь лет в учении у мастера Захаруса. Его имя славится среди магов, он пятый из двенадцати учеников Иувина. Великий

человек! — продолжал рассказ Ки. Очевидно, что все дела магов были в его глазах великими. — Потом он решил, что я достаточно подготовлен и могу отправляться в Великую Северную библиотеку к мастеру Байязу, чтобы заслужить посох мага. Но там мне пришлось нелегко. Мастер Байяз — чрезвычайно требовательный и...

Лошадь вдруг встала как вкопанная и фыркнула, потом прыгнула в сторону и сделала неуверенный шаг назад. Логен понюхал воздух и нахмурился. Где-то рядом были люди, причем весьма грязные. Он должен был почуять это раньше, но отвлекся из-за боли в ногах. Ки глянул на него с седла:

— Что там?

Словно в ответ на его вопрос, шагах в десяти перед ними из-за дерева вышел человек, а немного дальше на дороге появился еще один. Оба были, без сомнения, совершенным отребьем: грязные, бородатые, одетые в изодранные куски разношерстного меха и кожи — в общем, почти как сам Логен. У тощего парня, который стоял слева от них, имелось копье с зазубренным наконечником. Здоровый верзила справа держал тяжелый меч, весь в пятнах ржавчины; его голову прикрывал старый помятый шлем с шипом наверху. Ухмыляясь, они двинулись навстречу Логену. Сзади раздался какой-то звук, и Логен тревожно обернулся через плечо. Третий человек — с большим чирьем на лице — осторожно подбирался к ним вдоль дороги, сжимая в руках тяжелый топор.

Ки наклонился к Логену с седла, его глаза широко раскрылись от страха:

— Это что, разбойники?

— Ты действительно провидец, мать твою, — прошипел Логен сквозь стиснутые зубы.

Люди остановились, не дойдя до них пары шагов. Верзила в шлеме, по-видимому, командовал.

— Хорошая лошадь, — прорычал он. — Не хотите ее нам одолжить?

Парень с копьем ухмыльнулся и взялся за уздечку.

Положение все-таки изменилось к худшему. Минуту назад казалось, что это уже невозможно, но судьба нашла способ. Логен сомневался, что от Ки будет толк в драке. Значит, он один против троих (если у разбойников нет сообщников), с единственным ножом. Если Логен не справится, их с Малахусом ограбят и, скорее всего, убьют. Тут надо смотреть правде в глаза.

Он снова оглядел бандитов. Они не ожидали сопротивления от двух невооруженных людей, и их копье смотрело в сторону, наконечником в

землю. Что касается топора, то приходилось положиться на удачу. Это печальная истина: человек, который бьет первым, обычно бьет и последним, так что Логен повернулся к парню в шлеме и выплюнул огненного духа ему в лицо.

В воздухе дух воспламенился и жадно набросился на разбойника. Голову оборванца охватили языки шипящего пламени, меч с лязгом упал на землю. Бандит в отчаянии схватился за лицо, и его руки тоже загорелись. Он с воплем кинулся прочь.

Лошадь Ки испугалась огня, фыркнула и дернулась назад. Тощий разбойник охнул и споткнулся, и в этот момент Логен бросился на него, одной рукой схватился за древко копья и ударил парня головой в лицо. Нос бандита хрустнул, столкнувшись со лбом Логена, и разбойник пошатнулся, по его подбородку заструилась кровь. Логен еще раз дернул за копье, размахнулся правым кулаком по широкой дуге и врезал противнику по шее. Хрипя и задыхаясь, бандит упал, и Логен вырвал копье из его рук.

Он почувствовал за спиной движение, бросился на землю и быстро откатился влево. Топор со свистом пронесся в воздухе над его головой и рассек бок лошади длинной раной, разбрызгивая по земле капли крови; на лету он срезал пряжку с седельной подпруги. Разбойник с чирьем покачнувшись, разворачиваясь вслед за своим топором. Логен прыгнул на него, но наступил на камень и подвернул лодыжку; он пошатнулся, словно пьяный, взревев от боли. Стрела, выпущенная откуда-то сзади, из-за деревьев, прогудела мимо его лица и пропала в кустарнике по ту сторону дороги. Лошадь фыркала и брыкалась, бешено вращая глазами, потом пустилась вдоль по дороге безумным галопом. Седло соскользнуло с ее спины, и Малахус Ки с криком свалился в кусты.

Думать о нем не было времени. Логен заревел и набросился на человека с топором, направив копье в его сердце. Тот успел подставить топор и отвести наконечник в сторону, но недостаточно далеко — копье проткнуло плечо разбойника, развернув его вокруг оси. Раздался резкий хруст, и древко переломилось; Логен потерял равновесие и нырнул вперед, повалив Чирья на дорогу. Торчавший из спины бандита наконечник копья глубоко разрезал скальп его противника, упавшего сверху. Логен обеими руками схватил врага за спутанные волосы и с силой впечатал лицом в дорожный булыжник.

Голова его кружилась, глаза заливала кровь, и он вскочил на ноги как раз вовремя, чтобы заметить еще одну стрелу. Она прилетела из-за деревьев и глухо ударилась о ствол совсем рядом. Логен кинулся к лучнику. Теперь он увидел его: мальчик лет четырнадцати, уже достававший новую стрелу.

Логен вытащил нож. Мальчик торопливо прилаживал стрелу, но в его глазах плескалась паника. Он неловко дернул тетиву, пронзил собственную руку и глядел на рану с изумлением.

Логен был уже над ним. Мальчишка замахнулся луком, но Логен нырнул под удар и прыгнул вперед, вонзая нож снизу вверх обеими руками. Клинок поддел мальчика под подбородок и поднял в воздух, затем отломился от рукояти и застрял в шее жертвы. Тело свалилось на Логена, и зазубренный обломок ножа полоснул его по руке, оставив длинный порез. Кровь заливала все вокруг — хлестала из ссадины на черепе Логена, из пореза на его руке, из зияющей раны в горле мальчика.

Логен отпихнул труп в сторону, пошатнулся, прислонился к дереву и глотнул воздуха. Его сердце колотилось, кровь ревела в ушах, желудок выворачивался наизнанку.

— Я еще жив, — прошептал он. — Я жив...

Раны на голове и руке начали пульсировать. Еще два шрама. Могло быть гораздо хуже. Он стер кровь с глаз и похромал обратно к дороге.

Малахус Ки с пепельным лицом стоял и смотрел на три трупа. Логен взял его за плечи и оглядел с ног до головы.

— Ты ранен? — спросил он.

Ки по-прежнему пялился на тела. Он спросил:

— Они мертвы?

Труп верзилы в шлеме еще дымился, издавая чудовищно аппетитный запах. Логен заметил, что у разбойника хорошие сапоги — гораздо лучше его собственных. Шея бандита с чирьем была вывернута слишком круто, чтобы тот остался жив; к тому же из тела торчал обломок копья. Логен перевернул ногой тощего: с залитого кровью лица так и не сошло выражение изумления, глаза слепо уставились в небо, рот разинут.

— Должно быть, перебил ему дыхательное горло, — пробурчал Логен.

Его руки были в крови. Он сжал их, чтобы остановить дрожь.

— А тот, что прятался за деревьями? — проговорил Ки.

Логен лишь кивнул и спросил:

— Скажи лучше, что с лошадью?

— Ускакала, — унылым голосом ответил ученик мага. — Что мы будем делать?

— Посмотрим, нет ли при них какой-нибудь еды. — Логен показал на дымящийся труп: — И ты поможешь мне снять с него сапоги.

Фехтование

— Наступайте, Джезаль, наступайте! Не стесняйтесь!

Джезаль был только рад повиноваться. Он прыгнул вперед и сделал выпад правой. Вест, уже потерявший равновесие, неловко попятился; он совершенно выбился из сил и с трудом сумел парировать удар своим коротким клинком. Сегодня они дрались полузаточенным оружием, чтобы добавить происходящему остроты. Таким клинком нельзя по-настоящему проткнуть противника, но можно нанести пару болезненных царапин, если очень постараться. Джезаль намеревался устроить это майору в отместку за вчерашнее унижение.

— Вот так, задайте ему перцу! Выпад, капитан, выпад!

Вест попытался произвести неуклюжий режущий удар, но Джезаль заметил надвигающийся клинок и отбил его в сторону, по-прежнему наступая и коля шпагой что было мочи. Он хлестнул левым клинком, потом еще раз; Вест отчаянным движением блокировал удар и попятился, но сзади была стена. Теперь он попался! Капитан радостно засмеялся и снова ринулся на противника, выставив перед собой длинную шпагу, но тут Вест, к немалому удивлению Джезали, неожиданно воспрянул, ускользнул вбок и отбил атаку с разочаровывающей твердостью. Джезаль потерял равновесие, качнулся вперед и потрясенно ахнул, когда его шпага попала в трещину между камнями. Клинок вырвался из онемевшей руки капитана и дрожал, воткнувшись в стену.

Вест метнулся вперед, нырнул под второй клинок Джезали и с силой врезался в противника плечом.

— У-уф, — выдохнул Джезаль, качнулся назад и рухнул на пол, выронив свою короткую шпагу.

Клинок заскользил по камням, и лорд-маршал Варуз ловко прижал его ногой. Затупленный кончик шпаги майора Веста остановился в воздухе у горла капитана.

— Черт знает что! — выругался Джезаль.

Майор, широко улыбаясь, предложил ему руку.

— Именно, — глубоко вздохнул Варуз. — Именно черт знает что. Еще более жалкое зрелище, чем вчерашнее, если такое возможно! Вы опять позволили майору Весту обвести вас вокруг пальца!

Джезаль угрюмо отмахнулся от протянутой руки и поднялся на ноги.

— Он ни на минуту не потерял контроль в этой схватке! — продолжал

маршал. — Вы дали заманить себя, а затем разоружить! Разоружить! Даже мой внук не сделал бы подобной ошибки, а ведь ему восемь лет! — Варуз ударил об пол своей тросточкой. — Прошу вас, объясните мне, капитан Луфар, как вы победите в фехтовальном турнире, если будете валяться на полу без оружия?

Джезаль насупился, потирая затылок.

— Не можете? Запомните на будущее: если вы вдруг упадете с обрыва с клинками в руках, я бы хотел видеть, что ваши мертвые пальцы по-прежнему крепко сжимают оружие. Вы слышите меня?

— Да, маршал Варуз, — угрюмо буркнул Джезаль, от души желая, чтобы старая сволочь сам свалился с обрыва. Или, например, с Цепной башни. Это было бы справедливо. И майор Вест пускай присоединится к нему.

— Излишняя самоуверенность — проклятие для фехтовальщика! Вы должны смотреть на каждого противника так, словно он у вас последний. Что касается того, как работают ваши ноги... — Варуз с отвращением скривил губы. — То все замечательно, пока вы двигаетесь вперед. Однако стоит вам оказаться в позиции обороны, и вы теряетесь. Майор чуть ткнул вас, и вы тут же повалились, словно школьница в обмороке!

Вест смотрел на Джезаль с широкой улыбкой. Ему это нравилось. Ему это очень нравилось, черт подери!

— Говорят, что у Бремера дан Горста ноги тверды, как стальные колонны. Стальные колонны, так я слышал! Говорят, что свалить его на землю труднее, чем обрушить Дом Делателя! — Лорд-маршал указал на очертания огромной башни, маячившей поверх окружающих двор зданий. — Дом Делателя! — раздраженно повторил он.

Джезаль фыркнул и стукнул об пол носком сапога. В сотый раз он утешал себя мыслью, что можно плюнуть на все это и никогда больше не брать в руки шпагу. Но что скажут люди? Его отец до идиотизма гордился им, вечно хвастался перед всеми мастерством Джезаль и твердо решил увидеть, как сын сражается на площади Маршалов перед вопящей толпой. Если сейчас бросить фехтование, отец будет оскорблен до глубины души. Тогда придется сказать «прощай» и новому званию, и жалованью, и амбициям. Несомненно, братьям это придется по вкусу.

— Устойчивость — вот ключ ко всему, — продолжал разглагольствовать Варуз. — Сила фехтовальщика начинается с его ног! С этого дня мы добавим к вашим упражнениям еще один час на бревне. Каждый день.

Джезаль сморщился.

— Итак: пробежка, упражнения с тяжелым брусом, позиции, один час спарринга, снова позиции и один час на бревне. — Лорд-маршал удовлетворенно кивнул. — Пока что этого достаточно. Надеюсь увидеть вас завтра в шесть часов утра трезвым как стеклышко. — Варуз посмотрел на него, нахмутив брови. — Трезвым. Как. Стеклышко, — отдельно повторил он.

— Это не может продолжаться до бесконечности, — бормотал Джезаль, с трудом ковыляя в казарму. — Сколько такого дерьма может вынести человек?

Вест ухмыльнулся:

— Это еще ничто. Я никогда не видел, чтобы старая сволочь был с кем-нибудь так мягок. Должно быть, ты ему действительно нравишься. Со мной он вел себя как минимум вдвое хуже.

Джезаль не мог поверить:

— Что? Еще хуже?

— Я не имел таких данных, как у тебя. Он заставлял меня держать тяжелый брус над головой весь вечер, пока тот не падал на меня. — Майор слегка вздрогнул, словно даже воспоминание было болезненным. — Он заставлял меня бегать вверх и вниз по Цепной башне в полной амуниции. Я тренировался по четыре часа ежедневно.

— Как же ты вынес это?

— У меня не оставалось выбора. Я ведь не дворянин. Фехтование было для меня единственным способом отличиться. Но в итоге все окупилось. Сколько ты знаешь простолюдинов в личной королевской охране?

Джезаль пожал плечами:

— Да, если подумать, немного.

По его понятиям, простолюдины вообще не должны здесь служить.

— Но ты из хорошей семьи, ты уже стал капитаном, — продолжал Вест. — Если тебе удастся выиграть турнир, ты далеко пойдешь. Хофф — лорд-камергер, Маровия — верховный судья, да и сам Варуз, если уж на то пошло, — все они были чемпионами в свое время. Чемпионы хорошей крови всегда поднимаются очень высоко.

— Как твой друг Занд дан Глокта? — хмыкнул Джезаль.

Это имя упало между ними, как камень.

— Ну... почти всегда.

— Майор Вест! — раздался сзади грубый голос.

К ним спешил коренастый сержант со шрамом на щеке.

— А, сержант Форест, как поживаете? — спросил Вест, приветливо хлопая солдата по спине.

Майор умел ладить с крестьянами, и Джезаль не мог не вспомнить о том, что Вест и сам почти крестьянин. Да, он получил образование, стал офицером и все прочее; но если подумать, у него по-прежнему больше общего с этим сержантом, чем с Луфаром.

Сержант просиял:

— Очень хорошо, благодарю вас, сэр! — Он почтительно кивнул Джезалю: — Доброе утро, капитан.

Джезаль удостоил его сухим кивком и перевел взгляд на простиравшийся перед ним проспект. Он не понимал, зачем офицеру поддерживать дружеские отношения с простыми солдатами. Кроме того, сержанта уродовал шрам, а Джезаль не хотел иметь никаких дел с безобразными людьми.

— Чем могу быть вам полезен? — спросил Вест.

— Маршал Берр желает вас видеть, сэр, у него срочное совещание. Всем старшим офицерам приказано быть.

Лицо Веста помрачнело.

— Я прибуду сразу же, как только смогу.

Сержант отсалютовал и зашагал прочь.

— В чем там дело? — небрежно спросил Джезаль. Он наблюдал, как некий клерк преследовал улетевшую бумагу.

— Инглия. Этот Бетод, король Севера... — Вест сморщился, произнося имя короля, словно оно было горьким на вкус. — Говорят, он разгромил всех своих врагов на Севере и теперь лезет в драку с Союзом.

— Ну что ж, если он сам хочет драки... — легкомысленно отозвался Джезаль.

Войны, по его мнению, были весьма полезны — отличная возможность стяжать славу и продвинуться по службе.

Легкий ветерок пронес оброненную бумагу мимо его сапога. Следом бежал и сам запыхавшийся клерк. Джезаль усмехнулся, глядя на его неуклюжие попытки поймать улетевший документ. Майор ловко подхватил перепачканную бумагу и протянул клерку.

— Спасибо, сэр, — проговорил тот с выражением такой благодарности, что его потное лицо выглядело просто жалким. — Огромное вам спасибо!

— Не стоит, — буркнул Вест.

Отвесив угодливый поклон, клерк поспешил прочь. Джезаль был разочарован — его весьма забавляло, как тот охотился за бумагой.

— Может начаться война, но сейчас это наименьшая из моих проблем. — Вест тяжело вздохнул. — Моя сестра прибыла в Адую.

— Не знал, что у тебя есть сестра.

— Да, она у меня есть, и она здесь.

— И что с того?

Джезаль не испытывал большого желания выслушивать рассказы майора о его сестре. Сам Вест, возможно, и сумел вытащить себя из грязи, но дела его семья совершенно не касались Джезалья. Капитана занимали бедные простолюдинки, которыми он мог воспользоваться, и богатые светские дамы, на которых он в будущем мог бы жениться. Остальные женщины его не интересовали.

— Видишь ли, моя сестра, может быть, и очаровательна, но она ведет себя несколько... необычно. Когда у нее плохое настроение, это сущее наказание для всех вокруг. По правде говоря, я бы предпочел иметь дело с бандой северян, чем с ней.

— Да брось ты, Вест, — рассеянно сказал Джезаль, почти не слушая. — Уверен, никаких особых трудностей она не доставит.

Лицо майора просветлело.

— Я рад, что ты так говоришь. Сестре очень хотелось увидеть Агрионт собственными глазами, и я годами обещал ей устроить экскурсию, если она когда-нибудь окажется здесь. Вообще-то мы как раз договорились на сегодня.

Сердце Джезалья екнуло.

— Однако теперь, с этим совещанием... — продолжал Вест.

— Но у меня так мало времени! — жалобно захныкал капитан.

— Обещаю, что помогу тебе наверстать упущенное. Встретимся у меня через час.

— Нет, постой...

Однако Вест уже торопливо шагнул прочь.

«Только бы она не оказалась уродиной, — думал Джезаль, медленно подходя к двери майора Веста и неохотно поднимая кулак, чтобы постучать. — Только бы она не оказалась уродиной. Или дурой. Как не хочется терять вечер с глупой девицей».

Его рука почти коснулась деревянной поверхности, когда изнутри послышались громкие голоса. Капитан замер в коридоре и ближе придвинул ухо в надежде разобрать что-нибудь лестное о себе.

— А что случилось с твоей горничной? — донесся до него приглушенный голос Веста. Судя по всему, майор был весьма раздражен.

— Мне пришлось оставить ее. Накопилось слишком много дел. Никто не занимался домом уже несколько месяцев.

Сестра Веста. Сердце Джекзаль упало. Голос низкий — значит, скорее всего, она толстая. Джекзаль не мог позволить себе появиться на улицах Агрионта под руку с толстой девушкой. Это разрушит его репутацию.

— Но ты же не можешь ходить по городу одна!

— Слушай, я же добралась сюда одна и ничего не случилось, правда? Ты забываешь, кто мы такие, Коллем. Я вполне могу обойтись без прислуги. Для большинства здешних я сама немногим лучше прислуги. Кроме того, за мной присмотрит твой друг, капитан Луфар.

— Это еще хуже. И ты прекрасно это знаешь, черт возьми!

— Но я же не могла знать, что ты окажешься занят. Ты мог найти время, чтобы повидаться с собственной сестрой! — Она явно не глупа. Но толстая, да еще и сварливая... — Разве рядом с твоим другом я не буду в безопасности?

— Да, он вполне надежен. Но будет ли он в безопасности рядом с тобой? — Джекзаль не совсем понял, что майор хотел сказать этим замечанием. — Ты собираешься гулять по Агрионту одна, да еще с человеком, которого едва знаешь! Не прикидывайся дурочкой, ты все понимаешь! Что подумают люди?

— Мне насрать, что подумают люди!

Джекзаль рывком отодвинулся от двери. Он не привык слышать подобные выражения из дамских уст. Толстая, сварливая, да еще и вульгарная, черт побери! Все гораздо хуже, чем он предполагал. Джекзаль поглядел в конец коридора, готовый сбежать. Мысленно он подбирал подходящие извинения. Однако — проклятое невезение! — кто-то поднимался по лестнице. Теперь не получится уйти незамеченным. Придется постучать. Надо собраться с духом и поскорее покончить с этим делом. Скрипнув зубами, он громко забарабанил в дверь.

Голоса резко смолкли, и Джекзаль изобразил фальшивую дружелюбную улыбку. Дверь распахнулась.

Он ожидал увидеть нечто вроде приземистой и толстой копии майора Веста в платье. И сильно ошибся. Фигура девушки, возможно, и была несколько более пышной, чем того требовала строгая мода — при дворе предпочитали костлявых девиц, — но толстухой ее никак не назовешь. У нее оказались темные волосы и смуглая кожа — более темного оттенка, чем тот, что считался идеальным. Джекзаль знал, что дама должна тщательно избегать солнечных лучей, но сейчас, глядя на сестру Веста, не мог вспомнить почему. Ее темные, почти черные глаза сияли в полумраке

дверного проема, и, хотя в нынешнем сезоне всем кружили головы голубоглазые красавицы, это было чарующе и неотразимо.

Девушка улыбнулась Джезалю. Улыбка ее выглядела странно: с одной стороны уголки губ поднимались несколько выше, чем с другой. Это внушало смутное беспокойство — словно она знала что-то забавное, чего не знал он. Ровные великолепные зубы, белые и блестящие. Гнев капитана быстро исчез. Чем дольше он смотрел на нее, тем сильнее она ему нравилась и тем меньше здоровых мыслей оставалось в его голове.

— Здравствуйте, — сказала она.

Джезаль приоткрыл рот, но не произнес ни звука. Его мозг был пуст, как белый лист.

— Вы, должно быть, капитан Луфар?

— Э-э...

— Я сестра Коллема — Арди. — Она хлопнула себя по лбу. — Ох, какая же я идиотка: Коллем наверняка давно рассказал вам обо мне! Я знаю, вы с ним большие друзья.

Джезаль неловко посмотрел на майора, а тот смущенно нахмурился. Вряд ли уместно сообщать Арди, что капитан и не подозревал о ее существовании вплоть до сегодняшнего утра. Джезаль отчаянно пытался придумать какой-то интересный ответ, но ничего не шло на ум.

Арди схватила гостя за локоть и потащила в комнату, не переставая говорить:

— Я знаю, вы великий фехтовальщик, но мне говорили, что ваш ум острее вашей шпаги. И что с друзьями вы предпочитаете использовать шпагу, потому что ваш ум слишком опасен.

Она выжидающе взглянула на него.

— Ну, — промямлил он, — я действительно немного фехтую...

Ужасно. Просто кошмар.

— Это тот самый Луфар или к нам зашел садовник? — воскликнула она и оглядела его со странным выражением. Примерно таким же взглядом Джезаль осматривал лошадь перед покупкой: настороженно, очень внимательно и чуть-чуть презрительно. — Похоже, садовников здесь наряжают в красивые мундиры, — наконец заключила она.

Ее слова походили на оскорбление, но Джезаль был слишком занят, пытаясь придумать умную реплику, чтобы обращать на это внимание. Он знал, что должен сказать что-либо сейчас или провести остаток дня в неловком молчании, поэтому открыл рот и положился на удачу:

— Прошу прощения, если я выгляжу растерянным. Ведь майор Вест — не очень-то привлекательный мужчина, и как мог я ожидать, что у

него такая восхитительная сестра?

Вест фыркнул. Его сестра приподняла бровь и принялась загибать пальцы:

— Дерзко по отношению к моему брату; это хорошо. Немного забавно, что тоже хорошо. Честно, что довольно необычно. И очень лестно для меня, что, разумеется, превосходно. Немного запоздало, но в целом ожидание стоило того. — Она взглянула Джекзалю прямо в глаза. — Может быть, вечер не совсем потерян.

Джекзал сомневался, что ему понравилось последнее замечание и то, как она на него смотрела. Но ему самому очень нравилось смотреть на нее, и он был готов простить ей многое. Знакомые ему женщины редко говорили что-нибудь умное, особенно хорошенькие. Он подозревал, что их специально обучали лишь улыбаться, кивать и слушать речи мужчин. В целом он был согласен с таким положением вещей, но ум очень шел сестре Веста, и она пробудила его любопытство. Про лишний вес и сварливость можно забыть. Что же до вульгарности — симпатичные люди никогда не бывают вульгарны, не так ли? Они просто... ведут себя необычно. Джекзал уже думал, что вечер, как она и говорила, не совсем потерян.

Вест направился к двери.

— Теперь я должен оставить вас вдвоем потешаться друг над другом. Меня ждет лорд-маршал Берр. Только не делайте того, чего не стал бы делать я, хорошо?

Последние слова были обращены к Джекзалю, но Вест смотрел на свою сестру.

— Кажется, нам позволили делать почти все, что угодно, — откликнулась она, поймав взгляд капитана.

Тот с изумлением почувствовал, что краснеет, как девочка. Он кашлянул и посмотрел себе под ноги. Вест закатил глаза.

— Боже милосердный! — воскликнул он, и дверь за ним закрылась.

— Хотите выпить? — спросила Арди, уже наливая вино в бокал.

Наедине с очаровательной молодой девушкой. Едва ли в этом есть что-то новое, говорил себе Джекзал, однако ему явно не хватало обычной уверенности.

— Да, спасибо, вы очень любезны.

Конечно же, выпить — это как раз то, что поможет успокоить его нервы. Арди протянула ему бокал и налила второй для себя. Он сомневался, что молодой даме пристало пить в такое время, но не решился об этом заговорить. В конце концов, она не его сестра.

— Расскажите мне, капитан, как вы познакомились с моим братом?

— Ну, он мой непосредственный начальник. Кроме того, мы вместе фехтуем. — Его мозги снова заработали. — Но... вы ведь и сами все знаете. Она усмехнулась.

— Конечно, но моя гувернантка придерживалась мнения, что надо позволять молодым людям принимать участие в беседе.

Джезаль от неожиданности закашлялся и пролил вино себе на куртку.

— О боже, — пробормотал он.

— Сейчас, поддержите пока это...

Арди отдала Джезалю свой бокал, и обе руки капитана теперь оказались заняты. Когда она принялась вытирать вино с его груди белоснежным носовым платком, он не стал протестовать, хотя счел ее поведение довольно дерзким. По чести сказать, он мог бы возмутиться, не будь она такой хорошенькой. Понимает ли она, какое дивное зрелище открывается Джезалю в вырезе ее платья? Разумеется, нет, она ничего не понимала. Она приехала из деревни и еще не привыкла к тонким манерам... это безыскусное простодушие сельской девушки, и все такое прочее... А зрелище и впрямь было чудесное.

— Вот так лучше, — проговорила Арди, хотя ее старания не слишком помогли — во всяком случае, мундиру. Она отобрала у Джезали бокалы, быстро осушила свой, лихо запрокинув голову, и поставила оба на стол. — Ну что, пойдём?

— Да-да... разумеется. Ах, пожалуйста. — Он предложил ей руку.

Она повела Джезали по коридору и вниз по лестнице, непринужденно болтая. Это был настоящий словесный шквал, и, как недавно заметил маршал Варуз, оборона капитана слабела. Он отчаянно парировал выпады Арди, пока они шли через широкую площадь Маршалов, но ему едва удавалось вставить слово. Создавалось впечатление, что девушка жила здесь много лет, а Джезаль — приезжий олух из провинции.

— Там Палата военной славы? — Она кивнула в сторону высокой стены, отделявшей штаб-квартиру вооруженных сил Союза от остальной части Агрионта.

— Совершенно верно. Именно там находятся канцелярии лорд-маршалов, казармы, арсеналы и... э-э...

Он замолчал, не зная, что добавить, но Арди пришла ему на выручку.

— Тогда мой брат тоже должен быть где-то там! Он ведь прославленный воин, как я понимаю: первый прошел в брешь при Ульриохе и все такое.

— Э-э, ну да, майора Веста здесь очень уважают...

— Но подчас он бывает занудой, да? Он очень любит казаться

загадочным и озабоченным.

Она изобразила на лице легкую отрешенную улыбку и задумчиво потерла подбородок, как делал ее брат. Она так точно скопировала выражение лица Веста, что Джезаль не мог не рассмеяться. Одновременно он подумал, что ей, пожалуй, не стоит идти так близко к нему и так интимно держать его под руку. Не то чтобы он возражал — нет, совсем напротив. Но на них смотрели люди.

— Арди... — начал он.

— А это, должно быть, аллея Королей?

— Э-э, да. Арди...

Она подняла голову и рассматривала монументальную статую Города Великого. Суровый взгляд изваяния был устремлен куда-то вдаль.

— Это Город Великий? — спросила она.

— Да. В темные века, пока не образовался Союз, он боролся за объединение трех королевств. Он был первым высоким королем.

«Идиот, — подумал Джезаль, — она и так все знает, это же каждому известно».

— Арди, я боюсь, что твой брат не...

— А это Байяз, первый из магов?

— Да, он был у Города самым доверенным советником. Арди...

— Это правда, что для него до сих пор оставляют свободное место на закрытом совете?

Вопрос захватил Джезаль врасплох.

— Ну, я действительно слышал, что там есть пустое кресло, но я не знал, что...

— Они кажутся такими суровыми, правда?

— Ну... полагаю, тогда были суровые времена, — отозвался он, криво улыбаясь.

По проспекту с грохотом проскакал рыцарь-герольд на огромном, покрытом хлопьями пены коне. Крылышки на его шлеме сверкали на солнце. Секретари бросились врассыпную, освобождая дорогу, и Джезаль мягко попытался увести Арди в сторону. К его великому смущению, она отказалась двинуться с места. Лошадь промчалась в нескольких дюймах от нее — настолько близко, что порыв ветра отбросил прядь волос Арди Джезалю в лицо. Девушка повернулась к нему, на ее щеках проступил возбужденный румянец, но она не утратила ни капли самообладания, хотя едва не попала под копыта.

— Это был рыцарь-герольд? — спросила она, снова взяв Джезаль под руку, и двинулась вперед по аллее Королей.

— Да, — хрипло ответил Джезаль; голос его не слушался. — У рыцарей-герольдов серьезнейшая миссия. Они доставляют королевские послания во все концы Союза. — Наконец-то сердце перестало бешено колотиться. — Даже по ту сторону круга Морей, в Инглию, Дагоску и Вестпорт. Они передают слова короля и не имеют права разговаривать ни о чем другом, кроме порученного им дела.

— К нам как-то прибыл на корабле один рыцарь-герольд — Федор дан Хаден. Мы с ним болтали часами, — отозвалась Арди.

Джезаль безуспешно попытался скрыть свое удивление.

— Мы говорили и об Адуде, и о Союзе, и о его семье. Да и ваше имя упоминалось, — продолжала она, и Джезаль снова не смог притвориться беспечным. — В связи с предстоящим турниром. — Арди наклонилась к нему еще ближе. — Федор считает, что Бремер дан Горст изрежет вас на куски.

Джезаль поперхнулся, но быстро справился с собой.

— К несчастью, его мнение разделяют многие.

— Но не вы сами, надеюсь?

— Ну...

Она остановилась и взяла капитана за руку, серьезно глядя ему в глаза.

— Я уверена, вы одолеете его, что бы там ни говорили. Мой брат отзывается о вас очень высоко, а он обычно скуп на похвалы.

— Э-э... — снова промямлил Джезаль.

Его пальцы ощущали приятное покалывание. Глаза девушки были большими и темными, и Джезаль почувствовал, что ему опять не хватает слов. Арди прикусывала нижнюю губу, и мысли его начинали путаться. Такие прекрасные, сочные губы. Джезаль и сам не отказался бы нежно укушать их.

— О, благодарю вас, — пробормотал он с глупой улыбкой.

— А там, значит, парк, — сказала Арди, отворачиваясь от него, чтобы полюбоваться зеленью. — Он еще красивее, чем мне представлялось.

— Гм... да, конечно.

— Как чудесно попасть в самое сердце мира! Я так долго жила на окраине. Здесь принимаются самые важные решения и живут самые важные люди! — Арди провела рукой по листьям ивы, росшей возле дороги. — Коллем считает, что на Севере будет война. Его беспокоит моя безопасность. Думаю, именно поэтому он согласился на мой приезд сюда. Но мне кажется, он тревожится слишком сильно. А что вы думаете об этом, капитан Луфар?

Еще пару часов назад он пребывал в блаженном неведении

относительно политической ситуации на Севере. Но вряд ли это подходящий ответ.

— Ну... — протянул он, изо всех сил пытаясь вспомнить имя, и наконец, к его огромному облегчению, оно всплыло из памяти: — Этому Бетоду не повредит хорошая взбучка, я полагаю.

— Говорят, он собрал под свои знамена двадцать тысяч северян. — Арди наклонилась к нему. — Варваров, — промурлыкала она шепотом, — дикарей... Я слышала, он живьем сдирает кожу со своих пленников.

Джезаль подумал, что это едва ли уместная тема для молодой дамы.

— Арди... — проговорил он.

— Но я не сомневаюсь, что с такими воинами, как вы и мой брат, мы, женщины, надежно защищены.

Она повернулась и зашагала по дорожке. Джезалю снова пришлось поспешить, чтобы нагнать ее.

— А это Дом Делателя? — Арди кивнула в сторону мрачного силуэта огромной башни.

— Да, это он.

— И это правда, что ни один человек туда не заходил?

— Правда. Во всяком случае, на моей памяти. Мост всегда поднят и заперт на замок.

Джезаль нахмурился, глядя на башню. Он удивился: почему он никогда не задумывался о ней? Башня всегда была здесь. Живя в Агрионте, незаметно привыкаешь к этому.

— Кажется, я слышал, что она запечатана, — добавил он.

— Запечатана?

Арди придвинулась к нему очень близко. Джезаль нервно огляделся по сторонам, но никто на них не смотрел.

— Не странно ли, что люди не пытаются зайти туда? Разве это не загадочно? — спрашивала девушка, и он ощущал ее дыхание на своей шее. — Ведь можно просто взломать дверь.

Джезаль едва мог сосредоточиться, когда она стояла так близко. Испуганный и возбужденный, он внезапно подумал: уж не флиртует ли она с ним? Нет, нет, разумеется, нет! Она не привыкла к городским манерам, вот и все. Безыскусное простодушие деревенской девушки... Но она придвинулась так близко... не будь она так привлекательна и так уверена в себе... Не будь она... сестрой Веста.

Он кашлянул и посмотрел вдоль дорожки, тщетно пытаясь отвлечься. Там гуляли несколько человек, но ни одного знакомого. Хотя... Внезапно чары Арди рассеялись, и Джезаль пробрал холод. К ним направлялась

сгорбленная фигура человека, одетого слишком тепло для этого солнечного дня. Человек сильно прихрамывал и тяжело опирался на трость; он шел согнувшись и вздрагивая при каждом шаге, а более быстрые прохожие обходили его по широкой дуге. Джезаль попытался увести Арди в сторону прежде, чем хромой заметит их, но девушка грациозно увернулась и направилась прямым ходом к ковыляющему инквизитору.

Тот почувствовал их приближение и резко вскинул голову. В его глазах загорелась искра узнавания. Сердце Джезала упало. Избежать встречи было невозможно.

— О, капитан Луфар, — приветливо произнес Глокта и пожал Джезалью руку, — какая приятная встреча! Удивительно, что Варуз отпустил вас так рано. Должно быть, годы смягчили его.

— О нет, лорд-маршал по-прежнему весьма требователен, — возразил Джезаль.

— Надеюсь, мои практики не слишком вас беспокоили прошлой ночью? — Инквизитор горестно покачал головой. — Они не умеют себя вести. Совершенно не умеют! Но в своем деле они самые лучшие! Клянусь, у короля не найдется лучших слуг.

— Полагаю, мы все служим королю по-своему. — Голос Джезала прозвучал несколько более угрожающе, чем ему хотелось бы.

Если Глокта был оскорблен, он ничем этого не выдал.

— Совершенно верно. Кажется, я не знаком с вашей спутницей?

— Нет. Это...

— Мы ведь уже встречались, — сказала Арди, к немалому удивлению Джезала, протягивая инквизитору руку. — Арди Вест.

Глокта поднял брови.

— Не может быть! — Он неловко нагнулся, чтобы поцеловать руку девушки. Джезаль заметил, как скривился его рот, когда он выпрямлялся, но беззубая улыбка быстро вернулась на лицо инквизитора. — Сестра Коллема Веста! Вы очень изменились.

— К лучшему, я надеюсь, — засмеялась она.

Джезаль чувствовал себя ужасно неуютно.

— О, разумеется, — сказал Глокта.

— Вы тоже изменились, Занд. — Арди внезапно стала очень печальной. — В нашей семье все так беспокоились о вас. Мы очень надеялись, что вы вернетесь целым и невредимым.

Джезаль увидел, как по лицу Глокты пробежала судорога.

— А потом, когда мы слышали, что с вами сделали... Как вы себя чувствуете?

Инквизитор посмотрел на Джебзаль взглядом холодным, как медленная смерть. Джебзаль уставился на свои сапоги, чувствуя, как в горле поднимается комок страха. У него нет причин бояться этого калеки, не так ли? Но почему-то ему очень хотелось вновь оказаться сейчас в фехтовальном зале. Глокта перевел взор на Арди; его левое веко слегка подергивалось. Она смотрела на него без страха, ее глаза были полны спокойного участия.

— Неплохо. Насколько это возможно. — Выражение его лица стало очень странным, и Джебзаль почувствовал себя еще более неудобно. — Благодарю вас за то, что спросили. Серьезно. Меня никто не спрашивает об этом.

Наступило неловкое молчание. Потом инквизитор вытянул вбок шею, и послышался громкий щелчок.

— Ага! — произнес он. — Так-то лучше. Что ж, было очень приятно снова увидеться с вами обоими, но служба зовет.

Он снова обратил к ним свою омерзительную улыбку и заковылял прочь, волоча левую ногу по гравии. Арди хмурилась и смотрела вслед его медленно удаляющейся сгорбленной спине.

— Как это печально, — проговорила она вполголоса.

— Что? — буркнул Джебзаль.

Он вспомнил о том огромном белом паскуднике на улице, о его сощуренных розовых глазах. Пленник с мешком на голове. Мы все служим королю по-своему... Вот именно. Он непроизвольно поежился.

— Раньше они с братом были довольно близки. Однажды летом он приехал к нам погостить. Моя семья так гордилась знакомством с ним! Они с братом фехтовали каждый день, и Глокта всегда побеждал. Как он двигался — на это стоило посмотреть! Занд дан Глокта. Он был самой яркой звездой на тогдашнем небосклоне. — Она снова просияла своей мудрой полуулыбкой. — А теперь я слышу то же самое о вас.

— Ну-у... — пробормотал Джебзаль, не уверенный, хвалит она его или поддразнивает.

Он не мог отделаться от ощущения, что проиграл сегодня два поединка — и с братом, и с сестрой.

И сестра, похоже, отделала его сильнее.

Утренний ритуал

Стоял ясный солнечный день, и парк был до отказа набит пестро разодетыми гуляющими людьми. Полковник Глокта решительно шагал на какую-то важную встречу, прохожие кланялись и почтительно убирались с его дороги. Большинство он игнорировал и лишь самым значительным персонам оказывал честь, одаряя их своей ослепительной улыбкой. Счастливики улыбались в ответ, восхищенные его вниманием.

— Полагаю, все мы служим королю по-своему, — проскулил капитан Луфар и потянулся за шпагой, но Глокта оказался проворнее. Его клинок сверкнул и с быстротой молнии проткнул глотку насмешливому идиоту.

Кровь брызнула в лицо Арди Вест, и она восторженно захлопала в ладоши, глядя на Глокту сияющими глазами.

Луфар удивился тому, что его убили.

— Ха! Вот так-то, — проговорил Глокта с улыбкой.

Капитан повалился лицом вперед, кровь хлынула из его пронзенной шеи. Толпа одобрительно взревела, и Глокта почтил ее изящным низким поклоном. Всеобщий восторг удвоился.

— О нет, полковник, вы не должны, — шепнула Арди, когда Глокта слизнул кровь с ее щеки.

— Что не должен? — пророкотал он, обнимая ее и покрывая неистовыми поцелуями.

Толпа неистовствовала. Наконец Глокта оторвался от Арди, а она вздохнула и с обожанием воззрилась на него снизу вверх своими большими темными глазами, слегка раскрыв губы.

— Ваф вовеф арфи-экфор, — произнесла она с милой улыбкой.

— Что?

Толпа вдруг стихла, черт бы их всех побрал, и левый бок Глокты стал немать. Арди нежно прикоснулась к его щеке.

— Арфи-экфор! — крикнула она.

В дверь колотили кулаками. Глаза Глокты распахнулись.

«Где я? Кто я? О нет!.. О да».

Он тут же осознал, что спал плохо: лежал, свернувшись под одеялом, лицом в подушку. Его левый бок потерял всякую чувствительность.

Удары в дверь усиливались.

— Арфи-экфор! — послышался безъязыкий рев Инея с той стороны.

Боль пронзила шею Глокты, когда он попытался оторвать голову от подушки.

«Ах, нет ничего лучше этого первого за день спазма, чтобы заставить мозги работать».

— Да! — прохрипел он. — Дай мне минуту, черт подери!

Тяжелые шаги альбиноса загрели, удаляясь от двери по коридору. Еще мгновение Глокта лежал неподвижно, затем осторожно передвинул правую руку и медленно-медленно, хрипло дыша от напряжения, попытался перевернуться на спину. В левой ноге закололо, и он сжал кулак.

«Если бы эта чертова нога так и оставалась онемевшей!»

Однако боль быстро распространялась по телу. Кроме того, он ощутил неприятный запах.

«Черт побери, опять обделался».

— Барнам! — взвыл Глокта и подождал, с трудом переводя дыхание.

Левый бок пульсировал болью, словно мстил за усилие. Где же этот старый идиот?

— Барнам!! — завизжал Глокта во всю силу легких.

— С вами все в порядке, сэр? — послышался из-за двери голос слуги.

«В порядке? В порядке, старый ты болван? Как ты думаешь, когда я в последний раз был в порядке?»

— Нет, черт побери! Я наложил в постель!

— Я согрел воду для ванны, сэр. Вы сможете встать?

Однажды Инею пришлось ломать дверь.

«Может быть, мне стоит оставлять ее открытой на ночь? Но тогда я не смогу спать».

— Думаю, как-нибудь справлюсь, — просипел Глокта.

Его язык был прижат к беззубым деснам, руки дрожали. Он с усилием вытащил себя из кровати и перебрался на стоявший рядом стул.

Изуродованная беспалая левая нога инквизитора дергалась сама по себе, не желая подчиняться. Глокта глянул на нее с ненавистью: «Треклятая гнусная штуковина! Отвратительный, бесполезный кусок мяса! Почему они попросту не отрубили тебя? Почему я сам до сих пор не сделал этого?»

Однако он знал почему. С обеими ногами он еще мог делать вид, что он наполовину человек. Он врезал кулаком по иссохшей лодыжке и немедленно пожалел об этом.

«Глупо, глупо!»

Боль поползла вверх по спине еще сильнее, чем прежде, увеличиваясь с каждой секундой.

«Ну ладно, ладно, не будем ссориться. — Он принялся мягко потирать

исхудавшую плоть. — Мы никуда не денемся друг от друга, так стоит ли мучить себя?»

— Вы можете подойти к двери, сэр?

Глокта сморщил нос от запаха, затем ухватил трость и медленно, мучительно заставил себя встать. Он проковылял через комнату, чуть не поскользнулся на полу, но все же сумел удержаться, расплатившись мучительным всплеском боли. Потом прислонился к стене, чтобы удержать равновесие, повернул в замке ключ и с усилием распахнул дверь.

Барнам стоял за порогом с вытянутыми руками, готовый поймать его.

«Какой стыд! Подумать только — я, Занд дан Глокта, величайший фехтовальщик Союза, позволяю старику-слуге отнести меня на руках в ванную, чтобы отмыться от моего же дерьма! Они все, наверное, смеются надо мной — все эти болваны, которых я когда-то победил. Если они меня еще помнят. Я бы и сам смеялся, не будь мне так больно».

Несмотря на эти мысли, он безропотно перенес тяжесть с больной ноги, обхватив рукой плечи Барнама.

«В конце концов, какая теперь разница? Надо облегчить себе жизнь, насколько возможно. Насколько это вообще возможно».

Глокта сделал глубокий вдох.

— Не торопись, нога еще не до конца ожила.

Так они прыгали и ковыляли по коридору, слишком узкому для того, чтобы идти вдвоем. Казалось, что от ванной комнаты их отделяла целая миля.

«А то и больше. Я бы согласился пройти сотню миль таким, каким я был прежде, чем дойти до ванной таким, каков я сейчас. Но это моя судьба. Вернуться в прошлое. Никогда».

Восхитительно теплый пар обдал холодную и липкую кожу Глокты. С помощью Барнама, поддерживавшего хозяина под мышки, он медленно поднял правую ногу и осторожно опустил ее в воду.

«Черт возьми, горячо!»

Старый слуга помог инквизитору перенести через бортик вторую ногу, потом взял его под мышки, словно ребенка, и погрузил в ванну, так что Глокта оказался сидящим в воде по шею.

— Ах-х! — Рот его разверзся в беззубой улыбке. — Горячо, как в печи Делателя, Барнам. До чего я это люблю.

Тепло теперь добралось до его ноги, и боль понемногу отступала.

«Не насовсем. Она никогда не уйдет совсем. Но так лучше. Намного лучше».

Глокта чувствовал, что ему почти хватит сил, чтобы встретить еще

один день.

«Мне пришлось научиться любить маленькие радости жизни, вроде горячей ванны. Будешь любить эти маленькие радости, когда у тебя нет ничего другого».

Практик Иней ждал его внизу, в крошечной столовой, втиснув свою огромную тушу в низенькое кресло возле стены. Глокта рухнул на соседнее сиденье, и до его ноздрей донесся запах от исходившей паром овсянки. Из миски косо торчала деревянная ложка, даже не касаясь края. В желудке заурчало, рот наполнился обильной слюной.

«Налицо все симптомы сильнейшей тошноты».

— Ура! Снова овсянка! — вскричал Глокта. Он взглянул на неподвижно замершего практика. — Тому, кто кушает овсянку, дела нет до денег в банке. Вечно весел спозаранку тот, кто кушает овсянку!

Розовые глаза смотрели не мигая.

— Такая детская песенка, ее пела моя матушка. Впрочем, раньше я и не думал есть эту бурду. Но теперь, — он погрузил ложку в миску, — я ем овсянку без конца!

Иней смотрел на него без выражения.

— Она полезная, — проговорил Глокта, запихивая в рот ложку сладкой бурды и зачерпывая следующую. — Вкусная. — Он затолкал в себя еще каши. — И самое главное, — закончил он, чуть не подавившись, — ее не надо жевать!

Он отпихнул от себя почти полную миску и отшвырнул ложку.

— М-м-м! — промычал он. — С хорошего завтрака начинается хороший день, ты не находишь?

Он как будто разговаривал с беленой стеной, только у стены было бы побольше эмоций.

— Итак, архилектор снова желает меня видеть?

Альбинос кивнул.

— И чего же наш славный вождь хочет от нас, как ты думаешь?

Иней пожал плечами.

— Хм-м. — Глокта облизнул остатки овсянки с беззубых десен. — Как тебе показалось, он в хорошем настроении?

Жест повторился.

— Ладно, ладно, практик Иней, не стоит рассказывать мне все сразу, я не справлюсь с такой лавиной информации.

Молчание. Барнам вошел в комнату и убрал миску со стола.

— Хотите чего-нибудь еще, сэр?

— Несомненно. Большой кусок мяса с кровью и хорошее хрустящее яблоко. — Он взглянул на практика Инея. — Я в детстве любил яблоки.

«Сколько раз я уже повторял эту шутку?»

Иней бесстрастно смотрел на него. Смеха от него не дождешься. Глокта повернулся к Барнаму, и старик изобразил усталую улыбку.

— Ну ладно, — вздохнул Глокта. — У человека должна быть надежда, не так ли?

— Разумеется, сэр, — пробормотал слуга, направляясь к двери.

«Не так ли?»

Кабинет архилектора располагался на самом последнем этаже Допросного дома, а это означало долгий мучительный путь наверх. Что еще хуже — в коридорах было полно народа. Практики, служащие, инквизиторы кишели повсюду, как муравьи в навозной куче. Когда Глокта ощущал на себе их взгляды, он хромал вперед, улыбаясь и высоко держа голову. Когда он чувствовал, что остался один, он останавливался и переводил дыхание, потел и ругался черными словами, потирал и шлепал свою ногу, чтобы возвратить в нее скудную жизнь.

«Зачем надо лезть так высоко?» — спрашивал он себя, шаркая по сумрачным коридорам и взбираясь по спиральным лестницам огромного лабиринта. К тому времени, как он достиг приемной, Глокта совершенно вымотался, тяжело дышал и натер левую руку рукояткой трости.

Секретарь архилектора с подозрением уставился на него из-за большого черного стола, занимавшего половину комнаты. Напротив стояло несколько стульев для посетителей, нервно ожидавших своей очереди. Большую двойную дверь в кабинет окаймляли два здоровенных практика: неподвижные и мрачные, они тоже походили на мебель.

— Вам назначено? — требовательно спросил секретарь. Он говорил высоким пронзительным голосом.

«Ты прекрасно знаешь, кто я такой, самодовольный говнюк!»

— Конечно, — резко ответил Глокта. — Неужели вы думаете, что я стал бы лезть на этот чердак лишь затем, чтобы полюбоваться вашим столом?

Секретарь окинул его надменным взглядом. Это был бледный миловидный юноша с копной желтых волос.

«Какой-то высокомерный пятый сын мелкого дворянчика, страдавшего чрезмерной активностью чресел, будет смотреть на меня свысока?»

— Ваше имя? — спросил секретарь презрительно.

Терпение Глокты было истощено долгим подъемом. Он хрястнул

тростью по поверхности стола так, что секретарь чуть не выпрыгнул из своего кресла.

— Ты что, черт тебя дери, совсем без мозгов? Сколько у вас здесь увечных инквизиторов?

— Э-э... — промямлил секретарь, нервно жуя губами.

— Э-э? Э-э? Это что — число такое, «э-э»? Отвечай!

— Ну, я, конечно...

— Я Глокта, болван! Инквизитор Глокта!

— Да, господин, я просто...

— А ну вытаскивай свой жирный зад из кресла, идиот! Не заставляй меня ждать!

Секретарь вскочил на ноги, поспешил к двери, открыл одну створку и почтительно встал рядом.

— Так-то лучше, — проворчал Глокта и зашаркал следом за ним.

Ковыляя мимо практиков, он покосился на них и заметил на лице одного слабую улыбку.

Комната мало изменилась с тех пор, как он приходил сюда в последний раз, шесть лет назад. Это было округлое, похожее на пещеру помещение; купол потолка украшали уродливые резные лица горгулий, из единственного огромного окна открывался впечатляющий вид на шпили Университета и большой кусок внешней стены Агрионта, за которыми маячил злобещий силуэт Дома Делателя. Белые стены почти сплошь закрывали полки и шкафы, где громоздились высокие аккуратные стопки папок и бумаг. С немногочисленных свободных участков глядели несколько темных портретов, включая большой портрет теперешнего короля Союза в молодости. Король выглядел мудрым и строгим.

«Нарисовано, конечно, еще до того, как он превратился в дряхлое пугало. Нынче в нем куда меньше властности и куда больше капающей слюны».

В центре комнаты стоял тяжелый круглый стол, а на его столешнице была изображена очень детальная карта Союза. Каждый город, где имелось отделение инквизиции, отмечался драгоценным камнем, а посередине возвышался маленький серебряный макет Адуи.

За этим столом в старинном кресле с высокой спинкой сидел сам архилектор, погруженный в разговор с другим человеком — сухопарым, лысеющим стариком с кислой физиономией, в темной одежде. Завидев ковыляющего к ним Глокту, Сульт просиял; выражение лица его собеседника не изменилось.

— О, инквизитор Глокта, очень рад, что вы смогли к нам

присоединиться. Вы знакомы с генеральным инспектором Халлеком?

— Нет, еще не имел удовольствия, — ответил Глокта.

«Впрочем, судя по его виду, это не большое удовольствие».

Старый бюрократ поднялся с места и без особого энтузиазма пожал Глокте руку.

— А это один из моих инквизиторов, Занд дан Глокта, — проговорил архилектор.

— Да-да, конечно, — буркнул Халлек. — Вы, если не ошибаюсь, служили в армии? Я как-то видел, как вы фехтуете.

Глокта постучал тростью по ноге:

— Едва ли это случилось недавно.

— Да, верно...

Повисло молчание.

— Генеральный инспектор, вероятнее всего, скоро получит весьма значительное повышение, — сказал Сульт. — Его ждет место в закрытом совете.

«В закрытом совете, да неужели? И правда, весьма значительное повышение!»

Однако Халлек, казалось, не испытывал особого восторга.

— Я могу считать этот вопрос решенным, только когда его величество изволит пригласить меня, — отрезал он. — Не раньше.

Сульт без усилий обогнул этот острый угол.

— Я уверен, совет понимает, что вы единственный, кого стоит рекомендовать теперь, когда Сепп дан Тойфель больше не является кандидатом.

«Наш старый друг Тойфель? Не является кандидатом для чего?»

Халлек нахмурился и покачал головой.

— Тойфель... Я работал с ним десять лет. Он мне никогда не нравился...

«И никто другой, судя по твоему виду».

— Но я никогда бы не подумал, что он изменник.

Сульт скорбно покачал головой:

— Мы все тяжело это переживаем. Но вот у меня его признание, черным по белому. — Он со страдальческой миной потряс сложенным листом. — Боюсь, коррупция пустила корни очень глубоко. Кто знает это лучше меня? Моя печальная обязанность — прополка нашего сада.

— Верно, верно, — пробурчал Халлек, угрюмо кивая. — И вы заслуживаете за это благодарности от всех нас. Как и вы, инквизитор.

— О нет, только не я, — скромно возразил Глокта.

Некоторое время все трое взирали друг на друга, изображая обоюдное почтение. Наконец Халлек отодвинул свой стул.

— Что ж, ладно. Налоги сами собой не взимаются, и мне пора возвращаться к работе.

— Постарайтесь провести с удовольствием последние дни на этом посту! — посоветовал Сульт. — Уверен, король пришлет за вами очень скоро!

Халлек позволил себе скупейшую из улыбок, затем попрощался с ними сдержанным кивком и зашагал прочь. Секретарь проводил его за дверь и плотно прикрыл тяжелую створку. Воцарилось молчание.

«И будь я проклят, если я первый заговорю».

— Полагаю, вы удивляетесь, что все это может значить. А, Глокта?

— Такая мысль действительно приходила мне в голову, ваше преосвященство.

— Еще бы! — Сульт поднялся со своего кресла и зашагал через комнату к окну, заложив руки в белых перчатках за спину. — Мир меняется, Глокта, мир меняется... Старый порядок рушится. Верность, долг, честь, гордость... Эти понятия давно вышли из моды. И что же заняло их место? — Он глянул через плечо и скривил губу. — Жажда наживы. Купцы становятся новой властью в стране. Банкиры, лавочники, торговцы. Мелкие людишки с мелкими умишками и мелкими устремлениями. Они верны только самим себе, их долг состоит лишь в наполнении собственных кошельков, их единственная гордость заключается в том, чтобы надуть тех, кто стоит выше них, а честь оценивается в серебряных монетах!

«Нет нужды спрашивать, к какому купеческому разряду принадлежишь ты сам», — подумал Глокта.

Сульт хмуро посмотрел на открывавшийся за окном вид и повернулся к инквизитору.

— В наши дни, как мы видим, чей угодно сын может получить образование, открыть дело и стать богатым. Купеческие гильдии — торговцы шелком, торговцы пряностями и им подобные — неуклонно увеличивают свое богатство и влияние. Разные выскочки, самонадеянные простолюдины диктуют условия тем, кто от природы поставлен повелевать ими! Их жирные алчные пальцы дергают за струны власти. Это становится невыносимым!

Он передернулся и вновь зашагал по комнате.

— Я буду говорить с вами откровенно, инквизитор. — Архилектор взмахнул рукой, показывая, что его откровенность является бесценным подарком. — Никогда прежде Союз не казался таким могущественным,

никогда не владел столькими землями; но за этим фасадом мы слабы. Вряд ли для кого-то является секретом, что король уже не в состоянии самостоятельно принимать решения. Кронпринц Ладислав — хлыщ, окруженный льстецами и дураками. Его интересуют лишь азартные игры и наряды. Принц Рейнольт гораздо лучше приспособлен для того, чтобы править, но он, к сожалению, младший. Закрытый совет, чья задача должна бы состоять в том, чтобы направлять наш тонущий корабль, доверху набит мошенниками и интриганами. Кто-то из них еще верен короне, но таких немного, и каждый готов тащить короля туда, куда ему вздумается.

«Какая досада — очевидно, они все должны тащить его туда, куда вздумается тебе?»

— Тем временем Союз осажден врагами, опасности грозят ему из-за границ и изнутри. В Гуркхуле правит новый энергичный император, он готовит страну к еще одной войне. Северяне тоже взялись за оружие и рыщут на границах Инглии. В открытом совете дворяне требуют возвращения им старинных привилегий, а в деревнях крестьяне выступают за новые права. — Он тяжело вздохнул. — Да, старый порядок рушится, и ни у кого не хватает ни искренности, ни мужества поддержать его.

Сулыт помедлил, глядя на один из портретов: плотный лысый человек в белых одеждах. Глокта сразу узнал его: Цоллер, величайший из архилекторов. Неустанный ревнитель инквизиции, герой палачей, бич непокорных.

Тот мрачно взирал со стены, словно даже после смерти мог сжечь изменников взглядом.

— Цоллер, — проговорил Сулыт. — В его время все было по-другому, уверяю вас. При нем не было ни жалобщиков-крестьян, ни мошенников-купцов, ни недовольных дворян. Если человек забывал свое место, ему напоминали об этом каленым железом, и любой судья, осмелившийся возразить, пропадал без следа. Инквизиция в те дни была благородным учреждением, где работали самые лучшие, самые умные. Служить своему королю и искоренять измену — таковы были их единственное желание и единственная награда!

«О да, отличная была жизнь в старые времена!»

Архилектор снова скользнул на сиденье и наклонился к Глокте через стол.

— Теперь же мы стали учреждением, где третьи сыновья обедневших дворян набивают себе карманы взятками. Где разное отребье удовлетворяет свою тягу к истязанию людей. Наше влияние на короля постоянно слабеет, наш бюджет урезается. Когда-то нас боялись и почитали, Глокта, а теперь...

«А теперь мы превратились в горстку жалких мошенников».

Сульт нахмурился и продолжал:

— Ну, скажем мягко, теперь это не совсем так. Интриги и измены множатся, и я боюсь, что инквизиция уже не справляется со своими задачами. Слишком многим из нас, даже наставникам, нельзя больше верить. Их заботят не интересы короля и государств, а собственная выгода.

«Наставникам? Нельзя верить? Я сейчас упаду в обморок от потрясения!»

Брови Сульта сошлись еще ближе к переносице.

— И теперь еще умер Феект.

Глокта поднял голову.

«Вот это новость».

— Что? Лорд-канцлер?

— Об этом объявят завтра утром. Он умер внезапно несколько дней назад, среди ночи, когда вы были заняты с вашим другом Реусом. Обстоятельства его смерти не совсем ясны, но ведь ему было почти девяносто. Удивительно, что он протянул так долго. «Золотой канцлер», так его называли. Величайший политик своего времени. Его изображение уже высекают в камне, чтобы поставить в аллее Королей. — Сульт хмыкнул. — Величайшая награда, на какую любой из нас может лишь надеяться. — Глаза архилектора сузились, превратившись в голубые щелочки. — Если у вас сохранились детские представления о том, что Союзом правит король или высокородные болтуны из открытого совета, можете с ними проститься. Закрытый совет — вот где находится истинная власть! И ее там больше, чем когда-либо со времени болезни короля. Двенадцать человек в двенадцати больших неудобных креслах, один из них я. Двенадцать человек с очень разными взглядами, и в течение двадцати лет, в годы войны и в мирное время, Феект поддерживал равновесие совета. Он натравливал инквизицию на судей, банкиров — на военных. Он был осью, на которой вращалось королевство, основанием, на котором оно покоилось. Теперь он умер, и на этом месте образовалась дыра. Не одна, а множество зияющих дыр — и люди будут торопиться заполнить их. У меня есть ощущение, что слезливый болван Маровия, это кровоточащее сердце Верховного суда, этот самозванный любимец простонародья, станет первым в очереди. Очень зыбкая и опасная ситуация. — Архилектор уперся кулаками в стол перед собой. — Мы должны позаботиться о том, чтобы нежелательные люди не воспользовались представившейся возможностью.

Глокта кивнул.

«Кажется, я понимаю, что вы имеете в виду, архилектор. Мы должны

позаботиться о том, чтобы этой возможностью воспользовались мы, и никто другой».

— Вряд ли стоит упоминать о том, что лорд-канцлер — одно из самых могущественных лиц в государстве. Сбор налогов, королевская казна, монетный двор — все находится в его ведении. Деньги, Глокта, деньги! А деньги — это власть, вы и без меня знаете. Новый канцлер будет назначен завтра. Первым кандидатом считался наш бывший друг, мастер-распорядитель монетного двора Сепп дан Тойфель.

«Понимаю. Что-то подсказывает мне, что он больше не кандидат».

Сульт скривил губу:

— Тойфель был тесно связан с купеческими гильдиями, в первую очередь с торговцами шелком. — Презрительная усмешка превратилась в угрюмую гримасу. — К тому же он поддерживал верховного судью Маровию. Так что сами видите: из него вряд ли выйдет приемлемый лорд-канцлер.

«Да, действительно. Абсолютно неприемлемый».

— Генеральный инспектор Халлек, по моему мнению, подошел бы гораздо лучше, — продолжал архилектор.

Глокта взглянул в сторону двери и переспросил:

— Он — лорд-канцлер?

Сульт, улыбаясь, поднялся с места и двинулся к одному из шкафов у стены.

— Да, именно он. Его ненавидят все, и он ненавидит всех, кроме меня. Более того, он закоренелый консерватор, презирающий купечество и все, что связано с торговцами. — Он раскрыл шкаф, достал оттуда два бокала и изящный графин. — Его нельзя назвать в полной мере моим сторонником, но он мне симпатизирует и чертовски враждебно относится к остальным. Я не вижу более подходящего кандидата.

— Он показался мне искренним, — кивнул Глокта.

«Но не настолько искренним, чтобы я доверил ему нести меня в ванну. А вы, ваше преосвященство?»

— Да, — кивнул Сульт, — он для нас очень ценен. — Архилектор разлил по бокалам темно-красное вино. — Вдобавок мне удалось устроить так, что на место мастера-распорядителя монетного двора тоже назначен подходящий человек. Я слышал, что торговцы шелком буквально кусают губы от злости! Да и Маровия, сволочь, не слишком-то счастлив. — Сульт весело рассмеялся. — Столько хороших новостей, и за все я должен благодарить вас!

Он подал Глокте один из бокалов.

«Яд? Медленная смерть в конвульсиях и блевотине на этом красивом мозаичном полу? Или я просто упаду лицом вперед на его стол? — думал Глокта, но ему ничего не оставалось, как взять бокал и сделать глоток. Вино было незнакомым, но восхитительным. — Наверное, из каких-то прекрасных и очень далеких мест. По крайней мере, если я умру прямо здесь, мне не придется ковылять обратно по лестницам».

Однако архитектор тоже пил, лучась благожелательной улыбкой.

«Ну что ж, значит, я еще протяну хотя бы до вечера».

— Да, мы с вами сделали хороший первый шаг, — говорил Сульт. — Времена сейчас весьма опасные, однако опасность и благоприятные возможности зачастую идут рука об руку.

Глокта ощутил странный холодок, ползущий по позвоночнику.

«Страх? Или честолубие? Или и то и другое вместе?»

— Мне нужен человек, который поможет привести все в порядок, — заявил архитектор. — Тот, кто не боится ни наставников, ни купцов, ни даже закрытого совета. Тот, на кого я смогу положиться, кто будет действовать тонко, осмотрительно и безжалостно. Тот, чья верность Союзу вне сомнений и у кого нет друзей в правительстве.

«Тот, кого все ненавидят? Тот, кого можно подставить в случае провала? Тот, к кому никто придет на похороны?»

— Мне нужен человек на должность чрезвычайного инквизитора, Глокта. Он будет действовать вне контроля наставников, но полностью под моим руководством. Он будет отчитываться только передо мной. — Архитектор поднял бровь, словно следующая мысль только сейчас пришла ему в голову: — Мне кажется, вы исключительно подходите для такой задачи. Что вы об этом думаете?

«Я думаю, что у человека на подобной должности будет очень много врагов и только один друг. — Глокта поднял голову, чтобы посмотреть на архитектора. — И этот друг может оказаться совсем ненадежным. Я думаю, что человек на такой должности протянет очень недолго».

— У меня есть время, чтобы обдумать ваши слова?

— Нет.

«Опасность и благоприятные возможности зачастую идут рука об руку».

— Тогда я согласен.

— Превосходно. Не сомневаюсь, что это начало долгого и продуктивного сотрудничества, — улыбнулся ему Сульт, глядя поверх своего бокала. — Вы знаете, Глокта, из всех купцов, что копошатся здесь, торговцев шелком я нахожу наиболее отвратительными. Во многом именно

благодаря их влиянию Вестпорт в свое время вступил в Союз, и именно благодаря деньгам Вестпорта мы выиграли войну в Гуркхуле. Король, разумеется, вознаградил членов гильдии, дав им неоценимые права торговли, но их самонадеянность стала невыносимой. Глядя на то, какую важность они на себя напускают и какими привилегиями пользуются, можно вообразить, будто они сами сражались в битвах. Высокочтимая гильдия торговцев шелком! — насмешливо протянул он. — Сдается мне, теперь, когда ваш друг Реус дал нам удобный шанс вонзить в них крючок, мы покроем себя позором, если позволим им выкрутиться.

Глокта немало удивился, хотя постарался это скрыть.

«Копать глубже? Но зачем? Если торговцы шелком выкрутятся, они продолжат платить, и очень многие люди останутся довольны. В настоящее время они напуганы и уязвимы: гадают, кого назвал Реус, кто окажется следующим у нас на скамье. Если мы копнем глубже, они могут оскорбиться или с ними вообще будет покончено. Тогда они перестанут платить, и множество людей потеряют свою выгоду. Кое-кто даже в этом самом здании».

— Я готов продолжить расследование, ваше преосвященство, если вам угодно, — произнес вслух Глокта и сделал еще глоток. Вино действительно было превосходным.

— Мы должны действовать осторожно, Глокта, и очень основательно. Деньги торговцев шелком текут, как молочные реки. У гильдии имеются друзья в высочайших дворянских кругах — Брок, Хайген, Ишер, множество других, даже среди самых именитых людей страны. Каждый из них, как нам известно, в свое время прикладывался к этой золотой соске, а дети начинают плакать, если у них отбирают молоко. — На лице Сульта промелькнула жестокая усмешка. — Тем не менее, если детей хотят приучить к дисциплине, их необходимо время от времени заставлять плакать. Кого этот червяк Реус назвал в своем признании?

Глокта, преодолевая боль, наклонился вперед, подтянул к себе листок с признанием Реуса, развернул его и принялся изучать список имен снизу вверх.

— Сепп дан Тойфель, его мы уже знаем.

— О да, его мы все знаем и любим, инквизитор, — сказал Султ, лучась улыбкой. — Но мне кажется, мы можем спокойно вычеркнуть его из списка. Кто еще?

— Что ж, давайте посмотрим. — Глокта кинул неторопливый взгляд на бумагу. — Гарод Полст, торговец шелком.

«Ну, это просто никто».

Сулыт нетерпеливо махнул рукой:

— Это просто никто.

— Солимо Сканди, торговец шелком из Вестпорта.

«Тоже никто».

— Нет-нет, Глокта, мы найдем кого-нибудь получше, чем этот Солимо как-его-там, не правда ли? Эти мелкие торговцы не представляют интереса. Вытащи корень, и листья опадут сами собой.

— Вы совершенно правы, архилектор. Вот еще Виллем дан Робб, мелкий дворянин, занимает незначительную должность на таможне.

Сулыт задумчиво посмотрел на Глокту и покачал головой. Тот продолжил:

— Еще есть...

— Подождите! Виллем дан Робб... — Архилектор прищелкнул пальцами. — Его брат Кирал — один из придворных королевы. Он как-то раз прилюдно оскорбил меня. — Сулыт улыбнулся. — Да, Виллем дан Робб подойдет. Арестуйте его.

«Итак, копаем глубже».

— Служу и повинуюсь, ваше преосвященство. Есть ли еще какие-то конкретные имена, которые следует упомянуть? — спросил Глокта и поставил на стол опустевший стакан.

— Нет, — ответил архилектор, отвернувшись от него, и снова махнул рукой. — Кто угодно. Мне все равно.

Первый из магов

Озеро простиралось вдаль, окаймленное скалистыми утесами и мокрой зеленью. Его поверхность была исколота дождем — плоская и серая, насколько мог видеть глаз. Впрочем, в такую погоду глаз Логена видел не очень далеко. Возможно, противоположный берег лежал всего лишь в сотне шагов отсюда, но тихие воды казались глубокими. Очень глубокими.

Логен давно оставил попытки укрыться от дождя. Вода лилась ручьями по его волосам, стекала вниз по лицу, капала с носа, с пальцев, с подбородка. Постоянно мокрый, усталый и голодный — вот так теперь он жил. Он прикрыл глаза и прислушался к тому, как дождь барабанит по его коже, как вода плещет о гальку. Потом опустил на колени возле озера, открыл фляжку, погрузил ее в воду и стал наблюдать за пузырями, поднимающимися по мере того, как фляжка наполняется.

Малахус Ки выбрался из кустов, дыша часто и неглубоко. Он рухнул на колени, подполз к подножию дерева, закашлялся и выплюнул на гальку порцию мокроты. Его кашель теперь звучал очень скверно: он рождался где-то прямо в кишках, сотрясая всю грудную клетку. Малахус был еще бледнее, чем при их первой встрече, и худее. Логен и сам несколько отощал. Неудивительно — времена настали скудные. Он подошел к изможденному ученику и присел на корточки рядом с ним.

— Сейчас, одну минутку. — Ки закрыл свои ввалившиеся глаза и откинул назад голову. — Одну минутку.

Его рот раскрылся, жилы на тощей шее натянулись. Он походил на труп.

— Нельзя отдыхать слишком долго, ты рискуешь вообще не подняться, — проговорил Логен и протянул ему фляжку.

Ки даже не поднял руки, чтобы взять ее. Тогда Логен поднес фляжку к его губам и немного наклонил. Малахус сделал глоток, сморщился, закашлялся, потом его голова упала назад, словно камень, стукнувшись о ствол дерева.

— Ты знаешь, где мы? — спросил Логен.

Ученик недоуменно уставился на водное пространство, словно только сейчас его заметил.

— Это, наверное, северный конец озера... Здесь должна быть тропа. — Его голос понизился до шепота: — От южного берега отходит

дорога, там два камня... — Он разразился неожиданным жестоким кашлем, с трудом сглотнул. — По ней перейти через мост, и ты на месте, — прохрипел он.

Логен посмотрел вдоль берега на промокшие деревья.

— Далеко отсюда?

Нет ответа. Он взялся за костлявое плечо больного и потряс его. Веки юноши задрожали, и он туманным взором поглядел вверх, пытаясь собраться.

— Далеко отсюда? — повторил Логен.

— Сорок миль.

Логен поцокал языком. Ки не выдержит сорок миль. Большая удача, если он сумеет пройти сорок шагов без посторонней помощи. Ученик мага и сам все понимал, это было видно по его глазам. Скоро он умрет, подумал Логен, не позднее чем через несколько дней. Ему приходилось видеть, как умирали от горячки куда более крепкие люди.

Сорок миль. Логен тщательно обдумал это, потирая подбородок большим пальцем. Сорок миль...

— Дерьмо, — прошептал он.

Он взял дорожный мешок и развязал его. У них еще оставалась еда, но не очень много — несколько полосок черствого вяленого мяса, заплесневелая горбушка черного хлеба. Логен оглянулся на озеро, такое спокойное. Воды для питья им хватит. Во всяком случае, на ближайшее время. Он вытащил из мешка тяжелый походный котелок и поставил его на гальку. Котелок сопровождал Логена в походах очень давно, но в нем больше нечего готовить. Нельзя привязываться к вещам, особенно здесь, в этих диких краях. Он швырнул веревку в кусты и закинул полегчавший мешок за плечо.

Глаза Ки снова закрылись, он едва дышал. Логен еще помнил тот первый случай, когда ему пришлось оставить одного из своих людей. Он помнил это так, будто все произошло вчера. Странно — имя мальчика совершенно улетучилось из памяти, но лицо до сих пор стояло перед глазами.

Шанка вырвал кусок мяса из его бедра. Большой кусок. Он стонал всю дорогу, не мог идти. Рана начала гнить, он был обречен. Им пришлось оставить его. Никто не винил Логена за это. Мальчишка слишком юн, ему вообще не следовало идти с ними. Не повезло, вот и все, так может случиться с каждым... Он кричал им вслед, пока они уходили вниз по склону холма мрачной молчаливой группой, опустив головы. Логену казалось, что он слышит крики, даже когда они уже оставили мальчика

далеко позади. До сих пор слышит.

На войне все было по-другому. Солдаты погибали во время долгих маршей, в холодные месяцы. Сначала они теряли силы, отставали, а затем падали. Замерзшие, больные, раненые... Логен поежился, его плечи поникли. Поначалу он пытался помогать ослабевшим. Потом благодарил судьбу, что избежал их участи. А потом стал перешагивать через трупы, едва обращая на них внимание. Можно научиться отличать тех, кто обречен. Он посмотрел на Малахуса Ки. Еще одна смерть в диких краях, ничего особенного. В конце концов, надо смотреть правде в глаза.

Ученик мага вздрогнул, пробуждаясь от беспокойного сна, и попытался встать на ноги. Его руки отчаянно тряслись. Он смотрел снизу вверх на Логена, его глаза блестели.

— Я не могу подняться, — прохрипел он.

— Знаю. Я удивляюсь, как ты сумел очнуться.

Но теперь это уже не имело значения — Логен знал дорогу. Если он отыщет ту тропу, он будет идти по двадцать миль в день.

— Если ты оставишь мне немного еды... может быть... когда ты доберешься до библиотеки... кто-нибудь...

— Нет, — ответил Логен, стискивая зубы. — Еда понадобится мне самому.

Ки издал странный звук: нечто среднее между кашлем и всхлипом.

Логен нагнулся и подставил правое плечо под живот юноши, протолкнув руку ему под спину.

— Я не смогу нести тебя сорок миль без еды, — пояснил он.

Потом выпрямился, взвалив ученика на плечо. Он зашагал по берегу, придерживая Ки за куртку, и его сапоги с хрустом вминались в мокрую гальку. Ученик не пошевелился — просто висел у него на плече, словно мешок с мокрым тряпьем, ударяясь безвольными руками о Логеновы ягодицы.

Через тридцать шагов Логен обернулся и посмотрел назад. Брошенный котелок стоял возле озера, в него капала дождевая вода. Они немало прошли вместе, Логен и этот котелок.

— Прощай, старый друг!

Котелок не откликнулся.

Логен осторожно положил свою дрожащую ношу у обочины и распрямил ноющую спину, поскреб грязную повязку на своей руке, сделал глоток воды из фляги. Он ничего сегодня не ел, и голод глодал его внутренности. Хотя бы дождь перестал. Со временем приучаешься ценить

такие мелочи, как сухие сапоги. Ты ценишь их, когда у тебя нет ничего другого.

Логен сплюнул в грязь и размял пальцы, заставляя их действовать. Место было то самое, без сомнений: у дороги высились два камня, древние и выщербленные, испещренные возле основания пятнами зеленого мха, а ближе к верхушке — серым лишайником. Их покрывала наполовину стершаяся резьба — ряды букв на языке, который Логен не мог ни понять, ни даже распознать. Однако от камней исходило нечто зловещее: скорее предупреждение, чем приветствие.

— Первый закон...

— Что? — удивленно спросил Логен.

Ки пребывал в болезненном состоянии между сном и бодрствованием с тех самых пор, как два дня назад они оставили за своей спиной старый походный котелок, и скорее от того котелка, чем от ученика мага, можно было ожидать каких-либо осмысленных звуков. Нынешним утром Ки еле дышал. Проснувшись, Логен подумал, что юноша мертв, но тот все еще слабо цеплялся за жизнь. Он не сдавался, это надо признать.

Логен встал на колени и убрал мокрые волосы с лица Ки. Внезапно ученик мага схватил его за запястье и рванулся вперед.

— Запрещено, — прошептал он, воззрившись на Логена широко открытыми глазами, — запрещено касаться другой стороны!

— А?

— Нельзя говорить с бесами! — прохрипел юноша, хватаясь за поношенную куртку своего спутника. — Существа нижнего мира созданы из лжи! Ты не должен делать этого!

— Я не буду, — буркнул Логен, гадая, о чем толкует юноша. — Не буду. Что бы это ни значило.

Это не значило почти ничего: Ки уже провалился обратно в беспокойный полусон. Логен прикусил губу. Он надеялся, что юноша очнется. Шансов не много, но все же — вдруг Байяз сумеет сделать что-нибудь? В конце концов, он же первый из магов, он наделен высокой мудростью и все такое прочее. Логен снова взвалил Малахуса на плечо и побрел между двух камней.

Дорога круто взбиралась в скалы над озером, то заваленная камнями, то глубоко врезанная в твердую землю, истертая и выщербленная от времени, в оспинах сорной травы. Она поднималась зигзагами, петляла, и вскоре Логен уже пыхтел и потел от напряжения. Его шаг замедлился.

Он начал уставать. Уставать не только от подъема, или от изнурительного пути, проделанного за день с полумертвым учеником на

плече, или после тяжелой вчерашней дороги, или после той схватки в лесу. Он устал от всего сразу. От шанка, от войн, от своей жизни.

— Я не могу вечно идти, Малахус, и не могу вечно сражаться. Сколько этого дерьма способен сожрать человек? Мне нужно хоть минутку посидеть. Просто посидеть, черт побери, на нормальном долбаном стуле! Или я прошу слишком многого? А?

В таком вот настроении Логен взошел на мост. Он ворчал и ругался, а на его плече висело безжизненное тело, на каждом шагу бившееся головой о его задницу.

Мост был такой же древний, как и дорога, сплошь увитый ползучими растениями, шагов двадцати в длину. Прямой и узкий, он взметнулся аркой над головокружительной расщелиной. Далеко внизу клочкотала на острых камнях река, наполняя воздух шумом и сверкающими брызгами. На той стороне, между крутыми откосами мшистого камня, возвышалась стена, построенная с такой тщательностью, что трудно было разобрать, где кончается естественный обрыв и начинается творение человеческих рук. В стене виднелась единственная древняя дверь, облицованная кованой медью, с полосами зелени от влаги и старости.

Осторожно продвигаясь вперед по скользким камням, Логен поймал себя на том, что в силу давней привычки прикидывает, можно ли взять это место штурмом. Нет, нельзя. Даже с тысячью отборных бойцов. Перед дверью располагался лишь узенький каменный уступ — лестницу не поставить и таран не разогнать. Стена поднималась на десять шагов в высоту, а дверь выглядела устрашающе прочной. Если же защитники сломают мост... Логен заглянул через край и сглотнул. Падать придется очень высоко.

Он набрал полную грудь воздуха и бухнул кулаком по сырой зеленой меди — четыре мощных, гулких удара. Вот так он стучал в ворота Карлеона после битвы, и горожане бежали сдаваться. Однако сейчас никто не спешил.

Он подождал. Постучал снова, подождал еще. Сырость, тянущаяся от реки, проникала в него все глубже. Логен заскрипел зубами и поднял кулак, чтобы опять ударить в дверь. И тут в ней распахнулось узкое окошечко, и пара слезящихся глаз неприветливо уставилась на пришельца из-за толстых прутьев решетки.

— Кто там? — рявкнул сердитый голос.

— Мое имя Логен Десятипалый. Я пришел...

— Никогда не слышал о таком.

Не на такой прием надеялся Логен.

— Я пришел повидать Байяза.

Молчание.

— Это первый из...

— Да, да. Он здесь, — раздался ответ, но дверь оставалась закрытой. — Он не принимает посетителей. Я так и сказал последнему из посланников.

— Я не посланник. Со мной Малахус Ки.

— Какая еще малаха?

— Малахус Ки, ученик.

— Ученик?

— Он очень болен, — раздельно проговорил Логен. — Он может умереть.

— Ты сказал — болен? Может умереть, так?

— Да.

— Скажи-ка еще раз, как тебя...

— Лучше открой эту чертову дверь! — Логен тщетно грозил кулаком перед решеткой. — Прошу тебя!

— Мы не пускаем сюда кого попало... Погоди-ка. Покажи мне руки.

— Что?

— Твои руки.

Логен поднял вверх руки. Водянистые глаза медленно обвели взглядом его пальцы.

— Девять! Одного не хватает, видишь? — Логен сунул обрубок в окошечко.

— Девять, вот как? Нужно было сразу сказать.

Лязгнули засовы, и дверь медленно, со скрипом отворилась.

По ту сторону стоял старик в старинных доспехах, пригибаясь к земле под их тяжестью, и с подозрением смотрел на гостя. В руках он держал длинный меч, слишком тяжелый для него; острие бешено плясало в воздухе, несмотря на старание старика держать оружие прямо. Логен поднял вверх руки:

— Я сдаюсь.

Древний привратник не принял шутки. Он лишь угрюмо хмыкнул, когда Логен шагнул мимо него в проем, с усилием закрыл дверь и загромыхал засовами, потом без единого слова повернулся и зашаркал прочь. Логен последовал за ним по узкой лощине, вдоль которой стояли в ряд странные дома: они поблекли от непогоды, поросли мхом, наполовину врезались в крутые скалы, так что сливались со склоном горы.

На пороге одного из домов сидела и пряла женщина с суровым лицом.

Она нахмурилась, когда Логен прошел мимо нее, неся на плече бездыханного ученика. Девятипалый улыбнулся ей; конечно, не красавица, но он уже так давно... Женщина скрылась в доме и ногой прихлопнула дверь, оставив прялку вращаться у порога. Логен вздохнул — старые чары не утратили силы.

Следующее здание оказалось пекарней с приземистой трубой, откуда валил дым. От запаха свежее испеченного хлеба в пустом Логеновом желудке заурчало. На улице играли и смеялись двое темноволосых ребяташек, бегая вокруг корявого старого дерева. Логен вспомнил о собственных детях. Здешние на них не походили, но настроение все равно испортилось.

Логен признался себе, что немного разочарован. Он ожидал увидеть множество мудрецов или, по крайней мере, бородатых людей. Однако все вокруг выглядели как обычные крестьяне. Эта деревня не слишком отличалась от родной деревни Логена до прихода шанка. Он начал сомневаться, туда ли он попал, и тут дорога сделала поворот.

За поворотом на склоне горы он увидел три огромные башни, сужающиеся кверху. Они вырастали из одного основания и разделялись в вышине, увитые темным плющом. Башни выглядели еще более старыми, чем древний мост и дорога; такими же старыми, как сама гора. У их подножия сгрудились разнородные строения, беспорядочно разбросанные по сторонам широкого двора, где люди занимались повседневными делами. Худая женщина сбивала масло на крыльце. Коренастый кузнец пытался подковать беспокойную кобылу. Старый лысый мясник в заляпанном кровью переднике закончил рубить на куски тушу какого-то животного и мыл в корыте окровавленные руки.

А на верхней площадке широкой лестницы, поднимавшейся к подножию самой высокой из трех башен, восседал величественный старик, одетый в белые одежды. У него была длинная борода, крючковатый нос и белые волосы, ниспадавшие из-под белой шапочки. Теперь Логен почувствовал удовлетворение: первый из магов, несомненно, выглядел внушительно. При виде гостя с учеником на плече старик спустился по лестнице и поспешил навстречу; белые одежды хлопали за его спиной.

— Положи его здесь, — показал он на небольшой участок травы возле колодца.

Логен встал на колени и опустил тело Ки на землю так бережно, как только мог, преодолевая боль в спине. Старик нагнулся над юношей и положил узловатую руку ему на лоб.

— Вот, я принес твоего ученика, — пробормотал Логен, хотя это было очевидно.

— Моего?

— А разве ты не Байяз?

Старик рассмеялся.

— О нет, нет! Я Уэллс, здешний дворецкий.

— Я Байяз, — послышался голос сзади.

Давешний мясник не спеша направлялся к ним, вытирая руки о тряпку. Выглядел он лет на шестьдесят: крепко сложенный, с решительным лицом, изборозженным глубокими морщинами, и коротко стриженной седоватой бородкой вокруг рта. Он был совершенно лыс, и полуденное солнце ярко блесело на его загорелой макушке. Байяз не казался ни красивым, ни величественным, но, когда он подошел ближе, в нем проступило нечто особенное — уверенность, привычка повелевать. Этот человек отдавал приказы, и ему подчинялись.

Первый из магов взял левую руку Логена обеими ладонями и горячо пожал. Затем перевернул ее тыльной стороной вверх и исследовал обрубок пальца.

— Значит, Логен Девятипалый, кого называют также Девять Смертей. Я слышал немало рассказов о тебе, хотя и сижу безвылазно у себя в библиотеке.

Логен вздрогнул. Он мог себе представить, какого рода рассказы слышал его собеседник.

— Это было давно.

— Разумеется. У нас всех есть прошлое, не так ли? Я не сужу о людях по слухам.

И тут Байяз улыбнулся — широкой, белозубой, лучащейся улыбкой. Его лицо просияло, покрывшись дружелюбными морщинками, но глаза, глубоко посаженные и отливавшие зеленью, остались тверды. Тверды как камень. Логен ухмыльнулся в ответ, но уже понял, что не хотел бы стать врагом этого человека.

— И ты принес нашего заблудшего ягненка обратно в стадо. — Байяз сдвинул брови и взглянул на Малахуса Ки, неподвижно лежавшего на траве. — Как он?

— Я думаю, он будет жить, сэр, — сказал Уэллс. — Но его нужно унести в тепло.

Первый из магов щелкнул пальцами, и резкий треск пронесся по двору, отражаясь от строений.

— Кто-нибудь, помогите ему!

Кузнец шагнул вперед, взял юношу за ноги и вместе с Уэллсом внес ученика через высокую дверь внутрь библиотеки.

— Итак, мастер Десятипалый. Я позвал тебя, и ты откликнулся, и это говорит о твоих хороших манерах. Манеры на Севере, может быть, и не в моде, но ты должен знать, что я ценю их. На вежливость следует отвечать вежливостью, так я всегда думал... Но что там еще? — Старик-привратник снова спешил к ним через двор, совершенно запыхавшись. — Двое посетителей в один день? Что же нас ждет дальше?

— Мастер Байяз, — просипел привратник, — там перед воротами всадники, на хороших лошадях и отлично вооруженные! Они говорят, что у них срочное послание от короля Севера!

Бетод. Этого следовало ожидать. Духи сказали, что Бетод пожаловал себя золотой шапкой. Кто же еще рискнет назваться королем Севера? Логен сглотнул. После их последней встречи у него осталась только жизнь, ничего больше; однако это намного лучше того, что выпало многим другим.

— Ну так что, господин? — спросил привратник. — Велеть им убираться отсюда?

— Кто их предводитель?

— Какой-то разодетый парень с угрюмым лицом. Говорит, он сын этого короля, или что-то вроде того.

— Кальдер или Скейл? Они оба довольно угрюмы.

— Тот, кто моложе, я думаю.

Значит, Кальдер, и это уже удача. Парни друг друга стоят, но Скейл значительно хуже. Встреча с ними обоими — опыт, которого надо избегать. После некоторого размышления Байяз распорядился:

— Принц Кальдер может войти, но его люди пусть останутся за мостом.

— Хорошо, сэр. Значит, за мостом.

Привратник, сипло дыша, удалился.

Кальдеру это не слишком понравится, ясное дело. Логен развеселился, когда представил, как самозванный принц будет безуспешно вопить в то узенькое окошко.

— Он уже король Севера, ты можешь себе представить? — Байяз рассеянно глядел вдаль, в долину. — Я помню Бетода в те времена, когда он еще не был таким важным. Да и ты тоже. А, мастер Десятипалый?

Логен нахмурился. Он знал Бетода, когда тот был почти никем — вождем небольшого клана среди многих точно таких же. Логен пришел к нему за помощью против шанка, и Бетод не отказал, но назначил определенную цену. Цена казалась небольшой, и дело стоило того, чтобы ее заплатить. Требовалось всего лишь сразиться, убить нескольких человек.

Логену легко давалось убийство, а Бетод казался человеком, за которого стоило драться, — смелый, гордый, безжалостный, амбициозный. Этими качествами Логен тогда восхищался; ему казалось, он обладал ими и сам. Однако время изменило их обоих, и цена с тех пор возросла.

— Прежде он был лучше, — размышлял Байяз, — но короны идут не всем. Ты знаком с его сыновьями?

— Лучше, чем хотелось бы.

Байяз кивнул:

— Они абсолютное дерьмо, правда? И боюсь, они уже никогда не исправятся. Только представь себе безмозглого болвана Скейла королем! Бр-р! — Волшебник содрогнулся. — Иногда я почти готов пожелать его отцу долгой жизни... Почти.

К ним подбежала маленькая девочка. Логен уже видел ее: она играла возле дерева при входе в долину. В руках девочка держала венок из желтых цветочков, который она протянула старому волшебнику.

— Я сама его сплела! — сказала она.

Логен уже слышал быструю дробь конских копыт, приближавшуюся по дороге.

— Для меня? Это просто чудесно! — Байяз взял цветы. — Превосходная работа, моя дорогая. Сам мастер Делатель не сумел бы сделать лучше.

Всадник с грохотом ворвался во двор, резко осадил лошадь и птицей слетел с седла. Это был Кальдер, и прошедшие годы отнеслись к нему мягче, чем к Логену. Он был с ног до головы одет во все черное, с опушкой из темного меха. Большой красный камень сверкал на его пальце, рукоять меча блистала золотом. Он вырос, раздался вширь, и хотя до размеров брата Скейла ему было далеко, все же мог считаться крупным мужчиной. Но его бледное гордое лицо оставалось почти тем же, какое помнил Логен. Тонкие губы кривились в постоянной высокомерной усмешке.

Он бросил поводья женщине, сбивавшей масло, и быстро зашагал через двор, сердито поглядывая вокруг. Его длинные волосы плескались на ветру. Кальдеру оставалось пройти около десятка шагов, когда он увидел Логена. Сын Бетода изумленно раскрыл рот, отступил на полшага назад и невольно потянулся к мечу. Затем улыбнулся холодной натянутой улыбкой.

— Так ты завел псов, а, Байяз? Вот за этим надо хорошо присматривать, он известен тем, что кусает руку хозяина. — Губы Кальдера скривились еще сильнее. — Я могу приструнить его для тебя, если хочешь.

Логен пожал плечами: оскорбления — удел дураков или трусов. Оба определения, возможно, подходили для Кальдера, но Логен не был ни

дураком, ни трусом. Если хочешь убить, сразу приступай к делу, а не разводи болтовню. Лишние разговоры позволят противнику подготовиться, а это последнее, что тебе нужно. Логен не стал ничего говорить. Если Кальдер примет это за слабость, оно и к лучшему. Может быть, драки слишком часто находили Логена, но сам он давным-давно их не искал.

Второй сын Бетода направил свое презрение на первого из магов:

— Мой отец будет недоволен, Байяз! Моим людям пришлось ждать за воротами — значит, ты недостаточно уважаешь нас!

— Но уважения у меня действительно недостает, принц Кальдер, — сказал мудрец спокойно. — Прошу тебя, однако, не падать духом. Последнего из твоих гонцов не допустили даже за мост, так что, как видишь, мы продвигаемся вперед.

Кальдер насупился.

— Почему ты не ответил на призыв моего отца?

— Так много дел занимают мое время... — Байяз показал ему цветочный венок. — Это тоже не делается само, сам понимаешь.

Принца шутка не позабавила.

— Мой отец, — прогремел он, — Бетод, король Севера, приказывает тебе явиться к нему в Карлеон! — Кальдер прочистил горло. — Он не станет... — Кальдер закашлялся.

— Что? — переспросил Байяз. — Говори, говори, сынок!

— Он приказывает... — Принц снова закашлялся, захрипел, схватился рукой за горло.

Вокруг внезапно стало очень тихо.

— Приказывает, вот как? — Байяз сдвинул брови. — Приведи сюда великого Иувина из страны мертвых. Он может приказывать мне! Он один, и никто другой! — Он хмурился все сильнее, и Логен с трудом поборол странное желание попятиться. — Ты этого не можешь. Не может и твой отец, кем бы он себя ни мнил.

Кальдер медленно опустился на колени, его лицо исказилось, глаза наполнились слезами. Байяз внимательно оглядел его сверху донизу.

— Какое мрачное одеяние. Что, кто-нибудь умер? На-ка, возьми. — Он накинул цветочный венок на голову принца. — Добавим немного цвета, вдруг это улучшит твоё настроение? Передай отцу, что он должен прийти сам. Я не трачу время на глупцов и младших сыновей. Я старомоден — предпочитаю говорить с головой лошади, а не с ее задницей. Ты понял меня, мальчик?

Кальдер медленно оседал набок, его глаза выкатились из орбит и налились кровью. Первый из магов махнул рукой:

— Можешь идти.

Принц с хрипом глотнул воздуха, закашлялся и с трудом поднялся на ноги. Пошатываясь и спотыкаясь, он подошел к своей лошади и взгромоздился в седло совсем не так прытко, как спускался с него. Уже направляясь к воротам, он метнул через плечо убийственный взгляд. Но поскольку лицо Кальдера было красным, как задница после отцовского ремня, этому взгляду не хватало должной внушительности. Логен поймал себя на том, что ухмыляется во весь рот. Давненько ему не доводилось так повеселиться.

— Как я понял, ты можешь говорить с духами.

Логен не ожидал такого поворота темы.

— А?

— Ты говоришь с духами, — повторил Байяз и покачал головой. — Это редкое умение в наши дни. Как они?

— Кто, духи?

— Да.

— Угасают.

— Скоро все заснут, да? Увы, магия утекает из мира. Таков установленный порядок вещей. Долгие годы мое знание росло, но мое могущество уменьшается.

— На Кальдера оно произвело впечатление.

— А! — отмахнулся Байяз. — Это ничто. Маленький фокус с воздухом и плотью, легче легкого. Поверь мне, магия убывает — это факт. Закон природы... Тем не менее есть множество способов разбить яйцо, не так ли, друг мой? Если одно орудие непригодно, попробуем другое.

Логен уже сомневался, понимает ли, о чем они говорят. Но он был слишком утомлен, чтобы переспрашивать.

— Да-да, конечно, — бормотал первый из магов. — Есть множество способов разбить яйцо... И к слову, ты выглядишь голодным.

Рот Логена наполнился слюной при одном упоминании о еде.

— Да, — промямлил он. — Да... Я бы съел чего-нибудь.

— Ну разумеется! — Байяз ласково похлопал его по плечу. — А потом, может быть, стоит помыться? Не то чтобы это кого-то раздражало... Но я не знаю ничего более умиротворяющего, чем горячая вода, если человек проделал долгий путь. А ты, как я подозреваю, проделал очень, очень долгий путь. Идем со мной, мастер Девятипалый. Ты здесь в безопасности.

Еда. Горячая вода. Безопасность. Логен с трудом сдерживался, чтобы не заплакать, входя вслед за стариком в библиотеку.

Добрый человек

За окнами стоял ужасно жаркий день. Солнце ярко светило сквозь частые переплеты, отбрасывая перекрещивающиеся узоры на деревянный пол комнаты для аудиенций. Послеполуденный воздух стал теплым и влажным, как суп, и душным, словно в кухне.

Фортис дан Хофф, лорд-камергер, краснолицый и потеющий в своей отороченной мехом парадной мантии, с полудня пребывал во все более и более дурном настроении. Харлену Морроу, его заместителю по аудиенциям, было еще труднее — в дополнение к жаре ему приходилось бороться еще и со своим ужасом перед Хоффом. Оба они страдали — каждый по-своему, но, по крайней мере, сидя.

Майор Вест в вышитом парадном мундире обливался ручьями пота. Он стоял неподвижно, в одном и том же положении — заложив руки за спину и стиснув зубы — уже почти два часа. Стоял и слушал, как лорд Хофф ворчит, рычит и кричит в свое удовольствие на просителей и на всех прочих, попавших в поле его зрения. Не в первый раз за этот вечер Вест страстно желал оказаться в парке — лежать под деревом с бокалом чего-нибудь покрепче. Или укрыться под каким-нибудь ледником. Где угодно, только не здесь.

Нести стражу во время этих кошмарных приемов — не самая приятная из обязанностей Веста, но могло быть и хуже. Майор думал о восьми солдатах, что стояли вдоль стен в полной амуниции. Он постоянно ждал, что вот-вот один из воинов сомлеет и с грохотом рухнет на пол, словно полный тарелок буфет, чем вызовет величайшее недовольство лорд-камергера. Но пока всем как-то удавалось держаться прямо.

— Почему в этой растреклятой комнате вечно неподходящая температура? — пожелал знать Хофф, словно жара оскорбляла его лично. — Полгода в ней слишком жарко, полгода — слишком холодно! Здесь нет воздуха, совершенно нет воздуха! Почему окна не открываются? Почему мы не можем заседать в более просторном помещении?

— Э-э... — смущенно выдавил заместитель, сдвигая очки вверх по мокрому от пота носу. — Просьбы об аудиенциях всегда рассматривались именно здесь, милорд. — Он замялся под грозным взглядом своего начальника. — Э-э... я думаю, такова, э-э... традиция.

— Я и сам это знаю, болван! — рывкнул Хофф, лицо которого побагровело от жары и злости. — Разве здесь кто-нибудь спрашивал твоего

дурацкого мнения?

— Да-да, то есть нет, конечно нет, — заикаясь, проговорил заместитель, — то есть я хочу сказать, вы совершенно правы, милорд...

Хофф сдвинул брови, покачал головой и обвел взглядом комнату в поисках чего-то, на что еще можно излить раздражение.

— Сколько еще идиотов нам предстоит сегодня вытерпеть?

— Э-э... еще четверо, ваша милость.

— Черт побери! — прогремел камергер, ерзая в своем огромном кресле и оттягивая отороченный мехом воротник, чтобы впустить под одежду немного воздуха. — Это невыносимо!

Вест признал, что в глубине души полностью с ним согласен. Хофф схватил со стола серебряный кубок и с хлюпаньем засосал в себя огромный глоток вина. Пить он был горазд — собственно, он занимался этим целый день. Однако вино не улучшило его настроения.

— Кто следующий болван? — спросил он.

— Э-э... — Морроу взглянул сквозь очки в большой список, ведя по неровным строчкам испачканным в чернилах пальцем. — Добрый человек [1] Хит, фермер из...

— Что? Фермер? Вы сказали — фермер? То есть мы должны сидеть в этой возмутительной жаре и выслушивать жалобы какого-то чертова простолюдина на то, что погода вредит его овцам?

— Видите ли, милорд, — пробормотал Морроу, — по всей видимости, э-э, добрый человек Хит имеет, э-э, законную жалобу на своего, э-э, землевладельца, и...

— Да черт подери их всех! Я сыт по горло их жалобами! — Лорд-камергер глотнул еще вина. — Зовите этого дурака!

Двери открылись, и добрый человек Хит вошел в присутствие. Чтобы подчеркнуть распределение власти в комнате, стол лорд-камергера был установлен на высоком помосте, так что бедняга смотрел на него снизу вверх даже стоя. Лицо честное, но очень изможденное. Хит держал перед собой трясущимися руками помятую шляпу.

Вест неловко повел плечами, ощутив, как по спине пробежала капля пота.

— Ты добрый человек, так?

— Да, милорд, — пробормотал крестьянин с сильным простонародным выговором. — Я из...

Хофф оборвал его с отработанной грубостью:

— И ты предстал перед нами, ища аудиенции у его августейшего величества высокого короля Союза?

Хит облизнул губы. Вест подумал о том, какую дорогу проделал фермер, чтобы из него здесь делали дурака. Скорее всего, путь был очень долгим.

— Меня и мою семью согнали с земли. Землевладелец говорит, что мы не платили за аренду, но...

Лорд-камергер взмахнул рукой:

— Совершенно ясно, что это дело относится к ведению Комиссии по вопросам землевладения и сельского хозяйства. Его августейшее величество король заботится о благополучии всех своих подданных, какими бы ничтожными они ни были. — Вест чуть не вздрогнул, услышав столь пренебрежительный отзыв. — Однако нельзя ожидать, что он станет уделять личное внимание каждому пустяковому делу. Его время драгоценно, как и мое. Всего доброго.

Аудиенция закончилась. Двое солдат потянули на себя дверные створки, открывая дверь перед добрым человеком Хитом. Лицо крестьянина смертельно побледнело, пальцы терзали поля шляпы.

— Но помилуйте, милорд, — заикаясь, проговорил он, — я уже был в Комиссии...

Хофф резко поднял голову и прервал спотыкающуюся речь фермера:

— Всего доброго, я сказал!

Плечи крестьянина обмякли. Он в последний раз обвел взглядом комнату: Морроу с огромным интересом изучал что-то на дальней стене, не желая смотреть в глаза посетителю, а лорд-камергер испепелял Хита гневным взглядом, разъяренный непростительной потерей времени. Весту было очень не по себе от того, что он тоже участвует в этом. Хит повернулся и побрел прочь, понутив голову. Двери закрылись.

Хофф врезал кулаком по столу.

— Нет, вы это видели? — Он обвел потеющее собрание яростным взглядом. — Какая вопиющая наглость! Вы видели, майор Вест?

— Да, милорд камергер, я все видел, — натянуто ответил Вест. — Просто позор.

К счастью для него, Хофф не уловил истинного смысла его слов.

— Да, вы совершенно правы, майор Вест, просто позор! Почему, черт побери, смысленные молодые люди обязательно идут в армию? И кто только пускает сюда этих попрошайек, хотел бы я знать! — Он свирепо уставился на своего заместителя. Тот сглотнул и принялся перебирать документы. — Кто там следующий?

— Э-э, — промямлил Морроу, — Костер дан Каулт, магистр гильдии торговцев шелком.

— Я знаю, кто он такой, черт побери! — гаркнул Хофф, вытирая с лица вновь выступивший пот. — Один другого стоит: если не чертов крестьянин, так чертов купец! — Обращаясь к солдатам у двери, он проревел таким громким голосом, чтобы его услышали в коридоре по ту сторону: — Давайте сюда старого мошенника!

Магистр Каулт являл собой зрелище, разительно отличающееся от предыдущего просителя: крупный, тучный человек с чертами лица настолько же мягкими, насколько жестко смотрели его глаза. Его пурпурное парадное одеяние, украшенное ярдами золотого шитья, было таким роскошным, что его постеснялся бы надеть сам император Гуркхула. Магистра сопровождали двое старших членов гильдии, наряженных ему под стать. Вест подумал: заработает ли добрый человек Хит за десять лет на такую мантию? Вряд ли; даже если бы его не согнали с земли.

— Милорд камергер, — речитативом произнес Каулт с изящным поклоном.

Хофф едва-едва обратил внимание на главу гильдии торговцев шелком: он лишь поднял одну бровь и чуть заметно скривил губы. Каулт ждал приветствия, подобающего его положению, но ничего подобного не последовало. Тогда он шумно откашлялся и проговорил:

— Я явился, чтобы просить аудиенции у его августейшего величества...

Лорд-камергер фыркнул:

— Целью этого заседания и является определить, кто достоин внимания его величества. Если бы вы не искали аудиенции, это означало бы, что вы ошиблись дверью!

Было очевидно, что беседа не увенчается успехом, как и предыдущая. В этом есть некая мерзкая справедливость, подумал Вест: с великими и малыми здесь обращаются абсолютно одинаково.

Магистр Каулт слегка сузил глаза, но продолжал:

— Достопочтенная гильдия торговцев шелком, чьим скромным представителем я являюсь...

Хофф шумно отхлебнул вина, и Каулт был вынужден на мгновение остановиться.

— Стала жертвой самого злонамеренного и вредоносного нападения...

— Будьте так добры, налейте! — взревел лорд-камергер, протягивая опустевший кубок Морроу.

Заместитель резво соскочил с кресла и схватил графин. Каулту снова пришлось стиснуть зубы и подождать, пока вино с бульканьем лилось в кубок.

— Продолжайте! — прокричал Хофф, взмахнув рукой. — Мы не можем тратить на вас целый день!

— Самого злонамеренного и скрытного нападения...

Лорд-камергер, сощурившись, взглянул вниз.

— Нападения, говорите вы? Нападения находятся в ведении городской стражи!

Магистр Каулт поморщился. Он и двое его компаньонов уже начали обливаться потом.

— Нет, я имею в виду нападение иного рода, милорд камергер: коварное и скрытное нападение, имеющее целью дискредитировать блистательную репутацию гильдии и причинить ущерб нашим деловым интересам как в свободных городах Стирии, так и внутри Союза. Нападение, спровоцированное определенными изменническими элементами внутри инквизиции его величества, и...

— Я услышал достаточно! — Лорд-камергер вскинул вверх свою массивную руку, призывая к молчанию. — Если дело касается торговли, его должна рассматривать Комиссия его величества по вопросам торговли и коммерции. — Хофф говорил медленно, тщательно выговаривая слова; так школьный учитель обращается к самому безнадежному из учеников. — Если оно касается закона, его должно рассматривать ведомство верховного судьи Маровии. Если оно касается внешних действий инквизиции, вам следует записаться на прием к архилектору Сульту. В любом случае, дело едва ли требует личного внимания его августейшего величества.

Глава гильдии торговцев шелком открыл рот, но лорд-камергер не дал ему заговорить, повысив голос еще больше, чем прежде:

— Король содержит Комиссию, избирает верховного судью и назначает архилектора именно для того, чтобы не разбираться с каждой мелочью лично! Кстати, поэтому же он дарует привилегии определенным купеческим гильдиям, а вовсе не для того, чтобы набивать карманы, — его губы скривились в неприятной усмешке, — торговцев... Всего доброго!

Двери вновь распахнулись. Лицо Каулта побледнело от гнева при последнем замечании.

— Можете не сомневаться, лорд-камергер, — холодно произнес он, — мы станем искать удовлетворения в другом месте, и с величайшей настойчивостью.

Хофф очень долго не отводил от него гневного взгляда.

— Можете искать где хотите, — прорычал он, — и с той настойчивостью, с какой вам угодно. Но только не здесь! Всего... доброго!

Если бы фразой «Всего доброго!» можно было проткнуть человека

насквозь, глава гильдии торговцев шелком уже валялся бы мертвый на полу.

Каулт несколько раз мигнул, затем гневно повернулся и зашагал прочь с таким достоинством, какое только мог изобразить. Двое его лакеев следовали за ним по пятам, шелестя своими роскошными мантиями. Двери за ними захлопнулись.

Хофф снова ударил по столу кулаком.

— Возмутительно! — взорвался он. — Эта заносчивая свинья! Они думают, что можно попирать королевские законы, а если все оборачивается против них, искать у короля защиты?

— Э-э... конечно нет, — промямлил Морроу. — Разумеется...

Лорд-камергер, не обращая внимания на своего заместителя, с насмешливой улыбкой повернулся к Весту.

— Сдается мне, я уже вижу стервятников, кружащих над их головами, несмотря на низкий потолок. Не правда ли, майор Вест?

— О да, милорд камергер, — пробормотал Вест.

Он чувствовал себя ужасно неуютно и желал, чтобы эта пытка поскорее закончилась и он вернулся домой к сестре. При мысли о ней сердце Веста сжалось: Арди стала еще своенравнее, чем прежде. Она умна, даже слишком умна, и ее ум может повредить ей. О, если бы она поскорее вышла замуж за честного человека и зажила счастливо! Положение самого Веста было достаточно шатким и без того, чтобы сестра устраивала здесь свои спектакли.

— Стервятники, стервятники, — бормотал Хофф себе под нос. — Отвратительные птицы, но и они иногда полезны. Кто там следующий?

Потеющий заместитель замаялся, подыскивая нужные слова. Выглядел он еще более смущенным, чем прежде.

— К нам явилась группа... э-э, дипломатов...

Лорд-камергер остановился, не донеся кубок до рта.

— Дипломатов? Откуда?

— Э-э... От так называемого короля Севера Бетода.

Хофф разразился хохотом.

— Дипломатов? — кудачтал он, вытирая пот рукавом. — Дикарей, вы хотели сказать!

Заместитель неубедительно хихикнул:

— Да, милорд, ха-ха-ха! Дикарей, ну конечно же!

— Однако эти дикари опасны, а, Морроу? — рявкнул лорд-камергер, чье веселье внезапно испарилось. Заместитель, булькнув, оборвал смех. — Очень опасны! Нам нужно вести себя осторожно. Впустить их!

Послов оказалось четверо. Двое из них, пониже ростом, были огромными бородатыми людьми свирепого вида, сплошь в шрамах, в тяжелых помятых доспехах. Их, разумеется, разоружили перед воротами Агрионта, но от них все равно исходило ощущение опасности. Вест подумал, что бородатые воины, должно быть, сложили у входа гору своего тяжелого старого оружия. Именно такие люди собирались сейчас у границ Инглии, недалеко от дома Веста, в жадном ожидании войны.

С ними был человек постарше, тоже в помятом панцире, с длинными волосами и огромной седой бородой. Синевато-багровый шрам пересекал его лицо — прямо через глаз, слепой и белый. На губах старика, однако, сияла широкая улыбка, а его любезные манеры составляли контраст с мрачностью остальных послов, в том числе и четвертого члена делегации, шедшего позади всех.

Этому последнему пришлось пригнуться, чтобы пройти под притолокой высотой в добрых семь футов над полом. Он кутался в грубый коричневый плащ с капюшоном, так что лица его не было видно. Когда человек распрямился, комната вдруг показалась низкой и тесной. Рост посла казался устрашающим, но было и нечто другое — оно словно лилось от него тошнотворными волнами. Солдаты вдоль стен почувствовали это и беспокойно зашевелились, заместитель Хоффа занервничал и стал копаться в своих документах. Майор Вест, без сомнения, тоже ощутил влияние пришельца. Его кожа похолодела, несмотря на жару, и каждый волосок на теле поднялся дыбом под пропотевшим мундиром.

Только Хофф, казалось, ничего особенного не испытывал. Он оглядел четверых северян сверху донизу, сильно нахмурившись; судя по всему, гигант в капюшоне произвел на него не большее впечатление, чем добрый человек Хит некоторое время назад.

— Итак, вы пришли от Бетода... — Он поклат следующие слова во рту, прежде чем выплюнуть их в новоприбывших: — Короля Севера?

— Это так, — ответил улыбающийся старик, кланяясь с глубочайшим почтением. — Меня зовут Ганзул Белый Глаз.

Его голос звучал мягко и приятно, без какого-либо акцента — совсем не так, как ожидал Вест.

— И ты посол Бетода? — небрежно спросил Хофф и глотнул еще вина.

Впервые за день Вест радовался присутствию лорд-камергера. Однако когда он взглянул на человека в капюшоне, тревожное предчувствие вернулось к нему.

— О нет, — отозвался Белый Глаз. — Я не более чем переводчик. Вот посол короля Севера!

Его здоровый глаз нервно дернулся в сторону и вверх, указывая на темную фигуру в плаще, словно он и сам боялся своего спутника.

— Фенрис. — Он протянул «с» на конце имени так, что оно зашипело в воздухе. — Фенрис Наводящий Ужас.

«Очень подходящее имя».

Майору Весту вспомнились песни, что он слышал в детстве, и рассказы о кровожадных великанах, живущих в горах на далеком Севере. В комнате воцарилось недолгое молчание.

— Хм-м, — проговорил лорд-камергер, оставшийся совершенно равнодушным. — И вы просите об аудиенции у его августейшего величества, высокого короля Союза?

— Именно так, милорд камергер, — ответил старый воин. — Наш господин Бетод чрезвычайно сожалеет о враждебности, возникшей между двумя нашими народами. Он всей душой желает наладить наилучшие отношения со своими южными соседями. Мы принесли вашему королю от нашего предложение мира, а также подарок, чтобы подтвердить нашу искренность. Ничего больше.

— Очень хорошо, — сказал Хофф, откидываясь на высокую спинку кресла с довольной улыбкой. — Вежливая просьба, вежливо переданная. Вы сможете увидеть короля завтра на открытом совете, где передадите ему ваше предложение и подарок перед лицом высочайших сановников государства.

Белый Глаз почтительно поклонился:

— Вы очень добры, милорд камергер.

Он повернулся и двинулся к двери, сопровождаемый двумя мрачными воинами. Фигура в плаще помедлила немного, затем тоже медленно развернулась и наклонилась, пролезая под притолокой. Лишь когда двери плотно закрылись, Вест смог вздохнуть свободно. Он тряхнул головой и пожал вспотевшими плечами. Вот тебе и песни о великанах! Здоровенный верзила в плаще, только и всего. Впрочем, если посмотреть, дверь-то действительно очень высокая...

— Вот! Вы видели, мастер Морроу? — Хофф был чрезвычайно доволен собой. — Едва ли их можно назвать дикарями, как вы пытались мне внушить! Я чувствую, мы скоро решим наши проблемы с Севером. Как вы считаете?

Заместитель не казался убежденным.

— Э-э... да, милорд, разумеется.

— Вот именно! То, что горюют наши пугливые горожане на Севере, — пустая болтовня, пессимистическая пораженческая чепуха. Война? Ба! —

Хофф снова хлопнул ладонью по столу, так что вино выплеснулось из кубка на деревянную столешницу. — Да северяне не посмеют! Вот увидите, в следующий раз они придут к нам с петицией о вступлении в Союз! Посмотрим, прав ли я. Да, майор Вест?

— Э-э...

— Замечательно! Превосходно! Хотя что-то сегодня получилось! Еще один проситель, и мы сможем выбраться из этой треклятой печки. Кто там остался, Морроу?

Заместитель нахмурился и сдвинул очки вверх по переносице, пытаясь справиться с непривычным именем.

— Э-э... некто Йору Сульфур, ваша милость.

— Кто-кто?

— Или Сульфир, или Сульфур, или что-то вроде того.

— Никогда не слышал о таком, — проворчал лорд-камергер. — Что за человек? Южанин? Только не надо больше крестьян, ради бога!

Заместитель вчитался в свои заметки и сглотнул.

— Это... посланник.

— Хорошо, но от кого?

Морроу прямо-таки съежился, будто ребенок, ожидающий шлепка.

— От Великого ордена магов! — выпалил он.

Последовало несколько мгновений изумленного молчания.

Брови Веста поползли вверх, рот открылся. Он подозревал, что точно так же изменились лица солдат у стены, скрытые от наблюдателей забралами шлемов. Он инстинктивно сморщился, предвкушая реакцию лорд-камергера, но Хофф удивил всех присутствующих, разразившись бурным хохотом.

— Превосходно! Наконец хоть какое-то развлечение! Здесь так давно не бывало магов! Впустить волшебника! Мы не должны заставлять его ждать!

Йору Сульфур несколько разочаровал их. Его простая поношенная одежда, пожалуй, выглядела едва ли лучше, чем платье фермера Хита. Его посох не имел ни золотого наконечника, ни сверкающего кристалла сверху. Его глаза не горели таинственным огнем. Совершенно обычный человек тридцати с небольшим лет. Он казался слегка усталым после долгого путешествия, но перед лицом лорд-камергера держался непринужденно.

— Добрый день всем вам, господа, — проговорил он, опираясь на посох.

Вест безуспешно пытался понять, откуда он родом. Не из Союза — его кожа была слишком смуглой; не из Гуркхула или далекого Юга — для этого

она была слишком светлой. Не с Севера и не из Стирии. Значит, из совсем далеких мест, но откуда? Разглядев его поближе, Вест заметил, что глаза у мага разного цвета: один голубой, другой зеленый.

— И вам тоже добрый день, сэр, — отозвался Хофф с улыбкой, на вид совершенно искренней. — Моя дверь всегда открыта для Великого ордена магов. Поведайте мне, имею ли я удовольствие беседовать с самым могущественным Байязом?

Сульфур выглядел озадаченным.

— Нет-нет, меня, наверное, неверно представили. Мое имя Йору Сульфур. Мастер Байяз лысый, — ответил он и провел рукой по своей курчавой каштановой шевелюре. — Здесь есть его статуя, снаружи, на проспекте. Но я имел честь обучаться под его руководством в течение нескольких лет. Это весьма могущественный и знающий мастер.

— Несомненно! Несомненно, он именно таков! И чем же мы можем вам служить?

Йору Сульфур откашлялся, словно собирался начать длинный рассказ.

— После смерти короля Гарода Великого Байяз, первый из магов, покинул Союз. Но он дал клятву, что когда-нибудь вернется.

— Да-да, это верно, — хохотнул Хофф. — Совершенно верно, это известно каждому школьнику.

— И он объявил, что, когда это произойдет, о его возвращении оповестит другой.

— Тоже правильно.

— Ну вот, — заключил Сульфур с широкой улыбкой, — я здесь.

Лорд-камергер взревел от хохота.

— Вы здесь! — прокричал он, колотя кулаком по столу.

Харлен Морроу тоже позволил себе слегка подхихикнуть, но немедленно замолчал, как только улыбка на лице Хоффа начала угасать.

— На протяжении того времени, что я занимаю пост лорд-камергера, у меня побывали три члена Великого ордена магов, просившие об аудиенции у короля. Двое были явными безумцами, еще один — исключительно смелым мошенником. — Он наклонился вперед, поставил локти на стол и сомкнул перед собой кончики пальцев. — Скажите мне, мастер Сульфур, магом какого рода являетесь вы?

— Ни тем ни другим.

— Понимаю. Но тогда у вас должны быть бумаги.

— Разумеется.

Сульфур вытащил из складок своей одежды маленькое письмо, запечатанное белой печатью с единственным непонятным символом, и

небрежно положил его на стол перед лорд-камергером.

Хофф нахмурился. Подняв документ, он принялся вертеть его в руках. Тщательно изучил печать и, промокнув лицо рукавом, сломал ее, развернул толстую бумагу и стал читать.

Йору Сульфур не проявлял никаких признаков беспокойства. Казалось, даже жара не беспокоила его. Он расхаживал по комнате и кивал закованным в панцири солдатам, не смущаясь тем, что они не отвечали. Внезапно он повернулся к Весту:

— Ужасно жарко здесь, не правда ли? Удивительно, что никто из этих бедняг до сих пор не сомлел и не рухнул с грохотом на пол, словно полный тарелок буфет.

Вест моргнул. Именно об этом он не так давно подумал.

Лорд-камергер осторожно положил письмо на стол. Теперь он уже не веселился.

— Мне представляется, что открытый совет — не совсем то место, где можно обсудить это дело.

— Совершенно с вами согласен. Я надеялся на частную аудиенцию у лорд-канцлера Феекта.

— Боюсь, это невозможно. — Хофф облизнул губы. — Лорд Феект мертв.

Сульфур нахмурился.

— Это весьма прискорбно.

— Да, именно так. Мы все тяжело переживаем эту утрату. Возможно, я и еще несколько членов закрытого совета сумеем вам помочь.

Сульфур наклонил голову.

— Вверяю себя вашему руководству, милорд камергер.

— Я постараюсь устроить что-нибудь сегодня же вечером, попозже. А тем временем мы найдем вам жилье в пределах Агрионта... соответствующее вашему положению.

Он сделал знак страже, и двери отворились.

— Премного вам благодарен, лорд Хофф. Мастер Морроу... Майор Вест... — Сульфур одарил каждого из них по очереди любезным кивком, повернулся и вышел.

Двери снова закрылись, а Весту оставалось лишь гадать, откуда этому человеку известно его имя.

Хофф повернулся к своему заместителю:

— Немедленно идите к архилектору Сульту и передайте ему, что мы должны срочно встретиться. Затем пригласите верховного судью Маровию и лорд-маршала Варуза. Скажите, что нас ждет дело чрезвычайной

важности. Ни слова никому, кроме этих троих. — Он потряс пальцем перед потным лицом Морроу. — Ни единого слова!

Заместитель потрясенно смотрел на него сквозь перекосившиеся очки.
— Живо! — рявкнул Хофф.

Морроу вскочил на ноги, споткнулся, наступив на подол своей мантии, и поспешил к боковой двери. Вест сглотнул, во рту у него пересохло.

Хофф обвел долгим суровым взглядом всех присутствующих в комнате.

— Никому ни слова о том, что здесь произошло, иначе последствия будут самыми серьезными для каждого из вас! А теперь прочь! Все прочь!

Солдаты, бряцая доспехами, немедленно устремились к выходу. Весту не требовалось дополнительного приглашения. Он поспешил за стражниками, оставив погрузившегося в раздумья лорд-камергера в одиночестве.

Майор затворил за собой дверь. Его мысли были мрачными и путанными: обрывки старых историй о магах, страхи по поводу войны на Севере, образ великана в капюшоне, возвышающегося под потолком... Какие странные, зловещие посетители приходили сегодня в Агрионт. Веста это тревожило. Он пытался отвлечься от забот и сказать себе, что все это глупости, но через несколько мгновений принялся думать о сестре, развлекавшейся где-то неподалеку.

Наверняка она сейчас вместе с Луфаром. Майор проклинал себя: за каким чертом он их познакомил? Ожидая приезда Арди, он ожидал встретить неловкую, болезненную, острую на язык девчонку, какую видел много лет назад. Когда же в его квартире объявилась эта женщина, он едва узнал ее. Именно женщина, а не девчонка, к тому же красивая. А Луфар самонадеян, богат, смазлив и имеет не больше самообладания, чем шестилетний ребенок. Вест знал, что сестра и Джебаль встречались уже не один раз. По-дружески, разумеется. У Арди здесь больше не было знакомых. Они просто друзья.

— Проклятье! — ругнулся Вест.

Это как поставить кошку перед миской со сливками и надеяться, что она не сунет туда язык! Почему, ну почему, черт побери, он не обдумал все хорошенько? Надо же своими руками устроить себе такую проблему! Но что он мог теперь поделать? Он горестно уставился на коридор перед собой.

Ничто так не помогает забыть собственное горе, как картина горя чужого, а добрый человек Хит являл собой воистину плачевное зрелище. Он в одиночестве сидел на длинной скамье, глядя в пространство, и лицо

его было мертвенно-бледным. Должно быть, он сидел здесь все время, а мимо него проходили и торговцы шелком, и северяне, и посол от магов. Он ничего не ждал — просто ему было некуда больше идти. Вест взглянул в оба конца коридора: никого. Хит его не замечал; рот фермера был открыт, глаза остекленели, мятая шляпа лежала на коленях.

Вест никак не мог пройти мимо и оставить его в таком состоянии.

— Добрый человек Хит, — позвал он, приближаясь.

Крестьянин удивленно поднял голову, схватился за шляпу, порываясь встать, и забормотал какие-то извинения.

— Нет-нет, прошу вас, не вставайте. — Вест присел на скамью возле Хита. Майор опустил взгляд, не в силах посмотреть этому человеку в глаза. Повисла неловкая пауза. — У меня есть друг в Комиссии по вопросам землевладения и сельского хозяйства. Может быть, он сумеет что-то сделать для вас... — Он смущенно умолк, глядя вдоль коридора прищуренными глазами.

Фермер печально улыбнулся:

— Я буду очень вам благодарен за любую помощь.

— Да-да, разумеется, я сделаю все, что смогу.

Ведь равно ничего не выйдет, и они оба знали это. Вест скривился и закусил губу.

— А лучше возьмите вот это. — И он вложил свой кошелек в вялые, загрубелые пальцы крестьянина.

Хит посмотрел на него, полуоткрыв рот. Вест улыбнулся ему быстрой неловкой улыбкой и поднялся на ноги. Ему очень хотелось поскорее уйти.

— Сэр! — окликнул его добрый человек Хит, но Вест уже торопливо, не оборачиваясь, шел прочь по коридору.

Следующий в списке

«Зачем я делаю это?»

Очертания городского дома Виллема дан Робба на фоне ясного ночного неба казались вырезанными из черной бумаги. Это ничем не примечательное двухэтажное строение, обнесенное низкой стеной с воротами посередине, в точности такое же, как сотни других на этой улице.

«А наш старый друг Реус жил в большом роскошном особняке возле рынка. Роббу, пожалуй, стоило брать с него более крупные взятки. Еще более крупные. К счастью для нас, он этого не делал».

В других местах города проспекты были ярко освещены и полны пьяных гуляк вплоть до самого рассвета. Но эта уединенная боковая улочка располагалась далеко от ярких огней и пытливых глаз.

«Мы сможем работать без помех».

За углом здания, на верхнем этаже, в узком окне горела лампа.

«Хорошо. Наш друг дома. Но он еще не спит — нужно двигаться тихо».

Глокта повернулся к практику Инею и указал на торец дома. Альбинос кивнул и молчаливо скользнул через улицу.

Глокта подождал, пока тот доберется до стены и скроется в тени возле здания, затем повернулся к Секутору и показал на переднюю дверь. Глаза худощавого практика мгновение улыбались ему, потом Секутор шмыгнул прочь, пригибаясь к земле, перемахнул через низкую ограду и без единого звука приземлился по противоположной стороне.

«Пока что все отлично, но теперь моя очередь двигаться».

Глокта не знал, зачем он пошел. Иней с Секутором легко справились бы с Роббом сами, присутствие инквизитора лишь замедляло их действия.

«Я ведь, неровен час, оступлюсь и плюхнусь на задницу, и этот идиот узнает о нашем присутствии. Так зачем же я пошел?»

Но Глокта знал зачем. В его груди уже вздымалось возбуждение. Это почти похоже на то, как быть живым.

Он приглушил стук своей трости, намотав на нее тряпку, чтобы иметь возможность дохромать до стены как можно осторожнее, не производя слишком много шума. К этому времени Секутор уже распахнул ворота, придерживая петлю рукой в перчатке, чтобы она не заскрипела.

«Тихо и аккуратно. Будь эта стена высотой в сотню футов, шансов перебраться через нее у меня оставалось бы ровно столько же, сколько

сейчас».

Секутор стоял на коленях перед входной дверью, ковыряясь в замке. Он прижал ухо к деревянной панели, скосив глаза от напряжения, его руки в перчатках двигались ловко и проворно. Сердце Глокты часто колотилось, кожу покалывало от напряжения.

«Ах, этот азарт охоты!»

Раздался тихий щелчок, затем второй. Секутор опустил свои поблескивающие отмычки в карман, протянул руку и медленно, осторожно повернул дверную ручку. Дверь беззвучно распахнулась.

«Какой он все-таки умелый парень! Без него и Инея я был бы обычным калекой. Они — мои руки, мои пальцы, мои ноги. Но я — их мозг».

Секутор проскользнул внутрь, и Глокта последовал за ним, морщась от боли всякий раз, когда переносил тяжесть на левую ногу.

В коридоре было темно, но сверху на лестницу падал столб света и перила отбрасывали на деревянный пол странные, искаженные тени. Глокта показал вверх, на лестницу, Секутор кивнул и на цыпочках стал подкрадываться к ней, стараясь ступать рядом со стеной. Казалось, целая вечность ушла у него на то, чтобы добраться туда.

Ступенька тихо скрипнула, когда он ступил на нее своим весом. Глокта вздрогнул. Секутор замер на месте. Они ждали неподвижно, словно статуи. Сверху не доносилось ни звука. Глокта снова задышал. Секутор продолжил движение, медленно-медленно, мягко-мягко, шаг за шагом. Добравшись до верхней площадки, он прижался спиной к стене и осторожно заглянул за угол, затем сделал последний шаг и беззвучно исчез из виду.

Практик Иней возник из тени в дальнем конце коридора. Глокта взглянул на него, приподняв бровь; тот покачал головой.

«Внизу никого нет».

Глокта повернулся к входной двери и начал очень осторожно закрывать ее. Лишь когда она была плотно притворена, он потихоньку отпустил дверную ручку, позволив язычку замка тихо скользнуть в паз.

— Вам стоит посмотреть на это.

Глокта вздрогнул от неожиданно громкого звука, резко двинулся и ощутил, как спину прострелил разряд боли. Секутор стоял на лестнице, положив руки на бедра. Он повернулся и снова исчез в направлении источника света. Иней загрохотал по ступеням следом за ним, больше не скрываясь.

«Почему никогда нельзя остаться на нижнем этаже? Всегда приходится подниматься!»

По крайней мере, больше не нужно ступать тихо, карабкаясь вверх — правая нога поскрипывает, левая скребет по доскам. Коридор на верхнем этаже заливал яркий свет лампы из открытой двери в дальнем конце, и Глокта похромал туда. Переступив через порог, он остановился, переводя дыхание после подъема.

«Ох, боже мой, что за бардак!»

Большой книжный шкаф был выворочен из стены, и книги, раскрытые и закрытые, валялись по всему полу. На столе — опрокинутый стакан и пролитое вино, превратившее скомканные бумаги в мокрые красные тряпки. Кровать в совершенном беспорядке: покрывало наполовину содрано, подушки и матрас искромсаны, перья сыплются на пол. Платяной шкаф распахнут, одна дверца наполовину оторвана. Внутри висело несколько изодранных предметов одежды, но большая часть лежала кучей на полу перед ним.

Миловидный молодой человек с бледным лицом лежал на спине под окном, раскрыв рот и глядя в потолок. Его горло было не просто перерезано — рану нанесли так глубоко, что голова едва держалась на шее. Кровь забрызгала все кругом — порванную одежду, изрезанный матрас, само тело. На стене виднелась пара расплывчатых кровавых отпечатков ладони, на полу — огромная лужа крови.

«Он убит этой ночью. Может быть, несколько часов назад. Может быть, всего лишь несколько минут назад».

— Мне кажется, он не сможет ответить на наши вопросы, — сказал Секутор.

— Да уж. — Глокта обвел глазами разгромленную комнату. — Он, скорее всего, уже мертв. Но как это случилось?

Иней остановил на нем взгляд розовых глаз, приподнял белесую бровь и произнес:

— Яф?

Секутор взорвался пронзительным хохотом из-под своей маски. Даже Глокта позволил себе хихикнуть.

— Очевидно. Но как наш яд проник внутрь?

— Офкрыфое окно, — пробурчал Иней, показывая на пол.

Глокта проковылял в комнату, старательно обходя липкую мешанину крови и перьев.

— Итак, наш яд увидел, что горит лампа, как увидели и мы. Он влез в окно на нижнем этаже. Затем тихо поднялся по лестнице.

Глокта перевернул концом трости руки трупа.

«Несколько капель крови из шеи, но никаких повреждений на

костьяшках или кончиках пальцев. Он не сопротивлялся. Его застали врасплох».

Вытянув голову, Глокта наклонился вперед и всмотрелся в зияющую рану.

— Один мощный удар. Скорее всего, ножом...

— И Виллем дан Робб получил пробоину и дал течь, — подхватил Секутор.

— А у нас стало одним информатором меньше, — задумчиво продолжил Глокта.

В коридоре крови не было.

«Наш убийца постарался не промочить ноги, он весьма аккуратно обыскивал комнату, какой бы разгромленной она ни казалась. Он не был разгневан или испуган. Он просто работал».

— Работал профессионал, — пробормотал Глокта. — Он пришел сюда, чтобы убить. Покончив с делом, попытался инсценировать кражу со взломом. Не так ли? Но труп вряд ли удовлетворит архилектора. — Он взглянул на практиков. — Кто у нас следующий в списке?

На этот раз без сопротивления явно не обошлось.

«По крайней мере, с одной стороны».

Солимо Сканди лежал на боку лицом к стене, словно стыдился своей изрезанной и разодранной ночной рубашки. Его предплечья были покрыты глубокими порезами.

«Он безуспешно пытался защититься от клинка».

Он прополз через всю комнату, оставляя кровавый след на глянцевом отполированном деревянном полу.

«И безуспешно пытался выбраться отсюда».

Не удалось ни то ни другое. Четыре зияющие ножевые раны в спине остановили Сканди.

Глядя на окровавленное тело, Глокта почувствовал, как у него подергивается щека.

«Один труп мог быть совпадением. Два трупа — это уже заговор».

Его веки задрожали.

«Тот, кто это сделал, знал, что мы придем. Он знал, когда мы придем и за кем. Он на шаг опережает нас. Вполне вероятно, что наш список сообщников к этому времени превратился в список трупов».

Сзади что-то скрипнуло, и голова Глокты дернулась в ту сторону, вызвав резкую боль в онемевшей шее. Никого нет, просто открытая оконная рама колышется на сквозняке.

«Ну-ну, успокойся. Успокойся и подумай как следует».

— Похоже, что высокочтимая гильдия торговцев шелком решила сделать у себя небольшую уборку.

— Но как они могли узнать? — пробормотал Секутор.

«Действительно, как?»

— Видимо, они видели список Реуса или им рассказали, кто именно в нем упомянут. — Глокта облизнул беззубые десны. «А это означает...» — Это был кто-то из самой инквизиции.

В кои-то веки глаза Секутора больше не улыбались.

— Если они знают, кто в списке, то они знают и тех, кто его написал. Они знают, кто мы такие!

«Еще три имени в списке, быть может? Где-нибудь в самом конце? — усмехнулся Глокта. — Как волнующе!»

— Ты боишься? — спросил он.

— Я не в восторге, могу вам сказать. — Практик кивнул на тело: — Нож в спину не входит в мои планы на ближайшее будущее.

— И в мои тоже, Секутор, поверь.

«Если я умру, то никогда не узнаю, кто нас предал. А я хочу узнать».

В этот ясный, безоблачный весенний день парк заполнили хлыщи и бездельники. Глокта неподвижно сидел на своей скамье в милосердной тени раскидистого дерева, разглядывая блестящую зелень, искристую воду, счастливых, пьяных, пестро одетых гуляк. Люди теснились на скамьях, расставленных вокруг озера, парочками и группами сидели на траве — пили, болтали, нежились на солнце. Казалось, все места вокруг были заняты.

Но никто не подходил и не садился рядом с Глоктой. Время от времени кто-нибудь спешил к его скамье, едва осмеливаясь поверить, что повезло найти свободное место; а потом они видели его. Их лица гасли, они поворачивали назад или проходили мимо, словно бы и не собирались садиться.

«Я отпугиваю людей, как чума. Возможно, это к лучшему. Мне ни к чему их общество».

Глокта наблюдал за группой молодых солдат в лодке посреди озера. Один из них встал, пошатываясь, и стал разглагольствовать о чем-то с бутылкой в руке. Лодка угрожающе закачалась, и товарищи закричали ему, чтобы он сел. Порывы их добродушного смеха, несколько задержанные расстоянием, доносил до Глокты ветерок.

«Дети, да и только. Как они молоды, как невинны. Таким же был и я, и

не очень давно. Впрочем, кажется, что это было тысячу лет назад. Даже больше. Кажется, что это было в другом мире».

— Глокта!

Он поднял голову, прикрыв глаза ладонью. Это архитектор, он наконец пришел — высокая черная фигура на фоне синего неба. Глокта подумал, что Сульт выглядит более усталым, более морщинистым и осунувшимся, чем обычно. Архитектор холодно взирал на него сверху вниз.

— Надеюсь, что у вас что-то действительно интересное, — проговорил Сульт. Он отбросил полы своего длинного белого камзола и изящно опустился на скамью. — Простолюдины опять взяли за оружие, на этот раз под Колоном. Какому-то идиоту-землевладельцу вздумалось повесить парочку крестьян, и вот теперь нам приходится разбираться с ними! Разве это так сложно — управиться с клочком унавоженной земли и несколькими фермерами? Никто не заставляет тебя любить крестьян, но это не значит, что их надо вешать! — Его рот вытянулся в прямую жесткую линию. Архитектор сердито глядел на лужайку перед собой. — Надеюсь, у вас для меня что-то действительно интересное, черт подери!

«Что ж, постараюсь не разочаровать тебя».

— Виллем дан Робб мертв.

Словно для того, чтобы подчеркнуть слова инквизитора, пьяный солдат поскользнулся, перевалился через борт лодки и плюхнулся в воду. Через миг долетел захлебывающийся смех его товарищей. Глокта договорил:

— Он убит.

— Хм. Такое бывает. Возьмите следующего в списке. — Нахмурившись, Сульт поднялся на ноги. — Не думал, что вам потребуется мое одобрение на каждую мелочь. Именно поэтому я и выбрал вас для этой работы. Вы ведь знаете, что надо делать, так действуйте!

Сульт повернулся, собираясь уходить.

«Не надо спешить, архитектор. Вот чем опасны здоровые ноги: с ними начинаешь суесться. Если же они тебя едва держат, ты не сойдешь с места до тех пор, пока не будешь абсолютно уверен, что пора идти».

— Со следующим в списке тоже случилось несчастье.

Сульт повернулся к нему, слегка приподняв бровь:

— Вот как?

— Это случилось со всеми, кто у нас записан.

Архитектор поджал губы и снова сел на скамью.

— Со всеми?

— Со всеми.

— Хм-м. Это интересно, — задумчиво произнес Сульт. — Торговцы шелком устроили чистку, вот как? Не ожидал, что они настолько безжалостны. Да, времена меняются, времена... — Он не закончил. Его брови медленно сошлись к переносице. — Вы думаете, кто-то выдал им список Реуса? И по-вашему, это сделал кто-то из наших. Вот почему вы попросили меня прийти сюда, верно?

«А ты думал, я просто не хочу карабкаться по лестницам?»

— Все они убиты, — проговорил Глокта. — Все до одного, кто был в нашем списке. В ту самую ночь, когда мы пришли за ними. Я не слишком верю в подобные совпадения.

«Архилектор ты или нет, в конце концов?»

Лицо Сульта сделалось очень мрачным.

— Кто видел признание Реуса? — спросил он.

— Я. Ну и двое моих практиков, разумеется.

— Вы им полностью доверяете?

— Полностью.

Повисла пауза. Лодка дрейфовала посреди озера, солдаты бросили весла и наперебой галдели, упавший в воду плескался и хохотал, поливая приятелей водой.

— Признание какое-то время лежало у меня в кабинете, — задумчиво сказал архилектор. — Кто-нибудь из моих людей мог увидеть его. Возможно.

— Вы им полностью доверяете, ваше преосвященство?

Повисла долгая ледяная пауза, в течение которой Сульт рассматривал Глокту.

— Они бы не осмелились. Они слишком хорошо меня знают, чтобы так рисковать, — сказал он наконец.

— Остается только наставник Калин, — спокойно произнес Глокта.

Губы архилектора едва двигались, когда он ответил:

— Вы должны быть осторожны, инквизитор, очень осторожны. Почва, на которую вы ступили, весьма зыбкая. Глупец не может стать наставником инквизиции, как бы ни казалось человеку извне. У Калина много друзей и в самом Допросном доме, и вне его. Могущественных друзей. Чтобы обвинить его, нужны самые убедительные доказательства. — Сульт внезапно замолчал, пережидая, пока небольшая компания дам пройдет мимо их скамьи. — Самые убедительные доказательства, — повторил он, когда дамы отошли за пределы слышимости. — Вы должны найти этого убийцу.

«Легче сказать, чем сделать».

— Разумеется, ваше преосвященство, но тем временем мое расследование оказалось в тупике.

— Не совсем. У нас по-прежнему есть карта, которую можно разыграть: сам Реус.

«Реус?»

— Но, архилектор, в настоящий момент он, должно быть, уже в Англии! — воскликнул Глокта и подумал: «Потеет в каком-нибудь руднике. Если он вообще продержался до этого времени».

— О нет. Он здесь, в Агрионте, сидит под замком. Мне подумалось, что лучше немного попридержать его.

Глокта приложил все усилия, чтобы не выказать удивления.

«Умно. Очень умно. Архилектором, очевидно, тоже не может стать глупец».

— Реус станет вашей наживкой, — продолжал Сульт. — Я пошлю к Калину своего секретаря с посланием. Я напишу, что уступаю. Что я готов позволить торговцам шелком продолжать свою деятельность, но под более жестким контролем. Что в качестве жеста доброй воли я отпускаю Реуса на свободу. Если утечка информации действительно идет от Калина, то он сообщит гильдии об освобождении Реуса. Осмелюсь предположить, что они пошлют своего убийцу, дабы наказать Реуса за длинный язык. Осмелюсь также предположить, что вы сможете взять его при попытке это сделать. Если же убийца не появится — что ж, будем искать предателя в другом месте и при этом ничего не потеряем.

— Превосходный план, ваше преосвященство.

Сульт пронзил его холодным взглядом:

— Разумеется. Вам понадобится место, где вы сможете работать. Подальше от Допросного дома. Я распоряжусь, чтобы вам предоставили необходимые средства и передали Реуса вашим практикам, а также дам знать, когда Калин получит информацию. Найдите убийцу, Глокта, и выжмите из него все. Жмите, пока из него не вылезут потроха!

Солдаты в бешено раскачивающейся лодке попытались втащить своего мокрого друга на борт; лодка опасно накренилась и вдруг перевернулась кверху килем, вывалив пассажиров в воду.

— Мне нужны имена, — шипел Сульт, сверля взглядом плещущихся солдат. — Имена, доказательства, документы и люди, которые смогут предстать перед открытым советом и назвать виновных.

Резким движением Сульт поднялся со скамьи.

— Держите меня в курсе, — закончил он.

Архилектор зашагал в сторону Допросного дома, хрустя гравием

дорожки, и Глокта проводил его взглядом.

«Превосходный план. Я рад, что вы на моей стороне, архилектор. Вы ведь на моей стороне, не так ли?»

Солдатам удалось вытащить опрокинутую лодку на берег. Теперь они стояли рядом с ней, насквозь мокрые, и кричали друг на друга уже без прежнего добродушия. Одно позабытое весло по-прежнему плавало в воде; его понемногу сносило к тому месту, где из озера вытекал ручеек. Вскоре оно окажется под мостом, потом под мощными стенами Агрионта, а потом его вынесет наружу, в ров. Глокта наблюдал, как весло описывает в воде неспешные круги.

«Большая ошибка. Кто-то должен следить за мелочами. Их легко упустить из виду, но без весла лодка бесполезна».

Его взгляд стал блуждать по лицам гуляющих людей и набрел на миловидную парочку, сидевшую на скамье возле озера. Юноша что-то тихо говорил девушке, лицо его было печальным и искренним. Она быстро встала и пошла прочь, закрыв лицо руками.

«Ах, эти страдания покинутых любовников! Это чувство потери, этот гнев, этот стыд! Кажется, ты никогда не оправившись от удара. Какой поэт написал, что нет боли мучительнее, чем боль разбитого сердца? Сентиментальная чушь. Ему стоило бы побывать в королевских тюрьмах».

Глокта улыбнулся, открыв рот и облизнув пустые десны на месте недостающих передних зубов.

«Разбитое сердце со временем излечится, а выбитые зубы — никогда».

Глокта посмотрел на молодого человека: тот наблюдал за удалявшейся девушкой, и на его лице играла легкая улыбка.

«Вот ведь мерзавец! Интересно, разбил ли он столько же сердец, сколько я в дни моей молодости? Сейчас это кажется невозможным. У меня уходит целых полчаса на то, чтобы собраться с духом и встать с постели. В последнее время женщины плачут из-за меня, только когда я высылаю их мужей в Инглию...»

— Занд! — раздался голос.

Глокта повернул голову на призыв:

— Лорд-маршал Варуз, какая честь!

— О нет, бросьте, бросьте, — проговорил старый солдат, усаживаясь на скамью. Все его движения были быстрыми и отточенными, как у искусного фехтовальщика. — Вы хорошо выглядите, — сказал он, однако глядел при этом в сторону.

«Я выгляжу калекой, ты это хотел сказать?»

— Как поживаете, старый друг? — продолжал Варуз.

«Я калека, слышишь, ты, старый надутый осел! Друг, вот как? Столько лет прошло с тех пор, как я вернулся, и ты ни разу не разыскал меня, ни разу не справился обо мне. Это ты называешь дружбой?»

— Неплохо, благодарю вас, лорд-маршал.

Варуз беспокойно поерзал на скамье.

— Мой теперешний ученик, капитан Луфар... Вы, может быть, знаете его?

— Да, мы представлены.

— Вам стоило бы посмотреть на его упражнения! — Варуз печально покачал головой. — У него есть талант, без сомнения — хотя он никогда не сможет сравниться с вами, Занд...

«Ну, это как сказать. Надеюсь, настанет день, когда он станет таким же калекой, как и я».

— Но у него большой талант, вполне достаточный, чтобы победить. Вот только тратит он его не на дело. Очень разбрасывается.

«Боже, какая трагедия! Я так расстроен, что меня сейчас стошнит. Стошнило бы, если бы я съел хоть что-нибудь сегодня утром».

— Он ленив, Занд, ленив и упрям. Ему не хватает отваги. Ему не хватает целеустремленности. Он не выкладывается так, как следовало бы, а время поджидает. Так вот, я подумал... если бы у вас нашлось время, разумеется... — Варуз на мгновение поймал взгляд Глокты. — Не могли бы вы поговорить с ним вместо меня?

«Я сгораю от нетерпения! Читать лекции твоему жалкому болвану — да это моя заветная мечта! Ах ты, самодовольный старый осел, да как ты смеешь? Ты заработал себе репутацию на моих успехах, а потом, когда мне потребовалась твоя поддержка, порвал со мной все отношения. Теперь же ты явился ко мне просить помощи и называешь меня другом?»

— Разумеется, маршал Варуз, я с радостью поговорю с ним. Для старого друга я готов на все.

— Замечательно, просто замечательно! Уверен, вы справитесь с этим лучше, чем я! Я занимаюсь с Луфаром каждое утро во дворе возле Дома Делателя. На том самом месте, где когда-то обучал вас... — Старый маршал запнулся и умолк.

— Я приду сразу же, как только позволят мои обязанности, — заверил Глокта.

— О да, разумеется, ваши обязанности...

Варуз уже поднимался со скамьи — ему явно не терпелось уйти. Глокта протянул ему руку, заставив старого солдата задержаться на мгновение.

«Не надо бояться, лорд-маршал, я не заразный».

Варуз осторожно тряхнул его руку, словно боялся оторвать ее, пробормотал какие-то извинения и зашагал прочь, высоко подняв голову. Вымокшие солдаты, весьма смущенные, поклонились и отдали честь, когда он проходил мимо.

Глокта вытянул ногу, раздумывая, стоит ему вставать или нет.

«И куда я пойду? Мир не рухнет, если я посижу здесь еще минутку. Спешить ни к чему. Ни к чему».

Предложение и дар

— И-и... вперед! — проревел маршал Варуз.

Джезаль ринулся на него, отчаянно пытаясь как-то затормозить на краю бревна и не слететь на пол. Сделал пару неуклюжих выпадов, чтобы изобразить старание. Четыре часа тренировок уже измотали его, и он ощущал гораздо большую усталость, чем обычно.

Варуз нахмурился и отбил затупленный клинок Джезаль, двигаясь вдоль бревна без усилий, словно по дорожке в парке.

— И... назад!

Джезаль неловко попятился и нелепо замахал левой рукой, чтобы удержать равновесие. Его ноги выше коленей жутко болели от прикладываемых усилий. Ниже коленей все обстояло гораздо, гораздо хуже. Варузу было за шестьдесят, однако он не выказывал никаких признаков утомления — даже не вспотел, продвигаясь танцующим шагом вперед по бревну и рассекая воздух клинками. Сам же Джезаль хватал ртом воздух и отчаянно защищался левой рукой. Он почти потерял равновесие и шарил в воздухе правой ногой в поисках надежной поверхности бревна.

— И... вперед!

Чувствуя, как икры сводит мучительной судорогой, Джезаль с грехом пополам сменил направление и направил удар в сторону этого невыносимого старика, но Варуз не отступил. Он нырнул под безнадежный удар капитана и тыльной стороной руки сбил ноги противника с бревна.

Джезаль испустил яростный вой; пространство двора вокруг него закачалось. Он больно ударился ногой о край бревна и растянулся на траве лицом вниз, врезавшись подбородком в землю так, что клацнули зубы. Джезаль перекатился на спину и остался лежать, задыхаясь, словно внезапно выдернутая из воды рыба. Ушибленная нога болезненно пульсировала. Значит, утром появится еще один безобразный синяк.

— Кошмар, Джезаль, просто кошмар! — вскричал старый солдат, ловко спрыгивая на траву. — Вы шатаетесь на бревне, словно это цирковой канат!

Джезаль, ругаясь, перевернулся и стал неловко подниматься на ноги.

— Это ровный и твердый дуб, достаточно широкий, чтобы на нем заблудиться! — Лорд-маршал проиллюстрировал свои слова, хлестнув по бревну своим коротким клинком так, что полетели щепки.

— Вы же сказали «вперед», — простонал Джезаль.

Варуз резко поднял брови.

— Неужели вы всерьез думаете, капитан Луфар, что Бремер дан Горст снабжает противников достоверной информацией о своих намерениях?

«Бремер дан Горст постарается победить меня, старый мешок с дерьмом! А ты вроде бы должен помогать мне победить его!» — подумал Джезаль.

Но он понимал, что лучше не говорить таких вещей, поэтому лишь тупо покачал головой.

— Нет! Нет, разумеется, он не делает этого! Напротив, он прилагает все усилия, чтобы обмануть и сбить с толку своих противников, как и должны поступать все великие фехтовальщики! — разглагольствовал лорд-маршал.

Он расхаживал взад-вперед перед капитаном, тряся головой. Джезаль снова подумал о том, не бросить ли все это. Ему до смерти надоело каждый вечер падать в кровать без сил в то самое время, когда полагалось бы только начинать веселую пирушку; надоело каждое утро вставать, преодолевая боль от ушибов, и отправляться на бесконечные четырехчасовые тренировки — пробежка, бревно, брус, позиции. Ему надоело хлопаться на задницу в поединках с майором Вестом. А больше всего ему надоело то, что им без конца помыкал этот старый болван.

— Жалкое зрелище, капитан, просто жалкое. Мне даже кажется, вы стали работать еще хуже, чем прежде...

Джезаль никогда не выиграет турнир. Никто этого не ждал, и меньше всех — он сам. Так почему бы не бросить безнадежную затею и не вернуться к картам и ночным попойкам? Ведь ничего другого он от жизни и не хотел. Но что выделит его из тысячи таких же благородных младших сыновей? Джезаль давно решил, что должен добиться чего-то особенного — стать лорд-маршалом, а затем лорд-камергером, человеком влиятельным и значительным. Он будет сидеть в большом кресле в закрытом совете и принимать важнейшие решения. Он представлял себе, как все ему прислуживают, улыбаются, ловят каждое его слово, а когда он проходит мимо, шепчут: «Вот идет лорд Луфар!» Сможет ли он жить счастливо, если навеки останется всего лишь более богатой, более умной, более красивой версией лейтенанта Бринта? О нет, об этом даже думать нельзя.

— Нам еще предстоит очень многое сделать, а времени недостаточно. Во всяком случае, если вы не измените отношение к тренировкам, — отчитывал его Варуз. — В спарринге вы выглядите жалко, ваша выдержка оставляет желать лучшего, а что касается устойчивости, об этом лучше

вообще не говорить...

Что о нем подумают, если сейчас он откажется? Что сделает отец? Что скажут братья? Как насчет других офицеров? Его сочтут трусом. Кроме того, есть Арди Вест. Последние несколько дней мысли Джезаль были заняты ею. Будет ли она наклоняться к нему так же близко, если он бросит фехтовать? Будет ли разговаривать с ним тем же мягким голосом? Не перестанет ли смеяться его шуткам? Будет ли по-прежнему смотреть на него снизу вверх своими большими темными глазами? Джезаль почти чувствовал ее дыхание на своем лице...

— Ты слушаешь меня, парень? — прогремел Варуз. Его дыхание на своем лице Джезаль ощутил в полной мере, и вдобавок еще брызги слюны.

— Да, сэр! В спарринге выгляжу жалко, выдержка оставляет желать лучшего. — Джезаль нервно сглотнул. — Об устойчивости лучше не говорить.

— Именно! Я начинаю подозревать, что вам это все не очень-то нужно. Хотя в такое трудно поверить после тех хлопот, которые вы мне доставили. — Он свирепо глянул Джезалью в глаза. — А вы как считаете, майор?

Ответа не последовало. Вест откинулся в кресле, сложив руки на груди, и угрюмо уставился в пространство перед собой.

— Майор Вест! — гаркнул лорд-маршал.

Тот резко поднял голову, словно только сейчас обнаружил их присутствие:

— Простите, сэр, я немного задумался.

— Я заметил. — Варуз цокнул языком. — Похоже, сегодня утром никто не может сосредоточиться!

Джезаль почувствовал огромное облегчение, когда старик хотя бы ненадолго перенес свое раздражение на другого. Но радость продлилась недолго.

— Очень хорошо, — резко проговорил маршал. — Вы сами напросились. С завтрашнего дня будем начинать тренировки с плавания во рву. Проплыть пару миль — этого, полагаю, хватит.

Джезаль плотно стиснул зубы, чтобы не завопить.

— Холодная вода — великолепное средство для обострения чувств. Пожалуй, нам надо вставать пораньше, когда ваш ум наиболее восприимчив. Значит, перенесем начало на пять утра. И подумайте о том, капитан Луфар, ради чего вы здесь: ради победы на турнире или ради удовольствия от моего общества.

С этими словами маршал повернулся на каблуках и зашагал прочь.

Джезаль подождал, пока Варуз удалится, прежде чем дать волю чувствам. Едва убедившись, что старик его не услышит, он в ярости швырнул свои клинки в стену.

— Проклятье! — заорал он под грохот падающих на землю шпаг. — Черт!

Он поискал глазами, что можно безболезненно пнуть, нацелился на стойку бревна, но сильно промахнулся и с трудом подавил желание ухватиться за ушибленную ногу и запрыгать на второй, как последний идиот.

— Черт, дерьмо! — бушевал он.

К разочарованию Джезаль, Вест никак не ответил на его ярость. Майор встал, нахмурился и устремился следом за маршалом Варузом.

— Куда вы? — спросил капитан.

— Подальше отсюда, — бросил Вест через плечо. — Я увидел достаточно.

— Что это значит, черт побери?

Вест остановился, обернулся и взглянул на него:

— Вы удивитесь, но в мире есть более серьезные проблемы, чем эта.

Джезаль открыл рот, замер и только глядел, как майор уходит прочь.

— Да кто вы такой, черт возьми? — проорал капитан, когда уверился, что Вест уже далеко. — Дерьмо! Вот дерьмо!

Он подумал, не пнуть ли бревно еще разок, но не рискнул.

Джезаль возвращался в казармы в отвратительном настроении и поэтому старался держаться подальше от шумных кварталов Агрионта, поближе к тихим дорожкам и садикам у аллеи Королей. Он шел, мрачно глядя себе под ноги, чтобы избежать встреч со знакомыми. Однако удача была не на его стороне.

— Джезаль!

Его окликнул Каспа, вышедший прогуляться с какой-то пышно разодетой золотоволосой девицей. С ними была сурового вида женщина средних лет — без сомнения, гувернантка девицы или что-то в этом роде. Они как раз остановились полюбоваться небольшой скульптурой в одном пустынном дворике.

— Джезаль! — снова крикнул Каспа, размахивая над головой шляпой.

Спрятаться некуда. Джезаль наклеил на лицо фальшивую улыбку и подошел к ним. Бледная девица тоже улыбнулась ему. Возможно, она была очаровательна, но Джезаль этого не заметил.

— Опять тренировался, Луфар? — спросил Каспа.

Бессмысленный вопрос: капитан весь взмок и держал под мышкой пару фехтовальных клинков, и все прекрасно знали, что он фехтует каждое утро. Не требуется много ума, чтобы сделать правильный вывод.

— Да. Как ты догадался? — Джезаль не собирался слишком грубо обрывать разговор, поэтому сопроводил свои слова фальшивым смешком, и лица дам вновь просияли улыбками.

— Ха-ха-ха! — рассмеялся Каспа, всегда готовый стать мишенью для шуток. — Джезаль, познакомься с моей кухней, леди Арисс дан Каспа. Арисс, это мой начальник, капитан Луфар.

Значит, это и есть знаменитая кухня. Одна из самых богатых наследниц в Союзе, к тому же из прекрасной семьи. Каспа вечно расписывал, какая она красавица, но Джезалю девица показалась бледной, костлявой и болезненной. Она слабо улыбнулась и протянула вялую белую руку. Капитан скользнул по ней губами в самом небрежном из поцелуев.

— Я очарован, — пробормотал он без всякого интереса. — Должен извиниться за свой внешний вид, я иду с тренировки.

— О да, — пропищала Арисс высоким пронзительным голосом. — Я слышала, что вы замечательный фехтовальщик!

Повисла пауза: девица думала, о чем бы еще поговорить. Наконец ее глаза загорелись:

— Скажите, капитан, фехтовать — это очень опасно?

Что за безвкусная чушь!

— О нет, миледи, мы ведь деремся тупым оружием.

Мог бы придумать ответ и получше, но будь он проклят, если станет прикладывать для этого усилия. Джезаль натянуто улыбнулся, кухня тоже. Повисла пауза, продолжение беседы было под угрозой.

Джезаль уже собирался принести извинения и удалиться, поскольку тема фехтования исчерпала себя, но Арисс отрезала ему путь к отступлению. Она задала новый вопрос:

— А скажите, капитан, правда ли, что на Севере скоро начнется война?

Конец фразы она произнесла совсем тихо, но дуэнья одобительно покосилась на нее, явно восхищенная умением своей подопечной поддерживать беседу.

Господи помилуй!

— Ну, мне кажется... — начал Джезаль.

Бледные голубые глаза леди Арисс выжидающе обратились к нему.

«Глупые голубые глаза, — подумал он. — Интересно, в чем она более невежественна — в фехтовании или политике?»

— А что думаете вы? — спросил он.

Лоб дуэньи покрылся легкими морщинками. Леди Арисс застигли врасплох, она даже слегка покраснела, подыскивая подходящий ответ.

— Ну, я бы сказала... Я уверена, что в конце концов... Все закончится хорошо?

«Благодарение судьбе! — подумал Джезаль. — Мы спасены!»

Теперь нужно как можно скорее убираться отсюда.

— О, разумеется, все закончится хорошо. — Он заставил себя еще раз улыбнуться. — Знакомство с вами — огромное удовольствие, но боюсь, меня ждут мои обязанности. Я вынужден вас покинуть. — Он с ледяной чопорностью поклонился. — Лейтенант Каспа... Леди Арисс...

Каспа хлопнул его по руке с обычным дружелюбием. Его ничего не понимающая кузина неуверенно улыбнулась. Гувернантка нахмурилась, но Джезаль не обратил на нее внимания.

Он прибыл в Круг лордов как раз к тому времени, когда члены совета возвращались с обеденного перерыва. Сухо кивнул стражникам в вестибюле, вошел в огромную дверь и начал спускаться по центральному проходу. Беспорядочная толпа знатнейших людей королевства следовала за ним по пятам, и, пока Джезаль пробирался вдоль изгибающейся стены к своему месту за высоким столом, гулкое пространство заполнилось звуками шаркающих ног, бормотанием и перешептываниями.

— Джезаль, как прошла тренировка? — обратился к нему Челенгорм, в кои-то веки явившийся пораньше и воспользовавшийся возможностью поговорить, пока не пришел лорд-камергер.

— Бывало и лучше. А ты как?

— О, я отлично провел время! Встретил кузину Каспы. Ну эту, ты знаешь... — Он замялся, пытаясь вспомнить имя.

Джезаль вздохнул и подсказал:

— Леди Арисс.

— Точно, она самая! Ты ее видел?

— Мне выпало счастье наткнуться на них буквально несколько минут назад.

— Ух ты! — воскликнул Челенгорм, выпячивая губы. — Ну и как, правда потрясающая?

— Хм-м...

Джезаль отвел скучающий взгляд и принялся разглядывать людей в подбитых мехом мантиях. Как правило, в совете заседали нелюбимые сыновья или платные делегаты высокородных лордов. Мало кто из вельмож появлялся лично, если не имел на то важной причины. Многие не

озаботились даже тем, чтобы прислать кого-то вместо себя.

— Клянусь, это одна из самых красивых девушек, каких я видел за свою жизнь! Каспа всегда превозносил ее до небес, но она оказалась еще лучше.

— Хм-м...

Советники стали рассаживаться по местам. Круг лордов был построен в виде театра, и знатнейшие дворяне Союза сидели там, где должна располагаться публика — на скамьях, составленных большим полукругом, с проходом в центре.

Как в настоящем театре, места в зале были разные: одни лучше, другие хуже. Лорды поскромнее сидели высоко и сзади; важность присутствующих возрастала по мере продвижения вперед. Передний ряд занимали главы самых известных семейств или те, кого они присылали вместо себя. Представители Юга, прибывшие из Дагоски и Вестпорта, располагались слева, рядом с Джезальем. Далеко справа сидели их коллеги с Севера и Запада, из Инглии и Старикланда. Главные скамьи посередине предназначались для старой знати Срединных земель, являвшихся сердцем Союза. Подразумевалось, что Союз устроен именно так. Джезаль, пожалуй, был с этим согласен.

— Какая осанка, какое изящество! — продолжал изливаться Челенгорм. — Эти чудесные тонкие волосы, эта молочно-белая кожа, эти фантастические голубые глаза!

— И сколько денег, — вставил Джезаль.

— Ну и это тоже, — улыбнулся здоровяк. — Каспа говорит, что его дядюшка еще богаче, чем его отец, представляешь? И кузина — единственная дочь! Она унаследует все до последней марки. До последней марки! — Челенгорм едва сдерживал возбуждение. — Счастливчик тот, кому она достанется! Ну-ка, повтори, как ее зовут?

— Арисс, — кисло отозвался Джезаль.

Все лорды — или их доверенные лица — уже доплелись до своих сидений. Народу было мало, скамьи заполнены меньше чем наполовину. Впрочем, здесь никогда не собиралось больше. Если бы Круг лордов был настоящим театром, его владельцы сейчас отчаянно искали бы новую пьесу.

— Арисс, Арисс... — Челенгорм причмокнул губами, словно имя девицы имело сладкий привкус, и повторил: — Да, счастливчик тот, кому она достанется!

— Это точно, счастливчик.

«Во всяком случае, если разговорам он предпочитает деньги», —

добавил про себя Джезаль. Он подумал, что предпочел бы жениться на гувернантке — она казалась более уверенной, чем воспитанница.

Лорд-камергер наконец-то вошел в зал и прошествовал к возвышению, где стоял высокий стол — примерно там располагалась бы сцена театра. Следом спешила свита одетых в черное секретарей и служащих, нагруженных толстыми фолиантами и стопками официальных бумаг. В своей малиновой парадной мантии, развевавшейся за плечами, лорд Хофф больше всего походил на какую-то редкую, величаво плывущую по воздуху птицу в сопровождении стаи назойливых ворон.

— Явился, старый кисель, — прошептал Челенгорм, бочком продвигаясь к своему месту на другом конце стола.

Джезаль заложил руки за спину и принял привычную позу: ноги вытянуты, подбородок высоко вздернут. Он обвел взглядом солдат, расставленных через равные интервалы вдоль полукруглой стены: все стояли совершенно неподвижно, в полной парадной амуниции, как обычно. Джезаль глубоко вздохнул и приготовился к нескольким часам отчаянной скуки.

Лорд-камергер упал в свое высокое кресло и приказал принести вина. Секретари распределились вокруг него, оставив в центре место для короля, который, как обычно, отсутствовал. Зашелестели документы, распахнулись тяжелыеgrossбухи, заскрипели и застучали в чернильницах очиняемые перья. Оповеститель прошел к концу стола и ударил жезлом в пол, призывая к порядку. Перешептывания дворян и их уполномоченных, а также немногочисленных слушателей на галерее для публики постепенно смолкли, и в просторном помещении воцарилась тишина.

Оповеститель выпятил грудь.

— Я объявляю, что собрание открытого совета Союза... — проговорил он медленно и звучно, словно произносил торжественную речь на похоронах. После этого оповеститель сделал излишне долгую и значительную паузу. Лорд-камергер обратил на него гневный взгляд, но оповеститель не собирался сокращать свое выступление. Он заставил всех подождать еще немного, прежде чем наконец закончил: — Началось!

— Благодарю, — кисло сказал Хофф. — Если не ошибаюсь, мы как раз собирались выслушать лорд-губернатора Дагоски, когда нам пришлось прерваться для обеда.

Его голосу аккомпанировал скрип перьев, поскольку двое писцов записывали каждое его слово. Слабое эхо этих звуков смешивалось с эхом его голоса в огромном пространстве под потолком.

В переднем ряду, недалеко от Джезали, с трудом поднялся на ноги

пожилой человек, сжимавший дрожащими руками какие-то бумаги.

— Открытый совет, — протянул оповеститель так медленно, как только мог, — предоставляет слово Рашу дан Фуйлу, полномочному представителю Занда дан Вюрмса, лорд-губернатора Дагоски!

— Благодарю вас, сэр. — Дребезжащий голос Фуйла казался смехотворно слабым в этом огромном пространстве. Он едва доносился даже до Джезала, сидевшего в десяти шагах от оратора. — Господа...

— Громче! — крикнул кто-то с задних рядов.

По залу пронеслась тихая рябь смешков. Старик откашлялся и сделал новую попытку:

— Господа, я явился сюда, чтобы передать вам срочное послание лорд-губернатора Дагоски.

Его голос вновь стих до первоначального, едва слышного уровня; каждое слово сопровождалось неустанным скрипом перьев. С галереи для публики доносились перешептывания, еще более затруднявшие задачу тем, кто хотел услышать речь губернатора.

— Угроза, которую представляет для этого великого города император Гуркхула, возрастает с каждым днем.

С дальнего конца зала, где сидели представители Инглии, раздался ропот смутного неодобрения, но основная часть советников просто скучала.

— Нападения на корабли, притеснение торговцев и демонстрации силы под нашими стенами вынудили лорд-губернатора послать меня...

— Нам повезло! — выкрикнул кто-то.

Последовала новая волна смешков, на этот раз более громких.

— Город выстроен на узком полуострове, — настойчиво продолжал старик, стараясь говорить так, чтобы его не заглушал все возрастающий шум на заднем плане, — который примыкает к территории, контролируемой нашими злейшими врагами, гурками, и отделен от Срединных земель многими лигами соленой воды! Наши оборонительные сооружения ненадежны. Лорд-губернатор отчаянно нуждается в дополнительных средствах...

Упоминание о деньгах вызвало в собрании немедленный гул голосов. Губы Фуйла по-прежнему шевелились, но услышать его больше не было никакой возможности. Лорд-камергер нахмурился и сделал глоток из своего кубка. Писец, что сидел дальше всех от Джезала, положил перо и протирал глаза большим и указательным пальцами, испачканными в чернилах. Писец, сидевший ближе всех, как раз закончил последнюю строчку, и Джезаль вытянул шею, чтобы прочесть. Там было написано: «Шум,

крики».

Оповеститель с явным удовольствием грохнул жезлом по полу. Шум понемногу стих, однако Фуйлом овладел приступ кашля. Он попытался заговорить, но не смог. В конце концов он махнул рукой и сел на место с побагровевшим лицом, а его сосед принялся хлопать его по спине.

— Разрешите, лорд-камергер? — закричал светского вида молодой человек, сидевший в переднем ряду на другом конце зала. Он вскочил на ноги. Скрип перьев возобновился. — Мне кажется...

— Открытый совет, — вклинился оповеститель, — предоставляет слово Херцелю дан Миду, третьему сыну и полномочному представителю Федора дан Мида, лорд-губернатора Инглии!

— Мне кажется, — продолжал молодой красавец, слегка раздраженный тем, что его перебили, — наши друзья на Юге только и ждут полномасштабной атаки со стороны императора!

Теперь выкрики несогласия раздалились с другого конца зала.

— Атаки, которая никогда не осуществится! Разве мы не разгромили гурков несколько лет назад? Или память обманывает меня?

Возмущенные возгласы стали громче.

— Подобное паникерство пробьет брешь в ресурсах Союза! — Херцелю уже приходилось кричать, чтобы быть услышанным. — У нас в Инглии граница простирается на много миль, а солдат слишком мало, в то время как угроза, исходящая от Бетода и северян, более чем реальна! Если кто-то и нуждается в средствах...

Шум моментально усилился. За общим гомоном едва можно было разобрать отдельные выкрики:

— Слушайте, слушайте!

— Чепуха!

— Верно!

— Вранье!

Одни делегаты вскочили на ноги, вопя во всю глотку, другие энергично кивали, соглашаясь с оратором, третьи свирепо мотали головами. Кое-кто просто зевал и лениво поглядывал вокруг. Джезаль заметил парня в задних рядах — тот, без сомнений, крепко спал, рискуя свалиться на колени соседа.

Капитан устремил взгляд вверх — на лица, смотревшие с публичной галереи, и ощутил в груди странное стеснение: там стояла Арди Вест. Она смотрела вниз, прямо на него. Когда их глаза встретились, она улыбнулась и помахала рукой. Он и сам заулыбался; его рука уже поднималась, чтобы помахать в ответ, когда он вдруг вспомнил, где находится. Джезаль сунул

руку за спину и нервно огляделся: слава богу, никто из важных персон ничего не заметил. Впрочем, он все еще улыбался.

— Господа! — взревел лорд-камергер, стукнув пустым кубком об стол.

Такого громкого голоса Джебаль никогда не слышал — даже маршал Варуз мог бы поучиться у Хоффа. Спящий в заднем ряду проснулся и привстал, шумно дыша и моргая. Гвалт смолк почти немедленно. Лорды виновато озирались, словно шkodливые дети после окрика строгого учителя, и усаживались по местам. Перешептывания на галерее для публики утихли. Порядок был восстановлен.

— Господа! Могу заверить вас, что короля более всего заботит безопасность его подданных, где бы они ни находились! Союз никогда не допустит агрессии по отношению к своему народу и своей собственности! — Хофф подчеркивал каждую фразу ударом кулака по столу. — Ни со стороны императора Гуркхула, ни от этих северных варваров, ни от кого-либо другого!

И он врезал по столу с такой силой, что у одного из писцов чернила выплеснулись из чернильницы, залив аккуратно разложенные документы. Возгласы одобрения и поддержки приветствовали патриотическое выступление лорд-камергера.

— Что касается ситуации в Дагоске, — снова заговорил Хофф, и Фуйл, чьи легкие еще содрогались от сдерживаемого кашля, с надеждой поднял голову. — Разве этот город не обладает самыми мощными оборонными укреплениями в мире? Разве лет десять назад он не сопротивлялся гуркской осаде более года? Что стало с вашими стенами, сэр? Что с ними случилось?

В огромном зале воцарилась тишина, все напрягали слух в ожидании ответа.

— Но, лорд-камергер, — захрипел Фуйл, и его голос почти заглушило шуршание страницы, перевернутой одним из писцов, — наши оборонные сооружения в очень плохом состоянии. У нас не хватает солдат, чтобы надлежащим образом их обслуживать. И император знает об этом... Я прошу вас... — прошептал он еле слышно, потом разразился новым приступом кашля и рухнул на свое сиденье, сопровождаемый легкими смешками делегации Инглии.

Хофф нахмурился еще сильнее.

— Насколько я понимаю, оборонные укрепления должны содержаться в исправности на деньги, собираемые на местах, а также выручаемые с торговых пошлин достопочтенной гильдии торговцев пряностями. На протяжении последних семи лет эта гильдия работает в Дагоске по эксклюзивной и весьма выгодной лицензии. И если при таких условиях

нельзя найти средства даже для того, чтобы отремонтировать стены... — Он окинул собрание мрачным взглядом. — Возможно, настало время предложить лицензию другим.

С галереи для публики послышался ропот.

— Так или иначе, корона сейчас не в состоянии позволить себе дополнительные расходы!

Недовольные свистки представителей Дагоски, одобрительные крики представителей Инглии.

— Теперь об особой ситуации в Инглии! — прогремел лорд-камергер, поворачиваясь в сторону Мида. — Полагаю, в скором времени мы услышим хорошие новости, и вы передадите их вашему отцу лорд-губернатору.

Волна возбужденного шепота поднялась к позолоченному куполу зала. Молодой красавец казался приятно удивленным, и это было вполне понятно: очень редкий случай — услышать на открытом совете хорошие новости. Или хоть какие-то новости.

Фуйл снова справился с кашлем и собрался что-то сказать, но был прерван тяжелыми ударами в огромную дверь, расположенную позади высокого стола. Все лорды подняли головы — удивленно и настороженно. Лорд-камергер улыбнулся с видом фокусника, проделавшего сложный трюк, и сделал знак охране. Тяжелые железные засовы были отодвинуты, и массивные инкрустированные двери медленно, со скрипом растворились.

Восемь рыцарей-телохранителей в блистающей броне, в великолепных пурпурных плащах с изображением золотого солнца на спине, скрыв лица под высокими отполированными шлемами, гулко прогрохотали по ступеням вниз и заняли места по обе стороны высокого стола. За ними по пятам шли четверо трубачей, которые проворно выступили вперед, поднесли к губам сияющие горны и разразились оглушительными фанфарами. Джебаль стиснул застучавшие зубы и прищурил глаза, выжидая, пока уляжется звонкое эхо. Лорд-камергер гневно обернулся к оповестителю, глядевшему на новоприбывших с открытым ртом.

— Ну? — прошипел Хофф.

Оповеститель очнулся:

— Э-э... ну разумеется! Господа и дамы, мне выпала великая честь представить вам... — Он замолчал, набирая полную грудь воздуха. — Его императорское высочество, короля Инглии, Старикланда и Срединных земель, протектора Вестпорта и Дагоски, его августейшее величество Гуслава Пятого, высокого короля Союза!

В зале послышался шорох: каждый из присутствующих сполз со

своего сиденья, опустившись на одно колено.

В двери медленно вплыл королевский паланкин, который несли на плечах еще шестеро безликих рыцарей. Сам король восседал наверху в золоченом кресле, обложенный пышными подушками. Он слегка покачивался из стороны в сторону и озирался вокруг. Выражение его лица было озадаченное, как у человека, уснувшего пьяным и проснувшегося в незнакомой комнате.

Он выглядел ужасно: непомерно тучный и расплзшийся, словно громадная гора, укутанная в меха и красный шелк. Его голова ушла в плечи под тяжестью огромной сверкающей короны, выпуклые глаза казались остекленевшими, под ними залегли большие темные мешки. Розовый кончик языка беспрестанно метался по бледным губам. Толстые обвислые щеки и валик жира на шее создавали впечатление, будто лицо Гуслава слегка подтаяло и понемногу стекает с черепа.

Так выглядел высокий король Союза, и Джебаль наклонил голову еще ниже, когда паланкин приблизился.

— О, — промямлил его августейшее величество с рассеянным видом, словно что-то позабыл, — прошу вас, встаньте.

Зал снова наполнился шорохом, пока все поднимались и рассаживались по местам. Король повернулся к Хоффу, его лоб прорезали глубокие морщины. Джебаль услышал, как он тихо спросил:

— Почему я здесь?

— Северяне, ваше величество.

— Ах, да! — Глаза короля прояснились. Он помолчал. — А что с ними такое?

— Э-э...

Но лорд-камергер был избавлен от необходимости отвечать, поскольку в этот момент открылись двери в другом конце зала — те самые, через которые входил сюда Джебаль. Два очень необычных человека вступили в зал и направились к собранию по центральному проходу.

Один — убеленный сединами старый воин со шрамом, слепой на один глаз. Он нес в руках деревянный ларец. Другой был одет в плащ с капюшоном, полностью закрывавшим лицо, а ростом этот пришелец был настолько огромен, что с его появлением все пропорции в зале как будто исказились. Скамьи, столы, даже стражники внезапно показались маленькими, игрушечными копиями самих себя. По мере приближения великана несколько лордов, сидевших у самого прохода, съежились и отодвинулись подальше. Джебаль нахмурился; вид гиганта в капюшоне не обещал хороших новостей, что бы ни говорил Хофф. Гулкий купол

помещения наполнился тревожными перешептываниями. Северяне тем временем уже стояли на вымощенном плитами полу перед высоким столом.

— Ваше величество, — проговорил оповеститель и склонился так низко, что ему приходилось поддержать себя, опершись на жезл, — открытый совет предоставляет слово Фенрису Наводящему Ужас, посланнику Бетода, короля Севера, и его переводчику Ганзулу Белому Глазу!

Король, не обращая на оповестителя никакого внимания, беззаботно глазел в одно из больших окон в полукруглой стене — возможно, любовался тем, как свет проникает через восхитительные витражи. Однако когда к нему обратился старый одноглазый воин, он резко поднял голову и огляделся, качнув жирными щеками.

— Ваше величество, я явился к вам с братским приветствием от моего повелителя Бетода, короля Севера.

В Круге лордов воцарилось мертвое молчание, и скрип перьев звучал теперь неестественно громко. Старый воин с неловкой усмешкой кивнул в сторону огромной фигуры в капюшоне, стоящей рядом с ним:

— А Фенрис Наводящий Ужас принес вам предложение от Бетода. От короля к королю. От Севера — Союзу. Предложение и дар.

Он поднял деревянный ларец, который держал в руках. Лорд-камергер самодовольно усмехнулся:

— Выскажите сначала ваше предложение.

— Это предложение мира. Вечного мира между двумя нашими великими народами.

Белый Глаз снова поклонился, и Джезаль признал, что его манеры безупречны. Совсем не то, чего ожидаешь от дикарей с холодного далекого Севера. Такие благообразные речи могли бы успокоить собрание, если бы не гигант в капюшоне, нависающий над одноглазым старцем, подобно черной тени.

Тем не менее при упоминании о мире на лице короля появилась слабая улыбка.

— Это хорошо, — пробормотал он. — Превосходно. Мир. Отлично. Мир — это хорошо.

— Взамен он просит лишь одну маленькую вещь, — продолжал Белый Глаз.

Лицо лорд-камергера внезапно помрачнело, но было уже слишком поздно.

— Ему надо только назвать ее, — сказал король, снисходительно улыбаясь.

Человек в капюшоне сделал шаг вперед.

— Инглия, — прошипел он.

На какой-то миг все замерло, затем зал взорвался шумом. С галереи для публики донесся шквал недоверчивого смеха. Мид снова стоял на ногах и что-то кричал, его лицо побагровело. Фуйл, шатаясь, поднялся со скамьи, но упал обратно, задыхаясь от кашля. Гневные вопли дополнились насмешливым улюлюканьем. Король оглядывался по сторонам, как испуганный кролик.

Джезаль не отрывал глаз от человека в капюшоне. Он увидел, как огромная рука выскользнула из-под ниспадающего рукава и потянулась к застежке плаща. Джезаль удивленно моргнул. Кожа гиганта действительно была синяя? Или это обман зрения, луч света, пропущенный через витражное стекло? Плащ упал на пол.

Джезаль сглотнул. Его кровь громко стучала в висках. Такое же чувство испытываешь, когда смотришь на ужасную рану: чем больше отвращения, тем труднее отвести глаза. Смех затих, крики смолкли, огромное пространство стало ужасающе тихим.

Без плаща Фенрис Наводящий Ужас казался еще огромнее. Он возвышался, как башня, над своим съезжившимся переводчиком. Без всякого сомнения, это самый крупный человек, какого Джезаль когда-либо видел, — если это вообще человек. Его лицо находилось в непрерывном движении, оно подергивалось, ухмылялось. Его вытаращенные глаза дергались и мигали, обводя безумным взглядом собравшихся людей. Его тонкие губы то улыбались, то морщились, то вытягивались в одну суровую черту, ни на минуту не оставаясь в покое. Но все это выглядело почти нормальным по сравнению с другой его странностью.

Всю левую сторону тела Фенриса, от головы до пальцев ног, покрывали письмена.

Корявые руны были начертаны по левой половине его выбритой головы, на веке, на губах, на щеке, на ухе. Огромная левая рука стала синей от крошечных букв, вытатуированных повсюду, начиная с бугрящегося плеча до кончиков длинных пальцев. Даже его босая левая нога была исписана странными буквами. Громадный, не похожий на человека, разрисованный монстр стоял в самом сердце правительства Союза! Джезаль был потрясен.

Вокруг высокого стола стояли четырнадцать рыцарей-телохранителей — отлично обученные бойцы из знатных семей. Человек сорок стражников, подчиненных самому Джезалю, занимали места вдоль стен — все закаленные ветераны. Их силы превосходили двоих северян в

соотношении больше чем двадцать к одному, к тому же они были вооружены самыми лучшими клинками из королевских арсеналов. Фенрис Наводящий Ужас не имел никакого оружия. Невзирая на огромный размер и невероятный вид, он не мог представлять для них угрозу.

Однако Джебаль не чувствовал себя защищенным. Он чувствовал свое одиночество, слабость, беспомощность и ужасный страх. Кожу покалывало, во рту пересохло. Ему внезапно отчаянно захотелось бежать отсюда, спрятаться и никогда не вылезать из укрытия.

Это испытывал не только Джебаль и не только те, кто сидел за высоким столом. Гневный смех сменялся изумленным бормотанием по мере того, как разрисованный великан медленно двигался в центре круглого зала, обводя бегающим взглядом толпу. Мид растерял весь свой гневный запал и съехал на скамье. Двое высокопоставленных лиц в переднем ряду просто перелезли через спинки своих кресел, чтобы отойти подальше от Фенриса. Другие отводили взгляды или закрывали лица руками. Один из солдат уронил копье, и оно с громким стуком упало на пол.

Фенрис Наводящий Ужас неспешно повернулся к высокому столу и поднял огромный татуированный кулак, раскрывая расщелину рта; его лицо передернулось отвратительной судорогой.

— Инглия! — завопил он еще громче и, бесспорно, еще ужаснее, чем это когда-либо удавалось лорд-камергеру.

Эхо его голоса отразилось от высокого купола зала и раскатилось вдоль изгиба стен, наполнив огромное пространство пронзительными отзвуками.

Один из рыцарей-телохранителей неловко попятился, с лязгом врезавшись закованной в латы ногой в край высокого стола.

Король подался назад и сжался в комок. Он прикрывал лицо рукой, выглядывая испуганным глазом в щель между пальцами. Корона на его голове ходила ходуном.

Один из писцов выронил перо из обессилевших пальцев. Рука другого, замершего с раскрытым ртом, по привычке двигалась по странице, коряво выписывая произнесенное слово по диагонали, поверх аккуратных строчек: «Инглия».

Лицо лорд-камергера покрыла восковая бледность. Он медленно протянул руку к своему кубку, поднес его к губам... Кубок был пуст. Хофф осторожно поставил его обратно на стол, но рука тряслась, и доньшко задребезжало на деревянной поверхности. Он помолчал еще мгновение, тяжело дыша.

— Очевидно, что это предложение неприемлемо, — наконец проговорил он.

— Очень жаль, — отозвался Ганзул Белый Глаз. — Но еще остался наш подарок.

Все глаза обратились к нему.

— У нас на Севере есть обычай. Когда два клана разделяет кровь и есть угроза войны, каждая сторона выдвигает своего бойца, чтобы он сразился за свой народ. Таким образом спор может быть разрешен... одной-единственной смертью. — Он медленно поднял крышку деревянного ларца. Внутри лежал длинный нож с отполированным до зеркального блеска клинком. — Его мощь король Бетод прислал сюда Наводящего Ужас не только в качестве своего посланника, но и в качестве своего бойца. Наводящий Ужас будет сражаться за Инглию, если кто-нибудь из вас захочет помериться с ним силами. Тогда вы сможете не вступать в войну, которую никогда не выиграете. — Он протянул ларец разрисованному монстру. — Вот дар, который я принес вам от моего повелителя, и не может быть дара щедрее... Ваши жизни!

Правая рука Фенриса метнулась к ларцу и выхватила из него нож. Он высоко поднял его, и клинок блеснул в цветном луче света, падавшем из огромного окна. В этот миг рыцари должны были броситься вперед, Джезаль должен был вытащить шпагу, каждый должен был поспешить на защиту короля. Но никто не пошевелился. Все разинули рты и воззрились на этот поблескивающий стальной зуб.

Клинок устремился вниз. Он легко прошел сквозь кожу и плоть, пока лезвие не погрузилось по самую рукоять. Окровавленное острие показалось с тыльной стороны татуированной левой руки Фенриса. Лицо гиганта дернулось, но не больше, чем обычно. Клинок гротескно задвигался в его ладони, когда он вытянул пальцы и поднял левую руку вверх, чтобы люди могли ее видеть. Капли крови размеренно стучали по полу Круга лордов.

— Кто станет биться со мной? — вскричал великан, вытягивая шею с выступившими толстыми веревками жил. Его голос терзал слух.

Абсолютная тишина. Оповеститель, стоявший ближе всех к Наводящему Ужас, опустился на колени, потерял сознание и повалился лицом вниз.

Фенрис взглянул на самого крупного из рыцарей, стоявших возле стола. Тот был на целую голову ниже его.

— Ты? — прошипел он.

Несчастный попятился, со скрежетом задевая закованной в доспехи

ногой об пол. Без сомнения, он жалел, что не родился карликом.

На полу под локтем Фенриса разрасталась лужица темной крови.

— Ты? — рявкнул он Федору дан Миду.

Молодой человек посерел и задрожал, стуча зубами.

Напряженный взор мигающих глаз великана прошелся по пепельным лицам всех, кто сидел за высоким столом. Джезаль ощутил, как у него перехватило горло, когда взгляд Фенриса встретился с его взглядом:

— Ты?

— Вообще-то я не против, но сегодня вечером я ужасно занят. Может быть, лучше завтра?

Это совсем не его голос. Он определенно не собирался говорить ничего подобного. Но кто же мог такое сказать? Слова самоуверенно и беззаботно всплыли к позолоченному куполу у него над головой.

Раздались отдельные смешки, даже крик «браво!» откуда-то с задних рядов, но взгляд Фенриса не оторвался от Джезала ни на мгновение. Великан подождал, пока звуки замрут; затем его рот искривился в отвратительной усмешке.

— Ну, значит, завтра, — прошептал он.

В животе у Джезала внезапно что-то мучительно перевернулось. Серьезность ситуации навалилась на него тонной камней. Неужели именно он? Он будет драться?

— Нет.

Это произнес лорд-камергер. Он был по-прежнему бледен, но в его голосе зазвучала прежняя сила. Джезаль взял себя в руки и стал мужественно сдерживать бунт своего кишечника.

— Нет! — снова рявкнул Хофф. — Не будет никаких дуэлей! Нет никакого спора, который надо разрешать! Инглия — это часть Союза согласно древнему закону!

Ганзул Белый Глаз тихо рассмеялся.

— Древнему закону? Инглия — это часть Севера. Две сотни лет назад там жили северяне, и жили свободно. Вам понадобилось железо, поэтому вы переплыли море, перерезали всех и украли их землю! Или это и нужно называть самым древним из законов: сильный берет у слабого то, что хочет? — Его глаза сузились. — Такой закон у нас тоже есть!

Фенрис Наводящий Ужас вырвал нож из своей ладони. На плиты пола упало несколько последних капель крови — и все, не осталось ни раны, ни малейшей отметины на татуированной плоти. Нож со стуком упал на плиты и остался лежать в луже крови у ног великана. Фенрис в последний раз обвел собрание безумным взглядом, повернулся и зашагал через зал и

вверх по проходу. Лорды и делегаты при его приближении отползали подальше.

Ганзул Белый Глаз низко поклонился.

— Возможно, придет время, и вы пожалеете о том, что не приняли наше предложение. Или наш подарок. Вы еще услышите о нас, — спокойно сказал он и поднял вверх три пальца, показывая их лорд-камергеру. — Когда настанет срок, мы пошлем вам три знака.

— Посылайте хоть триста, если вам угодно, — гаркнул Хофф, — но ваш балаган закончен!

Ганзул Белый Глаз кивнул, благожелательно улыбаясь.

— Вы еще услышите о нас, — повторил он.

Он повернулся и пошел вслед за Фенрисом Наводящим Ужас к выходу из Круга лордов. Огромные двери со стуком захлопнулись. Перо ближайшего к Джезалю писца слабо царапало по бумаге: «Вы еще услышите о нас».

Федор дан Мид повернулся к лорд-камергеру. Он стиснул зубы, его красивые черты исказились от ярости.

— Это и есть ваши хорошие новости, которые я должен передать отцу? — завопил он.

Открытый совет взорвался — крики, рев, оскорбления. Полный хаос.

Хофф вскочил на ноги, опрокинув стул. Он говорил какие-то гневные слова, но даже его голос потонул в общем шуме. Разъяренный Мид повернулся к нему спиной и ринулся к выходу. Другие делегаты с инглийской стороны зала угрюмо поднялись с мест и пошли за сыном своего лорд-губернатора. Хофф смотрел им вслед, пепельно-серый от гнева, и беззвучно шевелил губами.

Джезаль видел, как король медленно убрал руку от лица и наклонился к лорд-камергеру.

— А скоро придут эти северяне? — шепотом спросил он.

Король Севера

Логен глубоко вдохнул, наслаждаясь забытым ощущением прохладного ветерка на свежевыбритом подбородке, и обратил взор на окружающий пейзаж.

Было ясно, самое начало дня. Рассветный туман почти рассеялся, и с балкона перед комнатой Логена, расположенной высоко над землей, в боковой части одной из башен библиотеки, открывался вид на мили вокруг. Впереди лежала огромная долина, резко разделяющаяся на разноцветные слои. Самый верхний слой, серый и одутловато-белый — это покрытое облаками небо. Затем шла зубчатая линия черных утесов, окружавших озеро, а за ними проступали другие горы, тускло-коричневые. Дальше следовала темная зелень поросших лесом склонов и тонкая загибающаяся полоска серой гальки на берегу. И все это отражалось в тихом зеркале озера — перевернутый мир, наполненный тенями.

Логен опустил взгляд на свои руки, растопырив пальцы на выщербленном ветрами камне парапета. Ни грязи, ни засохшей крови под растрескавшимися ногтями. Руки были бледными, мягкими, розоватыми, незнакомыми. Даже струпья и ссадины на костяшках пальцев почти зажили. Так много времени прошло с тех пор, когда Логен в последний раз был чистым, что он уже забыл, каково это. Его новая одежда царапала кожу, лишенную обычного защитного слоя грязи, жира и засохшего пота.

Он глядел на спокойное озеро, дочиста вымытый и досыта накормленный, и чувствовал себя совсем другим человеком. Какое-то мгновение он сомневался, кем обернется этот новый Логен, но голый камень парапета по-прежнему глядел на него в прореху на месте недостающего пальца. Это нельзя исцелить. Он был все тот же Девятипалый, Девять Смертей, и всегда им останется. Разве что потеряет еще несколько пальцев. Но пахло от него теперь значительно лучше, этого нельзя не признать.

— Хорошо ли ты спал, мастер Девятипалый? — выглянул на балкон Уэллс.

— Как дитя.

У Логена не хватило духа сказать старому слуге, что он спал снаружи. В первую ночь он попробовал уснуть на кровати: крутился и ворочался, не в состоянии найти общий язык с непривычно мягким матрасом и теплыми одеялами. Потом он попробовал перелечь на пол. Это было уже лучше,

однако воздух комнаты по-прежнему казался душным и затхлым. Потолок нависал над головой и, казалось, сползал все ниже, угрожая раздавить спящего всей тяжестью громоздящегося сверху камня. И только когда Логен, укрывшись старой курткой, улегся на жесткие плиты балкона — прямо под открытым небом с облаками и звездами, — сон пришел к нему. Некоторые привычки трудно преодолеть.

— К тебе посетитель, — сказал Уэллс.

— Ко мне?

В дверь спальни просунулась голова Малахуса Ки. Мешки под его глазами немного уменьшились, кожа уже не была бесцветной, а на костиросло кое-какое мясо. Он больше не походил на живой труп — просто выглядел изможденным и больным, как в тот день, когда Логен впервые встретился с ним. Логен подозревал, что здоровым Ки и не был никогда.

— Ха! — воскликнул Логен. — Ты все-таки выжил!

Ученик мага утомленно кивнул и потащился через комнату к выходу на балкон. Он завернулся в толстое одеяло, которое волочилось по полу и мешало двигаться. Малахус спотыкающейся походкой вышел на воздух и остановился, раздувая ноздри и жмурясь на холодном утреннем воздухе.

Логен сам не ожидал, что так ему обрадуется. Он хлопнул его по спине, словно старого друга, возможно даже с излишним пылом. Ученика шатнуло вперед, он запутался ногами в одеяле и упал бы, если бы Логен не поддержал его.

— Я еще не совсем в форме, — пробормотал Ки, слабо улыбаясь.

— Ты выглядишь гораздо лучше, чем в последний раз, когда я тебя видел.

— И ты. Я вижу, ты расстался с бородой, да и с тем запахом тоже. Еще бы поменьше шрамов, и будет совсем цивилизованный вид.

Логен поднял вверх руки:

— Все, кроме этого.

Уэллс вынырнул из двери на яркий утренний свет. В руке он держал кусок ткани и нож.

— Могу ли я посмотреть на твою руку, мастер Девятипалый?

Логен почти забыл про порез. На повязке не было свежей крови, и когда он развернул ее, то увидел длинный красно-бурый струп от кисти почти до самого локтя, окруженный новой розовой кожей. Рана уже не болела, только чесалась. Порез пересекал два старых шрама. Один — рваный и серый, рядом с запястьем — он получил во время поединка с Тридуба много лет назад. Логен сморщился при воспоминании о той схватке. Откуда у него второй шрам, он не помнил. Это могло быть что

угодно.

Уэллс нагнулся и ощупал кожу рядом с порезом. Ки настороженно выглядывал из-за его плеча.

— Все идет хорошо. Твои раны быстро заживают.

— У меня большой опыт.

Уэллс поднял голову, взглянул Логену в лицо и скользнул взглядом по отметине на лбу, уже превратившейся в розовую полоску.

— Я вижу, — отозвался он. — Будет ли глупо с моей стороны посоветовать тебе в будущем избегать острых предметов?

Логен рассмеялся:

— Поверишь или нет, но я и в прошлом всегда старался их избегать. Однако они, похоже, сами находят меня, несмотря на мои усилия.

— Что ж, — проговорил старый слуга, отрезая новую полосу материи и бережно обматывая ею предплечье раненого. — Будем надеяться, это будет последняя твоя перевязка.

— Будем надеяться, — откликнулся Логен, сгибая и разгибая пальцы. — Будем надеяться.

Однако он очень сомневался в этом.

— Завтрак скоро подадут, — сказал напоследок Уэллс, оставляя Логена и Ки вдвоем на балконе.

Они немного постояли молча. Потом ветер с долины обдал их холодом, и Малахус поежился, плотнее закутываясь в одеяло.

— Скажи мне... Там, у озера... Ты ведь мог оставить меня. Я бы на твоём месте так и поступил.

Логен нахмурился. В прежние времена он бы сделал именно так и не вспомнил об этом после; но все меняется.

— Мне приходилось бросать людей, — ответил он. — Вспоминаю, и меня тошнит от этого.

Ученик задумчиво сморщил губы и стал рассматривать долину, леса и дальние горы.

— Я никогда прежде не видел, как убивают человека.

— Тебе повезло.

— А ты, значит, видел много смертей?

Логен вздрогнул. В молодости он охотно ответил бы на такой вопрос. Он начал бы хвастаться, гордо перечислять сражения, в которых побывал, и врагов, которых убил. Но в какой-то момент он перестал гордиться этими подвигами — он не осознал когда. Это происходило постепенно, по мере того как войны становились все более кровавыми, причины подменялись поводами, а друзья один за другим возвращались в грязь. Логен потерял ухо и

нащупал глубокую выемку, давным-давно проделанную мечом Тул Дуру. Он мог промолчать, но ему хотелось быть откровенным.

— Я участвовал в трех войнах, — начал он. — В семи больших сражениях. В бесчисленных рейдах, стычках, отчаянных оборонах и кровавых битвах всех сортов. Я сражался в пургу, в бурю, в полуночной тьме. Я сражался всю свою жизнь — то с одним врагом, то с другим, то с одним другом, то с другим. Я мало что знал, кроме войны. Я видел, как людей убивали за сказанное слово, за брошенный взгляд, вообще ни за что. Однажды женщина пыталась заколоть меня ножом за то, что я убил ее мужа, и я бросил ее в колодец. И это далеко не самое худшее. Жизнь для меня стоила меньше, чем грязь под ногами... Я бился в десяти поединках и выиграл их все, но я сражался не на той стороне и исходил из ложных побуждений. Я был безжалостен, жесток и труслив. Я поражал людей в спину, сжигал, топил, заваливал камнями, убивал их спящими, безоружными, убегающими. Я и сам не раз убегал. Я мог обмочиться от страха. Я просил подаяние, чтобы выжить. Я получил много тяжелых ран, я кричал и плакал от боли, как младенец, у которого отобрали материнскую грудь. Не сомневаюсь, что мир был бы лучше, если бы меня убили много лет назад, но этого не случилось, и я не знаю почему.

Он опустил взгляд на свои руки, лежащие на камне, чистые и розовые.

— Не много найдется людей, у которых на руках было бы больше крови, чем у меня. Я ни одного такого не знаю. Девять Смертей — так меня называют мои враги, а у меня их куча. Все больше врагов, все меньше друзей. Кровь не дает тебе ничего, кроме новой крови. Теперь она преследует меня, ходит за мной повсюду как тень, и так же, как от тени, я не могу от нее избавиться. Я и не должен от нее избавляться. Я заслужил ее, я получил по заслугам. Я всюду искал ее, и таково мое наказание.

Все было сказано. Логен глубоко, прерывисто вздохнул и уставился на озеро внизу. Он не решался взглянуть на человека рядом с собой, не хотел видеть выражения его лица. Приятно ли узнать, что у тебя в приятелях ходит Девять Смертей? Человек, унесший больше жизней, чем чума. Они никогда не смогут стать друзьями — слишком много трупов разделяет их.

А потом он почувствовал, как ладонь Ки хлопнула его по плечу.

— Ну, это все так, — сказал тот, улыбаясь от уха до уха, — но ты спас мне жизнь, и я чертовски благодарен тебе за это.

— В этом году я спас одного человека и убил лишь четверых. Я заново родился!

Они какое-то время смеялись вместе, и это было хорошо.

— Ну, Малахус, я вижу, что ты снова с нами! — раздался голос позади.

Они обернулись. Ки споткнулся об одеяло и зашатался. Первый из магов стоял в дверном проеме, одетый в длинную белую рубашку с закатанными до локтей рукавами. Логену он по-прежнему казался больше похожим на мясника, чем на волшебника.

— Мастер Байяз... э-э... я как раз собирался повидать вас, — запинаясь, вымолвил Ки.

— Вот как? Значит, очень удачно сложилось, что я сам пришел к тебе, — ответил маг и шагнул на балкон. — Я так думаю: если человек чувствует себя достаточно здоровым для того, чтобы разговаривать, смеяться и выходить на открытый воздух, то он, несомненно, в силах читать, заниматься и развивать свой слабый ум. Что скажешь на это?

— Несомненно...

— Именно так! Скажи мне, как продвигаются твои занятия?

Несчастный ученик выглядел совершенно обескураженным.

— Но ведь они были в некотором роде... прерваны? — пробормотал он.

— То есть за то время, пока ты блуждал по горам, ты несколько не продвинулся в изучении «Основ высокого искусства» Иувина?

— Э-э... нет... несколько не продвинулся.

— А твои знания в области истории — сильно ли они углубились, пока мастер Девятипалый тащил тебя на плечах в библиотеку?

— Э-э... должен признаться... нет, не сильно.

— Но упражнения, медитации — конечно, ты практиковал их, лежа без сознания на прошлой неделе?

— Ну, э-э... нет, боюсь, в бессознательном состоянии я... э-э...

— Так ответь мне, много ли ты преуспел в учении? Или ты забросил занятия и отстал?

Ки уставился в пол.

— Я отставал еще тогда, когда уезжал отсюда.

— Но ты скажешь мне, где собираешься провести этот день?

Ученик поднял голову и с надеждой произнес:

— За моим столом?

— Превосходно! — Байяз широко улыбнулся. — Я собирался предложить то же самое, но ты опередил меня! Твое стремление учиться делает тебе честь!

Ки бешено закивал и поспешил к двери, волоча край своего одеяла по плитам пола.

— Бетод приближается, — буркнул Байяз. — Он будет здесь уже сегодня.

Улыбка Логена угасла, горло перехватило. Ему вспомнилась последняя встреча с самозванным королем Севера: он лежал, распростертый по полу в зале дворца Бетода в Карлеоне, избитый, сломленный и крепко закованный в цепи. Его кровь капала на солому, и он ждал смерти. А потом, без всяких объяснений, его отпустили. Вышвырнули из ворот вместе с Ищейкой, Тридуба, Слабейшим и остальными, приказав никогда не возвращаться. Никогда. Первый раз в жизни Бетод выказал толику милосердия. И последний — Логен не сомневался.

— Сегодня? — переспросил он, стараясь говорить спокойным голосом.

— Да, и очень скоро. Король Севера! Ха! Какая самонадеянность! — Байяз искоса взглянул на Логена. — Он собирается просить меня об услуге, и я бы хотел, чтобы ты при этом присутствовал.

— Ему это не понравится.

— Вот именно.

Ветер как будто стал холоднее. Все происходило слишком быстро — даже если позабыть о той встрече с Бетодом. Но если нужно что-то сделать, лучше действовать скорее, чем жить в страхе перед действием. Так сказал бы его отец. Поэтому Логен набрал в грудь воздуха, расправил плечи и проговорил:

— Я приду.

— Отлично. Теперь нам не хватает только одной вещи.

— Какой?

Байяз ухмыльнулся.

— Тебе нужно оружие.

В подвалах под библиотекой было сухо и темно, а путь по ним оказался очень, очень запутанным. Логен и маг взбирались вверх по ступенькам, потом спускались вниз, огибали углы, открывали двери, сворачивали то налево, то направо. Это место казалось настоящей западней. Логен боялся потерять из виду колеблющееся пламя факела, который нес волшебник, — без него можно запросто застрять в подземелье навсегда.

— Здесь внизу сухо. Сухо и хорошо, — говорил Байяз сам себе, и его голос разносился эхом по коридору, сливаясь с шорохом шагов. — Для книг нет ничего хуже сырости... И для оружия тоже.

Он внезапно остановился возле тяжелой двери, слегка толкнул ее, и она беззвучно распахнулась.

— Посмотри-ка! Ее не открывали годами, а петли до сих пор скользят как по маслу! Вот настоящее мастерство! Почему никому больше нет

никакого дела до мастерства?

Не дожидаясь ответа, Байяз переступил порог, и Логен пошел за ним.

Факел волшебника осветил длинный низкий зал со стенами из грубо вытесанных каменных блоков; дальний конец помещения терялся в тени. Вдоль стен тянулись ряды полок, пол был завален ящиками и подставками, и прямо на них громоздилось огромное множество всевозможного оружия и доспехов. Клинки, пики, полированные металлические и деревянные поверхности отблескивали в пляшущем свете факела, когда Байяз медленно пробирался вперед между грудami оружия.

— Неплохая коллекция, — пробормотал Логен, следуя за магом сквозь эту неразбериху.

— В основном здесь старое барахло, но должны быть и кое-какие стоящие вещи. — Байяз взял в руки шлем, прилагавшийся к древним позолоченным латам, нахмурился и стал его рассматривать. — Что скажешь об этом?

— Я никогда не разбирался в доспехах.

— Да, пожалуй, по тебе заметно... Все это, осмелюсь сказать, очень хорошо, пока ты сидишь на лошади. Но если тебе предстоит путешествие на своих двоих, латы будут обузой. — Он кинул шлем обратно на подставку, но не отошел, а продолжал задумчиво рассматривать доспехи. — Слушай, а если его надеть, как же потом мочиться?

Логен нахмурился.

— Ну... — начал он, но Байяз уже двигался дальше, унося с собой свет.

— Ты в свое время, должно быть, попробовал в деле немало оружия, мастер Девятипалый. Что ты предпочитаешь?

— У меня почти не было собственного оружия, — ответил Логен, нагибаясь и пролезая под ржавой алебардой, склонившейся со стойки. — Боец на поединках никогда не знает, каким оружием ему придется сражаться.

— А, ну да, конечно.

Байяз взял в руки длинное копье со зловещим зазубренным наконечником и несколько раз взмахнул им в воздухе. Логен предусмотрительно отступил на шаг назад.

— Какая убийственная штука. С таким оружием можно припереть противника к стенке. Одна беда: человеку с копьем требуется много друзей, и всем им тоже нужны копья, — заключил Байяз, сунул копье обратно на полку и двинулся дальше. — Вот это выглядит устрашающе.

Маг взялся за узловатую рукоять огромной двусторонней секиры и

попытался ее поднять.

— Черт! — воскликнул он; на его шее вздулись вены. — Тяжелая! — Он со стуком опустил секиру на место, отчего задрожала вся стойка. — Такой штукой можно убить человека. Рассечь его надвое, как тыкву! Если он согласится постоять спокойно.

— Вот кое-что получше, — сказал Логен.

Это был простой меч в ножнах из вытертой коричневой кожи.

— О да, несомненно! Гораздо, гораздо лучше. Этот клинок — работа самого Канедиаса, мастера Делателя, — отозвался Байяз. Он передал свой факел Логену и снял длинный меч с полки. — Тебе никогда не приходило в голову, мастер Девятипалый, что меч — особое оружие? Секиры, палицы и все такое прочее — они тоже грозные, тоже несут смерть. Но они висят на поясе, как мертвые болванки.

Байяз окинул взглядом эфес меча: цельный холодный металл, отмеченный неглубокими желобками для более прочного захвата, поблескивал в свете факела.

— Но меч... у меча есть голос.

— Что?

— Когда он в ножнах, он, разумеется, мало что может сказать. Но стоит положить руку на эфес, и он начинает шептать в ухо твоего врага. — Маг крепко обхватил пальцами рукоять. — Мягкое предупреждение. Слова предостережения. Ты слышишь их?

Логен медленно кивнул.

— А теперь, — вполголоса продолжал Байяз, — сравни это с мечом, наполовину вытащенным из ножен.

Около фута металла с лязгом выдвинулось из ножен; возле рукояти сияла единственная серебряная буква. Сам клинок был тусклым, но его лезвие отсвечивало холодным ледяным блеском.

— Так он говорит громче, не правда ли? Он угрожает. Он обещает смерть. Ты слышишь?

Логен снова кивнул, не отрывая взгляда от сверкающего лезвия.

— А теперь сравни это с мечом обнаженным!

Байяз с тихим звоном выхватил длинный клинок из ножен и поднял его так, что конец меча завис в воздухе в нескольких дюймах от Логенова лица.

— Теперь он кричит, не так ли? Он вызывает на бой! Он ревет, призывая к схватке! Ты слышишь это?

— М-м-м, — промычал Логен, отклоняясь назад. Он уставился на блестящее острие.

Байяз опустил меч и мягко убрал в ножны, к облегчению Логена.

— Да, у меча есть голос. Секиры и палицы тоже смертоносны, но меч — оружие нежное, предназначенное для нежных людей. Я думаю, что ты, мастер Девятипалый, нежнее, чем выглядишь со стороны. — Байяз протянул меч Логену, который удивленно нахмурился. Его уличали во многих вещах, но в нежности еще никогда. — Считай это подарком. В благодарность за твои хорошие манеры.

Логен ненадолго задумался. Он лишился настоящего оружия еще до того, как пересек горы, и не очень жаждал обрести его снова. Но Бетод наступает, он скоро будет здесь. Лучше иметь оружие, не желая того, чем желать, не имея. Гораздо лучше. Надо смотреть правде в глаза.

— Спасибо тебе, — сказал Логен, принимая у Байяза меч и отдавая ему факел. — Наверное...

В камине потрескивал небольшой огонь, а в комнате было тепло, спокойно и уютно.

Но Логен не чувствовал умиротворения. Нервный, издерганный и испуганный, как всегда перед поединком, он стоял возле окна и глядел на двор внизу. Бетод приближался, он был где-то там, снаружи: двигался по дороге через лес, или проезжал между двух камней, или пересекал мост, или въезжал в ворота.

Первый из магов не выказывал признаков тревоги. Он удобно устроился в кресле, положив ноги на стол рядом с длинной деревянной трубкой, и с легкой улыбкой листал маленькую книжку в белом переплете. Он был само спокойствие, и от этого Логен чувствовал себя еще хуже.

— Хорошая? — спросил Логен.

— О чем ты?

— О книге.

— О да. Это лучшая из книг — «Основы высокого искусства» Иувина, краеугольный камень моего ордена. — Байяз махнул свободной рукой в направлении полок, закрывавших две стены, где аккуратными рядами стояли несколько сотен точно таких же книжек. — Это все она. Одна книга.

— Одна? — Взгляд Логена скользнул по толстым белым корешкам. — Чертовски длинная книга! И ты все прочел?

Байяз усмехнулся:

— О да, и не один раз. Каждый, кто принадлежит к моему ордену, должен прочесть ее, а под конец сделать собственную копию. — Он перевернул книжку так, чтобы Логен мог видеть текст. Страницы были густо исписаны рядами аккуратных, но непонятных символов. — Эту

написал я сам много лет назад. Тебе тоже стоит прочесть ее.

— Я вообще-то не силен в чтении.

— Вот как? — спросил Байяз. — Жаль.

Он перевернул страницу и продолжал читать.

— А как насчет вон той? — спросил Логен. Он заметил еще одну книгу, одиноко лежавшую на самой верхней полке: толстый черный том, потрепанный, с исцарапанной обложкой. — Ее тоже написал этот Иувин?

Байяз нахмурился и посмотрел на книгу.

— Нет. Эта написана его братом. — Он встал с кресла, дотянулся до тома и стащил его с полки. — Здесь знание другого рода...

Он выдвинул ящик стола, сунул туда черную книгу и задвинул ящик обратно.

— Пусть лучше полежит отдельно, — пробормотал он, усаживаясь обратно в кресло и вновь раскрывая «Основы высокого искусства».

Логен глубоко вдохнул и положил левую руку на рукоять меча. Металл охлаждал ладонь, и это ощущение не успокаивало. Логен отпустил меч, снова повернулся к окну и посмотрел в глубь двора. У него перехватило дыхание:

— Бетод. Он здесь.

— Отлично, отлично, — рассеянно пробормотал Байяз. — Кого он привел с собой?

Логен присмотрелся к трем фигурам во дворе.

— С ним Скейл, — ответил он мрачно. — И какая-то женщина. Я ее не узнаю. Они спешиваются. — Логен облизнул сухие губы. — Входят внутрь.

— Разумеется, — проворчал Байяз. — Именно так поступают люди, когда хотят со мной встретиться. Постарайся успокоиться, друг мой. Дыши глубже.

Логен прислонился к белой стене, сложил руки на груди и сделал глубокий вдох. Это не помогло: твердый комок беспокойства в его груди сжался еще сильнее. Он уже слышал тяжелые шаги в коридоре за дверью. Потом дверная ручка повернулась.

Скейл вошел в комнату первым. Старший сын Бетода был дородным даже в детстве, но с тех пор, как Логен видел его в последний раз, он растолстел чудовищным образом. Его голова, похожая на бульжник, как будто выросла на самой верхушке горы мускулов; череп у него был значительно уже шеи, мощная челюсть, плоский обрубок носа и самодовольные маленькие глазки навывкате. Тонкий рот кривила постоянная усмешка, совсем как у его младшего брата Кальдера, но в данном случае в ней было меньше коварства и куда больше жестокости. На

его бедре висел тяжелый палаш, и Скейл ни на секунду не отнимал от него свою мясистую руку, злобно взирая на Логена и каждой порой источая ненависть.

Следом вошла женщина. Очень высокая, стройная и бледная, она выглядела болезненно. Ее раскосые глаза были столь же узкими и холодными, сколь глаза Скейла были выпученными и злыми. Густо наложенная на веки черная краска делала их еще уже и холоднее. На длинных пальцах сверкали золотые кольца, на тонких запястьях — золотые браслеты, на белой шее — золотые цепочки. Женщина обвела комнату ледяным взглядом голубых глаз, и каждая новая вещь, которую она замечала, поднимала ее к новым высотам отвращения и презрения: сперва мебель, затем книги, потом Логен, а больше всего — сам Байяз.

Самозванный король Севера вошел последним — внушительный как никогда, в богатом одеянии из дорогой узорной ткани и редкого белоснежного меха. На его плечах лежала тяжелая золотая цепь, а голову венчал золотой венец, где сиял алмаз размером с птичье яйцо. Морщин на улыбающемся лице Бетода прибавилось, волосы и бороду тронула седина, но он оставался высоким и энергичным. В его благообразном облике появилось больше властности, мудрости и даже величия. Он являл собой идеальный образ выдающегося, мудрого и справедливого властителя. Но Логен знал его слишком хорошо.

— Бетод! — приветливо сказал Байяз, захлопывая книгу. — Старый друг! Ты представить себе не можешь, как я рад видеть тебя снова.

Он убрал ноги со стола и продолжил, указывая на золотую цепь и сверкающий бриллиант:

— К тому же ты теперь достиг таких высот в этом мире! Помнится, в былые времена ты был счастлив повидаться со мной с глазу на глаз. Но великим людям необходима свита, и ты привел с собой... других людей. С твоим очаровательным сыном я, разумеется, знаком. Похоже, ты неплохо питаешься, да, Скейл?

— Принц Скейл! — прорычал чудовищный сынок Бетода и еще сильнее выпучил глаза.

— Гм-м, — протянул Байяз, приподняв бровь. — Но я не имел удовольствия встречаться с твоей спутницей...

— Меня зовут Кауриб.

Логен мигнул. Голос женщины был самым прекрасным звуком из всех, какие он когда-либо слышал, — успокаивающий, умиротворяющий, одурманивающий...

— Я колдунья, — пропела она, вскидывая голову с презрительной

улыбкой. — Колдунья с самых дальних окраин Севера.

Логен замер на месте с полуоткрытым ртом. Вся его ненависть мгновенно испарилась. Они все здесь друзья — даже больше чем друзья. Он не мог отвести глаз от женщины, не мог и не хотел. Остальные присутствующие в комнате пропали, и ему казалось, что Кауриб говорит с ним одним. Всем сердцем Логен желал, чтобы она никогда не останавливалась...

Однако Байяз только рассмеялся.

— Подумать только, настоящая колдунья, да еще и с золотым голосом! Восхитительно! Давненько не приходилось мне слышать такого. Но здесь он тебе не поможет.

Логен помотал головой, сбрасывая чары, и снова ощутил прилив ненависти. Это вернуло ему уверенность в себе.

— Скажи мне: чтобы стать колдуньей, надо учиться? Или дело в украшениях и большом количестве краски на лице? — продолжал Байяз. Глаза Кауриб сузились до убийственных голубых щелок, но первый из магов не дал ей возможности заговорить. — К тому же ты с *самых дальних окраин* Севера. Только представить себе! — Байяз поежился. — Там, должно быть, ужасно холодно, особенно в это время года. От мороза соски так напрягаются, правда? А сюда явилась, чтобы погреться, или есть еще причина?

— Я иду туда, куда приказывает мой король, — прошипела она, еще выше вздергивая острый подбородок.

— Твой король? — переспросил Байяз и оглядел комнату, словно искал кого-то еще, кто прятался в углу.

— Мой отец теперь король Севера! — рявкнул Скейл. Он презрительно посмотрел на Логена. — А ты должен встать перед ним на колени, Девять Смертей! — И перевел наглый взгляд на Байяза: — И ты тоже, старик!

Первый из магов извиняющимся жестом развел руки:

— Ох, боюсь, мне ни перед кем не встать на колени. Слишком стар. Суставы не гнутся, понимаешь...

Пол дрогнул под тяжелым сапогом Скейла, который выругался и шагнул в сторону Байяза, но Бетод мягко положил руку на предплечье сына:

— Оставь, нет никакой необходимости, чтобы кто-то вставал на колени. — Его голос был холоден и ровен, как свежавывающий снег. — Нам не подобает ссориться друг с другом. Разве наши интересы не совпадают? Мир! Мир на Севере! Я пришел сюда для того, чтобы просить тебя

поделиться со мной твоей мудростью, Байяз, как делал это в прежние времена. Разве это неправильно — искать помощи у старого друга?

Ничто и никогда не звучало более искренне, более разумно, более доверительно. Но Логен знал Бетода слишком хорошо.

— Разве мир на Севере нарушен? — Байяз откинулся на спинку кресла, сцепив перед собой руки. — Разве междоусобицы не закончены? Разве ты не стал победителем? Разве ты не получил все, чего хотел, и даже больше? Король Севера, а? Какую еще помощь я могу тебе предложить?

— Я делюсь своими планами только с друзьями, Байяз, а ты в последнее время не был моим другом. Ты отослал назад моих посланников, даже моего сына. Ты оказываешь гостеприимство моим заклятым врагам. — Он сурово глянул на Логена и презрительно скривил губы. — Знаешь ли ты, с кем ты имеешь дело? Это же Девять Смертей! Животное! Трус! Клятвопреступник! Такую компанию ты теперь предпочитаешь? — Бетод повернулся обратно к Байязу, дружелюбно улыбаясь, но в его словах звучала явная угроза. — Боюсь, пришло время решать, со мной ты или против меня. Здесь нет середины. Либо ты поделишь со мной мое будущее, либо останешься пережитком прошлого. Выбирай, друг мой.

Логен уже видел прежде, как Бетод предлагал людям подобный выбор. Одни уступили. Другие лежат в земле.

Однако Байяз, по-видимому, был не из тех, кого можно торопить с ответом.

— Что же выбрать? — проговорил маг, медленно наклонился вперед и взял со стола свою трубку. — Будущее или прошлое?

Он прошел к очагу и присел на корточки, повернувшись спиной к своим гостям, взял с решетки тлеющий прутик и принялся раскуривать трубку. Казалось, целая вечность прошла, пока эта чертова штука разгорелась.

— С тобой или против тебя? — вслух размышлял он, возвращаясь к своему креслу.

— Ну так что? — требовательно спросил Бетод.

Байяз поднял глаза к потолку и выпустил тонкую струйку желтого дыма. Кауриб оглядывала старого мага сверху донизу с ледяным презрением, Скейл подергивался от нетерпения, Бетод ждал, слегка сощурив глаза. В конце концов Байяз испустил глубокий вздох.

— Что ж, хорошо, — сказал он. — Я с тобой.

Бетод широко улыбнулся, и Логен испытал приступ жесточайшего разочарования. От первого из магов он ожидал большего. Чертовски глупо, но Десятипалый до сих пор не научился надеяться на лучшее.

— Вот и хорошо, — довольно отозвался король Севера. — Я знал, что ты способен смотреть на вещи с моей точки зрения. — Он медленно облизал губы, словно изголодавшийся человек при виде вкусной еды. — Я собираюсь вторгнуться в Инглию.

Байяз приподнял бровь, потом засмеялся, потом захохотал, молотя кулаком по столу.

— Ох, вот это здорово, нет, это действительно здорово! — восклицал он. — Ты обнаружил, что мирная жизнь не подходит для твоего королевства, да, Бетод? Клань не привыкли дружить, а? Они по-прежнему ненавидят друг друга и тебя. Я прав?

— Ну, — усмехнулся Бетод, — они действительно строптивы.

— Ручаюсь, что так! Но если послать их воевать с Союзом, они объединятся! Им придется действовать вместе против общего врага. А если ты победишь? Ты станешь человеком, который совершил невозможное! Человеком, который выгнал проклятых южан с северных земель! Тебя будут любить или еще сильнее бояться. А если ты проиграешь — что ж, тебе удастся хотя бы на время примирить враждующие клань и использовать их силу в своих интересах. Теперь я вспомнил, почему ты мне всегда нравился! Превосходный план!

Бетод самодовольно приосанился.

— Разумеется. И мы не проиграем. Союз слаб, самонадеян, неподготовлен. С твоей помощью...

— С моей помощью? — прервал Байяз. — Ты хочешь слишком многого.

— Но ты же...

— Я соврал. — Маг пожал плечами. — Ведь я лжец.

Байяз поднес трубку ко рту. Воцарилось изумленное молчание. Затем глаза Бетода сузились. Глаза Кауриб раскрылись. Тяжелый лоб Скейла покрылся морщинами от удивления. На лицо Логена медленно вернулась улыбка.

— Лжец? — прошипела колдунья. — Да ты хуже, чем лжец!

Ее голос по-прежнему звучал напевно, но теперь это была другая песня — жесткая, пронзительная, убийственно-острая.

— Ты старый червяк! Прячешься за своими стенами, за своими слугами, за своими книгами! Твое время давно ушло, глупец! У тебя нет ничего, только слова и пыль!

Первый из магов невозмутимо сложил губы трубочкой и выпустил струйку дыма.

— Только слова и пыль! Старый червяк! Ну что ж, мы еще посмотрим.

Мы еще придем в твою библиотеку!

Волшебник аккуратно положил на стол трубку, из которой вился прозрачный дымок.

— Мы придем в твою библиотеку, мы разрушим твои стены, мы предадим мечу твоих слуг и сожжем твои книги! Мы...

— Тихо.

Теперь Байяз насупился и выглядел еще мрачнее, чем во время недавнего разговора с Кальдером. Логену снова захотелось отступить назад — захотелось сильнее, чем в прошлый раз. Он поймал себя на том, что оглядывает комнату в поисках места, где можно укрыться. Губы Кауриб продолжали шевелиться, но из ее горла вылетал лишь бессмысленный хрип.

— Вы разрушите мои стены, вот как? — проговорил Байяз.

Его седеющие брови сошлись к переносице, кожу между ними прорезали глубокие жесткие морщины.

— И убьете моих слуг? — спросил Байяз.

В комнате вдруг стало очень холодно, несмотря на горящие в очаге поленья.

— И сожжете мои книги, да? — прогремел Байяз. — Ты слишком много болтаешь, ведьма!

Колени Кауриб подогнулись. Она медленно сползла вниз по стене, цепляясь белой рукой за косяк и звеня всеми своими цепочками и браслетами.

— Слова и пыль, вот что я такое? — Байяз поднял вверх четыре пальца. — Четыре дара ты получил от меня, Бетод: солнце зимой, грозу летом и еще две вещи, о которых ты никогда бы не узнал, если бы не мое искусство! А что ты дал взамен? Озеро и долину, и без того мне принадлежавшие, и больше ничего! — Бетод посмотрел на Логена, но тут же отвел глаза. — Ты мой должник. Но ты посылаешь ко мне гонцов, предъявляешь требования и осмеливаешься *приказывать*! Такие манеры мне не нравятся.

Скейл наконец понял, что происходит, и вытаращил глаза от возмущения.

— Манеры? — вскричал он. — Какое дело королю до манер? Король сам берет все, что захочет! — И сделал тяжелый шаг по направлению к столу.

Огромный и злобный Скейл легко мог бы забить ногами упавшего. Но Логен пока не упал и падать не собирался, и ему до тошноты надоела похвальба этого надутого болвана. Он шагнул вперед, заступая принцу

дорогу, и положил ладонь на рукоять своего меча.

— Хватит, — сказал он.

Принц сверху донизу оглядел Логена своими выпученными глазами, поднял мясистый кулак и сжал огромные пальцы так, что побелели костяшки.

— Не искушай меня, Девятипалый, жалкая дворняжка! Твои дни давно в прошлом! Я раздавлю тебя, как яйцо!

— Можешь попытаться, но я не позволю тебе. Ты знаешь, каков я в бою. Еще один шаг, и я буду биться с тобой, долбаный опухший хряк!

— Скейл! — рывкнул Бетод. — Нам здесь больше нечего делать, все ясно. Мы уходим.

Толстый принц выпятил мощную глыбу своей челюсти, сжимая и разжимая возле боков огромные руки. Он сверлил Логена взглядом, и в его глазах сквозила самая лютая животная ненависть. Затем он презрительно хмыкнул и отвернулся.

Байяз наклонился вперед.

— Ты говорил, что принесешь Северу мир, Бетод, а что ты сделал? Ты громозишь одну войну на другую! Страна истекает кровью от твоей гордыни и твоей жестокости! Король Севера? Ха! Ты не стоишь того, чтобы тебе помогать! Подумать только, я надеялся на тебя!

Бетод нахмурился, его глаза оставались холодны, как алмаз у него на лбу.

— Ты сделал меня своим врагом, Байяз, а я очень опасный враг. Самый опасный из возможных. Ты еще пожалеешь о том, что совершил сегодня. — Он обратил презрительный взгляд на Логена. — А что до тебя, Девятипалый, ты больше не дождешься от меня милости! Отныне любой человек на Севере станет твоим врагом! Тебя будут ненавидеть, за тобой будут охотиться, тебя будут проклинять, куда бы ты ни отправился! Я сам прослежу за этим!

Логен пожал плечами: ничего нового. Байяз поднялся со своего кресла.

— Ну что ж, ты высказался, а теперь забирай свою ведьму, и выметайтесь отсюда! — приказал он.

Кауриб, спотыкаясь и ловя воздух ртом, первой выбралась за дверь. Скейл на прощанье окинул Логена свирепым взглядом, повернулся и загромыхал прочь. Самозванный король Севера вышел последним. Он качал головой, и в его глазах горела смертельная ненависть. Когда шаги троицы затихли в коридоре, Логен перевел дыхание, расправил плечи и снял ладонь с рукояти меча.

— Ну, — весело сказал Байяз, — вроде бы все прошло неплохо.

Дорога между двумя дантистами

Полночь уже миновала, и Прямой проспект заливала темнота. Темнота и вонь. Здесь, возле доков, всегда воняло: застоявшейся соленой водой, тухлой рыбой, дегтем, потом и конским дерьмом. Через несколько часов эта улица вновь наполнится шумом и суетой, зазвучат крики разносчиков, носильщики с руганью потащат грузы, появятся торговцы, сотни повозок и телег загромыхают по грязным булыжникам. Хлынет бесконечный поток народа — те, кто спешит сойти с корабля или взойти на корабль, люди со всех концов Земли, слова на всех языках, какие существуют под солнцем. Но ночью здесь спокойно. Спокойно и тихо.

«Тихо, как в могиле, а пахнет еще хуже».

— Это здесь, — проговорил Секутор, направляясь к темному тупику узенького переулка, зажатого между двумя нависающими пакгаузами.

— Были проблемы? — спросил Глокта, ковыляя следом.

— Почти никаких, — ответил практик и поправил свою маску, чтобы через нее мог проникать воздух.

«Должно быть, под маской очень душно, там на ней скапливается пот, и она затрудняет дыхание. Неудивительно, что у всех практиков скверный характер».

— Проблемы были только у матраса, — продолжал Секутор. — Реус изрубил его ножом в лохмотья, пока не получил от Инея по голове. Интересное дело: стоит этому парню долбануть кого-нибудь по голове, как все проблемы тут же исчезают.

— А что с Реусом?

— Пока жив.

Свет от лампы Секутора упал на груды гниющего мусора. В темноте послышался писк крыс, спешивших убраться с дороги.

— Ты знаешь все подходящие закоулки, Секутор?

— Ну да. За это вы мне и платите, инквизитор.

Его грязный черный сапог неосторожно ступил в вонючее месиво и вырвался оттуда с чавкающим звуком. Глокта осмотрительно прохромал кругом, свободной рукой поднимая повыше полы своего пальто.

— Я вырос неподалеку, — продолжал практик. — Здесь люди не задают вопросов.

— Задаем только мы.

«У нас всегда есть вопросы».

— Точно. — Секутор приглушенно хихикнул. — Мы же инквизиция!

В свете его лампы показались помятые железные ворота и высокая стена, утыканная по верху ржавыми остриями.

— Вот это место.

«Да, судя по виду, место вполне подходящее».

Воротами, очевидно, пользовались нечасто: бурые петли протестующе завизжали, когда практик отпер замок и распахнул тугую створку. Глокта осторожно переступил через лужу, собравшуюся в яме перед воротами, и выругался: его пола все же попала в грязную воду.

Петли завизжали снова, когда Секутор, наморщив лоб от усилия, подпихнул тяжелую створку на место. Затем он поднял колпак с лампы, осветив широкий внутренний двор, заросший сорняками, засыпанный мусором и дровами.

— Ну вот мы и пришли, — объявил Секутор.

Когда-то, похоже, здание было по-своему величественным.

«Сколько стоили все эти окна? И все эти скульптурные работы? На посетителей наверняка производило впечатление богатство хозяина дома, если не его вкус».

Но так было в прошлом. Теперь окна заколочены прогнившими досками, скульптурные завитушки задушены мхом и покрыты слоем птичьего помета. Зеленый мрамор, тонким слоем облицовывавший колонны, потрескался и местами отвалился, открывая выщербленную штукатурку. Все осыпалось, рушилось и разлагалось. Отколовшиеся детали фасада лежали на земле, отбрасывая длинные тени на высокие стены двора. Половина головы разбитого херувима печально взирала снизу на хромавшего мимо Глокту. Он ожидал увидеть грязный пакгауз или сырой подвал возле самой воды, но никак не это.

— Что это за место? — спросил он, разглядывая полуживой дворец.

— Его построил один купец много лет назад. — Секутор поддел ногой обломок скульптуры, и тот со стуком откатился в темноту. — Богатый человек, очень богатый. Захотел поселиться поближе к своим складам и пристаням, чтобы присматривать за делами. — Практик начал подниматься по замшелым ступеням к огромной и облезлой парадной двери. — Ему казалось, что идея приживется, но как это могло случиться? Кто бы захотел жить в таком месте без особой надобности? Ну а потом купец потерял все свои деньги, как обычно и бывает с купцами. Кредиторам пришлось немало повозиться, чтобы найти покупателя.

Глокта посмотрел на чашу сломанного фонтана, до середины заполненную стоячей водой.

— Ничего удивительного.

Лампа Секутора едва освещала зияющее пространство холла. Две огромные и крутые винтовые лестницы вырисовывались в полумраке напротив них. На уровне второго этажа вдоль стен проходил широкий балкон, но большая его часть обрушилась, проломив гнилые доски пола внизу, так что одна из лестниц обрывалась прямо в воздух. Сырой пол был завален кусками штукатурки, упавшими с крыши плитами сланца и старыми балками. Их покрывали серые брызги птичьего помета. Ночное небо заглядывало внутрь сквозь зияющие отверстия в крыше. До Глокты доносилось тихое воркование голубей среди темных стропил и размеренные звуки капающей воды.

«Какое место! — Глокта сдержал улыбку. — Оно в некотором роде напоминает меня самого. Мы оба когда-то были великолепны, и у нас обоих лучшие дни далеко позади».

— Здесь достаточно просторно, как вы думаете? — спросил Секутор, пробираясь среди мусора к зияющему дверному проему под сломанной лестницей. Лампа практика отбрасывала на ходу причудливые косые тени.

— Да, пожалуй. Если у нас не окажется больше тысячи узников одновременно.

Глокта ковылял вслед за Секутором. Он тяжело опирался на трость, озабоченный тем, куда поставить ногу на осклизлом полу.

«Сейчас я поскользнусь и хлопнусь на задницу прямо посреди птичьего дерьма. Вот будет здорово!»

Арка вела в полуразрушенный коридор, где гнилая штукатурка отваливалась большими кусками, обнажая влажные кирпичи. По обе стороны один за другим открывались сумрачные дверные проемы.

«В таких местах чувствительные люди начинают нервничать. Им мерещатся неприятные вещи в этих комнатах, сразу за границей света от лампы. Им приходит в голову, что там, в темноте, творятся мрачные дела, — подумал Глокта и посмотрел на Секутора, который беспечно шагал впереди, еле слышно насвистывая что-то под маской, и нахмурился. — Но у нас нервы крепкие. Возможно, мы и есть те самые неприятные вещи. Возможно, мы и творим эти мрачные дела».

— Насколько велик этот дом? — спросил Глокта.

— Тридцать пять комнат, не считая помещений для прислуги.

— Целый дворец! Как, черт возьми, тебе удалось отыскать его?

— Я иногда ночевал здесь раньше. После того, как умерла моя мать. Я нашел способ пробраться внутрь. Крыша тогда была почти целая, и спать было сухо. Сухо и почти безопасно.

«Ах, какая у тебя была тяжелая жизнь! Сделаться палачом и убийцей — большой шаг вперед, не так ли? Каждый человек находит себе оправдание, и чем более подлым он становится, тем трогательнее у него история. Интересно, какую историю мог бы рассказать я?»

— Ты изобретателен, Секутор.

— За это вы мне и платите, инквизитор.

Перед ними открылось большое пространство — гостиная, кабинет, может быть, танцевальный зал. С заплесневелых стен свисали панели с облезающей позолотой, некогда великолепные. Секутор подошел к одной из них, еще державшейся, и сильно толкнул ее. Раздался тихий щелчок, и панель распахнулась внутрь, открыв за собой темный арочный проем.

«Потайная дверь? Как восхитительно! Как зловеще. И как кстати!»

— Этот дом полон неожиданностей, как и ты, — сказал Глокта, мучительно ковыляя к открывшемуся проходу.

— И вы не поверите, сколько я за него заплатил.

— Мы что, купили его?

— О нет. Его купил я. На деньги Реуса. А теперь сдаю вам в аренду. — Глаза Секутора искрились в свете лампы. — Это золотая жила!

— Ха! — хохотнул Глокта, осторожно спускаясь по ступенькам.

«Ко всему прочему, у него и деловая хватка имеется! Может быть, настанет день, когда я буду работать на архилектора Секутора? Случались вещи и более необычные».

Собственная тень маячила перед Глоктой, уходя в темноту. Он боком, как краб, слезал вниз по лестнице, нащупывая правой рукой щели между неровными каменными блоками, чтобы обеспечить себе хоть какую-то опору.

— Подвалы уводят от здания на целые мили, — бормотал сзади Секутор. — У нас есть собственный доступ к каналам и к сточным трубам, если они вас интересуют.

Они миновали темное отверстие слева, затем еще одно справа, понемногу спускаясь все ниже и ниже.

— Иней говорит, отсюда можно добраться до самого Агрионта, ни разу не выйдя на поверхность, — говорил практик.

— Это нам пригодится.

— Да. Если удастся выдержать подземное зловоние.

Лампа Секутора осветила тяжелую дверь с маленьким зарешеченным окошечком.

— Ну вот, мы снова дома, — сказал он и постучал: четыре быстрых удара. Через миг в окошке мелькнуло прикрытое маской лицо практика

Инея, внезапно вынырнувшее из темноты. — Это всего лишь мы.

В глазах альбиноса не проявилось ни единого намека на теплоту или узнавание.

«Но так с ним всегда».

Тяжелые засовы с той стороны двери лязгнули, и она легко распахнулась навстречу гостям.

Здесь стояли стол и стул, по стенам висели свежие факелы, еще не зажженные.

«Здесь ведь было темно, как в яме, пока мы не появились со своей маленькой лампой».

Глокта посмотрел на альбиноса и спросил:

— Ты что, так и сидел в темноте? — Массивный практик только пожал плечами, и Глокта покачал головой. — Иногда я беспокоюсь за тебя, практик Иней. Ей-богу, беспокоюсь.

— Он тут, немного подальше, — проговорил Секунтор, направляясь по коридору.

Его шаги гулко стучали по каменным плитам пола. Когда-то здесь, видимо, находился винный погреб: по обеим сторонам располагались сводчатые камеры для бочек, заделанные толстыми решетками.

— Глокта! — Пальцы Салема Реуса плотно обхватили прутья решетки, из-за которой выглядывало его лицо.

Глокта остановился перед камерой, давая отдых пульсирующей болью ноге.

— Реус, как поживаешь? Не ожидал, что снова увижу тебя так скоро.

Торговец сильно исхудал, его кожа стала дряблой и бледной, на ней до сих пор виднелись поблекшие отметины синяков.

«Он выглядит не слишком хорошо. Точнее сказать, он выглядит плохо».

— Что происходит, Глокта? Прощу тебя, объясни, почему я здесь?

«Ну-ну, почему бы и не объяснить?»

— Кажется, у архилектора на твой счет имеются кое-какие планы. Он хочет, чтобы ты дал показания. — Глокта наклонился к прутьям и шепотом закончил: — Перед открытым советом.

Реус побледнел еще больше.

— А потом что? — спросил он.

— Потом посмотрим.

«Инглия, Реус, Инглия!»

— Что, если я откажусь?

— Откажешься исполнить волю архилектора? — Глокта

рассмеялся. — Нет-нет, Реус, ты не сделаешь такую глупость!

Он отвернулся от него и зашаркал вслед за Секутором.

— Ради всего святого! Здесь темно!

— Ничего, постепенно привыкнешь! — отозвался Глокта через плечо.

«Удивительно, к чему только люди не привыкают».

В последней из камер находился их недавний пленник. Его приковали цепью к скобе, вделанной в стену, раздели и, разумеется, набросили на него мешок. Он был низеньким и крепким, несколько полноватым, со свежими ссадинами на коленях — полученными, без сомнения, когда его швырнули на грубый каменный пол.

— Значит, вот наш убийца. Не так ли?

Заслышав голос Глокты, человек поднялся на колени и рванулся вперед, натягивая цепь. Немного крови просочилось спереди сквозь его мешок и засохло, оставив бурое пятно на холстине.

— Весьма отталкивающий субъект, — заметил Секутор. — Сейчас, правда, он уже выглядит не таким грозным.

— Как всегда, когда они попадают к нам. Где мы будем работать?

Глаза Секутора заулыбались еще больше.

— О, ручаюсь, вам там понравится, инквизитор.

— Немного театрально, — заключил Глокта, — но от этого ничуть не хуже.

В просторном круглом помещении с куполообразным потолком всю длину изгибающейся стены занимала фреска. Сюжет ее был таков: на траве лежит тело человека, израненного и истекающего кровью, позади виден лес; одиннадцать фигур уходят прочь — шестеро с одной стороны, пятеро с другой, в профиль, в неестественных позах, в белых одеждах, с неразличимыми лицами. Они смотрят на другого человека — одетый в черное, он распростер руки, а за его спиной полыхает море ярко раскрашенного огня. Резкий свет шести светильников не льстил мастерству художника.

«Не шедевр, конечно; картинка для украшения стены, а не искусство. Но эффект весьма необычный».

— Понятия не имею, что бы это могло быть, — заявил Секутор.

— Маффер Велафель, — промышчал практик Иней.

— Разумеется, — отозвался Глокта, не сводя глаз с темной фигуры на стене и языков пламени позади нее. — Тебе нужно учить историю, практик Секутор. — Инквизитор повернулся и указал на умирающего человека на стене напротив: — Это Канедиас, мастер Делатель. А это великий Иувин,

которого он убил. — Он обвел рукой фигуры в белом. — А вот ученики Иувина, маги. Они спешат отомстить за него.

«Эти сказки годятся лишь на то, чтобы пугать детей».

— Кто же станет платить за то, чтобы ему намалевали такое дерьмо на стенах подвала? — спросил Секутор, качая головой.

— О, подобные вещи в свое время нравились людям. Во дворце есть комната с такой же росписью. Здесь только копия, причем дешевая, — ответил Глокта. Он взглянул на окутанное тенью лицо Канедиаса, мрачно взиравшее с фрески, и окровавленное тело на противоположной стене. — Однако в ней есть нечто тревожное, не правда ли? — «Точнее, было бы, если бы меня это хоть отчасти волновало». — Кровь, огонь, смерть, отмщение. Не представляю, зачем рисовать это у себя в подвале. Возможно, у нашего купца была своя темная сторона.

— У людей с деньгами всегда есть темные стороны, — сказал Секутор. — А кто эти двое?

Инквизитор нахмурился, глядя в картину. Две маленькие, почти неразличимые фигуры виднелись под руками Делателя, по одной с каждой стороны.

— Как знать? — отозвался он. — Может, это его практики.

Секутор засмеялся. Даже из-под маски Инея раздался тихий звук вроде выдоха, хотя в его глазах не было заметно ни тени улыбки.

«Ого! Да он, похоже, не на шутку развеселился».

Глокта прошаркал к столу, расположенному в центре комнаты. Два стула стояли лицом друг к другу по разные стороны его полированной поверхности. Один был дешевым и жестким, из тех, что можно увидеть в подвалах Допросного дома, зато другой представлял собой нечто внушительное: настоящее кресло, почти трон, обитый коричневой кожей, с приветственно раскинутыми подлокотниками и высокой спинкой. Глокта прислонил свою трость к столу и осторожно опустился на сиденье, чувствуя боль в позвоночнике.

— Превосходное кресло! — выдохнул он, медленно опуская спину на мягкую кожу и вытягивая ногу, пульсирующую болью от долгого перехода.

Он ощутил легкое сопротивление и заглянул под стол. Там стояла небольшая скамеечка той же работы, что и кресло.

Глокта откинул голову назад и рассмеялся:

— Ох, как здорово! Не стоило так беспокоиться. — Он поставил ногу на скамеечку с удовлетворенным вздохом.

— Это самое меньшее, что мы могли сделать, — возразил Секутор. Он скрестил руки на груди и прислонился к стене рядом с окровавленным

телом Иувина. — Мы получили неплохой доход с вашего друга Реуса, очень неплохой. Вы всегда хорошо относитесь к нам, и мы не забываем этого.

— Уф, — подтвердил Иней, кивая.

— Вы меня балуете. — Глокта погладил полированное дерево подлокотника.

«Мальчишки мои. Что бы я делал без вас? Лежал бы дома в постели, не иначе, а мать хлопотала бы надо мной и беспокоилась о том, как теперь найти для меня хорошую невесту».

Он посмотрел на инструменты, разложенные на столе. Здесь, разумеется, была его коробка и еще несколько предметов, истертых от долгого употребления, но по-прежнему в высшей степени полезных. Пара щипцов с длинными ручками привлекла его особое внимание. Он поднял голову и взглянул на Секутора:

— Зубы?

— По-моему, подойдет для начала.

— Согласен. — Глокта облизнул собственные беззубые десны и по очереди хрустнул костяшками пальцев. — Что ж, пусть будут зубы.

Как только кляп вынули, убийца принялся орать на них по-стирийски. Он брызгал слюной, ругался и безуспешно пытался избавиться от цепей. Глокта не понимал ни единого слова.

«Однако, я полагаю, смысл понятен. Скорей всего, он кричит нечто в высшей степени оскорбительное — что-нибудь насчет наших матерей, и так далее. Только оскорбить меня непросто».

Это был сурового вида человек: лицо рябое от оспы, нос сломан, причем явно не один раз, и совершенно потерял форму.

«Какое разочарование! Я-то надеялся, что торговцы шелком найдут что-нибудь более высококачественное, хотя бы для такого случая. Но купцы есть купцы. Всегда думают только о выгоде».

Практик Иней положил конец потоку нечленораздельных оскорблений, тяжело ударив пленника под дых.

«Это на минуту лишит его дыхания: как раз хватит, чтобы вставить первое слово».

— Ну, ладно, — произнес Глокта, — довольно этой бессмыслицы. Мы знаем, что ты профессионал, которого послали смешаться с толпой и сделать дело. И вряд ли бы тебе это удалось, если бы ты не умел говорить на нашем языке. Я прав?

К узнику вернулось дыхание.

— Чума вас заберит, подонки проклятые! — хрипло выговорил он.

— Превосходно! Язык простолюдинов вполне подойдет для наших бесед. Чувствую, что мы не ограничимся только одним разговором. Хочешь ли ты узнать что-нибудь, прежде чем мы начнем? Или сразу приступим к делу?

Пленник с подозрением покосился на фигуру мастера Делателя, маячившую за головой Глокты.

— Где я?

— Мы рядом с Прямым проспектом, возле самой воды. — Глокта поморщился: ногу свело внезапной судорогой. Он осторожно распрямил колено и подождал, пока не услышал щелчок сустава, прежде чем продолжить: — Как тебе известно, Прямой проспект — одна из крупнейших артерий нашего города, идущая прямо через его сердце, от Агрионта до берега моря. Проспект пересекает множество районов, на нем стоят замечательные здания. Самые известные городские адреса находятся совсем рядом. Однако для меня это не более чем дорога между двумя дантистами.

Глаза пленника сузились, взгляд забегал по разложенным на столе инструментам.

«Он больше не ругается. Кажется, упоминание о зубных врачах привлекло его внимание».

— Там, на другом конце проспекта, — Глокта указал на север, — в одном из фешенебельных кварталов, напротив общественного парка, в прекрасном белом доме возле самого Агрионта находится заведение мастера Фаррада. Может быть, ты слышал о нем?

— Шел бы ты в щель мохнатую!

Глокта приподнял брови: «О, если бы!»

— Мастера Фаррада называют лучшим дантистом в мире. Кажется, он родом из Гуркхула, но предпочел избежать тирании императора ради того, чтобы присоединиться к нашему Союзу и жить в свое удовольствие, избавляя наиболее зажиточных горожан от ужасов зубной боли. Когда я вернулся после моей поездки на Юг, родные надеялись, что он сможет чем-то мне помочь. — Глокта широко улыбнулся, показывая убийце, в чем заключалась проблема. — Но, разумеется, помочь он ничем не смог. Императорские палачи позаботились об этом. Но он чертовски хороший дантист, так все говорят.

— И что с того?

Глокта перестал улыбаться и продолжил:

— А на другом конце Прямого проспекта, возле самого моря, среди

грязи, отбросов и вони, сижу я. Жилье здесь, конечно, подешевле, но я не сомневаюсь: когда мы проведем какое-то время вместе, ты поймешь, что я не менее талантлив, нежели глубокоуважаемый мастер Фаррад. Просто мои таланты развиваются в ином направлении. Добрый доктор облегчает боль пациентов, а я стал дантистом, — Глокта медленно наклонился вперед, — другого профиля.

Убийца расхохотался ему в лицо:

— Ты думаешь напугать меня этим мешком на голове и мерзкой мазней на стене? — Он обвел взглядом Инея и Секутора. — Да вы просто банда сумасшедших!

— Ты думаешь, мы тебя пугаем? Мы трое? — Глокта позволил себе небольшой смешок. — Ты сидишь здесь один, безоружный, совершенно беспомощный. Кто знает, где ты находишься, кроме нас троих, и кому есть до этого дело? У тебя нет никакой надежды на спасение или бегство. Мы все профессионалы. Полагаю, ты уже догадываешься, что тебя ждет. — Глокта вяло усмехнулся. — Не валяй дурака! Конечно, ты нас боишься. Должен признать, ты хорошо скрываешь страх, но это не продлится долго. Очень скоро настанет момент, когда ты будешь умолять, чтобы тебя засунули обратно в мешок.

— Вы ничего не добьетесь от меня, — прорычал убийца, глядя ему прямо в глаза. — Ничего.

«Крепкий орешек. Но нетрудно казаться крепким орешком, пока не началась работа. Уж я-то знаю».

Глокта нежно потер свою ногу. Кровь уже циркулировала свободно, боль почти ушла.

— Мы начнем с самого простого. Имена — вот все, что я сейчас хочу знать. Только имена. Почему бы не начать с твоего? Его, по крайней мере, ты не можешь не знать.

Он подождал. Секутор с Инеем глядели сверху вниз на пленника: зеленые глаза улыбались, розовые — нет. Молчание.

— Ну, хорошо, — вздохнул Глокта.

Иней упер кулаки по обе стороны челюсти убийцы и начал давить, пока тот не раскрыл рот. Секутор засунул между его зубов щипцы и раздвинул челюсти еще шире — достаточно широко, чтобы тот почувствовал неудобство. Убийца выпучил глаза.

«Больно, да? Но это еще ничто, поверь мне».

— Следи за его языком, — сказал Глокта. — Он еще должен поговорить с нами.

— Не беспокойтесь, — пробормотал Секутор, заглядывая пленнику в

рот и тут же отстраняясь. — Ух! Ну и воняет!

«Жаль, конечно, но я не особенно удивлен. Здоровый образ жизни — редкость среди наемных убийц».

Глокта медленно поднялся на ноги и, хромая, обошел вокруг стола.

— Итак, — промурлыкал он, протянув руку к инструментам, — с чего бы начать?

Он выбрал одну из игл, наклонился вперед, крепко ухватившись второй рукой за набалдашник трости, и принялся аккуратно зондировать зубы пленника.

«Да, зубы у него оставляют желать лучшего. Пожалуй, я предпочел бы свои».

— Боже мой, да они в ужасном состоянии! Прогнили насквозь. Вот почему у тебя изо рта так воняет. Этому нет оправданий для человека твоего возраста.

— А-а-а! — завопил убийца, когда Глокта дотронулся до нерва. Он попытался что-то сказать, но со щипцами во рту из этого вышло меньше толка, чем у практика Инея.

— Спокойно, спокойно, у тебя была возможность сказать свое слово. Может быть, позже тебе представится еще одна. Я пока не решил. — Глокта положил иглу обратно на стол, печально покачивая головой. — Твои зубы — это позор. Отвратительно! Решительно заявляю, что они вот-вот выпадут сами по себе. И знаешь что? — продолжал он, беря со стола маленький молоточек и зубило. — Мне кажется, тебе будет гораздо лучше без них.

Плоскоголовые

Наступило серое утро, в лесу было холодно и мокро. Ищейка сидел и думал о том, что раньше все было лучше, чем сейчас. Так он сидел, следил за вертелом, поворачивал его время от времени и старался не слишком нервничать из-за того, что приходится долго ждать. Тул Дуру не помогал ему в этом. Он расхаживал взад-вперед по траве, огибая древнюю грудку камней и снова поворачивая назад, — стаптывал свои огромные сапоги, нетерпеливый, как бешеный волк. Ищейка смотрел, как Тул вышагивает: топ, топ, топ. Он давно понял, что великие бойцы хороши только для одного дела: для боя. Для всего остального, особенно для ожидания, они ни к черту не годятся.

— Может, присядешь, Тул? — спросил Ищейка. — Удобных камней здесь полно. У огня теплее, и все такое. Сядь, дай своим топталкам отдохнуть, а то я начинаю дергаться.

— Ты мне предлагаешь сесть? — прогремел гигант, сворачивая к Ищейке и нависая над ним, словно огромный дом. — Как я могу сидеть, да и ты тоже?

Потом он нахмурился, принялся разглядывать развалины и всматриваться в чашу из-под тяжелых бровей.

— Ты уверен, что это правильное место?

— Это правильное место. — Ищейка уставился на каменную россыпь, отчаянно надеясь, что не ошибается. Однако он не мог отрицать, что ни единого знака пока не видно. — Придут они, придут, не волнуйся.

«Если их всех не поубивали», — добавил он мысленно. У него хватило ума не произносить это вслух. Он провел достаточно времени бок о бок с Тул Дуру Грозовой Тучей, чтобы знать: этого парня лучше не волновать понапрасну, если не хочешь, чтобы тебе проломили голову.

— Уж лучше бы они приходили поскорее, вот что. — Огромные руки Тула сжались в кулаки, вполне подходящие для того, чтобы крошить скалы. — Мне не по вкусу сидеть тут без дела, задницу проветривать!

— Мне тоже, — сказал Ищейка, изо всех сил стараясь сохранять спокойствие. — Но не надо кипятиться, парень. Они подойдут очень скоро, как мы и планировали. Место то самое.

Он поглядел на кабана, что шипел на вертеле, роняя в огонь капли сочной подливки. Рот наполнился слюной, в ноздрах стоял запах жаркого... и чего-то еще, кроме этого. Всего лишь слабая струйка. Ищейка поднял

голову, нюхая воздух.

— Ты что-то учуял? — спросил Тул, вглядываясь в деревья.

— Да, вроде бы.

Ищейка наклонился и поднял с земли свой лук.

— Что там? Шанка?

— Не знаю. Может быть.

Он еще раз понюхал воздух. Пахло человеком, к тому же давно не мытым...

— Мать вашу, я мог бы убить вас обоих!

Ищейка резко обернулся и чуть не упал, с трудом удержав в руке лук. Он увидел Черного Доу меньше чем в десяти шагах с подветренной стороны — тот подкрадывался к костру с неприятной усмешкой на губах. За его плечом стоял Молчун, чье лицо было по обыкновению непроницаемым, как стена.

— Ах вы, гады! — взревел Тул. — Я чуть не обделался из-за этих ваших штучек!

— Ну и отлично, — насмешливо отозвался Доу. — Тебе не помешало бы сбросить немного веса, черт возьми.

Ищейка перевел дыхание и бросил лук на землю. Приятно убедиться, что они ждали на правильном месте, но не стоило ему так пугаться. Он все время дергался с тех самых пор, как увидел Логена падающим за край того обрыва. Девятипалый просто рухнул туда, и ничего нельзя с этим поделать. Такое может случиться с кем угодно и в любое время — смерть. Это факт.

Молчун перебрался через наваленные камни, поприветствовал Ищейку еле заметным кивком и уселся рядом с ним.

— О, мясо! — гаркнул Доу, проталкиваясь мимо Тула. Потом плюхнулся возле костра, оторвал от туши ногу и впился в нее зубами. Вот и все их приветствие после разлуки длиной в месяц или даже больше.

— Правду говорят: богат тот, у кого есть друзья, — пробормотал Ищейка вполголоса.

— Что ты сказал? — с подозрением буркнул Доу, озираясь вокруг холодными глазами. Его рот был полон кабаньего мяса, грязный щетинистый подбородок блестел от жира.

Ищейка поднял раскрытые ладони в примиряющем жесте.

— Ничего такого, на что стоило бы обижаться.

Он провел достаточно времени бок о бок с Черным Доу, чтобы знать: лучше самому перерезать себе глотку, чем заставлять этого гнусного подонка злиться.

— Были какие-нибудь проблемы с тех пор, как мы разделились? —

спросил он, чтобы переменить тему.

Молчун кивнул:

— Кое-какие были.

— Треклятые плоскоголовые! — рявкнул Доу, и кусочки мяса из его рта полетели в лицо Ищейке. — Они повсюду, чтоб им провалиться! — Он махнул кабаньей ногой, словно клинком. — С меня достаточно этого дерьма! Я возвращаюсь на Юг. Здесь чересчур холодно, черт побери, и повсюду шныряют эти долбанные сволочи! Я иду на Юг!

— Ты что, боишься? — спросил Тул.

Доу повернулся к нему, глядя снизу вверх с широкой желтозубой улыбкой, и Ищейка поморщился. Это чертовски глупый вопрос. Если есть кто-то, кто ничего не боялся никогда в жизни, так это Черный Доу. Он просто не знал, как это — бояться.

— Боюсь горстки шанка? Я? — Доу неприятно рассмеялся. — Мы тут устроили им кое-чего, пока вы двое дрыхли. Некоторые получили от нас теплые постельки и теперь спят в них. Может, даже слишком теплые.

— Мы их сожгли, — пояснил Молчун. Он уже наговорил столько, сколько обычно ему хватало на целый день.

— Да! Сожгли целую кучу проклятых гадов! — просипел Доу, ухмыляясь так, словно никогда не слышал шутки смешнее, чем горящие трупы. — Нет, я их не боюсь, верзила. Не больше, чем тебя. Но я не собираюсь сидеть и поджидать их, пока Тридуба будет вытаскивать свою старую обвисшую задницу из постели! Я иду на Юг!

И он оторвал зубами новый кусок мяса.

— Ну-ка, у кого тут обвисшая задница?

Ищейка расплылся в улыбке: к костру, широко шагая, подходил Тридуба. Ищейка вскочил с места и схватил старого приятеля за руку. И Форли Слабейший тоже с ним! Ищейка хлопнул малыша по спине и чуть не сбил с ног — так он обрадовался, что они все живы и сумели продержаться еще месяц. Да и вождь у костра не помешает. Все сразу же повеселели, заулыбались, принялись жать друг другу руки. Кроме Доу, разумеется, — тот продолжал сидеть как сидел, глядя в огонь и обсасывая свою кость. Лицо его было кислым, как молоко недельной давности.

— Как здорово, ребята, снова видеть вас всех вместе! — Тридуба снял свой огромный круглый щит с плеча и прислонил его к разрушенному куску древней стены. — Ну, как вы тут?

— Проклятый холод, — отозвался Доу, даже не подняв голову. — Мы идем на Юг.

Ищейка вздохнул. Всего десять минут они вместе и уже ссорятся.

Трудно им придется без Логена — тот умел улаживать ссоры. Бойцы в команде были своенравны и склонны к кровопролитию.

Тридуба, впрочем, не спешил с ответом. Как всегда, он взял минуту на размышление. Он любил так делать — брать минуту на размышление. Именно это и делало его столь опасным.

— Идете на Юг, вот как? — проговорил Тридуба после того, как хорошенько обмозговал вопрос. — И давно ли вы решили?

— Ничего мы еще не решили, — сказал Ищейка, снова показывая открытые ладони. Он чувствовал, что теперь часто придется это делать.

Тул Дуру кинул мрачный взгляд в спину Доу.

— Абсолютно ничего! — пророкотал он, сильно раздосадованный тем, что кто-то принимает за него решения.

— Ничего — это хорошо. — Тридуба говорил медленно и размеренно, как растет трава. — Я что-то не припоминаю, чтобы у нас в отряде принимали решения без вождя.

Доу ни на секунду не задумался. Он никогда не медлил с ответом. Именно это делало его таким опасным. Он вскочил на ноги, швырнул кость на землю и надвинулся на Тридуба с угрожающим видом.

— Я... говорю... на Юг! — прорычал он. Его глаза выпучились, словно пузыри на поверхности похлебки.

Тридуба не отступил ни на шаг. Отступление — совсем не в его духе. Он немного помедлил, разумеется, обдумывая, что делать дальше, а затем шагнул вперед и оказался нос к носу с Доу.

— Если ты хотел иметь право решать, ты должен был побить Девятипалого, а не сдаваться ему, как все остальные, — прогремел он.

Лицо Черного Доу при этих словах стало темным, как деготь. Он не любил, когда ему напоминали о поражениях.

— Девять Смертей вернулся в грязь! — рявкнул он. — Ищейка видел это, ведь так?

Тот был вынужден кивнуть.

— Верно, — буркнул он.

— Ну так и покончим на этом! Больше нет смысла ошиваться на Севере рядом с плоскоголовыми, снующими вокруг наших задниц! Я говорю — на Юг!

— С Девятипалым, может быть, и покончено, — сказал Тридуба, в упор глядя на Доу, — но не с твоим долгом ему. Почему он решил, что такому никудышному человеку, как ты, стоит сохранить жизнь, я понять не могу. Но он назвал вторым меня, — он постучал по своей широкой груди, — а это значит, что решать мне! Мне, и никому другому!

Ищейка предусмотрительно отступил назад. Эти двое явно готовились к драке, и ему не хотелось оказаться в общей свалке с разбитым носом. Такое уже не раз случалось. Форли взял на себя восстановление мира.

— Эй, парни, вот этого не надо, — сказал он тихо и ласково. Может, он не мастак по части убийств, этот Форли, но зато чертовски хорош, когда надо остановить других мастаков, чтобы они не поубивали друг друга. Ищейка от всего сердца пожелал ему удачи. — Бросьте. Почему бы вам...

— Заткни свою поганую пасть, ты! — гаркнул Доу, яростно тыча грязным пальцем ему в лицо. — Кому нужны твои слова, Слабейший?

— А ну оставь его! — прогремел Тул, поднося огромный кулак к его подбородку. — Не то я дам тебе повод покричать!

Ищейка едва осмеливался поднять голову. Доу и Тридуба вечно задирали друг друга, они быстро воспламенялись и так же быстро угасали. Грозовая Туча был животным совсем другого порядка. Если этот здоровенный бык начнет сердиться, его уже не успокоить — по крайней мере, пока не соберется человек десять с мотком крепкой веревки. Ищейка попытался представить, что сделал бы сейчас Логен. Он-то сумел бы остановить ссору, если бы не был мертв.

— Черт побери! — вскричал Ищейка, резко вскочив на ноги у костра. — Проклятые шанка кишмя кишат повсюду, куда ни плюнь! И даже если мы разберемся с ними, у нас остается Бетод, о котором тоже надо думать! В мире полно проблем и без того, чтобы мы создавали их сами! Логена больше нет, а Тридуба второй после него — вот все, что я готов услышать!

Он ткнул пальцем — в неопределенном направлении, ни на кого не указывая, — и стал ждать, отчаянно надеясь, что его речь возымеет действие.

— Верно, — буркнул Молчун.

Форли часто-часто закивал, словно дятел:

— Ищейка прав! Ссориться друг с другом нам нужно не больше, чем чтоб у нас члены отсохли! Тридуба второй. Он теперь вождь!

На мгновение наступила тишина, и Доу устремил на Ищейку свой холодный и пустой убийственный взгляд — так кот смотрит на зажатую в лапах мышь. Ищейка сглотнул. Немногие из людей способны выдержать взгляд Черного Доу. Он получил свое прозвище, потому что о нем шла чернейшая слава. Он приходил внезапно в темноте ночи и оставлял после себя дочерна сгоревшие деревни. Таковы были слухи, и таковы же факты.

От Ищейки потребовалось все его хладнокровие, чтобы не отвести глаза. Он уже был готов сделать это, когда Доу отвернулся и стал

рассматривать остальных ребят, одного за другим. Мало кто из обычных людей отважился бы ответить на подобный взгляд, но здесь собрались не обычные люди. Трудно найти под солнцем более отчаянный отряд. Ни один из них не дрогнул. Не считая, разумеется, Форли Слабейшего: тот опустил глаза еще прежде, чем до него дошла очередь.

Убедившись, что все против него, Доу расплылся в беззаботной улыбке, словно никакой проблемы никогда и не было.

— Ну ладно, — сказал он, обращаясь к Тридуба; казалось, весь его гнев мгновенно испарился. — Что мы тогда будем делать, вождь?

Тридуба оглядел лесную чащу. Он понюхал воздух, пососал губу. Он поскреб в бороде, давая себе минуту на размышление. Он задумчиво оглядел каждого из бойцов. А потом сказал:

— Мы идем на Юг.

Как всегда, Ищейка учуял их раньше, чем увидел. Нюх у него был отличный — из-за этого он и получил свое прозвище. Но, говоря по чести, их учуял бы любой. Они, черт побери, воняли.

На лужайке их было двенадцать: сидели, ели, что-то болтали на своем мерзком грубом языке. Огромные кривые желтые зубы, вместо одежды — обрывки прелого меха, вонючие шкуры, куски ржавых доспехов. Они, шанка.

— Треклятые плоскоголовые, — пробормотал про себя Ищейка.

Он услышал позади тихое шипение, обернулся и увидел Молчуна, который выглядывал из-за куста. Ищейка поднял вверх раскрытую руку: «остановиться»; постучал по макушке своего черепа: «плоскоголовые»; поднял сжатый кулак и затем еще два пальца: «двенадцать»; и показал обратно на тропу по направлению к остальным. Молчун кивнул и исчез в зарослях.

Ищейка кинул последний взгляд на шанка, проверяя, не заметили ли они чего-то подозрительного. Они не заметили, так что он скользнул обратно за дерево и двинулся прочь.

— У них лагерь возле дороги. Я видел двенадцать, но может оказаться и больше.

— Ищут нас? — спросил Тридуба.

— Может быть, но если так, то они не особенно стараются.

— Их можно как-нибудь обойти? — спросил Форли, вечно стремившийся избежать драки.

Доу, вечно стремившийся в драку влезть, сплюнул на землю:

— Двенадцать — ничто! Мы сделаем их без проблем!

Ищейка поглядел на Тридуба: тот раздумывал, пользуясь моментом. Двенадцать — это не ничто, и они все это знали. Но, возможно, лучше разобраться с врагами на месте, чем оставлять их гулять на свободе за своей спиной.

— Что будем делать, вождь? — спросил Тул.

Тридуба решительно поднял голову и скомандовал:

— Оружие.

Только самый глупый боец не следит за чистотой и боеготовностью оружия. Ищейка осматривал свое не больше часа назад. Сделать это еще раз — не смертельно, а вот пренебрежение может стоить жизни.

Послышались шорохи кожаных ножен, стук дерева и лязг металла. Ищейка посмотрел на своих товарищей. Молчун звенел тетивой и проверял оперение стрел. Тул Дуру провел большим пальцем по лезвию огромного тяжелого меча размером почти в рост Форли и принялся кудахтать, как курица, обнаружив крошечное пятнышко ржавчины. Черный Доу протирал тряпкой наконечник секиры, глядя на лезвие нежно, как любовник. Тридуба подтянул пряжки на ремнях щита и несколько раз махнул клинком в воздухе, сверкнув начищенным металлом.

Ищейка вздохнул, подтянул потуже ремни, крепившие гарду на левом запястье, и проверил дерево своего лука на трещины. Посмотрел, все ли его ножи там, где должны быть. Лишних ножей не бывает, сказал однажды Логен; Ищейка запомнил это наизусть. Он взглянул, как Форли неловкими руками достает короткий меч и беззвучно шевелит губами. Глаза Слабейшего блеснули от страха. Это зрелище заставило нервы Ищейки затрепетать, и он окинул взглядом остальных: грязные, покрытые шрамами, суровые лица, густые бороды. Он не заметил никакого намека на страх, хотя здесь нечего стыдиться. У разных людей разные пути, сказал ему как-то Логен, и иногда нужно испугаться, чтобы стать отважным. Это он тоже запомнил наизусть.

Он подошел к Форли и хлопнул его по плечу.

— Иногда нужно бояться, чтобы быть отважным, — проговорил он.

— К чему это?

— Так говорят. По-моему, неплохо сказано. — Ищейка наклонился ближе, чтобы никто не услышал. — Потому что лично я готов в штаны наложить от страха.

Ему казалось, что именно так поступил бы Логен, и теперь, когда Логен вернулся в грязь, эта обязанность перешла к нему. Форли ответил неуверенной полуулыбкой, очень быстро соскользнувшей, после чего его лицо стало еще более испуганным, чем прежде. Что ж, не всегда удается

сделать все до конца.

— Ладно, парни, — произнес Тридуба, когда снаряжение было проверено и разложено по местам. — Вот как мы это сделаем. Молчун, Ищейка — по разные стороны их лагеря, за деревьями. Ждете сигнала, потом стреляете в любого плоскоголового. Если промахнетесь, действуйте по обстановке.

— Хорошо, вождь, — сказал Ищейка, а Молчун кивнул.

— Тул, мы с тобой идем с фронта, только подожди сигнала, хорошо?

— Хорошо, — пророкотал гигант.

— Доу, вы с Форли зайдете с тыла. Ты выйдешь, когда увидишь, что пошли мы. Только на этот раз подожди, пока мы двинемся! — прошипел Тридуба, тыча в него толстым пальцем.

— Конечно, вождь. — Доу пожал плечами, словно он всегда делал то, что ему говорили.

— Ну, тогда все, — кивнул Тридуба. — Кому-то что-то неясно? Остались пустые головы у костра?

Ищейка отрицательно покачал головой. Остальные последовали его примеру.

— Отлично. Тогда еще одна последняя вещь. — Командир наклонился вперед, по очереди заглядывая каждому в лицо. — Сперва... дождитесь... моего... чертова... сигнала!

Лишь когда Ищейка уже сидел за кустом с луком в руках и наложенной на тетиву стрелой, до него вдруг дошло: он понятия не имеет, что это за сигнал. Он поглядел на шанка: они по-прежнему, ничего не подозревая, рычали, кричали и гремели посудой на лужайке. Ищейку, будь оно проклято, ужасно тянуло отлить. Вечно его тянет отлить перед дракой. Кто-нибудь говорил, какой будет сигнал? Он не помнил.

— Дерьмо, — прошептал он.

И как раз в этот момент Доу выпрыгнул из-за деревьев с секирой в одной руке и мечом в другой.

— Долбаные плоскоголовые! — заорал он, награждая ближайшего к себе шанка мощным ударом по голове, так что кровь забрызгала всю лужайку.

Шанка — насколько вообще можно судить об их эмоциях — выглядели сильно удивленными. Ищейка решил, что это вполне сойдет за сигнал.

Он прицелился в ближайшего плоскоголового, потянувшегося за большой дубинкой. Стрела с характерным тупым стуком поразила шанка под мышку.

— Ха! — вскричал Ищейка.

Он увидел, как Доу проткнул еще одного мечом со спины, но тут показался другой здоровенный шанка, готовый бросить копье. Из-за деревьев, описав дугу, вылетела стрела, пронзившая шею твари. Плоскоголовый издал дикий вопль и опрокинулся на спину. Этот Молчун — чертовски хороший стрелок.

А вот и Тридуба с ревом выскочил из зарослей с другой стороны поляны, застав шанка врасплох. Он врезал одному из них щитом по затылку, и тот рухнул лицом в костер. Тридуба рубанул мечом другого. Ищейка выпустил вторую стрелу, и она воткнулась в брюхо плоскоголовому. Шанка упал на колени, и мгновением позже Тул снес ему голову мощным ударом меча.

Теперь, когда к схватке присоединились остальные бойцы, все пошло быстрее: удар, вскрик, скрежет, грохот. Кровь лилась, свистело оружие, тела падали слишком быстро, чтобы Ищейка успевал пустить в них стрелу. Трое воинов сжали последних вопящих и бормочущих шанка в кольцо: Тул Дуру размахивал огромным мечом, держа их на расстоянии, Тридуба нырнул вперед и подрубил ноги одному, а Доу срубил другого, пока тот оглядывался.

Последний плоскоголовый с воем помчался в сторону деревьев. Ищейка выстрелил в него, но поторопился, и стрела прошла мимо. Она едва не попала в ногу Доу, который, к счастью, ничего не заметил. Шанка уже почти скрылся в зарослях, но внезапно издал вопль, упал на спину и забился в судорогах. Это Форли, прятavшийся в кустах, заколол его своим коротким мечом.

— Я убил одного! — закричал Слабейший.

На время воцарилась тишина. Ищейка выбрался на лужайку, и бойцы стали осматриваться, проверяя, все ли враги поражены. Потом Черный Доу поднял над головой окровавленную секиру и издал жуткий рев:

— Мы их перебили, черт побери!

— Ты чуть не перебил всех нас, идиот! — рявкнул Тридуба.

— А?

— Как насчет долбаного сигнала, а?

— Мне показалось, что ты кричал!

— Ничего подобного!

— Нет? — спросил Доу с видом крайнего изумления. — А кстати, что у нас было сигналом?

Тридуба испустил тяжелый вздох и закрыл лицо руками.

Форли по-прежнему взирал на свой меч.

— Я убил одного! — опять сказал он.

Теперь, когда схватка закончилась, Ищейка не мог больше терпеть — он повернулся и стал мочиться на ближайшее дерево.

— Мы их сделали! — заорал Тул, хлопнув его по спине.

— Осторожно! — взвыл Ищейка, облив ногу мочой.

Все захохотали над этим происшествием, и даже Молчун хмыкнул себе под нос.

Тул потряс Тридуба за плечо:

— Мы их сделали, вождь!

— Да, сделали, — ответил тот с кислым видом. — Но осталась еще куча других. Их тысячи. И пока они здесь, по эту сторону гор, они не успокоятся. Рано или поздно шанка двинутся на Юг. Может быть, нынешним летом, когда откроются перевалы, или позже. Но ждать осталось недолго.

Ищейка взглянул на бойцов: все тревожно переминались после маленькой речи командира. Сияние победы продлилось недолго. Так бывало всегда. Он посмотрел на мертвых плоскоголовых, лежавших на земле, изрубленных и окровавленных, распростертых и скорчившихся. Теперь победа казалось ничтожной.

— Разве мы не должны рассказать об этом, Тридуба? — спросил он. — Разве мы не должны попытаться предупредить кого-нибудь?

— Верно. — Тридуба улыбнулся скупой печальной улыбкой. — Но кого?

Деяния истинной любви

Джезаль понуро брел по серому Агрионту с фехтовальными клинками в руке: зевающий, спотыкающийся, недовольный, до сих пор не пришедший в себя после вчерашней бесконечной тренировки. Он не встретил ни одного прохожего, пока тащился на ежедневную пытку у лорд-маршала Варуза. Не считая необычно раннего чирикания какой-то птички и запинающегося шарканья собственных сапог, он не слышал ни звука. Все еще спали. В это время и полагалось спать — ему в первую очередь.

Он протащил свои ноющие ноги через арку и дальше по проходу. Солнце едва поднялось над горизонтом, и открывшийся взору Джезалья двор заполняли глубокие тени. Щурясь в полумраке, он разглядел Варуза: тот сидел у стола в ожидании. Черт побери! Джезаль надеялся, что в кои-то веки пришел первым! Эта старая сволочь вообще спит когда-нибудь или нет?

— Лорд-маршал! — крикнул Джезаль, припуская неубедительной рысцой.

— О нет. Не сегодня.

По шее Джезалья пробежал холодок. Этот голос не принадлежал его наставнику по фехтованию, но в нем было что-то неприятно знакомое.

— Маршал Варуз этим утром занят более важными делами.

В тени у стола сидел инквизитор Глокта, улыбаясь снизу вверх своей отвратительной зияющей усмешкой. По коже Джезалья от отвращения побежали мурашки. Едва ли такое необходимо человеку с утра. Он перешел на шаг и остановился перед столом.

— Вам, несомненно, доставит большое удовольствие известие о том, что сегодня у вас не будет ни пробежек, ни плавания, ни бревна, ни тяжелого бруса, — продолжал калека. — Вам не понадобится даже это. — Он махнул своей тростью в сторону фехтовальных клинков Джезалья. — Сегодня мы просто поболтаем. И все.

Идея провести пять мучительных часов с Варузом внезапно показалась Джезалю очень соблазнительной, но он не собирался выказывать недовольство. Капитан с громким лязгом швырнул клинки на стол и небрежно упал во второе кресло под взглядом Глокты, внимательно наблюдавшего за ним из тени. Джезаль тоже уставился на инквизитора, надеясь каким-то образом доказать свое превосходство, но попытка оказалась тщетной. Уже после нескольких секунд разглядывания этого

изможденного лица, этой беззубой ухмылки, этих лихорадочно горящих провалившихся глаз он почувствовал, что поверхность стола интересует его гораздо больше.

— Итак, расскажите мне, капитан, почему вы занялись фехтованием?

Значит, это игра. Небольшая партия, только два игрока. И все, что будет сказано, несомненно, дойдет до Варуза. Джебзалью надо вести себя очень осторожно: сосредоточиться и следить за тем, чтобы не раскрыть своих карт.

— Ради моей чести, ради чести моей семьи и чести моего короля, — холодно ответил он. Пусть хромой паскудник попробует придаться к такому ответу.

— Ага, то есть вы пошли на это ради процветания своего народа? Вы, должно быть, чрезвычайно сознательный гражданин. Какая самоотверженность! Какой пример для всех нас! — Глокта фыркнул. — Прошу вас! Если хотите лгать, то хотя бы выбирайте ту ложь, какую сами считаете убедительной. Подобный ответ — оскорбление для нас обоих.

Да как смеет беззубый калека, давно ни на что не годный, разговаривать в таком тоне? Джебзаль был готов встать и уйти, послав к черту Варуза с его омерзительным осведомителем! Он сжал подлокотники кресла, чтобы подняться, когда внезапно поймал взгляд Глокты: инквизитор улыбался ему, и улыбался насмешливо. Уйти сейчас — значит признать поражение. И правда, зачем он занялся фехтованием?

— Этого хотел мой отец.

— Вот как? Как я вам сочувствую! Преданный сын, связанный неумолимым чувством долга, вынужден воплощать в жизнь амбиции своего отца! Знакомая история. Словно уютное старое кресло. Говорим то, что от нас хотят услышать, да? Этот ответ уже лучше, но все же он далек от истины.

— Может быть, вы сами скажете? — угрюмо буркнул Джебзаль. — Если вы так много знаете об этом.

— Хорошо, скажу. Люди не фехтуют ради своего короля или своей семьи. И даже ради поддержания физической формы, предвосхищая вашу попытку привести этот довод. Они делают это ради известности, ради славы! Они занимаются фехтованием ради собственной карьеры. Они фехтуют только ради самих себя. Уж я-то знаю.

— Что вы можете знать? — фыркнул Джебзаль. — В вашем случае это вряд ли могло принести пользу!

Он немедленно пожалел о сказанном. Проклятый болтливый язык, от него вечно одни неприятности! Однако Глокта снова мерзко осклабился.

— Это приносило мне немалую пользу до того, как я угодил в императорские темницы. Что вы можете сказать в оправдание своей лжи?

Джезалю не нравилось то, как развивается разговор. Он привык к легким победам за карточным столом, к плохим игрокам. Его ловкость притупилась. Сейчас лучше временно спасовать и как следует изучить нового противника. Капитан стиснул зубы и промолчал.

— Разумеется, чтобы выиграть турнир, требуется тяжелая работа. Вам стоило бы посмотреть, как трудился наш общий друг Коллем Вест! Он целые месяцы потел и бегал кругами, терпя насмешки окружающих. Какой-то выскочка, болван из простонародья, вздумал состязаться со своими господами, — вот что мы думали о нем. Он путал позиции, спотыкался на бревне, над ним потешались все кому не лень. Это продолжалось снова и снова, день за днем. Однако посмотрите на него теперь. — Глокта постучал пальцем по своей трости. — И посмотрите на меня. Похоже, ему довелось смеяться последним, а, капитан? Это доказывает только одно: сколь многого можно добиться, если поработать. У вас вдвое больше таланта, чем у Веста, да еще благородное происхождение. Вы можете позволить себе работать в десять раз меньше. Но ведь вы вообще не хотите прилагать усилий!

Джезаль не смог вынести этого:

— Никаких усилий? Да разве я не терплю каждый божий день эти пытки...

— Пытки? — резко переспросил Глокта.

Джезаль слишком поздно осознал, какое неудачное слово выбрал.

— Ну, — промямлил он, — я хотел сказать...

— Я достаточно разбираюсь и в фехтовании, и в пытках. Уж поверьте мне, — уродливая ухмылка инквизитора стала еще шире, — это совершенно разные вещи.

— Э-э... — пробормотал Джезаль, все еще не в силах восстановить равновесие.

— У вас есть амбиции. И есть средства, чтобы их реализовать. Немного постараться — и все получится. Несколько месяцев тяжелой работы, а потом вам уже не придется работать никогда и ни над чем, если вы так хотите. Несколько коротких месяцев, и вы устроите свою жизнь. — Глокта облизнул беззубые десны. — Если не случится ничего непредвиденного, разумеется. Вам представилась редкостная возможность. На вашем месте я бы ухватился за нее. Впрочем, не знаю — возможно, вы не только лжец, но и дурак?

— Я не дурак, — холодно ответил Джезаль. Других слов он не нашел.

Глокта поднял брови, затем поморщился и тяжело оперся на трость, медленно заставляя себя встать.

— Что ж, бросайте дело, если хотите. Пожалуйста, я не настаиваю. Прожигайте жизнь, напивайтесь и болтайте о разном дерьме с младшими офицерами. Множество людей были бы счастливы жить такой жизнью. Множество людей, которым никогда не предоставлялось такой возможности, какая предоставлена вам. Бросайте это дело. Лорд-маршал Варуз будет разочарован, как и майор Вест, и ваш отец, и все остальные. Но прошу вас, поверьте моим словам... — Глокта наклонился к Джезалю, по-прежнему улыбаясь своей отвратительной улыбкой. — Мне на это совершенно наплевать. Всего доброго, капитан Луфар!

И Глокта, хромя, направился к проходу под аркой.

После этой милой беседы у Джезаль неожиданно появилось несколько часов свободного времени. Однако он был не в том состоянии духа, чтобы насладиться ими. Он бродил по пустынным улицам, площадям и садам Агрионта, угрюмо размышлял о словах хромого инквизитора и проклинал Глокта. Джезалю никак не удавалось выкинуть из головы прошедший разговор, он прокручивал его в мозгу снова и снова, фразу за фразой, находил новые аргументы, которые следовало произнести — если бы они вовремя пришли на ум.

— А, капитан Луфар!

Джезаль вздрогнул и оглянулся. Незнакомый человек сидел на росистой траве под деревом и улыбался ему снизу вверх. В руке у незнакомца было недоеденное яблоко.

— Раннее утро — наилучшее время для прогулки, так я считаю, — продолжал он. — Все спокойное, серое, чистое и пустое... Ничего похожего на безвкусные вечерние розовые краски. Когда вокруг шум, гам, суматоха, люди бегают туда-сюда — как можно спокойно думать среди такой суеты? И вот я вижу, что вы придерживаетесь того же мнения! Как замечательно! — Он с хрустом откусил большой кусок яблока.

— Мы знакомы?

— О нет, нет, — отозвался человек, поднимаясь на ноги и стряхивая землю с задней части своих штанов, — еще нет. Меня зовут Сульфур. Йору Сульфур.

— Вот как? И что привело вас в Агрионт?

— Можно сказать, что я прибыл сюда с дипломатической миссией.

Джезаль оглядел Сульфура, пытаясь угадать, откуда он родом.

— С миссией от?..

— От моего господина, разумеется, — ответил посол, что нисколько не помогло Джезалю.

Капитан заметил, что глаза у незнакомца разного цвета. Весьма неприятная черта, подумал Джезаль и спросил:

— И кто ваш господин?

— О, он очень мудрый и могущественный человек. — Йору Сульфур доел яблоко, выбросил огрызок в кусты и вытер руки о рубашку. — Я вижу, вы фехтовали?

Джезаль взглянул на клинки, которые держал в руках.

— Да, — ответил он и внезапно осознал, что наконец принял решение, — но в последний раз. Я решил бросить фехтование.

— О боже, только не это! — Странный незнакомец схватил Джезаль за плечо. — О боже, боже, вы не должны так поступать!

— Что?

— Нет-нет! Мой господин будет в ужасе, если об этом узнает! Просто в ужасе! Если вы откажетесь от фехтования, вы откажетесь и от множества других вещей! Понимаете, ведь именно так завоевывают внимание публики. В конечном счете все решают люди, и без простонародья нет знати. Абсолютно никакой знати! Все решают они!

— Что? — Джезаль принялся оглядывать парк в надежде найти стражника и сообщить ему, что по Агрионту бродит опасный безумец.

— Нет-нет, вы не можете бросить фехтование! Я не хочу слышать об этом! Ни в коем случае! Уверен, в конце концов вы все же передумаете. Вы должны!

Джезаль стряхнул руку Сульфур со своего плеча.

— Кто вы такой?

— Сульфур, Йору Сульфур, к вашим услугам. Надеюсь увидеть вас снова на турнире, капитан. Если не раньше!

И он двинулся прочь, помахав Джезалю через плечо. Тот глядел ему вслед, приоткрыв рот, потом воскликнул:

— Проклятье! — и швырнул свои клинки на траву.

Похоже, сегодня все сговорились влезать в его дела. Даже безумные бродяги в парке.

Едва дождавшись, чтобы не прийти слишком рано, он отправился к Весту. Майор всегда выслушивал его с сочувствием; к тому же Джезаль надеялся, что друг поможет ему сообщить плохие новости маршалу Варузу. Джезаль очень хотел по возможности избежать тяжелых сцен. Он постучал, подождал, потом постучался еще раз. Наконец дверь отворилась.

— О, капитан Луфар! Какая невероятная честь для нас!

— Арди, — пробормотал Джезаль, не ожидавший встречи. — Я очень рад снова видеть вас!

В кои-то веки он говорил искренне. Она очень заинтересовала его, вот в чем дело. Это казалось новым и необычным: всерьез заинтересоваться женщиной. Арди была чертовски хороша, без сомнений, и с каждой новой встречей все сильнее привлекала Джезалья. Разумеется, между ними ничего не может быть, поскольку Вест — его лучший друг и все такое прочее. Но если просто любоваться на нее, от этого никому не будет вреда, правда?

— Э-э... а вашего брата здесь нет? — спросил он.

Арди со скучающим видом опустилась на диванчик возле стены и вытянула ноги в небрежной позе.

— Он ушел. Не знаю куда. Вечно он занят. Ему некогда возиться со мной, — ответила она.

Ее щеки разругались больше обычного. Джезаль увидел стоявший рядом с Арди графин: пробка вынута, и вина осталось только половина.

— Вы пьете?

— Немного. — Она прищурилась на полупустой бокал у своего локтя. — Я просто скучаю.

— Ведь сейчас нет и десяти утра!

— А что, до десяти скучать запрещено?

— Вы понимаете, о чем я говорю.

— Оставьте морализаторство моему братцу, ему это более подходит. И выпейте тоже. — Она махнула рукой в сторону бутылки. — Судя по вашему виду, вам не повредит.

Что ж, это было правдой. Джезаль налил себе бокал и опустился на стул лицом к Арди. Она разглядывала его из-под полуопущенных тяжелых век. Ее рука протянулась к бокалу на столе. Там же лежала толстая книга обложкой вниз.

— Что вы читаете? — спросил Джезаль.

— «Падение мастера Делателя» в трех томах. Считается классическим историческим произведением. Утомительная чепуха, и ничего больше. — Она презрительно фыркнула. — Толпа мудрых магов, суровые рыцари с большими мечами и прекрасные дамы с большими грудями. Магия, жестокость и любовные приключения в равных долях. Полное дерьмо.

Она смахнула книгу со стола, и та шлепнулась на ковер, шелестя страницами.

— Но вы могли бы найти себе какое-то занятие.

— Вот как? И что бы вы предложили?

— Ну, мои кузины вышивают...

— Идите в задницу!

— Хм. — Джезаль улыбнулся. Ее ругательства теперь звучали совсем не так обидно, как при их первой встрече. — А чем вы занимались дома, в Инглии?

— Ах, дома... — Она откинула голову на спинку дивана. — Там мне казалось, что я живу очень скучно. Я не могла дожждаться, когда попаду сюда, в самое сердце мира. Теперь я не могу дожждаться, когда вернусь обратно. Выйду за какого-нибудь фермера. Нарожая ему дюжину ублюдков. По крайней мере, мне будет с кем поговорить. — Она закрыла глаза и вздохнула. — Но Коллем меня не отпустит. Он чувствует ответственность за меня теперь, когда наш отец умер. Ему кажется, что в Инглии слишком опасно, и он не хочет, чтобы северяне изрубили меня в капусту. Но на этом его ответственность кончается. Он не считает, что нужно уделить мне хоть десять минут своего времени. Так что, похоже, я застряла здесь вместе со всеми вашими самодовольными снобами.

Джезаль беспокойно поерзал на стуле.

— Вест неплохо со всем справляется...

— О, еще бы! — фыркнула Арди. — Коллем Вест славный парень! Он ведь победил на турнире, да? Первым прошел сквозь брешь при Ульриохе! Правда, у него нет знатных предков, и он никогда не сравняется с вами, но он очень славный для простолюдина! Жаль, что сестра у него нагловата, да еще и не в меру умная. Говорят, — тут она перешла на шепот, — что она даже выпивает, представляете? Эта девица совершенно не знает своего места. Позор! Лучше делать вид, что ее не существует. — Арди снова вздохнула. — Да, чем скорее я вернусь домой, тем лучше будет для всех.

— Мне это не принесет радости.

Черт! Неужели он сказал это вслух?

Арди рассмеялась, но не слишком весело.

— Конечно, ужас как благородно с вашей стороны говорить так. Кстати, почему вы не на тренировке?

— Маршал Варуз сегодня занят. — Джезаль мгновение помедлил. — Собственно, сегодня в роли моего учителя по фехтованию выступил ваш друг Занд дан Глокта.

— Правда? Он, должно быть, сказал вам что-то особенное?

— Да, разные вещи... Он назвал меня дураком.

— Подумать только!

Джезаль нахмурился.

— Ну да. В общем... Фехтование надоело мне не меньше, чем вам —

эта книга. Именно об этом я и хотел поговорить с вашим братом. Я решил бросить тренировки.

Арди разразилась хохотом — всхлипывающим, булькающим, задыхающимся. Все ее тело сотрясалось, вино выплеснулось из бокала и лужицей растеклось по полу.

— Что же здесь смешного? — оскорбленно спросил капитан.

— Да просто... — Она утерла слезу. — Просто мы с Коллем поспорили. Он уверял, что вы продержитесь, так что теперь я на десять марок богаче!

— Не сказал бы, что мне нравится быть объектом вашего пари, — резко сказал Джезаль.

— Не сказала бы, что меня это хоть сколько-нибудь волнует.

— Для меня все очень серьезно!

— Ничего подобного! — отрезала она. — Вот для моего брата все действительно было серьезно: у него не оставалось другого выхода! Если между твоим именем и фамилией не стоит «дан», никто тебя не замечает. Кому это знать лучше, чем мне? Вы — единственный человек, кто потратил на меня хоть какое-то время, когда я приехала сюда. Да и то только потому, что Коллем вас заставил. У меня почти нет денег и совсем нет родословной, я не существую для таких, как вы. Мужчины не обращают на меня внимания, женщины игнорируют. У меня здесь нет ничего и никого. И вы считаете, что вам тяжело жить? Помилуйте! Может быть, мне стоит заняться фехтованием, — с горечью произнесла она. — Спросите при случае лорд-маршала, не возьмет ли он еще одного ученика? У меня хоть будет с кем поговорить!

Джезаль моргнул. Это уже не интересно — это грубо.

— Постойте, ведь вы же представления не имеете, что это такое...

— Ой, да перестаньте вы хныкать! Сколько вам лет, пять? Может быть, пора пойти к мамочке и пососать сиську, деточка?

Он едва верил своим ушам. Как она смеет?

— Моя мать умерла, — сказал он.

Ха! Это заставит ее почувствовать себя виноватой, принудит извиниться...

Не сработало.

— Умерла? Значит, ей повезло: не надо выслушивать ваше дурацкое нытье! Все вы, избалованные богатенькие мальчики, одинаковы. Получаете все, чего захотите, и закатываете истерику, если приходится самим наклоняться, чтобы это поднять! Вы просто жалки. Меня от вас блевать тянет!

Джезаль выпучил глаза. Лицо горело, словно его отхлестали по щекам. Уж лучше бы отхлестали. С ним никогда никто так не говорил. Никогда! Это еще хуже, чем Глокта. Гораздо хуже и совершенно неожиданно. Джезаль осознал, что сидит с полуоткрытым ртом. Он закрыл его, крепко сжал зубы, с размаху поставил свой бокал на стол и поднялся, чтобы уйти. Он уже повернулся к выходу, когда дверь внезапно распахнулась, и Джезаль оказался лицом к лицу с майором Вестом. Мужчины уставились друг на друга.

— Джезаль, — проговорил Вест, глядя на него сначала с удивлением, а потом, увидев раскинувшуюся на диване сестру, с легким подозрением. — Что ты здесь делаешь?

— Э-э... Я, собственно, хотел поговорить с тобой.

— Вот как?

— Да. Но это подождет. У меня дела.

И Джезаль, протиснувшись мимо друга, вылетел в коридор.

— Что это все значит? — услышал он за спиной голос Веста. — Ты пьяна?

С каждым шагом ярость Джезала возрастала, пока он не почувствовал, что вот-вот задохнется от гнева. Он стал жертвой нападения, подвергся диким и несправедливым обвинениям! Капитан остановился посреди коридора, трясаясь от злости, раздувая ноздри, до боли сжимая кулаки и тяжело дыша, словно пробежал десять миль. И это сделала женщина! Женщина! Безродная простолюдинка! Да как она посмела? А он потерял с ней столько времени, смеялся ее шуткам, находил ее привлекательной! Она должна быть благодарить, что ее вообще заметили!

— Стерва! Долбаная сука! — прокричал Джезаль.

Он страстно захотел вернуться и сказать ей это в лицо, но было поздно. Он огляделся по сторонам в поисках чего-то, что можно разбить. Как отплатить ей? Чем?

И тут Джезала осенило. Он докажет, что она ошибается!

Да. Он докажет, что они оба ошибаются — и Арди, и эта хромоногая гадина Глокта. Они увидят, как упорно Джезаль может работать! Они увидят, что он не дурак, не лжец, не избалованный ребенок. Эта идея нравилась ему все больше. Он выиграет проклятый турнир — вот что он сделает. И сотрет с их лиц улыбки. Капитан быстрым шагом двинулся по коридору, чувствуя, как в его груди зарождается странное, новое чувство.

Стремление к цели — вот что это было. Возможно, еще не слишком поздно для пробежки.

Как дрессируют собак

Практик Иней стоял возле стены абсолютно неподвижно и абсолютно безмолвно, едва заметный в глубокой тени, словно был частью здания. За прошедший час с лишним альбинос ни разу не двинулся, не пошевелил ногой, не моргнул; Глокта даже не замечал, чтобы он дышал. Остановившиеся глаза практика всматривались в перспективу улицы перед ними.

Сам Глокта тихо ругался, беспокойно ерзал, морщился, почесывал лицо, посасывал беззубые десны.

«Что их задерживает? Еще несколько минут, и я засну, упаду в этот вонючий канал и утону. Вот будет удачно! — Он посмотрел на маслянистую зловонную воду, плескавшуюся внизу. — Тело, найденное возле доков, раздутое от морской воды, за пределом возможности опознания...»

Иней дотронулся в темноте до его руки и показал большим белым пальцем вдоль улицы. Трое человек медленно двигались по направлению к ним, ступая кривовато, как люди, что проводят много времени на борту корабля и привыкают удерживать равновесие на качающейся палубе.

«Итак, вот половина нашей маленькой компании. Лучше поздно, чем никогда».

Трое моряков прошли до середины моста через канал и остановились в ожидании шагов за двадцать от Глокты с практиком. Инквизитор слышал, как они разговаривали: тон наглый, самоуверенный, с простонародным выговором. Он отодвинулся подальше в тень, цепляясь за стену.

С противоположной стороны слышались другие шаги — торопливые. Появились еще два человека, которые быстро шли по улице. Один, очень высокий и худощавый мужчина в дорогой меховой куртке, все время подозрительно оглядывался по сторонам.

«Это, должно быть, и есть Гофред Хорнлах, крупный торговец шелком. Тот, кто нам нужен».

У второго на поясе висел меч, и он с трудом тащил на плече большой деревянный сундук.

«Слуга, телохранитель или то и другое вместе. Он не представляет интереса».

Эти двое подошли к мосту, и Глокта почувствовал, как волосы на его затылке становятся дыбом. Хорнлах обменялся несколькими словами с

одним из моряков — с тем, который носил окладистую каштановую бороду.

— Готов? — шепнул Глокта Инею.

Практик кивнул.

— Стойте! — завопил Глокта во все горло. — Именем его величества!

Слуга Хорнлаха развернулся кругом, с грохотом уронив сундук на мост; его рука потянулась к мечу. Из сумрака с другой стороны дороги послышался тихий звон спущенной тетивы. Лицо слуги приняло удивленное выражение, он всхрипнул и повалился лицом. Практик Иней быстрым шагом вышел из тени, мягко топая ногами по дороге.

Хорнлах расширенными глазами посмотрел вниз, на труп своего телохранителя, потом поднял взгляд на огромного альбиноса. Наконец он повернулся к морякам.

— Помогите мне! — крикнул он. — Остановите его!

— Это вряд ли, — улыбнулся в ответ их вожак.

Двое его приятелей не спеша перешли на другое место, перекрыв мост. Торговец шелком отпрянул и сделал несколько неуверенных шагов по направлению к теням у канала с другой стороны. Секутор возник перед ним из дверного проема, держа арбалет на плече.

«Если заменить арбалет букетом цветов, Секутор будет выглядеть так, словно идет на свадьбу. Никогда не подумаешь, что он только что убил человека».

Окруженный Хорнлах мог лишь тупо озиаться, кося широко раскрытыми от страха и удивления глазами на двух приближавшихся практиков и Глокту, хромавшего за ними следом.

— Но я же заплатил вам! — в отчаянии крикнул Хорнлах морякам.

— Ты заплатил за место, — ответил их капитан. — За преданность плата отдельная.

Большая белая ладонь практика Инея хлопнула купца по плечу, принудив опуститься на колени. Секутор подошел к телохранителю, поддел тело грязным носком сапога и перевернул вверх лицом. Труп уставился остекленевшими глазами в ночное небо; оперение арбалетной стрелы торчало из его шеи. Кровь, вытекшая у него изо рта, при лунном свете казалась черной.

— Мертв, — буркнул Секутор, хотя это было очевидно.

— Попадание стрелы в шею часто приводит к таким последствиям, — заметил Глокта. — Убери его, ладно?

— Хорошо.

Секутор взял телохранителя за ноги и подтащил к парапету моста, потом перехватил под мышками и, крикнув, перевалил тело в воду.

«Так гладко, так чисто, так умело. Сразу видно, что он делает это не в первый раз».

Раздался всплеск, и тело погрузилось в гнилую воду под мостом. Иней уже крепко связал руки Хорнлаха за спиной и надел на него мешок. Он потянул пленника вверх, заставляя встать, и тот завопил. Глокта приковывал к троем морякам; его ноги онемели после долгого неподвижного стояния в переулке.

— Ну вот и все, — проговорил он, вытащил тяжелый кошелек из внутреннего кармана пальто и задержал его, покачивая, над выжидающей ладонью капитана. — Скажи-ка мне, что произошло сегодня ночью?

Старый моряк улыбнулся, его обветренное лицо пошло морщинами, словно старый сапог.

— У меня портился груз, и нам позарез надо было отплыть с первым приливом, я так ему и сказал. Мы прождали его полночи у этого вонючего канала. И можете себе представить — этот гад так и не появился!

— Очень хорошо. Именно такую историю я бы и рассказал в Вестпорте, если бы кто-нибудь начал задавать вопросы.

Капитан обиженно вскинулся:

— Но ведь все так и было, инквизитор! Какую еще историю я могу рассказать?

Глокта уронил кошелек ему в ладонь. Внутри звякнули монеты.

— С благодарностью от его величества.

Капитан взвесил кошелек в руке.

— Всегда рад оказать услугу его величеству!

Он и два его товарища повернулись, сверкнув желтозубыми улыбками, и двинулись к набережной.

— Ну, отлично, — сказал Глокта. — Продолжим.

— Где моя одежда? — вопил Хорнлах, извиваясь на стуле.

— Приношу свои извинения. Я знаю, это очень неприятно, но под одеждой скрывается слишком многое. Оставь человеку одежду, и ты оставишь ему гордость, достоинство и все прочее, без чего ему лучше обойтись. Я никогда не допрашиваю узников, пока их не разденут. Вы помните Салема Реуса?

— Кого?

— Салема Реуса. Один из ваших людей, тоже торговец шелком. Мы забрали его за то, что он уклонялся от королевских налогов. Он сделал признание и назвал имена некоторых людей. Я хотел поговорить с ними, но все они оказались мертвы.

Глаза купца забежали.

«Обдумывает варианты, прикидывает, много ли мы знаем».

— Люди то и дело умирают, — ответил Хорнлах.

Глокта взглянул на фреску с изображением окровавленного тела Иувина: стена за спиной пленника была залита ярко-красной краской.

«Люди то и дело умирают».

— Разумеется, но не всегда такой жестокой смертью. У меня сложилось впечатление, что кто-то хотел их убрать. Что кто-то приказал их убрать. И мне кажется, что это были вы.

— У вас нет доказательств! Нет доказательств! Вам не сойдет с рук!

— Доказательства не значат ничего, Хорнлах, но я окажу вам любезность. Реус остался жив. Кстати, он здесь, немного дальше по коридору. Друзей у него не осталось, так что он болтает напропалую, называет подряд всех торговцев шелком, каких только вспомнит. Или каких только вспомним мы, если на то пошло.

Пленник сощурился, но не отвечал.

— С его помощью нам удалось поймать Карпи.

— Карпи? — переспросил купец, стараясь, чтобы это прозвучало небрежно.

— Вы, конечно, помните вашего наемного убийцу? Такой слегка обрюзгший стириец? Рябой, много потеет? Его мы тоже взяли. Он рассказал нам все. Как вы его наняли, сколько заплатили, что поручили сделать. Все. — Глокта улыбнулся. — У него превосходная память для убийцы, он помнит любую подробность.

Теперь появился страх, самые первые его приметы, но Хорнлах быстро оправился.

— Это оскорбление моей гильдии! — закричал он, собрав все чувство собственного достоинства, какое оставалось у него, раздетого и привязанного к стулу. — Мой господин Костер дан Каулт никогда не спустит этого, а он близкий друг наставника Калина!

— Плевать на Калина, с ним уже покончено. К тому же Каулт считает, что вы сейчас спокойно поживаете на борту корабля, удаляющегося в сторону Вестпорта, где мы вас не достанем. Не думаю, что вас станут искать на протяжении нескольких недель. — Лицо торговца поблекло. — А за это время может случиться многое... очень многое.

Язык Хорнлаха метнулся, облизнув губы. Он быстро глянул вверх, на Инея с Секутором, и слегка наклонился к Глокте.

«Ага. Настало время для торговли».

— Инквизитор, — вкрадчиво проговорил Хорнлах, — за свою жизнь я

узнал одну вещь: каждый человек чего-то хочет. Каждый имеет свою цену, не так ли? А у нас глубокие карманы. Все, что угодно, только скажите. Только скажите! Чего вы хотите?

— Чего я хочу? — переспросил Глокта и тоже наклонился вперед, как заговорщик.

— Да. К чему вы клоните? Чего вы хотите?

Хорнлах уже хитро улыбался.

«Как ни странно, но тебе не удастся выкупить себя».

— Я хочу, чтобы мне вернули мои зубы.

Улыбка купца стала таять.

— Я хочу, чтобы мне вернули мою ногу.

Хорнлах сглотнул.

— Я хочу, чтобы мне вернули мою жизнь.

Узник побледнел как мертвец.

— У вас этого нет? Что ж, возможно, меня удовлетворит ваша голова на колу. У вас нет ничего для меня, несмотря на ваши глубокие карманы.

Хорнлах дрожал мелкой дрожью.

«С хвастовством покончено? С торговлей тоже? Тогда можно начинать».

Глокта взял лежавший перед ним лист бумаги и прочел первый вопрос.

— Ваше имя?

— Послушайте, инквизитор, я...

Иней ахнул по столу кулаком, и Хорнлах съежился на стуле.

— Отвечай на вопрос, мать твою! — рявкнул ему в лицо Секутор.

— Гофред Хорнлах, — всхлипнул купец.

— Хорошо, — кивнул Глокта. — Вы являетесь старшим членом гильдии торговцев шелком?

— Да, да!

— Фактически одним из помощников магистра Каулта?

— Вы и сами знаете, что да!

— Верно ли, что вы вместе с другими торговцами шелком составили заговор, чтобы причинить ущерб интересам его величества короля? Верно ли, что вы наняли убийцу, чтобы умышленно лишить жизни десятерых подданных его величества? Верно ли, что вам отдал соответствующее распоряжение сам магистр Костер дан Каулт, глава гильдии торговцев шелком?

— Нет! — завопил Хорнлах голосом, визгливым от ужаса.

«Это не тот ответ, который нам нужен».

Глокта взглянул на практика Инея. Огромный белый кулак врезался в

живот купца; тот тихо охнул и сполз набок.

— Вы знаете, моя мать держит собак, — сказал Глокта.

— Собак! — прошипел Секутор в ухо задыхающегося купца, подпихивая его обратно на сиденье.

— Она их очень любит. Учит их проделывать всевозможные штуки. — Глокта выпятил губы. — Вы знаете, как дрессируют собак?

Дыхание еще не вернулось к Хорнлаху, он сидел, пошатываясь на стуле, со слезящимися глазами, не способный говорить.

«Это стадия рыбы, внезапно вытащенной из воды. Рот открывается и закрывается, но звука нет».

— Повторение, — произнес Глокта. — Повторение, повторение и повторение. Вы должны заставить собаку проделать трюк сотню раз, а потом начать сначала. Повторение — вот корень дрессировки. А если вы хотите, чтобы собака лаяла по вашему сигналу, вы должны использовать хлыст. Я хочу, чтобы вы полаяли для меня, Хорнлах, перед открытым советом.

— Вы спятили! — прохныкал купец, обводя их взглядом. — Вы все сумасшедшие!

Глокта обнажил пустые десны.

— Если вам угодно. Если это вам поможет. — Он снова взглянул на бумагу в своей руке. — Ваше имя?

Узник сглотнул.

— Гофред Хорнлах.

— Вы являетесь старшим членом гильдии торговцев шелком?

— Да.

— Фактически одним из помощников магистра Каулта?

— Да!

— Верно ли, что вы вместе с другими торговцами шелком составили заговор, чтобы причинить ущерб интересам его величества короля? Верно ли, что вы наняли убийцу, чтобы умышленно лишить жизни десятерых подданных его величества? Верно ли, что вам отдал соответствующее распоряжение сам магистр Костер дан Каулт, глава гильдии торговцев шелком?

Хорнлах в отчаянии обвел взглядом пространство вокруг себя. Иней смотрел на него, и Секутор смотрел на него.

— Ну? — настаивал Глокта.

Купец закрыл глаза.

— Да, — прошептал он.

— Что-что?

— Да!

Глокта улыбнулся.

— Превосходно. Итак, скажите мне... Ваше имя?

Чаепитие и месть

— Прекрасная страна, не правда ли? — сказал Байяз, оглядывая холмистую равнину по обеим сторонам дороги.

Копыта лошадей неторопливо стучали по мягкой земле, их размеренный звук противоречил тревожному настроению Логена.

— Разве?

— Ну, страна, конечно, суровая — для тех, кто не знает ее законов. Непокорная и ничего не прощающая. Но в ней есть особое благородство. — Первый из магов обвел рукой вокруг себя, с удовольствием вдыхая холодный воздух. — В ней есть честность, цельность. Лучшая сталь — не та, что сияет ярче всех. — Он обернулся на Логена, мягко покачиваясь в седле. — Уж ты-то должен знать.

— Я не могу сказать, что вижу здесь что-то красивое.

— А что же ты видишь?

Логен обежал взглядом крутые травянистые склоны, где чередовались пятна осоки и бурого утесника, серые скалы и группы деревьев.

— Я вижу хорошее место для сражения, — ответил он. — При условии, что ты придешь сюда первым.

— Правда? Как это?

Логен указал на бугристую вершину неподалеку:

— Если разместить лучников там, на утесе, их не будет видно с дороги, а в этих скалах можно спрятать пехоту. Легковооруженных воинов можно оставить на склонах, чтобы заманить врага дальше, на крутые вершины. — Он кивнул в сторону колючих зарослей, покрывавших нижнюю часть склона. — Надо подождать, пока они пройдут немного вперед, а как только начнут продираться через кусты, накрыть их стрелами. Никому мало не покажется: сверху лучники стреляют быстрее и дальше, стрелы вонзаются глубже. Они разобьют строй противника. Когда враги доберутся до скал, они будут вымотаны как собаки, и их дух ослабеет. Вот тогда и пора нападать. Отряд карлов внезапно появится из-за этих камней — свежие бойцы, полные сил, азартные, вопящие как черти.

Логен сощурил глаза, рассматривая склон холма. Ему доводилось и участвовать в таких внезапных атаках, и отражать их. В обоих случаях воспоминания не были приятными.

— Если у них все же останутся силы на сопротивление, конники вон в тех деревьях закончат дело. Когда на тебя неожиданно налетают несколько

отборных воинов — это страшная штука. Враги обратятся в бегство. Но поскольку к тому времени они устанут, то не сумеют бежать быстро. Значит, можно будет захватить пленных, а пленные — это выкуп или по меньшей мере враги, которых легко убить. Здесь будет побоище или победа, достойная хорошей песни. Зависит от того, на чьей стороне окажешься. Вот что я здесь вижу.

Байяз улыбнулся, кивая головой в такт медленному движению своей лошади, и заметил:

— Кажется, Столикус сказал, что если место сражения не станет военачальнику лучшим другом, оно станет его худшим врагом?

— Я никогда не слышал о таком человеке, но он был совершенно прав. Здесь хорошее место для битвы при условии, что ты придешь сюда первым. Прийти первым — вот в чем штука.

— Именно так. Впрочем, войска у нас все равно нет.

— Спрятать среди этих деревьев нескольких всадников проще, чем большой отряд, — отозвался Логен и искоса глянул на волшебника. Тот беззаботно покачивался в седле, ссутулив плечи, наслаждаясь приятной прогулкой на природе. — Я не думаю, что Бетод последует твоему совету. К тому же у нас с ним много старых счетов. Затронуто самое больное его место — гордость. Он захочет мести. Он захочет ее очень сильно.

— Ах да, месть. Это ведь самое распространенное развлечение у вас на Севере. Похоже, оно вам никогда не надоедает.

Логен хмуро оглядел окрестные деревья, скалы, складки в склонах долины и множество мест, где можно укрыться.

— Скоро в этих холмах появятся люди, и они будут искать нас. Маленькие отряды опытных воинов, хорошо вооруженные, на хороших лошадях, знающие местность. Теперь, когда Бетод покончил со всеми своими врагами, на Севере не осталось недоступных для него мест. Может быть, они уже ждут нас вон там. — Логен указал на группу скал возле дороги. — Или в тех зарослях, или вон в тех. Они могут быть где угодно.

Малахус Ки, ехавший впереди с выючной лошастью, нервно огляделся по сторонам.

— Это тебя пугает? — спросил Байяз.

— Меня все пугает, и хорошо, что так. Страх — хороший друг для того, за кем охотятся: до этих пор он сохранял мне жизнь. Лишены страха мертвые, а я не жажду присоединиться к ним. В библиотеку Бетод тоже пошлет людей.

— Ах да, помню — чтобы сжечь мои книги, и так далее.

— Это тебя пугает?

— Не особенно. На камнях у ворот начертано слово Иувина, а это не такая вещь, чтобы ею можно было пренебречь. Даже теперь. Никто, замысливший насилие, не сможет подойти к ним близко. Представляю себе, как люди Бетода будут блуждать вокруг озера под дождем, пока у них не кончится еда, и удивляться: как странно, почему же они не могут найти такую большую вещь, как библиотека?.. Так что, — весело сказал волшебник, скребя свою бороду, — я предпочитаю сосредоточиться на нашем собственном положении. Как ты думаешь, что произойдет, если нас схватят?

— Бетод нас убьет, причем самым жестоким способом, какой только придумает. Если, конечно, ему не придет в голову проявить милосердие, предостеречь нас и отпустить на свободу.

— Но это не кажется особенно вероятным.

— В точности так я и подумал. Лучшее, что мы можем сделать, — это добраться до Белой реки и попытаться перейти в Инглию, положившись на удачу и на то, что нас никто не заметит, — проговорил Логен. Он не любил полагаться на удачу, и само это слово оставило у него во рту плохой привкус. Он задрал голову, глядя в покрытое облаками небо. — Для нас было бы хорошо, если бы погода испортилась. Хороший ливень укрыл бы нас.

Небеса поливали Логена целыми неделями, однако теперь, когда дождь был очень нужен, отказывались выдавить из себя даже каплю.

Малахус Ки смотрел на спутников через плечо, его глаза были большими и круглыми от тревоги.

— Не стоит ли нам попытаться ехать быстрее?

— Да, может быть, — сказал Логен, глядя шею своей лошади, — но это утомит лошадей. Не исключено, что вскоре нам понадобится скорость. Можно было бы прятаться днем и ехать по ночам, но тогда мы рискуем заблудиться. Лучше ехать как сейчас. Двигаться медленно и надеяться, что нас не увидят. — Он нахмурился, бросив взор на вершину скалы. — Что нас уже не увидели.

Байяз хмыкнул.

— Тогда, пожалуй, сейчас самое лучшее время сказать тебе. Эта ведьма Кауриб не была и вполонину такой дурой, какой я пытался ее выставить.

У Логена упало сердце.

— Вот как?

— Да. Несмотря на ее раскраску, золотые побрякушки и болтовню насчет дальних окраин Севера, она знает свое дело. «Долгий взгляд», так

это называется. Фокус не новый, но действенный. Она наблюдает за нами с тех пор, как мы с ней расстались.

— Она знает, где мы находимся?

— Более чем вероятно, что она знает, когда мы выехали и в каком направлении движемся.

— Это сводит наши шансы на нет.

— Да, я тоже так думаю.

— Черт!

Логен уловил какое-то движение среди деревьев слева от себя и схватился за рукоять меча. Пара птиц поднялась в воздух и взмыла в небеса. Он подождал, чувствуя, как отчаянно колотится сердце. Ничего. Он опустил руку.

— Надо было убить их, пока у нас была возможность. Всех троих.

— Но мы этого не сделали, а теперь поздно. — Байяз внимательно посмотрел на Логена. — Если они действительно поймают нас, каков твой план действий?

— Бежать. И надеяться, что наши лошади окажутся быстрее.

— А этот? — спросил Байяз.

От резкого ветра дерева не спасали: он задувал в долину и заставлял пламя костра метаться. Малахус Ки сгорбился и плотнее закутался в одеяло. Сосредоточенно наморщив лоб, он вглядывался в короткий стебелек, что держал перед ним Байяз.

— М-м-м... — Это было уже пятое растение, и несчастный ученик до сих пор сумел назвать правильно только одно из них. — Это, кажется... э-э... ильеф?

— Ильеф? — эхом откликнулся волшебник.

Его лицо не давало никакого намека на то, верен ли ответ. Во всем, что касалось ученика, он был безжалостен, как сам Бетод.

— Ну да... наверное.

— Едва ли.

Ученик закрыл глаза и испустил тяжкий вздох, пятый за этот вечер. Логен искренне ему сочувствовал, но ничем не мог помочь.

— Урсилум, так это называется на древнем языке, — сказал маг. — Круглолистный вид.

— Вот-вот, конечно, урсилум, это все время вертелось у меня на языке!

— Ну, если название у тебя на языке, то полезные свойства растения тоже должны быть неподалеку, не так ли?

Ученик сощурил глаза и с надеждой устремил взгляд вверх, в ночное

небо, словно искал ответ среди звезд.

— Оно помогает... при ломоте в суставах?

— Нет, определенно нет. Боюсь, твои суставы будут по-прежнему беспокоить тебя. — Байяз медленно повернул стебелек между пальцами. — У урсилума нет полезных свойств. Во всяком случае, мне о них не известно. Это просто трава.

И он бросил его в кусты.

— Просто трава, — повторил Ки, качая головой.

Логен вздохнул и потер усталые глаза.

— Прошу прощения, мастер Девятипалый, мы, кажется, утомили тебя?

— В чем здесь смысл? — спросил Логен, простирая вперед ладони. — Кому какое дело, как называется ни на что не годная трава?

Байяз улыбнулся.

— Справедливый вопрос. Малахус, расскажи нам, в чем здесь смысл?

— Если человек хочет изменить мир, сначала он должен понять его. — Ученик сыпал словами, словно читал наизусть; он явно радовался тому, что знает ответ на этот вопрос. — Кузнец должен изучить законы металлов, плотник — законы дерева, иначе их работа не многого стоит. Низшая магия необузданна и рискованна, ибо она исходит с другой стороны, а черпать силу из нижнего мира опасно. Маг укрощает магию знанием и так творит высокое искусство. Но, подобно кузнецу или плотнику, он должен стремиться изменять лишь то, что понимает. С каждой новой частицей знания его могущество возрастает. Поэтому маг стремится узнать все, чтобы понимать мир в целостности. Дерево крепко лишь настолько, насколько крепки его корни, а знание — корень могущества.

— Можешь не говорить — думаю, это Иувиновы «Основы высокого искусства».

— Самые первые строки, — кивнул Байяз.

— Прости, если мои слова тебе не понравятся, но я живу в этом мире уже больше тридцати лет и до сих пор не понимаю ничего из того, что со мной происходило. Познать мир целиком? Понимать все, что в нем есть? Вот так задачка!

Маг рассмеялся:

— Да, задача, разумеется, совершенно неосуществимая. Чтобы по-настоящему понять одну-единственную травинку, потребуется целая жизнь на ее изучение, а мир постоянно меняется. Вот почему мы, как правило, специализируемся на чем-то одном.

— И что выбрал ты?

— Огонь, — сказал Байяз, беззаботно глядя в пламя костра, отблески

которого плясали на его лысине. — Огонь, и силу, и волю. Но даже в избранных мной областях после долгих лет исследований я все равно остаюсь начинающим. Чем больше ты узнаешь, тем больше понимаешь, как мало знаешь. Однако усилие само по себе стоит того. Знание есть корень могущества.

— Значит, если у вас достаточно знаний, то вы, маги, можете все, что угодно?

Байяз нахмурился.

— Существуют определенные пределы. И существуют определенные правила.

— Вроде первого закона?

Учитель и ученик одновременно подняли головы, чтобы взглянуть на Логена.

— Насчет того, что запрещается говорить с бесами, правильно? — уточнил тот.

Ки явно позабыл о том, что говорил в бреду, и раскрыл рот от изумления. Байяз прищурился, глядя на Десятипалого с едва уловимым подозрением.

— Ну что же... Да, это так, — промолвил первый из магов. — Запрещено прикасаться к другой стороне непосредственно. Первый закон должен выполняться всеми без исключений. Равно как и второй.

— А это что такое?

— Запрещено поедать человеческую плоть.

Логен приподнял бровь.

— Вы, волшебники, имеете дело с интересными вещами, — заметил он.

— О, ты и не представляешь себе, — улыбнулся Байяз. Он повернулся к ученику, протягивая тому бугристый бурый корень. — А теперь, мастер Ки, не будешь ли так добр сказать мне, как это называется?

Логен не мог не ухмыльнуться про себя: растение он знал.

— Давай, давай, мастер Ки, мы не можем ждать всю ночь, — продолжал волшебник.

Логен не мог больше видеть страдания ученика. Он наклонился поближе, делая вид, что поправляет палкой огонь, кашлянул, чтобы замаскировать свои слова, и тихо шепнул Малахусу:

— Вороний коготь.

Байяз сидел довольно далеко, а ветер по-прежнему шелестел в листве деревьев, так что маг никоим образом не мог услышать подсказки.

Ки сыграл роль отлично. Он продолжал вглядываться в корень,

наморщив лоб, словно бы в глубоком размышлении. Наконец он предположил:

— Может быть, это вороний коготь?

Байяз поднял бровь.

— Хм, а ведь и правда. Отлично, Малахус! Не расскажешь ли, как его используют?

Логен кашлянул еще раз.

— Лечат раны, — прошептал он, рассеянно глядя в кусты и прикрыв рот ладонью. Может быть, он не так много знал о растениях, но в вопросе о ранах у него богатый опыт.

— Кажется, он хорошо лечит раны, — медленно проговорил Ки.

— Превосходно, мастер Ки! Это действительно вороний коготь, и им действительно лечат раны. Я очень рад видеть, что в конце концов мы все же продвинулись вперед. — Он покашлял, прочищая горло. — Однако мне любопытно, почему ты выбрал именно это имя. Вороньим когтем его называют только к северу от гор. Я никогда не учил тебя такому названию. Интересно, с кем из тех краев ты знаком? — Он перевел взгляд на Логена. — Ты никогда не думал о том, чтобы избрать своим поприщем магические искусства, мастер Девятипалый? Возможно, у меня освободится место ученика. — Он снова посмотрел на Ки, сузив глаза.

Малахус повесил голову.

— Виноват, мастер Байяз.

— Тогда, может быть, ты помоешь нашу посуду? Возможно, эта задача более соответствует твоим дарованиям.

Ки нехотя сбросил с плеч одеяло, собрал грязные миски и побрел через кусты к ручью. Байяз наклонился над котелком, висевшим на огне, и принялся сыпать в бурлящую воду какие-то высушенные листья. Колеблющийся огонь костра освещал его лицо снизу, вокруг лысой головы клубился пар. Пожалуй, в конечном счете он все же выглядел вполне подходящим для своей роли.

— Что это у тебя? — спросил Логен, протягивая руку за своей трубкой. — Какое-нибудь колдовство? Магическое зелье? Еще одно великое произведение высокого искусства?

— Это чай.

— Что?

— Листья одного растения, которые заваривают в воде. В Гуркхуле чай считается немалой роскошью. — Маг налил немного варева в чашку. — Не желаешь попробовать?

Логен подозрительно потянул носом.

— Пахнет носками.

— Ну как угодно. — Байяз покачал головой и снова уселся у огня, обхватив дымящуюся чашку обеими ладонями. — Но ты упускаешь возможность насладиться одним из величайших даров природы. — Он сделал глоток и удовлетворенно причмокнул. — Успокаивает ум, придает силы телу. Чашка хорошего чая поможет справиться почти с любой проблемой.

Логен забил в трубку комок чагги.

— Любой? А как насчет топора в черепашке?

— Да, это исключение, — с улыбкой признал Байяз. — Скажи мне, мастер Девятипалый, откуда столь кровавая вражда между тобой и Бетодом? Разве ты не сражался за него много раз? Почему он так ненавидит тебя?

Логен помолчал, затянулся дымом из трубки, выдохнул его.

— Есть причины, — сухо сказал он.

Старые раны еще не затянулись, и Логену не хотелось беречь их.

— Ага, есть причины. — Байяз заглянул в свою чашку. — А как насчет твоих причин? Разве ваша вражда не обоюдная?

— Возможно.

— Тем не менее ты согласен ждать?

— Приходится.

— Что ж, ты очень терпелив для северянина.

Логен вспомнил Бетода, его омерзительных сыновей и множество хороших людей, которых они убили ради своей выгоды. Которых он убил ради их выгоды. Вспомнил шанка, и свою семью, и развалины деревни на морском побережье. Вспомнил погибших друзей. Он поцокал языком и уставился в огонь.

— Я в свое время сводил счеты с людьми, — проговорил он, — но в итоге получал только новые поводы для вражды. Месть порой доставляет удовольствие, но это роскошь. Она не накормит тебя, не укроет от дождя. Чтобы сражаться с врагами, мне нужна поддержка друзей, а их у меня не осталось. Надо смотреть правде в глаза. Прошло то время, когда мои планы простирались дальше, чем необходимость прожить день и не умереть.

Байяз рассмеялся, поблескивая глазами в свете костра.

— Что тут смешного? — спросил Логен, передавая ему трубку.

— Не обижайся, но ты бесконечный источник сюрпризов. Совершенно не то, чего я ожидал. Ты настоящая загадка!

— Я?

— Ну конечно! Девять Смертей! — прошептал волшебник, широко

раскрывая глаза. — Что за ужасную славу ты заслужил, мой друг! Каких только историй про тебя не рассказывают! У тебя кошмарное имя. Матери пугают им детей!

Логен промолчал — здесь трудно было возразить. Байяз не спеша затянулся и выпустил длинную струйку дыма.

— Вспоминаю тот день, когда принц Кальдер нанес нам визит, — сказал он.

Логен хмыкнул:

— Предпочитаю поменьше думать о нем.

— Я тоже, но в данном случае меня заинтересовало не его поведение, а твое.

— Мое? Не могу припомнить, чтобы я сделал хоть что-то.

Байяз ткнул чубуком трубки через костер, указывая на Логена.

— Ах, но ведь именно это я и имею в виду! Я знавал многих воинов — и простых солдат, и военачальников, и наемников всех видов. Великий воин должен действовать быстро и решительно — собственными руками или посредством своего людей, — поскольку тот, кто бьет первым, чаще всего бьет и последним. Поэтому человек на войне в конечном счете начинает полагаться на низшие инстинкты: всегда и на все отвечает насилием, становится гордым и жестоким. — Байяз передал трубку обратно Логену. — Но что бы ни говорили люди, ты не таков.

— Многие не согласились бы с тобой.

— Возможно, но факт остается фактом: Кальдер оскорбил тебя, а ты ему не ответил. Ты хорошо понимаешь, когда тебе следует действовать, и действовать быстро, а когда следует воздержаться. Это говорит о сдержанности и расчетливом уме.

— Может быть, я просто испугался.

— Кого, Кальдера? Брось! Ты ничуть не испугался Скейла, а он гораздо более неприятный тип. С другой стороны, ты прошел сорок миль с моим учеником на спине — это говорит о смелости и сострадании. Редчайшее сочетание! Насилие и сдержанность, расчетливость и сострадание. К тому же ты умеешь говорить с духами.

Логен приподнял бровь:

— Это случается редко, и только когда никого рядом нет. Речи духов скучны и далеко не так приятны для меня, как твои.

— Ха, это верно. Духи мало что могут сказать людям, насколько я понимаю. Хотя сам я с ними никогда не разговаривал, у меня нет такого дара. В наши дни не многие им обладают. — Байяз сделал еще глоток из своей чашки, поглядывая на Логена поверх ее краешка. — Пожалуй, я не

припомню никого, кроме тебя.

Малахус выбрался из леса, спотыкаясь и дрожа от холода. Он поставил мокрые миски на землю, схватил одеяло, плотно закутался в него и с надеждой воззрелся на дымящийся над огнем котелок.

— Это чай?

Байяз не ответил на его вопрос. Он продолжал:

— Скажи мне, мастер Девятипалый... До сих пор ты ни разу не спросил меня, зачем я за тобой посылал и чего ради мы блуждаем по горам Севера, подвергая опасности наши жизни. Это кажется мне странным.

— Ничего странного. Я не хочу знать.

— Не хочешь?

— Всю жизнь я хотел узнать ответ на множество вопросов. Что находится по ту сторону гор? О чем думают мои враги? Каким оружием они станут со мной драться? Кому из друзей я могу доверять? — Логен пожал плечами. — Знание, может быть, и корень могущества, но чем больше я узнавал, тем больше у меня оказывалось проблем. — Он снова пососал свою трубку, но она уже прогорела. Логен выколотил пепел на землю. — Какова бы ни была твоя цель, я постараюсь помочь тебе. Но я не хочу ничего об этом знать раньше времени. Я до смерти устал сам принимать решения, они никогда не бывают верными. Неведение — сладчайшее лекарство, говаривал мой отец. Я не хочу знать.

Байяз смотрел на него во все глаза. Впервые Логен видел на лице первого из магов удивление. Малахус Ки робко кашлянул.

— А я бы хотел знать, — вымолвил он, с надеждой глядя вверх на своего учителя.

— Конечно, — проворчал Байяз. — Но тебе не позволено спрашивать.

Было около полудня, когда все пошло наперекосяк. Логен уже стал надеяться, что им повезет, что они доберутся до Белой реки и протянут еще неделю. В какой-то момент он успокоился и расслабился. К несчастью, именно этот момент и повлиял на развитие событий.

Без сомнений, засада была устроена очень толково. Враги тщательно выбрали место и обвязали тканью копыта своих коней, чтобы заглушить звук. Если бы рядом был Тридуба, тот бы заметил опасность — он имел исключительную способность мгновенно видеть местность и оценивать обстановку. Ищейка с его неповторимым нюхом учуял бы врага. Однако ни того ни другого здесь не было. От мертвых помощи не жди.

Три всадника затаились за крутым поворотом дороги: хорошо вооруженные воины в крепких доспехах. Лица грязные, но оружие

вычищено, и все трое — ветераны. Тот, что справа, был коренастым и мощным, почти без шеи. Слева — высокий и костлявый, с маленькими жестокими глазками. На обоих надеты круглые шлемы и поношенные кольчуги, в руках — длинные копья, готовые к бою. Их вожак ссутулился в седле с небрежностью искушенного наездника. Он кивнул Логену.

— Девятипалый! Бринн! Девять Смертей! Как рад снова тебя видеть!

— Привет, Черноногий, — пробормотал Логен, натягивая на лицо дружелюбную улыбку. — Вид твоего лица тоже согрел бы мое сердце, если бы все сложилось по-другому.

— Но все так, как оно есть.

Пока старый воин говорил, взгляд его медленно перемещался от Байяза к Ки, от Ки к Логену, изучая их оружие или отмечая отсутствие такового, чтобы выработать план действий. Менее умный противник дал бы им возможность уравновесить шансы, но Черноногий был названным и не был глупцом. Он остановил взгляд на руке Логена, медленно ползущей вдоль тела к рукояти меча, и спокойно покачал головой.

— Не надо этих штук, Девять Смертей. Ты сам видишь — ты у нас в руках. — И он кивнул на деревья за спиной Логена.

Сердце Девятипалого дрогнуло: еще двое всадников появились сзади и теперь рысцой подъезжали к ним, окончательно захлопывая ловушку. Обернутые тканью копыта лошадей не издавали почти ни звука, соприкасаясь с мягкой землей возле дороги. Логен пожевал губу. Черноногий прав, черт его побери. Четверо всадников съехались, их копья покачивались, лица были холодны, умы сосредоточены на поставленной задаче. Малахус Ки глядел на них испуганными глазами, его лошадь пятилась назад. Байяз благодушно улыбался, словно здесь собрались старые добрые друзья. Логен бы не отказался от толики самообладания волшебника, поскольку его собственное сердце колотилось, а во рту стоял кислый привкус.

Черноногий двинул своего коня вперед, даже не притронувшись к поводьям; одной рукой он сжимал рукоятку секиры, другая спокойно лежала на колене. Он был искусным и прославленным наездником — вот как бывает, когда теряешь все пальцы на ногах после обморожения. Конечно, ездить верхом быстрее, но когда дело касалось схватки, Логен предпочитал, чтобы его ноги твердо стояли на земле.

— Будет лучше, если вы пойдете с нами, — произнес старый воин. — В любом случае лучше.

Логен едва ли мог согласиться, но ситуация сложилась не в его пользу. Возможно, Байяз прав и у меча действительно есть голос, но копье —

чертовски удобная вещь: можно проткнуть человека, не слезая с коня. И вокруг Логена сомкнулись четыре копья. Его поймали — с численным перевесом, враспloh и с неподходящим для обороны оружием. Сейчас надо выиграть время в надежде, что найдется какой-нибудь выход. Логен прокашлялся, изо всех сил стараясь ничем не выдать свой страх, и сказал:

— Никогда бы не подумал, что ты сможешь помириться с Бетодом, Черноногий. Кто угодно, только не ты.

Старый воин почесал свою длинную спутанную бороду.

— Ну, сказать по правде, я сделал это одним из последних. Но в конце концов и я преклонил колени, как все остальные. Не могу сказать, чтобы мне это нравилось, однако так уж случилось. Лучше отдай мне меч, Деятипалый.

— А как же Старик Йоль? Неужели и он кланяется Бетоду? Или ты нашел хозяина, который тебе больше по душе?

Черноногий несколько не обиделся на насмешку, но внезапно стал печальным и усталым.

— Йоль мертв. Будто ты не знаешь! Почти все мертвы. Бетод не тот хозяин, который мне по душе. Тем более его сыновья. Никому не нравится лизать толстую задницу Скейла или тощую — Кальдера, ты и сам должен это понимать. А теперь отдай мне твой меч, время идет, а нам еще далеко ехать. Мы успеем обо всем поговорить, когда ты будешь без оружия.

— Йоль мертв?

— Ну да. Он вызвал Бетода на поединок. Ты что, не слышал? — с подозрением проговорил Черноногий. — Наводящий Ужас покончил с ним.

— Наводящий Ужас?..

— Где же ты был, сидел в пещере?

— Можно сказать и так. Что еще за Наводящий Ужас?

— Я не знаю, что это такое. — Черноногий наклонился с седла и сплюнул в траву. — Я слышал, что он вообще не человек. Говорят, ведьма Кауриб выкопала его из-под горы. Как знать? Так или иначе, он теперь бьется за Бетода на поединках, и он еще хуже того, что был до него, — не в обиду будет сказано.

— Никаких обид, — отозвался Логен.

Человек без шеи подвинулся ближе. Даже слишком близко: наконечник его копья маячил в футе-другом от Логена. Достаточно близко, чтобы Логен смог за него ухватиться... Может быть.

— Старик Йоль был сильный воин.

— Да уж. Поэтому мы и шли за ним. Но это не принесло ему добра. Наводящий Ужас забил его — измочалил, как какую-нибудь собаку. Он

оставил его в живых, если это можно так назвать, чтобы мы могли поучиться на его ошибке; впрочем, Йоль не прожил долго. Большинство наших преклонили колени сразу после этого — те, кому приходилось думать о женах и сыновьях. Не было смысла медлить. Там, высоко в горах, еще осталось несколько человек, не склонившихся перед Бетодом: этот безумец-лунопоклонник Круммох-и-Фейл со своими горцами и еще кое-кто. Но их не много. И Бетод уже строит планы на их счет. — Черноногий протянул к нему большую мозолистую ладонь. — Отдай мне меч, Девять Смертей. Только левой рукой, прошу тебя, медленно-медленно и без фокусов. Так будет лучше.

Итак, вот оно. Больше времени нет. Логен обхватил тремя пальцами левой руки рукоять меча, чувствуя прикосновение холодного металла к ладони. Наконечник копья коренастого подвинулся еще ближе. Высокий несколько расслабился, уверенный, что добыча у них в руках, и его копье было направлено в воздух, без цели. Трудно сказать, что делали те двое позади. Желание обернуться было почти непереносимым, но Логен заставил себя глядеть прямо вперед.

— Я всегда уважал тебя, Деятипалый, хотя мы были на разных сторонах. Я не питаю к тебе вражды. Но Бетод хочет мести, он одержим ею, а я поклялся ему служить. — Черноногий печально поглядел в глаза Логена. — Жаль, что это вынужден сделать я. Как бы то ни было, мне жаль.

— И мне, — пробормотал Логен. — Мне тоже жаль, что это ты. — Он медленно вытащил меч из ножен. — Как бы то ни было.

И он выбросил вперед руку, впечатав эфес меча Черноногому в лицо. Тяжелый металл с хрустом врезался в зубы, старый воин испустил вопль и повалился с седла спиной вперед; секира вылетела из его руки и с лязгом упала на дорогу. Логен тут же схватился за древко копья коренастого воина, чуть пониже наконечника.

— Беги! — рявкнул он Малахусу.

Но ученик только глядел на него во все глаза, тупо моргая. Человек без шеи с силой рванул копье к себе, чуть не выдернув Логена из седла, но тот держал крепко. Он откинулся назад, привстав на стремянах, и высоко поднял меч над головой. Противник широко раскрыл глаза, отнял одну руку от копья и инстинктивно поднял ее вверх. Логен со всей силы опустил меч.

К его изумлению, меч оказался необыкновенно острым. Клинок отрубил коренастому руку возле самого локтя, затем вонзился в плечо, прошел сквозь мех и кольчугу и рассек тело до живота почти надвое. Кровь ливнем хлынула на дорогу, брызги летели в морду коню Логена. Скакун не был обучен для сражения, он пятился, брыкался и бил копытом от ужаса.

Логен отчаянно старался удержаться в седле. Краем глаза он заметил, что Байяз шлепнул по крупу лошадь Малахуса, и та рванула с места, унося болтающегося в седле ученика. Вьючная кобыла во весь опор скакала следом.

Затем все смешалось: лягающиеся и фыркающие животные, лязг и скрежет металла, проклятия и вопли. Битва. Ощущение знакомое, но от этого не менее устрашающее. Логен вцепился правой рукой в повод, пытаясь совладать с брыкающейся лошастью, и отчаянно размахивал мечом над головой — скорее чтобы напугать своих врагов, чем причинить им вред. В любой миг он ожидал толчка и мучительной боли, когда копьё пронзит его насквозь, а затем земля встанет дыбом и ударит в лицо.

Он видел, как Ки с Байязом скачут прочь по дороге, а их нагоняет высокий воин с копьем наперевес. Он видел, как Черноногий переворачивается и встает, сплевывая кровь и нашаривая секиру. Он видел, как те двое, что были сзади, стараются справиться со своими лошадьми и бессмысленно машут копьями. Он видел, как тело человека, которого он только что убил, разваливается на две половины и медленно валится с седла, заливая кровью глинистую почву.

Логен вскрикнул, когда острое копьё воткнулось ему сзади в плечо; его швырнуло вперед, и он чуть не перелетел через голову лошади. Затем он осознал, что перед ним открытая дорога, а он еще жив. Логен пришпорил коня, и тот ринулся вперед, отбрасывая копытами грязь в лица преследователей. Девятипалый перебросил меч в правую руку, при этом чуть не выронил поводья и не упал на дорогу. Он подвигал плечом: рана, похоже, оказалась не слишком глубокой, он по-прежнему вполне мог действовать рукой.

— Я еще жив. Еще жив...

Дорога мелькала под ним, ветер жег глаза. Он нагонял высокого воина — обмотанные тканью копыта теперь замедляли бег лошади, скользившей на глинистой почве. Логен изо всех сил сжал рукоять своего меча, заноса его над спиной высокого. Его враг резко повернул голову, но было слишком поздно. Раздался гулкий звон металла о металл, меч врезался в шлем, оставив на нем глубокую вмятину, и высокий вылетел из седла. Его нога застряла в стремях, и голова два раза ударилась о дорогу, прежде чем он высвободился и покатился по траве, переворачиваясь снова и снова, болтая руками и ногами. Его лошадь, потерявшая всадника, не остановилась и лишь скосила глаза на Логена, когда тот проскакал мимо нее.

— Еще жив...

Логен посмотрел через плечо: Черноногий снова вскочил в седло и теперь несясь галопом вслед за ним, подняв секиру над головой, а его спутанные волосы развевались по ветру. С ним были двое оставшихся копейщиков, изо всех сил понукавших коней, но преследователей уже отделяло от него некоторое расстояние. Логен расхохотался. Кажется, ему удалось оторваться! Он махнул мечом в сторону Черноногого, въезжая в лес у края долины.

— Я еще жив! — завопил он во весь голос...

И тут его лошадь осадила так внезапно, что Логен чуть не слетел на землю. Если бы он не обхватил рукой шею коня, то не сумел бы удержаться. Только вновь усевшись в седло, он увидел, в чем дело — и дело весьма неприятное.

Поперек дороги было навалено несколько древесных стволов с обрубленными ветками, а их заточенные под острыми углами концы торчали наружу во все стороны. Перед засекой стояли еще два карла в кольчугах, держа копья наизготовку. Даже лучший из наездников не смог бы преодолеть такой барьер, а Логен не был лучшим. Байяз и его ученик пришли к тому же выводу и смирно остановились перед баррикадой. Лицо старика было озадаченным, лицо юноши — просто испуганным.

Логен крепче сжал меч и без особой надежды огляделся, всматриваясь в деревья в поисках выхода. Он заметил еще людей. Лучники — один, двое, трое — медленно подползали с обеих сторон к дороге, держа наготове стрелы и натянув тетиву.

Логен повернулся в седле, но Черноногий и двое его соратников были уже близко — значит, в ту сторону не убежать. Они осадили лошадей в нескольких шагах от Логена, вне досягаемости его меча. Плечи Девятипалого опустились. Охота закончена. Черноногий наклонился и сплюнул кровь на дорогу.

— Все, Девять Смертей, дальше ты не уедешь.

— Забавно, — проговорил Логен, глядя на свой длинный серый клинок, забрызганный красным. — Все это время я сражался за Бетода против тебя, а теперь ты сражаешься за него против меня. Похоже, мы вечно воюем друг против друга, а он выходит победителем. Забавно.

— Да, — буркнул Черноногий, шевеля окровавленными губами. — Забавно.

Однако никто не смеялся. Лица Черноногого и его карлов были суровы как смерть. Ки, судя по его виду, был готов расплакаться. Только Байяз почему-то сохранял свое обычное благодушие.

— Ладно, Девятипалый, слезай с коня, — сказал Черноногий. — Бетод

хочет получить тебя живым, но согласен и на мертвого, если нет другого выхода. Ну же! Слезай!

Логен прикинул, сумеет ли сбежать после того, как сдастся. Вряд ли Черноногий совершит еще одну ошибку. Скорее всего, за уже оказанное сопротивление пленника до полусмерти запинаят ногами или перебьют ему колени. Потом пленных скрутят, словно животных на убой. Логен представил себе, как он валяется на камнях, замотанный длиннейшей цепью, а Бетод улыбается и глядит на него с трона. Кальдер и Скейл при этом будут смеяться и колоть беспомощного врага чем-нибудь острым.

Логен посмотрел вокруг. Он увидел холодные острия стрел, холодные наконечники копий и холодные глаза людей, целившихся в него. Положение безвыходное.

— Ну хорошо, ты выиграл.

Логен бросил меч на землю острием вперед. Он хотел, чтобы клинок вонзился в землю вертикально, покачиваясь взад-вперед, но меч повалился в грязь. Такой уж сегодня неудачный день. Логен медленно перекинул ногу через седло и спрыгнул на дорогу.

— Так-то лучше. Теперь остальные, — сказал Черноногий.

Ки немедленно соскочил с лошади и остановился, нервно поглядывая на Байяза, однако маг не спешил. Черноногий нахмурился и приподнял секиру:

— Ты тоже, старик!

— Я предпочитаю ехать верхом.

Логен вздрогнул: так отвечать нельзя. Теперь Черноногий в любую минуту может отдать приказ, после которого зазвенит тетива и первый из магов рухнет на дорогу, пронзенный стрелами. Возможно, с той же безумной улыбкой на мертвом лице.

Но приказ так и не был отдан. Байяз обошелся без тайных слов, без странных заклинаний, без загадочных жестов — лишь воздух у его плеча задрожал, как бывает над поверхностью земли в жаркий день, и Логен ощутил странное тянущее чувство в животе.

А потом деревья вокруг взорвались стеной жгучего, ослепительного, добела раскаленного пламени. Стволы лопались, ветки ломались с оглушительным треском, выбрасывая клубы сияющего пламени и раскаленного пара. Горящая стрела взвилась высоко в воздух над головой Логена, и после этого лучников не стало — они испарились в раскаленной печи.

Потрясенный и испуганный, Логен отступил назад, кашляя и задыхаясь. Он поднял руку к лицу, чтобы защитить его от обжигающего

жара. Над баррикадой вздымались огромные сгустки пламени и разлетались ослепительные искры. Двое людей, стоявших рядом, теперь бились в конвульсиях на земле, окутанные жадными огненными языками. Их вопли терялись в оглушительном реве.

Кони топтались и крутились на месте, храпя от дикого ужаса. Черноногий снова оказался на земле, пылающая секира вылетела из его руки, а лошадь споткнулась и рухнула на него сверху. Одному из копейщиков пришлось еще тяжелее: конь сбросил всадника прямо в стену пламени возле дороги. Отчаянный вопль быстро умолк. Второй пока устоял. К его счастью, он был в перчатках: каким-то чудом не выпустил из рук пылающее древко копья.

Как ему хватило присутствия духа ринуться в атаку, когда вокруг бушует пламя, Логен так и не понял. В бою случаются странные вещи. Копейщик выбрал своей целью Ки и с ревом понесся на него, нацелив пылающее копье ему в грудь. Безмозглый ученик стоял столбом, беспомощный и словно прикованный к месту. Логен налетел на него всем корпусом, подняв кверху меч, так что Ки покатился через дорогу и закрыл руками голову. Потом Десятипалый повернулся и вслепую рубанул по ногам лошади, пронесившейся мимо.

Клинок вырвался из его пальцев и улетел прочь, а отсеченное конское копыто ударило в раненое плечо, и Логен свалился в грязь. Он задохнулся, пылающий мир бешено вращался вокруг. Впрочем, его удар все же возымел действие: через несколько шагов подрубленные передние ноги лошади подогнулись, она споткнулась, беспомощно пронеслась еще немного вперед и рухнула в пламя, где и исчезла вместе с всадником.

Логен поискал взглядом свой меч. Вихрь обратившихся в пепел листьев хлестал вдоль дороги, жег лицо и руки. Жар наваливался, словно огромная тяжесть, выжимая пот из пор. Логен нащупал окровавленную рукоять меча и схватил ее израненными пальцами, затем поднялся, шатаясь и издавая бессмысленные вопли ярости, хотя сражаться было больше не с кем. Стена пламени пропала так же внезапно, как появилась, оставив Логена кашлять и моргать глазами в клубящемся дыму.

Наступившая после этого рева тишина казалась абсолютной, легкий ветерок — ледяным. На месте деревьев остался широкий круг обугленных расщепленных пней, словно они горели несколько часов. Баррикада превратилась в оседающую грудку пепла и черных головешек. Два трупа лежали поодаль, распластанные на земле, и в них с трудом можно было опознать людей: они обгорели до самых костей. Почерневшие наконечники копий валялись на дороге, древки исчезли бесследно. От лучников не

осталось ничего — они стали сажей, которую ветер разнес по лесу. Малахус Ки неподвижно лежал лицом вниз, закрыв руками голову, а позади него распростерлась на боку лошадь Черноногого. Одна нога животного тихо подергивалась, остальные уже не двигались.

— Ну вот и все, — произнес Байяз.

Его тихий голос заставил Логена подпрыгнуть, Почему-то он ожидал, что здесь больше никогда не раздастся ни единого звука. Первый из магов перекинул ногу через седло и соскользнул на дорогу. Его лошадь стояла спокойно и послушно; за все время она ни разу не двинулась с места.

— Что ж, мастер Ки, теперь ты видишь, чего можно достигнуть, если прилежно изучать растения?

Байяз говорил спокойно, но руки его дрожали. Дрожали сильно. Он выглядел изможденным, больным, старым, словно десять миль тащил на себе груженую повозку. Логен уставился на него, покачиваясь взад-вперед и бессильно опустив руку с мечом.

— Значит, вот это и есть искусство?

Его голос звучал очень тихо и как будто издалека. Байяз вытер пот с лица.

— В некотором роде. Не сказать, что очень утонченное. Но... — Маг ткнул носком сапога обгорелое тело. — Северяне не оценили бы утонченность. — Он скривился, потер запавшие глаза и взглянул вдоль дороги. — Куда, черт возьми, подевались кони?

Логен услышал хрип павшей лошади Черноногого. Он побрел к ней, споткнулся, упал на колени, встал и снова пошел. Его плечо пульсировало от боли, левая рука онемела, ободранные пальцы кровоточили, но Черноногому было еще хуже. Гораздо хуже. Он лежал, опираясь на локти, его ноги придавила упавшая лошадь, руки обгорели и превратились в сплошные раздувшиеся раны. На залитом кровью лице застыло выражение глубочайшего изумления. Он безуспешно пытался выбраться из-под лошадиного бока.

— Проклятье, ты убил меня, — прошептал Черноногий, глядя на свои изуродованные руки. — Со мной покончено. Я никогда не смогу вернуться назад. А даже если бы смог, зачем мне возвращаться? — Он безрадостно хохотнул. — Бетод теперь не так милостив, как раньше. Убей меня сейчас, пока не пришла боль. Так будет лучше.

Он обмяк и снова опустился на дорогу.

Логен посмотрел на Байяза, но от того не приходилось ждать помощи.

— Я не силен в целительстве, — резко сказал маг, оглядывая круг выжженных пней. — Я уже говорил тебе: как правило, мы

специализируемся на чем-то одном.

Он прикрыл глаза и наклонился, опершись ладонями о колени и тяжело дыша.

Логен подумал о каменных плитах пола в зале у Бетода; о двух принцах, что смеются и тычут в пленника острыми предметами.

— Ладно, — пробормотал он и поднял меч. — Ладно.

Черноногий улыбнулся ему:

— Ты прав, Девятипалый. Я не должен был становиться на колени перед Бетодом. Никогда. Пусть бы он провалился вместе со своим Наводящим Ужас. Лучше бы я сражался до последнего и умер в горах. Это было бы честно. Но я устал от сражений. Ты ведь понимаешь меня?

— Понимаю, — буркнул Логен. — Я тоже устал.

— Так и есть, — проговорил Черноногий, глядя ввысь, в серое небо. — С меня хватит. Так что, пожалуй, я это заслужил. Все честь по чести. — Он поднял подбородок. — Ну, ладно. Давай, парень, заканчивай.

Логен поднял меч.

— Я рад, что это сделаешь ты, Девятипалый, — просипел Черноногий сквозь сжатые зубы. — Как бы то ни было.

— А я не рад.

Логен рубанул клинком.

Обгорелые пни еще тлели, над ними вились дымки, но воздух значительно похолодел. Логен чувствовал во рту вкус крови. Возможно, он прикусил язык в разгар схватки, а может быть, то была чужая кровь. Он швырнул меч на землю. Клинок отскочил и загромыхал, кропя грязь красными каплями. Ки на некоторое время потрясенно застыл, потом перегнулся пополам, и его вырвало прямо на дорогу. Логен опустил взгляд на обезглавленный труп Черноногого.

— Он был хороший человек. Лучше меня.

— История сплошь завалена мертвыми телами хороших людей. — Байяз неловко опустил на колени, подобрал меч и вытер клинок о куртку Черноногого, потом поднял голову и прищурился, глядя на дорогу сквозь пелену дыма. — Надо двигаться дальше. Пока не появились другие.

Логен посмотрел на свои окровавленные ладони, медленно поворачивая их перед глазами. Это его руки, вне всякого сомнения. Вот отсутствующий палец...

— Ничего не изменилось, — пробормотал он сам себе.

Байяз выпрямился, отряхивая грязь с коленей.

— А когда что-нибудь менялось? — Он протянул меч Логену эфесом вперед. — Полагаю, он тебе еще понадобится.

Логен посмотрел на клинок: он был чистым и тускло-серым, точно таким же, как всегда. В отличие от самого Девятипалого, на мече после сегодняшней жестокой работы не появилось ни царапины. Логен не хотел брать его в руки. Никогда.

Но все-таки взял.

Часть 2

На самом деле жизнь — это битва не между хорошим и плохим, а между плохим и наихудшим.

Иосиф Бродский

На что похожа свобода

Острые лопаты вгрызались в землю с резким звуком металла, скребущего по камню. Слишком знакомый звук. Как ни старайся, лопата входила в грунт неглубоко, поскольку запеченная горячим солнцем почва была тверда как камень.

Но ее не остановит твердость каменистой земли.

Она вырыла за свою жизнь достаточно ям, и копать приходилось куда более твердую почву.

Если ты выживаешь в бою, ты роешь могилы для мертвых товарищей. Последняя дань уважения — даже если ты совсем не уважала их. Ты копаешь как можно глубже, ты спихиваешь их туда и засыпаешь землей. Они гниют, и ты о них забываешь. Так было всегда.

Она дернула плечом, лопатой выбрасывая из ямы очередную порцию песчаного грунта. Ее глаза проследили за полетом земли и маленьких камешков — как они рассыпаются в воздухе и падают на лицо одного из солдат. Глаз мертвеца смотрел на нее с осуждением. В теле другого торчал обломок ее стрелы, и несколько мух с ленивым жужжанием кружились вокруг лица покойника. Для него не будет погребения — только для ее людей. Этот мертвец и его жалкие приятели останутся лежать под безжалостным солнцем.

Стервятникам тоже нужна еда.

Лезвие лопаты со свистом рассекло воздух и вонзилось в почву. Еще одна горсть земли рассыпалась в полете. Она распрямилась, вытерла пот с лица, прищурилась и посмотрела на небо. Солнце палило прямо над головой, высасывало из пыльной земли последнюю влагу, высушивало кровь на камнях. Она посмотрела на две вырытые могилы. Оставалась еще одна. Скоро она закончит, закидает этих троих дураков землей, немного отдохнет и пустится в дорогу.

Другие придут за ней очень скоро.

Она воткнула лопату в землю, взяла мех с водой и вытащила пробку. Сделав несколько глотков теплой жидкости, она позволила себе роскошь вылить немножко воды в чумазую руку и плеснуть себе на лицо. Смерть хотя бы положила конец непрерывным ссорам из-за воды.

Теперь ее хватит на всех.

— Воды... — прохрипел солдат, лежавший возле скалы.

Как ни удивительно, он еще не умер. Стрела не поразила его в сердце,

но все же он был убит — только не так быстро, как предполагалось. Он сумел поползти до самой скалы, но его путь закончен. Камни вокруг него покрылись слоем темной крови. Жара и стрела скоро довершат дело, каким бы крепким ни был этот человек.

Она не испытывала жажды, но воды оставалось вдоволь, а ей не унести все с собой. Она сделала еще несколько глотков и пролила воду, так что струйки потекли по шее. Редкое удовольствие здесь, в Бесплодных землях, — лить воду. Сверкающие капли рассыпались по сухой земле, превращаясь в темные пятна. Она плеснула еще немного на лицо, облизала губы и взглянула на солдата.

— Пощады... — прошептал тот, прижимая одну руку к груди в том месте, где торчала стрела, и из последних сил вытягивая другую.

— Пощады? Ха! — Она заткнула мех пробкой и бросила его возле могилы. — Разве ты не знаешь, кто я?

Она ухватила за черенок лопаты и снова вонзила острие в землю.

— Ферро Малджин! — раздался голос позади нее. — Я знаю, кто ты!

Более чем нежелательный оборот событий.

Она снова взмахнула лопатой, лихорадочно соображая. Ее лук лежал на земле возле первой выкопанной могилы, чуть-чуть дальше, чем можно дотянуться. Она выбросила из ямы немного земли, чувствуя, как ее покрытые потом плечи покалывает от невидимого присутствия. Она взглянула на умирающего солдата: тот смотрел куда-то за ее спину, что давало хорошее представление о том, где стоял вновь прибывший.

Она снова вонзила острие лопаты в землю, затем отпустила ее и прыгнула в сторону от ямы. Перекатилась по земле, схватила посередине броска свой лук, наложила стрелу, натянула тетиву — все одним плавным движением. Шагах в десяти от нее стоял старик. Он не сделал ни шага вперед, при нем не было никакого оружия. Он просто стоял и глядел на нее с благожелательной улыбкой.

Она выпустила стрелу.

Надо сказать, что Ферро стреляла из лука убийственно метко. Десять мертвых солдат могли бы подтвердить это — шестеро погибли от ее стрел, и она не промахнулась ни разу. Она никогда не промахивалась с близкого расстояния, как бы поспешно ни делался выстрел, и легко убивала людей, стоявших в десять раз дальше от нее, чем этот улыбающийся старый гад.

Однако сейчас она промахнулась.

Стрела как будто свернула в сторону посреди полета. Может, одно из перьев оказалось плохо прилажено, но все-таки здесь было что-то не то. Старик даже не дрогнул. Он стоял и улыбался в точности там же, где

прежде, а стрела прошла в нескольких дюймах от него и улетела дальше вниз по склону.

Это дало им всем время обдумать ситуацию.

Старик был весьма странный. Очень смуглый, черный как уголь — значит, он пришел с далекого Юга, с той стороны огромной голой пустыни. Подобное путешествие требовало больших усилий, и Ферро нечасто доводилось видеть людей, проделавших его. Старый южанин был высокий и тощий, с длинными жилистыми руками, в простой накидке. На его запястьях виднелось множество необычных браслетов, темных и светлых, поблескивавших на яростном солнце и закрывавших половину предплечья.

Его седые волосы обрамляли щеки, как масса серых ниток, и доходили до самого пояса, острый подбородок покрывала серая щетина. Большой мех для воды висел у него на груди, а на ремне возле пояса болталась связка кожаных мешочков. И все. Никакого оружия. В этом и заключалась самая большая странность, ведь в позабытых богом Бесплодных землях бродят лишь те, кто в бегах, и те, кто послан за ними. И те и другие должны быть хорошо вооружены.

Это не гуркхульский солдат и не какой-нибудь проходимец, охочий до денег, назначенных за ее голову. Это не бандит, не беглый раб. Тогда кто же он? И зачем пришел сюда? Несомненно, он явился за ней. Возможно, он один из тех.

Едок.

Кто еще станет бродить по Бесплодным землям без оружия? Она и не подозревала, как сильно они хотят заполучить ее.

Старик стоял неподвижно, лишь улыбаясь ей. Она медленно потянулась за другой стрелой, и его глаза проследили за этим движением без малейшей обеспокоенности.

— Ей-богу, нет необходимости, — неторопливо проговорил он низким голосом.

Она наложила стрелу на лук. Старик не двинулся с места. Она пожала плечами и тщательно прицелилась. Старик продолжал улыбаться, словно у него нет ни единой заботы в жизни. Она выпустила стрелу, и та снова просвистела мимо, на этот раз с другой стороны, и улетела вниз вдоль склона холма.

Один раз промахнуться возможно, нужно это признать, но два раза подряд? Здесь что-то не так. Если Ферро и умела в жизни что-нибудь, то именно убивать. Это единственное, что она умела. Старый дурак должен был уже лежать, пронзенный насквозь, и проливать последние капли крови в каменистую почву. Но он по-прежнему спокойно стоял и улыбался,

словно бы говорил: «Ты умеешь меньше, чем тебе кажется. Я умею больше, чем ты».

Это ужасно раздражало.

— А ты кто такой, старая сволочь?

— Меня называют Юлвей.

— Сойдет и «старая сволочь»!

Она швырнула лук на землю и уронила руки вдоль тела так, что правую старик видеть не мог. Незаметное движение запястьем — и из рукава в ждущую ладонь скользнул кривой нож. Есть много способов убить человека, и если один не сработал, нужно попробовать другой.

Ферро была не из тех, кто оставляет дело после первой неудачи.

Юлвей неторопливо двинулся к ней, шлепая босыми ногами по камням и тихо позвякивая браслетами. Она вдруг поняла, что это тоже странно: если он издает такой шум при каждом движении, как ему удалось неслышно подкрасться?

— Чего ты хочешь?

— Я хочу помочь тебе.

Он подошел еще ближе, почти на расстояние вытянутой руки, и остановился, широко улыбаясь ей.

Надо сказать, что с ножом Ферро была стремительной, как змея, и вдвое более смертоносной. Это мог бы подтвердить последний из убитых солдат. Клинок мелькнул сияющим размазанным пятном, направленный силой и яростью Ферро. Если бы старик стоял там, где она думала, его голова уже отлетела бы от туловища. Но Юлвея там не было. Он оказался на шаг левее того места.

Она бросилась на противника с боевым воплем, вогнав сверкающее острие в его сердце. Однако нож пронзил воздух. Старик снова очутился на прежнем месте, неподвижный и улыбающийся. Очень странно. Ферро обошла его кругом: обутые в сандалии ноги шаркают в пыли, левая рука описывает круги в воздухе, правая крепко сжимает рукоять ножа. Ей следовало быть осторожной — в это дело явно замешана магия.

— Не стоит так злиться. Я пришел, чтобы помочь.

— Провались твоя помощь! — прошипела она.

— Но ты нуждаешься в ней, и сильно. Они идут за тобой, Ферро. Солдаты рассеяны по всем холмам. Много солдат.

— Я убегу от них.

— Их слишком много. Ты не сможешь убежать.

Она кивнула на мертвые тела:

— Тогда я скормлю их стервятникам.

— Не в этот раз. Они пришли не одни. Им помогают. — На слове «помогают» он совсем приглушил свой низкий голос.

Ферро нахмурилась.

— Жрецы? — спросила она.

— Да, и кое-что еще. — Он широко раскрыл глаза. — Едок, — прошептал он. — Они хотят захватить тебя живьем. Император желает устроить урок для всех остальных. Он задумал выставить тебя на всеобщее обозрение.

Она фыркнула:

— Поимела бы я вашего императора!

— Я слышал, ты уже это сделала.

Она зарычала и снова подняла нож, но это больше был не нож. В ее руке шипела змея, смертоносная змея с раскрытой пастью, готовая укусить. Ферро швырнула ее на землю и наступила ногой на голову твари — однако нога наткнулась на нож. Клинок резко хрустнул и сломался.

— Они поймают тебя, — сказал старик. — Поймают и перебьют тебе ноги молотами на городской площади, чтобы ты никогда больше не смогла убежать. А потом тебя разденут догола и с выбритой головой проведут по улицам Шаффы, посадив задом наперед на осла. Люди будут выстраиваться вдоль улиц и кричать тебе оскорбления.

Она нахмурилась и посмотрела на него, но Юлвей не остановился.

— Они посадят тебя в клетку перед дворцом. Ты будешь сидеть там и жариться на горячем солнце, пока не умрешь с голоду. А тем временем добрые горожане Гуркхула будут дразнить тебя, плевать и швырять навоз через прутья решетки. Возможно, они напоят тебе мочой, если повезет. А когда ты наконец умрешь, они оставят тебя гнить, и мухи сожрут тебя кусок за куском. Тогда все другие рабы увидят, на что похожа свобода, и поймут, что им лучше жить так, как они живут сейчас.

Ферро это надоело. Пусть приходят солдаты, а вместе с ними едок. Она не умрет в клетке. Она перережет себе глотку, если дойдет до такого. С сердитой гримасой Ферро повернулась спиной к старику, схватила лопату и бешено принялась докапывать последнюю могилу. Вскоре яма была уже достаточно глубокой.

Достаточно глубокой для того отребья, что будет в ней гнить.

Ферро обернулась: Юлвей стоял на коленях возле умирающего солдата и поил его водой из своего меха.

— Проклятье! — вскричала Ферро и зашагала к ним, крепко обхватив пальцами рукоять лопаты.

При ее приближении старик поднялся на ноги.

— Пощады... — прохрипел солдат, вытягивая руку.

— Я тебе дам пощады!

Кромка лопаты глубоко вонзилась в череп раненого. Его тело коротко дернулось и затихло. Ферро с победоносным видом обернулась к старику. Тот ответил ей печальным взглядом. В его глазах было нечто такое... Может быть, жалость?

— Чего ты хочешь, Ферро Малджин?

— Что?

— Зачем ты это сделала? — Юлвей показал вниз на мертвое тело. — Чего ты хочешь?

— Отмщения, — резко выплюнула она.

— Отмщения всем подряд? Всему народу Гуркхула? Каждому мужчине, женщине и ребенку?

— Всем!

Старик оглядел валяющиеся вокруг трупы.

— Тогда ты, должно быть, очень довольна сделанной работой.

Она растянула губы в вымученной улыбке.

— Да.

Однако она не была довольна. Она не могла даже вспомнить, на что похоже это ощущение. Собственная улыбка казалась ей странной, неестественной и кривобокой.

— И отмщение — это все, о чем ты думаешь каждую минуту каждого дня? Это твое единственное желание?

— Да.

— Причинить им боль? Убить их? Покончить с ними?

— Да!

— И ты ничего не хочешь для себя?

Она помедлила и переспросила:

— Что?

— Для себя. Чего хочешь ты?

Она с подозрением уставилась на старика, но ей в голову не пришло никакого ответа. Юлвей печально покачал головой:

— Сдается мне, Ферро Малджин, ты осталась той же рабыней, какой была. И какой, видимо, останешься всегда.

Он сел на камень, скрестив ноги.

Какое-то мгновение она смотрела на него, сбитая с толку. Затем в ней опять вскипел гнев, горячий и утешительный.

— Если ты пришел помочь, можешь помочь мне похоронить их! — Она показала на три окровавленные трупы, лежащие в ряд возле могил.

— О нет. Это твоя работа.

Она отвернулась от него, вполголоса бормоча ругательства, и двинулась в сторону своих бывших сотоварищей. Взяв труп Шебеда под мышки, она поволокла его к первой могиле. Его пятки прочертили в пыли две небольшие борозды. Добравшись до ямы, она скатила в нее тело. Следующим был Алюгай. На него просыпалась струйка сухой земли, когда он опустился на дно.

Она повернулась к телу Назара. Он был убит ударом меча поперек лица, и Ферро подумала, что это несколько облагородило его внешность.

— На вид он кажется неплохим парнем, — заметил Юлвей.

Ферро невесело рассмеялась.

— Назар насильник, вор и трус. — Она смачно плюнула в мертвое лицо. Плевок мягко шлепнулся, разбрызгавшись по лбу. — Он самый худший из них троих. — Она посмотрела на могилы под своими ногами. — Хотя они все были дерьмом.

— С хорошей компанией ты водишься.

— Те, за кем идет охота, лишены роскоши выбирать себе товарищей. — Она взглянула на залитое кровью лицо Назара. — Ты берешь то, что дают.

— Но если они так тебе не нравились, почему же ты не оставила их стервятникам, как других? — Юлвей обвел рукой тела солдат, валяющиеся на земле.

— Своих надо хоронить. Так заведено с давних времен.

Она ногой толкнула Назара в яму. Мертвец перекатился, задевая руками землю, и упал в могилу лицом вниз. Ферро схватила лопату и принялась наваливать каменистую почву на его спину. Она работала в молчании, капли пота выступали на ее лице и скатывались на землю. Юлвей наблюдал за ней, пока ямы одна за другой постепенно заполнялись. Еще три кучи грязи посреди пустыни. Она отшвырнула лопату, и та загремела среди камней, отскочив от одного из трупов. С тела поднялось маленькое жужжащее облачко черных мух, затем вернулось обратно.

Ферро подняла свой лук со стрелами и закинула их за плечо, взяла мех с водой, бережно взвесила в руке и отправила туда же. Затем обыскала тела убитых. У одного из них — он походил на их лидера — имелся хороший изогнутый меч. Солдат даже не успел вытащить клинок, когда стрела воткнулась ему в глотку. Ферро взяла меч и испробовала, сделав несколько взмахов в воздухе. Он был очень хорош: отлично сбалансированный длинный клинок поблескивал смертоносной остротой, яркий металл на рукояти сверкал на солнце. Отыскался и кинжал в пару к мечу. Ферро взяла

и то и другое, засунула их за пояс.

Она обыскала другие тела, но у тех взять было почти нечего. Где могла, она вырезала из тел свои стрелы. Попалось несколько монет, и она выбросила их прочь. Деньги только добавили бы ей весу, а что купишь на них здесь, в Бесплодных землях? Грязь? Больше здесь ничего нет, а грязь бесплатная.

У солдат нашлось немного еды, но ее не хватило бы даже на один день. Значит, поблизости есть другие люди. Скорее всего, их много и они недалеко. Значит, Юлвей говорил правду, но Ферро это безразлично.

Она свернула на юг и двинулась вниз по склону холма, в направлении великой пустыни, оставив старика за спиной.

— Не в ту сторону, — сказал он.

Она остановилась и прищурилась, глядя на него в слепящем солнечном свете:

— Разве солдаты не идут сюда?

Глаза Юлвея заискрились.

— Есть много способов сделать так, чтобы тебя не заметили. Даже здесь, в Бесплодных землях, — ответил он.

Она взглянула на север поверх бесконечной безликой равнины, простиравшейся в той стороне. В направлении Гуркхула. Там не виднелось ни холмика, ни дерева, ни даже кустика на мили и мили. Спрятаться негде.

— Не заметили? Даже едоки?

Старик рассмеялся.

— В особенности эти самонадеянные свиньи. Они и наполовину не такие умные, какими себя считают. Как, по-твоему, я добрался сюда? Я прошел прямо через них, посреди них, между ними! Я хожу, где хочу, и беру с собой тех, кого захочу.

Она заслонила глаза ладонью и глянула в южном направлении. Пустыня простиралась в бесконечную даль. Ферро могла бы выжить здесь, среди пустошей, — с трудом, но могла. Но как не погибнуть там, в самом горниле, среди зыбучих песков и безжалостного жара?

Старик, по-видимому, прочел ее мысли.

— Там нет ничего, кроме бесконечных песков. Я однажды пересек их, это возможно. Но не для тебя.

Он прав, черт его дери. Ферро была тощая и крепкая, словно тетива лука, но это означало только, что она сможет долго ходить кругами, прежде чем рухнет лицом в песок. Конечно, лучше умереть в пустыне, чем в клетке перед дворцом. Лучше, но ненамного. Ферро хотела жить.

У нее еще оставались дела.

Старик сидел со скрещенными ногами и улыбался. Кто он такой? Ферро не доверяла никому. Однако, если бы старик хотел сдать ее императору, он имел возможность ударить ее по голове, когда она копала, а не объявлять о своем присутствии. Он владел магией, она видела это сама, и хоть какой-то шанс — это лучше, чем ничего.

Но чего он захочет взамен? Мир никогда ничего не давал Ферро даром и вряд ли даст сейчас. Она прищурилась.

— Чего ты хочешь от меня, Юлвей?

Старик засмеялся. Его смех уже сильно раздражал ее.

— Скажем так: я собираюсь оказать тебе услугу. Потом, когда-нибудь позже, ты сможешь отплатить мне тем же.

В этом ответе ужасно не хватало деталей, однако когда на кону твоя жизнь, выбирать не приходится. Ферро ненавидела саму мысль о необходимости подчиниться чьей-то воле, но сейчас, похоже, у нее не было выбора.

Во всяком случае, если она хочет дожить до конца недели.

— Хорошо. И что мы будем делать?

— Мы должны дождаться наступления ночи. — Юлвей взглянул на изуродованные тела, разбросанные по земле, и сморщил нос. — Только, наверное, не здесь.

Ферро пожала плечами и уселась на среднюю могилу.

— Сойдет и здесь, — проговорила она. — Я не прочь посмотреть на стервятников.

Ясное ночное небо усыпали яркие звезды, а воздух стал прохладным, даже холодным. Внизу, в расстилавшейся перед ними темной и пыльной долине, горели костры — изгибающаяся цепочка огней, словно прижимавшая их к краю пустыни. Ферро, Юлвей, десять трупов и три могилы попали в окружение на склоне. Завтра, как только первый свет просочится на высушенную равнину, солдаты погасят костры и осторожно поползут к холмам. И если Ферро останется здесь, ее наверняка убьют или, хуже того, захватят в плен. Она не сможет сражаться со столькими воинами в одиночку, даже если среди них нет едока.

Как ни мучительно признавать это, но ее жизнь теперь находилась в руках Юлвея.

Старик прищурился, глядя на звездное небо.

— Пора, — сказал он.

Они принялись карабкаться во тьме вниз по каменистому склону, осторожно выбирая путь между валунов и редких, низкорослых,

полумертвых кустиков. На север, в сторону Гуркхула. Юлвей двигался на удивление быстро, и Ферро приходилось почти бежать, чтобы держаться рядом. Она не отрывала глаз от земли, выбирая, куда поставить ногу среди голых камней. Когда они достигли подножия холма, Ферро подняла глаза и увидела, что Юлвей ведет ее к левому крылу цепи, где больше всего костров.

— Подожди, — прошептала она, хватая старика за плечо, и указала на правое крыло, где огни горели реже. Казалось, что легче проскользнуть там. — Как насчет того конца?

Звездного света едва хватило, чтобы она смогла увидеть блеснувшие зубы улыбающегося Юлвея.

— О нет, Ферро Малджин. Как раз там и находится большая часть солдат... и еще один наш друг. — Он даже не пытался понизить голос, и это заставляло ее нервничать. — Они ждут тебя именно с той стороны, если ты решишь отправиться на север. Впрочем, нет, они не ждут. Они думают, что ты скорее отправишься на юг умирать в пустыню, чем рискнешь быть пойманной. Так ты и поступила бы, не будь меня.

Юлвей повернулся и двинулся прочь, а Ферро последовала за ним, затаив дыхание и пригибаясь к земле. Вскоре она увидела, что старик прав: у огня сидели люди, но костры располагались далеко друг от друга. Юлвей уверенно зашагал в самый конец левого крыла, где горели четыре костра и лишь возле одного грелись солдаты. Он не таился, его браслеты нежно позвякивали друг о друга, босые ноги громко шлепали по сухой земле. Они подошли настолько близко, что уже почти могли разглядеть лица троих солдат у костра. Юлвея могли заметить в любую минуту, в этом не было сомнений. Она зашипела, стараясь привлечь его внимание, и не сомневалась, что ее услышат.

Юлвей обернулся, и в неярких отблесках огня Ферро увидела озадаченное выражение на его лице.

— Что? — спросил он.

Она вздрогнула, ожидая, что солдаты вскочат с мест. Но те продолжали болтать, не обращая на них внимания. Юлвей посмотрел на них и сказал:

— Они не могут нас видеть и услышать, разве что ты начнешь кричать им прямо в уши. Мы в безопасности.

Он повернулся и пошел дальше, огибая солдат по широкой дуге, и Ферро последовала за ним. Она по-прежнему держалась поближе к земле и двигалась тихо, как она привыкла.

Когда они подошли ближе, Ферро начала различать отдельные слова из разговора солдат. Она замедлила шаг, прислушиваясь. Потом остановилась.

Потом двинулась в направлении костра. Юлвей глянул через плечо.

— Что ты делаешь? — спросил он.

Ферро посмотрела на троих солдат: один здоровый и крепкий, явно ветеран, другой тощий, похожий на ласку, а третий — молодой парнишка с честным лицом, не особенно похожий на солдата. Их оружие лежало рядом, убранное в ножны, завернутое в тряпки, не готовое к бою. Она настороженно обошла вокруг них, прислушиваясь.

— Говорят, у нее не все в порядке с головой, — шептал тощий молодому парню, стараясь его напугать. — Говорят, она замочила сотню людей, если не больше. И если ты смазливый, она сначала отрезает тебе яйца, пока ты еще жив, — он ухватил парня за мошонку, — и съедает их прямо на твоих глазах!

— Ох, кончай молоть чепуху, — досадливо сказал здоровяк. — Она к нам даже близко не подойдет. — Он показал туда, где огни редели, и понизил голос до шепота. — Она пойдет к нему. Если ее вообще понесет в ту сторону.

— Что ж, будем надеяться, что не понесет, — сказал молодой. — Лично я всегда говорил: живи сам и дай жить другим.

Тощий нахмурился.

— А как насчет тех добрых людей, которых она поубивала? Женщин и детей тоже, между прочим! Как насчет того, чтобы дать жить им?

Ферро заскрипела зубами: насколько она помнила, она никогда не убивала детей.

— Ну жалко их, конечно. Я и не говорю, что ее не надо ловить. — Молодой солдат нервно оглянулся. — Просто, может быть, будет лучше, если ее поймает не мы.

Ветеран хохотнул, но тощего такие слова не развеселили.

— Ты что, трусил?

— Нет! — сердито ответил парень. — Просто у меня есть жена и семья, они зависят от меня, и я не хочу умереть здесь, вот и все. — Он широко улыбнулся. — Мы ждем еще одного ребенка. Надеемся, на этот раз будет сын.

Здоровяк кивнул:

— Мой сын почти вырос. Дети растут так быстро.

Их разговоры о детях, о семьях и надеждах заставили грудь Ферро сильнее сжаться от гнева. Почему им все это дано, а у нее нет ничего? Почему они и им подобные забрали у нее жизнь? Она вытащила кривой кинжал из ножен.

— Что ты делаешь, Ферро? — зашипел Юлвей.

Молодой солдат обернулся и спросил:

— Вы ничего не слышали?

Здоровяк рассмеялся:

— Кажется, я слышал, как ты обделался.

Тощий закудаhtал от смеха, паренек смущенно улыбнулся. Ферро подкралась и встала прямо за его спиной. Она находилась в футе или двух от солдата, ярко освещенная пламенем костра, однако ни один из солдат даже не взглянул на нее. Она занесла кинжал.

— Ферро! — закричал Юлвей.

Парень вскочил на ноги и принялся вглядываться в темную равнину, прищурившись и наморщив лоб. Он глядел Ферро прямо в лицо, но как будто сквозь нее. Она чувствовала, как пахнет у него изо рта. Лезвие кинжала поблескивало на расстоянии дюйма или еще меньше от его заросшего щетиной горла.

Сейчас. Сейчас самое время. Она могла быстро убить его, а потом достать и двух остальных, прежде чем успеют поднять тревогу. Она знала, что способна на это. Они расслабились, а она всегда наготове. Сейчас самое время.

Однако ее рука не двинулась.

— С чего ты поднял задницу? — спросил ветеран. — Там ничего нет.

— Могу поклясться, я что-то слышал, — ответил молодой солдат, по-прежнему глядя прямо в лицо Ферро.

— Погоди-ка! — вскричал тощий, вскакивая на ноги и показывая пальцем. — Да вон же она! Прямо перед тобой!

Ферро застыла, уставившись на него распахнутыми глазами, но через мгновение и он, и здоровяк разразились хохотом. Молодой солдат смущенно взглянул на них, повернулся к костру и сел на место.

— Ну, мне показалось, будто я что-то услышал, вот и все.

— Там никого нет, — махнул рукой здоровяк.

Ферро медленно попятилась. Ее подташнивало, рот был полон кислой слюны, в голове стучала кровь. Она сунула кинжал обратно в ножны, повернулась и побрела прочь. Юлвей молча шел за ней.

Когда огни костров и звуки голосов растворились в темноте, она остановилась и опустилась на жесткую землю. Вдоль пустынной равнины задувал холодный ветер, он бросал в лицо едкую пыль, но Ферро ничего не замечала. Ненависть и гнев на время иссякли, оставив после себя пустоту, которую было нечем заполнить. Ферро чувствовала опустошение, холод, слабость и одиночество. Она обхватила себя руками, медленно покачиваясь взад и вперед с закрытыми глазами. Однако темнота не приносила

утешения.

Затем она почувствовала, как на ее плечо легла рука старика.

В обычном состоянии она бы увернулась, сбросила его руку, убила бы его, если б смогла. Однако сейчас вся сила покинула Ферро. Она подняла голову, моргая.

— От меня ничего не осталось. Что я такое? — Она приложила руку к груди, почти не чувствуя ее. — У меня ничего нет внутри.

— Хм-м... Странно, что ты так говоришь. — Юлвей улыбнулся, глядя вверх на звездное небо. — А я-то как раз начал думать, что, возможно, у тебя внутри все же есть нечто, достойное спасения.

Королевское правосудие

Дойдя до площади Маршалов, Джезаль сразу понял: что-то не так. Здесь никогда не бывало таклюдно во время заседаний открытого совета. Торопливо проходя сквозь толпу — Джезаль немного опаздывал и запыхался после долгой тренировки, — он поглядывал на хорошо одетых господ, чьи голоса были приглушенными, а лица — напряженными и ожидающими.

Он приближался к Кругу лордов, с тревогой поглядывая на стражников, стоявших по бокам инкрустированных дверей. Однако солдаты выглядели точно так же, как обычно, тяжелые забрала скрывали все чувства. Джезаль прошел через переднюю, где яркие гобелены слегка колыхались на сквозняке, проскользнул во внутренние двери и вышел в просторное прохладное помещение за ними. Шаги отдавались дробным эхом от золоченого купола, когда он поспешно спускался по проходу к высокому столу. Под высоким окном стоял Челенгорм, чье лицо окрасили разноцветное лучи света, пропущенного сквозь витражное стекло. Офицер хмурился, глядя на скамью, установленную в одном конце зала заседаний. Вдоль основания она была обнесена металлической оградой.

— Что происходит? — спросил его Джезаль.

— Ты что, не слышал? — Пониженный до шепота голос Челенгорма выдавал его возбуждение. — Хофф дал понять, что сегодня обсуждается какой-то очень важный вопрос.

— А именно? Англия? Северяне?

Здоровяк покачал головой:

— Не знаю, но скоро сами все услышим.

Джезаль нахмурился.

— Я не люблю сюрпризы. — Его взгляд опустился на загадочную скамью. — А это для чего?

Тут огромные двери распахнулись, и в проход хлынул поток советников. Все как обычно, подумал Джезаль, разве что люди чуть более сосредоточенны: младшие сыновья, наемные представители... и тут у него перехватило дыхание. Впереди толпы шел высокий человек, чья роскошная одежда выделялась даже среди нарядов вельмож. На плечах у него лежала тяжелая золотая цепь, на лице застыло недовольное выражение.

— Сам лорд Брок! — прошептал Джезаль.

— Да, а вон лорд Ишер. — Челенгорм кивнул на степенного пожилого

человека, шедшего чуть позади Брока. — И Хайген с Барезином. Что-то серьезное, не иначе!

Джезаль глубоко втянул в себя воздух, глядя, как четверо могущественнейших дворян Союза рассаживаются в переднем ряду. Никогда прежде в открытом совете не собиралось столько народа, как сейчас. На полукруглых скамьях для советников едва ли нашлось бы свободное место. С галереи для публики, расположенной высоко над головами сановников, вниз смотрело множество взволнованных лиц.

Наконец и Хофф шумно ворвался в двери и начал спускаться по проходу. Он пришел не один. Справа от него словно бы плыл над землей высокий, стройный и горделивый человек в безупречно белом длинном одеянии, с копной белоснежных волос: архилектор Сульт. Слева шел, слегка согнувшись и тяжело опираясь на палку, другой человек в черной с золотом мантии, с длинной седой бородой: верховный судья Маровия. Джезаль не верил глазам. Три члена закрытого совета! Здесь!

Челенгорм поспешил к своему месту, увидев, что писцы уже выгружают на полированную поверхность стола книги для записей и стопки бумаг. Лорд-камергер упал на свое место и немедленно послал за вином. Глава инквизиции его величества скользнул в высокое кресло сбоку от него, тихо улыбаясь про себя, а верховный судья Маровия медленно опустил в другое, не переставая хмуриться. Возбужденный шепот в зале повысился на тон, на лицах магнатов в переднем ряду появилось угрюмое и подозрительное выражение. Оповеститель занял позицию перед столом; на сей раз это был не обычный пышно разодетый болван, а смуглый бородатый человек с могучей грудью. Он высоко поднял жезл и ударил им об пол так, что мог бы поднять мертвых из могил.

— Я объявляю, что собрание открытого совета Союза начинается! — проревел он.

Гул толпы постепенно сошел на нет.

— На сегодняшнее утро у нас имеется только один вопрос, — объявил лорд-камергер, сурово озирая собрание из-под нависших бровей. — И этот вопрос подлежит королевскому правосудию! — В зале зашумели приглушенные голоса. — Он касается королевской лицензии на торговлю в городе Вестпорт.

Шум усилился: недовольный шепот, беспокойное ерзанье благородных задов по скамьям, знакомый скрип перьев по толстым страницам. Джезаль увидел, как брови лорда Брока сошлись к переносице, а углы рта лорда Хайгена опустились вниз. Похоже, вопрос им не понравился. Лорд-камергер хмыкнул и отхлебнул вина, пережидая, пока оживление в зале

стихнет.

— Однако моей компетенции недостаточно, чтобы говорить об этом деле...

— Вот именно! — резко отозвался лорд Ишер. Он озабоченно ерзал на своем месте в переднем ряду.

Хофф пригвоздил его взглядом к креслу.

— И поэтому я вызвал сюда человека, владеющего всей информацией! Мой коллега из закрытого совета — архилектор Сульт.

— Открытый совет предоставляет слово архилектору Сульту! — прогремел оповеститель.

Глава королевской инквизиции грациозно спустился по ступеням помоста и вышел на каменные плиты перед рядами зрителей. Он благосклонно улыбался повернувшимся к нему сердитым лицам.

— Господа, — начал он неспешно, мелодичным голосом, сопровождая свои слова округлыми движениями рук, — в течение последних семи лет, после нашей славной победы над Гуркхулом, эксклюзивная королевская лицензия на торговлю в городе Вестпорте находилась в руках distinguished гильдии торговцев шелком.

— И они вполне справлялись со своим делом! — выкрикнул лорд Хайген.

— Они выиграли для нас войну! — заревел Барезин, ударив мясистым кулаком по скамье рядом с собой.

Послышались выкрики:

— Отличная работа!

— Да, отличная!

Архилектор кивал, выжидая, пока шум стихнет.

— Действительно, отличная работа, — проговорил он, легкой танцующей походкой вышагивая по плитам пола; скрипящие перья писцов подхватывали его слова и переносили их на бумагу. — Не могу отрицать. Они отлично справлялись!

Он внезапно развернулся — полы белой мантии резко взметнулись в воздух, — и его лицо исказилось в жестокой гримасе.

— Они отлично справлялись с уклонением от королевских налогов! — вскричал он.

Собрание ахнуло от неожиданности.

— Они отлично попирали королевские законы!

Новый вздох толпы, более громкий.

— Они отлично замыслили государственную измену!

Разразилась буря: члены совета протестующе закричали и замахали

руками, сбрасывая на пол бумаги. Пепельно-серые лица глядели вниз с галереи для публики, раскрасневшиеся делегаты орали и бушевали на скамьях перед высоким столом. Джезаль оглядывался по сторонам, не уверенный, верно ли он расслышал.

— Да как ты смеешь, Сульт! — ревел лорд Брок вслед архитектору, который уже с шелестом поднимался обратно по ступеням помоста. Легкая улыбка так и не сошла с его губ.

— Мы требуем доказательств! — орал лорд Хайген. — Мы требуем справедливости!

— Королевского правосудия! — раздавались крики с задних рядов.

— Вы обязаны предъявить нам доказательства! — раздался крик Ишера на фоне стихающего шума.

Архитектор поправил свою мантию и плавным точным движением опустил в кресло, так что тонкая материя одеяния окутала его стройное тело.

— Именно это я и намереваюсь сделать, лорд Ишер, — отозвался он.

На маленькой боковой двери отодвинулся тяжелый засов, пробудив в зале гулкое эхо. Послышался шорох: лорды и их доверенные лица оборачивались, вставали с мест, прищуривались, пытаясь разглядеть, что происходит. На галерее для публики люди в нетерпении перевешивались через парапет, рискуя свалиться вниз. В зале воцарилась тишина. Джезаль сглотнул. Из-за двери раздалось скребущие, постукивающие, лязгающие звуки, и из темноты появилась странная и зловещая процессия.

Занд дан Глокта шел первым: как всегда хромя и тяжело опираясь на трость, но с высоко поднятой головой и искривленной беззубой усмешкой на изможденном лице. За ним тащились три человека, скованные одной цепью за запястья и босые ноги; с лязгом и звоном узники продвигались к высокому столу. Они были выбриты наголо и обряжены в рубища из бурой мешковины. Одежда кающихся. Одежда сознавшихся изменников.

Первый поминутно облизывал губы, взгляд его метался из стороны в сторону, глаза были белыми от ужаса. Второй, более приземистый и плотный, спотыкался, подволакивал левую ногу и горбился; рот его был полуоткрыт. Джезаль заметил, как с его губы свесилась тонкая нитка розовой слюны, оторвалась и упала на каменные плиты. Третий — болезненно худой, с огромными темными кругами вокруг глаз — моргал и озирался вокруг, хотя явно ничего не соображал. Джезаль сразу узнал человека, замыкавшего процессию: это был тот огромный альбинос, которого офицеры видели ночью на улице. Капитан переменил позу, перенес вес тела с одной ноги на другую, и внезапно почувствовал себя

неуютно.

Теперь все поняли назначение скамьи. Трое узников тяжело опустились на нее, альбинос встал подле них на колени и защелкнул кандалы на металлической оgrade, проходившей вдоль основания. В помещении стояла мертвая тишина. Все глаза были устремлены на хромого инквизитора и троих пленников.

— Наше расследование началось несколько месяцев назад, — проговорил архилектор Сульт, всецело завладевший вниманием публики. — Это было довольно простое дело о неточностях в счетах... Я не буду утомлять вас деталями. — Он улыбнулся Броку, затем Ишеру, затем Барезину. — Я знаю, вы все очень занятые люди. Кто мог подумать, что незначительное дело приведет нас вот к этому? Кто мог предположить, что корни измены проникли так глубоко?

— Действительно, — нетерпеливо сказал лорд-камергер, поднимая взгляд от своего кубка. — Инквизитор Глокта, вам слово.

Оповеститель снова стукнул жезлом в пол.

— Открытый совет Союза предоставляет слово чрезвычайному инквизитору Занду дан Глокте!

Калека вежливо подождал, пока затихнет скрип писцовых перьев. Он стоял перед советом, опираясь на трость, и его, похоже, ничуть не волновала серьезность ситуации.

— Поднимись и встань лицом к открытому совету, — приказал он первому из заключенных.

Запуганный человечек брякнул цепями и вскочил. Он снова принялся облизывать губы, глядя вытаращенными глазами на лица лордов в переднем ряду.

— Ваше имя? — требовательно произнес Глокта.

— Салем Реус.

Джезаль почувствовал, как у него сжалось горло. Салем Реус? Да ведь он знал этого человека! Отец вел с Реусом дела, и одно время тот регулярно наносил визиты в их поместье! Джезаль рассматривал запуганного бритоголового изменника, и в его груди рос ужас. В памяти всплыл образ упитанного, хорошо одетого купца, всегда готового пошутить и посмеяться. Да, вне всяких сомнений, это он. На мгновение их взгляды встретились, и Джезаль с тревогой отвел глаза. Его отец разговаривал с преступником в собственной гостиной! Пожимал ему руку! Обвинение в измене подобно болезни — его можно подхватить, находясь с человеком в одной комнате! Взгляд капитана настойчиво притягивался к этому незнакомому и в то же время до ужаса знакомому лицу. Как он посмел стать изменником?

— Вы являетесь членом distinguished гильдии торговцев шелком? — продолжал Глокта, делая ироническое ударение на слове «distinguished».

— Да, был, — промямлил Реус.

— Чем вы занимались в гильдии?

Бритоголовый купец в отчаянии огляделся кругом.

— Чем вы занимались? — требовательно переспросил Глокта, и в его голосе прозвучали жесткие нотки.

— Я участвовал в заговоре, чтобы обмануть короля! — вскричал купец, ломая руки.

По залу прошла волна потрясения. Джебаль сглотнул кислую слюну. Он увидел, что Сульт самодовольно ухмыляется через стол, глядя на верховного судью Маровию: лицо старика оставалось каменно-неподвижным, но кулаки, которые он держал на столе перед собой, были крепко стиснуты.

— Я совершил измену! Ради денег! Я провозил контрабанду, давал взятки и приносил ложные клятвы... мы все делали это!

— Все делали это! — со злобной усмешкой повторил Глокта, оглядывая собрание. — И если кто-нибудь из присутствующих сомневается, то у нас есть бухгалтерские книги, у нас есть документы, у нас есть цифры. В Допросном доме ими забита целая комната. Комната, доверху наполненная тайнами измены и лжи! — Он медленно покачал головой. — Печальное чтение, уверяю вас.

— Я был вынужден это делать! — вопил Реус. — Меня заставили! У меня не было выбора!

Хромой инквизитор мрачно посмотрел на аудиторию и проговорил:

— Ну разумеется, вас заставили. Мы понимаем, что вы — всего лишь кирпич в здании чудовищных злодеяний. Недавно даже покушались на вашу жизнь, не так ли?

— Да! Они пытались убить меня!

— Кто пытался?

— Вот этот человек! — провыл Реус срывающимся голосом, указывая дрожащим пальцем на узника, сидевшего рядом с ним, и отодвигаясь от него, насколько позволяла сковывающая их цепь. — Это он! Он!

Звон кандалов сопровождался безумными взмахами руки, изо рта вылетали брызги слюны. Снова хлынул поток гневных голосов, еще громче прежнего. Джебаль увидел, как голова среднего узника поникла, тело качнулось набок, но гигант-альбинос ухватил его сзади и снова посадил прямо.

— Проснитесь, мастер Карпи! — крикнул ему Глокта.

Болтающаяся голова заключенного медленно поднялась. Незнакомое лицо, странно раздутое и сплошь испещренное оспинами. Джебаль с отвращением заметил, что у преступника не хватает четырех передних зубов. В точности как у Глокты.

— Вы родом из Талина, не так ли? Того, что в Стирии?

Человек кивнул — медленно, тупо, словно действительно наполовину спал.

— Вам платят за то, чтобы вы убивали людей, верно?

Тот снова кивнул.

— И вас наняли убить десятерых подданных его величества, среди которых был сознавшийся изменник Салем Реус?

Струйка крови медленно вытекла из носа преступника, глаза стали закатываться. Альбинос встряхнул его за плечо; Карпи пришел в себя и закивал, как пьяный.

— Что стало с остальными девятью?

Молчание.

— Вы убили их, не так ли?

Еще один кивок. Из горла узника донесся странный щелкающий звук. Глокта сурово обвел взглядом сосредоточенные лица советников.

— Виллем дан Робб, таможенный чиновник: горло перерезано от уха до уха. — Он провел пальцем себе по шее, и какая-то женщина на галерее взвизгнула. — Солимо Сканди, торговец шелком: четыре ножевых ранения в спину. — Он выбросил в воздух четыре пальца и затем прижал их к своему животу, словно его тошнило. — Кровавый список можно продолжить. Все убиты ни за что — только лишь ради большого барыша... Кто тебя нанимал?

— Он! — прохрипел убийца, поворачивая распухшее лицо к тощему человеку с остекленелыми глазами, что безвольно сидел на скамье рядом с ним, не вникая в происходящее действо.

Глокта проковылял к нему, стуча тростью по плитам пола.

— Ваше имя? — резко спросил он.

Голова узника дернулась вверх, глаза сфокусировались на искаженном гримасой лице инквизитора.

— Гофред Хорнлах! — без промедления ответил он дрожащим голосом.

— Вы являетесь старшим членом гильдии торговцев шелком?

— Да! — выкрикнул тот, моргая и бессмысленно глядя на Глокту.

— Фактически вы один из помощников магистра Каулта?

— Да!

— Верно ли, что вы вместе с другими торговцами шелком участвовали в заговоре, имевшем целью причинить ущерб интересам его величества короля? Верно ли, что вы наняли убийцу, чтобы умышленно лишить жизни десятерых подданных его величества?

— Да! Да!

— Зачем?

— Мы боялись, что они расскажут то, что знают... расскажут то, что знают... что расскажут... — Пустые глаза Хорнлаха уставились в направлении одного из витражных окон. Его губы еще некоторое время двигались, потом замерли.

— Расскажут что? Что они знали? — настаивал инквизитор.

— Про изменническую деятельность гильдии! — выпалил купец. — Про то, что мы были изменниками! Про изменническую деятельность... изменническую... деятельность...

Глокта резко оборвал его:

— Вы действовали в одиночку?

— Нет! Нет!

Инквизитор постучал перед собой тростью и наклонился вперед.

— Кто отдавал вам приказания? — прошипел он.

— Магистр Каулт! — немедленно выкрикнул Хорнлах. — Это он отдавал приказания!

Публика ахнула. Улыбка архилектора Сульта расплылась еще шире.

— Это был магистр!

Перья безжалостно скрипели.

— Это Каулт! Он отдавал приказания! Все приказания отдавал он! Магистр Каулт!

— Благодарю вас, мастер Хорнлах.

— Магистр! Он отдавал приказания! Магистр Каулт! Каулт! Каулт!

— Достаточно! — рявкнул Глокта.

Узник затих. Зал молчал. Архилектор Султ поднял руку, указывая на троих заключенных:

— Вот наши доказательства, господа!

— Это подделка! — взревел лорд Брок, вскакивая на ноги. — Это оскорбление всех нас!

Однако его поддержало лишь несколько голосов, да и те звучали неуверенно. Лорд Хайген осмотрительно молчал и внимательно исследовал тонкую кожу своих сапог. Барезин вжался в спинку кресла — он теперь казался наполовину меньше ростом, чем минуту назад. Лорд Ишер глядел

куда-то в стену, со скучающим видом теребя свою тяжелую золотую цепь, словно судьба гильдии торговцев шелком больше его не интересовала.

Брок обратился непосредственно к верховному судье, неподвижно сидевшему за высоким столом:

— Лорд Маровия, умоляю вас! Вы же разумный человек! Как вы можете терпеть этот... балаган!

В зале воцарилось молчание. Все ждали, что ответит старик. Тот насупился, погладил длинную бороду. Взглянул на улыбающегося архилектора. Откашлялся.

— Я понимаю вашу боль, лорд Брок, клянусь вам. Но, по-видимому, разумные люди сегодня ничего не решают. Закрытый совет изучил дело и нашел доказательства полностью удовлетворительными. Мои руки связаны.

Брок беззвучно открывал и закрывал рот, пробуя поражение на вкус.

— Это не правосудие! — крикнул он, обернувшись и обращаясь к своим соратникам. — Очевидно, что этих людей пытали!

Губы архилектора Сульта презрительно скривились.

— А как еще прикажете обращаться с изменниками и преступниками? — пронзительно вскричал он. — Не хотите ли вы, лорд Брок, поднять щит и прикрыть предателей короля? — Он ударил ладонью по столу, словно тот тоже был замешан в государственной измене. — Я не допущу, чтобы наша великая нация попала в руки врагов! Ни внешних врагов, ни внутренних!

— Долой торговцев шелком! — послышался крик с балкона для публики.

— Сурово покарать предателей!

— Королевское правосудие! — заорал толстый человек, сидевший в задних рядах.

Его поддержала волна гневных выкриков спереди, призывающих к жестким мерам и суровым наказаниям.

Брок поискал взглядом союзников в переднем ряду, но не нашел ни одного. Он стиснул кулаки.

— Это не правосудие! — повторил он, указывая на троих заключенных. — Это не доказательство!

— Его величество не согласен с вами! — проревел Хофф. — И ему не требуется ваше разрешение! — Он поднял вверх большой манускрипт. — Настоящим постановлением гильдия торговцев шелком объявляется распущенной! Их лицензия отменена королевским указом. Комиссии его величества по вопросам торговли и коммерции предложено на протяжении

следующего месяца пересмотреть заявления на права торговли с городом Вестпортом. До тех пор, пока не найдены подходящие кандидаты, торговые пути передаются в надежные — и верные! — руки. Руки инквизиции его величества!

Архилектор Сульт скромно склонил голову, не обращая внимания на яростные вопли ни со стороны членов совета, ни со стороны галереи для публики.

— Инквизитор Глокта! — продолжал лорд-камергер. — Открытый совет благодарит вас за проявленное усердие и просит выполнить еще одно поручение относительно этого дела. — Хофф поднял другой документ, поменьше. — Это ордер на арест магистра Каулта, на нем стоит личная подпись его величества. Мы просим вас вручить его незамедлительно.

Глокта неловко поклонился и взял бумагу из протянутой руки лорд-камергера.

— Вы! — сказал Хофф, оборачиваясь и глядя на Челенгорма.

— Лейтенант Челенгорм, милорд! — отрапортовал здоровяк, проворно выступая вперед.

— Кто бы вы ни были, — нетерпеливо продолжал Хофф, — возьмите двадцать человек из королевской охраны и сопроводите инквизитора Глокту к зданию гильдии торговцев шелком. Проследите, чтобы никто и ничто не выскользнуло из здания без его разрешения!

— Сию минуту, милорд!

Челенгорм пересек открытое пространство и побежал вверх по проходу к дверям, придерживая рукой эфес шпаги, чтобы она не билась о его ногу. Глокта захромал следом за ним. Он стучал тростью по ступеням и сжимал в кулаке смятый ордер на арест магистра Каулта. Тем временем чудовищный альбинос заставил узников подняться на ноги и повел их, гремящих цепями и покачивающихся, по направлению к двери, откуда они появились.

— Лорд-камергер! — крикнул Брок. Он решился на последнюю попытку.

Джезаль подумал: сколько же денег Брок получал от торговцев шелком? И сколько денег еще рассчитывал получить? Очевидно, очень большую сумму.

Однако Хофф был непреклонен.

— Что ж, господа, на сегодня наши дела завершены!

Маровия встал еще до того, как лорд-камергер закончил говорить — очевидно, ему не терпелось поскорее уйти. Писцы с грохотом захлопывали свои огромные книги. Судьба достойной гильдии торговцев шелком

была решена. Воздух наполнился возбужденным гомоном. Этот шум усиливался и вскоре дополнился стуком и топотом ног, когда делегаты начали выходить из зала. Архилектор Сульт еще сидел в своем кресле, наблюдая, как его поверженные оппоненты мрачно покидают передний ряд. Джезаль в последний раз встретил отчаянный взгляд Салема Реуса, которого вели к маленькой боковой двери. Затем практик Иней дернул за цепь, и узник растворился во тьме за порогом.

Толпа на площади стала еще плотнее. Возбуждение нарастало по мере того, как новости о роспуске гильдии торговцев шелком доходили сюда. Некоторые замерли в изумлении, не веря собственным ушам; другие бегали взад-вперед, испуганные, удивленные, сбитые с толку. Джезаль поймал пристальный взгляд человека с бледным лицом и трясущимися руками, но быстро понял, что тот глядит в никуда. Должно быть, этот человек сам торгует шелком или же тесно связан с делами гильдии — достаточно тесно, чтобы пойти на дно вместе с ними. Найдется немало таких людей.

Внезапно Джезаль почувствовал себя так, словно его что-то кольнуло. Арди Вест стояла недалеко от него, небрежно облокотясь на каменный парапет. Они не встречались после того, как она выдала ему свою пьяную отповедь, и капитан очень удивился, когда понял, насколько ему приятно увидеть ее снова. Может быть, она уже довольно наказана, сказал он себе. Нужно дать ей возможность извиниться. Он поспешил к Арди, заранее заготовив широкую улыбку. И тогда увидел, что она не одна.

— Вот ведь гаденыш! — пробормотал он про себя.

Рядом с Арди стоял лейтенант Бринт в своем жалком мундире. Он непринужденно болтал, наклоняясь к девушке слишком близко, как считал Джезаль, и сопровождал бессмысленные фразы напыщенными жестами. Арди кивала ему и улыбалась, а потом запрокинула голову и расхохоталась, игриво похлопывая лейтенанта по груди. Бринт тоже захихикал, мерзкий маленький говнюк. Они смеялись вместе. Почему-то при виде этого Джезаль охватил острый приступ гнева.

— Джезаль! Привет, как дела? — крикнул ему Бринт, все еще посмеиваясь.

Капитан подступил поближе.

— Для вас я капитан Луфар! — гаркнул он. — Что до моих дел, то они вас не касаются! Вас ждут ваши собственные дела, не так ли?

Бринт какое-то мгновение тупо стоял, раскрыв рот. Потом нахмурился.

— Да, сэр, — буркнул он, повернулся и двинулся прочь.

Джезаль смотрел ему вслед и испытывал еще большее презрение, чем

обычно.

— О, как мило! — сказала Арди. — Вот так вы ведете себя при дамах?

— Право, затрудняюсь сказать. А что, разве здесь есть дамы?

Он обернулся к ней и поймал мгновенную удовлетворенную усмешку на ее лице. Довольно неприятное выражение — словно она наслаждалась его вспышкой. Ему пришла в голову нелепая мысль: может быть, она специально подстроила эту встречу, чтобы Джекзаль увидел ее вместе с идиотом лейтенантом и испытал ревность? Но тут она улыбнулась ему, засмеялась, и гнев Джекзала стал таять. Арди выглядела чудесно: загорелая и полная энергии, как солнечный луч, она хохотала во весь голос и не беспокоилась о том, что ее могут слышать. Да, чудесно. Лучше прежнего. Конечно, это случайная встреча, только и всего. Арди устремила на Джекзала взгляд своих темных глаз, и его подозрения рассеялись.

— Стоило ли обходиться с ним так жестоко? — спросила она.

Джекзаль выпятил челюсть.

— Выскочка, самодовольное ничтожество — да он не заслуживает того, чтобы находиться здесь! Ни родословной, ни денег, ни манер.

— Ну, этого добра у него больше, чем у меня, по всем пунктам.

Джекзаль проклял свой болтливый язык. Теперь извиняться придется не ей, а ему. Он отчаянно искал выход из этой ловушки, устроенной собственными руками.

— Ах, но он же полный кретин! — простонал он.

— Ну... — Джекзаль с облегчением увидел, как уголок ее рта приподнялся в лукавой улыбке. — Пожалуй, это верно. Пройдемся?

Он еще не успел ответить, как она взяла его под руку и повела в сторону аллеи Королей. Джекзаль позволил Арди направлять себя в потоке испуганных, рассерженных, возбужденных людей.

— Значит, это правда? — спросила она.

— Что именно?

— Что с гильдией торговцев шелком покончено?

— Похоже на то. Ваш старый друг Занд дан Глокта был в самом центре событий. Он устроил недурное представление, хоть и калека.

Арди посмотрела себе под ноги.

— Калека или нет, но ему лучше не переходить дорогу, — проговорила она.

— Да уж. — Джекзаль снова вспомнил ужас и отчаяние в глазах Салема Реуса. — Да, не стоит.

Они молча шагали вдоль проспекта, и это было мирное молчание. Джекзалю нравилось гулять с Арди. Теперь уже не важно, кто из них должен

извиняться. Возможно, она в чем-то права насчет фехтования...

Арди как будто прочла его мысли.

— Как там ваши игры с клинками? — спросила она.

— Неплохо. А как ваши игры с бутылкой?

— Лучше не бывает. Если бы каждый год устраивали турнир по этой дисциплине, я бы очень быстро добилась признания публики.

Джезаль рассмеялся и поглядел на нее, идущую рядом с ним, а она улыбнулась в ответ. Так умна, так находчива, так бесстрашна. Так дьявольски привлекательна. Где найти женщину, подобную ей? О, если бы у нее имелись знатные предки, говорил себе Джезаль, и немного денег... Много денег.

Пути к бегству

— Открывайте, именем его величества! — в третий раз прогремел лейтенант Челенгорм, барабана в дверь мясистым кулаком.

«Здоровенный болван. Почему у рослых людей так мало мозгов? Должно быть, они так часто решают проблемы при помощи мускулов, что их мозги постепенно высыхают, как чернослив на солнце».

Внушительное здание гильдии торговцев шелком располагалось на шумной площади неподалеку от Агрионта. Вокруг Глокты и его вооруженного эскорта уже собралась и с каждой минутой увеличивалась толпа зевак: любопытная, испуганная, зачарованная.

«Чуют кровь, очевидно».

У Глокты болела нога, поскольку он очень спешил сюда. Однако он сомневался, что ему удастся застать торговцев шелком врасплох. Он окинул нетерпеливым взглядом стражников в латах и практиков в масках, увидел жесткие глаза Инея и молодого офицера, колотящего в дверь.

— Открывайте!

«Довольно глупостей».

— Думаю, они уже услышали вас, лейтенант, — решительно сказал Глокта, — но предпочли не отвечать. Не будете ли вы столь любезны выломать дверь?

— Что? — Челенгорм уставился на него, затем на тяжелую, накрепко запертую двойную дверь. — Но как я...

Практик Иней пронесся мимо него, врезавшись в одну из створок могучим плечом. Раздался оглушительный треск, и сорванная с петель дверь рухнула на пол внутри дома.

— Вот так, — буркнул Глокта и ступил в открывшийся проем, где еще летели вниз обломки.

Челенгорм с ошеломленным видом последовал за ним. Дюжина солдат, бряца латами, шли по пятам.

В коридоре, преграждая им путь, стоял разгневанный служитель.

— Да как вы сме... А-а! — вскрикнул он, когда Иней отшвырнул его с дороги, впечатав лицом в стену.

— Арестовать! — рявкнул Глокта, указывая тростью на оглушенного человека.

Один из солдат грубо схватил служителя за плечи руками в кованых рукавицах и потащил спотыкающегося наружу, на солнечный свет. Сквозь

выбитую дверь ринулись практики — в руках тяжелые дубинки, глаза свирепо горят над масками.

— Арестовать всех до единого! — прокричал Глокта, оборачиваясь через плечо. Он прошел в глубь здания, следуя за широкой спиной Инея.

Через открытую дверь инквизитор увидел купца в богатой одежде. Лицо торговца блестело от пота — он в отчаянии кидал стопки документов в пылающий камин.

— Схватить его! — завопил Глокта.

Двое практиков тут же впрыгнули в комнату и принялись избивать купца дубинками. Тот с воплем повалился на пол и перевернул стол вместе со стопкой лежавших на нем grossбухов. Листки бумаги и кусочки горящего пепла взметнулись в воздух, порхая вокруг поднимающихся и опускающихся палок.

Глокта торопился дальше, а вокруг множились удары и крики. В воздухе висел запах дыма, пота и страха.

«Все двери охраняются, но Каулт мог подготовить какие-то тайные пути к бегству. Он скользкая штучка, этот Каулт. Будем надеяться, что мы пришли не слишком поздно. Проклятая нога! Только бы не опоздать...»

Глокта охнул и сморщился от боли: кто-то вцепился в его пальто, так что он пошатнулся.

— Помогите мне! — завизжал человек. — Я невиновен!

Кровь на пухлом лице. Пальцы хватаются за одежду, угрожая свалить калеку на пол.

— Уберите его от меня! — завопил Глокта.

Он стал слабо отбиваться тростью и скрести пальцами по стене, пытаясь удержаться на ногах. Один из практиков подскочил к ним и огрел купца дубинкой по спине.

— Я сознаюсь! — всхлипывал тот.

Дубинка поднялась снова и с треском опустилась на его голову. Практик подхватил обмякшее тело под мышки и потащил к двери. Глокта поспешил вперед, потрясенный лейтенант Челенгорм шел за его плечом. Впереди открылась широкая лестница, и инквизитор посмотрел на нее с ненавистью.

«Мои старые враги, они всегда передо мной».

Собрав все силы, он принялся карабкаться вверх, свободной рукой махнув практику Инею, чтобы он шел вперед. Мимо них протащили к выходу сбитого с толку купца: он вопил о своих правах и цеплялся каблуками о ступеньки.

Глокта поскользнулся и едва не упал навзничь, но кто-то поймал его

под локоть и помог устоять на ногах. Это был Челенгорм, на массивном честном лице которого застыло замешательство.

«Значит, и от рослых людей бывает польза».

Молодой офицер помог ему подняться до самого верха. У Глокты не было сил отказываться.

«Да и зачем беспокоиться? Человек должен понимать, что его силы ограничены. Нет ничего благородного в том, чтобы загреметь вниз по лестнице. Уж я-то знаю».

Наверху располагалась богато украшенная, просторная приемная с толстым ковром на полу и яркими гобеленами на стенах. Перед широкой дверью несли караул со шпагами наголо двое охранников в ливреях гильдии. Лицом к ним, сжав огромные белые кулаки, остановился Иней. Челенгорм выбежал на площадку, вытащил шпагу и встал рядом с альбиносом. Глокта не смог сдержать усмешку.

«Безъязыкий палач и цвет рыцарства плечом к плечу. Редкое зрелище».

— У меня есть ордер на арест Каулта, подписанный самим королем! — Глокта поднял бумагу вверх, чтобы охранники могли рассмотреть ее. — С торговцами шелком покончено. Вы ничего не выиграете, препятствуя нам. Сложите оружие! Даю слово, вам не причинят вреда!

Охранники обменялись неуверенными взглядами.

— Ну же! Шпаги долой! — гаркнул Челенгорм, подвигаясь к ним ближе.

— Ладно, ваша взяла.

Один из стражников нагнулся и бросил свою шпагу вперед по полу. Иней поймал ее и прижал ногой.

— Ты тоже! — прикрикнул Глокта на второго охранника. — Быстрее!

Тот повиновался, кинув шпагу на пол и подняв руки вверх. Через миг кулак Инея впечатался ему в челюсть, так что караульный врезался головой в стену и тут же потерял сознание.

— Но вы... — вскрикнул первый.

Иней схватил его за грудки и швырнул вниз по лестнице. Стражник рухнул вниз, переворачиваясь и ударяясь о ступеньки, пока не затих на самой последней.

«Я знаю, как это бывает».

Челенгорм моргал с поднятой шпагой в руке — он так и не успел двинуться с места.

— Но мне показалось, вы пообещали им... — проговорил он.

— Забудьте об этом. Иней, поищи другой вход.

Альбинос мягкими шагами удалился по коридору. Глокта дал ему

некоторое время, затем двинулся вперед и попробовал открыть дверь. К его немалому удивлению, ручка повернулась без труда. Дверь распахнулась.

Комната величиной с хороший амбар являла собой воплощенную роскошь. Резьба на высоком потолке покрыта позолотой, корешки книг на полках усыпаны драгоценными камнями, чудовищно громоздкая мебель отполирована до зеркального блеска. Все было чересчур огромным, чересчур изукрашенным, чересчур дорогим.

«Кому нужен тонкий вкус, когда есть деньги?»

Несколько широких окон нового стиля — большие стекла и редкий переплет — открывали восхитительный вид на город и залив, на корабли в нем. Сам магистр Каулт сидел за просторным позолоченным столом возле среднего окна: с улыбкой на лице, в великолепной парадной мантии. Его частично прикрывала тень огромного шкафа с вытравленными на дверцах руками — эмблемой высокочтимой гильдии торговцев шелком.

«Значит, он все же не сбежал! Он у меня в руках. Я...»

К массивной ножке шкафа была привязана веревка. Глокта проследовал глазами вдоль ее извивов на полу: другой конец охватывал шею магистра.

«Ага. Он все же нашел путь к бегству».

— Инквизитор Глокта! — Каулт издал визгливый нервный смешок. — Очень рад наконец-то встретиться с вами! Я столько слышал о ваших расследованиях!

Его пальцы теребили узел веревки — видимо, он хотел удостовериться, что она завязана крепко.

— Вам не жмет воротник, магистр? Может быть, вы предпочли бы снять его?

Новый взрыв визгливого смеха.

— О нет, нет, не думаю! Я не имею намерения отвечать на ваши вопросы, благодарю вас!

Краем глаза Глокта заметил, как боковая дверь чуть приоткрылась. Оттуда появилась большая белая рука, медленно обхватившая пальцами дверную раму.

«Иней. У нас еще есть надежда поймать его. Надо продолжать разговор».

— У меня больше нет вопросов. Мы знаем все.

— Да неужели? — хихикнул магистр.

Альбинос беззвучно скользнул в комнату, держась в тени возле стены, скрытый от взгляда Каулта громадой шкафа.

— Мы знаем о Калине. О вашем маленьком соглашении с ним.

— Тупица! Никакого соглашения не было! Калин оказался слишком благодороден, чтобы продаваться! Он никогда не взял бы от меня и марки!

«Но тогда каким образом...»

Каулт слабо улыбнулся Глокте бледными губами.

— Секретарь Сульта, — сказал он и снова хихикнул. — Под самым его носом. И твоим тоже, калека несчастный!

«Глупец, глупец! Секретарь разносил послания, он видел признание, он знал все! Я никогда не доверял этому льстивому ничтожеству. Значит, Калин не был изменником».

Глокта пожал плечами.

— Мы все делаем ошибки.

— Ошибки? — испепеляя его презрительным взглядом, вскричал магистр. — Да ты ничего не делаешь, кроме ошибок, болван! Мир совсем не таков, каким ты его представляешь! Ты не знаешь, на чьей ты стороне! Ты даже не знаешь, что представляют собой эти стороны!

— Я на стороне моего короля, а ты против него. Только это мне и надо знать.

Иней уже добрался до шкафа и стоял вплотную к нему, напряженно глядя вперед розовыми глазами и пытаясь заглянуть за угол так, чтобы его не увидели.

«Еще немножко, еще совсем чуть-чуть...»

— Ты не знаешь ничего, калека! Мелкое дельце с налогами, несколько взяток — вот все, в чем мы повинны!

— А также девять совсем пустяковых убийств.

— У нас не было выбора! — взвизгнул Каулт. — У нас никогда ни в чем не было выбора! Нам нужно было платить банкирам! Они ссудили нам деньги, и мы должны были платить! Мы платим годами! Валинт и Балк, кровопийцы! Мы отдали им все, что имели, но они хотели больше и больше!

«Валинт и Балк? Банкиры?»

Глокта окинул взглядом всю эту нелепую роскошь.

— Однако вам, кажется, как-то удается сводить концы с концами.

— Кажется! Кажется! Все пыль! Все ложь! Все это принадлежит банку! Мы все принадлежим банку! Мы должны им тысячи! Миллионы! — Каулт хихикнул. — Впрочем, я сомневаюсь, что теперь они их получают, не правда ли?

— Да, я тоже в этом сомневаюсь.

Каулт наклонился к инквизитору через стол; веревка с его шеи свесилась, касаясь поверхности.

— Ты хочешь найти преступников, Глокта? Ты хочешь найти предателей? Врагов короля и государства? Ищи в закрытом совете. Ищи в Допросном доме. Ищи в Университете. Ищи в банках, Глокта!

Внезапно он увидел Инея, огибающего угол шкафа в четырех шагах от него. Его глаза расширились, и он рванулся с кресла.

— Держи его! — завопил Глокта.

Иней прыгнул вперед, нырнул через стол и вцепился в мелькнувший перед ним подол парадной мантии Каулта, когда магистр разворачивался, чтобы броситься в окно.

«Он наш!»

Послышался отвратительный звук рвущейся материи, и кусок мантии остался в белом кулаке практика. На миг Каулт словно застыл в воздухе — дорогое стекло раскололось вдребезги, куски и осколки засверкали на солнце, — а потом исчез. Веревка туго натянулась резким рывком.

— Ш-ш-ш! — прошипел Иней, свирепо глядя в разбитое окно.

— Он прыгнул! — ахнул Челенгорм, раскрыв рот.

— Несомненно.

Глокта прохромал к столу и взял из рук Инея оторванный клоч материи. При ближайшем рассмотрении она уже не казалась великолепной: яркая окраска, но плохая ткань.

— Кто бы мог подумать? Плохое качество! — пробормотал Глокта.

Он прохромал к окну и выглянул в пробитую дыру. Глава почтенной гильдии торговцев шелком медленно покачивался из стороны в сторону в двадцати футах под ним. Разорванная вышитая золотом мантия хлопала на легком ветерке.

«Дешевая одежда и дорогие окна. Будь ткань прочнее, мы бы взяли его. Будь переплет окна чаще, мы бы взяли его. От каких мелочей зависит жизнь людей!»

На улице внизу уже собиралась испуганная толпа: люди показывали пальцами, переговаривались, глазели на висящее тело. Какая-то женщина вскрикнула.

«От страха или от возбуждения? Они рожают одинаковые звуки».

— Лейтенант, окажите любезность, спуститесь вниз и разгоните толпу. Нам необходимо перерезать веревку, чтобы снять нашего друга и взять его с собой.

Челенгорм непонимающе посмотрел на него. Глокта пояснил:

— Живой он или мертвый, а королевское предписание должно быть выполнено.

— Да-да, конечно.

Могучий офицер вытер пот со лба и несколько неуверенной походкой двинулся к двери.

Глокта снова повернулся к окну и посмотрел вниз на медленно раскачивающийся труп. В его ушах звучали последние слова магистра Каулта: «Ищи в закрытом совете. Ищи в Допросном доме. Ищи в Университете. Ищи в банках, Глокта!»

Три знака

Вест тяжело упал на ягодицы. Один из клинков вылетел из его руки и заскользил по булыжнику двора.

— Касание! — прокричал маршал Варуз. — Определенно касание! Отличный бой, Джезаль, отличный бой!

Вест начал уставать от поражений. Он был сильнее Джезаля, к тому же выше, что давало больший радиус действия; но нахальный гаденыш двигался слишком быстро. Чертовски быстро, и с каждым днем все быстрее. Он уже изучил уловки Веста, а если дело и дальше пойдет в том же темпе, майору его не победить. Джезаль тоже понимал это. Когда он протягивал руку, чтобы помочь Весту подняться с земли, на его лице сияла самодовольная улыбка. Она доводила майора до бешенства.

— Ну наконец-то мы добились успехов! — Варуз в восторге хлопнул себя тросточкой по ноге. — В итоге даже можем надеяться на победу. Как вы думаете, майор?

— Очень похоже на то, сэр, — ответил Вест, потирая ушибленный при падении локоть. Он искоса глянул на Джезаля, просиявшего от маршальской похвалы.

— Но мы не должны быть самонадеянными!

— Нет, сэр! — решительно ответил Джезаль.

— Вот именно, — сказал Варуз. — Майор Вест, без сомнения, искусный фехтовальщик, и сойтись с ним в поединке — большая честь. Но, хм... — Он улыбнулся Весту. — Фехтование — занятие для молодых, не так ли, майор?

— Разумеется, сэр, — пробормотал Вест. — Для молодых.

— Бремер дан Горст, полагаю, противник совсем иного рода, как и все остальные участники нынешнего турнира. Может быть, у них не так много опыта и умения, зато гораздо больше молодой энергии, а, Вест?

Тридцатилетний Вест чувствовал в себе достаточно энергии, но спорить не имело смысла. Майор знал, что он не самый одаренный фехтовальщик в мире. Варуз продолжал:

— За последний месяц мы сильно продвинулись. Очень сильно. Если вы сможете и дальше действовать так же целеустремленно, у вас есть шанс победить. Большой шанс! Отличная работа! Надеюсь увидеть вас обоих завтра.

И старый маршал удалился с залитого солнцем двора.

Вест подошел к своему клинку, упавшему на булыжник возле стены. Бок до сих пор болел после падения, и майору пришлось неуклюже нагнуться, чтобы поднять оружие.

— Мне тоже надо идти, — буркнул он и выпрямился, старательно скрывая боль.

— Важные дела?

— Маршал Берр назначил мне встречу.

— Значит, все же будет война?

— Может быть. Я не знаю, — ответил Вест и внимательно посмотрел на Джекзала. Тот по какой-то причине избегал его взгляда. — А ты? Что у тебя намечено на сегодняшний день?

— Ну, э-э, ничего особенного... собственно, ничего.

Джекзал отвел глаза. Хороший карточный игрок, он был никудышным лжецом. Вест ощутил смутное беспокойство.

— А это твоё «ничего» случайно не связано с Арди, а?

— Ну, э-э...

Смутное беспокойство переросло в отчетливую тревогу.

— Ну?

— Может быть, — резко ответил Джекзал. — Может быть, э-э... да.

Вест стремительно шагнул вперед, вплотную к молодому человеку.

— Джекзал, — услышал он свои собственные слова, медленно выходящие сквозь сжатые зубы, — я надеюсь, ты не собираешься трахнуть мою сестру.

— Но послушай...

Тревога вырвалась наружу, и Вест схватил Джекзала за плечи.

— Нет, это ты послушай! — рявкнул он. — Я не дам тебе шутить с Арди, ты понял? Один раз ей уже причинили боль, и я не позволю сделать это снова! Ни тебе, ни кому-либо другому! Я этого не потерплю! Она не игрушка, слышишь?

— Ладно, — проговорил Джекзал с внезапно побледневшим лицом. — Хорошо! У меня нет на нее никаких видов! Мы просто друзья, и только. Она мне нравится! Она здесь никого не знает, и... ты можешь мне доверять... ей не будет никакого вреда... А-а! Отпусти меня!

Вест осознал, что изо всех сил сжимает плечи Джекзала. Как это произошло? Он хотел спокойно поговорить, но невольно зашел чересчур далеко. «Один раз ей уже причинили боль»... Проклятье! Зачем говорить это?! Он резко отпустил руки и отступил назад, умеряя свою ярость.

— Я не хочу, чтобы ты виделся с ней, слышишь меня?

— Но погоди, Вест! Кто ты такой, чтобы...

Гнев майора снова вырвался наружу.

— Джезаль, — прорычал он, — я твой друг, поэтому прошу тебя... — Он снова сделал шаг вперед, еще ближе, чем прежде. — И я ее брат, поэтому предупреждаю тебя! Держись от нее подальше! У тебя не выйдет ничего хорошего!

Джезаль прижался к стене.

— Хорошо... хорошо! Она твоя сестра!

Вест повернулся и двинулся к арочному проходу, потирая затылок. В его голове тяжело стучала кровь.

Когда Вест прибыл в канцелярию лорд-маршала Берра, тот сидел и глядел в окно. Берр был крупный, мускулистый, суровый человек с густой каштановой бородой, одетый в простой мундир. Вест попытался угадать, насколько плохи новости. Если лицо маршала имеет к ним отношение, они должны были быть весьма скверным.

— Майор Вест, — сказал Берр, пристально глядя на офицера из-под густых бровей. — Благодарю за то, что пришли.

— Да, сэр.

Вест заметил, что на столике возле стены стоят три грубо сработанных деревянных ящика. Берр перехватил его взгляд.

— Дары, — мрачно сказал он. — От нашего северного друга Бетода.

— Дары?

— Очевидно, они предназначены королю. — Маршал насупился и прищелкнул языком. — Почему бы вам, майор, не взглянуть на них?

Вест прошел к столику, протянул руку и осторожно откинул крышку с одного из ящиков. Оттуда поплыл неприятный запах, напоминавший сильно протухшее мясо, но внутри не оказалось ничего, кроме небольшого количества бурой грязи. Он открыл другой ящик. Здесь запах был еще хуже. Снова бурая грязь, образовавшая на стенках засохшую корку, и еще волосы — несколько прядей соломенного цвета волос. Вест сглотнул и поднял голову, поглядев на хмурящегося маршала.

— Это все, сэр?

Берр фыркнул.

— Если бы. Остальное нам пришлось похоронить.

— Похоронить?

Маршал взял со своего стола лист бумаги:

— Капитан Зильбер, капитан Хосс, полковник Арингорм. Их имена вам о чем-нибудь говорят?

Вест почувствовал слабость. Этот запах... Он напомнил ему Гуркхул,

поле сражения...

— Полковника Арингорма я знаю, — пробормотал он, уставясь на ящики. — По отзывам. Он командует гарнизоном в Дунбреке.

— Командовал, — поправил Берр. — Остальные двое командовали маленькими заставами поблизости, на самой границе.

— На границе? — промямлил Вест, уже зная, что последует далее.

— Это их головы, майор. Северяне прислали нам их головы.

Вест сглотнул, глядя на желтую прядку волос, приставшую изнутри к стенке ящика.

— Три знака. Так они сказали: они пришлют три знака, когда настанет время. — Берр поднялся с кресла и встал рядом, глядя в окно. — Заставы — это ерунда, — продолжал он. — Деревянные строения, вокруг частокол, рвы и тому подобное, гарнизон небольшой. Почти никакой стратегической ценности. Дунбрек — совсем другое дело.

— Он господствует над переправой через Белую реку, — проговорил Вест онемевшими губами. — Это лучшая дорога из Инглии.

— Или в Инглию. Жизненно важный пункт. На его оборонные сооружения потрачено немало времени и ресурсов. Использовались самые последние разработки, были привлечены лучшие инженеры. Гарнизон в триста человек, склады оружия и провианта, достаточные, чтобы выдержать год осады. Его считали неприступным — ключевая точка всех наших планов обороны границы. — Берр нахмурился, его переносицу прорезали глубокие морщины. — И вот все это пропало.

У Веста снова заболела голова.

— Когда это случилось, сэр?

— Когда... Хороший вопрос! Должно быть, не меньше двух недель назад, поскольку эти «дары» успели до нас добраться. Меня зовут паникером, — кисло сказал Берр, — но я уверен, что северяне уже ворвались в страну и что к настоящему моменту они прошли половину северной Инглии. Пара-тройка шахтерских поселков, несколько исправительных колоний — пока ничего особенно значительного, ни одного города, о котором стоило бы говорить. Но они приближаются, Вест, и приближаются быстро, в этом вы можете не сомневаться. Никто не станет посылать врагу головы и вежливо дожидаться ответа.

— И что сделано в связи с этим?

— Почти ничего! Инглия, конечно же, гудит. Лорд-губернатор Мид объявил всеобщую мобилизацию, исполненный решимости расправиться с Бетодом самостоятельно. Идиот! Если судить по донесениям, северяне могут обнаружиться где угодно, в любом месте, и людей у них от тысячи до

сотни тысяч. Порты битком набиты штатскими, которым не терпится сбежать из страны. Множатся слухи о шпионах и убийцах, вырвавшихся на свободу и творящих бесчинства. Люди собираются толпами, выискивают горожан северного происхождения, избивают их, грабят дома, а то и похуже. Царит хаос. А мы тем временем сидим на своих жирных задах и выжидаем.

— Но... разве нас не предупредили? Разве мы не знали заранее?

— Разумеется, знали! — Берр ткнул в воздух широкой ладонью. — Но никто не принял это всерьез, как легко себе представить! Чертов разрисованный дикарь проткнул себя ножом перед открытым советом, бросил нам вызов перед лицом короля — и никто не пошевелился! Правительство работает как комиссия! Каждый тянет в свою сторону! Так можно только реагировать на действия, так нельзя подготовиться ни к чему! — Маршал закашлялся, рыгнул и сплюнул на пол. — Га! Проклятье! Чертово пищеварение!

Он снова опустился в кресло, с несчастным видом потирая живот. Вест не знал, что сказать.

— И как же мы поступим теперь? — пробормотал он.

— Нам приказано выступить на север немедленно. То есть как только кто-нибудь удосужится снабдить меня людьми и оружием. Король — вернее, этот пьяница Хофф — повелел привести северян к повиновению. У нас двенадцать полков королевской охраны, семь пехотных и пять конных. К ним добавятся новобранцы из дворян и вообще все, кто еще останется в Инглии, когда мы прибудем туда.

Вест неуютно поерзал на сиденье.

— Мне кажется, это будет несметная сила.

— Ха! — отозвался маршал. — Хорошо бы так. Это все, что у нас есть, или почти все, и это меня беспокоит. — Вест нахмурился. — Дагоска, майор, Дагоска! Мы не можем бороться с гурками и северянами одновременно.

— Но, сэр, ведь гурки не рискнут так скоро развязать новую войну? Я думал, это пустые разговоры.

— Надеюсь, что так, надеюсь, что так... — Берр рассеянно передвинул несколько бумаг на столе. — Однако их новый император Уфман не таков, как мы ожидали. Он был младшим сыном, но когда услышал о смерти своего отца... то приказал задушить всех братьев. Поговаривают, что он задушил их собственными руками. Уфман-уль-Дошт, так его там называют: Уфман Безжалостный. Он уже объявил, что намерен вернуть себе Дагоску. Может быть, пустая угроза. А может быть, и нет. — Берр поджал губы. —

Говорят, у него повсюду шпионы. Возможно, в настоящую минуту он прознал о наших проблемах с Инглией; возможно, он уже готовится воспользоваться нашей слабостью. Мы должны быстро покончить с северянами. Очень быстро. Двенадцать полков и новобранцы из дворян... Трудно выбрать более неудачное время для нас.

— Сэр?

— Да вот с этими торговцами шелком. Скверное дело. Вельможи чувствуют себя уязвленными. Брок, Ишер, Барезин, еще некоторые. Сейчас они тянут резину с рекрутским набором. Скорее всего, пришлют нам горстку голодных бродяг без оружия — удобный повод вычистить мусор со своих земель. Бесплезная толпа, которую нужно кормить, одевать и вооружать, а мы отчаянно нуждаемся в опытных офицерах.

— В моем батальоне есть несколько хороших ребят.

Берр нетерпеливо поморщился:

— Хороших, да! Честных, рвущихся в бой, но неопытных! Большинству из тех, кто сражался на Юге, это не понравилось. Они ушли из армии и не намерены туда возвращаться. Вы видели, какие у нас нынче молодые офицеры? Да мы просто пансион благородных девиц, черт побери! А теперь еще его высочество принц выразил интерес к командованию! Он даже не знает, за какой конец держат шпагу, однако он увенчан славой, и я не могу ему противостоять!

— Принц Рейнольт?

— Если бы! — воскликнул Берр. — От Рейнольта как раз могла бы быть какая-то польза. Нет, я говорю о Ладисле. Он командует дивизией! Это человек, который тратит в месяц по тысяче марок на одежду! Человек, о чьем неумении держать себя в руках ходят легенды! Я слышал, что он взял силой не одну служанку во дворце, и только архилектор сумел заставить их держать язык за зубами.

— Не может быть, — отозвался Вест, хотя слухи доходили и до него.

— Наследник трона собирается подвергнуть себя опасности, когда король болен! Что за нелепая мысль! — Берр поднялся с места, рыгая и морщась. — Чертов желудок!

Он подошел к окну и принялся хмуро разглядывать лежавший перед ним Агрионт.

— Они думают, что это легко, — тихо сказал он. — Там, в закрытом совете. Небольшая вылазка в Инглию, с которой будет покончено прежде, чем выпадет первый снег... И это после случившегося в Дунбреке! Они ничему не учатся. Они говорили в точности то же самое о нашей войне с гурками, и это нас едва не погубило. Северяне совсем не такие

примитивные дикари, как они считают. Я сражался с северными наемниками в Старикланде: это суровые люди, привыкшие к суровой жизни, воспитанные войной с малолетства, бесстрашные и упорные, умеющие воевать в горах, в лесу, на холоде. Они не следуют нашим законам и не понимают их. Их жестокость и свирепость способны напугать даже гурков! — Берр повернулся от окна и поглядел на Веста: — Вы родились в Инглии, не так ли, майор?

— Да, сэр, возле Остенгорма. Там была наша семейная ферма, пока мой отец не умер... — Он замолчал.

— И вы воспитаны там?

— Да.

— Значит, вы знаете те края?

Вест нахмурился.

— Да, сэр, но я не бывал там уже...

— Вы знаете северян?

— Кое-кого. Их до сих пор довольно много в Инглии.

— Вы говорите на их языке?

— Да, немного; правда, у них не один...

— Отлично. Я сейчас собираю штаб — тех опытных офицеров, на кого я могу положиться, кто будет выполнять мои приказы и присмотрит за тем, чтобы наша так называемая армия не развалилась прежде, чем встретится с неприятелем.

— Понимаю, сэр. — Вест подумал и предложил: — Капитан Луфар вполне способный и сообразительный офицер. Лейтенант Челенгорм тоже...

— Ба! — воскликнул Берр, раздраженно махая рукой. — Я знаю вашего Луфара. Он просто юный идиот! Тот самый тип дитяти с горящим взором, о котором я только что говорил! Нет, Вест, мне нужны вы!

— Я?

— Да, вы! Маршал Варуз, самый прославленный воин Союза, дал мне о вас блестящий отзыв. Он говорит, что вы чрезвычайно целеустремленный и настойчивый, что вы не боитесь тяжелой работы. Как раз эти качества мне и нужны! Когда вы были лейтенантом, вы сражались в Гуркхуле под началом полковника Глокты, не так ли?

Вест сглотнул.

— Ну... да.

— И всем хорошо известно, что вы были первым, кто прошел сквозь брешь при Ульриохе.

— Д-да, одним из первых. Я был...

— Вы водили людей в бой, и ваше личное мужество всем известно. Нет нужды скромничать, майор. Вы именно тот, кто мне нужен! — решительно закончил Берр и уселся на место, улыбаясь. Он рыгнул, прикрыв рот ладонью. — Прошу прощения... чертов желудок!

— Сэр, могу я говорить прямо?

— Я не придворный, Вест. Вы всегда должны говорить со мной прямо. Я требую этого!

— Назначение в штаб лорд-маршала, сэр, как вы должны понимать... Я сын помещика. Не из знати. Даже в качестве командующего батальоном мне нелегко добиться уважения от младших офицеров. А если мне придется отдавать приказы в вашем штабе, сэр, высокопоставленные дворяне благородных кровей... — Он помрачнел и сделал паузу. Маршал смотрел на него непроницаемым взглядом. — Они просто не допустят этого!

Брови Берра сошлись к переносице:

— Не допустят?

— Им гордость не позволит, сэр, они...

— К черту их гордость! — Берр наклонился к нему, впериw взгляд темных глаз в лицо Веста. — А теперь слушайте меня, и слушайте внимательно. Времена меняются. Мне не нужны люди благородных кровей. Мне нужны люди, способные планировать, организовывать, отдавать приказы и следовать приказам. В моей армии нет места тем, кто не делает этого. И мне наплевать, каких они кровей. В качестве члена моего штаба вы представляете меня, а мной нельзя пренебречь и меня нельзя игнорировать. — Внезапно он снова рыгнул и ударил кулаком по столу. — Я позабочусь об этом! — проревел он. — Времена меняются! Может быть, они еще не ощутили этого, но скоро почувствуют!

Вест тупо глядел на него.

— В любом случае, — Берр махнул рукой, отпуская его, — я не советуюсь с вами — я вас информирую. Это ваше новое назначение. Вы нужны вашему королю и вашей стране, этого достаточно. У вас пять дней, чтобы сдать командование батальоном.

И лорд-маршал вернулся к своим бумагам.

— Да, сэр, — пробормотал Вест.

Непослушными пальцами он затворил за собой дверь и медленно пошел по коридору, глядя в пол. Война. Война на Севере. Дунбрек пал, северяне вторглись в Инглию. Мимо сновали офицеры, кто-то толкнул его, но Вест едва это заметил. Люди в опасности, в смертельной опасности! Может быть, знакомые люди, соседи. Сражения идут внутри границ Союза!

Он потер подбородок. Эта война может оказаться ужасной, похуже Гуркхула, а он попадет в самое сердце событий. Он назначен в лорд-маршальский штаб! Он, Коллем Вест? Простолюдин? Майор сих пор едва верил в это.

Вест ощутил на щеках тайный, виноватый румянец удовлетворения. В конце концов, ради такого назначения он и трудился как вол все прошедшие годы. Если все пойдет хорошо, даже трудно предположить, каких высот он сумеет достичь. Эта война... конечно, это плохо, это ужасно. Вест почувствовал, что улыбается. Ужасно. Но война может стать его путем к победе.

Лавка театральных декораций

Палуба скрипела и шаталась под ногами, парус тихо полоскался на ветру, морские птицы оглашали соленый воздух хриплыми или звонкими криками.

— Никогда не думал, что увижу нечто подобное, — пробормотал Логен.

Город расстился огромным белым полумесяцем, целиком обнимал широкую голубую бухту и переползал по множеству крошечных — как казалось с этого расстояния — мостов на скалистые острова в море. То здесь, то там на фоне скопища зданий выделялись зеленые парки; тонкие серые нитки рек и каналов сияли в солнечном свете. Виднелись и стены — увенчанные башнями, они окаймляли дальний край города, смело пробиваясь сквозь путаницу домов. Логен стоял, глупо раскрыв рот, его глаза метались туда и сюда, не в состоянии воспринять все сразу.

— Адуя! — проговорил Байяз. — Центр мира. Поэты называют ее городом белых башен. Не правда ли, она прекрасна, когда смотришь на нее в отдалении? — Маг доверительно наклонился к нему: — Однако уверяю тебя, она воняет, если подойти поближе.

В центре Адуи располагалась огромная крепость. Ее отвесные белые стены возвышались над ковром городских строений, солнечный свет сверкал на ярких куполах. Логену и не снилось, что человек может создать нечто столь величественное, столь горделивое, столь могучее. Одна башня вздымалась особенно высоко, выше всех остальных: сужающийся к вершине пучок гладких темных колонн как будто поддерживал небо.

— И Бетод собирается идти на это войной? — прошептал он. — Он, должно быть, сошел с ума!

— Бетод тщеславен и горд, но он хорошо понимает Союз. — Байяз кивнул в направлении города. — Они все завидуют друг другу. Назвали себя «союзом», но дерутся друг с другом зубами и когтями. Простые люди дерутся по пустякам, а большие люди ведут тайные войны за власть и богатство, что называют правлением. Войны ведутся при помощи слов, уловок и коварства, но они не менее кровавы. Военные потери весьма существенны. — Маг вздохнул. — За этими стенами люди кричат, спорят и вечно кусают друг друга. Старые распри никогда не утихают, но расцветают и пускают корни, которые с течением лет вырастают все глубже. Так было всегда. Здешние люди не похожи на тебя, Логен. Человек может

улыбаться и ластиться, называть тебя другом и подносить подарки одной рукой, другой втыкая в тебя нож. Ты сам поймешь, какое тут странное место.

Логен уже осознал, что это самое странное из всех мест, какие он когда-либо видел. Город казался бесконечным, он вырастал и становился все шире по мере того, как корабль скользил в глубь бухты. Целый лес белых зданий, усыпанных темными окнами, обступал путешественников со всех сторон. Его крыши и башни сгрудились стена к стене, теснясь к самой воде у линии берега.

Корабли и лодки всех мастей обгоняли друг друга в водах бухты, паруса надувались, члены команд перекликались сквозь шум плещущей воды, торопливо сновали по палубам и лазали по снастям. Там были и маленькие корабли — еще меньше двухпарусного суденышка, на котором прибыли Логен и маг, — и огромные. Логен восхищенно глядел на огромное судно, что направлялось в их сторону, рассекая волны и вздымая в воздух веер сияющих брызг. Целая деревянная гора, как по волшебству плывущая по морю. Корабль прошел мимо, подняв высокие волны, но осталось великое множество других, пришвартованных у бесчисленных пристаней.

Логен прикрыл глаза рукой, защищаясь от слепящего солнца, и понемногу начал различать людей на растянувшихся вдоль берега причалах. Он уже слышал слабый гул голосов, громыхающих повозок, сбрасываемых на землю грузов. Сотни крошечных фигурок кишели возле кораблей и зданий, словно черные муравьи.

— Сколько же здесь жителей? — прошептал он.

— Тысячи. — Байяз пожал плечами. — Сотни тысяч. Из всех краев Земного круга. Северяне, темнокожие кантийцы из Гуркхула и из стран, расположенных за ним. Люди из Старой империи на дальнем западе и купцы из свободных городов Стирии. Некоторые совсем издалека — с Тысячи островов, из далекого Сулджука, из Тхонда, где поклоняются солнцу. Их здесь столько, что и не сосчитать. Они живут, умирают, работают, размножаются. Добро пожаловать, — и маг широко развел руки, обнимая этот чудовищный, прекрасный, бесконечный город, — в цивилизацию!

Сотни тысяч жителей. Логен мучительно пытался осознать это. Сотни... Тысячи... Может ли в целом мире быть столько людей? Он изумленно вглядывался в город вокруг себя, протирая утомленные глаза. Каково это — сотня тысяч жителей?

Часом позже он это узнал.

Лишь во время сражений Логен испытывал нечто подобное — теснящее окружение людских тел. Жизнь в здешних доках походила на битву: вопли, гнев, давка, страх и смятение. Беспощадная бесконечная война, не имеющая победителей.

Логен привык к открытому небу, к открытому пространству вокруг, к одиночеству. Даже в дороге ему было тесно, если Байяз и Малахус подъезжали к нему слишком близко. А теперь люди наступали со всех сторон, толкались, толпились, кричали друг на друга. Сотни! Тысячи! Сотни тысяч! И у каждого из них — свои заботы, мысли и мечты. Лица мелькали и надвигались на Логена, угрюмые, озабоченные, мрачные. Они появлялись и исчезали в разноцветном круговороте толпы. Логен сглотнул, замигал глазами. Его горло мучительно пересохло, голова кружилась. Вне всякого сомнения, это ад, и Логен его заслужил, только не мог припомнить, давно ли умер.

— Малахус! — в отчаянии прохрипел он. Ученик обернулся. — Подожди минутку! Я задыхаюсь!

Логен рванул ворот, пытаясь вдохнуть поглубже. Ки ухмыльнулся:

— Наверное, от вони.

Вполне могло быть и так. В доках воняло, как в аду. Запах тухлой рыбы, тошнотворных пряностей, гниющих фруктов, свежего навоза, потеющих лошадей, мулов и людей — смесь запахов, настоявшихся на жарком солнце, действовала еще хуже, чем каждый из них в отдельности.

— Дорогу!

Кто-то грубо отпихнул его плечом в сторону и тут же скрылся. Логен прислонился к покрытой копотью стене и вытер пот со лба.

— Что, не похоже на просторный и пустынный Север, а, Девятипалый? — улыбнулся Байяз.

— Да уж...

Логен рассматривал снующих мимо людей, лошадей, повозки, бесконечный поток лиц. Один из прохожих глянул на него с подозрением. Какой-то мальчишка показал пальцем и что-то прокричал. Женщина с корзиной быстро обошла его стороной, испуганно оглядываясь. Логен вдруг осознал, что на него смотрят с опаской.

Он наклонился к Малахусу:

— На Севере меня боятся и ненавидят. Мне это не нравится, но я хотя бы знаю, по какой причине.

Несколько угрюмых моряков пристально мерили его суровыми взглядами, вполголоса переговариваясь. Он озадаченно смотрел на них, пока те не скрылись за грохочущим фургоном.

— Но почему меня ненавидят здесь?

— Бетод движется быстро, — проворчал Байяз, хмуро взирая на толпу. — Он уже начал войну с Союзом. Боюсь, северяне в Адуе сейчас не слишком популярны.

— Откуда они знают, что я родом с Севера?

— Ты несколько выделяешься, — объяснил Малахус, приподняв бровь.

Логен дернулся в сторону и дал дорогу паре хохочущих юнцов, промелькнувших мимо.

— Выделяюсь? Среди всего этого?

— Всего лишь как огромный, покрытый шрамами, грязный верзила.

— А-а. — Он оглядел себя. — Да, понимаю.

Вдали от доков толпа поредела, воздух стал чище, шум ослабел. Вернее, здесь по-прежнему былолюдно, душно и шумно, но Логен хотя бы мог вздохнуть.

Они шли по широким мощеным площадям, украшенным цветами и статуями. Над дверьми домов висели ярко раскрашенные деревянные таблички: голубая рыба, розовые поросята, лиловые гроздья винограда, коричневые караваи хлеба. На солнце были выставлены столы и стулья, за ними сидели люди, они ели из плоских котелков и пили из зеленых стеклянных кружек. Логен и его спутники пробирались по узким улочкам, где над ними склонялись ветхого вида деревянные оштукатуренные здания, почти сходящиеся вверху над головами, оставляя в промежутке лишь тонкую полоску голубого неба. Они блуждали по широким дорогам, вымощенным булыжником, кишачим людьми и окаймленным огромными белыми строениями. Логен с изумлением рассматривал все, что попадалось ему на глаза.

Ни в одном болоте, каким бы туманным оно ни было, и ни в одном лесу, каким бы он ни был густым, Логен не чувствовал себя таким потерянным. Он не имел представления, в каком направлении находится их корабль, хотя они сошли на берег не более получаса назад. Солнце скрывали высокие здания, и все вокруг казалось одинаковым. Логен приходил в ужас при мысли о том, что может потерять Байяза и Малахуса в толпе и уже никогда не сумеет их отыскать. Он спешил за лысым волшебником, выбираясь на открытое пространство. Они вышли на большую дорогу, шире любой из тех, которые Логен видел прежде. С обеих сторон ее окружали белые дворцы с высокими стенами и решетками, а также старые деревья.

Люди здесь выглядели необычно. Их разноцветная одежда странного покроя явно не служила ни для какой практической цели. Женщины вообще едва походили на людей — бледные и костлявые, закутанные в яркие ткани. Они обмахивались кусочками растянутой на палочках материи, когда выходили на жаркое солнце.

— Где мы? — прокричал Логен Байязу. Если бы волшебник ответил, что они на луне, он бы не удивился.

— Это Прямой проспект, одна из главных улиц города. Он ведет напрямик через самый центр города к Агрионту.

— К Агрионту?

— Это крепость, дворец, казармы и резиденция правительства. Город внутри города. Сердце Союза. Именно туда мы и идем.

— Вот как? — удивился Логен.

Группа хмурых молодых людей с подозрением оглядела его, когда он миновал их.

— А нас туда пустят?

— О да. Но им это придется не по вкусу.

Логен продолжал пробиваться сквозь толпу. Повсюду, куда ни глянь, солнце сверкало в стеклах окон — их тут были сотни. В Карлеоне имелось несколько стеклянных окон в самых роскошных зданиях; по крайней мере, до тех пор, пока город не разграбили. Потом, надо признать, стекол осталось мало. Можно сказать, почти совсем не осталось. Ищейка любил звук, который издавало разбиваемое стекло. Он протыкал окна копьем с широчайшей улыбкой на лице, восхищенный этим хрустом и звоном.

Но это далеко не самое худшее. Бетод отдал город своим карлам на три дня — таков был его обычай, и его любили за это. Логен потерял палец в сражении за день до того, и ему прижгли рану раскаленным железом. Она пульсировала и горела, а от боли он еще сильнее зверел — словно тогда ему требовался предлог для проявления жестокости. Он помнил ту вонь: кровь, пот и дым. И звуки: вопли, треск и смех.

— Пожалуйста...

Логен споткнулся и чуть не упал. Кто-то цеплялся за его ногу. Женщина сидела на земле возле стены. Ее одежда была грязной и рваной, лицо — бледным и изможденным от голода. Она держала что-то в руках. Какой-то сверток тряпья. Ребенок.

— Пожалуйста...

И больше ничего. Люди смеялись, болтали и сновали мимо, словно ее тут не было.

— Пожалуйста...

— У меня ничего нет, — пробормотал Логен.

Не более чем в пяти шагах от них человек в высокой шапке сел за стол и принялся болтать с другом, а перед ним дымилось блюдо с мясом и овощами. Логен потрясенно смотрел на тарелку с едой, на голодающую женщину...

— Логен! Пойдем! — Байяз взял его под локоть и поволок прочь.

— Но разве мы не должны...

— Ты что, не заметил? Они повсюду! Королю нужны деньги, и он обирает своих дворян. Дворяне обирают арендаторов, арендаторы — крестьян. И некоторые из них — старые, больные, лишние сыновья и дочери — теряют все до последней нитки. Слишком много ртов надо кормить. Те, кому повезет, становятся ворами или шлюхами, а остальные просят милостыню.

— Но...

— Прочь с дороги!

Логен рванулся к стене и прижался к ней, Малахус с Байязом сделали то же самое. Толпа расступилась, и по улице прошагала длинная колонна людей, направляемая вооруженными стражниками. Там были молодые, почти мальчишки, и очень старые. Все грязные, оборванные, и лишь немногие выглядели здоровыми. Двое сильно хромали и ковыляли вслед за остальными, как могли. У человека, шедшего ближе к голове колонны, осталась лишь одна рука. Какой-то прохожий в немыслимой малиновой куртке поднес квадратный кусочек ткани к своему сморщенному носу, пережидая, пока несчастные прошаркают мимо.

— Кто они? — шепотом спросил Логен у Байяза. — Преступники?

Маг засмеялся:

— Они солдаты.

— Это? Солдаты?

Логен воззрился на них: грязные, кашляющие, хромящие, некоторые босые...

— О да. Они идут воевать с Бетодом.

Логен потер виски.

— Один клан как-то послал самого никудышного из своих воинов биться со мной в поединке. Его звали Форли Слабейший. Так они показывали, что сдаются. Но зачем Союз посылает своих слабейших воевать? — Логен мрачно покачал головой. — Они не побьют Бетода с такой армией.

— Они отправят на войну и других. — Байяз указал на другую, меньшую группу. — Вон там тоже солдаты.

— Эти?

Он посмотрел на кучку худощавых юнцов, разодетых в яркие костюмы из красной и ярко-зеленой материи, в непомерно широких шляпах. У них имелись какие-то мечи, хотя их вряд ли можно было назвать воителями. Скорее, воительницы... Логен нахмурился, переводя взгляд с одной группы на другую. Грязные оборванцы — и разодетые юнцы. Трудно сказать, какая из этих армий страннее.

Дверь открылась, звякнул маленький колокольчик, и Логен вслед за Байязом вступил в низкий проход под аркой. Малахус двигался позади. После яркого уличного солнца лавка казалась темной, и глаза Логена не сразу привыкли к этому. Здесь, прислоненные к стене, стояли деревянные листы, размалеванные детскими изображениями зданий, лесов, гор. На стойках возле них висели странные одежды — ниспадающие мантии, слишком яркие платья, доспехи, гигантские шляпы и шлемы, кольца и драгоценные камни, даже одна массивная корона. Стойку поменьше занимало оружие — богато изукрашенные мечи и копья. Логен шагнул вперед и нахмурился. Это подделки! Ни один клинок не был настоящим. Оружие сделано из раскрашенного дерева, корона — из облезавшей жести, драгоценные камни — из цветных стеклышек.

— Что это за место?

Байяз рассматривал развешанные вдоль стены мантии.

— Лавка театрального реквизита, — ответил он.

— Что?

— Люди в этом городе любят зрелища. Спектакли — комедии, драмы, театр во всех его видах. Эта лавка торгует вещами, необходимыми для постановки пьес.

— Они разыгрывают истории? — Логен потыкал пальцем деревянный меч. — У некоторых людей, видно, очень много времени.

Маленький пухлый человечек появился из двери в задней части лавки и с подозрением оглядел Байяза, Малахуса и Логена.

— Могу ли я вам чем-то помочь, господа?

— Несомненно. — Байяз шагнул вперед и без затруднений заговорил на простонародном наречии. — Мы собираемся ставить пьесу, и нам нужны костюмы. Как мы поняли, ваша лавка предлагает самые лучшие театральные принадлежности в Адуде?

Владелец лавки нервно улыбнулся и покосился на чумадые лица и заляпанную дорожную одежду своих посетителей.

— Это действительно так, но, э-э... качество, господа, стоит дорого.

— Деньги не препятствие.

Байяз вытащил раздутый кошель и небрежно кинул на стойку. Кошель раскрылся, и по деревянной поверхности рассыпались тяжелые золотые монеты. Глаза лавочника загорелись огнем.

— Ну разумеется! Что конкретно вы хотели бы приобрести?

— Мне нужна величественная мантия, подходящая для мага, великого заклинателя или чего-нибудь в этом роде. Разумеется, в ней должно быть нечто мистическое. Затем нам потребуется аналогичное одеяние, разве что не столь впечатляющее, для ученика волшебника. И наконец, нам необходим наряд для могучего воина, принца с далекого Севера. Что-нибудь с меховой отделкой, так мне представляется.

— Все это я могу дать прямо сейчас. Пойду посмотрю, что у нас есть.

Владелец лавки скрылся за дверью позади стойки.

— К чему нам такое дерьмо? — спросил Логен.

Волшебник ухмыльнулся:

— Люди здесь от рождения занимают определенное положение. Есть простолюдины — они сражаются, возделывают землю и выполняют различные работы. Есть дворяне — они торгуют, что-то строят и создают, занимаются науками. Есть знать — они владеют землей и помыкают всеми остальными. И есть королевская семья... — Байяз взглянул на жестяную корону. — О, я забыл, для чего она нужна. На Севере ты можешь подняться так высоко, как только сумеешь. Достаточно посмотреть на нашего общего друга Бетода. Здесь же все по-другому: человек по рождению занимает определенное место. И если мы хотим, чтобы нас восприняли серьезно, мы должны выглядеть как люди очень высокородные. В нашей нынешней одежде нас не пропустят в ворота Агрионта.

Его речь прервал владелец лавки: он появился в дверях с охапками яркой материи в руках.

— Вот вам мистическая мантия, пригодная для самого могущественного волшебника! Использовалась в прошлом году для роли Иувина в постановке «Конец империи» на весеннем фестивале. Смею сказать, одна из моих лучших работ!

Байяз поднял мерцающее полотнище малиновой ткани повыше к слабому свету и с восхищением стал разглядывать его. Загадочные диаграммы, мистические надписи и символы солнца, луны и звезд посверкивали серебряными нитями.

Малахус провел рукой по сверкающей материи другого абсурдного одеяния, предназначенного для него.

— Ты не высмеял бы меня с ходу, Логен, если бы я появился возле

твоего костра в таком наряде! — сказал он.

— Может, и высмеял бы, — поморщился Логен.

— А вот здесь у нас великолепный образец варварского одеяния! — Лавочник вывалил на стойку тунику из черной кожи, украшенную блестящими медными завитками и обшитую паутиной бессмысленно тонкой кольчуги. Он указал на прилажавшийся к тунике меховой плащ: — Только взгляните, настоящий соболь!

Совершенно нелепое одеяние, равно непригодное для защиты и от холода, и от оружия. Логен скрестил руки на груди своей старой куртки.

— И ты думаешь, я это надену? — воскликнул он.

Лавочник нервно сглотнул.

— Вы должны простить моего друга, — проговорил Байяз. — Он актер нового направления. Он считает, что исполнитель должен полностью погрузиться в роль.

— Вот как? — пробормотал лавочник, оглядывая Логена с головы до ног. — Что ж, северяне сейчас... я бы сказал... актуальны.

— Несомненно. Уверяю вас, мастер Девятипалый — лучший в своем деле. — Старый волшебник ткнул Логена в бок. — Самый лучший. Я сам видел.

— Ну, если вы так говорите... — Лавочник явно сомневался. — Могут ли я поинтересоваться, что именно вы будете ставить?

— О, это новая пьеса. Я еще работаю над деталями. — Байяз постучал пальцем по своей лысой голове.

— Вот как?

— Да, это даже скорее сцена, чем целая пьеса, — ответил он и снова взглянул на мантию, восхищаясь игрой света на загадочных символах. — Сцена, в которой Байяз, первый из магов, в конце концов занимает свое место в закрытом совете.

— А-а. — Лавочник понимающе закивал. — Политическая пьеса! Может быть, сатира? Какого рода — комическая или драматическая?

Байяз искоса взглянул на Логена и сказал:

— Это пока не решено.

Варвары у ворот

Джезаль мчался по узкой улочке вдоль рва, по истертым камням мостовой. Огромная белая стена бесконечной лентой проносилась справа, мелькали башня за башней. Он совершал ежедневную пробежку вокруг Агрионта. С тех пор как Джезаль бросил пить, он необыкновенно окреп и сейчас почти не сбился с дыхания. Было совсем рано, улицы города оставались безлюдны. Время от времени появлялся какой-нибудь случайный прохожий, он смотрел на бегуна или даже кричал вслед одобрителные слова, но Джезаль не обращал на это внимания. Его взгляд не отрывался от сверкающей и покачивающейся воды во рву, а мысли блуждали далеко отсюда.

Арди. О чем еще он мог думать? После предупреждения Веста Джезаль перестал видаться с девушкой и надеялся, что его мысли быстро обратятся к другим материям и другим женщинам. Он усердно занимался фехтованием, он вспомнил о своих офицерских обязанностях, однако обнаружил, что совершенно не способен сосредоточиться. Другие женщины казались ему бледными, пустыми, утомительными существами. Длительные пробежки и однообразные упражнения позволяли его уму отвлекаться и блуждать свободно. Скука солдатской службы в мирное время была еще хуже: приходилось читать нудные газеты и стоять на страже того, на что никто не намерен покушаться. Внимание неизбежно рассеивалось, и перед Джезалем появлялась она.

Арди в простой крестьянской одежде, раскрасневшаяся и вспотевшая после тяжелой работы в поле. Арди в пышном уборе принцессы, сверкающем драгоценными камнями. Арди, купающаяся в лесном озере, пока Джезаль прячется в кустах и подглядывает за ней. Она же, строгая и сдержанная, поднимающая на него робкий взор из-под густых ресниц. Арди — портовая шлюха, манящая к себе из дверей грязного притона. Фантазии были бесконечны, но все заканчивались одинаково.

Часовая пробежка вокруг Агрионта завершилась, и Джезаль направился по мосту к южным воротам. Отдав службе ежедневную дань равнодушия, он проверил караульных, прорысил через туннель и стал подниматься вверх, чтобы пройти внутрь крепости по длинному наклонному пандусу. Затем свернул к дворику, где его должен был ожидать маршал Варуз. И все это время Арди оставалась где-то в закоулках его мозга.

Нельзя сказать, что ему было не о чем больше беспокоиться. Турнир приближался, неуклонно приближался. Скоро Джезаль выйдет на бой перед возбужденной публикой, среди которой будут его родные и друзья. Это прославит его... или опозорит. Ему следовало бы проводить бессонные ночи в бесконечных думах о позициях, поединках и клинках. Однако он думал совсем о другом.

Кроме того, надвигалась война. Здесь, на залитых солнцем улицах Агрионта, легко позабыть о том, что в Инглию вторглись орды свирепых варваров. Вскоре он отправится на Север, поведет солдат в бой. Несомненно, мысли об этом должны занимать человека целиком. На войне его могут ранить, искалечить, даже убить. Джезаль попытался воссоздать в памяти подергивающееся, кривящееся, разрисованное лицо Фенриса Наводящего Ужас. Легионы вопящих дикарей, лавиной идущие на Агрионт. Война — ужасное дело, опасное и страшное.

Да...

Арди родом из Инглии. Что, если она попадет в руки северян? Джезаль, разумеется, бросится ей на выручку. Ей не причинят вреда. Во всяком случае, не сделают ничего страшного. Ну разве что немного порвут платье, что-то в этом роде... Она, без сомнения, перепугается и почувствует благодарность к своему спасителю. Он, конечно же, будет обязан утешить ее. Может быть, она даже упадет в обморок? Тогда ему придется нести ее на руках, и ее голова склонится ему на плечо. Возможно, придется положить ее на землю и немного расстегнуть платье... Их губы встретятся, тихо коснутся друг друга. Она, наверное, приоткроет рот, и тогда...

Джезаль споткнулся на полушаге, в паху у него стало тесно от возбуждения. Эти грезы приятны, но едва ли совместимы с энергичной пробежкой. Дворик был уже рядом, а подобное состояние никак не подходило для тренировки. Капитан в отчаянии огляделся по сторонам. Он искал, на что бы переключить внимание, и едва не поперхнулся: у стены стоял майор Вест, одетый для фехтования и наблюдавший за приближением Джезали с необычайно угрюмым выражением лица. На мгновение капитан испугался: а вдруг Вест сумел угадать, о чем он думает? Он нервно сглотнул, ощущая, как краска разливается по лицу. Нет, Вест не может такого знать, просто не может. Однако майор чем-то очень недоволен.

— Луфар, — буркнул он.

— Вест.

Джезаль уставился на свои сапоги. Они не очень-то ладили с тех пор, как Вест стал служить в штабе лорд-маршала Берра. Джезаль уверял себя,

будто рад за приятеля, но не мог избавиться от ощущения, что сам он лучше подходит для такого поста — ведь у него безупречное происхождение, невзирая на отсутствие боевого опыта. Кроме того, друзей разделяла Арди и то неприятное, излишнее предупреждение Веста. Все знали, что майор первым прошел сквозь брешь при Ульриохе. Все знали, что он дьявольски вспыльчив. Эта вспыльчивость казалась Джезалю привлекательной чертой до тех пор, пока он не испытал ее действие на себе.

— Варуз ждет. — Вест повернулся и зашагал к входу во двор. — И он там не один.

— Не один?

— Маршал решил, что тебе пора привыкать к зрителям.

Джезаль нахмурился и отозвался:

— Странно, что это нужно кому-то сейчас, когда впереди война.

— Ты будешь удивлен, но борьба, фехтование и прочие военные искусства сейчас пользуются огромным успехом. Люди носят шпаги — даже те, кто ни разу не вытаскивал их из ножен. Всех просто в дрожь бросает при мысли о предстоящем турнире, поверь мне.

Они вошли в залитый ярким светом двор, и Джезаль заморгал: вдоль стены был наспех сооружен помост со скамьями, заполненными зрителями. Там собралось человек шестьдесят, если не больше.

— А вот и он! — крикнул маршал Варуз.

По рядам пронесся шелест вежливых аплодисментов. Джезаль осознал, что широко улыбается — среди публики находилось несколько очень значительных людей. Он заметил верховного судью Маровию, тот поглаживал свою длинную бороду. Недалеко от него со слегка скупающим видом сидел лорд Ишер. Сам кронпринц Ладислав развалился в переднем ряду, сверкая рубашкой из паутинно-тонкой кольчуги и восторженно хлопая в ладоши. Людям, расположившимся на скамьях позади него, приходилось отклоняться в стороны, чтобы выглянуть из-за мотающегося пышного плюмажа на великолепной шляпе принца.

Варуз вручил Джезалю его клинки, по-прежнему сияя улыбкой.

— Только попробуй осрамить меня! — прошипел он тихо.

Джезаль нервно кашлянул, поднял голову и взглянул на ряды охваченных предвкушением людей. Его сердце дрогнуло: из толпы на него насмешливо оскалилась беззубая улыбка инквизитора Глокты, а в следующем ряду сидела... Арди Вест. Выражение ее лица совсем не походило на то, что он воображал в своих грезах: одновременно сердитое, укоряющее и просто скупающее. Он отвел взгляд и уставился на

противоположную стену, в душе проклиная себя за трусость. Похоже, сегодня он не в силах ни на кого смотреть.

— Поединок с полузаточенными клинками! — провозгласил лорд-маршал. — До трех касаний!

Вест уже вытащил шпаги и шел в сторону круга, размеченного мелом на аккуратно подстриженной траве. Сердце Джекзала бешено колотилось, пока он неуклюже вытаскивал клинки из ножен и чувствовал, что все взоры направлены на него. Осторожно ступая по траве, он приблизился к своей отметке напротив Веста. Майор поднял оружие. Джекзал последовал его примеру. Они замерли друг против друга.

— Начинайте! — крикнул Варуз.

Очень скоро стало ясно, что Вест не намерен поддаваться. Он ринулся вперед с яростью, превосходившей его обычный напор, и обрушил на Джекзала град резких выпадов. Клинки скрестились и зазвенели. Капитан немного уступил, по-прежнему чувствуя себя неловко под ожидающими взглядами публики, среди которой находились такие важные персоны. Но к тому времени, когда Вест оттеснил его к самому краю круга, нервозность уменьшилась, а опыт тренировок стал брать свое. Джекзал увернулся от выпада Веста и получил пространство для маневра. Нырняя и пританцовывая, избегая ловушек, он стремительно парировал несколько ударов.

Люди словно исчезли, и даже Арди он больше не видел. Шпаги двигались сами по себе — вперед и назад, вверх и вниз, — Джекзал мог даже не смотреть на них. Но он видел, как мечется взгляд Веста, пытающегося уследить и за рапирами, и за движениями ног противника, чтобы угадать его намерения.

Джекзал почувствовал приближение атаки еще до того, как майор перешел в наступление. Луфар сделал ложный выпад в одну сторону, потом повернулся в другую и плавно скользнул за спину Веста, ринувшегося вперед. Теперь оставалось лишь легким пинком выпихнуть противника из круга.

— Касание! — провозгласил маршал Варуз.

Майор распластался по земле лицом вниз. По толпе пробежала рябь смешков.

— Касание в области зада! — загоготал кронпринц; его плюмаж ходил ходуном от веселья. — Один — ноль в пользу капитана Луфара!

Вест совсем не казался грозным теперь, когда лежал лицом в грязи. Джекзал отвесил публике легкий полупоклон и, выпрямляясь, рискнул послать улыбку Арди. Но он с разочарованием обнаружил, что девушка

даже не смотрит в его сторону. Она глядела на барахтавшегося в пыли брата, и на лице ее проступала незаметная жестокая усмешка.

Вест медленно поднялся на ноги.

— Хорошее касание, — пробормотал он сквозь стиснутые зубы, снова вступая в круг.

Джезаль занял позицию, с трудом подавив улыбку.

— Начинайте! — крикнул Варуз.

Вест снова рьяно ринулся в бой, но Джезаль уже разогрелся. Приглушенное бормотание толпы омывало его, и он как будто танцевал с клинком, прыгая из стороны в сторону и уходя от ударов. Он стал делать причудливые взмахи, росчерки шпагой, и публика охала при виде того, как эффектно он отбивает атаки Веста. Никогда еще Джезаль не фехтовал так хорошо, никогда не двигался так плавно. Противник, превосходивший его по росту, уже начал уставать, его выпады стали менее резкими. Вот длинные клинки с лязгом сомкнулись... С силой вывернув правое запястье, Джезаль вырвал оружие из пальцев Веста, шагнул вперед и хлестнул майора левым клинком.

— О! — Вест сморщился, выронил короткую шпагу и отпрыгнул, схватившись за предплечье. Несколько капель крови прострочили землю.

— Два — ноль! — объявил Варуз.

Кронпринц вскочил на ноги, шляпа слетела с его головы — в такой восторг он пришел при виде крови.

— Превосходно! — завопил он. — Великолепно!

Другие вслед за ним тоже повскакали с мест и громко зааплодировали. Джезаль нежился в лучах одобрения, на его лице цвела широкая улыбка, каждый мускул вибрировал от счастья. Теперь он понимал, ради чего так долго тренировался.

— Отличный бой, Джезаль, — пробурчал Вест. По его предплечью стекала струйка крови. — Ты стал слишком хорош для меня.

— Прости, что я тебя порезал. — Джезаль ухмыльнулся, совсем не чувствуя себя виноватым.

— Пустяки. Царапина.

Вест пошел прочь, хмуясь и держась за запястье. Никто не обратил внимания на его уход, и меньше всех — сам Джезаль. На соревнованиях смотрят только на победителя.

Лорд Маровия первым поднялся со скамьи, чтобы поздравить Джезаль.

— Какой многообещающий молодой человек, — сказал он, приветливо улыбаясь. — Однако сможет ли он побить Бремера дан Горста, как вы

считаете?

Варуз отечески хлопнул Джезала по плечу и ответил:

— Я уверен, что он побьет кого угодно, если будет в настроении.

— Хм, а вы видели, как Горст фехтует?

— Нет. Но я слышал, что это весьма впечатляет.

— Вот именно. Он просто дьявол! — воскликнул верховный судья и приподнял кустистые брови. — С нетерпением предвкушаю их встречу. Вы никогда не подумывали о карьере юриста, капитан Луфар?

Джезаль был застигнут врасплох.

— Ну... Вообще-то нет, ваша милость, — пробормотал он. — Я, собственно... я офицер.

— О, разумеется, вы офицер. Но сражения и тому подобное черт знает как отражаются на нервах. Если вы когда-нибудь решите уйти со службы, думаю, у меня найдется для вас место. Я всегда нахожу применение талантливым людям.

— О, благодарю вас.

— Ну что ж, тогда увидимся на турнире! Удачи, капитан, — бросил он через плечо и неспешно удалился. Он явно считал, что Джезаль очень нужна удача.

Его высочество принц Ладислав был более оптимистичен.

— Ну, Луфар, вы мне угодили! — прокричал он и принялся рубить воздух пальцами, изображая фехтовальные клинки. — Пожалуй, я удвою сумму, которую на вас поставил!

Джезаль почтительно поклонился:

— Ваше высочество, вы слишком добры.

— Вы мой человек! Настоящий солдат! Фехтовальщик должен сражаться за свою страну, не так ли, Варуз? Почему же этот Горст не солдат?

— Если не ошибаюсь, он все-таки солдат, ваше высочество, — мягко возразил лорд-маршал. — Он родственник лорда Брока и служит в его персональной охране.

— А-а. — Принц, казалось, на мгновение смутился, но быстро воспрянул духом. — Ну все равно вы мой человек! — крикнул он Джезаль, снова делая выпады пальцами. Перо на его шляпе раскачивалось взад и вперед. — Вы как раз тот человек, что мне нужен!

Принц подпрыгивающей походкой двинулся к выходу из дворика. Его декоративная кольчуга блестела.

— Очень эффектно, — раздался голос.

Джезаль резко развернулся и сделал неловкий шаг назад. На него

насмешливо смотрел Глокта, незаметно подобравшийся сзади. Будучи калекой, он обладал сверхъестественным талантом в этой области.

— Какое счастье для всех нас, что вы все же не бросили это дело! — продолжал он.

— У меня никогда не было такого намерения, — холодно отрезал Джезаль.

Глокта пососал свои десны.

— Ну как скажете, капитан, как скажете.

— Так и скажу!

Джезаль резко отвернулся от него, не желая больше никогда говорить с этим омерзительным человеком, — и обнаружил, что смотрит прямо в лицо Арди. Она стояла совсем рядом, в каком-то футе от него.

— Ах! — выдохнул он, снова отступая назад.

— Джезаль, — произнесла она. — Что-то я давно вас не видела.

— Э-э...

Он замялся и нервно огляделся по сторонам. Глокта уже ковылял прочь, Вест давно ушел. Варуз увлеченно разговаривал с лордом Ишером и его спутниками, еще остававшимися во дворе. На Джезаль и Арди никто не смотрел. Он должен поговорить с ней. Он должен прямо сказать, что не может больше с ней видаться. Он должен признаться.

— Э-э... — снова пробормотал он.

— Больше вам нечего мне сказать?

— Э-э...

Он круто развернулся на каблуках и ушел, сгорая со стыда.

После этих неожиданных переживаний скука сторожевой службы у южных ворот казалась почти благословением. Джезаль уже предвкушал, как будет лениво разглядывать вереницу людей, входящих и выходящих из Агрионта, и слушать пустую болтовню лейтенанта Каспы. Однако его мечтания развеялись, едва он дошел до места.

Каспа вместе с нарядом солдат в латах сгруппировались у наружных ворот, где старый мост через ров проходил между двумя массивными сторожевыми башнями, покрытыми белой штукатуркой. Джезаль дошел до конца длинного туннеля и увидел, что кроме солдат и Каспы там был кто-то еще. Щупленький, дерганый человечек в очках. Джезаль кое-как опознал его: некий Морроу, один из свиты лорд-камергера. У него не было никаких причин находиться здесь.

— Капитан Луфар, вот счастливое совпадение!

Джезаль вздрогнул. Это был тот безумец Сульфур — сидел на земле,

скрестив ноги и прислонившись спиной к глухой стене сторожевой башни.

— Какого черта он здесь делает? — рявкнул Джезаль.

Каспа открыл рот, чтобы ответить, но Сульфур опередил его:

— Не обращайтесь на меня внимания, капитан. Я просто жду своего господина.

— Господина? — Страшно подумать, каким нужно быть идиотом, чтобы взять на службу этого идиота.

— Вот именно! Он должен явиться очень скоро. — Сульфур сощурился и поглядел на солнце. — Говоря по правде, он уже слегка запаздывает.

— Неужели?

— Да. — Сумасшедший снова расплылся в дружелюбной улыбке. — Но он прибудет, Джезаль, можешь не сомневаться.

Джезаль решил, что такая фамильярность переходит все границы. Он едва знал Сульфура, и этот человек ему не нравился. Джезаль открыл рот, чтобы высказать это вслух, но безумец внезапно вскочил на ноги, отряхнулся и схватил свою прислоненную к стене палку.

— Вот они! — воскликнул он, кивая на ту сторону рва.

Джезаль проследил за взглядом безумца.

Через мост целеустремленно шагал величавый лысый старик. За его плечами развевалась по ветру великолепная мантия — переливчатая, красная с серебром. За ним по пятам следовал болезненного вида юноша. Слегка склонив голову, словно испытывая благоговейный трепет перед стариком, юноша нес перед собой на вытянутых руках длинный посох. Третьим шел свирепый великан в тяжелом меховом плаще, на добрую половину головы выше обоих спутников.

— Какого черта... — начал Джезаль и осекся.

Кажется, он где-то видел этого старика. Лорд из открытого совета? Или иностранный посол? Несомненно, выглядел старик весьма внушительно. Пока депутация приближалась, Джезаль рылся в памяти, пытаясь понять, кто же это.

Дойдя до сторожевой башни, старик остановился и обвел Джезала, Морроу, Каспу и стражников повелительным взглядом сверкающих зеленых глаз.

— Йору, — проговорил он.

Сульфур сделал шаг вперед и низко поклонился.

— Мастер Байяз, — пробормотал он, и в голосе его звучало глубочайшее почтение.

Ну конечно! Вот почему Джезалю почудилось, что он знает старика:

тот имел определенное сходство со статуей Байяза из аллеи Королей. Той самой статуей, мимо которой Джезаль столько раз пробегал. Может быть, гость оказался немного полнее, но выражение его лица — суровое, мудрое, спокойное и властное — было тем же самым. Джезаль нахмурился. Значит, старика называют Байязом? Капитану это не понравилось. Ему не понравился и вид тощего юнца с посохом. А еще меньше — третий чужеземец.

Вест часто говорил Джезалю, что северяне, которых можно встретить в Адуе (как правило, грязные оборванцы, шныряющие возле доков или валяющиеся пьяными в канавах), ни в коей мере не являются образцом своего народа. Северяне с далекого Севера, где они живут на свободе, сражаются, враждуют, пируют и делают все прочее, им присущее, принадлежат к совершенно иному типу. Джезаль представлял их высокими, свирепыми и красивыми людьми, имеющими в своем облике нечто романтическое. Сильные, но изящные. Дикие, но благородные. Жестокие, но искусные. Люди, чьи глаза всегда устремлены вдаль.

Этот третий выглядел совсем по-другому.

Никогда в жизни Джезаль не встречал человека столь зверского вида. Даже Фенрис Наводящий Ужас по сравнению с ним казался относительно цивилизованным. Лицо северянина, словно исхлестанную кнутом спину, крест-накрест покрывали рваные шрамы; сломанный нос смотрел немного в сторону; одно ухо было искалечено; один глаз, под которым проходил полумесяц шрама, располагался чуть выше второго. Словом, физиономия великана была помятой, изломанной, кособокой, как у профессионального кулачного бойца, выдержавшего слишком много схваток. Выражение лица тоже рождало подозрения, что северянин повредил голову в бою. Он глазел на сторожевую башню, разинув рот и наморщив лоб, и озирался вокруг с каким-то звериным любопытством.

Он был одет в длинный меховой плащ и кожаную тунику, вышитую золотом. Эта вершина варварского великолепия лишь придавала ему еще больше дикости. Бросался в глаза длинный тяжелый меч у него на поясе. Запрокинув голову и глядя на высокие стены башни, великан поскреб сквозь щетину большой розовый шрам на щеке, и Джезаль заметил, что у северянина не хватает одного пальца — лишнее доказательство того, что жизнь его переполнена насилием.

Позволить такому здоровенному дикарю пройти в Агрионт, когда идет война с Севером? Это немыслимо! Однако Морроу уже пробрался вперед.

— Лорд-камергер ожидает вас, господа. — Он разливался соловьем, кланяясь и подбираясь поближе к старику. — Если вам будет угодно пройти

со мной...

— Минутку! — Джебаль схватил заместителя за локоть и оттащил в сторону. — И он тоже? — недоверчиво спросил он, кивая на дикаря в плаще. — Мы же с ними воюем!

— Лорд Хофф высказался в высшей степени определенно! — Морроу вырвал руку, сверкнув на капитана очками. — Можете задержать его, если хотите, но вам придется объяснить это лорд-камергеру!

Джебаль занервничал. Подобная идея совсем не привлекала его. Он посмотрел на старика, но не смог долго выдержать его взгляд. Гости окружала атмосфера тайны, словно он знал нечто такое, о чем никто другой даже не догадывался. И именно это внушало тревогу.

— Вы... должны... оставить... оружие... здесь! — проговорил Джебаль, стараясь произносить слова как можно медленнее и отчетливее.

— С радостью.

Северянин вытащил из-за пояса меч и протянул ему. Оружие тяжелым грузом легло в руку Джебаль: огромное, примитивное, жестокое. Северянин прибавил к мечу длинный нож, затем опустился на колени и вытащил второй из сапога. Потом достал третий нож из-за пояса и четвертый — с тонким лезвием — из рукава. Он свалил их грудой в протянутые руки Джебаль и широко улыбнулся. Это была отвратительная улыбка: рваные шрамы сморщились и кожа пошла складками, отчего лицо сделалось еще более асимметричным, чем прежде.

— Ножей никогда не бывает слишком много, — проворчал он низким, скрежещущим голосом.

Никто не засмеялся, но ему, по-видимому, было все равно.

— Ну что, идем? — спросил старик.

— Без промедления, — отвечал Морроу и повернулся, чтобы двинуться в обратный путь.

— Я пойду с вами, — заявил Джебаль и сгрузил оружие на руки Каспы.

— Вряд ли это необходимо, капитан, — протянул Морроу.

— Я настаиваю!

Когда они явятся к лорд-камергеру, северянин может убивать кого вздумается, это Джебаль уже не касается. Но пока гости не добрались туда, он отвечает за любую дикарскую выходку. Будь он проклят, если позволит такому случиться.

Стражники расступились, и странная процессия прошла в ворота. Первым шагнул Морроу, шепча через плечо подобострастную чушь старику в великолепном одеянии. Бледный юноша шел вторым, за ним следовал

Сульфур. Десятипалый северянин тяжело топал позади.

Джезаль двинулся следом. Он заткнул большой палец за пояс поближе к эфесу шпаги, чтобы быстро вытащить ее при необходимости, и неотрывно наблюдал за северянином. Однако вскоре он должен был признать, что великан не замышляет убийство. На изрубленном лице отражались лишь любопытство, изумление и даже некоторое смущение; северянин то и дело замедлял шаг, задирает голову, разглядывая здания, тряс головой, скреб щетину и бормотал что-то себе под нос. Время от времени он пугал прохожих своей улыбкой, но в остальном не казался опасным. Джезаль понемногу успокоился — пока они не дошли до площади Маршалов.

Там северянин внезапно остановился. Джезаль схватился за шпагу, но глаза дикаря были устремлены вперед. Не отрываясь, он глядел на фонтан. Потом медленно двинулся вперед, осторожно поднес к нему толстый палец и ткнул им в сверкающую струю. Вода брызнула в лицо северянина, и он отскочил прочь, едва не сбив Джезаль с ног.

— Родник? — прошептал он. — Но как?..

Господи помилуй! Этот человек — сущее дитя. Дитя шести с половиной футов ростом, с лицом изрубленным, словно колода мясника.

— Там трубы! — Джезаль топнул ногой по булыжной мостовой. — Трубы... под... землей!

— Трубы, — тихо отозвался дикарь, не отрывая глаз от пенящейся воды.

Остальные шагали вперед и уже приблизились к величественному зданию, где Хофф разместил свою канцелярию. Джезаль потихоньку отошел от фонтана, надеясь, что безмозглый дикарь последует за ним. К его облегчению, тот так и поступил, покачивая головой и без конца бормоча себе под нос:

— Трубы...

Они вошли в прохладный сумрак приемной лорд-камергера. На скамьях вдоль стен сидели люди, причем некоторые, судя по их виду, ждали здесь довольно долго. Все подняли головы, когда Морроу провел странную компанию мимо просителей, напрямик к кабинету Хоффа. Очкастый заместитель отворил перед ними тяжелую двустворчатую дверь и встал рядом, ожидая, пока пройдут один за другим: сначала лысый старик, затем его прихвостень с посохом, за ним безумный Сульфур и, наконец, десятипалый дикарь-северянин. Джезаль собрался войти следом, но Морроу встал на пороге, преградив путь.

— Премного благодарен вам за помощь, капитан, — сказал он,

холодно улыбаясь. — Теперь вы можете возвратиться к воротам.

Джезаль глянул через его плечо в кабинет и увидел мрачного лорд-камергера, сидевшего за длинным столом. Рядом расположился архилектор Сульт, смотревший угрюмо и подозрительно. Верховный судья Маровия тоже был там, и на его морщинистом лице сияла улыбка. Три члена закрытого совета!

Но тут Морроу закрыл перед Джезалем дверь.

Что дальше

— Я вижу, у вас новый секретарь, — заметил Глокта как бы между прочим.

Архилектор улыбнулся:

— О да. Старый оказался не совсем в моем вкусе. Он, знаете ли, имел слишком длинный язык.

Глокта застыл, не донеся бокал с вином до рта.

— Он передавал наши секреты торговцам шелком, — небрежно продолжал Сульт, словно это было общеизвестно. — Я понял это довольно давно. Но вы можете не волноваться: он не сообщил им ничего такого, что я хотел бы утаить.

«Значит... Ты знал предателя! Ты знал его с самого начала!»

Глокта принялся перебирать в уме события последних нескольких недель, разбирать их на части и складывать вместе в свете этого нового знания. Он поворачивал их так и сяк до тех пор, пока они не совпадали, при этом старался скрыть удивление.

«Ты оставил запись признания Реуса там, где твой секретарь не мог не увидеть ее. Ты не сомневался, что торговцы шелком узнают имена из списка, и догадывался, что они сделают после. Ты понимал, что этим они сыграют тебе на руку: дадут прямо в руки заступ, которым ты сумеешь их закопать. И все это время ты подогревал мои подозрения насчет Калина, хотя прекрасно знал, через кого происходила утечка. Дело разворачивалось в точности по твоему плану».

Архилектор глядел на него с понимающей улыбкой.

«Могу поклясться, ты и сейчас прекрасно знаешь, о чем я думаю. Я был пешкой в твоей игре, как и этот червяк-секретарь. — Глокта подавил смешок. — Мое счастье, что я был пешкой на выигрышной стороне. Я ни минуты не подозревал, что здесь что-то не так».

— Он продал нас за оскорбительно низкую цену, — продолжал Сульт, неприязненно скривив губы. — Осмелюсь предположить, что Каулт мог дать в десять раз больше, если бы у него хватило ума попросить. У молодого поколения совершенно нет честолюбия. Они почитают себя значительно умнее, чем есть на самом деле.

Он внимательно рассматривал Глокту своими холодными голубыми глазами.

«Я ведь тоже принадлежу к молодому поколению, более или менее.

Мое унижение заслуженно».

— Ваш секретарь понес наказание?

Архилектор аккуратно поставил бокал на стол, не произведя почти никакого шума, когда ножка соприкоснулась с деревянной поверхностью.

— О да. Самое суровое. И больше нам не стоит тратить время на разговоры о нем.

«Ручаюсь, что так. Тело, найденное плавающим возле доков...»

— Должен признаться, я был немало удивлен, когда вы указали на наставника Калина как на источник утечки сведений. Этот человек принадлежит к старой гвардии. Конечно, ему случалось пару раз проявлять снисходительность — отводить глаза, когда дело касалось пустяковых вопросов. Но предать инквизицию? Продавать наши секреты торговцам шелком? — Сулыт фыркнул. — Никогда в жизни! Вы же в ваших суждениях позволили себе исходить из личной неприязни к этому человеку.

— Мне казалось, что Калин — единственно возможный вариант, — пробормотал Глокта и тут же пожалел об этом: «Глупо, глупо! Ошибка сделана, и ее не исправить. Лучше держать рот на замке».

— Казалось? — Архилектор пощелкал языком с видом глубочайшего неодобрения. — Нет-нет, инквизитор. Того, что кажется, для нас недостаточно. В будущем мы будем строго придерживаться фактов, если вы позволите. Но не стоит слишком расстраиваться из-за этого — я позволил вам положиться на инстинкт, и вышло так, что ваш просчет лишь укрепил нашу позицию. Калин удален со своего поста... — «Тело, найденное плавающим...» — В настоящий момент наставник Гойл уже покинул Инглию и движется сюда, чтобы вступить в должность наставника Адуи.

«Гойл? Гойл едет сюда? Этот подонок — новый наставник Адуи?» Глокта не смог сдержать презрительной гримасы.

— Вы с ним не самые лучшие друзья, не так ли, Глокта?

— Он тюремщик, но никак не следователь. Его не интересует, виновен человек или невиновен. Его не интересует истина. Он пытается людей просто ради удовольствия.

— Бросьте, Глокта. Не хотите ли вы сказать, что не испытываете возбуждения, когда узники открывают свои секреты? Когда они называют имена? Когда они подписывают признания?

— Это не доставляет мне удовольствия. — «Мне ничто не доставляет удовольствия».

— Однако вы прекрасно справляетесь со своим делом. Так или иначе, Гойл вызван сюда, и, что бы вы о нем ни думали, он один из нас. Он весьма опытен и достоин доверия, предан интересам короны и государства. Знаете,

когда-то он был моим учеником.

— Вот как?

— Да. Он занимал ту же должность, какую сейчас занимаете вы... Значит, она все-таки сулит вам определенную перспективу! — Архилектор засмеялся собственной шутке, Глокта тоже принужденно улыбнулся. — В любом случае, все сложилось наилучшим образом, и вас можно поздравить: вы успешно сыграли роль в этом деле. Вы хорошо поработали.

«Достаточно хорошо, чтобы до сих пор остаться в живых».

Сульт поднял бокал, и они выпили без всякой радости, настороженно глядя друг на друга поверх кубков.

Глокта откашлялся:

— Магистр Каулт перед своей прискорбной кончиной упомянул кое-какие интересные вещи.

— А именно?

— У торговцев шелком имелся партнер. Возможно, старший партнер. Банк.

— Хм. Переверни купца, и наверняка найдешь банкира. И что с того?

— Я подозреваю, что банкиры знали обо всем — о контрабанде, о мошенничествах, об убийствах. Я подозреваю, что именно они вдохновляли дело. Может быть, даже отдавали распоряжения в расчете получить большой доход со своих ссуд. Могу ли я начать расследование, ваше преосвященство?

— Что за банк?

— Валинт и Балк.

Архилектор погрузился в размышления, разглядывая Глокту жесткими голубыми глазами.

«Может быть, он уже знает про банкиров? Может быть, знает гораздо больше, чем я? Как там сказал Каулт: ты хочешь найти предателей, Глокта, так ищи их в Допросном доме...»

— Нет, — отрывисто сказал Сульт. — У этого банка слишком большие связи. Им очень многие обязаны, а без Каулта будет затруднительно что-либо доказать. От торговцев шелком мы получили все, что нужно, и у меня есть для вас более насущная задача.

Глокта поднял голову: «Новая задача?»

— Я рассчитывал допросить тех, кого мы арестовали в здании гильдии, ваше преосвященство. Может оказаться, что...

Архилектор отмахнулся от Глокты затянутой в перчатку рукой.

— Нет. Так дело затянется на месяцы. Я поручу Гойлу разбираться с ними. — Он нахмурился. — Или, может быть, вы возражаете?

«То есть я вспахал поле, посеял семена, поливал всходы, а Гойл будет собирать урожай? Справедливо, ничего не скажешь».

Глокта смиренно склонил голову:

— Разумеется, нет, ваше преосвященство.

— Это хорошо. Вы, возможно, осведомлены о необычных визитерах, прибывших к нам вчера?

«Визитеры?»

Всю последнюю неделю Глоктору ужасно мучила спина. Накануне он кое-как выбрался из постели, чтобы посмотреть на выступление этого кретина Луфара, и больше не выходил из своей крошечной комнатухи. Он был в буквальном смысле не способен передвигаться.

— Я ничего не заметил, — откровенно признался он.

— Нас посетил Байяз, первый из магов.

Глокта снова изобразил натянутую улыбку, но архилектор не смеялся.

— Вы, разумеется, шутите? — спросил инквизитор.

— Если бы!

— Шарлатан, ваше преосвященство?

— А что же еще? Но шарлатан выдающийся. Здравомыслящий, рассудительный, умный. Его обман разработан до мельчайших подробностей.

— Вы говорили с ним?

— Говорил. Он весьма убедителен. Ему известны многие вещи — то, о чем он не может знать. От такого нельзя просто отмахнуться. Кем бы он ни был, он имеет хорошее финансирование и источники информации. — Архилектор сдвинул брови. — При нем какой-то звероподобный перебежчик-северянин.

Глокта нахмурился.

— Северянин? Это совсем не похоже на них. Северяне всегда были очень прямолинейными людьми.

— Ты читаешь мои мысли.

— Тогда, возможно, императорский шпион? Гурки?

— Возможно. Кантыйцы тоже любят хорошую интригу, но они стремятся оставаться в тени. Не думаю, чтобы наши ряженные гости имели к ним отношение. Подозреваю, ответ лежит где-то ближе к дому.

— Дворяне, ваше преосвященство? Брок? Ишер? Хайген?

— Возможно, — задумчиво повторил Сульт, — возможно. Они достаточно раздражены для этого. Или же наш старый друг верховный судья. Мне показалось, он как-то чересчур обрадовался происходящему. Сразу видно, он что-то замышляет.

«Дворяне, верховный судья, северяне, гурки. Это может быть кто угодно из них или кто угодно другой. Но зачем?»

— Я не понимаю, архилектор. Если они шпионы, зачем такие хлопоты? Наверняка есть более простые способы пробраться в Агрионт.

— В том-то и дело. — На лице Сульта появилась самая мрачная гримаса, какую только видел Глокта. — В закрытом совете пустует одно кресло. Оно пустовало всегда. Бессмысленная традиция, дань этикету: кресло оставлено для мифической фигуры, мертвой на протяжении уже нескольких сотен лет. Никто никогда не предполагал, что появится человек, который заявит на это кресло свои права.

— И он это сделал?

— Именно! Он потребовал этого! — Архилектор поднялся на ноги и зашагал вокруг стола. — По-моему, это немыслимо! Какой-то шпион, неведь откуда взявшийся мошенник будет причастен к самым секретным делам нашего правительства! Он раздобыл какие-то древние документы, и теперь мы должны опровергнуть его. Вы можете в такое поверить?

Глокта не мог.

«Но вряд ли стоит говорить об этом».

— Я попросил дать мне время для расследования, — продолжал Сульт, — однако заседание закрытого совета нельзя откладывать до бесконечности. У нас есть лишь пара недель, чтобы разоблачить самозванного мага и доказать, что он мошенник. А пока он со своими компаньонами расположился как дома в превосходных покоях Цепной башни, и мы никак не можем запретить им бродить по Агрионту и творить любые бесчинства, какие вздумается!

«Ну, сделать кое-что все же можно...»

— Цепная башня очень высокая. Если кто-нибудь случайно упадет...

— Нет. Еще не время. Мы уже и так превысили свои полномочия. Надо действовать осторожно.

— Но мы могли бы арестовать и допросить их. Я бы быстро выяснил, на кого они работают...

— Действовать осторожно, я сказал! Я хочу, чтобы вы пригляделись к этому магу и его компаньонам. Выясните, кто они, откуда взялись, что им нужно. А прежде всего выясните, кто за ними стоит и почему. Мы должны разоблачить самозванного Байяза, прежде чем он причинит какой-либо вред. Потом можете использовать любые средства по вашему усмотрению.

Сульт повернулся и отошел к окну. Глокта, преодолевая боль, поднялся с кресла.

— С чего мне начать? — спросил он.

— Установите за ними слежку! Наблюдайте! Проследите, с кем они разговаривают, чего добиваются. Вы же инквизитор, Глокта! — нетерпеливо вскричал Сульт, даже не обернувшись. — Задавайте вопросы!

Лучше, чем смерть

— Мы ищем женщину, — сказал офицер, с подозрением поглядывая на них. — Сбежавшую рабыню, убийцу. Она очень опасна.

— Женщину, господин? — переспросил Юлвей, в замешательстве сморщив лоб. — Опасную, господин?

— Да, женщину! — Офицер нетерпеливо махнул рукой. — Высокая, на лице шрам, волосы коротко острижены. Она хорошо вооружена. Скорее всего, имеет при себе лук.

Ферро стояла прямо перед ним — высокая, со шрамом, с коротко остриженными волосами, с луком через плечо — и глядела себе под ноги на пыльную землю.

— Ее разыскивают очень, очень большие люди! Она виновна в многочисленных кражах и убийствах.

Юлвей смиренно улыбнулся и широко развел руками.

— Мы не видели никого похожего на нее, господин. Мы с сыном не вооружены, вы сами видите.

Ферро тревожно глянула вниз, на кривой клинок меча, заткнутый за ее пояс: он сверкал на ярком солнце. Однако офицер ничего не замечал. Он прихлопнул муху, пока Юлвей продолжал болтать:

— Ни я, ни он и знать бы не знали, что делать с такой штукой, как лук, уверяю вас. Мы верим, что бог защитит нас, господин, а также несравненные солдаты нашего императора!

Офицер фыркнул:

— Очень мудро с вашей стороны, старик. Зачем вы пришли сюда?

— Я купец. Направляюсь в Дагоску, чтобы закупить пряности. — Он склонился в почтительном поклоне. — С вашего благосклоннейшего разрешения.

— А, ты торгуешь с розовыми? Черт бы драл этот Союз! — Офицер сплюнул в пыль. — Ну что ж, человек должен добывать себе пропитание, даже таким постыдным способом. Торгуй, пока можешь. Розовых скоро не станет, их утопят в море! — Он выпятил грудь, наливаясь гордостью. — Наш император Уфман-уль-Дошт поклялся, что будет так! Что ты об этом думаешь, старик?

— О, это будет великий день, великий день! — отозвался Юлвей, снова низко кланяясь. — Да приблизит его бог, господин!

Офицер смерил Ферро взглядом сверху донизу.

— Твой сын выглядит крепким парнем. Пожалуй, из него вышел бы хороший солдат. — Он сделал шаг вперед и схватил девушку за обнаженное предплечье. — Рука у него сильная. Такая рука сможет натянуть лук, сказал бы я, если мальчишку обучить. Ну-ка, что скажешь, малец? Вот работа для мужчины — сражаться во имя бога и нашего императора! Это получше, чем копаться в земле в поисках пропитания!

Ферро напряглась, как только к ней прикоснулись пальцы офицера. Другая ее рука незаметно подвинулась к кинжалу.

— Увы, — быстро проговорил Юлвей, — к сожалению, мой сын от рождения... простоват. Он почти не разговаривает.

— А-а, вот как. Что ж, жаль! Возможно, придет время, когда нам понадобится каждый. Может быть, эти розовые и дикари, но драться они умеют. — Офицер повернулся, и Ферро мрачно взглянула ему в спину. — Хорошо, можете проходить!

Он махнул рукой. Солдаты, развалившиеся в тени пальм по обе стороны дороги, проводили их взглядами, но без особого интереса.

Ферро молчала до тех пор, пока лагерь за их спинами не стал совсем маленьким. Затем она обернулась к Юлвею и спросила:

— Мы идем в Дагоску?

— Да, для начала, — ответил старик, глядя вдаль на поросшую низкорослыми кустами равнину. — А оттуда на Север.

— На Север?

— Да, через круг Морей в Адую.

Плыть через море? Она остановилась посреди дороги.

— Я не пойду туда, черт побери!

— Неужели необходимо все усложнять, Ферро? Разве ты счастлива здесь, в Гуркхуле?

— Да северяне все сумасшедшие, это каждый знает! Эти розовые, этот Союз, или как их там еще! Они психи! Безбожники!

Юлвей поднял бровь:

— Не знал, что тебя настолько интересует бог, Ферро.

— По крайней мере, я знаю, что он есть! — выкрикнула она, показывая на небо. — А розовые думают не так, как мы, настоящие люди! Нам нечего делать рядом с ними! Лучше уж я останусь с гурками! Кроме того, мне здесь еще нужно свести кое-какие счета.

— Какие счета? Собираешься убить Уфмана?

Она нахмурилась.

— Может быть, и так.

— Ха! — Юлвей повернулся и зашагал прочь по дороге. — Тебя ищут,

Ферро, если ты еще не заметила. Без моей помощи ты не пройдешь и десяти шагов. Та клетка все еще ждет, ты не забыла? На площади перед дворцом. Они очень хотят заполнить ее.

Ферро скрипнула зубами.

— Уфман теперь император, — продолжал старик. — «Уль-Дошт», так его называют. Могучий! Безжалостный! Величайший император за сотню лет, и так говорят уже сейчас. Убить императора! — Юлвей тихо хохотнул. — Да, ты та еще штучка. Та еще штучка...

Ферро хмуро поглядывала на старика, следуя за ним вверх по холму. Ей не нравилось быть какой-то «штучкой». Юлвей мог заставить солдат видеть все, что он захочет, и это, конечно, ловкий фокус, но будь она проклята, если пойдет на Север! Что она забыла среди безбожников розовых?

Юлвей все еще посмеивался, когда она нагнала его.

— Убить императора! — Старик покачал головой. — Да он ждет не дождется, когда ты вернешься. Ты моя должница, помнишь?

Ферро схватила его жилистую руку и воскликнула:

— Ты не говорил мне о том, что мы поплывем через море!

— А ты не спрашивала, Малджин! И радуйся, что не сделала этого. — Он мягко оторвал ее пальцы от своей руки. — Не то твой труп уже жарился бы на солнце в пустыне, и никто не нудил бы сейчас мне в уши. Подумай об этом.

Слова Юлвея ненадолго заставили ее стихнуть. Ферро в молчании шла рядом и мрачно оглядывала поросший кустарником ландшафт, хрустя сандалиями по высохшей грязи на дороге. Она искоса взглянула на старика. Юлвей спас ей жизнь своими фокусами, этого нельзя отрицать.

Но будь она проклята, если пойдет на Север!

Крепость пряталась в узкой бухте среди скал, но оттуда, где они находились — высоко на крутом утесе, где яростное солнце палило им в спину, — Ферро отлично видела ее. Высокая стена окружала аккуратные ряды зданий, которых было вполне достаточно для небольшого города. Позади, в воде, тянулись длинные пристани, а рядом на якоре стояли корабли.

Огромные корабли.

Башни из дерева, настоящие плавучие крепости. Ферро никогда не видела кораблей такого размера. Их мачты темным лесом вздымались на фоне светлой воды. Десять стояли на приколе прямо под ногами Ферро и старика, а дальше, в бухте, медленно рассекали волны еще два судна с

огромными парусами и десятками крошечных фигурок, копошившихся на палубах и в паутине снастей.

— Я вижу двенадцать кораблей, — вполголоса сказал Юлвей, — но твои глаза острее моих.

Ферро взгляделась в морскую даль. За изгибом берега, возможно милях в двадцати отсюда, она рассмотрела еще одну крепость и еще один ряд пристаней.

— Там есть и другие, — сказала она. — Восемь или девять, и они еще больше.

— Больше этих?

— Гораздо больше.

— Дыхание господне! — пробормотал Юлвей. — Гурки никогда прежде не строили таких больших кораблей. Таких больших и так много. На всем Юге не хватит дерева, чтобы выстроить этот флот! Должно быть, они покупали лес на Севере. Может быть, у стирийцев.

Ферро никогда не интересовалась ни кораблями, ни деревом, ни северянами.

— И что?

— С таким флотом гурки могут захватить власть на море. Они сумеют взять Дагоску со стороны бухты и даже вторгнуться в Вестпорт.

Эти названия ни о чем не говорили ей — какие-то неизвестные далекие места.

— И что?

— Ты не понимаешь, Ферро! Я должен предупредить об этом. Мы должны поторопиться, скорее!

Он встал и поспешно зашагал обратно к дороге. Ферро хмыкнула. Еще мгновение она смотрела на огромные деревянные лохани, движущиеся в бухте взад-вперед, затем поднялась и последовала за Юлвеем. Большие корабли, маленькие корабли — это ничего не значит для нее. Пускай гурки захватят в рабство хоть всех розовых в мире.

Если после этого они оставят в покое настоящих людей.

— Прочь с дороги!

Солдат пришпорил коня, направив его прямо на Ферро со стариком, и поднял кнут.

— Тысяча извинений, господин! — заныл Юлвей.

Он приник к земле и поспешно убрался в придорожную траву, таща упиравшуюся Ферро за локоть. Она стояла в низком кустарнике и наблюдала за вереницей людей, медленно тащившихся мимо нее. Тощие,

оборванные, грязные, безжизненные; руки крепко связаны, пустые глаза глядят в землю. Мужчины и женщины всех возрастов, даже дети. Сотня или больше. Шестеро верховых охранников ехали вдоль колонны. Они свободно сидели в высоких седлах с кнутах в руках.

— Рабы. — Ферро облизнула сухие губы.

— Народ Кадира восстал, — сказал Юлвей, провожая хмурым взором эту жалкую процессию. — Они больше не хотели быть частью славной нации Гуркхула. Они решили, что смерть императора освободит их. Видимо, они ошибались. Новый император превосходит жестокостью предыдущего, не так ли, Ферро? Восстание уже подавлено. Похоже, твой друг Уфман продал их в рабство в качестве наказания.

Ферро смотрела на костлявую девочку: она медленно хромала мимо, с трудом волоча босые ноги по пыльной дороге. Сколько ей лет, тринадцать? Трудно понять. Лицо девочки было грязным и безразличным, поперек лба проходил затянувшийся шрам и еще несколько — на внешней стороне предплечья. Отметины от кнута. Ферро почувствовала комок в горле, глядя на то, как маленькая рабыня плетется вперед. Какой-то старик, шедший прямо перед девочкой, споткнулся, упал лицом вниз и заставил колонну приостановиться.

— Вперед! — гаркнул один из всадников, пришпоривая коня и подъезжая к упавшему. — А ну вставай на ноги, живо!

Тот бессильно шевелился в пыли.

— Давай, давай! — Кнут солдата щелкнул и оставил длинную красную полосу на костлявой спине старика.

Ферро дернулась и съежилась, услышав этот звук. Ее собственная спина заныла.

Там, где были рубцы.

Словно ее саму хлестнули кнутом.

Никто не может хлестнуть Ферро Малджин кнутом и остаться после этого в живых. Больше никогда. Она скинула с плеча лук.

— Спокойно, Ферро! — прошипел Юлвей, хватая ее за руку. — Ты ничем не можешь им помочь!

Девочка нагнулась и помогла старому рабу подняться на ноги. Кнут щелкнул снова, хлестнув по ним обоим. Раздался вопль боли. Кто это кричал — девочка или старик?

Или сама Ферро?

Она стряхнула с себя руку Юлвея и достала стрелу.

— Я убью этого подонка! — воскликнула она.

Солдат резко повернул голову в их сторону: он хотел знать, что

происходит. Юлвей снова схватил Ферро за руку.

— И что потом? — прошипел он. — Даже если ты убьешь всех шестерых, что потом? У тебя есть пища и вода для сотни рабов? А? Ты же спасла их! А когда их хватятся? И найдут тела убитых охранников? Что тогда? Ты сможешь спрятать сотню рабов? Я не смогу!

Ферро уставилась в черные глаза Юлвея, скрежеща зубами и тяжело дыша. Она подумала, не попытаться ли еще раз убить его.

Нет.

Он прав, черт его побери. Медленно-медленно она запрятала свой гнев вглубь сердца — так глубоко, как только могла. Она убрала стрелу и снова повернулась к веренице пленников. Старый раб потащился дальше, и девочка двинулась следом за ним. Ярость грызла внутренности Ферро, словно голод.

— Эй, ты! — крикнул солдат, подталкивая коня ближе к ним.

— Ну вот, ты добила своего! — шепнул Юлвей и низко поклонился охраннику. — Мои извинения, господин. Понимаете ли, мой сын немного...

— Заткнись, старик! — Солдат поглядел вниз на Ферро с седла. — Ну, парень, небось она тебе понравилась?

— Что? — прошипела она сквозь стиснутые зубы.

— Да не стесняйся ты! — засмеялся солдат. — Я же видел, как ты на нее смотрел!

Он повернулся к колонне.

— Эй! Попрдержите-ка их! — крикнул он.

Рабы снова остановились. Солдат наклонился с седла и ухватил тощую девочку под мышку, грубо вытащив ее из колонны.

— Отличная девчонка, — произнес он, подтаскивая рабыню к Ферро. — Маловата, но уже готова. Чуток помыть, и будет отменная шлюха. Слегка прихрамывает, но это пройдет — просто мы их быстро гоним. Зубы хорошие... Покажи ему зубы, сука! — Девочка медленно разлепила растрескавшиеся губы, выполняя приказ. — Хорошие зубы. Ну, что скажешь, парень? Возьму за нее десятку золотом. Хорошая цена!

Ферро не сводила глаз с девочки. Та отвечала ей безразличным взором больших неживых глаз.

— Послушай, — продолжал солдат. — Она стоит вдвое больше, но никто ничего не заметит! Когда мы доберемся до Шаффы, я скажу, что она умерла по дороге. Никто не удивится, так случается часто! Я беру десять, и тебе остается десять. Все выигрывают!

Все выигрывают. Ферро подняла взгляд на охранника. Он стащил с себя шлем и вытирал пот со лба тыльной стороной ладони.

— Спокойно, Ферро, — прошептал Юлвей.

— Ну хорошо, восемь! — крикнул солдат. — Смотри, какая у нее улыбка! Улыбнись ему, сука! — Уголки рта девочки слегка дернулись вверх. — Ну вот, видишь! Восемь. Ты меня грабишь!

Кулаки Ферро сжались, ногти глубоко вошли в ладони.

— Спокойно, — повторил Юлвей.

— Зубы господни! Ты умеешь торговаться, парень! Семь, и это мое последнее слово! Семь, черт меня побери! — Солдат раздраженно махнул в воздухе шлемом. — Обращайся с ней получше, и через пять лет ее цена возрастет! Это отличное вложение денег!

Лицо солдата находилось в нескольких футах от Ферро. Она видела каждую крохотную каплю пота на его лбу, каждый волосок щетины на его щеках, каждый дефект, трещинку и пору на его коже. Она почти чувствовала его запах.

Настоящая жажда — это когда человек готов пить мочу, соленую воду или масло, не думая о последствиях, настолько велика его потребность в жидкости. Ферро видела это в Бесплодных землях. Сейчас она именно так жаждала убить охранника. Она бы растерзала солдата на части голыми руками, изорвала зубами его лицо. Желание было таким сильным, что Ферро почти не могла ему сопротивляться.

— Спокойно! — прошипел Юлвей.

— У меня нет денег, — услышала Ферро собственный голос.

— Ты мог сказать сразу, парень, и избавить меня от хлопот! — Солдат снова напялил свой шлем. — Впрочем, ты не виноват, что засмотрелся на нее. Девочка действительно хороша.

Нагнувшись, он ухватил рабыню и потащил обратно к остальным.

— В Шатфе за нее дадут двадцать! — прокричал он через плечо.

Колонна тронулась. Ферро не сводила глаз с девочки, пока рабы не исчезли за гребнем холма — спотыкающиеся, хромящие, ковыляющие в неволю.

Теперь она почувствовала холод. Холод и пустоту. Она жалела, что не застрелила охранника, какую бы цену ни пришлось за это заплатить. Убийства помогали ей заполнить пустоту внутри, хотя бы на время. Именно так они действовало на нее.

— Я однажды шла в такой же колонне, — медленно проговорила Ферро.

Юлвей глубоко вздохнул:

— Знаю, знаю. Однако судьба выбрала и спасла тебя. Поблаговари ее, если умеешь.

— Ты должен был позволить мне убить его.

— Ох... — Старик неодобрительно щелкнул языком. — Кажется, ты готова убить весь мир! Есть в тебе хоть что-то, кроме жажды смерти, Ферро?

— Когда-то было, — пробормотала она. — Но они выбивают это кнутом. Хлещут тебя, пока не убедятся, что ничего не осталось.

Юлвей остановился и опять поглядел на нее с жалостью. Странно, но Ферро больше не сердилась на него.

— Мне жаль, Ферро. И тебя, и их. — Юлвей снова шагнул на дорогу, качая головой. — Но это лучше, чем смерть.

Мгновение она стояла и смотрела на пыль, что поднималась за шагающей вперед колонной рабов.

— Это то же самое, — прошептала она.

Больное место

Логен перегнулся через парапет, прищурился на утреннем солнце и стал рассматривать открывающийся отсюда вид.

Так же он стоял — теперь казалось, давным-давно — на балконе своей комнаты у Байяза. Однако то, что он видел с башни библиотеки, разительно отличалось от нынешнего зрелища. Сейчас — восход солнца над зубчатым ковром городских зданий, жара, ослепительно яркий свет и отдаленный шум. Тогда — прохладная и туманная долина, тихая, пустая и спокойная, как смерть. Логен помнил то утро; он помнил, как ощутил себе другим человеком. Сейчас он совершенно определенно чувствовал себя другим человеком — дураком. Маленьким, испуганным, уродливым и ничего не понимающим.

— Логен!

Малахус вышел на балкон и встал рядом с ним, улыбаясь солнцу и искрящейся бухте за городом, где уже быстро сновали лодки.

— Прекрасно, правда?

— Ну, если ты так считаешь... Но я не вижу ничего прекрасного. Все эти люди... — Логен поежился, ощущая пот на своей коже. — Здесь есть что-то неправильное. Этот город пугает меня.

— Пугает? Тебя?

— Постоянно.

Логен почти не спал с тех пор, как они прибыли сюда. В городе никогда не бывало по-настоящему темно и по-настоящему тихо. Слишком жарко, слишком тесно, слишком плохо пахло. Враги бывают ужасными, но с ними можно сражаться и избавиться от них. Их ненависть Логен понимал. Однако нельзя сражаться с безликим, не обращающим на тебя внимания, грохочущим городом, который ненавидит все.

— Для меня тут нет места. Я буду счастлив, когда мы уедем.

— Нам еще придется остаться здесь на время.

— Я знаю. — Логен глубоко вздохнул. — И поэтому собираюсь сойти вниз и посмотреть на Агрионт поближе. Я хочу выяснить о нем все, что смогу. Некоторые вещи просто необходимо делать, и лучше сделать их, чем жить в страхе перед ними. Так всегда говорил мой отец.

— Хорошие слова. Я пойду с тобой.

— Нет, не пойдешь! — раздался голос Байяза. Маг стоял в дверном проеме, гневно глядя на своего ученика. — Ты ничего не успел за

последние несколько недель, это просто позор. Даже для тебя. — Он вышел вперед, на открытый воздух. — Пока мы бездействуем, ожидая милости его величества, я предложил бы тебе использовать эту возможность и продолжать обучение. Другой случай может представиться очень не скоро.

Малахус шмыгнул внутрь, не оборачиваясь. Он хорошо знал, что не стоит мешкать, когда учитель в таком настроении. Байяз утратил все свое благодушие, как только они прибыли в Агрионт. Логен его понимал — с ними обращались как с пленниками, а не как с гостями. Деятипалый мало знал об этикете и манерах, но нетрудно было угадать значение мрачных взглядов со всех сторон и стражи у дверей.

— Невозможно поверить, как вырос город, — проворчал Байяз, хмурясь на расстилающийся перед ним огромный город. — Я помню времена, когда Адуя походила на скопище лачуг, облепивших Дом Делателя, как мухи — свежее дерьмо. Тогда не было никакого Агрионта; не было даже Союза. В те дни они не вели себя так гордо, как сейчас, уверяю тебя. Они поклонялись Делателю, словно богу.

Он презрительно сплюнул. Логен проследил, как плевок перелетел через ров и исчез где-то среди белых зданий внизу.

— Я дал им все это, — прошипел Байяз.

Логен снова ощутил, как по спине пробежал неприятный холодок — по-видимому, действовало недовольство старого мага.

— Я дал им свободу, и какую благодарность я получаю? Презрительные взгляды писарей, самодовольных мальчиков на побегушках?

Вылазка вниз, где царил дух подозрительности и безумия, уже казалась Логену счастливым избавлением. Он бочком пробрался к двери и нырнул обратно в комнату.

Если они действительно стали пленниками, то Логен не мог не признать: ему приходилось бывать и в более суровых тюрьмах. Здешняя круглая гостиная подошла бы и для короля — во всяком случае, по мнению северянина: тяжелые кресла темного дерева с изящной резьбой, толстые гобелены на стенах с изображениями лесов и сцен охоты. Бетод уж точно расположился бы в таких покоях как дома, но Логен чувствовал себя тут неуклюжим увальнем. Он ходил на цыпочках, опасаясь что-нибудь разбить. В центре комнаты на столике стоял высокий кувшин, разрисованный яркими цветами. Логен подозрительно покосился на него, пробираясь к выходу на длинную лестницу, что вела вниз, в Агрионт.

— Логен! — Байяз стоял в проеме двери, сдвинув брови. — Будь осторожен. Это место может показаться странным, а люди здесь еще более

странные.

Вода пенилась и булькала, узкой струей вырываясь вверх из металлической трубы, вырезанной в виде рыбьего рта, и затем с плеском падала в широкий каменный бассейн. Фонтан — так назвал эту штуку тот надменный молодой человек. Трубы проложены под землей, так он сказал. Логен представил себе подземные потоки, текущие прямо под ногами, подмывая само основание города. Такая мысль вызывала легкое головокружение.

Площадь была просторной — огромная равнина, выстланная плоскими камнями и окаймленная отвесными утесами белых зданий. Эти утесы украшались колоннами и резьбой, в них сверкали высокие окна, а рядом сутились люди. Сегодня, похоже, происходило что-то особенное: по периметру площади возводилось огромное наклонное сооружение из деревянных брусев. Целая армия рабочих копошилась на нем, рубила и вбивала колья, перебрасываясь раздраженными криками. Повсюду громоздились горы досок и бревен, бочонки гвоздей, штабеля инструментов; их хватило бы, чтобы построить десять огромных залов, если не больше. Местами сооружение уже вознеслось довольно высоко над землей. Его вертикальные стояки взмывали в воздух, словно мачты огромных кораблей, и соперничали высотой с огромными зданиями позади.

Логен стоял, подбоченившись, и глазел на чудовищный деревянный скелет, чье назначение оставалось для него загадкой. Он обратился к низенькому мускулистому человеку в кожаном переднике, яростно пилившему доску:

— Что это такое?

— А? — Человек даже не поднял голову от работы.

— Вот это. Зачем оно?

Пила прошла дерево насквозь, обрезок с грохотом упал на землю. Доски прибавились к груде деревяшек, которая росла рядом с плотником, а сам он повернулся, с подозрением глянул на Логена и вытер пот с блестящего лба.

— Трибуны. Сиденья.

Логен непонимающе уставился на рабочего. Как можно стоять на трибуне и сидеть одновременно?

— Для турнира! — выкрикнул плотник прямо в лицо Десятипалому.

Логен медленно отступил назад. Чепуха. Бессмысленные слова. Он повернулся и поспешно удалился, стараясь держаться подальше от огромных деревянных конструкций и копошащихся на них людей.

Он набрел на широкий переулок, похожий на глубокое ущелье между нависающими белыми зданиями. По обеим сторонам лицом друг к другу стояли статуи размером гораздо больше настоящих людей. Они свысока сурово взирали на головы многочисленных прохожих, спешащих мимо. Лицо ближайшей статуи показалось Логену странно знакомым. Он подошел к изваянию, оглядел его сверху донизу и расплылся в ухмылке. Первый из магов набрал немного веса с той поры, как его высекли в камне. Должно быть, хорошо питался в своей библиотеке. Логен повернулся к маленькому человечку в черной шляпе, проходившему мимо с большой книгой под мышкой.

— Байяз, — произнес он, показывая на статую. — Мой друг!

Человечек испуганно посмотрел на Логена, потом на статую, затем снова на северянина и поспешил прочь.

Статуи возвышались с двух сторон по всей длине переулочка. Короли Союза, как предположил Логен, располагались слева. Некоторые держали в руках мечи, свитки или крошечные корабли, у ног одного сидела собака, другой зажал под мышкой сноп пшеницы, но внешне они почти не различались. Все увенчаны одинаковыми высокими коронами, и все одинаково суровы. При взгляде на них и представить было невозможно, чтобы они хоть раз в жизни сказали или сделали глупость либо почувствовали необходимость сходить в сортир.

Логен услышал сзади тяжелый топот и обернулся как раз вовремя, чтобы увидеть того надменного молодого человека, что встречал их возле ворот: он несясь вдоль улицы в мокрой от пота рубашке. Логен подивился, куда он так торопится, однако не собирался бежать следом по такой жаре. Здесь и так хватало загадок, требующих разрешения.

Переулок выходил на широкое зеленое поле. Казалось, какие-то гигантские руки нашли его где-то за городом и перенесли сюда, в пространство между высокими зданиями. Поле не походило ни на одну сельскую местность, когда-либо виденную Логеном. Трава расстилалась мягким гладким одеялом сочной зелени, подстриженная почти до корней. Цветы росли рядами, кругами и прямыми линиями, составляя яркие разноцветные узоры. Пышные кусты и деревья были стиснуты, огорожены и острижены до неестественных форм. Была здесь и вода: по камням журчали ручейки, а большой плоский пруд по берегам был обсажен печального вида деревьями, склонившимися к воде.

Логен бродил по лужайке с квадратными сторонами, хрустел сапогами по дорожке из маленьких серых камушков. Множество людей пришли сюда, чтобы насладиться солнцем. Они катались в лодочках на

миниатюрном озере — тихо гребли и плавали по кругу без цели — или сидели на траве, ели и пили, болтали друг с другом. Одни показывали на Логена и что-то кричали, другие перешептывались или просто отворачивались.

Гуляющие выглядели весьма странно, особенно женщины. Бледные и бесплотные, они носили замысловатые платья, а волосы зачесывали вверх, укладывали в сложные прически, сплошь унизанные шпильками, гребнями и огромными перьями, и украшали бесполезными крошечными шляпками. Эти дамы походили на тот высокий кувшин в круглой комнате — слишком хрупкий, чтобы применить его для чего-нибудь полезного, и слишком разукрашенный. Но Логен так давно не видел женщин, что улыбнулся им радостно, надеясь сам не зная на что. Некоторые, похоже, при виде его испытали шок, другие в ужасе заахали. Логен вздохнул — старое заклятье по-прежнему действовало.

Подальше, на другой широкой площади, Логен остановился, чтобы посмотреть на обучающихся солдат. На сей раз там оказались не голодранцы или женоподобные юнцы, а крепкие люди в тяжелых доспехах, с отполированными до зеркального блеска нагрудниками и ножными латами, с длинными копьями на плечах. Они стояли плотным строем почти неподвижно, как статуи, — четыре квадрата человек по пятьдесят.

По приказу низенького человека в красной куртке — командира, как понял Логен, — все развернулись, опустили копья и двинулись вперед, дружно топоча тяжелыми сапогами. Одинаково одетые, одинаково вооруженные, шагающие в ногу... Да, это зрелище впечатляло: оцетинившиеся квадраты блестящего металла двигались размеренно, сверкая остриями копий, словно гигантские прямоугольные ежи с двумя сотнями ног. На большом плоском пространстве такое воинство, без сомнения, отразит нападение противника, если тот выстроится прямо напротив. А как пойдет дело на пересеченной скалистой местности, под морозящим дождем, в лесных зарослях — тут Логен сомневался. Люди быстро устанут под тяжестью доспехов, а если квадраты будут разбиты, что станут делать солдаты, привыкшие всегда действовать вместе? Смогут ли они сражаться в одиночку?

Логен побрел дальше, через широкие дворы и аккуратные садики, мимо журчащих фонтанов и горделивых статуй, по чистеньким улочкам и широким проспектам. Он поднимался и спускался по узким лестницам, пересекал мосты, перекинутые над потоками, над дорогами, над другими мостами. Он видел стражников в разнообразных роскошных ливреях возле сотни ворот, стен и дверей, и каждый из них оглядывал северянина с

недобрым подозрением. Солнце всходило все выше, высокие белые здания проплывали мимо, а Логен наконец понял, что стер ноги и почти заблудился. Шея его заболела, потому что он постоянно задирает голову и смотрел вверх.

На месте оставалась лишь чудовищная башня: она вздымалась высоко-высоко над городом, и рядом с ней огромные здания казались крохотными. Она была видна отовсюду, ее всегда можно было заметить над верхушками крыш в отдалении. Логен медленно приближался к башне, пока не очутился в каком-то заброшенном тупике возле цитадели, в ее тени.

На краю заросшей лужайки, около большого ветхого строения — оно заросло мхом и плющом, а с его крутой проседающей крыши осыпалась черепица — стояла старая скамейка. Логен плюхнулся на нее, перевел дух и принялся разглядывать громадную массу там, над стенами, — черный силуэт, словно вырезанный в голубом небе, рукотворную гору из мертвых голых камней. Ни одно растение не цеплялось за эту глыбу, ни клочка мха не виднелось в щелях между огромными блоками. Дом Делателя, так назвал его Байяз, не походил ни на один из домов, знакомых Логену: без крыши, без единой двери или окна. Просто пучок мощных каменных столбов с острыми углами. Зачем понадобилось строить такую громадину? И кем, собственно, был сам мастер Делатель? Неужели все, что он сделал, — вот это гигантское, никому не нужное сооружение?

— Вы не возражаете, если я присяду?

Перед Логеном остановилась женщина — во всяком случае, ее он скорее назвал бы женщиной, чем тех странных бесплотных созданий в парке. Симпатичная темноволосая женщина в белом платье стояла и смотрела на него сверху вниз.

— Я? — переспросил он. — Нет, я не возражаю. Забавно, но больше никто не хочет со мной сидеть.

Она опустила на дальний конец скамейки, оперлась локтями о колени и положила подбородок на руки, без интереса поглядывая вверх, на нависающую башню.

— Возможно, они вас боятся.

Логен проводил глазами человека, что спешил мимо со стопкой бумаг под мышкой, уставившись на северянина расширенными глазами.

— Я начинаю думать то же самое.

— Вы действительно выглядите немного... опасным.

— То есть страшным — вы ведь это слово искали?

— Я обычно нахожу слова, которые ищу. Я сказала — опасным.

— Что ж, внешность обманчива.

Она приподняла бровь и медленно окинула его взглядом сверху донизу:

— Так вы, наверное, мирный человек?

— Хм-м... не совсем.

Они сидели, искоса посматривая друг на друга. Женщина не казалась ни испуганной, ни высокомерной, ни даже просто любопытствующей.

— Почему вы не боитесь? — спросил Логен.

— Я родом из Инглии и знаю ваших людей. Кроме того, — она положила голову на спинку скамьи, — больше никто не станет разговаривать со мной. Я отчаянная.

Логен покачал обрубком своего среднего пальца взад и вперед, стараясь отогнуть его как можно дальше.

— Да, похоже на то. Я Логен.

— Хорошо вам. А я никто.

— Каждый человек — кто-то.

— Только не я. Я никто. Я невидима.

Логен нахмурился и посмотрел на нее: она сидела вполборота к нему, в лучах солнца, откинувшись на спинку скамьи. Ее длинная гладкая шея была вытянута, грудь мягко вздымалась и опускалась.

— Я вас вижу, — возразил он.

Она повернула к нему голову:

— Вы... вы джентльмен.

Логен фыркнул. Кем только его ни называли в свое время, но только не так. Однако женщина не разделяла его веселья.

— Я здесь чужая, — сказала она.

— Как и любой из нас.

— Да. Но это мой дом. — Она поднялась со скамьи. — До свидания, Логен.

— Прощай, никто.

Она повернулась и медленно пошла прочь. Логен смотрел ей вслед, качая головой. Байяз прав: место это странное, но люди здесь еще более странные.

Логен проснулся, болезненно дернувшись, моргнул и повел дикими глазами вокруг себя. Темно. Нет, не совсем темно, конечно, поскольку здесь всегда слабо отсвечивали огни города. Послышался какой-то звук, но теперь все стихло. Жарко. Жарко, тесно и невыносимо душно, несмотря на липкий сквознячок от открытого окна. Логен простонал, откинул влажное одеяло, смахнул с груди пот и вытер руки о стену позади себя. Свет раздражал его даже через сомкнутые веки. И это была не худшая из

проблем. Если хочешь сказать про Логена Девятипалого — скажи, что ему хотелось отлить.

К несчастью, в этом месте никто не мог просто пописать в горшок. Зато здесь имелась специальная штука вроде плоского деревянного уступа с дыркой, помещавшаяся в отдельной маленькой комнатке. Логен заглянул в ту дырку в первый день, когда они прибыли сюда, недоумевая, для чего она может предназначаться. Там было очень глубоко и плохо пахло. Малахус потом объяснил ему это бессмысленное варварское изобретение: туда надо садиться — прямо на жесткое дерево, чтобы неприятный сквозняк обдувал твои яйца. Такова уж цивилизация, насколько мог понять Логен: людям нечем заняться, и они выдумывают способы сделать простые вещи сложными.

Он выбрался из постели и двинулся в ту сторону, где, как он помнил, была дверь. Он нагнулся вперед и ощупывал руками воздух перед собой: слишком светло, чтобы спать, но слишком темно, чтобы толком что-то разглядеть.

— Долбаная цивилизация, — пробормотал он, возясь с защелкой на двери.

Наконец, осторожно ступая босыми ногами, он выскользнул в большую круглую комнату между спальнями.

Там было прохладно. Голая кожа обрадовалась холодному воздуху после влажной жары в спальне. Почему он не лег спать здесь вместо этой духовки в спальне? Не вполне очнувшись от мучительной сонной одури, Логен щурился на тонувшие в тени стены и пытался вычислить, какая из дверей ведет к дыре для опорожнения. При его везении можно ненароком вломиться в спальню Байяза и помочиться на первого из магов. Подходящее дело, чтобы улучшить дурное настроение волшебника.

Логен шагнул вперед и с грохотом ударился обо что-то — врезался ногой в угол стола. Выругавшись, схватился за ушибленную голень и тут вспомнил про кувшин. Он нырнул вперед и едва успел поймать уже падающую посудину за край. Теперь глаза Логена немного приспособились к полумраку, и он даже слабо различал цветы, нарисованные на холодной блестящей поверхности. Он хотел поставить кувшин обратно на стол, как вдруг его осенило. Зачем идти куда-то, когда под рукой есть отличный горшок? Логен огляделся по сторонам, пристроил кувшин в подходящее положение... и застыл.

Он был не один.

Высокая стройная фигура, неотчетливая в полумраке. Логен едва различал длинные волосы, развевавшиеся на сквозняке из раскрытого окна.

Он напряг глаза, вглядываясь в темноту, но не смог рассмотреть лица.

— Логен...

Женский голос, тихий и нежный. Однако Логену совсем не понравилось его звучание. В комнате было холодно, очень холодно. Он крепче сжал кувшин.

— Кто ты? — гаркнул он неожиданно громко в мертвой тишине.

Что это, сон? Он потряс головой, стиснул в руке кувшин — нет, все реально. До ужаса реально.

— Логен...

Женщина беззвучно придвинулась ближе к нему. Тусклый свет из окна позволил увидеть сбоку ее лицо: белая щека, залитая тенью глазница, уголок рта. Затем все опять кануло во тьму. В ней было что-то знакомое... Логен отчаянно рылся в памяти и пытался назад, не отводя глаз от женского силуэта и держась так, чтобы между ними все время оставался стол.

— Чего ты хочешь?

В его груди было ощущение холода, предчувствие беды. Он знал, что должен крикнуть, позвать на помощь, разбудить остальных, но зачем-то ему требовалось узнать, кто здесь. Ему нужно знать... Воздух стал леденящим. Логен уже видел собственное дыхание, клубящееся перед лицом. Его жена мертва, он не сомневался в этом; ее холодное тело вернулось в грязь много лет назад, далеко отсюда. Он сам видел деревню, сожженную дотла и заваленную трупами. Его жена мертва... однако...

— Телфи? — прошептал он.

— Логен...

Ее голос! Ее голос! Логен раскрыл рот. Она протянула к нему руку через полосу света, падавшего из окна. Бледная рука, бледные пальцы, длинные белые ногти... В комнате стоял холод, ледяной холод.

— Логен!

— Ты мертва!

Логен поднял кувшин, чтобы разбить его о голову женщины. Рука дотянулась до него, широко разведя пальцы...

Внезапно в комнате стало светло, как днем. Еще светлее. Сверкающий, ослепительный свет. Смутные контуры дверей и мебели превратились в жесткие белые кромки и черные тени. Логен плотно стиснул веки, прикрыл глаза рукой, вскрикнул, отшатнулся к стене. Раздался оглушительный треск, похожий на грохот обвала; разрывающийся, раскалывающийся звук, словно падало огромное дерево. Комнату заполнила вонь горящей древесины. Логен приоткрыл один глаз и посмотрел через щелку между пальцами.

Комната странно изменилась. Она снова погрузилась в темноту, но не такую густую, как прежде. Свет просачивался внутрь через огромную рваную дыру в стене — там, где раньше было окно. Два кресла исчезли, третье балансировало на трех ножках, а обломок четвертого слабо светился и дымился, словно сук, долго горевший в костре. Стол, который мгновение назад стоял прямо перед Логеном, валялся в другом конце комнаты, расколотый пополам. Часть потолка рухнула, оторвавшись от стропил, пол был завален кусками камня и штукатурки, обломками дерева и осколками стекла. От странной женщины не осталось и следа.

Байяз в ночной рубашке, хлопавшей его по толстым икрам, нетвердыми шагами пробрался по руинам к зияющей дыре в стене и выглянул в ночную тьму.

— Его больше нет.

— Его? — Логен уставился в дымящееся отверстие. — Она знала мое имя...

Волшебник доковылял до единственного уцелевшего кресла и рухнул в него, вымотанный до предела.

— Скорее всего, это был едок, посланный Кхалюлем.

— Кто? — переспросил в замешательстве Логен. — Посланный кем?

Байяз вытер пот с лица.

— Ты, кажется, говорил, будто не хочешь знать.

— Верно.

Этого Логен не мог отрицать. Он почесал подбородок и поглядел в дыру на рваный кусок ночного неба, гадая, не пора ли переменить свое отношение к событиям. Но было уже поздно: в дверь отчаянно заколотили.

— Открой, ладно?

Логен пробрался сквозь хаос обломков на полу и отодвинул засов. В комнату, оттолкнув его плечом, ворвался рассерженный стражник со светильником в одной руке и обнаженным мечом в другой.

— Я слышал шум!

Свет его лампы скользнул по обломкам, добрался до рваного края выдранный штукатурки, до вывороченных камней и бездонного ночного неба в проеме.

— Мать твою... — прошептал стражник.

— К нам явился незванный гость, — буркнул Логен.

— А-а... Я... Я должен уведомить... — Стражник выглядел совершенно сбитым с толку. — Уведомить кого-нибудь...

Он попятился к двери, наткнулся на рухнувшую балку и чуть не упал. Логен слышал, как его сапоги загрохотали вниз по лестнице.

— Что такое едок? — спросил Девятипалый.

Ответа не последовало. Волшебник уже спал, его глаза были закрыты, на лице застыло суровое выражение, грудь мерно вздымалась. Логен опустил глаза и с удивлением обнаружил, что до сих пор сжимает в правой руке кувшин, изящный и хрупкий. Он осторожно расчистил место на полу и поставил посудину среди обломков.

Одна из дверей с шумом распахнулась, и сердце Логена подпрыгнуло. Но это был всего лишь Малахус, испуганно озирающийся вокруг. Волосы на голове ученика торчали дыбом.

— Какого... — Он пробрался к дыре и боязливо выглянул в ночную темноту. — Черт!

— Малахус, что такое едок?

Тот резко повернул голову и посмотрел на Логена. Лицо ученика мага было воплощением ужаса.

— Это запрещено, — прошептал он. — Нельзя поедать человеческую плоть...

Вопросы

Глокта торопливо заталкивал в рот овсянку в надежде съесть хотя бы половину, прежде чем каша начнет проситься обратно. Он глотал, давясь и содрогаясь. Наконец он отодвинул от себя миску, словно само ее наличие унижало его.

«Собственно, так оно и есть».

— Надеюсь, у тебя что-то важное, Секутор, — проворчал он.

Практик поднял руку и отвел назад падавшие на лицо сальные волосы.

— Зависит от того, что вы называете важным, — ответил он. — Это насчет наших магических друзей.

— Ах да, первый из магов и его храбрые спутники! И что с ними такое?

— Прошлой ночью в их покоях была тревога. Они говорят, что к ним кто-то вломился. Произошла какая-то схватка или что-то в этом роде. Кажется, нанесен какой-то ущерб.

— Кто-то вломился? Какая-то схватка? Какой-то ущерб? — Глокта неодобрительно покачал головой. — Кажется? Мне кажется, этого для нас недостаточно, Секутор.

— На сей раз придется удовлетвориться тем, что есть. Стражник не сумел рассказать подробностей. На мой взгляд, он чертовски встревожен. — Секутор погрузился в кресло еще глубже, подняв плечи до самых ушей. — Кому-нибудь все равно надо разузнать про это дело, так почему бы и не нам? Попробуем рассмотреть их с близкого расстояния. Возможно, зададим несколько вопросов.

— Где они сейчас?

— Вам понравится: они в Цепной башне.

Глокта угрюмо насупил, убирая языком остатки овсянки с беззубых десен.

«Ну конечно. Еще и на самом верху, могу поклясться! Сплошные ступеньки».

— Что-то еще?

— Северянин вчера отправился прогуляться, ходил кругами по всему Агрионту. Мы, конечно, наблюдали за ним. — Практик фыркнул и поправил маску. — Мерзавец.

— А, наш печально знаменитый северянин! И что, совершал ли он какие-нибудь бесчинства? Изнасилования, убийства, что-нибудь еще в этом

роде? Может, поджег несколько зданий?

— Да честно говоря, немного. Целое утро — сплошная скука для тех, кто следил. Он только бродил и глазел вокруг. Поговорил с парой человек.

— Что за люди?

— Ничего особенного. Один из плотников, что строят помосты для турнира. Какой-то служащий, проходивший по аллее Королей. Еще девчонка возле Университета — с ней он говорил подольше.

— Девчонка?

Глаза Секутора ухмыльнулись:

— Точно, и прехорошенькая. Как же ее зовут? — Он защелкал пальцами. — Я же узнал ее имя... Ее брат служит в личной королевской охране... Вест! Фамилия — Вест.

— Арди?

— Точно! Вы с ней знакомы?

Глокта неопределенно хмыкнул и облизнул десны.

«Она спросила, как я себя чувствую. Я помню».

— О чем они могли говорить?

Практик пожал плечами.

— Да ни о чем, скорее всего. Впрочем, она из Инглии, в город приехала недавно. Может быть, здесь есть связь. Хотите, я приведу ее? Мы все быстро выясним.

— Нет! — рявкнул Глокта. — Нет. В этом нет необходимости. Ее брат когда-то был моим другом.

— Когда-то был...

— Не трогать ее, Секутор. Ты слышишь меня?

Практик пожал плечами:

— Как скажете, инквизитор, как скажете.

— Так я и говорю.

Повисла пауза.

— Значит, с торговцами шелком мы завязали, что ли? — спросил Секутор, и в голосе его прозвучала едва ли не тоска.

— Похоже, да. С ними покончено. Там больше ничего нет, разве что небольшие доделки.

— Довольно прибыльные доделки, я бы сказал.

— Я бы тоже так сказал, — кисло отозвался Глокта. — Однако его преосвященству кажется, что наши таланты лучше использовать в других областях. — «Например, в слежке за фальшивыми волшебниками». — Надеюсь, с твоей недвижимостью возле доков все в порядке?

Секутор пожал плечами.

— Не удивлюсь, если вам снова понадобится место подальше от любопытных глаз, — ответил он. — И оно по-прежнему к вашим услугам. За соответствующую плату. Ведь стыдно оставлять работу недоделанной.

«Он прав, — подумал Глокта и помедлил минуту, напряженно размышляя. — Это опасно. Архилектор сказал: дальше не копать. Очень опасно не повиноваться, и, однако, я чувю — тут что-то есть. Ужасно раздражает, когда приходится оставлять такие хвосты, что бы ни говорил его преосвященство».

— Пожалуй, имеется еще одна вещь, — проговорил он.

— Вот как?

— Да, только надо действовать очень тонко. Ты что-нибудь знаешь о банках?

— Большие здания. Там людям дают деньги в долг.

Глокта сухо усмехнулся:

— Понятия не имел, что ты такой знаток. Так вот, один банк меня особенно интересует. Он называется «Валинт и Балк».

— Никогда о нем не слышал, но я могу поспрашивать.

— Только очень осторожно, Секутор, ты понял? Об этом не должен знать никто. Ни единая душа, слышишь?

— Да я сама осторожность, хозяин, спросите кого угодно! Осторожность — это я.

— Надеюсь, что так, Секутор. Надеюсь, что так.

«Иначе нам обоим не сносить головы».

Глокта полулежа втиснулся в амбразуру, опершись спиной о каменную стену и вытянув перед собой левую ногу — эту огненную топку пронзительной, пульсирующей боли. Он, разумеется, был готов к боли каждое мгновение каждого дня, но сейчас было что-то особенное, явно чересчур.

Каждый выдох вырывался через его одеревеневшие челюсти с хриплым стоном. Малейшее движение стало непосильной задачей. Он вспомнил, как маршал Варуз заставлял его бегать вверх и вниз по этой лестнице, когда готовил к турниру много лет назад.

«Я прыгал через три ступеньки, вверх и вниз, и даже не думал о них. А теперь — посмотрите на меня! Кто мог подумать, что дойдет до такого?»

По его трясущемуся телу потоком лился пот, из воспаленных глаз градом катились слезы, покрасневший нос сочился водянистой слизью.

«Столько воды льется из меня, а я тем временем умираю от жажды. Где здесь смысл?»

И был ли вообще смысл хоть в чем-то?

«А вдруг кто-то пройдет мимо и увидит меня в таком состоянии? Ужасный Глокта, бич инквизиции, лежит на заднице на подоконнике, едва способный шевелиться! Смогу ли я выдавить беспечную улыбку поверх застывшей маски страдания? Сделаю ли вид, что у меня все в порядке? Что я часто прихожу сюда — полежать возле лестницы? Или же я стану плакать и кричать, взывая о помощи?»

Но никто не появлялся. Он лежал, втиснутый в узкое пространство амбразуры, в четверти пути до верха Цепной башни. Его затылок опирался на холодные камни, дрожащие колени были подтянуты вверх.

«Занд дан Глокта, мастер-фехтовальщик, блестящий кавалерийский офицер — какое славное будущее открывалось перед тобой! Были времена, когда я мог бегать часами. Бегать и бегать, ничуть не уставая».

Он чувствовал, как струйка пота стекает по его спине.

«Зачем я делаю это? Зачем, черт побери, кому бы то ни было делать это? Я могу остановиться сегодня, прямо сейчас. Я могу пойти домой к матери. Но что потом? Что потом?»

— Инквизитор, как я рад, что вы пришли!

«Твое счастье, сволочь. А я вот не рад».

Глокта прислонился к стене на верхней площадке лестницы, царапая десны немногими остававшимися зубами.

— Они ждут внутри. Но там такой беспорядок...

Рука Глокты дрожала так, что конец трости выбивал дробь на каменном полу. Перед глазами плыло, веки подергивались. Стражник казался смутным, расплывчатым пятном.

— С вами все в порядке? — спросил солдат.

Он нависал над Глоктой, протягивая к нему руку. Глокта поднял голову.

— Открой мне чертову дверь, болван!

Стражник отскочил, поспешно подбежал к двери и распахнул ее. Тело Глокты жаждало покоя — лечь навзничь и затихнуть! — но он заставил себя распрямиться. Потом заставил себя сделать шаг, выровнять дыхание, расправить плечи, высоко поднять голову — и царственно прошествовал мимо охранника, хотя боль терзала его. Однако от зрелища, открывшегося за дверью, его показное самообладание чуть не сорвалось.

«Еще вчера здесь были одни из лучших покоев в Агрионте! Сюда помещали самых высокочтимых гостей, самых важных иностранных сановников. Так было вчера».

В одной из стен — там, где должно находиться окно, — зияла огромная дыра, а через нее виднелось небо, ослепительно яркое после полутемной лестницы. Одна секция потолка обвалилась, сломанные балки и пласты штукатурки свисали вниз, в комнату. Пол усеивали осколки стекла и камня, рваные клочья яркой ткани. Антикварная мебель разбита на куски, обломанные концы почернели и обуглились, как от огня. Лишь одно кресло, половина стола и высокий изукрашенный кувшин, необъяснимо целый посреди заваленного мусором пола, избегли всеобщего разрушения.

В центре этих драгоценных руин стоял весьма смущенный юноша болезненного вида. Когда Глокта показался в дверях и стал пробираться через обломки, он поднял голову и нервно пробежал языком по губам: ему было явно не по себе.

«Есть ли на свете человек, более похожий на мошенника?»

— Э-э... доброе утро...

Пальцы юноши нервно теребили мантию — громоздкую хламиду, вышитую мистическими символами.

«И разве не очевидно, что ему в такой одежде неудобно? Если это ученик волшебника, то я — император Гуркхула!»

— Я Глокта, из инквизиции его величества. Меня послали расследовать это... прискорбное дело. Я ожидал увидеть кого-то постарше.

— Ах да, простите! Мое имя Малахус Ки, — забормотал молодой человек. — Я ученик великого Байяза, первого из магов, мастера высокого искусства, наделенного...

«На колени! На колени передо мной! Я могучий император Гуркхула!»

— Малахус Ки? — грубо оборвал его Глокта. — Ты что, из Старой империи?

— Ну да. — Лицо юноши немного просветлело при этом вопросе. — А разве вы знаете мою...

— Нет. Совсем не знаю.

Бледное лицо вновь померкло.

— Прошлой ночью ты находился здесь?

— Ну да. Я спал в соседней комнате. Боюсь, я толком ничего не видел...

Глокта воззрился на него пристальным немигающим взглядом, пытаясь понять, что он собой представляет. Ученик кашлянул и уставился в пол, словно прикидывал, с чего начать уборку.

«Неужели вот такое создание могло заставить архилектора нервничать? Убогий актеришка. Держится как мелкий жулик».

— Однако хоть кто-то что-нибудь видел?

— Да, э-э... Мастер Девятипалый, я полагаю...

— Девятипалый?

— Да, он наш спутник, родом с Севера. — Юноша опять просиял. — Он знаменитый воин, боец, принц своего...

— Ты из Старой империи. Он с Севера. Какая у вас разношерстная компания!

— О, да, ха-ха-ха! Действительно, можно сказать...

— Где сейчас мастер Девятипалый?

— Он, кажется, еще спит. Ну-у... Я, конечно, мог бы его разбудить...

— Да, не сделаешь ли одолжение? — Глокта постучал тростью об пол. — Вzbираться сюда для меня высоковато, и я предпочел бы, чтобы мне не пришлось повторять это позже.

— О, конечно... простите!

Юноша поспешно кинулся к одной из дверей, и Глокта отвернулся, делая вид, будто рассматривает зияющую дыру в стене. На самом деле он корчил мучительные гримасы и кусал губы, чтобы не завывать, как больной ребенок. Он ухватился свободной рукой за образовавшийся каменный выступ и стиснул его изо всех сил.

Когда приступ миновал, Глокта начал внимательно изучать повреждения. Даже на этой высоте стена имела толщину в добрых четыре фута. Она была сложена из больших валунов, скрепленных цементом, и облицована тесаными каменными блоками. Чтобы пробить в ней такую брешь, потребовался бы камень, пущенный из очень мощной катапульты, или бригада хороших рабочих, которая бы работала день и ночь на протяжении недели.

«Огромная осадная машина или группа рабочих, без сомнения, привлекли бы внимание охраны. Тогда как же это сделано?»

Глокта прошелся пальцами по обломанным камням. До него доходили слухи, будто далеко на юге придумали нечто вроде взрывающегося порошка.

«Могла ли щепотка такого порошка сотворить подобное?»

Дверь отворилась. Глокта обернулся и увидел огромного детину: тот перешагнул порог, нагнув голову под низкой притолокой и на ходу неторопливо застегивая могучими руками рубашку. Его медлительность походила на задумчивость.

«Он мог бы двигаться быстро, но пока не видит в этом смысла».

Волосы северянина лежали спутанной массой, бесформенное лицо покрывали безобразные шрамы. Средний палец на левой руке отсутствовал.

«Поэтому и Десятипалый. Какая богатая фантазия!»

— Проспали?

Северянин кивнул.

— В вашем городе для меня слишком душно — не могу заснуть ночью, зато потом долго сплю днем.

Нога Глокты пульсировала, спина ныла, шея была твердой, как сухая ветка. Лишь ценой огромного усилия он скрывал свои мучения. Сейчас инквизитор отдал бы все на свете за то, чтобы рухнуть в единственное неповрежденное кресло и кричать от боли вволю.

«Но я должен стоять и обмениваться бессмысленными словами с этими шарлатанами».

— Не могли бы вы объяснить мне, что здесь произошло?

Десятипалый пожал плечами.

— Ночью я захотел отлить. Вышел и увидел, что в комнате кто-то есть.

Разговаривал он весьма свободно, даже если содержание речей было не вполне приличным.

— Вы видели, кто был этот «кто-то»?

— Нет. Здесь была женщина — вот все, что я увидел.

Он задвигал плечами, явно испытывая неловкость.

— Женщина, вот как? — «История с каждой секундой становится все более нелепой». — Может быть, что-то еще? Не удастся ли нам сузить поле нашего расследования немного больше, чем до половины населения земли?

— Было холодно. Очень холодно.

— Холодно?

«Ну разумеется, почему бы нет? Хотя стояла одна из самых жарких ночей в году».

Глокта долго смотрел северянину в лицо, и тот отвечал на его взгляд. Спокойные, глубоко посаженные темно-синие глаза.

«Нет, он не идиот. Может быть, он и кажется человекоподобной обезьяной, но разговаривает как разумный человек. Он думает, прежде чем говорить, и говорит не больше, чем требуется. Опасный человек».

— Что за дела у вас в нашем городе, мастер Десятипалый?

— Я пришел вместе с Байязом. Если вы хотите знать о его делах, можете спросить у него. Я, честно говоря, о них ничего не знаю.

— Так значит, он вам платит?

— Нет.

— Вы последовали за ним из преданности?

— Не совсем.

— Но вы его слуга?

— Нет, вовсе нет. — Северянин неторопливо поскреб щетину на подбородке. — Вообще-то я не знаю, кто я.

«Большой безобразный лгун — вот кто ты. Но как это доказать?»

Глокта махнул тростью, указывая на разоренную комнату:

— Каким образом вашему ночному гостю удалось причинить столько разрушений?

— Это сделал Байяз.

— Байяз? Но как?

— Он называет это искусством.

— Искусством?

— Низшая магия необузданна и рискованна, — затянул ученик высокопарным речитативом, словно то, что он говорил, было ужасно важным, — ибо она исходит с другой стороны, а черпать силу из нижнего мира чревато опасностью. Маг обуздывает магию знанием, и так творит высокое искусство, но подобно кузнецу или...

— Другая сторона? — резко переспросил Глокта, прервав поток бессмыслицы, изливавшийся из уст юного дурака. — Нижний мир? Ад, ты хочешь сказать? Магия? Вы обучены какой-нибудь магии, мастер Девятипалый?

— Я? Нет! — Северянин засмеялся. Немного подумал и добавил, словно это только сейчас пришло ему в голову: — Но я могу разговаривать с духами.

— С духами, вот как? — «О нет, только не это!» — Возможно, они смогли бы сказать нам, кто вторгся сюда прошлой ночью?

— Боюсь, вряд ли. — Девятипалый печально покачал головой, то ли не заметив сарказма Глокты, то ли не считая нужным обращать на него внимание. — В таком месте их больше не осталось. Здесь они спят, и спят уже давно.

— Ах да, ну конечно. — «Всем духам уже давно пора баиньки... Ладно, я устал от этой чепухи». — Ты пришел от Бетода?

— Можно сказать и так.

Теперь удивился Глокта. Он ожидал резкого вдоха, бегающих глаз, торопливой попытки соврать, но не столь откровенного признания. Девятипалый, однако, и не моргнул.

— Я когда-то был его поединщиком, — пояснил он.

— Поединщиком?

— Да, я бился за него в десяти поединках.

Глокта с трудом подыскивал слова:

— И вы побеждали?

— Да, мне везло.

— Вы, разумеется, отдаете себе отчет в том, что Бетод вторгся в пределы Союза?

— Да уж. — Северянин вздохнул. — Мне надо было прикончить этого гада много лет назад, но я был молод и глуп. А теперь я сомневаюсь, что мне выпадет еще один случай — так уж все устроено. Надо быть... как там это называется?

— Реалистом, — подсказал Ки.

Глокта сдвинул брови. Мгновение назад ему казалось, что он вот-вот извлечет смысл из этой чепухи. Но то мгновение куда-то ускользнуло, и смысла стало еще меньше, чем когда-либо. Инквизитор воззрился на Деятипалого, но не сумел прочесть на изрезанном шрамами лице никаких ответов. Только новые вопросы.

«Разговаривает с духами? Дрался на поединках за Бетода, хотя является его врагом? Таинственная женщина напала на него среди ночи? И он даже не знает, зачем находится здесь? Умный лжец смешивает ложь с правдой, а этот навывдумывал столько, что я не знаю, с чего начинать».

— Ага, у нас гость!

В комнату вошел пожилой человек, коренастый и крепко сложенный, с короткой седой бородкой. Он энергично тер лысую голову куском ткани.

«Значит, вот это и есть Байяз».

Маг упал в уцелевшее кресло; в его движениях не было ни капли той величавости, какую можно ожидать от значительной исторической фигуры.

— Я должен принести извинения. Не мог удержаться и не воспользоваться ванной. Здесь отличная ванная. Я моюсь каждый день с тех пор, как мы прибыли сюда, в Агрионт. Я настолько пропитался дорожной пылью, что прямо-таки вцепился в возможность снова стать чистым! — проговорил старик и провел ладонью по своему безволосому черепу.

Глокта мысленно сопоставил его черты со статуей Байяза в аллее Королей.

«Что ж, сходство не кажется поразительным. В этом нет никакой внушительности, к тому же он гораздо ниже ростом. Дайте мне час, и я наберу пяток стариков, которые выглядят более убедительно. Даже если бы я поработал с бритвой над архилектором Сультом, у меня получилось бы лучше. — Глокта взглянул на блестящую лысину старика. — Интересно, ему приходится брить ее каждое утро?»

— А вы кто будете? — спросил самозванный Байяз.

— Инквизитор Глокта.

— А, один из инквизиторов его величества! Большая честь!

— О нет, это для меня большая честь познакомиться с вами. Ведь вы, в конце концов, не кто иной, как легендарный Байяз, первый из магов.

Старик внимательно посмотрел на него колючими, жесткими зелеными глазами.

— «Легендарный» будет, пожалуй, чересчур, но я действительно Байяз.

— Ваш спутник, мастер Девятипалый, как раз описывал мне события прошлой ночи. Весьма красочная история. Он заявляет, что именно вы были причиной... всего этого.

Старик фыркнул:

— У меня нет привычки привечать незваных гостей.

— Я вижу.

— Увы, покои тоже пострадали. По моему опыту, в таких случаях следует действовать быстро и решительно. А обломки можно собрать и позже.

— Разумеется. Простите мое невежество, мастер Байяз, но как именно произведены эти повреждения?

Старик улыбнулся:

— Надеюсь, вы понимаете, что мы не делимся тайными знаниями ордена с кем попало. А ученик, боюсь, у меня уже есть. — Он указал на растерянного юношу.

— Да, мы познакомились. Но тогда, может быть, объясните попростому, чтобы я понял?

— Вы назвали бы это магией.

— Магией. Понимаю...

— Именно. В конце концов, именно этим мы, маги, более всего и известны.

— Хм-м... Полагаю, вы будете так любезны и покажете мне что-нибудь?

— О нет, нет! — Так называемый «волшебник» удовлетворенно рассмеялся. — Я не занимаюсь фокусами.

«Этого старого болвана, как и северянина, раскусить нелегко. Дикарь говорит с трудом, а этот болтает напропалую, но ничего не объясняет».

— Я должен признаться, что пребываю в некотором недоумении относительно того, как ваш ночной посетитель проник внутрь. — Глокта огляделся по сторонам, словно выискивал способы войти в комнату. — Охранник ничего не видел. Значит, остается окно.

Глокта осторожно прошаркал к дыре и выглянул наружу. Прежде там

находился маленький балкончик, но теперь на его месте торчали лишь несколько каменных обломков. Дальше стена гладко и отвесно шла вниз до самой воды, поблескивавшей далеко-далеко.

— Взобраться сюда непросто, особенно в платье. Задача практически невозможная, не так ли? По вашему мнению, каким образом той женщине удалось все проделать?

Старик опять фыркнул:

— Не хотите ли вы, чтобы я делал за вас вашу работу? Может быть, она вылезла из очка уборной! — Северянина, казалось, очень обеспокоило это предположение. — Почему бы вам не поймать ее и не допросить? Разве не для этого вы здесь?

«Трогательно, трогательно! И как отлично сыграно! Изображает оскорбленную невинность настолько убедительно, что почти заставил меня поверить в эту белиберду. Почти, но не до конца».

— В этом и заключается проблема. Нет никаких следов вашего таинственного посетителя. Тела не обнаружили. Есть обломки дерева, части мебели, камни из стены — все это разлетелось по улице внизу. Но ничего, что говорило бы о ночном госте, кем бы он ни был!

Старик пристально посмотрел на Глокту, и между его бровями залегла глубокая складка.

— Возможно, тело сгорело дотла, — ответил он. — Возможно, оно распалось на слишком мелкие частицы или вообще испарилось. Магия не всегда действует точно или предсказуемо, даже в руках мастера. Такие вещи случаются. Очень часто. Особенно когда я раздражен.

— Но я все же рискну вызвать ваше раздражение. Мне пришла в голову мысль, что вы, возможно, вовсе не являетесь Байязом, первым из магов.

— Вот как? — Кустистые брови старика сошлись вместе.

— И я должен принять во внимание вероятность того...

В комнате разлилась напряженная тишина.

— ...что вы просто самозванец.

— То есть мошенник? — резко уточнил самозванный маг.

Бледный юноша вжал голову в плечи и тихо попятился к стене.

Глокта внезапно почувствовал себя совершенно одиноким посреди заваленного обломками круга — одиноким и неуверенным в себе. Но он упрямо продолжал:

— Мне пришло в голову, что происшествие могло быть разыграно специально для нас. Демонстрация магических способностей весьма уместна для вашей роли.

— Уместна? — прошипел лысый старик, и его голос зазвучал необычайно громко. — Уместна, говорите? Было бы уместно, если бы мне дали спокойно спать по ночам! Было бы уместно, если бы я сейчас сидел в своем старом кресле в закрытом совете! Было бы уместно, если бы люди принимали мои слова как закон, как это было раньше, а не задавали мне идиотских вопросов!

Сходство со статуей в аллее Королей внезапно стало гораздо более явным. Теперь все проявилось: и властно нахмуренный лоб, и презрительная усмешка, и угроза страшного гнева. Слова старика навалились на Глокту огромной тяжестью, затрудняли его дыхание, угрожали поставить на колени, врезались в череп — и оставляли за собой беспокойную крупцу сомнения. Глокта взглянул на зияющую дыру в стене.

«Порошок? Катапульта? Бригада рабочих? А нет ли более простого объяснения?»

Мир словно пришел в движение вокруг него, как было несколькими днями раньше в кабинете архитектора: ум принялся переворачивать отдельные кусочки, раскладывать их порознь, снова собирать воедино...

«Что, если они попросту говорят правду? Что, если... Нет!»

Глокта усилием воли отверг эту идею. Он поднял голову и наградил старика презрительной усмешкой.

«Стареющий актер с выбритой головой и убедительной манерой держаться, ничего больше».

— Если вы тот, кем себя называете, вам нечего бояться ни моих вопросов, ни своих ответов.

Губы старика растянулись в усмешке, и странное давление внезапно пропало.

— Вашу искренность, инквизитор, весьма приятно видеть. Не сомневаюсь, вы приложите все усилия, чтобы доказать свою теорию. Желаю вам удачи. Мне, как вы сказали, действительно нечего бояться. Я лишь попросил бы вас обзавестись какими-либо доказательствами моего мошенничества, прежде чем беспокоить нас снова.

Глокта напряженно поклонился.

— Постараюсь так и сделать, — ответил он и направился к двери.

— И еще одно! — окликнул его старик, оглядываясь на дыру в стене. — Нельзя ли подыскать для нас другое помещение? Теперь здесь слишком душно.

— Я прослежу за этим.

— Прекрасно. Может быть, где-нибудь, где поменьше ступенек? Эти

проклятые лестницы черт знает как действуют на мои колени.

«Да ну? Хоть в этом мы единокорны».

Глокта в последний раз окинул взором троицу. Лицо лысого старика было непроницаемым, как стена. Долговязый юноша тревожно поднял голову и тут же отвел взгляд. Северянин все еще хмурился, поглядывая на дверь уборной.

«Шарлатаны, самозванцы, шпионы... Но как доказать это?»

— Всего доброго, господа.

И Глокта захромал к лестнице со всем достоинством, какое только мог в себе найти.

Благородство

Джезаль соскреб с челюсти последние тонкие волоски и вымыл бритву в тазике. Затем протер ее тряпицей, закрыл и бережно положил на стол, любуясь тем, как солнечный свет играет на перламутровой ручке.

Он промокнул лицо, а потом — это был его самый любимый момент на протяжении дня — посмотрел на свое отражение в зеркале. Это дорогое зеркало, недавно привезенное из Виссерина, подарил ему отец: светлый гладкий стеклянный овал в резной оправе из темного дерева. Подходящая рама для привлекательного молодого человека, беззаботно смотревшего с той стороны стекла. Честно говоря, слова «привлекательный» было недостаточно.

— Знаешь, да ты просто красавчик! — сказал Джезаль самому себе, улыбаясь и проводя пальцами по гладкой коже подбородка.

И как хорош был этот подбородок! Джезалью часто говорили, что это лучшая черта его внешности. Хотя и остальные не хуже. Он повернулся вправо, потом влево, желая как следует насладиться видом своего величественного подбородка: не слишком тяжелый, не слишком жестокий, но и не слишком хрупкий; ничего женственного или слабого. Вне всяких сомнений, это подбородок настоящего мужчины, но с небольшой ямочкой на подбородке. Говорит о силе и авторитете и в то же время — о чувствительности и рассудительности. У кого еще на свете увидишь столь совершенные черты? Разве что у какого-нибудь короля или легендарного героя. Подбородок благородного человека видно сразу. У простолюдина такого не может быть.

Скорее всего, это передалось по материнской линии, предположил Джезаль. У отца подбородок довольно вялый. Да и у братьев тоже, если подумать. Можно даже пожалеть их: Джезалью досталась вся фамильная красота.

— И большая часть таланта, — радостно пробормотал он сам себе.

С некоторой неохотой он отвернулся от зеркала и прошел в гостиную, натягивая рубашку. Сегодня надо выглядеть наилучшим образом. Эта мысль заставила Джезалью нервно поежиться; мелкая дрожь зародилась где-то в районе желудка, проползла вверх по дыхательным путям и угнездилась в горле.

К этому времени ворота, должно быть, уже открыли. Нескончаемый людской поток втекал в Агрионт, зрители занимали места на огромных

деревянных подмостках, выстроенных на площади Маршалов. Тысячи людей — и значительных, и совершенно ничтожных. Они уже собирались — кричали, толкались, возбужденные, ожидающие... его. Джезаль кашлянул и постарался отбросить эту мысль. Из-за нее он уже полночи провел без сна.

Он подошел к столу, где стоял поднос с завтраком, рассеянно ухватил двумя пальцами сосиску, откусил и принялся жевать без всякого удовольствия. Потом сморщился и положил ее обратно на блюдо — сегодня у него совершенно не было аппетита. Он как раз вытирал пальцы о скатерть, когда вдруг заметил, что на полу возле двери что-то лежит. Клочок бумаги. Он нагнулся, поднял его, развернул... Одна строчка, написанная четким аккуратным почерком:

*Приходи сегодня вечером к статуе Города Великого возле
Четырех углов.*

А.

— Проклятье, — пробормотал Джезаль.

Не веря глазам, он перечитывал записку снова и снова, а потом сложил бумажку в несколько раз и нервно огляделся по сторонам. Ему на ум приходила только одна «А». В последние несколько дней он задвинул ее в дальний угол сознания, поскольку проводил все свободное время на тренировках. Однако стоило ему получить записку — и она мгновенно вышла на первый план.

— Проклятье!

Он снова развернул записку и перечитал: «Приходите сегодня вечером». При этих словах Джезаль не мог не испытать удовлетворения, понемногу переросшего в совершенно явный жар удовольствия. Он расплылся в дурацкой ухмылке. Тайное свидание под покровом темноты? Его кожу покалывало от возбуждения при мысли об этом. Однако тайны рано или поздно раскрываются. Что будет, если обо всем узнает ее брат? Джезаль ощутил новый всплеск нервозности. Он сжал клочок бумаги в пальцах, уже готовый разорвать его, но в последний момент все же сложил записку и сунул в карман.

Шагая по туннелю, он издали услышал шум толпы. Необычный раскатистый гул исходил, казалось, от самих камней. Джезаль, разумеется, уже слышал его прежде, когда присутствовал среди зрителей на

прошлогоднем турнире. Но тогда у него при этом звуке не выступал пот и не переворачивались внутренности. Быть частью публики или частью самого зрелища — между этими состояниями лежит целый мир.

Он немного замедлил шаг, потом остановился, закрыл глаза и прислонился к стене, слушая гул толпы в ушах. Он глубоко дышал и пытался взять себя в руки.

— Не бойся, я очень хорошо понимаю, что ты сейчас чувствуешь. — Джекзал почувствовал на плече успокаивающую руку Веста. — В первый раз я чуть не сбежал. Но все это исчезнет, как только ты вытащишь клинок из ножен, поверь мне.

— Да, — пробормотал Джекзал, — да, конечно.

Он сомневался, что Вест действительно так понимает его чувства. Да, майор когда-то принимал участие в паре турниров, но вряд ли у него при этом намечалось тайное свидание с сестрой своего лучшего друга в тот же самый вечер. Джекзал задал себе вопрос: был бы Вест столь же внимателен к нему, если бы знал содержание письма в его нагрудном кармане? Едва ли.

— Пора идти. Не то они начнут без нас.

— Да уж, — пробормотал Джекзал.

Он в последний раз набрал в грудь воздуха, открыл глаза и с силой выдохнул. Затем оторвался от стены и быстро двинулся вперед по туннелю. Внезапно капитана охватил прилив паники — где его клинки? Он в отчаянии поискал их глазами, потом облегченно вздохнул: он нес оружие в руке.

В зале возле выхода на площадь собралась немалая толпа — тренеры, секунданты, друзья, члены семей и просто любопытствующие. Впрочем, участники турнира выделялись с первого взгляда: пятнадцать молодых людей крепко сжимали клинки. Волнение было разлито в воздухе и весьма заразительно. Повсюду, куда бы ни посмотрел Джекзал, его взгляд встречал бледные нервные лица, потные лбы, тревожные бегающие глаза. Общее напряжение усиливал гул толпы, зловеще громкий за закрытой двустворчатой дверью в дальнем конце помещения, нарастающий и затихающий, словно штормовое море.

Лишь один человек казался совершенно спокойным. В стороне от остальных он прислонился к стене, опершись одной ногой об оштукатуренную поверхность, откинул голову и разглядывал собравшихся из-под приоткрытых век. Большинство участников турнира были гибкими, жилистыми, атлетически сложенными; но этот человек не походил на них. Он был крупным и массивным, с обритыми до черной щетины волосами, с мощной толстой шеей и могучей выступающей челюстью. Это челюсть

простолюдина, подумалось Джезалю, но простолюдина огромного, сильного и опасного. Джезаль принял бы здоровяка за чьего-то слугу, если бы не пара клинков в его опущенной руке.

— Горст, — шепнул Вест на ухо капитану.

— Ха! По мне, он больше похож на работягу, чем на фехтовальщика.

— Может, и так, но внешность обманчива.

Гул толпы начал затихать, и в зале тоже все замолчали. Вест приподнял брови и прошептал:

— Обращение короля.

— Друзья мои! Соотечественники! Сograждане Союза! — донесся звучный голос, хорошо слышный даже сквозь массивные двери.

— Хофф, — фыркнул Вест. — Даже здесь он занимает место короля! Почему он попросту не наденет корону и не покончит с этим?

— Месяц назад, — зычно ревел вдалеке лорд-камергер, — мои коллеги из закрытого совета выдвинули вопрос... а стоит ли вообще проводить турнир в этом году?

В толпе послышались свист и выкрики буйного неодобрения.

— Вопрос справедливый, — крикнул Хофф, — поскольку идет война! Смертельная битва на Севере! Свобода, которой мы так дорожим, права, которые заставляют весь мир завидовать нам, самый наш образ жизни — все поставлено под угрозу этими дикарями!

Сквозь собравшуюся в зале толпу пробирался служитель, отделяя участников турнира от их родственников, тренеров и друзей.

— Ну что ж, удачи! — сказал Вест, хлопая Джезаля по плечу. — Увидимся снаружи.

Во рту у Джезаля пересохло, и он сумел лишь кивнуть.

— Этот вопрос задавали храбрые люди! — гремел гулкий голос Хоффа из-за дверей. — Мудрые люди! Истинные патриоты! Мои верные друзья из закрытого совета! И я понимал, почему они думали, что в этом году турнир проводить не нужно. — Долгая пауза. — Но я сказал им: нет!

Взрыв безумного восторга.

— Нет! Нет! — вопила толпа.

Джезаля вместе с другими участниками призвали встать в шеренгу по два — восемь пар. Слушая размеренную речь лорда-камергера, он продолжал беспокоиться о своих клинках, хотя и проверил их уже двадцать раз.

— Нет, сказал я им! Допустим ли мы, чтобы эти варвары, эти животные с ледяного Севера попирали наш образ жизни? Допустим ли мы, чтобы маяк свободы среди тьмы остального мира угас? Нет, сказал я им!

Наша свобода не продается ни за какую цену! На это, мои друзья, мои соотечественники, мои сограждане — на это вы можете рассчитывать! Мы победим!

Снова океанская волна одобрения. Джебаль сглотнул и нервно покосился вбок: рядом стоял Бремер дан Горст. У здорового паскудника хватило наглости подмигнуть ему, ухмыляясь, словно у него нет ни единой заботы.

— Чертов идиот, — пробормотал Джебаль, однако позаботился о том, чтобы его губы при этом не шевелились.

— Итак, друзья мои, — послышались заключительные вопли Хоффа, — какой случай позволит нам лучше, чем сейчас, когда мы стоим на самом краю опаснейшей пропасти, прославить умение, мощь и отвагу храбрейших сынов нашего отечества? Мои сограждане, мои соотечественники — я представляю вам участников турнира!

Тяжелые двери распахнулись настежь, и рев толпы ворвался в зал, заставляя дрожать потолочные балки. Внезапный, оглушительно громкий рев. Первая пара фехтовальщиков двинулась к выходу через арку, за ней вторая, потом третья. Джебаль был уверен, что не сойдет с места, бессмысленно озираясь вокруг, как испуганный кролик. Однако его ноги сами решительно шагнули вперед одновременно с Горстом, и каблуки отполированных до блеска сапог защелкали по плитам пола к высокому дверному проему.

Площадь Маршалов преобразилась. По ее периметру теперь стояли трибуны для публики, уходившие далеко назад и вверх. Они были переполнены людьми. Участники турнира вышли цепочкой в ущелье между этих утесов, направляясь к центру просторной арены; балки, поперечины и опоры трибун по обеим сторонам от них были подобны тенистому лесу. Впереди — казалось, что очень далеко, — виднелся размеченный фехтовальный круг: маленький клочок высохшей желтой травы посреди моря людей.

Внизу, в первых рядах, Джебаль различал лица богатых и благородных господ, одетых в свои лучшие одежды, заслоняющих глаза от яркого солнца. Они были светски безразличны к разыгрывавшемуся перед ними представлению. Немного дальше и выше фигуры зрителей виднелись уже не столь отчетливо, а наряды становились проще. Основная же часть огромной толпы сливалась в пестрое множество разноцветных клякс и точек, теснящихся по краям гигантской чаши. Простой народ всеми способами выражал возбуждение и восторг: они хлопали, кричали, вставали на цыпочки и махали руками. Сверху маячили верхушки самых

высоких зданий, окружавших площадь. Стены и крыши возвышались над скоплением людей, словно острова в океане, их окна и лестницы были переполнены крошечными фигурками зрителей.

Джезаль моргнул при виде столь огромной толпы и невольно раскрыл рот. Часть его мозга осознала это — слишком малая часть, чтобы заставить рот закрыться. Джезаль затошнило. Проклятье! Конечно, надо было что-нибудь съесть, но теперь поздно. А если его вырвет прямо здесь, на глазах половины мира? Он снова ощутил приступ слепой паники. Где его клинки? Где они? Он держит их в руке. Толпа ревела, вздыхала и вскрикивала мириадами разных голосов.

Участники турнира стали отходить от круга. Не всем предстояло сражаться сегодня, большинство собирались просто наблюдать за поединками, как будто и без них не хватало зрителей. Они направились к переднему ряду, но Джезаль, к его великому сожалению, не пошел с ними. Его путь лежал к загородкам, где фехтовальщики готовились к схватке.

Он тяжело плюхнулся на скамью рядом с Вестом, закрыл глаза и вытер потный лоб, прислушиваясь к шуму беснующейся толпы. Все было слишком ярким, слишком громким, слишком подавляющим. Маршал Варуз стоял неподалеку, перегнувшись через бортик, и что-то кричал на ухо какому-то человеку. Джезаль уставился через арену на королевскую ложу в тщетной надежде успокоиться.

— Похоже, его величество король получает удовольствие от происходящего, — прошептал Вест.

— М-м...

Король уже успел погрузиться в глубокий сон, корона съехала набок и косо торчала на его голове. Джезаль вяло подумал о том, что произойдет, если она упадет совсем.

Кронпринц Ладислав тоже был здесь — как всегда разодетый и сияющий широчайшей улыбкой, словно зрители собрались исключительно ради него. Младший принц Рейнольд абсолютно не походил на своего брата: простой и серьезный, он озабоченно хмурился, глядя на впавшего в полубессознательное состояние отца. Королева-мать сидела рядом с сыновьями, прямая как палка, с высоко поднятым подбородком. Она старательно делала вид, что августейший супруг в полном порядке, а самой ей не угрожает опасность внезапного и болезненного падения тяжелой короны к ней на колени. Взгляд Джезаль привлекла молодая женщина, расположившаяся между королевой и лордом Хоффом, — очень, очень красивая. Ее одежда была еще более дорогой и пышной, чем у Ладисла (если такое вообще возможно), а шею обвивало ожерелье из крупных

бриллиантов, ярко сверкавших на солнце.

— Что это за дама? — спросил Джезаль.

— А, это принцесса Тереза, — вполголоса отвечал Вест. — Дочь великого герцога Орсо, владыки Талина. Она славится своей красотой, и, похоже, в кои-то веки слухи не обманывают.

— Я думал, в Талине не родится ничего хорошего.

— Да, я тоже такое слышал. Но ее можно счесть исключением, как потвоему?

Джезаль сомневался в этом. Принцесса, несомненно, выглядела великолепно, но в ее глазах сверкала ледяная гордость.

— Думаю, королева намерена женить на ней принца Ладислу, — добавил майор.

Кронпринц перегнулся через свою мать, дабы развлечь принцессу туповатой шуткой, и тут же захохотал сам, в безудержном веселье хлопая себя по колену. Тереза отвечала скупой ледяной улыбкой, излучая презрение, ощутимое даже на расстоянии. Ладислав, впрочем, явно ничего не заметил, и Джезаль отвернулся от них. В центр арены тяжелым шагом направлялся высокий человек в красном камзоле. Арбитр.

— Пора, — пробормотал Вест.

Арбитр театральным жестом воздел руку с двумя поднятыми пальцами и медленно повернулся кругом, ожидая, пока стихнет шум.

— Сегодня вы станете свидетелями двух фехтовальных поединков! — провозгласил он.

Публика зааплодировала.

Арбитр поднял вторую руку, выбросив три пальца:

— Каждый поединок идет до трех касаний! — Он вскинул обе руки. — Четыре человека сразятся перед вами! Двое из них уйдут домой... с пустыми руками. — Арбитр позволил одной своей руке упасть и скорбно покачал головой.

Толпа вздохнула.

— Но двое пройдут в следующий тур!

Толпа одобрительно заревела.

— Готов? — спросил маршал Варуз, наклоняясь к плечу Джезала.

Какой глупый вопрос, черт подери! А если он не готов? Что тогда? Отменить все? Прошу прощения, люди, но я не готов? Увидимся в следующем году? Однако Джезаль сумел лишь что-то неопределенно промычать в ответ.

— Настала пора, — прокричал арбитр, медленно поворачиваясь кругом в центре арены, — для нашего первого поединка!

— Куртку! — гаркнул Варуз.

— Ох! — Джезаль торопливо расстегнул пуговицы, стащил с себя куртку и принялся механически закатывать рукава рубашки.

Бросив взгляд вбок, он заметил, что его противник проделывает то же самое. Высокий худощавый юноша с длинными руками и неуверенными, слегка затуманенными глазами, на вид он вовсе не казался устрашающим противником. Джезаль заметил, что руки юноши слегка дрожали, когда он забирал у секунданта свои клинки.

— Ученик Сеппа дан Виссена и уроженец Ростода, что в Старикланде... — Арбитр сделал паузу для большего эффекта. — Куртис дан Бройя!

По площади прокатилась волна восторженных аплодисментов. Джезаль фыркнул. Эти глупцы готовы хлопать кому угодно!

Высокий юноша поднялся и решительно зашагал к месту схватки, сверкая клинками на солнце.

— Бройя! — повторил арбитр, в то время как этот долговязый идиот вставал на свою отметку.

Вест вытащил клинки Джезала из ножен. Услышав их металлический звон, капитан снова почувствовал тошноту.

Арбитр еще раз показал рукой на участников турнира.

— И его сегодняшний противник! Офицер личной королевской охраны и ученик самого лорд-маршала Варуза! — Послышались редкие хлопки, и старый солдат расцвел довольной улыбкой. — Родом из Луфара в Срединных землях, но проживающий здесь, в Агрионте!.. Капитан Джезаль дан Луфар!

Новая волна аплодисментов, гораздо более громких, чем те, что достались на долю Бройя. На фоне общего гама слышался шквал коротких выкриков — люди называли цифры. На него делали ставки! Джезаль почувствовал новый прилив тошноты и медленно встал на ноги.

— Удачи! — Вест протянул Джезалю обнаженные шпаги эфесами вперед.

— Ему не нужна удача! — отрезал Варуз. — Этот Бройя — ничто! Просто следи за его атаками! Жми на него, Джезаль, жми!

Казалось, понадобилась целая вечность на то, чтобы добраться до круга короткой сухой травы. Гул толпы гремел в ушах Джезала, но его сердце стучало еще громче. Он шел, вертя рукоятки клинков в потных ладонях.

— Луфар! — повторил арбитр, широко улыбаясь навстречу Джезалю.

Бессмысленные и неуместные вопросы проносились в его голове.

Присутствует ли среди зрителей Арди? Волнуется ли она о том, состоится или нет их свидание сегодня вечером? Убьют ли его на войне? Откуда взялась посреди площади Маршалов трава для фехтовального круга? Джезаль посмотрел на Бройя. Интересно, тот так же паршиво себя чувствует?..

Толпа затихла. Тяжесть этого молчания давила на Джезаль, пока он занимал свое место возле отметки, покрепче упирал ноги в сухую землю. Бройя пожал плечами, тряхнул головой и поднял клинки. Джезалю очень сильно хотелось помочиться. А вдруг он обмочится прямо здесь? Большое темное пятно, расползающееся по штанам... Человек, обмочившийся на турнире. Ему этого никогда не забудут, даже если он проживет сотню лет.

— Начинайте! — прогремел арбитр.

Однако ничего не произошло. Противники по-прежнему стояли и глядели друг на друга, подняв клинки. У Джезаль зачесалась бровь. Он очень хотел почесать ее, но как? Его соперник облизнул губы, затем сделал осторожный шаг влево. Джезаль повторил его движение. Они настороженно кружили вокруг друг друга, мягко хрустели сапогами по сухой траве — и медленно, медленно сближались. И пока они сближались, мир для Джезаль сузился до расстояния, разделявшего концы их длинных клинков. Вот остался всего шаг. Теперь фут. Теперь лишь шесть дюймов между ними. Джезаль целиком сосредоточился на этих двух сверкающих точках. Три дюйма. Бройя сделал выпад — слабо! — и Джезаль отразил его без усилия.

Клинки тихо звякнули друг о друга, и — словно это был сигнал — площадь снова огласили крики. Сначала раздались отдельные восклицания:

— Прикончи его, Луфар!

— Да!

— Коли! Коли!

Но вскоре они растворились в нахлынувшем рокошующем гневном море толпы. Оно вздымалось и откатывало назад в согласии с тем, что происходило внутри круга.

Чем больше Джезаль смотрел на своего долговязого противника, тем быстрее рассеивалось его уныние. Нервозность понемногу ослабевала. Бройя неуклюже кольнул длинной шпагой, и Джезалю почти не пришлось двигаться. Бройя без особой уверенности нанес рубящий удар, и Джезаль легко парировал. Бройя сделал выпад — совсем неумелый, несбалансированный и слишком длинный. Джезаль шагнул в сторону и кольнул противника в ребра затупленным острием длинного клинка. Это оказалось так просто!

— Один в пользу Луфара! — крикнул арбитр, и по рядам прокатилась волна аплодисментов.

Джезаль улыбнулся, купаясь в восторге толпы. Варуз прав: этот олух не стоил того, чтобы из-за него беспокоиться. Еще одно касание — и он пройдет в следующий тур.

Он вернулся на позицию, и Бройя последовал его примеру, потирая ладонью ребра и с ненавистью глядя на Джезаль из-под насупленных бровей. Джезаль не испугался. Гневные взгляды помогают только тогда, когда ты хоть немного умеешь драться.

— Начинайте!

На этот раз они сошлись быстро и сразу же обменялись парой ударов. Противник Джезаль двигался невероятно медленно. Казалось, его клинки весили целую тонну. Бройя щупал воздух длинной шпагой, пытаясь использовать преимущество в дистанции и пришпилить Джезаль. Он почти не использовал короткий клинок, не говоря уж о том, чтобы координировать действия обоих. К тому же он начал задыхаться, а ведь они не профехтовали и двух минут! Тренировался ли вообще этот болван? Или на турнир берут кого попало с улицы? Джезаль отпрыгивал и танцевал вокруг соперника; Бройя шлепал следом за ним, настойчивый, но неумелый. Это начинало раздражать. Кому понравится сражаться с неровней? К тому же неуклюжесть этого болвана лишала Джезаль возможности блеснуть.

— Ну, давай же! — крикнул он.

Волна смешков прокатилась по рядам. Бройя заскрежетал зубами — и «дал». Он выложил все, что имел, но имел он не так уж много. Джезаль отмахивался от его слабых попыток атаковать, уворачивался, перетекал с одного края круга к другому, а его безмозглый противник тяжело переваливался следом, вечно на три шага позади. У него не было точности, не было скорости, не было мысли. Несколькими минутами раньше Джезаль ужасала перспектива сражаться с этим кретином; теперь он почти скучал.

— Ха! — выкрикнул он, внезапно переходя в атаку.

Его яростный удар застал соперника врасплох, выбил из равновесия и заставил неловко отступить на пару шагов. Толпа мгновенно ожила и одобрительно взревела. Джезаль провел укол, потом еще один. Бройя отчаянно пытался защититься, по-прежнему неустойчиво держась на ногах. Вот он пошатнулся, в последний раз попытался парировать удар, потом споткнулся, взмахнул руками, так что короткий клинок полетел в сторону, и вывалился за границу круга, приземлившись на ягодицы.

Толпа разразилась смехом, и Джезаль присоединился к нему.

Поверженный болван действительно выглядел очень забавно, когда лежал на спине, задрав ноги кверху, похожий на перевернутую черепаху.

— Капитан Луфар победил! — взревел арбитр. — Два к нулю!

Смех публики перешел в овации. Бройя тем временем перевернулся на живот. Он выглядел так, будто был готов расплакаться. Осел. Джебаль шагнул к нему и протянул руку, самодовольно улыбаясь. Его побежденный соперник не принял предложенную помощь, тяжело поднялся с земли и наделил победителя взглядом враждебным и обиженным. Джебаль благодушно пожал плечами:

— Не моя вина, что ты такое дерьмо.

— Еще? — спросил Каспа, нетвердой рукой протягивая бутылку и глядя на него затуманенными выпивкой глазами.

— Нет, благодарю. — Джебаль мягко отвел бутылку в сторону, прежде чем Каспа успел ее наклонить.

Тот какое-то время смотрел на капитана в мутном замешательстве, потом повернулся к Челенгорму:

— Еще?

— Несомненно! — Здоровяк подвинул к нему свой бокал по неровной поверхности стола жестом, который говорил: «Я не пьян», — хотя было совершенно очевидно, что это не так.

Каспа наклонил бутылку, глядя на бокал сощуренными глазами, словно тот находился на огромном расстоянии отсюда. Джебаль наблюдал, как горлышко бутылки плавает в воздухе, затем дребезжит о край бокала. Сознать неизбежность дальнейшего было почти мучительно: вино, разумеется, расплескалось по столу и залило Челенгорму колени.

— Да ты напился! — горестно воскликнул здоровяк.

Он нетвердо поднялся на ноги и стал отряхивать мундир огромными неловкими руками, а заодно перевернул табурет, на котором сидел. Немногочисленные посетители заведения наблюдали за их компанией с откровенным презрением.

— Несомненно! — хихикнул Каспа.

Вест на мгновение отвел взгляд от своего бокала и сказал:

— Вы оба напились.

— Но мы не виноваты! — Челенгорм нашарил свой табурет. — Это все он!

Он указал качающимся пальцем на Джебаль.

— Он победил! — булькнул Каспа. — Ты ведь победил, пр-равда? Ну вот, и мы теперь должны пр-раздновать!

Джезаль предпочел бы, чтобы они праздновали не так бурно. Пьянство начинало ему надоедать.

— Моя куз-зина Арисс тоже б-ла там — см-трела с начала до конца. Ты пр-роизвел на нее б-льшое впечатление. — Каспа обхватил рукой плечи Джезаль. — Знаешь, она просто пр-ротрясена... пр-ротр-ря... пр-ротрясена. — Он хлопал мокрыми губами в лицо Джезалю, пытаясь заставить их правильно выговорить слово. — Ты же знаешь, она оч-нь богатая, оч-чень. Пр-ротрясена.

Джезаль наморщил нос. Он не испытывал ни малейшего интереса к его полупрозрачной простушке-кузине, несмотря на все ее богатство; к тому же дыхание Каспы было нечистым.

— Хорошо, хорошо... прекрасно. — Он выпутался из лейтенантских объятий и отпихнул его от себя, не особенно стараясь быть вежливым.

— Итак, когда же начнется наше дельце на Севере? — требовательно спросил Бринт. Он говорил так, словно рвался в бой. — Надеюсь, скоро, чтобы вернуться домой до зимы. Да, майор?

— Ха! — хмыкнул Вест, нахмурясь. — Хорошо, если успеем хотя бы выступить до зимы, учитывая темпы сборов.

Бринт казался несколько озадаченным.

— Все равно я уверен, что мы зададим этим дикарям хорошую взбучку, — заявил он.

— 3-зададим вз-збучку! — выкрикнул Каспа.

— Точно, — согласно кивнул Челенгорм.

Но Вест явно был не в настроении.

— Я сомневаюсь. Вы видели наших рекрутов? Некоторые едва могут ходить, не то что сражаться. Это просто позорище.

Челенгорм отмел его аргументы сердитым взмахом руки.

— Эти северяне — чертовы дикари, они просто шваль! — вскричал он. — Мы посадим их на задницы, как Джезаль сегодня посадил того идиота. Правда, Джезаль? Вернемся домой до зимы, все так говорят!

— А ты знаешь те края? — спросил Вест, наклоняясь к нему через стол. — Леса, горы, реки, и так без конца. Почти нет открытого пространства, чтобы сражаться. Почти нет дорог, чтобы перемещать войска. Прежде чем задать кому-то взбучку, надо сначала поймать его, не так ли? Вернемся домой до зимы! До следующей зимы, может быть. Если мы вообще вернемся.

Глаза Бринта расширились от ужаса:

— Ты серьезно?

— Да нет... Нет, ты прав. — Вест вздохнул и встряхнулся. — Конечно,

мы выиграем. Нас ждут слава и продвижение по службе. Вернемся домой до зимы. Впрочем, на твоём месте я бы все же взял с собой тёплый плащ. На всякий случай.

Воцарилось неловкое молчание. Вест хмурился, лицо его стало жестким; ему явно было не до веселья. Бринт и Челенгорм глядели озадаченно и угрюмо. Один лишь Каспа сохранил благодушие: прикрыв глаза, он качался на задних ножках своего кресла, в блаженном неведении относительно того, что происходит вокруг.

Да, праздник не задался.

Джезаль тоже чувствовал усталость, смятение и тревогу. Он думал о турнире, о войне... об Арди. Записка по-прежнему лежала у него в кармане. Он искоса взглянул на Веста, затем быстро отвёл взгляд. Проклятье — Джезаль чувствовал себя виноватым! Он никогда прежде не испытывал подобного чувства, и оно ему совсем не нравилось. Если не ходить на встречу с Арди, он будет винить себя за то, что оставил её в одиночестве. А если пойти — за то, что нарушил данное Весту слово. Хорошенькая дилемма. Джезаль покусал ноготь большого пальца. Что за чертовщина происходит у него с этой проклятой семьей?

— Ну хорошо, — резко проговорил Вест, — мне пора. Завтра рано вставать.

Бринт что-то промычал в ответ.

— Ладно, — сказал Челенгорм.

Вест посмотрел Джезалю прямо в глаза:

— Могу я перекинуться с тобой словечком?

Он выглядел серьёзным, мрачным, даже гневным. Сердце Джезали подпрыгнуло. Вдруг Вест узнал про записку? Вдруг Арди сказала ему? Майор повернулся спиной к столу и направился в тихий угол. Джезаль в отчаянии огляделся по сторонам в поисках выхода.

— Джезаль! — позвал его Вест.

— Да-да, иду!

Он с величайшей неохотой поднялся и двинулся к другу с самой, как он надеялся, невинной улыбкой. Может быть, это все же что-то другое, не имеющее отношения к Арди. Пожалуйста, пусть это будет что-нибудь другое!

— Я не хочу, чтобы об этом знал кто-то ещё... — Вест оглянулся по сторонам, удостоверившись, что на них никто не смотрит.

Джезаль сглотнул. Сейчас он в любой момент мог получить удар по лицу. Его ещё ни разу не били по лицу — во всяком случае, всерьёз. Как-то раз одна девушка дала ему довольно крепкую пощечину, но это вряд ли

считалось. Он подготовился, сжал зубы и слегка сморщился.

— Берр назначил срок, — проговорил Вест. — У нас осталось четыре недели.

Джезаль уставился на него:

— Что?

— До погрузки на корабли.

— На корабли?

— Ну да. В Инглию.

— Ах да... Конечно, в Инглию! Ты сказал, четыре недели?

— Я подумал, тебе следует об этом знать. Ты так занят с этим турниром... Надо, чтобы у тебя было время подготовиться. Однако держи эти новости при себе.

— Да, безусловно. — Джезаль вытер вспотевший лоб.

— С тобой все в порядке? Ты выглядишь бледным.

— Нет, все нормально. — Он перевел дух. — Сам понимаешь, эта суета, фехтование и... прочее...

— Не волнуйся, ты сегодня отлично выступил. — Вест хлопнул его по плечу. — Но тебе предстоит сделать гораздо больше. Чтобы стать чемпионом, надо выиграть еще три схватки, одна другой тяжелее. Не позволяй себе лениться, Джезаль. И слишком сильно напиваться! — бросил он через плечо, уже поворачиваясь к двери.

Джезаль испустил глубокий вздох облегчения и повернулся к столу, за которым сидели остальные офицеры. Его нос не пострадал.

Как только Вест ушел, подал голос Бринт.

— Какого черта все это значило? — забормотал он. — То есть я имею в виду... ладно, я знаю, он герой и все такое... но черт побери... я бы сказал...

Джезаль поглядел на него сверху:

— И что бы ты сказал?

— Вести такие разговоры — это... это пораженчество! — Вино придавало ему храбрости, он все больше возбуждался. — Это... то есть я хочу сказать... это просто трусость — так говорить, вот что это такое!

— Послушай, Бринт, — резко сказал Джезаль, — Вест сражался в трех великих битвах, он первым прошел сквозь брешь при Ульриохе! Может, он и не дворянин, но он чертовски храбрый парень! К тому же он опытный офицер, он знает Инглию и его ценит маршал Берр! А что умеешь ты, Бринт? — Джезаль скривил губу. — Проигрывать в карты и опустошать бутылки с вином?

— По мне, так человеку больше ничего и не надо, — нервно засмеялся

Челенгорм, стараясь сгладить напряжение. — Еще вина! — заревел он.

Джезаль рухнул на табурет. Пирушка была невеселой еще до того, как ушел Вест, а теперь и подавно. Бринт угрюмо молчал. Челенгорм покачивался на табурете. Каспа крепко спал, положив щеку на мокрую столешницу и всхрапывая.

Джезаль осушил свой бокал и оглядел их бессмысленные лица. Черт побери, ему было скучно! Он лишь сейчас начал осознавать, что разговоры пьяных интересны только пьяным. От нескольких выпитых бокалов вина зависит, покажется ли тебе человек веселым собеседником или невыносимым кретином. Джезаль подумал: неужели он сам в пьяном виде так же зануден, как Каспа, Челенгорм или Бринт?

Глядя на последнего дурачка, Джезаль усмехнулся. «На месте короля, — подумал он, — я бы казнил за скучные разговоры. По крайней мере, надолго сажал бы в тюрьму».

Он поднялся с места. Челенгорм воззрился на него.

— Ты чего? — спросил он.

— Пойду отдохнуть, — резко отозвался Джезаль. — Завтра тренировка. — Он едва сдерживался, чтобы не броситься бегом.

— Но ты же победил! Разве не хочешь отпраздновать?

— Это лишь первый тур. Впереди еще три поединка, и каждый новый противник будет сильнее того олуха, которого я побил сегодня.

Джезаль взял свою куртку со спинки стула и набросил ее на плечи.

— Ну, как хочешь, — сказал Челенгорм и шумно отхлебнул из бокала.

Каспа на мгновение оторвал голову от стола. Его волосы, вымокшие в пролитом вине, с одной стороны прилипли к черепу.

— Уж-же ух-ходишь? — выговорил он.

— Угу, — буркнул Джезаль, повернулся и пошел к выходу.

Снаружи вдоль улицы задувал холодный ветер, и он почувствовал себя совсем трезвым. Мучительно трезвым. Ему было жизненно необходимо поговорить с кем-то умным, но где найти такого человека в столь поздний час? В голову приходило только одно.

Джезаль вытащил из кармана записку и перечитал ее при тусклом свете, падавшем из окон таверны. Если поспешить, можно еще успеть. Он медленно двинулся в сторону Четырех углов. Он хочет поговорить, и все. Ему нужен кто-нибудь, с кем можно поговорить...

Нет. Он заставил себя остановиться. Может ли он всерьез утверждать, что хочет быть ей просто другом? Дружба между мужчиной и женщиной — так называют отношения, когда мужчина долгое время преследует женщину, но ничего не может добиться. Нет, это его не интересует.

Но что тогда? Женитьба? На бедной простолюдинке? Немыслимо! Он представил, как приведет Арди к себе домой, чтобы представить семье. «Познакомься, отец, вот моя жена!» — «Жена? А какие у нее связи?» Джезаль содрогнулся при одной мысли об этом.

А если удастся найти какое-то промежуточное решение, чтобы всем было удобно? Его шаг постепенно ускорился. Джезаль шел по улице к Четырем углам. Не дружба, не женитьба, но некая свободная связь? Они будут потихоньку встречаться, разговаривать, смеяться — может быть, в постели...

Нет. Нет. Джезаль снова остановился и в замешательстве хлопнул себя по лбу. Нет, он не позволит этому произойти, даже если предположить, что Арди согласится. Вест — это одно, но если обо всем узнают другие? Репутации Джезала, разумеется, подобная интрига не повредит, но девушку она погубит. Без сомнений. От одной этой мысли он поежился. Арди такого не заслужила. И никак нельзя сказать, что это, дескать, ее проблемы. Погубить женщину лишь для того, чтобы немного поразвлечься? Какой эгоизм! Джезаль поразился: никогда раньше это не приходило ему в голову.

Итак, мысли его снова зашли в тупик, в десятый раз за сегодняшний день. Это свидание ни к чему хорошему не приведет. В любом случае, скоро он отправится на войну, и это положит конец смехотворным страданиям. Значит, пора домой, спать, а завтра целый день тренироваться. Тренироваться без усталости, пока маршал Варуз не выбьет из головы Джезала все мысли об Арди. Он набрал в грудь воздуха, расправил плечи, повернулся и двинулся к Агрионту.

Статуя Гарода Великого на мраморном постаменте высотой почти в рост Джезала едва проступала из темноты. Изваяние казалось чересчур большим и величественным для тихой маленькой площади возле Четырех углов. Всю дорогу сюда Джезаль перепрыгивал из тени в тень, стараясь не привлекать внимания прохожих. Впрочем, прохожих он встретил очень мало. Было поздно, и Арди наверняка давно отчаялась его дожидаться — если допустить, что она пришла.

Джезаль нервно, крадущимся шагом обошел вокруг статуи, всматриваясь в тени и чувствуя себя полным идиотом. Он ходил через эту площадь много раз и никогда не обращал на нее особого внимания. Но ведь это общественное место? Значит, он имеет право находиться здесь, как и любой другой горожанин! Тем не менее Джезаль чувствовал себя почти вором.

Площадь была пуста. Что ж, оно и к лучшему. Выигрывать здесь

нечего, а потерять можно все... Но почему он так расстроен? Джекзал поднял голову и поглядел на лицо Гарода, застывшее в каменной суровости — это выражение скульпторы обычно придают лицам самых великих. У короля был красивый властный подбородок, почти как у самого Джекзала.

— Очнись! — прошепел чей-то голос ему в ухо.

Джекзал по-девчоночьи взвизгнул, отпрянул, споткнулся и удержался на ногах лишь благодаря тому, что вцепился в огромную ногу Гарода. Позади он увидел темную фигуру, лицо ее закрывал капюшон. Послышался смех.

— Смотри не обделайся со страху. Это всего лишь я.

Арди. Она откинула капюшон, и свет из какого-то окна косо лег на нижнюю часть ее лица, высветив чуть кривоватую улыбку.

— Я тебя не заметил, — промямлил Джекзал.

Он поспешно отпустил огромную каменную ногу и попытался сделать вид, будто стоит в непринужденной позе. Нужно признать, что начало встречи он провалил. Романтические приключения, тайные свидания — не его конек. Зато Арди выглядела весьма раскованной, что навело Джекзала на мысль: может, для нее это дело привычное?

— Тебя почти не видно в последнее время, — сказала она.

— Ну да, — забормотал он, пытаясь успокоить колотившееся сердце. — Я был очень занят. Этот турнир и все прочее...

— Ах да, турнир, наиважнейшее дело! Я видела сегодня, как ты фехтовал.

— Правда?

— Очень впечатляет.

— Ну, спасибо, я...

— Мой брат сказал тебе что-то, не так ли?

— Э-э, что? Насчет фехтования?

— Нет, тупица. Насчет меня.

Джекзал помедлил, пытаясь сообразить, как лучше ответить.

— Ну, он... — забормотал он опять.

— Ты его боишься?

— Нет!

Молчание.

— Ну хорошо — да, боюсь.

— Но ты все равно пришел. Наверное, я должна быть польщена. — Она медленно обошла вокруг Джекзала, оглядывая его с головы до ног. — Впрочем, ты не торопился. Уже поздно. Скоро мне надо возвращаться

домой.

Арди смотрела так, что ему никак не удавалось утихомирить бьющееся сердце. Он должен сказать ей, что они не могут больше видеться. Что это принесет вред и ей, и ему. Что из этого не выйдет ничего хорошего... ничего хорошего...

Он задыхался от возбуждения, не в силах отвести глаз от ее окутанного тенью лица. Он должен сказать ей, прямо сейчас. Разве не для этого он пришел? Он открыл рот, чтобы заговорить, но все разумные слова вылетели из его головы, неуловимые и невесомые.

— Арди... — начал он.

Она шагнула к нему, склонив голову набок. Джезаль попытался отступить, но ему мешала статуя. Девушка придвинулась еще ближе, ее губы были слегка раскрыты, глаза устремлены на его рот. В конце концов, что в этом дурного?

Еще ближе. Ее лицо запрокинулось навстречу Джезалю. Он чувствовал ее запах. Он ощущал ее теплое дыхание на своей щеке. Что в этом дурного?

Кончики ее пальцев холодили кожу Джезаля, они тихо коснулись его лица, легко пробежали вдоль линии челюсти, забрались в волосы и потянули его голову вниз. Мягкие и теплые губы Арди дотронулись до его щеки, потом перешли к подбородку, затем ко рту, нежно пососали его губы. Она прижалась к нему, приподнявшись вверх, второй рукой обняв его за спину. Ее язык прошелся по его деснам, губам, языку. Она что-то тихо выдохнула; может быть, и он тоже. Тело Джезаля трепетало, его бросало то в жар, то в холод. Он забыл обо всем, кроме ее губ, словно впервые целовался с девушкой. Что здесь дурного? Арди прикусила его губу почти до боли.

Он открыл глаза, задыхающийся, трепещущий, с подгибающимися коленями. Она смотрела на него снизу вверх. Он мог видеть ее зрачки, поблескивавшие в темноте, изучающие его.

— Арди...

— Что?

— Когда я увижу тебя снова?

Его горло пересохло, и голос звучал хрипло. Она опустила глаза, на ее лице появилась скупая улыбка. Жестокая улыбка — словно она разгадала, что он блефовал, и выиграла кучу денег. Ему было безразлично.

— Когда? — повторил он.

— О, я дам тебе знать.

Он должен поцеловать ее еще раз. Плевать на последствия. К чертям

Веста. Пусть все идет к чертям. Джекзал наклонился к ней, закрыл глаза...

— Нет, нет, нет! — Арди оттолкнула его. — Надо было прийти пораньше.

Она вырвалась, повернулась с той же улыбкой на губах и медленно пошла прочь. Джекзал прислонился спиной к холодному постаменту и молча смотрел ей вслед, оцепеневший и очарованный. Никогда прежде он не испытывал такого. Никогда.

Она оглянулась только раз, словно желала удостовериться, что он по-прежнему смотрит. Его грудь мучительно сжалась от одного ее взгляда. Арди завернула за угол и скрылась из виду.

Он еще минуту постоял, переводя дыхание. Потом по площади пронесся порыв холодного ветра, и мир снова надвинулся на Джекзала: фехтование, война, его друг Вест, его обязательства... Хватило одного поцелуя. Один поцелуй — и всякая решимость покинула его, как моча вытекает из треснутого ночного горшка. Джекзал огляделся вокруг. Он вдруг почувствовал вину, смущение и испуг. Что он наделал?

— Вот дерьмо, — произнес он.

Черное дело

Горящие вещи издают разные запахи. Объятое пламенем живое дерево, свежее и сочное, пахнет иначе, чем сухой хворост в огне. От паленой свиньи и от горящего человеческого тела дух идет схожий, но это другая история. Сейчас Ищейка чувствовал: горит дом. Сомнений у него не было, этот запах он знал лучше, чем ему хотелось бы. Сами по себе дома загораются нечасто — обычно их поджигают. А это значит, что рядом есть люди, готовые к драке. Поэтому Ищейка осторожно проскользнул между деревьями, на брюхе подполз к краю и выглянул из кустов наружу.

Теперь он увидел достаточно. Черный дым вздымался столбом рядом с рекой. Маленький домик еще тлел, но уже весь выгорел, остались лишь низкие каменные стены. На месте амбара — груда головешек и черной грязи. Несколько деревьев и клочок возделанной земли. Фермы на далеком Севере и в лучшие времена не приносили большого дохода. Слишком холодно, чтобы надеяться на богатый урожай и хороший приплод. Немного овощей, несколько овец да пара свиней, если повезет.

Ищейка покачал головой. Зачем уничтожать хутор этих бедняков? Кому нужен клочок этой неподатливой земли? Некоторым людям просто нравится жечь, рассудил Ищейка. Он продвинулся чуть вперед и стал высматривать следы тех, кто это сделал, но не заметил никакого движения, кроме перемещения тощих овец на склонах долины. Он пополз обратно в кусты.

Подбираясь к лагерю, он услышал голоса, и его сердце упало: кричат и спорят, как всегда. Какую-то минуту он раздумывал, не пройти ли мимо и не продолжить ли свой путь — его уже тошнило от вечных ссор, — но все же решил, что нет, так нельзя. Что хорошего можно сказать о разведчике, если он бросает своих людей?

— Заткнешь ты наконец пасть, Доу? — звучал рокошующий голос Тул Дуру. — Ты хотел идти на юг, и мы пошли на юг. Ты всю дорогу ныл, что тебе осточертели горы. Теперь горы кончились, и ты день и ночь твердишь про свое пустое брюхо! Я устал от этого нытья, пес ты скулящий!

В ответ послышалось злобное рычание Черного Доу:

— А ты должен есть вдвое больше меня просто потому, что похож на огромную жирную свинью?

— Ах ты, гаденыш! Да я тебя раздавлю, как червяка! Ты и есть червяк!

— Я перережу тебе глотку, пока ты будешь спать! Станешь огромной

горой мяса, и мы все будем сыты! Да еще избавимся от твоего долбаного храпа! Теперь я знаю, почему тебя назвали Грозовая Туча — ты храпишь, как боров!

— Заткните пасти, вы оба! — раздался зычный рев Тридуба, способный поднять мертвых из могил. — Меня тошнит от вас!

Теперь Ищейка увидел всех пятерых: Тул Дуру и Черный Доу готовы были наброситься друг на друга, Тридуба стоял между ними с поднятыми руками, Форли сидел и печально наблюдал за ними, а Молчун даже не глядел — проверял свои стрелы.

— С-с! — прошипел Ищейка, и они резко развернулись, чтобы посмотреть на него.

— Это Ищейка, — проговорил Молчун, не отвлекаясь от своего лука.

Его невозможно было понять. Он целыми днями молчал, а потом вдруг раскрывал рот только для того, чтобы высказать самое очевидное.

Форли, как всегда, воспользовался случаем отвлечь товарищей. Наверное, они бы давно покалечили друг друга, не будь его рядом.

— О, Ищейка! Расскажи нам, что ты нашел?

— Можете себе представить: я нашел посреди леса пятерых долбанных идиотов! — прошипел тот, выступая из-за деревьев. — Их слышно за милю! И все они — названные! Люди, которые должны уметь себя вести! Как обычно, только и делают, что ссорятся! Пятеро тупых идиотов...

Тридуба поднял руку.

— Хорошо, Ищейка, мы поняли. Мы действительно должны уметь себя вести. — Он сердито посмотрел на Тула и Доу. Те обменялись недобрыми взглядами, но промолчали. — Расскажи, что ты нашел?

— Здесь рядом было сражение или вроде того. Я видел сожженную ферму.

— Говоришь, сожженную? — переспросил Тул.

— Точно.

Тридуба помрачнел:

— Ладно. Отведи нас туда.

Этого Ищейка не заметил сверху, из-за деревьев. Просто не разглядел — было слишком дымно и далеко. Но он увидел это сейчас, прямо перед собой, и его затошнило. Ребята тоже все видели.

— Черное дело, точно, — произнес Форли, глядя вверх на дерево. — Черное дело...

— Да уж, — буркнул Ищейка.

Больше ничего он сказать не смог. На ветке покачивалось тело старика;

босые ноги болтались над самой землей. Повешенная рядом женщина казалась слишком молодой, чтобы быть его женой. Дочь, скорее всего. Ищейка предположил, что двое младших тоже были его детьми.

— Кто же это вешает детей? — пробормотал он.

— Я знаю кое-кого, кто достаточно черен для такого черного дела, — сказал Тул.

Доу сплюнул на траву.

— То есть я? — зарычал он, и оба тут же снова сорвались с цепи. — Да, я сжег несколько ферм и пару деревень, но у меня были причины! Это война! Детей я не трогал!

— Я слышал другое, — сказал Тул.

Ищейка закрыл глаза и вздохнул.

— Думаешь, меня хоть на половину собачьего хвоста заботит, что ты там слышал? — рявкнул Доу. — Тебе никогда не приходило в голову, что мое имя чернее, чем я заслуживаю? Отвечай, ты, огромная куча дерьма!

— Я прекрасно знаю, чего ты заслуживаешь, сволочь!

— Хватит вам! — проворчал Тридуба, хмуро косясь на верхушку дерева. — Ведите себя достойно! Ищейка прав: мы уже не в горах, и здесь назревают большие неприятности. Довольно склок. Хватит. С этого момента мы должны действовать хладнокровно и спокойно. Мы — названные, и у нас есть серьезное дело.

Ищейка кивнул, радуясь тому, что наконец услышал разумную речь.

— Где-то рядом идет драка, — сказал он. — Наверняка.

— Угу, — буркнул Молчун.

Сложно сказать, с чем именно он соглашался.

Тридуба по-прежнему не отводил глаз от раскачивающихся тел.

— Ты прав. Сейчас нам нужно полностью сосредоточиться на данном деле. На нем, и ни на чем другом. Мы выследим тех, кто сделал это, и выясним, на чьей они стороне. От нас не будет никакого толка, пока не узнаем, кто с кем здесь дерется.

— Кто бы это ни сделал, он работает на Бетода, — сказал Доу. — Понятно с первого взгляда.

— Посмотрим. Тул и Доу, поручаю вам обрезать веревки и похоронить людей. Может быть, это вернет вам хладнокровие.

Эти двое обменялись хмурыми взглядами, но Тридуба не обратил на них внимания. Он продолжал:

— Ищейка, сходи и разнюхай, кто это сделал. Мы навестим их сегодня вечером. Так же, как они навестили этих несчастных.

— Хорошо, — отозвался Ищейка. Ему и самому не терпелось заняться

делом. — Мы нанесем им визит!

Ищейка не мог понять, что происходит. Если тут действительно имела место схватка и ее участники боялись преследования, почему же они не прилагали усилий, чтобы скрыть свои следы? Ищейка прошел за ними без всякого труда. По его предположениям, их было пятеро. Судя по всему, они просто и без затей покинули горящую ферму, спустились вниз по долине вдоль самой реки и углубились в лес. Следы оказались настолько четкими, что время от времени Ищейка начинал слегка беспокоиться: уж не разыгрывают ли с ним какую-то шутку, не наблюдают ли из-за деревьев, выжидая удобного случая подвесить на ветку и его. Однако, судя по всему, ничего подобного у них на уме не было, поскольку он догнал их как раз перед закатом.

Первым делом он учуял мясо: они жарили баранину. Затем услышал голоса: они разговаривали, кричали, смеялись, не предпринимая ни малейших попыток сохранить тишину; их не заглушал даже плеск текущей рядом реки. А потом он их увидел: они сидели на поляне вокруг огромного костра, над которым висела на вертеле освежеванная баранья туша, — баран, без сомнения, принадлежал тем самым фермерам. Ищейка притаился в кустах тихо-тихо — так, как должны были вести себя они. Он насчитал пятерых мужчин. Точнее, четверых, и с ними паренька лет четырнадцати. Все они просто сидели у костра, никто не стоял на страже, никаких мер предосторожности. Ищейка не понимал, что это могло значить.

— Они просто сидят там, и все, — шепотом доложил он, вернувшись к остальным. — Просто сидят. Никакой стражи, ничего.

— Просто сидят, и все? — переспросил Форли.

— Ну да! Пять человек. Сидят и смеются... Мне это не нравится.

— Мне тоже, — отозвался Тридуба. — Но еще меньше мне нравится то, что я увидел на ферме.

— К оружию, — прошипел Доу. — К оружию, и весь разговор.

В кои-то веки Тул с ним согласился:

— К оружию, вождь! Проучим их!

Даже Форли на этот раз не отговаривал от драки, но Тридуба не изменил своей традиции и взял минуту на раздумье. Наконец он кивнул:

— Ладно. К оружию.

Если Черный Доу не хочет, чтобы его видели в темноте, ты никогда его не увидишь. И не услышишь. Однако Ищейка полз между деревьями и

знал, что Доу где-то здесь. Когда столько времени сражаешься бок о бок с человеком, ты начинаешь его понимать. Ты можешь думать так же, как он. Доу находился где-то рядом.

У Ищейки была своя задача. Он смотрел на очертания того, кто сидел крайним справа: черный контур спины на фоне костра. На остальных Ищейка пока не обращал внимания, сосредоточившись на своей цели. Если решил идти или если твой вождь решил это за тебя, так иди до конца и не оглядывайся, пока не выполнишь задачу. Если будешь раздумывать, тебя убьют. Так говорил Логен, и Ищейка выучил урок. Только так, и не иначе.

Ищейка подполз ближе, потом еще ближе. Он ощущал на лице тепло костра, чувствовал твердый металл ножа в руке. И, проклятье, его, как всегда, ужасно тянуло отлить. До цели остался один шаг. Мальчишка сидел к нему лицом и если бы успел поднять голову от куска мяса, то увидел бы, как Ищейка приближается. Но он был слишком занят едой.

— О! — вскрикнул один из сидевших у костра.

Значит, Доу добрался до него, и с его жертвой покончено. Ищейка прыгнул вперед и ткнул свою мишень сбоку в шею. Тот отклонился назад, хватаясь за свое перерезанное горло, сделал неверный шаг и рухнул на землю. Еще один вскочил, уронив обглоданную баранью ногу, и его грудь пронзила стрела: Молчун выпустил ее из-за реки. На мгновение лицо человека приняло удивленное выражение, потом исказилось гримасой боли, и он упал на колени.

Оставалось двое. Парнишка все еще сидел на месте и глядел на Ищейку большими глазами, приоткрыв рот со свисавшим оттуда куском мяса. Последний из людей у костра вскочил, учащенно дыша, с длинным ножом в руке. Должно быть, он вынул его, чтобы резать мясо.

— Брось нож! — взревел Тридуба.

Теперь Ищейка увидел своего командира: тот шагал к ним, и пламя костра выхватывало металлический обод его здорового круглого щита. Человек пошевелил губами, его взгляд метался между Ищейкой и Доу, медленно подбиравшимися к нему с двух сторон. Теперь он увидел и Грозовую Тучу — силуэт великана маячил в тени под деревьями, нечеловечески большой, с огромным широким мечом, поблескивающим на плече. Это зрелище подействовало, и последний противник швырнул свой кинжал в грязь.

Доу прыгнул вперед, схватил его за запястья, крепко скрутил их за спиной и пихнул пленника на колени возле костра. Ищейка проделал то же самое с парнишкой, крепко сжав зубы и не проронив ни слова. Все произошло мгновенно, тихо и спокойно, в точности так, как говорил

Тридуба. Руки Ищейки окрасились кровью, но такая уж у них работа, ничего не поделаешь. Остальные понемногу подтягивались. Молчун прошлепал через речку, закидывая лук за плечо. Проходя мимо того, в кого стрелял, он пнул тело ногой, но убитый уже не шевелился.

— Готов, — сказал Молчун.

Форли подошел последним, во все глаза глядя на двоих пленников. Доу рассматривал связанного пленника очень внимательно.

— Я тебя знаю, — проговорил он, и в его голосе звучало удовлетворение. — Гроу Трясина, не так ли? Какая удача! Твое имя уже давно у меня в голове.

Гроу Трясина хмуро уставился в землю. Как показалось Ищейке, он выглядел достаточно жестоким — именно такой, чтобы вешать фермеров, если уж на то пошло.

— Ну да, я Трясина. А ваши имена незачем и спрашивать! Когда узнают, что вы перебили королевских сборщиков, все будете мертвы! Все до единого!

— Черный Доу, так меня называют.

Трясина поднял голову, его рот широко раскрылся.

— О, проклятье... — прошептал он.

Парнишка, стоявший на коленях рядом с ним, оглянулся, и его глаза округлились.

— Ты... Черный Доу? — проговорил он. — Не тот Черный Доу, который... Ох, черт!

Доу кивнул, и на его лице появилась зловещая улыбка.

— Гроу Трясина! Тебе пора заплатить за одно небольшое дельце. Я давно думаю о тебе, и вот теперь ты у меня перед глазами. — Он похлопал пленника по щеке. — И в моих руках. Какая удача.

Трясина отодвинулся так далеко, насколько позволяли связывавшие его веревки.

— Я думал, ты уже в аду, Черный Доу, мерзкий подонок!

— Твоя правда, но это всего лишь к северу от гор. У нас есть к тебе несколько вопросов, Трясина, прежде чем ты получишь то, чего заслуживаешь. Кто твой король? И что именно вы для него собираете?

— А пошел ты со своими вопросами!

Тридуба довольно сильно ударил его по голове сбоку. Голова Гроу дернулась в сторону, и Доу врезал ему с другой. Так продолжалось до тех пор, пока пленник не созрел, чтобы заговорить.

— С кем вы здесь воюете? — спросил его Тридуба.

— Мы не воюем! — сплюнул Трясина через выбитые зубы. — А вы,

гады, все до единого покойники! Вы ведь не знаете, что здесь произошло, правда?

Ищейка нахмурился. Ему не понравилось, как это прозвучало: так, будто многое изменилось, пока их не было. А перемены, на его памяти, всегда приводили к худшему.

— Спрашивать буду я, — сказал Тридуба. — А ты напряги свой крохотный умишко и отвечай на мои вопросы. Кто еще сражается? Кто не встал на колени перед Бетодом?

Трясина рассмеялся, несмотря на то что был связан.

— Никого не осталось! Война закончена! Бетод теперь король Севера! Все преклонили перед ним колени...

— Только не мы, — прогремел Тул Дуру, наклоняясь к нему. — А как насчет Старика Йоля?

— Он мертв!

— А Сайвинг? А Гремучая Шея?

— Мертвы оба, долбаные вы недоумки! Теперь сражения только на юге! Бетод объявил войну Союзу! Вот как! И мы им задаем перцу!

Ищейка не верил своим ушам. Король? Никогда прежде на Севере не было короля. На Севере нет нужды в короле, и Бетод — последний, кого он сам бы выбрал на царство. А война с Союзом? Что за глупая затея! Южан не перебьешь, их слишком много.

— Если здесь не война, — спросил Ищейка, — почему вы убиваете людей?

— А пошел ты!

Тул сильно ударил Гроу по лицу, и тот упал на спину. Доу еще разок пнул пленника ногой, потом снова поставил на колени.

— За что вы убили тех людей? — спросил Тул.

— Налоги! — выкрикнул Трясина. Из его носа сочилась струйка крови.

— Налоги? — переспросил Ищейка.

Очень странное слово. Он с трудом понимал, что это значит.

— Они не хотели платить!

— Налоги кому? — спросил Доу.

— Бетоду, кому же еще? Он забрал себе эту землю. Разбил все кланы и забрал ее себе! Люди должны платить! А мы собираем дань!

— Налоги, вот как? Какая-то долбаная придумка южан, наверняка! А если они не могут платить? — спросил Ищейка, ощущая тошноту в желудке. — Тогда вы их вешаете, что ли?

— Если они не платят, мы можем делать с ними все, что нам нравится!

— Что вам нравится? — Тул ухватил его за шею и сдавил огромными ручищами, так что глаза Трясины полезли на лоб. — Что вам нравится? А вам нравится их вешать?

— Хватит, Грозовая Туча! — сказал Доу, отдирая здоровенные пальцы Тула от шеи пленника и отпихивая великана в сторону. — Хватит, верзила, это занятие не для тебя — убивать связанного. Для такой работы вы как раз и таскаете с собой меня.

Он похлопал Тула по груди, вытаскивая свою секиру.

Трясина кое-как справился с удушьем.

— Грозовая Туча? — прохрипел он, оглядывая их по очереди. — Значит, вы все здесь, так? Ты — Тридуба, вон Молчун, а это Слабейший! Значит, вы не преклонили колени? Тем лучше для вас, черт вас дери! Где Девятипалый, а? — насмешливо спросил Трясина. — Где Девять Смертей?

Доу повернулся к нему, проведя большим пальцем по лезвию секиры.

— Он вернулся в грязь, и ты сейчас присоединишься к нему. Мы слышали достаточно.

— Дай мне встать, сволочь! — крикнул Трясина, сражаясь со своими путами. — Ты не лучше, чем я, Черный Доу! Ты убил больше людей, чем чума! Дай мне встать и дай мне какой-нибудь клинок! Ну, давай! Боишься сразиться со мной, трус? Боишься дать мне шанс, да?

— Это ты зовешь меня трусом? — прорычал Доу. — Ты, который убил детей просто ради забавы? У тебя был клинок, и ты сам бросил его! У тебя был шанс, и ты им не воспользовался. Такие, как ты, ничего больше и не заслуживают! Если тебе есть что сказать, говори сейчас.

— Будьте вы прокляты! — взвизгнул Трясина. — Будь проклята вся ваша...

Секира Доу с силой ударила его между глаз, опрокинув на спину. Трясина немного подергал ногами, и дело было кончено. Никто не пролил слез над этим придурком — даже Форли лишь вздрогнул, когда лезвие вонзилось в череп. Доу наклонился и плюнул на труп, и Ищейка не стал его винить.

Однако с парнишкой было сложнее. Он поглядел на мертвого большими круглыми глазами, затем поднял голову.

— Вы — это они, правда? — спросил он. — Те, кого побил Девятипалый?

— Да, парень, — сказал Тридуба. — Мы — это они.

— Я слышал про вас столько... столько рассказов! Что вы собираетесь со мной делать?

— Да, вот в этом и вопрос, — пробормотал Ищейка сквозь зубы. К

сожалению, он уже знал ответ.

— Он не может остаться с нами, — заявил Тридуба. — Мы не берем с собой багаж и не должны рисковать.

— Но он еще совсем мальчик, — сказал Форли. — Может быть, отпустим его?

Мысль была хороша, но очень уязвима, и все понимали это. Парень с надеждой посмотрел на них, но Тридуба быстро пресек его надежду:

— Мы не можем ему доверять. Только не здесь. Он расскажет кому-нибудь, что мы вернулись, и на нас начнут охоту. Нельзя этого позволить. Кроме того, он тоже был на ферме.

— Но что я мог поделать? — воскликнул парнишка. — Какой у меня выбор? Я хотел на юг! Сражаться с Союзом и завоевать себе имя! А меня послали сюда собирать налоги! Если вождь говорит: «сделай то-то», я должен исполнять приказ, разве не так?

— Конечно так, — кивнул Тридуба. — Никто и не думает, будто ты мог что-то изменить.

— Я не хотел в этом участвовать! Я говорил ему, что детей надо отпустить! Поверьте мне!

Форли опустил взгляд на свои сапоги:

— Мы верим тебе.

— Но все равно собираетесь меня убить, черт подери?

Ищейка пожевал губу.

— Мы не можем взять тебя с собой и оставить тоже не можем, — сказал он.

— Я не хотел участвовать в том деле... — повторил парень и повесил голову. — Разве это честно?

— Нет, — сказал Тридуба. — Не честно. Но ничего не поделаешь.

Секира Доу рубанула парня по затылку, и он распростерся на земле лицом вниз. Ищейка сморщился и отвел взгляд. Он знал — Доу специально постарался, чтобы им не пришлось смотреть парнишке в лицо. Это правильно, и Ищейка надеялся, что другим так легче, но для него самого что лицом вверх, что лицом вниз — все одно. Ему стало почти так же тошно, как на ферме.

Это был не худший день в его жизни, далеко не худший. Но это был плохой день.

Ищейка выбрал себе хорошее местечко наверху, в гуще деревьев, и наблюдал из укрытия за идущей по дороге колонной. Он предусмотрительно расположился по ветру от них, чтобы его не выдал

запах немытого тела. Процессия казалась очень странной. С одной стороны, они выглядели как солдаты, готовые вступить в сражение. С другой стороны, все у них было не так: оружие по большей части старое, доспехи у всех разные и нелепые. Маршировали они нестройно и вид имели изнуренный. Большинство солдат были пожилыми людьми с седыми волосами и плешивыми макушками, а остальные еще не успели отрастить бороды — почти мальчишки.

Ищейке подумалось, что на Севере больше ни у кого не осталось разума. Он вспомнил предсмертные слова Трясины: война с Союзом. Неужели вот эта команда идет на войну? Если так, значит, Бетод выскребает горшок до самого дна.

— Что там, Ищейка? — спросил Форли, когда тот вернулся в лагерь. — Что происходит?

— Люди. Вооруженные, но не очень хорошо. Около сотни. По большей части молодежь и старики, направляются на юг и на запад. — Ищейка показал вдоль дороги.

Тридуба кивнул:

— В Инглию. Значит, он не шутит, Бетод. Он действительно воюет с Союзом. Ему никогда не хватит крови! Он посылает в бой всех, кто может держать копье.

В этом, в общем-то, не было ничего удивительного. Бетод никогда не довольствовался полумерами. Либо все, либо ничего — так он действовал и не заботился о тех, кого убьют по дороге.

— Всех до единого, — бормотал Тридуба. — Если шанка сейчас перейдут горы...

Ищейка огляделся вокруг: нахмуренные, озабоченные, грязные лица. Он знал, о чем говорит Тридуба; они все понимали это. Если шанка придут сейчас, когда на Севере нет никого, способного противостоять им, то происшествие на ферме покажется пустяком по сравнению с их делами.

— Мы должны кого-то предупредить! — воскликнул Форли. — Мы должны предупредить их!

Тридуба покачал головой:

— Ты слышал, что сказал Трясина. Йоль мертв, и Гремучая Шея мертв, и Сайвинг тоже. Все они мертвы, все вернулись в грязь. Бетод теперь король Севера.

Черный Доу сморщился и плюнул в землю.

— Плюй сколько хочешь, Доу, но факт остается фактом, — продолжал Тридуба. — Больше некого предупреждать.

— Некого, кроме самого Бетода, — пробормотал Ищейка, и ему было

совсем не весело говорить это.

— Тогда мы должны предупредить его! — Форли обвел их всех отчаянным взглядом. — Может быть, он бессердечная сволочь, но ведь он человек! Он лучше, чем плоскоголовые, разве нет? Мы должны сказать хоть кому-то!

— Ха! — презрительно хохотнул Доу. — Ха! Ты думаешь, он нас послушает, Слабейший? Ты забыл, что он нам сказал? Нам и Десятипалому? «Идите и никогда не возвращайтесь!» Ты забыл, что он едва не прикончил нас? Ты забыл, что он ненавидит любого из нас?

— Он нас боится, — сказал Молчун.

— Да, ненавидит и боится, — проворчал Тридуба. — И правильно делает. Потому что мы сильны. Мы — названные. Нас знают. Мы те люди, за которыми пойдут другие.

Тул кивнул своей огромной головой:

— Точно. Я тоже не думаю, что в Карлеоне нас встретят с радостью. Скорее с копьями в руках.

— Я не сильный! — крикнул Форли. — Я же Слабейший, это каждый знает! У Бетода нет причин бояться меня и ненавидеть. Я пойду!

Ищейка с изумлением взглянул на Форли. Все поглядели на него.

— Ты? — переспросил Доу.

— Ну да, я! Возможно, я не боец, но и не трус! Я пойду и поговорю с ним! Вдруг он меня послушает.

Ищейка смотрел на Форли во все глаза. Никто из них так давно не пытался найти выход из затруднительного положения с помощью слов, что это казалось невероятным.

— Кто знает, вдруг и послушает, — пробурчал Тридуба.

— Он может тебя выслушать, — сказал Тул. — А потом убить к чертовой матери. Слышишь, Слабейший?

— Шансов у тебя не много, — покачал головой Ищейка.

— Наверное. Но стоит попытаться, разве нет?

Они обменялись обеспокоенными взглядами. Форли, без сомнения, доказал, что у него крепкий костяк, но Ищейке не нравился его план. Этот Бетод — слишком непрочный крюк, чтобы вешать на него свои надежды. Очень непрочный крюк.

Но, как и сказал Тридуба, больше никого не осталось.

Слова и пыль

Кюрстер приплясывал внутри фехтовального круга, встряхивал длинными золотистыми волосами, махал рукой толпе и посылал воздушные поцелуи девушкам. Публика хлопала, завывала и улюлюкала, глядя на гибкого юношу, проделывавшего свои эффектные номера. Он был адуанец, офицер личной королевской охраны.

«Местный мальчик, и такой популярный».

Бремер дан Горст стоял, опершись на барьер, и наблюдал за противником сквозь опущенные веки. Его рапиры на вид были необычно тяжелыми, огромными и побитыми, словно от частого использования; возможно, слишком тяжелыми, чтобы действовать ими быстро. Сам Горст тоже выглядел слишком тяжелым для быстрых движений: огромный и с толстой шеей — бык, а не человек, более похожий на борца, чем на фехтовальщика. С первого взгляда он казался обреченным на поражение в этой схватке. Большинство людей в толпе, по-видимому, сочли именно так.

«Но только не я».

Человек, принимавший ставки на участников поединка, выкрикивал цифры и собирал деньги от толпившихся вокруг него людей. Почти все ставили на Кюрстера. Глокта повернулся к принимавшему ставки и спросил:

— Сколько сейчас за Горста?

— За Горста? — переспросил тот. — Один к одному.

— Я ставлю двести марок.

— Прости, приятель, я не смогу это покрыть.

— Хорошо, тогда сотню, пять к четырем.

Тот на мгновение задумался, поднял глаза к небу, производя в голове вычисления, и кивнул:

— Принято.

Глокта снова откинулся на спинку скамьи. Он слушал, как арбитр объявляет имена соперников, и глядел на Горста, закатывавшего рукава рубашки. Его предплечья были толстыми, как древесные стволы. Мощные узлы мускулов заиграли, когда он принялся разминать мясистые пальцы. Горст вытянул толстую шею в одну сторону, потом в другую, затем взял у секунданта рапиры и произвел пару пробных уколов. Лишь немногие в толпе отметили это — люди отвлеклись, приветствуя Кюрстера, как раз выходившего на свою позицию. Но Глокта заметил.

«Он быстрее, чем можно предположить по виду. Гораздо быстрее. Его тяжелые рапиры уже не кажутся такими неуклюжими».

— Бремер дан Горст! — выкрикнул арбитр.

Верзила не спеша занял свою позицию. Его приветствовали весьма скудные аплодисменты: такой громоздкий бык не соответствовал представлениям зрителей о том, как должен выглядеть фехтовальщик.

— Начинайте!

В поединке не было ничего изящного. Горст сразу принялся орудовать тяжелой рапирой — широкими беспорядочными взмахами, словно чемпион-дровосек, рубящий сучья. При каждом ударе он издавал низкое утробное рычание. Это было странное зрелище: один из противников участвовал в фехтовальном состязании, а другой как будто всерьез бился не на жизнь, а на смерть.

«Парень, тебе же нужно дотронуться до него, а не разрубить надвое!»

Но, наблюдая за ним, Глокта осознал: эти могучие удары не такие уж неуклюжие, они хорошо рассчитаны по времени и нанесены очень точно. Кюрстер смеялся, когда отпрыгивал от первого мощного взмаха, и улыбался, уворачиваясь от третьего, но к пятому его улыбка уже погасла.

«И вряд ли она вернется».

Нет, это совсем не изящно.

«Зато мощно, ничего не скажешь».

Кюрстер отчаянным движением нырнул под новый рубящий удар.

«Рубит он достаточно сильно, чтобы отхватить ему голову, несмотря на затупленную рапиру».

Любимец публики делал все возможное, чтобы перехватить инициативу, он наступал и колол, но Горст был готов ко всему. Он с ворчанием отражал уколы короткой рапирой, затем рычал и заносил длинный клинок для нового свистящего кругового удара. Глокта вздрогнул, когда лезвие Горста с громким лязгом врезалось в рапиру противника, откинув назад его кисть и едва не вырвав оружие из пальцев. От силы удара Кюрстер пошатнулся и попятился, сморщившись от боли и неожиданности.

«Теперь я понимаю, почему шпаги Горста выглядят такими побитыми».

Кюрстер, увертываясь, шел по кругу, пытаясь избежать стремительной атаки, но его огромный противник действовал слишком быстро.

«Слишком, слишком быстро».

Горст рассчитал все возможности и уже предугадывал движения Кюрстера, изводя его непрерывными мощными ударами. Выхода из такой позиции не было. Два сильных выпада оттеснили злополучного офицера к

самой границе круга, за ними последовал сильный рубящий удар. Длинная рапира вылетела из руки Кюрстера и воткнулась в дерн, раскачиваясь из стороны в сторону. Победенный какое-то мгновение стоял, пошатываясь — глаза широко раскрыты, опустевшая ладонь дрожит, — затем Горст налетел на него с диким ревом и с ходу врезался в беззащитные ребра противника тяжелым плечом.

Глокта разразился булькающим хохотом.

«Никогда прежде не видел, чтобы фехтовальщики летали!»

Кюрстер с визгом, как девчонка, описал в воздухе пол-оборота, рухнул на землю, ударился всеми конечностями и проехал несколько шагов на животе. Наконец он остановился в песке за пределами круга в добрых трех шагах от того места, где Горст ударил его, и остался лежать, слабо постанывая.

Толпа потрясенно замолкла. Было так тихо, что кудахтающий смех Глокты слышали в заднем ряду. Наставник Кюрстера кинулся к нему от загородки и осторожно перевернул поверженного ученика лицом вверх. Юноша бессильно отбивался, всхлипывая и держась за ребра. Горст какое-то время наблюдал за ними совершенно безразлично, затем пожал плечами и зашагал обратно к своей отметке.

Тренер Кюрстера повернулся к арбитру.

— Прошу прощения, — сказал он, — но мой ученик не сможет продолжать.

Глокта больше был не в силах сдерживаться. Ему пришлось зажать рот обеими ладонями, все его тело сотрясилось от хохота. Каждый всплеск веселья отдавался мучительным спазмом в шее, но он не обращал на это внимания. Однако большинство людей в толпе, судя по всему, не находили зрелище забавным. Вокруг слышалось гневное бормотание. Ропот перешел в неодобрительный свист, когда Кюрстера выводили из круга: он безвольно повис, обхватив плечи наставника и секунданта. И наконец свист сменился хором рассерженных выкриков.

Горст глянул на публику ленивыми полуоткрытыми глазами, снова пожал плечами и не торопясь побрел назад к загородке. Глокта все еще посмеивался, хромая прочь от арены; его кошелек только что стал значительно тяжелее. Уже много лет он так не веселился.

Университет располагался в заброшенном уголке Агрионта, под самыми стенами Дома Делателя, где даже птицы казались старыми и усталыми. Это было опутанное полумертвым плющом огромное ветхое строение, чья архитектура явно принадлежала к более ранней эпохе, —

одно из старейших зданий в городе, как считалось.

«По виду вполне похоже на то».

Крыша здания просела в середине, а в некоторых местах готова была обрушиться. Тонкие шпильки покосились и угрожали свалиться вниз, в запущенные садики, окружавшие постройку. Штукатурка на стенах потемнела и потрескалась, кое-где отслоились целые пласты, обнажая голые камни и крошащийся раствор. В одном месте под сломанной водосточной трубой по стене растеклось огромное бурое пятно... В былые времена, когда изучение наук привлекало лучших людей Союза, это здание было одним из великолепнейших в городе.

«А Сульт еще говорит, будто инквизиция устаревает!»

По бокам покосившихся ворот стояли статуи: два старика, один держит в руках лампу, другой указывает на какое-то место в книге.

«Мудрость и прогресс или какая-то чепуха вроде того».

Истукан с книгой потерял нос в течение прошедшего столетия, а другой стоял под углом, и его лампа торчала вверх, словно он отчаянно цеплялся за нее в поисках поддержки.

Глокта забарабанил кулаком в древние ворота. Они задребезжали и заметно закачались, как будто могли в любой момент слететь с петель. Глокта подождал. Он ждал довольно долго.

Внезапно с той стороны послышался лязг отодвигаемых засовов. Одна половинка ворот качнулась и отворилась на несколько дюймов. В щели показалось древнее лицо. Старец прищурился и всмотрелся в гостя. Снизу привратника освещала тоненькая свечка, зажата в сморщенной руке. Затуманенные глаза оглядели пришельца с ног до головы.

— Что вам угодно?

— Я инквизитор Глокта.

— А-а, вы от архилектора?

Глокта удивленно нахмурился и кивнул:

— Да, верно.

«Видимо, они вовсе не так отрезаны от мира, как кажется. Похоже, он знает меня».

Внутри оказалось так темно, что идти было небезопасно. По обе стороны ворот располагались два огромных медных канделябра без единой свечи; давно не полированная поверхность тускло блестела в слабом свете крошечной свечки привратника.

— Сюда, господин, — продребезжал старик и зашаркал куда-то в темноту, согнувшись почти вдвое.

Даже Глокте не составляло большого труда поспевать за ним.

Они ковыляли друг за другом по сумеречному коридору. Окна здесь располагались с одной стороны: древние, забранные узкими стеклами и такие грязные, что едва пропускали свет даже в самый яркий солнечный день. Сейчас наступал хмурый вечер, и свет не пробивался совсем. Дрожащий огонек свечи плясал на пыльных картинах, висевших на противоположной стене. На холстах бледные старики в черных и серых темных одеждах глядели куда-то вдаль из обшарпанных рам, сжимая в морщинистых руках колбы, шестерни и компасы.

— Куда мы идем? — спросил Глокта. Они шаркали через полумрак уже несколько минут.

— Адепты сейчас обедают, — просипел привратник, поднимая на него бесконечно усталые глаза.

Обеденный зал Университета представлял собой просторное гулкое помещение, лишь чуть-чуть выделявшееся из общей темноты благодаря нескольким угасающим свечам. Крошечный огонек мигал в огромном камине, отбрасывая танцующие тени на балки потолка. Длинный стол простирался во всю длину зала, отполированный за долгие годы использования; по его сторонам были расставлены шаткие стулья. За столом с легкостью уместилось бы восемьдесят человек, но сейчас сидело только пятеро, сгрудившись у одного конца возле очага. Заслышав стук инквизиторской трости в гулкой тишине, они прервали трапезу, подняли головы и посмотрели на гостя поверх тарелок с огромным интересом. Человек, сидевший во главе стола, поднялся с места и поспешил навстречу Глокте, придерживая одной рукой полу длинной черной мантии.

— Посетитель, — проскрипел привратник, махнув свечой в сторону инквизитора.

— А, от архилектора! Я Зильбер, распорядитель Университета!

Он пожал Глокте руку. Его сотрапезники тем временем тоже поднялись на ноги, словно к ним прибыл почетный гость.

— Инквизитор Глокта, — представился тот и оглядел стариков.

«Надо признать, они выказывают больше уважения, чем я ожидал. Впрочем, имя архилектора открывает многие двери».

— Глокта, Глокта, — забормотал один из стариков, — кажется, я знаю какого-то Глокту...

— Вы все знаете, вот только никогда не можете вспомнить, откуда, — оборвал его распорядитель, и это саркастическое замечание вызвало неуверенные смешки. — Инквизитор, позвольте мне представить присутствующих.

Он обошел одетых в черные мантии ученых, останавливаясь возле

каждого и называя их имена.

— Сауризин, наш адепт-химик. — Толстый лохматый старикан. Его одежду спереди сплошь усеивали ожоги и пятна, а бороду — застрявшие в ней кусочки пищи.

— Денка, наш адепт по части металлов. — Самый младший из четырех, значительно моложе остальных, хотя далеко не юноша. Он надменно поджимал губы.

— Чейл, адепт-механик. — Глокта никогда не видел, чтобы у человека была такая большая голова, но такое маленькое лицо. Особенно огромными казались его уши, из которых торчали пучки седых волос.

— И Канделау, адепт-медик. — Костлявая старая птица с длинной тощей шеей, на изогнутый орлиный нос водружены очки.

— Прошу присоединяться к нам, инквизитор, — провозгласил распорядитель и показал на свободный стул, втиснутый между двумя адептами.

— Может быть, вина? — продребезжал Чейл с чинной улыбкой на маленьких губках, уже наклоняясь с графином вперед и наливая жидкость в бокал.

— Благодарю.

— Мы как раз сравнивали достоинства сфер наших исследований, — пробурчал Канделау, глядя на Глокту сквозь поблескивающие стекла очков.

— Как всегда, — горестно вздохнул распорядитель.

— Человеческое тело, несомненно, является единственной областью, достойной тщательного изучения, — продолжал адепт-медик. — Прежде чем обращать свое внимание на мир вовне, необходимо понять тайны, скрытые внутри нас. Мы все обладаем телом, инквизитор. Способы его исцеления или нанесения ему вреда представляют собой величайший интерес для всех. Поэтому именно человеческое тело является областью моей компетенции.

— Тело! Тело! — хнычущим голосом отозвался Чейл, поджимая свои маленькие губки и ковыряясь в тарелке. — Мы же едим!

— Вот именно! Вы расстраиваете инквизитора этой отвратительной болтовней!

— О, меня не так просто расстроить, — усмехнулся Глокта через стол, чтобы знаток металлов хорошенько рассмотрел его недостающие зубы. — Моя работа в инквизиции требует большего, чем поверхностное знание анатомии.

За столом воцарилось неловкое молчание, затем Сауризин схватил блюдо с мясом и протянул ему. Глокта взглянул на поблескивающие ломти

и облизнул пустые десны.

— Нет, благодарю вас.

— Так это верно? — спросил адепт-химик, понизив голос и всматриваясь в лицо инквизитора поверх блюда с мясом. — Это правда, что теперь финансирование увеличат? Я имею в виду, теперь, когда уладили дело с торговцами шелком?

Глокта нахмурился. Все в комнате смотрели на него в ожидании ответа. Вилка одного из старых адептов застыла на полпути ко рту.

«Так вот оно что. Деньги. Но с какой стати им ждать денег от архилектора?»

Тяжелое блюдо с мясом в руке адепта начало подрагивать.

«Что ж... Если это заставит их повиноваться...»

— Отчислять больше денег, конечно, возможно. В зависимости от результатов работ, разумеется.

Собравшиеся приглушенно забормотали. Химик дрожащей рукой осторожно поставил на стол блюдо.

— Мне в последнее время удалось добиться значительных успехов в опытах с кислотами... — проговорил он.

— Ха! — насмешливо вскричал знаток металлов. — Результаты, вот что требуется инквизитору. Результаты! Мои новые сплавы, если их немного усовершенствовать, будут крепче, чем сталь!

— Вечно эти сплавы! — вздохнул Чейл, возводя крохотные глазки к потолку. — Никто не понимает важности четкого механического мышления!

Трое остальных уже собрались гневно накинуться на него, но распорядитель успел взять слово первым:

— Господа, прошу вас! Инквизитора не интересуют наши маленькие разногласия! У каждого будет время обсудить свою работу и показать ее достоинства. Это ведь не соревнование, не так ли, инквизитор?

Все посмотрели на Глокту. Он медленно обвел взглядом старые лица, преисполненные ожидания, и не сказал ничего.

— Я изобрел машину для...

— Мои кислоты...

— Мои сплавы...

— Тайны человеческого тела...

Глокта оборвал их:

— Собственно, меня в настоящее время особенно интересует область... Полагаю, вы назвали бы это взрывчатыми веществами.

Адепт-химик вскочил со стула.

— Это в моем ведении! — вскричал он, победоносно взирая на коллег. — У меня есть образцы! У меня есть примеры! Прошу вас, следуйте за мной, инквизитор!

Он швырнул столовый прибор на тарелку и ринулся к одной из дверей.

Лаборатория Сауризина выглядела в точности так, как ее можно было себе заранее представить, почти во всех деталях: продолговатая комната со сводчатым, словно внутренность бочки, потолком, кое-где покрытым черными пятнами сажи. Практически все пространство стен занимали полки, прогибавшиеся под тяжестью множества коробочек, баночек, бутылочек с разнообразными порошками и жидкостями, а также образцами металлов. Располагались эти многочисленные емкости без какой-либо системы, и большинство из них не имели ярлыков.

«Порядок, по-видимому, у нашего химика не на первом месте».

Скамьи, стоявшие посередине комнаты, пребывали в еще большем беспорядке: они были завалены посудой — стеклянной и медной, побуревшей от времени. Пробирки, колбы, тарелки, лампы (в одной из них горело открытое пламя) — все это могло в любой миг обрушиться и окатить несчастного, оказавшегося поблизости, какими-нибудь смертоносными обжигающими ядами.

Адепт-химик сразу же погрузился в этот хаос, как крот в нору.

— Ну-ка, ну-ка, — бормотал он, дергая себя рукой за грязную бороду, — взрывчатые порошки у меня где-то здесь...

Глокта вошел в комнату следом за ним, опасливо косясь на все эти пробирки. Он наморщил нос: в комнате стоял отвратительный едкий запах.

— Вот он! — каркнул адепт и потряс пыльной колбой, до половины наполненной черными гранулами. Он расчистил место на одной из скамей, со звоном сдвинув стекло и металл небрежным взмахом мясистой руки. — Это вещество весьма редкое, знаете ли, инквизитор? Весьма редкое! — Он вытащил пробку и насыпал дорожку черного порошка на деревянную скамью. — Лишь немногим посчастливилось видеть, как оно действует! Очень немногим! И вы станете одним из них!

Глокта предусмотрительно отступил назад — он хорошо помнил вид рваной дыры в стене Цепной башни.

— Я надеюсь, на таком расстоянии мы в безопасности?

— Абсолютно, — бормотал Сауризин. Он осторожно поднес к порошку на вытянутой руке горящую свечку и коснулся пламенем конца черной дорожки. — В этом нет совершенно ничего опас...

Раздался резкий хлопок, в воздух взлетел фонтан белых искр. Адепт

отпрыгнул назад, едва не врезавшись в Глокту, и уронил горящую свечу на пол. Раздался еще один хлопок, более громкий, и полетели новые искры. Лаборатория стала наполняться мерзко пахнущим дымом. Яркая вспышка, громкий удар, потом слабое шипение — и все закончилось.

Сауризин замахал перед лицом широким рукавом мантии, чтобы разогнать густой дым, погрузивший комнату в полумрак.

— Впечатляет, а, инквизитор? — воскликнул он, раздражаясь приступом кашля.

«Не особенно».

Глокта затоптал сапогом недогоревшую свечку и пробрался сквозь дымную завесу к скамье. Смахнув ребром ладони некоторое количество серого пепла, он взгляделся сквозь дым: на деревянной поверхности остался длинный черный ожог, но ничего более. Мерзкие газы были, пожалуй, самым сильным эффектом — у Глокты от них першило в горле.

— Дыма, несомненно, выходит много, — прохрипел он.

— Не правда ли? — гордо прокашлял адепт. — И воняет так, что только держись!

Глокта снова посмотрел на черное пятно на скамье.

— Если взять большое количество такого порошка, можно ли его использовать, чтобы, скажем, пробить дыру в стене?

— Возможно... Если удастся собрать достаточное количество, кто знает, каков будет результат? Насколько мне известно, пока никто не пытался.

— В стене, например, четырех футов толщиной?

Адепт нахмурился:

— Вероятно. Но потребуются целые бочки субстанции! Бочки! Столько не наберется во всем Союзе, а цена, если вещество удастся найти, будет колоссальной! Поймите, инквизитор: компоненты для смеси приходится покупать на юге Канты, и даже там они очень редки. Я, разумеется, был бы счастлив провести подобное исследование, но потребуется значительное финансирование...

— Еще раз благодарю вас за то, что уделите мне время.

Глокта повернулся и захромал сквозь рассеивающийся дым по направлению к двери.

— В последнее время я добился значительных успехов в опытах с кислотами! — закричал ему вслед адепт срывающимся голосом. — Вы обязательно должны посмотреть на это! — Он набрал в грудь воздуха и повторил: — Передайте архилектору: весьма значительных успехов!

Адепт разразился новым приступом кашля, и Глокта вышел, плотно

притворив за собой дверь.

«Это потеря времени. Наш Байяз не смог бы незаметно протащить несколько бочек порошка в свою комнату. А даже если бы и смог — сколько было бы дыма, какой бы стоял запах... Потеря времени!»

Зильбер рыскал в коридоре за дверью.

— Есть ли что-нибудь еще, что мы можем вам показать, инквизитор?

Глокта мгновение помедлил, потом спросил:

— Знает ли кто-нибудь из вас что-либо о магии?

Распорядитель стиснул зубы.

— Это, разумеется, шутка, — проговорил он. — Возможно...

— Я задал вопрос.

Зильбер сузил глаза.

— Вы должны понимать, что у нас научное заведение. Практиковать здесь так называемую «магию» было бы более чем... неуместно.

Глокта нахмурился и поглядел на собеседника.

«Я же не прошу тебя прямо сейчас вытаскивать волшебную палочку, болван!»

— С исторической точки зрения! — рявкнул он. — Маги и так далее... Байяз!

— Ах, с исторической точки зрения, понимаю... — Напряженное лицо Зильбера несколько расслабилось. — Что ж, в нашей библиотеке хранится множество древних текстов, и некоторые относятся к тому периоду, когда магия считалась чем-то... не столь необычным.

— Кто смог бы мне помочь?

Распорядитель поднял брови:

— Боюсь, наш адепт-историк сам представляет собой, э-э... некоторый реликт.

— Мне нужно просто поговорить, я не собираюсь с ним фехтовать.

— Разумеется, инквизитор, вот сюда.

Глокта ухватился за ручку старинной двери, обитой черными заклепками, и уже начал поворачивать ее, но Зильбер схватил его руку.

— Нет! — отрывисто сказал он, направляя Глокту дальше по коридору. — Книгохранилище находится в том конце.

Адепт-историк действительно выглядел так, словно сам являлся частью древней истории. Его лицо походило на маску из обвисшей, изборозжденной морщинами, полупрозрачной кожи. Белоснежные волосы в беспорядке торчали на черепе: на три четверти поредели, зато стали в четыре раза длиннее. Такими же тонкими, но поразительно длинными

оказались и брови; они росли во всех направлениях, словно кошачьи усы. Рот был дряблым, слабым и беззубым, увядшие руки напоминали перчатки на несколько размеров больше, чем нужно. Лишь в глазах теплилась искорка жизни — историк встретил Глокту и распорядителя внимательным взглядом.

— К нам посетители? — прокаркал старик, очевидно, обращаясь к большому черному ворону на столе перед собой.

— Это инквизитор Глокта! — проревел распорядитель, наклоняясь к его уху.

— Глокта?

— Он от архилектора!

— Да? — Адепт-историк поднял голову и сощурил древние глаза.

— Он немного глуховат, — проговорил вполголоса Зильбер, — но никто не знает наши книги так, как знает он. — Он подумал еще немного, поглядел на уходящие во мрак бесконечные шкафы и добавил: — Да их вообще больше никто не знает.

— Благодарю вас, — сказал Глокта.

Распорядитель кивнул и двинулся к лестнице. Глокта сделал шаг по направлению к старику, и тут ворон внезапно подпрыгнул, взмыл со стола в воздух, теряя перья, и бешено захлопал крыльями под самым потолком. Глокта отпрянул и сморщился от боли.

«Черт побери! Я был уверен, что это чучело!»

Он ждал и настороженно поглядывал на птицу, пока та с шумом не опустилась на верхушку одного из шкафов и не замерла в неподвижности, уставясь на него желтыми бусинами глаз.

Глокта придвинул к себе один из стульев и опустился на него.

— Меня интересует Байяз, — сказал он.

— Байяз, — пробормотал старик адепт. — Ну разумеется, это первая буква в алфавите древнего языка.

— Я такого не знал.

— В мире полным-полно вещей, которых вы не знаете, юноша. — Птица издала внезапный хриплый крик, ужасающе громкий в пыльной тишине книгохранилища. — Полным-полно.

— Тогда давайте начнем мое обучение. Мне необходимо узнать о человеке по имени Байяз. О первом из магов.

— Байяз... Это имя великий Иувин дал первому из своих учеников. Одна буква — одно имя. Первый ученик — первая буква алфавита, понимаете?

— Я стараюсь поспевать за ходом вашей мысли. Он действительно

существовал?

Старик адепт сердито нахмурился и ответил:

— Бесспорно. Разве у вас в молодости не было гувернера?

— Был, к несчастью.

— И он не учил вас истории?

— Он пытался, но мой ум занимали девушки и фехтование.

— А-а. Я уже давно потерял интерес к подобным вещам.

— Я тоже. Давайте вернемся к Байязу.

Старик вздохнул:

— Давным-давно, еще до того, как возник Союз, все Срединные земли были поделены на множество мелких царств. Они часто воевали друг с другом, возвышались и распадались с течением лет. Одним из этих царств правил человек по имени Гарод, которого позже стали называть Гародом Великим. О нем вы слышали, я надеюсь?

— Разумеется.

— Байяз пришел к Гароду в тронный зал и пообещал сделать его королем всех Срединных земель, если тот будет поступать так, как Байяз ему подскажет. Гарод, будучи молодым и своенравным, не поверил. Тогда Байяз разбил длинный стол при помощи своего искусства.

— Магии, да?

— Так говорится в предании. Это произвело на Гарода глубокое впечатление...

— Вполне могу понять.

— И он согласился следовать советам мага.

— А именно?

— Основать столицу здесь, в Адуге. Помириться с кем-то из соседей, объявить войну другим. А также согласился с тем, когда и как это следует делать. — Старик, прищурившись, посмотрел на Глокту. — Кто рассказывает историю, вы или я?

— Вы, конечно. — «И ты не торопишься с этим».

— Байяз сдержал свое слово. Через какое-то время Срединные земли были объединены, Гарод стал их первым высоким королем, и зародился Союз.

— И что потом?

— Байяз оставался главным советником Гарода. Все наши законы и установления, устройство нашего правительства — все это, говорят, изобретено им и претерпело лишь немногие изменения с тех далеких дней. Байяз основал закрытый и открытый советы, он сформировал инквизицию. После смерти Гарода он покинул Союз, но пообещал однажды вернуться.

— Понимаю. Что из этого является правдой, по вашему мнению?

— Трудно сказать. Маг? Волшебник? Чародей? — Старик посмотрел на колеблющееся пламя свечи. — Для дикаря вот эта свеча покажется магией. Очень тонкая черта отделяет магию от мошенничества, не так ли? Но Байяз был очень умным человеком, и это факт.

«Все бесполезно».

— А что было до того?

— До чего?

— До Союза. До Гарода.

Старик пожал плечами.

— Во времена темных веков мало заботились о ведении летописей. Мир лежал в хаосе после войны между Иувином и его братом Канедиасом...

— Канедиасом? Мастером Делателем?

— Ну да.

«Канедиас. Он смотрит на меня со стен моей маленькой комнатки в подвалах очаровательного домика Секутора. Иувин лежит мертвый, а одиннадцать его учеников-магов идут мстить за него. Я знаю эту историю».

— Канедиас, — пробормотал Глокта. Образ темной фигуры с языками пламени за спиной четко стоял в его мозгу. — Мастер Делатель. А он существовал в действительности?

— Трудно сказать. Он находится посередине между мифом и историей, я полагаю. Возможно, в его истории есть некое зерно истины. Кто-то же построил эту здоровенную чертову башню, а?

— Башню?

— Ну да, Дом Делателя! — Старик обвел жестом комнату вокруг себя. — Говорят, все это построил тоже он.

— Что, и библиотеку?

Старик рассмеялся:

— Весь Агрионт. По крайней мере, скалу, на которой он стоит. И Университет тоже. Он построил его и назначил первых адептов, чтобы помогали ему в работе, в чем бы она ни заключалась, и проникали в природу вещей. Мы все ученики Делателя, хотя я сомневаюсь, что об этом знают там, наверху. Он ушел, но работа продолжается, так?

— В каком-то смысле. А куда он ушел?

— Ха! Он мертв. Ваш друг Байяз убил его.

Глокта поднял одну бровь.

— В самом деле?

— Так гласит предание. Вы не читали «Падение мастера Делателя»?

— Эту чушь? Я считал, что там одни выдумки.
— Так и есть. Эффектная дешевка, но она основана на писаниях того времени.
— Писаниях? А что-нибудь из подобных вещей уцелело?
Старик прищурил глаза:
— Кое-что.
— Кое-что? И они есть здесь, у вас?
— Да. Особенно интересен один документ.
Глокта твердо посмотрел в глаза старика и произнес:
— Принесите его мне.

Древняя бумага хрустела в пальцах адепта-историка, когда тот осторожно разворачивал свиток и расстилал его на столе. Желтый морщинистый пергамент с обтрепавшимися от возраста краями густо покрывали неразборчивые письма — странные, совершенно непонятные для Глокты.

— Что это за язык?
— Древний язык. Лишь немногие теперь могут прочесть его. — Старик указал на первую строку. — Здесь написано: «Повествование о падении Канедиаса, третий из трех».

— Третий из трех?
— Из трех свитков, я предполагаю.
— А где еще два?
— Утрачены.
— Хм.

Глокта взглянул в бесконечную тьму книгохранилища: «Удивительно, если хоть что-то не пропало в этих дебрях».

— О чем здесь еще говорится?

Старик-библиотекарь взгляделся в непонятные письма, скудно освещенные трепетным светом единственной свечи. Он провел дрожащим пальцем по пергаменту, беззвучно шевеля губами.

— «Велика была их ярость».
— Что?

— Это начало: «Велика была их ярость». — Он медленно принялся читать: — «Маги преследовали Канедиаса, обратили в бегство верных ему. Они разрушили его твердыню, обратили в руины его дома и перебили его слуг. Сам Делатель, тяжело раненный в битве с братом Иувином, нашел убежище в своем Доме». — Старик развернул следующую часть свитка. — «Двенадцать дней и двенадцать ночей маги обращали свой гнев на врата,

но не могли оставить на них следа. Затем Байяз нашел путь внутрь...»

Адепт разочарованно провел рукой по пергаменту: сырость или что-то еще оставило на нем пятно, так что знаки в следующих строках расплылись и их невозможно было прочесть.

— Я не могу разобрать... — проговорил он. — Кажется, что-то насчет дочери Делателя...

— Вы уверены?

— Нет! — отрезал старик. — Не хватает целого куска!

— Тогда оставьте его! Читайте с того места, где вы можете быть уверены.

— Хорошо, посмотрим... «Байяз преследовал его до самой крыши, и сбросил его оттуда». — Старик шумно прокашлялся. — «Делатель упал, пылая огнем, и разбился о мост, что был внизу. Маги искали семя вверху и внизу, но не нашли его».

— Семя? — недоуменно переспросил Глокта.

— Больше здесь ничего не написано.

— Какого черта это может значить?

Старик откинулся на спинку кресла. Он явно наслаждался редкой возможностью побеседовать на тему, которую знал досконально.

— Это означает конец эпохи мифа и зарождение эпохи разума. Байяз, маги — они олицетворяют порядок. Делатель же — фигура богоподобная: суеверие, невежество, я не знаю, что еще. В его образе должна быть доля истины. В конце концов, кто построил эту здоровенную чертову башню?

И он разразился дребезжащим смехом.

Глокта не нашел в себе сил указать адепту, что он уже изрекал эту самую шутку несколькими минутами раньше.

«И она уже тогда была несмешной. Повторение — проклятие старости».

— Так что же насчет семени?

— Не знаю. Магия, секреты, могущество? Это метафоры.

«Метафоры не производят впечатления на архилектора. Особенно такие туманные».

— Больше там ничего нет?

— Есть еще небольшое продолжение, давайте-ка посмотрим... — Старик снова опустил взгляд на письмена. — Он разбился о мост, они искали семя...

— Да, да, все это уже было!

— Терпение, инквизитор! — Сморщенный палец старика водил по строчкам. — «Они запечатали Дом Делателя. Они погребли павших, в том

числе Канедиаса и его дочь». Это все. — Он взгляделся в страницу, его палец дрожал на последних буквах. — «И Байяз взял ключ». Это все.

Брови Глокты взлетели вверх:

— Что? Что там было в последней фразе?

— Они запечатали врата, погребли павших, и Байяз взял ключ.

— Ключ? Ключ от Дома Делателя?

Адепт-историк сощурился и еще раз взглянул на страницу.

— Так здесь написано.

«Но никакого ключа нет! Башня уже много веков стоит запечатанная, все это знают. У нашего самозванца ключа не окажется, не сомневаюсь. — По лицу Глокты медленно разлилась улыбка. — Конечно, слабо, очень слабо, но если подать все как следует, если правильно поставить ударение, и этого может хватить. Архилектор будет доволен».

— Я заберу это с собой. — Глокта подтянул к себе древний свиток и начал сворачивать его.

— Что? — Глаза адепта расширились от ужаса. — Вы не можете!

Шатаясь, он с огромным трудом поднялся с кресла — даже Глокте это движение далось бы легче. Ворон снялся с места одновременно с хозяином и принялся неуклюже описывать круги под потолком, хлопая крыльями и яростно каркая. Но Глокта игнорировал их обоих.

— Вы не можете взять его! Это невозполнимо! — хрипло причитал старик, безнадежно пытаясь перехватить свиток.

Глокта широко развел руками:

— Остановите меня! Ну, что же вы? Мне бы хотелось на вас посмотреть! Только представьте себе — мы, двое калек, барахтаемся среди книжных полок, вырываем друг у друга древний клочок бумаги, а ваша чертова птица летает над нами и гадит на нас! — Он захихикал. — Не слишком достойное зрелище, вы не находите?

Обессиленный адепт-историк рухнул обратно в кресло, тяжело дыша.

— Никому больше нет дела до прошлого, — прошептал он. — Они не видят, что без прошлого нет будущего.

«Какая глубокая мысль!»

Глокта сунул свернутый пергамент в карман и повернулся, чтобы уйти.

— Кто позаботится о прошлом, когда меня не станет? — продолжал старик.

— Какая разница? — откликнулся Глокта, направляясь к лестнице. — Уж точно не я!

Выдающиеся таланты брата Длинногого

Уже целую неделю каждое утро Логена будил гомон толпы. Шум начинался спозаранку и выдергивал северянина из сна — громкий, словно рядом шло сражение. Когда Логен услышал его в первый раз, он так и решил, что идет сражение. Теперь он знал: это всего-навсего их треклятый дурацкий спорт. Закрытое окно немного уменьшало шум, но духота вскоре становилась невыносимой. Приходилось выбирать: либо спать мало, либо совсем не спать, и Логен волей-неволей оставлял окно открытым.

Чертыхаясь, он протер глаза и вылез из постели. Еще один жаркий, нудный день в Городе Белых Башен. В дороге, в диких краях, он был готов ко всему, едва проснувшись, но здесь все было по-другому. Утомление и жара делали его медлительным и ленивым. Он протащился через порог в гостиную, зевая во весь рот и потирая рукой подбородок.

И застыл на месте.

В гостиной находился какой-то человек. Незнакомец. Сцепив руки за спиной, гость стоял у окна, облитый солнечным светом. Невысокий и стройный, с волосами, стриженными почти наголо, и шишковатым черепом, в необычной дорожной одежде: поблекший кусок материи, несколько раз обернутый вокруг тела.

Не дав Логену времени заговорить первым, человек повернулся и проворно подскочил к нему.

— Ты кто? — требовательно спросил он.

Его улыбчивое лицо дочерна загорело и обветрилось, кожа напоминала морщинистую поверхность разношенных сапог. По такому лицу нельзя угадать возраст — ему могло быть сколько угодно, от двадцати пяти до пятидесяти.

— Девятипалый, — пробурчал Логен, настороженно отступая к стене.

— Ах да, Девятипалый!

Человечек схватил обеими руками Логену ладонь и крепко ее сжал.

— Это великая честь и особая милость — познакомиться с тобой! — произнес он, закрывая глаза и склоняя голову.

— Ты слышал обо мне?

— Увы, нет, но все создания божьи достойны глубочайшего уважения. — Гость снова поклонился. — Я брат Длинногогий, путешественник из знаменитого ордена навигаторов. Под солнцем найдется немного земель, где не ступала моя нога. — Он указал на свои

сильно поношенные сапоги, а затем широко развел руки в стороны. — От гор Тхонда до пустынь Шамира, от равнин Старой империи до серебряных вод Тысячи островов весь мир — мой дом! Именно так!

Он хорошо изъяснялся на северном диалекте. Возможно, даже лучше самого Логена.

— На Севере ты тоже бывал? — спросил Девятипалый.

— Один краткий визит в дни моей юности. Я нашел тамошний климат немного суровым.

— Ты неплохо говоришь на нашем языке.

— Не много есть языков, на которых я, брат Длинноногий, не могу говорить. Естественная легкость в овладении языками — лишь один из моих многочисленных выдающихся талантов. Бог благословил меня! — прибавил человек, сияя.

Логен не мог понять, серьезно он говорит или это какая-то изысканная шутка.

— А что привело тебя сюда?

— Меня вызвали! — Темные глаза гостя заискрились.

— Вызвали?

— Совершенно верно! Сам Байяз, первый из магов! Меня вызвали, и я явился! Таков мой путь! В казну нашего ордена поступит огромная плата за мои выдающиеся таланты, но я согласился бы и бесплатно. Конечно. Бесплатно!

— Правда?

— Конечно! — Человек отступил назад и принялся с устрашающей скоростью шагать кругами по комнате, потирая ладони. — Это поручение столь же много говорит о славе нашего ордена, сколь и о его широко известной жадности! И выбрали меня! Из всех навигаторов Земного круга — я избран для этой задачи! Я, брат Длинноногий! Я, и никто иной! Кто на моем месте, с моей репутацией, не откликнулся бы на такой вызов?

Он остановился перед Логеном и выжидающе посмотрел на него, словно хотел получить ответ на свой вопрос.

— Э-э...

— Только не я! — прокричал брат Длинноногий, делая новый заход вокруг комнаты. — Я не противился! Зачем бы я стал это делать? Это не мой путь! Путешествие к самому дальнему краю мира? Какую легенду можно будет из этого сложить! Какой вдохновляющий пример для других! Какое...

— К дальнему краю мира? — с подозрением переспросил Логен.

— Я знаю! — Станный человек хлопнул его по руке. — Мы

одинаково взволнованы!

— А! Это, должно быть, наш навигатор. — Байяз показался из своей комнаты.

— Воистину так. Я брат Длинноногий, к твоим услугам. А ты, осмелюсь предположить, не кто иной, как мой знаменитый наниматель Байяз, первый из магов!

— Да, я и есть он.

— Величайшая честь и особая милость, — вскричал Длинноногий, прыгая вперед и хватая мага за руку, — познакомиться с тобой!

— Обоюдно. Надеюсь, твое путешествие было приятным?

— Путешествия всегда приятны для меня! Всегда! Лишь время, разделяющее их, является для меня испытанием. Воистину так!

Байяз, нахмутив брови, взглянул на Логена, но тот мог лишь пожать плечами.

— Могу ли я спросить, как долго нам еще ждать, прежде чем начнется наше путешествие? — продолжал Длинноногий. — Мне не терпится ступить на корабль!

— Скоро, как я надеюсь, к нам присоединится последний член экспедиции. Нам необходимо нанять судно.

— Разумеется! Я с особенным удовольствием сделаю это! Что я должен сказать капитану относительно нашего курса?

— На запад через круг Морей в Стариксу, затем в Халцис, что в Старой империи.

Человечек заулыбался и склонился в низком поклоне.

— Ты одобряешь? — спросил маг.

— Конечно. Но корабли теперь редко заходят в Халцис. Бесконечные войны, которые ведет Старая империя, сделали окрестные воды опасными. Пиратство, увы, там весьма распространено. Непросто найти капитана, согласного плыть туда.

— Вот это должно помочь. — Байяз кинул на стол свой, как обычно, толстый кошель.

— О, несомненно!

— Выбери быстрый корабль. Я не хочу терять ни единого дня, как только мы будем готовы.

— В этом ты можешь на меня положиться, — произнес навигатор, хватая со стола тяжелый мешочек с монетами. — Плавать на медленных судах — не мой путь! О нет! Я найду для тебя самый быстрый корабль в Адуе! О да! Этот корабль полетит вперед, как божье дыхание! С волны на волну, как...

— Достаточно, если он будет просто быстрым.

Человечек послушно склонил голову.

— Время нашего отбытия?

— Примерно через месяц. — Байяз глянул на Логена и спросил: — Почему бы тебе не пойти вместе с ним?

— Мне?

— Разумеется! — вскричал навигатор. — Конечно, мы пойдем вместе!

Он схватил Логена за локоть и потащил к двери.

— Я рассчитываю получить сдачу, брат Длинноногий! — крикнул Байяз им вдогонку.

Навигатор обернулся в дверях:

— Сдача будет, можешь не сомневаться. Зоркий глаз на цены, хороший нюх на сделки, неустрашимая целеустремленность при ведении переговоров! Это лишь три из моих многочисленных выдающихся талантов!

И он просиял широкой улыбкой.

— Адуя — сказочное место! Истинная правда. Лишь немногие города могут сравниться с ней. Шаффа, возможно, больше по размерам, но в ней так пыльно! Никто не станет отрицать, что Вестпорт и Дагоска тоже хорошо смотрятся. Некоторые считают самым великолепным городом мира Осприю, раскинувшуюся на горных склонах, однако должен признаться: сердце брата Длинноногого принадлежит великому Талину. Бывал ли ты там, мастер Девятипалый, видел ли ты это благородное поселение?

— Э-э... — Логен был занят тем, что пытался угнаться за юрким человечком, ловко нырявшим вправо и влево в бесконечном людском потоке.

Длинноногий остановился так внезапно, что Логен едва не налетел на него. Навигатор обернулся и поднял руки, а взор его мечтательно затуманился.

— Талин на закате, если глядеть на него с моря!.. — проговорил он. — Я видел много замечательных вещей, поверь мне, но я утверждаю, что это самое восхитительное зрелище в мире. Солнце отражается в мириадах каналов, его лучи играют на сияющих куполах крепости великого герцога, на фасадах роскошных дворцов торговцев и князей! Не разобрать, где кончается сверкающее море и начинается сверкающий город! Ах! Талин! — Он повернулся и снова ринулся вперед; Логен спешил следом. — Но Адуя, несомненно, тоже замечательное место, к тому же она растет с каждым годом. Тут многое сильно изменилось после моего последнего

визита. Когда-то здесь жили только дворяне и простолюдины. Дворяне владели землей, у них были деньги, а следовательно, и власть. Ха! Видишь, как просто?

— Ну... — Логену было сложно видеть что-нибудь дальше маячившей перед ним спины Длинноногого.

— Но теперь в Адуе появились торговцы, и в каком количестве! Купцы, банкиры и все прочие. Повсюду! Целые армии! Теперь простолюдины тоже могут разбогатеть, понимаешь? А богатый простолюдин получает власть. Так кто он же теперь — простолюдин или благородный? Ха! Все неожиданно очень запуталось, ты не находишь?

— Ну...

— Такое богатство! Столько денег! Но и нищеты не меньше. Множество попрошаек, бедняков... Едва ли это хорошо, когда в одном месте живут столько богатых и столько бедных. Тем не менее это замечательный город, и он постоянно растет.

— По мне, здесь слишком людно, — промямлил Логен, уворачиваясь от плеча встречного человека. — И слишком жарко.

— Ба! Людно? Это ты называешь «людно»? Тебе стоит посмотреть на великий храм в Шаффе во время утренней молитвы! Или на большую площадь перед императорским дворцом, когда привозят новых рабов для продажи! И жарко? Это ты называешь «жарко»? В Уль-Саффейне, на самом юге Гуркхула, в весенние месяцы бывает до того жарко, что можно жарить яичницу прямо на пороге дома! Именно так!.. Сюда! — Он нырнул в толпу, пробираясь к узенькой боковой улочке. — Это самый короткий путь!

Логен схватил его за руку.

— Туда? — Он заглянул в сумрачный проулок. — Ты уверен?

— Как ты можешь сомневаться? — Длинноногий был потрясен. — Неужели ты усомнился? Из всех моих выдающихся талантов самый главный — искусство выбирать направление! Именно из-за этого дара первый из магов сделал столь щедрый вклад в казну нашего ордена! Неужели же ты... Но подожди-ка! — Он поднял руку и снова заулыбался, затем постучал по груди Логена указательным пальцем. — Ты не знаешь брата Длинноногого. Еще не знаешь. Ты бдителен и осторожен, я вижу, и это хорошо. Я не должен ожидать от тебя неколебимой веры в мои способности. Это было бы нечестно. Нет! Мой выбор — это честность.

— Я хотел...

— Но ты убедишься! — вскричал Длинноногий. — Ты будешь доверять моему слову больше, чем своему собственному! О да! Этот путь самый короткий!

И он с поразительной скоростью зашагал по грязному переулку. Логен с трудом поспевал за ним, хотя его ноги были на добрых полфута длиннее.

— Ах, эти глухие закоулки! — кричал навигатор через плечо, в то время как они неслись по темным и закопченным улочкам, где здания все плотнее теснились друг к другу. — Какие углы!

Улочки становились все уже, все темнее и грязнее. Маленький человечек сворачивал то влево, то вправо, но не останавливался ни на секунду, чтобы обдумать маршрут.

— Ты чувствуешь запах? Ты чувствуешь этот запах, мастер Десятипалый? Здесь пахнет... — Не останавливаясь, он поднял вверх руку и потирал пальцы, подыскивая нужное слово. — Загадкой! Приключением!

По мнению Логена, пахло здесь дерьмом. Какой-то человек лежал лицом вниз в канаве — возможно, мертвецки пьяный, а может быть, мертвый. Попадались изможденные прохожие, едва волочившие ноги; компании людей угрожающего вида стояли у дверей домов и передавали по кругу бутылки. Среди них были и женщины.

— Четыре марки, и я подарю тебе блаженство, северянин! — крикнула одна из них Логену. — Блаженство, которое ты не скоро забудешь! Ну хорошо, три марки!

— Шлюхи, — прошептал Длинноногий, покачивая головой. — К тому же дешевые. Ты любишь женщин?

— Н-ну...

— Тебе стоило бы посетить Уль-Нахб, друг мой! Уль-Нахб, что на берегу Южного моря! Там ты мог бы купить себе наложницу. Они, правда, стоят целое состояние, но их обучают годами!

— Там можно купить девушку? — озадаченно спросил Логен.

— Или мальчика, если твои вкусы склоняются в эту сторону.

— А?..

— Их обучают годами, говорю тебе! Ты хочешь познать самых искусных? А? Эти девушки владеют искусством, о каком ты даже не мечтал! Или съезди в Сипано! В том городе есть местечки — фью!.. Тамошние женщины прекрасны! Все до единой! Клянусь! Они как принцессы! К тому же чистые, — добавил навигатор вполголоса, поглядывая на одну из неопрятных женщин, стоявших у стены.

Ну, немного грязи не испугало бы Логена. Искусные, прекрасные — все это звучало слишком сложно для него. Одна из девиц поймала взгляд Десятипалого, когда он проходил мимо, — она стояла, прислонясь к косяку, с равнодушной улыбкой на лице. Логен нашел девушку по-своему привлекательной: в ней чувствовалось что-то отчаянное. В любом случае,

она явно привлекательнее, чем он сам; да и с последнего раза прошло очень много времени. В таких вещах надо быть реалистом.

Логен остановился посреди улицы.

— Байяз, кажется, хотел сдачи? — пробурчал он.

— О да. Он высказался более чем определенно.

— Значит, у нас есть лишние деньги?

Длинноногий поднял одну бровь:

— Ну, возможно. Дай-ка я посмотрю...

Он широким жестом вытащил кошель, раскрыл его и принялся рыться внутри. Послышалось громкое звяканье монет.

— Ты думаешь, это хорошая идея? — Логен нервно глянул в одну сторону, затем в другую. Несколько лиц уже повернулись к ним.

— Что именно? — спросил навигатор.

Он извлек из кошелька пару монет, поднял вверх к свету и внимательно рассмотрел, после чего вложил в ладонь Девятипалого.

— Осмотрительность не является одним из твоих талантов, верно? — спросил Логен.

Несколько подозрительных типов, стоявших поодаль, начали медленно подбираться к ним поближе — двое спереди, один сзади.

— Конечно нет! — расхохотался Длинноногий. — О нет! Я всегда все говорю прямо, таков мой путь! Я очень... Ага. — Он наконец заметил темные фигуры, скользящие к ним. — Ага. Как неудачно. Ах боже мой.

Логен повернулся к девице:

— Ты не против, если мы...

Она захлопнула дверь перед самым его носом. Другие двери вверх и вниз по улице тоже начали закрываться.

— Черт, — пробормотал Логен. — А каков ты в драке?

— Бог наградил меня многими выдающимися талантами, — пробормотал навигатор, — но умение сражаться не входит в их число.

Один из подонков ужасно косил.

— Этот кошель слишком велик для такого маленького человечка, — проговорил он, подходя ближе.

— Мы, э-э... — промямлил Длинноногий, тихо отступая за плечо Логена.

— Чертовски тяжелая ноша, чтобы маленький человечек мог с ней управиться, — сказал другой.

— Может, мы поможем тебе?

Ни у одного из парней оружия на виду не было, но по движениям их рук Логен понял: оно у них есть. Еще оставался третий сзади — северянин

чувствовал, что он тоже подошел к ним. Близко. Ближе, чем двое остальных. Если разобраться сначала с ним, будет шанс победить. Логен не мог оглядываться назад, это испортило бы сюрприз. Придется рискнуть и надеяться на лучшее. Как всегда.

Логен сжал зубы, резко выкинул назад локоть и с громким хрустом попал им прямо в челюсть стоявшего позади человека. Потом повернулся и поймал его другой рукой за запястье — очень удачно, поскольку в руке у человека был нож. Логен еще раз врезал противнику локтем по зубам и вырвал нож из обмякших пальцев. Обезоруженный человек упал на мостовую, ударившись головой о грязные булыжники. Логен развернулся, в любой миг ожидая удара в спину, но двое других двигались недостаточно быстро. Оба уже вытащили ножи, и один сделал полшага вперед, но когда Логен тоже поднял нож и приготовился к драке, парень остановился.

У Логена было жалкое оружие — шесть дюймов ржавого железа, даже без крестовины. Но это лучше, чем ничего. Гораздо лучше. Логен помахал ножом в воздухе, просто чтобы все лишний раз его увидели. Хорошо. Шансы значительно повысились.

— Ну ладно, — сказал Логен. — Кто следующий?

Его противники разделились. Они пытались обойти Логена с двух сторон, взвешивая в руках свои ножи, однако не торопились продолжать.

— Давай, мы его сделаем! — прошипел косоглазый, но его приятель не выказывал особенной уверенности.

— Вы можете взять это. — Логен разжал кулак и показал монеты, которые дал ему Длинноногий. — И отпустить нас восвояси. Это все, что я могу потратить. — Он еще разок взмахнул ножом, чтобы придать веса своим словам. — И это все, чего вы для меня стоите, не больше. Ну, как мы поступим?

Косоглазый сплюнул на землю.

— Мы его сделаем! — прошипел он снова. — Давай иди, ты первый!

— Иди сам, мать твою! — заорал второй.

— Лучше возьмите то, что я предлагаю, — посоветовал Логен, — и никому из нас не придется никуда идти.

Тот, что получил локтем в зубы, простонал и заворочался на мостовой. Напоминание о его судьбе, по-видимому, подстегнуло их решение.

— Ну хорошо, долбаный северный паскудник! Хорошо, мы возьмем их!

Логен ухмыльнулся. У него мелькнула мысль: может, бросить косоглазому монеты и ударить его ножом, пока он отвлечется на деньги? Именно так Логен и поступил бы в дни молодости, но не сейчас. Зачем

лишние проблемы? Логен раскрыл ладонь и швырнул деньги на дорогу позади себя, а сам двинулся к ближайшей стене. Он и двое воров осторожно обошли друг друга; с каждым шагом парни приближались к монетам, а он — к безопасности. Вскоре они поменялись местами, и Логен стал пятиться по улице, по-прежнему держа перед собой нож. Когда противники удалились друг от друга шагов на десять, парни присели на корточки и принялись подбирать рассыпанные монеты.

— Я еще жив, — прошептал себе Логен, ускоряя шаг.

Ему повезло, он знал это. Лишь глупец может считать, будто уличная драка слишком ничтожна, чтобы стать его смертью. Каким бы крутым он ни был. Сейчас Десятипалому повезло, потому что он удачно схватил того третьего. Повезло, потому что остальные двое двигались слишком медленно. Впрочем, ему всегда везло в драках — он выбирался из них живым. На то, чтобы вообще не ввязываться в них, его удачи не хватало. Однако он был доволен сегодняшним днем. Он радовался, что никого не убил.

Кто-то хлопнул его по спине, и Логен развернулся на месте с ножом наготове.

— Это всего лишь я! — Брат Длинноногий поднял вверх руки.

Логен почти забыл, что навигатор тоже здесь. Должно быть, он все время прятался позади и не издал ни единого звука.

— Отлично сработано, мастер Десятипалый, отлично сработано! Воистину так! Я вижу, ты тоже не лишен талантов! С нетерпением жду, когда мы отправимся путешествовать вместе. Причалы в той стороне! — вскричал он, уже устремившись вперед.

Логен в последний раз оглянулся: двое бандитов еще подбирали деньги, так что он бросил нож и поспешил вдогонку за Длинноногим.

— А вы, навигаторы, никогда не деретесь?

— Некоторые из нас дерутся, о да. И голыми руками, и оружием всех видов. Среди них есть смертельно опасные бойцы, но только не я. Нет. Это не мой путь.

— Никогда?

— Никогда. Мои умения лежат в других областях.

— Но мне кажется, путешествия должны приводить тебя ко многим опасностям?

— Это точно, — беззаботно отозвался Длинноногий, — так и есть. И вот тогда наиболее полезным оказывается мое выдающееся умение прятаться.

Такие не сдаются

Ночь. Холод. На вершине холма задувал свежий соленый ветер, а одежда Ферро была тонкой и изорванной. Она обхватила себя руками за плечи и хмуро глядела вниз, на море. Дагоска лежала в отдалении облаком булавочных огоньков, сбившихся в кучу на отвесной скале между огромной изгибающейся бухтой и поблескивающим океаном. Глаза Ферро едва различали очертания стен и башен, черные на фоне темного неба, и тонкий перешеек суши, соединявший город с материком. Почти остров. Между ними и Дагоской горели костры — вдоль дорог расположились военные лагеря. Много лагерей.

— Дагоска, — прошептал Юлвей, сидевший на валуне рядом с девушкой. — Маленький осколок Союза, вонзившийся в Гуркхул, словно шип. Шип, колющий гордыню императора.

— Ха! — хмыкнула Ферро и ссутулилась еще сильнее.

— За городом наблюдают. Солдат слишком много. Больше, чем когда-либо. Будет нелегко отвести глаза им всем сразу.

— Тогда, может, стоит повернуть назад? — буркнула Ферро с тайной надеждой.

Однако старик ей не ответил.

— Они тоже здесь, — сказал он. — Больше одного.

— Едоки?

— Мне надо подойти поближе. Разведать, как войти в город. Подожди меня здесь. — Он помедлил, чтобы услышать ее ответ. — Ты меня подождешь?

— Хорошо, — прошипела она, — хорошо, я подожду!

Юлвей соскользнул с камня и зашагал вниз, шлепая ногами по мягкой земле, почти невидимый в чернильной тьме. Когда звон его браслетов затих в ночи, Ферро повернулась спиной к городу, набрала полную грудь воздуха и помчалась вниз по склону на юг, обратно в Гуркхул.

Надо сказать, что Ферро умела бегать быстро как ветер, по многу часов подряд. Немалую часть жизни она провела на бегу. Едва достигнув подножия холма, она полетела стрелой. Ее пятки мелькали над землей, дыхание резко вырывалось из груди. Услышав перед собой шум воды, Ферро соскользнула с крутого берега на отмель медленно текущей реки и с плеском побрела вперед, по колено в холодной воде.

«Пусть старая сволочь попырует выследить меня теперь!» —

подумала она.

Потом она увязала свое оружие в узел и поплыла через реку, подняв свою ношу над головой и борясь с течением одной рукой. Она выбралась на другой берег и зашлепала мокрыми сандалиями вдоль реки, вытирая лицо.

Время шло медленно, на небо понемногу прокрадывался рассвет. Наступало утро. Рядом журчала река, сандалии Ферро выбивали быстрый четкий ритм по щетинистой траве. Она оставила реку позади и в редющей тьме — уже не черной, а серой — побежала через плоскую равнину. Впереди маячила рощица низкорослых деревьев.

Ферро проломилась сквозь стволы и скользнула в кустарник; она хрипло дышала и дрожала в сумеречном свете, а сердце ее оглушительно колотилось в грудной клетке. Под деревьями оказалось тихо. Отлично. Она сунула руку под одежду и достала немного хлеба и полоску вяленого мяса, немного разбухшие после купания, но вполне съедобные. Ферро улыбнулась: она припрятывала половину того, что давал ей Юлвей, на протяжении последних нескольких дней.

— Глупая старая сволочь, — усмехалась она, торопливо глотая и давась. — Думал, что может командовать Ферро Малджин.

Проклятье, ей ужасно хотелось пить! Однако сейчас это невозможно, воду она найдет позже. К тому же она устала, очень устала. Даже Ферро порой устает. Она отдохнет здесь немного, буквально несколько минут. Подождет, пока ноги снова станут сильными, и побежит дальше, дальше, в сторону... Она раздраженно поморщилась. Ладно — в какую сторону бежать, она подумает позже. В любую сторону, откуда можно мстить. Вот именно.

Ферро заползла поглубже в кусты, села и прислонилась спиной к стволу дерева. Ее глаза медленно, сами собой закрылись. Сейчас надо отдохнуть, всего лишь несколько минут. Мишение будет потом.

— Глупая старая сволочь, — пробормотала она.

Ее голова склонилась набок.

— Братец!

Ферро проснулась, дернулась и ударилась о дерево. Было светло — слишком светло. Еще один ослепительный жаркий день. Сколько же она проспала?

— Братец! — Голос женщины звучал где-то неподалеку. — Братец, где ты?

— Я здесь!

Ферро замерла и напряглась. Мужской голос, низкий и сильный. Очень

близко. Она услышала стук конских копыт: медленно движутся несколько лошадей, совсем рядом.

— Что ты там делаешь, братец?

— Она рядом! — снова крикнул мужчина. У Ферро перехватило горло. — Я чую ее!

Ферро зашарила по кустам в поисках оружия, заткнула меч и кинжал за пояс, сунула другой нож в свой единственный изодранный рукав.

— Я чувствую во рту ее вкус, сестрица! Она совсем рядом!

— Но где? — Голос женщины приблизился. — Как ты думаешь, она нас слышит?

— Может быть, и слышит! — засмеялся мужчина. — Эй, Малджин! Ты там?

Ферро закинула за плечо колчан и схватила свой лук.

— Мы ждем!.. — пел мужчина, подбираясь еще ближе; теперь он был совсем рядом с зарослями, где пряталась Ферро. — Выходи, Малджин, выходи и поздоровайся с нами!

Она рванулась прочь сквозь кусты, выскочила на открытое место и пустилась бежать с отчаянной скоростью.

— Вот она! — воскликнула женщина откуда-то сзади. — Смотри, она уходит!

— Ну так хватай ее! — крикнул мужчина.

Впереди расстился сплошной бесконечный ковер жесткой травы. Бежать было некуда. Ферро с рычанием развернулась, наложила стрелу на тетиву. К ней, пришпоривая лошадей, мчались четверо гуркских солдат; солнце сверкало на их высоких шлемах и зловеще поблескивало на наконечниках копий. Позади, немного поодаль, ехали еще два всадника: мужчина и женщина.

— Стой! Именем императора! — вскричал один из солдат.

— Срать я хотела на вашего императора!

Ее стрела вонзилась первому из солдат в шею. Он откинулся назад, свалился с седла, захрипел и выпустил из руки копье.

— Хороший выстрел! — воскликнула женщина.

Второму коннику Ферро попала в грудь. Латы несколько смягчили удар, но стрела вошла достаточно глубоко, чтобы убить его. Он вскрикнул, уронил меч в траву, схватился за древко и скатился с седла.

Третий не успел издать и звука — стрела попала ему прямо в рот с десяти шагов. Наконечник прошел череп насквозь и сорвал с солдата шлем; однако к этому мгновению четвертый уже оказался рядом с Ферро. Она отбросила лук и откатилась в сторону, уворачиваясь от удара копьем,

вытащила из-за пояса меч и сплюнула в траву.

— Брать живую! — крикнула женщина, лениво подталкивая свою лошадь вперед. — Она нужна нам живой!

Солдат развернул храпящего коня и начал осторожно подбираться к Ферро. Это был здоровенный верзила с густой черной щетиной.

— Надеюсь, ты примирилась с богом, девочка, — проговорил он.

— Срать я хотела на вашего бога!

Ферро нырнула в сторону от него, не переставая двигаться и держась поближе к земле. Солдат тыкал копьем, держа ее на расстоянии; копыта его коня рыли землю, взметая пыль в лицо Ферро.

— Давай, проткни ее! — услышала она голос женщины позади себя.

— Да-да, проткни, — вторил ее брат сквозь смех. — Только не слишком сильно! Она нужна нам живой!

Солдат зарычал и пришпорил коня, направляя его на Ферро. Она увернулась от бьющих в воздухе копыт. Острие копья оставило на ее руке глубокий порез. Ферро изо всех сил ударила мечом.

Изогнутый клинок отыскал щель между пластинами доспехов, отрубил солдату ногу под самым коленом и оставил огромную зияющую рану на боку лошади. Человек и животное одновременно закричали и вместе рухнули на землю. Темная пузырящаяся кровь хлынула на землю.

— Она справилась с ним! — Голос женщины звучал слегка разочарованно.

— Вставай, парень! — смеялся ее брат. — Вставай и сразись с ней! У тебя еще есть шанс!

Солдат метался по земле. Меч Ферро поразил его в голову, положив конец воплям. Поодаль второй всадник все еще сидел в седле с искаженным лицом и делал последние судорожные вдохи, схватившись рукой за залитое кровью древко стрелы. Его лошадь опустила голову и принялась щипать высохшую траву у себя под копытами.

— Людей больше нет, — сказала женщина.

— Знаю. — Ее брат глубоко вздохнул. — Неужели всегда все нужно делать самим?

Ферро подняла голову и поглядела на них, затапливая окровавленный меч за пояс. Они небрежно сидели на своих лошадях почти рядом с ней, яркое солнце светило им в спины, на жестоких красивых лицах сияли улыбки. Они были одеты как господа: шелк, хлопающий на легком ветерке, тяжелые украшения и драгоценные камни. Однако оружия при них не было. Ферро нащупала лук.

— Осторожно, братец, — проговорила женщина, рассматривая свои

ногти. — Она хорошо дерется.

— Как дьявол! Но мне она не ровня, сестрица, не беспокойся. — Он спрыгнул с седла на землю. — Ну что, Малджин, пожалуй...

Стрела попала ему в грудь и прошла насквозь с глухим тяжелым стуком.

— ...начнем?

Оперение стрелы дрожало, наконечник торчал у него из спины, сухой и сверкающий. Он зашагал к Ферро. Следующая стрела пронзила его плечо, но он лишь прибавил шаг, а потом пустился бегом. Она выронила лук и стала на шаривать рукоять меча. Слишком медленно! Его протянутая рука ударила девушку в грудь с устрашающей силой. Ферро упала на землю.

— О, превосходная работа, братец! — Женщина в восторге захлопала в ладоши. — Просто превосходная!

Ферро, кашляя, каталась в пыли. Пока она поднималась на ноги, крепко сжимая меч обеими руками, мужчина наблюдал за ней. Она описала мечом большую дугу над головой и нанесла удар — острие глубоко вонзилось в землю, а противник успел отпрыгнуть в сторону. Ферро получила удар ногой в живот. Она перегнулась пополам и мгновенно лишилась сил, весь воздух вышел из ее легких. Она дернула за рукоять меча, но клинок по-прежнему торчал в земле. У нее дрожали колени.

— А теперь... — Что-то с хрустом вломилось ей в переносицу.

Ноги подогнулись, и земля с силой ударила Ферро по спине. Она перекатилась и встала на колени, шатаясь как пьяная. Голова ее кружилась, лицо было залито кровью. Она моргнула и потрясла головой, чтобы прийти в себя. Мужчина двинулся к ней легко и быстро, его очертания расплывались. Он выдернул из своей груди ее стрелу и отшвырнул в сторону: крови не было, только немного пыли. Всего лишь пыль, струйкой поднявшаяся в воздух.

Едок. Кто же еще.

Ферро кое-как поднялась на ноги, вытаскивая из-за пояса кинжал. Она бросилась на него, промахнулась, бросилась еще раз, снова промахнулась. Перед глазами все плыло. Она завопила, изо всех сил рубя воздух кинжалом.

Он поймал рукой ее запястье. Их лица разделяло меньше фута. У него была превосходная кожа: гладкая, словно темное стекло. Он выглядел молодым, почти ребенком, но его глаза были старыми. Жесткие глаза. Он наблюдал за ней с любопытством, он забавлялся, словно мальчишка при виде необычного жука.

— А она не сдаётся, правда, сестрица?

— О да, она очень свирепая! Пророк будет от нее в восторге!

Мужчина понюхал Ферро и сморщил нос.

— Уф-ф! Надо сначала ее помыть.

Она ударила его головой в лицо. Его голова откинулась назад, но он лишь захихикал. Он схватил Ферро свободной рукой за горло и отодвинул от себя подальше. Она пыталась достать его лицо ногтями, но его рука была слишком длинной, не дотянуться. Он по одному отрывал ее пальцы от рукояти кинжала. Шею Ферро он держал железной хваткой, она не могла дышать. Она оскалилась, она боролась, рычала, металась из стороны в сторону. Все впустую.

— Бери ее живой, братец! Она нужна нам живой!

— Живой, — промурлыкал мужчина, — но не обязательно невредимой.

Женщина захихикала. Ноги Ферро оторвались от земли и забились в воздухе. Она почувствовала, как один из пальцев хрустнул, и кинжал упал на траву. Рука все крепче сжимала ее шею, и Ферро заскребла по ней сломанными ногтями. Все впустую. Яркий мир стал погружаться во тьму.

Ферро услышала, как женщина смеется — где-то далеко-далеко. Из темноты выплыло лицо, рука погладила Ферро по щеке. Мягкие, теплые, нежные пальцы.

— Успокойся, дитя, — прошептала женщина. Ее глаза были темными и глубокими. Ферро ощущала на своем лице горячее и ароматное дыхание. — Тебе больно, тебе надо отдохнуть. Ну же, успокойся... спи...

Ноги Ферро налились свинцовой тяжестью. Она в последний раз слабо дернулась, затем тело ее обмякло. Сердце билось все медленнее...

— А теперь отдыхай.

Веки Ферро закрывались, прекрасное лицо женщины расплывалось.

— Спи...

Ферро с силой прикусила язык, и у нее во рту стало солоно.

— Успокойся...

Ферро плюнула кровью женщине в лицо.

— А! — с отвращением воскликнула та, вытирая глаза. — Она не сдаётся!

— Такие не поддаются ничему, — услышала Ферро голос мужчины возле самого уха.

— Слушай меня, сучка! — прошипела женщина. Она схватила Ферро стальными пальцами за подбородок и повернула к себе. — Ты пойдешь с нами! С нами! Волей или неволей, но пойдешь! Ты слышишь меня?

— Она не пойдет никуда.

Это был другой голос, низкий и густой. Он показался знакомым. Ферро моргнула, слабо потрясла головой. Женщина обернулась и увидела старика, стоявшего неподалеку. Юлвей. Его браслеты позвякивали в такт мягким шагам босых ног по траве.

— Ты жива, Ферро?

Она что-то прохрипела в ответ.

Женщина насмешливо воззрилась на Юлвея.

— Кто ты, старая сволочь?

Юлвей вздохнул:

— Я старая сволочь.

— Убирайся прочь, пес! — крикнул мужчина. — Нас послал пророк! Сам Кхалюль!

— И она идет с нами! — добавила женщина.

Юлвей выглядел печальным.

— Я не смогу вас переубедить? — спросил он.

Те рассмеялись в один голос.

— Глупец! — воскликнул мужчина. — Нас никто не может переубедить!

Он отпустил одну из рук Ферро и сделал настороженный шаг вперед, таща ее за собой.

— Жаль, — произнес Юлвей, покачивая головой. — Я хотел попросить вас передать мое почтение Кхалюлю.

— Пророк не знает с такими, как ты, попрошайка!

— Я вас удивлю: мы хорошо знакомы с давних времен.

— Хорошо, я передам нашему господину твоё почтение, — усмехнулась женщина, — вместе с новостью о твоей смерти!

Ферро изогнула запястье и ощутила, как нож скользнул из рукава в её ладонь.

— О, Кхалюль бы порадовался такой новости, но пока он её не услышит. Вы двое проклинали сами себя. Вы нарушили второй закон. Вы поедали человеческую плоть, и вас ждёт расплата.

— Старый дурак! — фыркнула женщина. — Ваши законы нас не касаются!

Юлвей медленно покачал головой:

— Слово Эуса правит всем. Здесь нет исключений. Ни один из вас двоих не уйдёт отсюда живым.

Воздух вокруг старика замерцал, искажаясь и расплываясь. В горле у женщины забулькало, и она вдруг рухнула на землю. Это было не просто

падение — она таяла, оседала внутрь себя, темный шелк хлопал вокруг ее распадающегося тела.

— Сестра!

Мужчина отпустил Ферро и прыгнул на Юлвея, протягивая руки. Ему удалось сделать один шаг, потом он внезапно испустил пронзительный вопль и упал на колени, схватившись за голову. Ферро заставила свои подгибающиеся ноги шагнуть вперед, сгребла мужчину за волосы искалеченной рукой и вонзила нож ему в шею. Из раны хлынула пыль, тут же подхваченная ветром — целый фонтан пыли. Вокруг рта раненого заплясали языки пламени, губы почернели и обуглились, несколько обжигающих язычков лизнуло пальцы Ферро. Она упала на мужчину сверху и прижала его к земле, кашляя и фыркая. Лезвие ее ножа вспоролу ему живот, скребнуло по ребрам и обломилось в груди. Наружу выплеснулось пламя — пламя и пыль. Уже после того, как тело перестало шевелиться, Ферро еще долго бессмысленно кромсала его сломанным ножом.

На ее плечо легла ладонь.

— Он мертв, Ферро. Они оба мертвы.

Она увидела, что старик прав. Мужчина лежал на спине, уставившись в небо, его лицо вокруг носа и рта обуглилось, над зияющими ранами поднималась пыль.

— Я убила его. — Ее голос сипел и ломался в гортани.

— Нет, Ферро. Это сделал я. Это были молодые едоки, слабые и глупые. Однако тебе повезло, что они хотели всего лишь изловить тебя.

— Мне повезло, — пробормотала Ферро, роняя кровавую слюну на труп едока.

Она выронила сломанный нож и на четвереньках отползла в сторону. Тело женщины лежало поодаль — если его можно назвать телом: бесформенная оплывшая масса плоти. Ферро различила длинные волосы, один глаз и губы.

— Что ты с ними сделал? — прохрипела она, шевеля окровавленными губами.

— Я обратил ее кости в воду. А его сжег изнутри. Вода для одной, огонь для другого. Для них годится все.

Ферро упала в траву, перекатилась на спину, поглядела в ослепительное небо. Она поднесла руку к лицу и встряхнула кистью; один из пальцев болтался взад и вперед.

Над ней склонилось лицо Юлвея.

— Тебе больно? — спросил он.

— Нет, — прошептала она, роняя руку на землю. — Мне никогда не больно. — Она заморгала и посмотрела на Юлвея. — Почему мне никогда не больно?

Старик нахмурился.

— Они продолжают искать тебя, Ферро. Теперь ты видишь, почему надо идти со мной?

Она кивнула — это потребовало огромного усилия.

— Я вижу, — прошептала она. — Я вижу...

Мир вокруг снова потемнел.

Она меня... не любит

— А! — вскрикнул Джезаль, когда кончик шпаги Филио ткнул в его плечо.

Капитан попятился, морщась и чертыхаясь, а стириец улыбнулся ему и победоносно взмахнул в воздухе клинками.

— Касание произвел мастер Филио! — провозгласил арбитр. — Два к двум!

Раздались редкие хлопки, и Филио зашагал к загородке для участников, все с той же широкой дразнящей улыбкой.

— Скользкая гадина! — прошептал Джезаль себе под нос, идя следом. Он должен был предугадать удар. Он был невнимателен, и сам знал это.

— Два к двум? — зашипел Варуз, когда Джезаль, тяжело дыша, плюхнулся на свой стул. — Два касания от такого ничтожества? Он ведь даже не из Союза!

Джезаль понимал: не стоит указывать маршалу на то, что Вестпорт сейчас входит в Союз. Он знал, что имеет в виду Варуз, и это мнение разделяли все сидящие вокруг арены — в их глазах Филио был иностранцем.

Джезаль выхватил из рук Веста полотенце и вытер потное лицо. До пяти касаний — это долгий поединок, но Филио совершенно не выглядел обессиленным. Когда Джезаль взглянул на противника, тот приподнимался и опускался на носках, кивая в ответ на шумный поток советов постирийски, изливаемый на него наставником.

— Ты можешь побить его! — вполголоса говорил Вест, протягивая Джезалю бутылку с водой. — Ты можешь побить его, и тогда ты выйдешь в финал.

Финал — значит Горст. Джезаль сомневался, хочет ли он этого. Однако у Варуза сомнений не было.

— Давайте, сделайте его, черт возьми! — прошипел маршал. Джезаль отхлебнул из бутылки и прополоскал рот. — Сделайте его, и все тут!

Джезаль выплюнул половину воды в ведро и проглотил остальное. «Сделайте»... Легко сказать! Он хитрый подонок, этот стириец.

— Ты можешь! — повторил Вест, растирая ему плечи. — Ты уже очень далеко зашел!

— Уничтожьте его! Просто уничтожьте его! — Маршал Варуз пристально глянул Джезалю в глаза. — Кто вы, капитан Луфар? Никто? Я

зря тратил на вас время? Или вы кто-то? А? Пришла пора решить этот вопрос!

— Господа, прошу вас! — крикнул арбитр. — Решающая схватка!

Джезаль с силой выдохнул, взял у Веста клинки и поднялся на ноги. Он слышал, как наставник Филио провожает своего подопечного подбадривающими возгласами на фоне нарастающего гула толпы.

— Просто уничтожьте его! — в последний раз крикнул Варуз, и Джезаль двинулся к кругу.

Решающая схватка. Решающая — во всех смыслах! Попадет он в финал или нет. Вырвется вперед или останется никем. Однако он устал, очень устал. Он фехтовал уже полчаса, без передышки, на жаре, а это вымотает кого угодно. Джезаль ощущал, как пот крупными каплями стекает по его лицу.

Он подошел к своей отметке: меловая черта на клочке сухой травы. Филио уже ждал его, по-прежнему улыбаясь и предвкушая триумф. Маленький говнюк. Если Горст гоняет противников по всему кругу, то и Джезаль сумеет впечатать этого гада лицом в дерн. Он сжал рукоятки клинков и сосредоточился на мерзкой улыбке Филио. На мгновение Джезаль пожалел, что клинки затуплены — пока не подумал о том, что сам может получить удар.

— Начинайте!

Джезаль тасовал колоду, почти не глядя и не заботясь о том, видят ли его карты другие.

— Поднимаю на десять, — сказал Каспа и швырнул несколько монет через стол. Вид его говорил...

Впрочем, черт с ним, что бы он ни говорил, Джезалю наплевать. Он не особенно беспокоился об игре. Повисла долгая пауза.

— Твой черед, Джезаль, — проворчал Челенгорм.

— Правда? Ну... — Он скользнул взглядом по бессмысленным символам карт, не способный принимать игру всерьез. — Гм... я пас.

Джезаль бросил карты на стол. Он сегодня сильно проигрался — впервые за... Он не мог вспомнить, за какое время. Скорее всего, за всю жизнь. Его мысли слишком занимала Арди. Он пытался придумать, как затащить ее в постель без существенного вреда для кого-либо из них, и особенно так, чтобы его не убил за это Вест. К несчастью, ответ по-прежнему ускользал от него.

Каспа сгреб монеты, широко улыбаясь собственной невероятной удаче.

— Да, Джезаль, поединок сегодня был что надо! Едва-едва, но ты все же победил!

— Угу, — пробурчал Джезаль и взял со стола свою трубку.

— Клянусь, на какое-то мгновение я был уверен, что он тебя сделал, но тут... — Каспа щелкнул пальцами под носом у Бринта. — Оп-ля! Р-раз, и он на земле! Народу понравилось! Я так смеялся, что чуть штаны не намочил, ей-богу!

— Как ты думаешь, ты сможешь побить Горста? — спросил Челенгорм.

Джезаль пожал плечами. Он раскурил трубку, откинулся на спинку кресла и глядел вверх на серое небо, посасывая мундштук.

— Похоже, ты весьма спокойно к этому относишься, — заметил Бринт.

— Угу.

Трое офицеров переглянулись. Они были разочарованы тем, что он не подхватил их излюбленную тему. Каспа рискнул предложить другую:

— А как вам, ребята, принцесса Тереза?

Бринт с Челенгормом завздыхали и заахали, и все трое принялись возносить хвалы принцессе:

— Как она? И ты еще спрашиваешь!

— Не зря ее называют жемчужиной Талина!

— Да, слухи не лгут, когда речь идет о ней!

— Я слышал, что ее свадьба с принцем Ладислой — дело решенное.

— Вот счастливчик!

Джезаль по-прежнему сидел, откинувшись в кресле, и пускал в небо струйки дыма. Тереза ему не слишком понравилась, насколько он мог разглядеть. На расстоянии она бесспорно хороша, но ее лицо казалось Джезалю стеклянным: наверняка на ощупь оно холодное, твердое и ломкое. Совсем не то, что у Арди...

— И все же, — разливался соловьем Челенгорм, — я должен сказать, Каспа, что мое сердце по-прежнему принадлежит твоей кузине Арисс. Дайте мне девушку из Союза, и я думать не стану ни про одну из иностранок!

— Дайте мне ее деньги — ты это хотел сказать, — пробурчал Джезаль, не меняя положения.

— Да нет же! — с досадой воскликнул здоровяк. — Она совершенная леди! Нежная, скромная, хорошо воспитанная. Ах!

Джезаль улыбнулся про себя. Если Тереза казалась ему холодным стеклом, то Арисс походила на дохлую рыбу. Джезаль представил себе, каково с ней целоваться. Как со старой тряпичной куклой: вяло и скучно. Она никогда не сможет целоваться так, как Арди. Никто не сможет...

— Ну конечно, обе они красавицы, спору нет, — продолжал болтать

Бринт. — О таких женщинах хорошо помечтать, если тебе ничего не нужно, кроме этого...

Он придвинулся к приятелям, как заговорщик, и с хитрой улыбочкой огляделся по сторонам, словно собирался сообщить им по секрету что-то захватывающее. Двое товарищей тоже переставили стулья поближе, но Джезаль остался на месте. Его совершенно не интересовало, с какой очередной шлюхой переспал этот идиот.

— Вы видели сестру Веста? — понизив голос, сказал Бринт, и у Джезаль напряглись все мускулы. — Она, конечно, не сравнится ни с одной из тех двоих, но она тоже недурна... К тому же, я думаю, она совсем не прочь! — Бринт облизнул губы и подтолкнул Челенорма в бок. Здоровяк виновато ухмыльнулся, словно школьник, услышавший похабный анекдот. — О да! По ней же видно, что она не прочь!

Каспа хихикнул. Джезаль положил трубку на стол и мимоходом заметил, что его ладонь слегка дрожит. Вторая рука сжимала подлокотник кресла с такой силой, что побелели костяшки пальцев.

— Нет, ей-богу, — продолжал Бринт, — если бы я не боялся, что майор пронзит меня шпагой, я бы не устоял перед искушением пронзить его сестру своей. Хе-хе!

Челенгорм разразился хохотом. Джезаль почувствовал, как у него дергается веко. Бринт с ухмылкой обернулся к нему:

— А ты что скажешь, Джезаль? Ты с ней вроде бы встречался?

— Что я скажу? — Он глядел на их улыбающиеся лица и слышал собственный голос, доносящийся откуда-то из далекого далека. — Я скажу, что тебе стоило бы следить за словами, долбаный недоносок!

Джезаль уже встал на ноги, сжав зубы так, что они, казалось, готовы раскрошиться. Три улыбки погасли. Джезаль почувствовал руку Каспы на своем предплечье.

— Да ладно тебе, мы же просто...

Джезаль вырвал руку, ухватился за край стола и рванул его вверх. Деньги, карты, бутылки, бокалы — все взлетело в воздух и рассыпалось по траве. Другой рукой он уже нашарил шпагу, но, по счастью, не вытащил ее из ножен и наклонился к Бринту, брызжа слюной тому в лицо.

— А теперь, мать твою, послушай меня, паршивец! — рявкнул он. — Если я еще раз услышу что-нибудь подобное, тебе уже не придется бояться Веста! — Он ткнул эфесом шпаги в грудь Бринта. — Потому что я сам тебя изрублю, как долбаного цыпленка!

Трое приятелей ошеломленно уставились на него, разинув рты. Их изумление при виде столь неожиданной вспышки ярости могло сравниться

лишь с изумлением самого Джезаль.

— Но... — начал Челенгорм.

— Что? — завопил Джезаль, схватил здоровяка за отвороты куртки и наполовину вытащил из кресла. — Что ты сказал, мать твою?

— Н-ничего, — замотал головой Челенгорм, поднимая вверх руки. — Ничего!

Джезаль отпустил его, и Челенгорм рухнул на место. Гнев быстро угасал. Джезаль собирался извиниться, но взгляд его упал на пепельное лицо Бринта, и в голове опять зазвучали слова: «По ней видно, что она не прочь».

— Изрублю! Как... долбаного... цыпленка! — снова проревел он, повернулся на каблуках и пошел прочь.

Пройдя половину пути к выходу со двора, он понял, что забыл у стола свою куртку, но не стал возвращаться за ней. Джезаль сделал пару шагов внутри темного сводчатого туннеля и безвольно прислонился к стене, тяжело дыша и дрожа с головы до ног, словно пробежал десять миль. Теперь он понимал, что значит потерять самообладание. Раньше он и не знал, что оно у него есть, но теперь убедился.

— Какого черта все это значило? — тихим эхом пронесся по туннелю потрясенный голос Бринта.

Джезаль едва слышал его сквозь грохот собственного сердца. Пришлось задержать дыхание, чтобы разобрать слова.

— Будь я проклят, если что-нибудь понимаю! — ответил Челенгорм — судя по голосу, еще более удивленный. Раздался скрип воздвигаемого обратно стола. — Не подозревал, что он такой вспыльчивый.

— Ну наверное, у него сейчас слишком много забот, — неуверенно предположил Каспа. — Турнир и все такое...

— Это не оправдание! — отрезал Бринт.

— Ну они же очень близки, разве нет? Он и Вест. Они фехтуют вместе и еще много чего... может, он знает его сестру или что-то в этом роде, не знаю...

— А есть и другое объяснение, — услышал Джезаль возбужденный голос Бринта, словно тот намеревался выдать самую соль анекдота. — Может быть, он просто влюблен в нее!

Все трое разразились хохотом. Да, это хорошая шутка. Капитан Джезаль дан Луфар — влюблен! Да еще в девушку, чье положение настолько ниже его собственного! Что за нелепая идея! Что за абсурдное предположение! Обхохочешься!

— Дерьмо, — проговорил Джезаль и уронил голову в ладони.

Ему было не до смеха. Как, черт побери, ей удалось довести его до такого? Как? Что в ней особенного? Она, конечно, очень хорошенькая, и умная, и забавная, и все прочее, но это не объяснение!

— Я не должен с ней больше видаться, — прошептал он. — Я не хочу!

Он ударил кулаком по стене. Его решимость тверда, как железо. Она всегда была такова — пока под дверью не появлялась новая записка.

Он простонал и хлопнул себя по голове. Ну почему он это чувствует? Почему он... Джезаль не мог заставить себя даже мысленно произнести это слово. Почему Арди ему так нравится?

А потом он понял. Он знал почему.

Потому что он не нравился ей.

Эти дразнящие полуулыбки. Эти взгляды искоса, которые он ловил временами. Эти шутки, всегда язвившие слишком глубоко. Не говоря уж о случайных проявлениях откровенного презрения. Ей нравились его деньги — может быть. Ей нравилось его положение в обществе — разумеется. Ей нравилось, как он выглядит, — без сомнения. Но по сути, эта женщина презирала его.

И такое чувство было для него внове. Джезаль всегда принимал как само собой разумеющееся, что его все любят; он никогда не имел повода сомневаться в том, что он прекрасный человек и достоин величайшего уважения. Но Арди его не любила. Теперь он это видел, и это заставило его задуматься. Не считая челюсти (конечно же), денег и одежды — что в нем можно любить?

Она относилась к нему с презрением, и он такого отношения заслуживал — и это еще больше распаляло его.

— Очень странно, — уныло бормотал Джезаль, прислонившись к стене. — Очень странно...

Он очень хотел, чтобы Арди переменяла свое мнение.

Семя

— Как ты себя чувствуешь, Занд?

Полковник Глокта открыл глаза. В комнате было темно. Черт побери, он проспал!

— Черт побери! — заорал он, скинул одеяло и выпрыгнул из постели. — Я проспал!

Он схватил свои форменные брюки, натянул их и принялся непослушными руками застегивать ремень.

— Не беспокойся об этом, Занд! — Голос матери звучал мягко, но при этом нетерпеливо. — Где семя?

Глокта сдвинул брови, надевая рубашку.

— У меня нет времени для этой чепухи, мама! Почему ты всегда думаешь, будто знаешь, что для меня хорошо, а что плохо? — Он огляделся в поисках шпаги, но не увидел ее. — Идет война, ты же знаешь!

— Конечно, идет война.

Полковник с удивлением поднял голову. Это был голос архилектора Сульта.

— Даже две войны, — продолжал Султ. — Одна ведется огнем и мечом, другая же таится внизу. Древняя война, идущая уже долгие годы.

Глокта нахмурился. Как он умудрился принять старого пустозвона за собственную мать? И что архилектор делает в его комнате? Сидит в кресле у кровати и несет чушь о древних войнах!

— Какого черта вы забыли в моей комнате? — прорычал полковник Глокта. — И куда вы подевали мою шпагу?

— Где семя?

Теперь опять раздался голос женщины, но не матери. Другая женщина. Глокта не узнал ее. Он прищурился и вгляделся в темноту, пытаясь понять, кто сидит в кресле. Он различил туманные очертания, но в комнате было слишком темно, чтобы увидеть больше.

— Кто вы? — напряженно спросил Глокта.

— Кто я была? Или кто я есть сейчас? — Фигура в кресле пошевелилась, медленно и плавно поднялась со своего места. — Я была терпеливой женщиной, но я больше не женщина, и мое терпение источилось об острые углы прошедших лет.

— Чего вы хотите?

Голос Глокты дрогнул, прозвучал слабо и неуверенно. Он сделал шаг

назад.

Женщина придвинулась ближе и ступила в столб лунного света, падавшего из окна. Она оказалась стройной и изящной, но ее лицо окутывала тень. Внезапный страх сжал сердце Глокты. Спотыкаясь, инквизитор попятился к стене и поднял руку защитным жестом.

— Я хочу семя, — произнесла женщина.

Бледная рука скользнула вперед, как змея, пальцы сомкнулись на его выставленном вперед предплечье. Прикосновение было мягким, но холодным. Холодным как камень. Глокта задрожал, глотнул воздуха и закрыл глаза.

— Оно необходимо мне. Ты даже представить себе не можешь, как я в нем нуждаюсь. Где оно?

Пальцы принялись шарить по его одежде, быстрые и уверенные, — обыскивали, прощупывали, забирались в карманы, за рубашку, дотрагивались до кожи. Холодные. Холодные, как стекло.

— Семя? — слабо пискнул Глокта, наполовину парализованный ужасом.

— Ты знаешь, о чем я говорю, калека. Где оно?

— Делатель упал... — прошептал Глокта. Слова сами поднимались изнутри — он не знал откуда.

— Я знаю это.

— Пылая огнем...

— Я видела это.

Лицо женщины было уже так близко, что он чувствовал ее дыхание на своей коже. Холодное. Холодное, как иней.

— Он разбился о мост, что был внизу...

— Я помню это.

— Они искали семя...

— Да, — прошептал ему в ухо настойчивый голос. — Где оно?

Что-то коснулось лица Глокты, его щеки, его века: что-то мягкое и скользкое. Язык. Холодный. Холодный, как лед. Его тело съежилось.

— Я не знаю! Они не нашли его!

— Не нашли? — Пальцы сомкнулись на его горле, сжимали, сминали, лишали дыхания. Холодные. Холодные, как сталь, и такие же твердые. — Ты думаешь, будто знаешь, что такое боль, калека? Ты не знаешь ничего!

Леденящее дыхание коснулось его уха, холодные пальцы сжимались все крепче.

— Но я могу показать тебе! Я могу показать тебе!

Глокта закричал и заметался, сопротивляясь изо всех сил. Кое-как ему удалось подняться; на протяжении одного головокружительного мгновения он стоял, потом нога подвернулась, и он полетел куда-то в пространство. Темная комната закувыркалась вокруг, и Глокта с отвратительным треском впечатался в пол, придавив своим телом подогнувшиеся руки и ударившись лбом.

Он с трудом поднимался на ноги, при этом держался за ножку кровати, отталкивался от стены и хватал ртом воздух. Диким взглядом Глокта вглядывался в кресло, хотя в глазах его потемнело от страха. Столб лунного света падал из окна, высвечивал смятое одеяло и полированное дерево кресла.

«Пусто».

Глокта окинул взглядом комнату. Глаза его уже привыкли к темноте, и он изучил все углы.

«Никого. Пусто. Сон».

И лишь теперь, когда бешеный стук сердца утих, а хриплое дыхание успокоилось, навалилась боль. В висках стучало, нога ныла от боли, рука пульсировала. Он ощущал привкус крови во рту, глаза болели и слезились, в желудке вздымалась тошнота. Он всхлипнул, отчаянно рванул к постели и повалился на залитый луной матрас — без сил, мокрый от холодного пота.

Послышался настойчивый стук в дверь.

— Господин? С вами все в порядке?

Голос Барнама. Стук повторился.

«Бесполезно. Она заперта. Заперта, как всегда, но я не думаю, что смогу двинуться с места. Инею придется выбить ее».

Однако дверь распахнулась, и Глокта прикрыл глаза ладонью, защищаясь от неожиданно яркого света лампы в руках старого слуги.

— С вами все в порядке?

— Я упал, — промычал Глокта. — Моя рука...

Старый слуга присел на постель, мягко взял руку Глокты и поднял рукав его ночной рубашки. Глокта сморщился, Барнам щелкнул языком: на предплечье красовалось большое розовое пятно, уже начинавшее распухать и краснеть.

— Я не думаю, что она сломана, — сказал слуга, — но на всякий случай можно позвать врача.

— Да-да. — Глокта замахал на Барнама здоровой рукой. — Позови его.

Он смотрел, как старик, сутулясь, спешит к двери, слышал скрип его шагов по узкому коридору за стенкой. Вот шаги проскрипели по лестнице,

потом хлопнула входная дверь. Воцарилась тишина.

Глокта взглянул на свиток, взятый у адепта-историка: туго свернутая рукопись по-прежнему лежала на комоде в ожидании того, чтобы ее вручили архитектору Сульту.

«Делатель упал, пылая огнем. Он разбился о мост, что был внизу. Странно, как частички яви проникают в наши сны. Чертов северянин со своей ночной посетительницей. Женщина и холод. Должно быть, это меня и возбудило».

Глокта осторожно потер свою руку, прощупал ушибленное место кончиками пальцев.

«Ничего. Просто сон».

Но что-то не давало ему покоя. Он снова посмотрел на дверь: ключ торчал в замке и отблескивал золотом в свете лампы.

«Не заперто — а ведь я запираю ее! Не мог не запереть. Я всегда это делаю. — Глокта перевел взгляд на пустое кресло. — Как там болтал этот идиот-ученик? Магия исходит с другой стороны. Нижний мир. Ад».

Теперь, после такого сна, в это нетрудно поверить. Страх снова заворочался в душе Глокты, как только он остался один. Он протянул здоровую руку к креслу, и на это ушла целая вечность. Его трясущиеся пальцы коснулись дерева.

«Прохладное, но не холодное. Не холодное. Здесь ничего нет».

Он медленно убрал руку от кресла и сжал свое ноющее предплечье.

«Ничего нет. Пусто. Всего лишь сон».

— Что с вами случилось, черт возьми?

Глокта мрачно пососал беззубые десны и ответил:

— Упал с кровати.

Он рассеянно потер запястье. Еще несколько мгновений назад оно чертовски болело, но то, что он видел перед собой, вытеснило боль в дальние закоулки мозга.

«Я мог бы кончить еще хуже. Гораздо хуже».

— Не самая приятная картина. Совсем неприятная, — произнес он.

— Вы чертовски правы! — Лицо Секутора исказилось от отвращения, насколько можно было разглядеть под маской. — Меня чуть не стошнило, когда я в первый раз это увидел. Это меня-то!

Глокта взглянул в кровавое месиво у себя под ногами. Он ухватился одной рукой за ствол дерева и раздвинул папоротники концом трости, чтобы лучше видеть.

— Мы можем быть уверены, что это мужчина?

— Возможно, и женщина. Во всяком случае, это человек — вот ступня.

— Да, действительно. Как обнаружили тело?

— Его нашел он. — Секутор кивнул в сторону садовника: тот сидел на земле с бледным лицом и неподвижным взглядом, рядом на траве высыхала лужица блевотины. — Здесь, среди деревьев, в кустах. Похоже, убийца попытался его спрятать, но не очень давно. Труп свежий.

«Он прав. Запаха еще нет, и мухи не успели слететься. Очень свежий труп. Может быть, убийство произошло нынче ночью».

— Он мог бы пролежать тут долго, — продолжал Секутор, — если бы кто-то не попросил подрезать ветки. Вроде бы они заслоняли свет. Вы когда-нибудь видели такое?

Глокта пожал плечами:

— Видел как-то раз в Инглии. Еще до того, как ты там появился. Один из заключенных пытался бежать. Он прошел несколько миль, потом погиб от холода, и с его трупом позабавился медведь. Тело было изуродовано до неузнаваемости, хотя и не до такой степени, как это.

— Вряд ли прошлой ночью кто-то мог замерзнуть до смерти. Было жарко, как в аду.

— Хм-м, — отозвался Глокта и подумал: «Если в аду жарко. Мне всегда казалось, что он может оказаться холодным. Холодным, как лед». — К тому же в Агрионте не так уж много медведей. Есть ли идеи относительно того, кем могла быть эта... — он махнул тростью в сторону трупа, — личность?

— Никаких.

— Может быть, кто-то пропал? Не было заявлений о поиске?

— Я ничего не слышал.

— Значит, нет ни малейшего представления о том, кто жертва? Тогда за каким чертом нас это вообще интересует? Разве у нас нет фальшивого мага, за которым нужно присматривать?

— В том-то и дело. Их новые покои расположены вон там. — Секутор пальцем в перчатке указал на здание в двадцати шагах от того места, где они сейчас стояли. — Я как раз наблюдал за ними, когда всплыло это дело.

Глокта поднял бровь:

— Понимаю. И ты подозреваешь, что здесь есть какая-то связь, не так ли?

Практик пожал плечами.

— Таинственные взломщики являются к ним среди ночи, ужасные убийства происходят прямо на пороге. Неприятности, похоже, слетаются на наших гостей, как мухи на дермо!

— Ха! — Секутор отогнал от себя муху. — Я проверил это второе дело. Ваших банкиров, Валинта и Балка.

— Правда? — Глокта поднял голову. — И что?

— Ничего особенного. Банк старый. Очень старый и весьма уважаемый. Купцы считают их векселя столь же надежными, как живые деньги. Имеются отделения по всем Срединным землям, а также в Инглии, Старикланде, Вестпорте, Дагоске и даже за пределами Союза. Это люди могущественные, по всем статьям. Я думаю, у них берет займы куча народу. Одно странно: похоже, никто никогда не встречал ни Валинта, ни Балка. Впрочем, с банками вечно так, да? Они любят секреты. Хотите, чтобы я копал дальше?

«Это опасно. Очень опасно. Копнешь слишком глубоко — и выкопаешь себе могилу».

— Нет. Лучше оставить их — пока. Но на всякий случай держи ухо востро.

— Оно у меня всегда востро, хозяин. А как вы думаете, кто выиграет турнир?

Глокта глянул на практика:

— Как ты можешь думать о турнире, когда перед тобой такое?

— Ну это ведь никому не повредит, правда? — пожал плечами Секутор.

Глокта снова посмотрел на растерзанное тело.

«Да, пожалуй, уже не повредит».

— Ну скажите же мне, вы ведь должны знать, — настаивал практик. — Кто — Луфар или Горст?

— Горст.

«Надеюсь, он изрубит эту мелкую гадину на кусочки».

— Правда? Говорят, он неуклюжий увалень. Просто ему везет.

— Ну а я говорю, что он гений, — отозвался Глокта. — Через пару лет все будут фехтовать как он, если это можно назвать фехтованием. Попомни мои слова.

— Горст, вот как? Ладно. Тогда я, может быть, поставлю и на него.

— Поставь, поставь. А пока приberi все это и отправь в Университет. Позови Инея, он тебе поможет, у него крепкий желудок.

— В Университет?

— Мы же не можем оставить тело здесь. Если какой-нибудь светской даме случайно вздумается заглянуть в парк, с ней случится припадок.

Секутор хихикнул.

— Подозреваю, — добавил Глокта, — что я знаю, кто мог бы пролить

свет на эту маленькую тайну.

— Вы сделали чрезвычайно интересную находку, инквизитор, — проговорил адепт-медик. Он прервал работу, чтобы посмотреть на Глокту. Один глаз ученого казался гигантским под сверкающей линзой. — Просто прелестную находку, — пробурчал он и вновь склонился к труп со своими инструментами, чтобы приподнимать, резать, отделять и изучать разлагающуюся плоть.

Глокта осматривал лабораторию, кривя губы от отвращения. Вдоль двух из четырех стен рядами стояли разнообразные банки, в которых плавали заспиртованные куски мяса. В некоторых Глокта распознал части человеческих тел, другие не узнал вовсе. Даже ему было несколько не по себе посреди столь мрачной выставки.

«Интересно, как Канделау удалось раздобыть все это? Возможно, его посетители в итоге оказываются расчлененными и плавают в дюжине различных банок? Тогда из меня выйдет интересный экземпляр».

— Очаровательно. — Адепт ослабил и сдвинул на макушку ремень своей линзы, потирая красный след, оставленный ею вокруг глаза. — Что вы можете мне рассказать об этом?

Глокта нахмурился.

— Я пришел сюда, чтобы вы рассказали мне об этом, — отозвался он.

— О, разумеется, разумеется! — Канделау выпятил губы. — Что ж, э-э... Что касается пола нашего незадачливого друга, то... э-э...

— Да?

— Ну... Хе-хе, органы, позволившие бы нам легко ответить на этот вопрос... — Он показал рукой на разложенную на столе плоть, освещенную резким светом пылающих светильников. — Отсутствуют.

— И таков конечный итог ваших исследований?

— Ну, есть еще и другие способы: у мужчин указательный палец, как правило, длиннее безымянного, что не является обязательным для женщин. Но, хе-хе, наши останки не обладают всеми необходимыми пальцами, чтобы вынести подобное определение. Так что в отношении пола, можно сказать, без пальцев мы как без рук! — Он нервно хихикнул над собственной шуткой, но Глокта даже не улыбнулся.

— Что насчет возраста?

— И опять, э-э, боюсь, довольно трудно сказать что-либо определенное. Зубы... — Адепт постучал по телу пинцетом. — Зубы в довольно неплохом состоянии, и кожа — сколько ее осталось, хе-хе, — может указывать на более или менее молодой возраст. Однако это,

пожалуй, и все, хе-хе...

— Итак, что же вы скажете мне о жертве?

— Э-э, пожалуй... ничего. — Адепт сконфуженно улыбнулся. — Но я сделал несколько интересных открытий относительно причины смерти.

— Вот как?

— О да. Посмотрите сюда!

«Я бы предпочел воздержаться».

Глокта с опаской подковылял к столу, вглядываясь в то место, на которое указывал старик.

— Вот здесь, видите? Видите, какая форма у этой раны? — Адепт ткнул пинцетом в кусок хряща.

— Нет, не вижу, — ответил Глокта.

«По мне, так здесь одна сплошная рана».

Старик наклонился к нему, широко раскрыв глаза.

— Человек, — прошептал он.

— Мы и так знаем, что это человек! Вот же ступня!

— Нет-нет! Эти следы зубов, вот здесь, — человеческие укусы!

Глокта нахмурился.

— Человеческие... укусы?

— Безусловно!

Сияющая улыбка Канделау не совсем подходила к окружающей обстановке.

«Да и к предмету обсуждения, я бы сказал».

— Этого человека загрыз до смерти другой человек. И, по всей видимости, хе-хе, — медик торжествующе указал на грудку плоти на своем столе, — поскольку часть останков отсутствует... жертва частично съедена!

Глокта в молчании воззрился на старика.

«Съедена? Съедена? Ну почему с каждым ответом возникают десять новых вопросов?»

— Именно это я и должен передать архилектору?

Адепт нервно рассмеялся:

— Ну, хе-хе, таковы факты, как я их вижу...

— Значит, некая неопознанная личность — то ли мужского пола, то ли женского, то ли молодая, то ли старая — подверглась в парке нападению со стороны неизвестного противника, была загрызена до смерти в двухстах шагах от королевского дворца, после чего... частично съедена?

— Э-э...

Канделау бросил обеспокоенный взгляд в сторону двери. Глокта повернулся, чтобы посмотреть туда, и нахмурился: к ним присоединился

еще один человек, чьих шагов он не слышал. Женщина. Она стояла в тени возле самого края яркого круга света, сложив руки на груди. Высокая женщина с короткими рыжими волосами, торчащими в стороны, и черной маской на лице. Прищурившись, она пристально разглядывала Глокту и адепта. Практик.

«Я ее не знаю. А ведь женщины — большая редкость в инквизиции. Я мог бы подумать...»

— Добрый вечер, добрый вечер!

В дверь бодро вошел еще один человек: костлявый, лысый, в длинном черном пальто, с натянутой улыбкой на губах. Неприятно знакомый человек.

«Гойл, черт бы его драл. Наш новый наставник Адуи наконец-то прибыл. Радостное известие».

— Инквизитор Глокта, — промурлыкал вновь прибывший, — какое огромное удовольствие видеть вас снова!

— Взаимно, наставник Гойл, — проговорил Глокта и мысленно прибавил: «Скотина ты этакая».

За спиной улыбающегося наставника возникли две фигуры, и в ярко освещенной маленькой комнате стало тесно. Один — темнокожий коренастый кантиец с большим золотым кольцом в ухе, другой — чудовищных размеров северянин с лицом, подобным каменной глыбе; ему пришлось немного наклониться, чтобы втиснуться в дверной проем. Оба в масках и с головы до ног одеты в черные одежды.

— Это практик Витари, — хохотнул Гойл, указывая на рыжеволосую женщину.

Та уже скользнула к банкам и заглядывала в них по очереди, постукивая пальцем по стеклу и заставляя образцы покачиваться в жидкости.

— А это практик Халим, — продолжал Гойл, и южанин бочком обошел его, стреляя беспокойными глазами направо и налево, — и практик Байр. — Громадный северянин уставился на Глокту из-под потолка. — На родине Байра называют Камнедробителем, представляете? Но я не думаю, чтобы здесь такое имя было уместно, не правда ли, Глокта? Представьте себе, практик Камнедробитель! — И Гойл тихо рассмеялся, покачивая головой.

«И это инквизиция? Я и не знал, что в город приехал цирк. Интересно, умеют ли они стоять друг у друга на плечах? Или прыгать через горящие обручи?»

— Весьма разнообразная компания, — сказал Глокта.

— О да! — рассмеялся Гойл. — Я набирал их повсюду, куда заносили меня путешествия. Не так ли, друзья?

Женщина пожала плечами, поглощенная изучением банок. Темнокожий практик наклонил голову. Башнеподобный северянин просто стоял столбом.

— Повсюду, куда заносили меня путешествия! — повторил Гойл. Он смеялся так, словно и остальные разделяли его веселье. — Между прочим, у меня есть и еще! Ох, что это было за время, вы не поверите!

Он вытер набежавшую от смеха слезу, направляясь к столу в центре комнаты. Казалось, все вокруг было для него источником веселья. Даже то, что лежало на столе.

— Но что здесь такое? Это ведь труп, если я не ошибаюсь! — Гойл взглянул на него искрящимися глазами. — Это труп? И смерть произошла в границах города? Поскольку я являюсь наставником Адуи, дело, разумеется, находится в моем ведении?

— Разумеется, — поклонился Глокта. — Меня не известили о том, что вы уже прибыли, наставник Гойл. Кроме того, я чувствовал, что необычные обстоятельства...

— Необычные? Не вижу ничего необычного.

Глокта замер.

«Что за игру ведет этот хихикающий болван?»

— Но вы, очевидно, согласитесь, что примененное к телу насилие несколько... чрезмерно?

Гойл небрежно пожал плечами и произнес:

— Собаки.

— Собаки? — переспросил Глокта, не сдержавшись. — А как вы думаете, это сделали домашние животные, охваченные внезапным безумием, или дикие, которым удалось перелезть через стены?

Наставник лишь улыбнулся:

— Как вам больше нравится, инквизитор. Как вам больше нравится.

— Боюсь, это вряд ли могут быть собаки, — с важностью начал объяснять адепт-медик. — Я как раз сейчас показывал инквизитору Глокте... Отметины на коже вот здесь и еще здесь, видите? Это человеческие укусы, нет никаких...

Женщина оставила банки и направилась к Канделау. Она придвигалась все ближе и ближе, а потом наклонилась к нему, и ее маска замерла в нескольких дюймах от его орлиного носа.

— Собаки, — прошептала она и внезапно гавкнула прямо в лицо медику.

Тот отпрыгнул.

— Э-э, что ж, полагаю, я мог ошибиться... разумеется... — забормотал он.

Адепт попятился и врезался в грудь огромного северянина, с неожиданной быстротой передвинувшегося так, чтобы встать прямо за его спиной. Канделау медленно повернулся, глядя вверх расширенными глазами.

— Собаки, — монотонно прогудел гигант.

— Собаки, собаки, — промурлыкал южанин с сильным акцентом.

— Несомненно, — пискнул Канделау, — собаки! Конечно, собаки. Какого дурака я сваял!

— Собаки! — восторженно воскликнул Гойл, воздевая руки к потолку. — Загадка разрешена!

К немалому изумлению Глокты, двое из трех практиков вежливо захлопали в ладоши. Женщина стояла спокойно.

«Никогда бы не поверил, что мне будет не хватать наставника Калина. Но вот теперь меня обуревают ностальгия».

Гойл медленно повернулся к Глокте и склонился в низком поклоне.

— Это мой первый день здесь, а я уже приступил к работе! Тело можно похоронить, — добавил он, указывая на труп и широко улыбаясь съезжившемуся адепту. — Ему место в земле, не так ли? — Он взглянул на северянина. — Вернуть его в грязь, как говорят в вашей стране!

Огромный практик не выказал ни малейших признаков того, что услышал адресованные ему слова. Кантиец стоял рядом, снова и снова поворачивая кольцо в ухе. Женщина рассматривала лежащие на столе останки и нюхала их через маску. Адепт-медик пятился и уже добрался до своих банок, обливаясь потом.

«Хватит этого цирка. У меня есть чем заняться».

— Что ж, — натянуто проговорил Глокта и заковылял к двери, — загадка разрешена. Наверное, я вам больше не нужен.

Наставник обернулся, и все его добродушие внезапно исчезло.

— О да! — прошипел Гойл. Взбешенные маленькие глазки едва не лезли на лоб. — Вы нам... больше... не нужны!

Никогда не ставь против мага

Логен сидел на своей скамье под жарким солнцем, сгорбившись и отчаянно потея. Дурацкая одежда нисколько не спасала от жары; впрочем, она была бесполезна во всех отношениях. Туника явно не предназначалась для того, чтобы в ней сидеть, и каждый раз, когда он пытался двинуться, жесткая кожа больно впивалась ему в яйца.

— Чертова штуковина! — прорычал он, в двадцатый раз пытаясь ее одернуть.

Магическое одеяние Ки, судя по всему, было столь же неудобным. От сияния золотых и серебряных символов лицо ученика казалось еще более болезненным и бледным, а выпуклые глаза горели еще более лихорадочно. Малахус едва ли произнес хоть одно слово за утро. Из них троих лишь Байяз выглядел довольным: он одарял улыбкой взволнованную толпу зрителей, и солнечный свет блистал на его загорелой макушке.

Они выделялись среди моря публики, как гнилой фрукт в корзине, и так же не пользовались популярностью. Скамьи были сплошь забиты, люди сидели тесно плечом к плечу, однако вокруг мага и его спутников оставалось небольшое свободное пространство, куда никто не отваживался зайти.

Шум еще более подавлял, чем жара и толпа. В ушах у Логена звенело от этого гвалта, и он с трудом сдерживался, чтобы не зажать их ладонями и не спрятаться под скамью. Байяз наклонился к нему и спросил:

— Это похоже на твои былые поединки?

Ему приходилось кричать, хотя его рот находился в шести дюймах от Логенова уха.

Логен задумался. Когда он дрался с Руддой Тридуба, войско Бетода собралось посмотреть и, выстроившись большим полукругом, кричало, вопило и колотило оружием по щитам, а стены Уфриса над ними заполнили зрители — но даже тогда публика была вдвое меньше по количеству и вдвое тише. Не более тридцати человек наблюдали, как он убил Шаму Бессердечного — убил, а затем разделал, как мясник свиную тушу. Логен вздрогнул, сморщился и еще сильнее вжал голову в плечи при этом воспоминании. Он рубил и рубил, слизывая кровь с пальцев, а Ищейка в ужасе глядел на него, Бетод же смеялся и одобрительно кричал. Логен и сейчас ощущал вкус той крови. Он содрогнулся и вытер губы.

На его поединки, конечно, смотрело гораздо меньше людей, однако

ставки были более высоки. На кону стояли жизни бойцов, а также право владения землей, деревнями, городами и будущее целых кланов. Когда он бился с Тул Дуру, не более сотни человек видели поединок, но судьба всего Севера изменилась за те кровавые полчаса. Если бы он тогда проиграл, если бы Грозовая Туча убил его — разве было бы все так, как сейчас? Если бы Черный Доу, или Хардинг Молчун, или любой из других воинов вернул его в грязь — разве носил бы сейчас Бетод золотую цепь, называл бы себя королем? Воевал бы сейчас Союз с Севером? От этой мысли у Логена заболела голова. Даже больше, чем прежде.

— Ты в порядке? — поинтересовался Байяз.

— Угу, — буркнул Логен, но на самом деле его колотил озноб, несмотря на жару.

Зачем собрались здесь эти люди? Только для того, чтобы развлечься. Поединки Логена мало кто считал бы увлекательными — кроме Бетода. Только он.

— Нет, это не похоже на мои поединки, — пробормотал он про себя.

— Что такое? — спросил Байяз.

— Ничего.

— Хм. — Старик, лучась улыбкой, оглядел толпу и почесал свою короткую седую бородку. — Как ты думаешь, кто победит?

Сказать по правде, Логена это мало заботило, но он решил, что надо любым способом отвлечься от воспоминаний. Он внимательно посмотрел на двоих бойцов, что готовились к поединку недалеко от того места, где он сидел. Одним из них оказался молодой надменный красавчик, которого Логен встретил возле ворот. Другой был тяжеловес мощного сложения, с толстой шеей и почти скупающим взглядом. Логен пожал плечами:

— Я ничего не понимаю в таких делах.

— Что? Ты, Девять Смертей? Боец, сражавшийся и победивший в десяти поединках? Тот, кого на Севере боятся больше всех? У него нет никакого мнения? Но ведь все поединки в мире одинаковы!

Логен вздрогнул и облизнул губы. Девять Смертей. Это осталось далеко в прошлом, но все же недостаточно далеко, по его мнению. Во рту по-прежнему стоял вкус металла, вкус соли и крови. Прикоснуться к человеку мечом или вспороть ему живот — вещи едва ли одинаковые. Тем не менее он снова оглядел противников. Надменный юноша закатал рукава, дотянулся пальцами до носков, поворачивал торсом вправо и влево, покрутил предплечья быстрыми мельницами. За ним наблюдал суровый старый солдат в безупречном красном мундире. Высокий человек с озабоченным лицом вручил бойцу два тонких меча, один длинный, другой короткий, и

юноша с впечатляющей скоростью завертел ими в воздухе перед собой, сверкая лезвиями.

Его противник просто стоял, опершись на деревянную стенку загороди. Он вытягивал бычью шею из стороны в сторону без особой спешки и поглядывал вокруг сонными глазами.

— Кто они? — спросил Логен.

— Напыщенный осел, которого мы встретили у ворот, — Луфар. А тот, что почти засыпает, — Горст.

Было нетрудно понять, кого из них предпочитала толпа. Имя Луфара слышалось даже сквозь общий гам, гиканье и хлопки сопровождали каждое движение его тонких мечей. Он казался быстрым, ловким и искусным. С другой стороны, в ленивой выжидающей повадке здоровяка Горста таилось что-то смертельно опасное, а его глаза, прикрытые тяжелыми веками, были мрачны. Логен предпочел бы сражаться с Луфаром, несмотря на стремительность юноши.

— Я думаю, Горст, — выбрал он.

— Горст? Вот как? — Глаза Байяза заискрились. — Как насчет небольшого пари?

Логен услышал шипение: это Ки резко втянул воздух сквозь зубы.

— Никогда не ставь против мага, — прошептал ученик.

Логен, однако, особой разницы не видел.

— А что я могу поставить, черт побери?

Байяз пожал плечами.

— Ну, скажем, можно держать пари просто ради чести.

— Как скажешь.

Этого добра у Логена никогда не имелось в избытке, а то небольшое, что было, он вполне мог позволить себе потерять.

— Бремер дан Горст!

Жидкие хлопки заглушила лавина неодобрительных возгласов и шиканья. Огромный, как бык, Горст неторопливо прошаркал к своей отметке, опустив полуприкрытые глаза в землю. В здоровенных тяжелых ручищах он сжимал здоровенные тяжелые шпаги. Между его коротко стриженными волосами и воротником рубашки — там, где должна быть шея, — не было ничего, кроме толстой складки мускулов.

— Гадская сволочь, — пробормотал Джезаль, наблюдая за ним. — Чертова гадская дебильная сволочь!

Однако ругательствам не хватало убежденности даже для его собственного уха. Он видел, как Горст бился в трех схватках и разгромил

троих сильных противников — одному из них еще неделю придется валяться в постели. Последние несколько дней Джезаль специально тренировался, чтобы противостоять молотящему стилю Горста: Варуз и Вест нападали на него с большими палками от метел, а он уворачивался. Не раз и не два они попадали в цель, и тело Джезала до сих пор болело от ушибов.

— Горст? — умоляюще спросил арбитр, делая последнюю попытку выманить у публики хоть немного аплодисментов.

Но зрители не откликнулись. Свистки и шиканье стали лишь громче, а когда Горст встал на свою отметку, добавились и насмешливые выкрики:

— Бык неуклюжий!

— Возвращайся на ферму и впрягайся в плуг!

— Бремер дан Скот!

Людское море простиралось все дальше и дальше, оно терялось где-то вдали. Явились все. Казалось, здесь сошелся целый мир. Все простолюдины столпились у дальних краев. Все господа — ремесленники и купцы — теснились на скамьях посередине. Все благородные дворяне и дамы Агрионта сидели спереди, от пятых сыновей высокородных ничтожеств до вельмож из открытого и закрытого советов. Королевская ложа была полна: королева, оба принца, лорд Хофф, принцесса Тереза. Даже сам король в кои-то веки не спал — великая честь! Он в изумлении таращил выпученные глазки. Где-то там были и отец Джезала, и его братья, и его друзья, и товарищи по службе — все, кого он знал. И Арди, как он надеялся, тоже...

Одним словом, огромная аудитория.

— Джезаль дан Луфар! — проревел арбитр.

Бессмысленное бормотание толпы переросло в бурю оваций, громовую волну приветственных восклицаний. Крики и вопли звенели и металась по арене, болезненно пульсируя в голове Джезала:

— Давай, Луфар!

— Луфар!

— Прикончи эту сволочь!

— Вперед, Джезаль, — шепнул маршал Варуз ему на ухо, хлопнул по спине и мягко выпихнул наружу, в направлении круга. — Удачи тебе!

Джезаль вышел в знойное марево арены. Гул толпы так грохотал в ушах, что казалось, будто голова вот-вот расколется. Перед его внутренним взором мелькали тренировки последних месяцев: бег, плавание, работа с тяжелым брусом. Поединки с Вестом, упражнения на бревне. Наказание, обучение, пот и боль. Только для того, чтобы сейчас он вышел сюда. Семь

касаний. Или четыре подряд. Все сводилось к этому.

Он встал на отметку напротив Горста и посмотрел в его глаза, полуприкрытые тяжелыми веками. Спокойные и прохладные, эти глаза глядели на него и почти сквозь него, словно Джекзаль здесь нет. Он почувствовал себя уязвленным, отбросил все мысли и высоко задрал свой благородный подбородок. Он не хочет и не может позволить этому олуху взять над собой верх! Он покажет, что значит его кровь, его умение и его отвага! Он — Джекзаль дан Луфар! Он победит! Это непреложный факт, нет сомнений.

— Начинайте!

Первый удар заставил Джекзаль пошатнуться, вдребезги разбил его уверенность и самообладание, а заодно едва не раздробил запястье. Луфар, разумеется, уже видел, как Горст фехтует (если это можно назвать фехтованием), и знал, что тот сразу начнет размахивать шпагой; но ничто не могло подготовить его к первому сокрушительному контакту. Толпа ахнула вместе с ним, когда он потерял равновесие и отступил назад. Все тщательно разработанные планы и продуманные советы Варуза вмиг испарились. Джекзаль кривился от боли и потрясения, рука вибрировала после могучего удара Горста, в ушах звенело от жуткого лязга вражеской рапиры, рот раскрылся, колени подгибались.

Такое начало едва ли можно было назвать многообещающим. Следующий удар обрушился сразу вслед за первым и оказался еще мощнее. Джекзаль отпрыгнул в сторону и скользнул прочь, пытаясь выиграть немного места и немного времени. Время требовалось, чтобы разработать какую-то тактику, выдумать какую-нибудь уловку и отразить безжалостный напор мелькающего металла. Но Горст не собирался давать противнику время. Из его гортани уже вырвался новый хриплый рык, его длинная шпага уже чертила новую неотвратимую дугу.

Джекзаль уворачивался, как мог, а если не удавалось, то блокировал удары; его запястья уже болели от такого натиска. Однако он надеялся, что Горст в конце концов устанет — никто не в силах долго махать огромными кусками металла. Вскоре яростный темп истощит верзилу, он сбавит скорость, и тяжелые шпаги потеряют смертоносную мощь. Тогда Джекзаль перейдет в упорное наступление, окончательно измотает противника и победит. И стены Агрионта задрожат от ликующих криков толпы. Классическая история о победе вопреки всем трудностям.

Вот только Горст не собирался устать. Это был не человек, а машина. Прошло несколько минут поединка, а в его глазах, прикрытых тяжелой складкой век, не появилось ни тени утомления. Джекзаль не

замечал на лице противника вообще никаких эмоций — в те редкие моменты, когда осмеливался отвести взгляд от сверкающих рапир. Огромный длинный клинок со свистом описывал смертоносные круги, короткий был готов отразить все слабые попытки нападения, и оба ни разу не замешкались и ни на дюйм не опустились. Сила ударов Горста не слабела, из глотки вырывался тот же яростный рык. Зрители не имели поводов аплодировать и лишь гневно переговаривались. Зато сам Джезаль вскоре ощутил, что его ноги движутся медленнее, на лбу проступает пот, а руки, сжимающие клинки, слабеют.

Джезаль ничего не мог с этим поделать. Он отступал и отступал, пока не дошел до края круга. Он блокировал и парировал удары, пока не онемели пальцы. Когда он вскинул ноющую руку и услышал лязг металла о металл, его уставшая нога поскользнулась, и Джезаль с воплем кубарем вылетел за пределы круга, рухнул на бок и выронил короткий клинок из сведенных судорогой пальцев. Он упал лицом в землю, в рот ему набился песок. Падение было болезненным и позорным, однако Джезаль слишком устал и измучился, чтобы почувствовать разочарование. Он испытал облегчение от того, что попытка закончилась, даже если это ненадолго.

— Один в пользу Горста! — выкрикнул арбитр.

Слабый шелест хлопков накрыла лавина негодующего улюлюканья, но Горст, казалось, едва заметил это. Опустив голову, он прошаркал обратно к своей отметке и начал готовиться к следующему раунду.

Джезаль медленно перевернулся и поднялся на четвереньки, сгибая и разгибая ноющие руки. Он не торопился вставать. Ему требовалось немного времени, чтобы отдышаться и изобрести какую-то стратегию. Горст ждал его, огромный, молчаливый, спокойный. Джезаль неторопливо смахнул песок с рубашки, а его мысли неслись вскачь. Как обойти Горста? Как? Капитан настороженно ступил на свою отметку и поднял клинки.

— Начинайте!

На сей раз Горст бросился в бой с еще большей жестокостью. Он рассекал воздух так, словно косил пшеницу, заставляя Джезала плясать по всему кругу. Один удар прошел так близко с левой стороны, что Луфар почувствовал ветерок на своей щеке; следующий миновал его на почти таком же расстоянии справа. Затем Горст замахнулся для выпада сбоку, нацеленного в голову, и Джезаль увидел просвет. Он нырнул под рапиру противника (капитан мог бы поклясться, что клинок срезал несколько волосков с верхушки его черепа) и сократил дистанцию. Тяжелый длинный клинок полетел дальше, чуть не заехав арбитру в лицо, и оставил правый бок Горста практически открытым.

Джезаль ринулся на противника, уверенный, что хоть одно касание ему обеспечено. Однако Горст отразил выпад коротким клинком и оттолкнул его руку прочь; гарды рапир заскрежетали друг о друга и сомкнулись. Джезаль коварно ткнул врага коротким клинком, но тот умудрился отвести и этот удар: вовремя подставил вторую шпагу, поймал клинок Джезаль и задержал его перед своей грудью.

В какой-то момент все четыре клинка были сомкнуты, эфесы скребли друг о друга, а лица участников поединка разделяло лишь несколько дюймов. Джезаль рычал, как пес, оскалив зубы, мускулы его лица застыли жесткой маской. Тяжелые черты Горста не отражали почти никакого усилия. Он выглядел как человек, собравшийся помочиться: занятый низменным и несколько неприятным делом, с которым следует покончить побыстрее.

Когда их клинки сошлись вместе, Джезаль стал напирать на противника, используя каждую крупницу силы, каждый свой тренированный мускул. Напряженные ноги уперлись в землю, пресс давал опору рукам, руки толкали вперед кисти, а кисти сжимали рукоятки клинков, как тиски смерти. Все мускулы, все жилы, все сухожилия. Джезаль знал, что у него выгодная позиция, что Горст сейчас неустойчив, и если сумеет оттолкнуть его назад хоть на шаг... хоть на дюйм...

Целое мгновение их клинки были сомкнуты, а затем Горст опустил одно плечо, издал тихое ворчание и отшвырнул противника прочь, как ребенок отбрасывает надоевшую игрушку.

Джезаль от неожиданности раскрыл рот и попятился, спотыкаясь. Он собрался и устоял на ногах. Снова раздался рык Горста, и тяжелый длинный клинок приблизился к Джезалю. Увернуться было нельзя, не хватало времени. Инстинктивно Джезаль поднял левую руку, но толстый затупленный клинок сбил его короткую шпагу, как ветер уносит соломинку, и врезался под ребра. Дыхание вылетело из тела вместе с воплем боли, прокатившимся из конца в конец притихшей арены. Ноги подкосились, и Джезаль рухнул на дерн, безвольно шевеля конечностями и вздыхая, как дырявые мехи.

На этот раз не раздалось ни хлопка. Толпа негодующе ревела, поносила и освистывала Горста, пока он шагал к своей загородке.

— Будь ты проклят, Горст, убийца!

— Вставай, Луфар! Вставай и покажи ему!

— Убирайся вон, скотина!

— Чертов дикарь!

Шиканье сменилось неуверенными возгласами одобрения, когда

Джезаль кое-как поднялся с земли. Его левый бок пульсировал от боли. Капитан кричал бы, если бы у него оставался воздух в легких. Несмотря на все усилия, на все тренировки, он был полностью разгромлен — и знал это. Мысль о том, что на следующий год придется проделывать это снова, вызвала у него тошноту. Джезаль очень старался не выглядеть проигравшим, пока шел обратно к загородке; но как только добрался до места, он рухнул мешком на стул, уронил изрубленные клинки на каменные плиты и стал хватать воздух ртом.

Вест нагнулся над ним и задрал его рубашку, чтобы рассмотреть повреждения. Джезаль с опаской глянул вниз, готовый увидеть огромную дыру в боку. Но там оказался лишь безобразный красный рубец поперек ребер, вокруг которого уже вздувался кровоподтек.

— Что-нибудь сломал? — спросил маршал Варуз, заглядывая Весту через плечо.

Джезаль едва сдержал слезы, когда майор принялся ощупывать его бок.

— Да нет, не думаю, но все-таки, черт побери!.. — Вест с отвращением швырнул полотенце себе под ноги. — И это называется благородным спортом? Разве правила не запрещают такие тяжелые клинки?

Варуз угрюмо покачал головой:

— Оружие должно быть одной длины, но про вес в правилах ничего не говорится. Никому не приходило в голову — зачем драться тяжелыми клинками?

— Ну, теперь мы знаем зачем, — отрезал Вест. — Вы уверены, что не хотите остановить это, пока мерзавец не отрезал капитану голову?

Варуз проигнорировал его слова.

— А теперь послушай, — произнес старый маршал, наклоняясь к самому лицу Джезали. — Это только начало. Семь касаний! Или четыре подряд! Еще есть время!

Время для чего? Для того, чтобы Джезали разрубили пополам, хотя клинки и затуплены?

— Он слишком силен! — задыхаясь, выговорил Джезаль.

— Слишком силен? Никто не может быть слишком силен для тебя, мой мальчик! — воскликнул Варуз. Однако он сам, казалось, сомневался в своих словах. — Еще есть время! Ты можешь побить его! — Старый маршал дернул себя за усы. — Ты еще можешь побить его! — повторил он.

Однако Варуз не сказал ему как.

Глокта уже боялся задохнуться в приступе смеха. Он пытался

придумать, какое зрелище доставило бы ему большее удовольствие, чем Джезаль дан Луфар, которого избивают, гоняя по фехтовальному кругу, — и не сумел. Молодой человек скривился, с трудом парируя очередной рубящий удар. Он плохо владел своей левой рукой после того, как получил по ребрам. Глокта почти чувствовал его боль.

«И боже мой, как же это приятно — ощущать чужую боль! Для разнообразия».

Толпа угрюмо молчала и хмуро глядела, как Горст донимает ее любимца жестокими свистящими ударами, а Глокта булькал и хихикал сквозь сжатые беззубые десны.

Луфар действовал быстро и эффектно, он хорошо двигался, когда видел надвигающийся клинок.

«Он умелый боец. Достаточно хорош, без сомнения, чтобы выиграть турнир в обычное время. Быстрые ноги и быстрые руки, но ум не такой острый, каким должен быть. Каким ему необходимо быть. Он слишком предсказуем».

С Горстом дело обстояло иначе. Казалось, он просто рубится без единой мысли в голове, но Глокта видел, что это не так.

«У него совершенно другая манера фехтовать. В мое время бойцы предпочитали исключительно колющие удары. А на следующий год на турнире они примутся рубить за милую душу такими же огромными тяжелыми клинками».

Глокта стал лениво размышлять, смог бы он сам побить Горста, когда был в лучшей форме.

«В любом случае, на такой поединок стоило бы посмотреть. Черт возьми, было бы куда интереснее этой неравной пары».

Горст с легкостью отразил несколько неуклюжих выпадов противника. Затем Глокта вздрогнул, а толпа зашикала, когда Луфар чудом сумел парировать новый мясницкий удар, чуть не сбивший его с ног. Он не имел никаких шансов избежать следующего взмаха, поскольку был прижат к самой границе круга, и ему пришлось отпрыгнуть назад, в песок.

— Три — ноль! — объявил арбитр.

Глокта затрясся от смеха при виде того, как Луфар гневно рубанул клинком по земле и взметнул дерзкий фонтан песка. Его побледневшее лицо являло живое воплощение жалости к себе.

«Ай-ай-ай, капитан Луфар, а ведь скоро будет четыре — ноль! Чистая победа. Какое позорище! Возможно, это научит наглого дерьмового щенка хоть какому-то смирению. Некоторым людям поражение только на пользу. Взять хоть меня».

— Начинайте!

Четвертый раунд начался в точности тем же, чем закончился третий.

«То есть избиением Луфара».

Глокта видел, что капитан растерял все иллюзии. Его левая рука двигалась медленно и болезненно, ноги отяжелели. Новый сокрушительный удар с лязгом врезался в его длинный клинок и заставил пятиться к краю круга, теряя равновесие и задыхаясь. Горсту оставалось лишь немного продлить атаку.

«И что-то подсказывает мне, что он не отступит, уже получив преимущество».

Глокта схватился за трость и поднялся на ноги. Дело явно шло к концу, и он не хотел оказаться в давке, когда разочарованная толпа ринется к выходу.

Тяжелый длинный клинок Горста сверкнул в воздухе, опускаясь вниз.

«Последний удар, несомненно».

У Луфара не оставалось выбора, он мог лишь попытаться отразить выпад противника и вылететь из круга.

«Или Горст разmozжит его тупую башку. Будем надеяться, что тем и закончится».

Глокта улыбнулся и повернулся, чтобы уйти.

Однако краем глаза он внезапно уловил, что удар почему-то прошел мимо цели. Горст моргнул, когда его тяжелый длинный клинок с глухим стуком воткнулся в дерн, и хмыкнул, когда клинок Луфара ударил его по ноге выпадом слева. Это было самое сильное выражение эмоций, какое верзила позволил себе сегодня.

— Один в пользу Луфара! — после короткой паузы выкрикнул арбитр, не сумевший до конца скрыть своего изумления.

— Нет, — пробормотал Глокта.

Толпа вокруг него взорвалась бешеными аплодисментами.

«Нет!»

В юности он участвовал в сотнях поединков и наблюдал тысячи других, но никогда не видел, чтобы кто-то двигался так быстро. Да, Луфар хороший фехтовальщик, Глокта признавал это.

«Но никто не может быть настолько хорош!»

Нахмутив брови, инквизитор глядел, как двое финалистов занимают свои места после второго перерыва.

— Начинайте!

Луфар преобразился. Он изводил Горста яростными выпадами, быстрыми как молния, не давая ему развернуться. Теперь Горст казался

доведенным до предела: он защищался и уворачивался, пытался остаться вне пределов досягаемости. Казалось, во время перерыва прежнего Луфара куда-то дели, заменив его совершенно другим человеком — более сильным, более стремительным, более уверенным в себе двойником.

Толпа, столь долго лишенная возможности повеселиться, теперь гикала и вопила вовсю, не щадя глоток. Однако Глокта не разделял энтузиазма зрителей.

«Здесь что-то не так. Здесь что-то не так».

Он взглянул на лица людей рядом с собой. Нет, никто не насторожился и не почувствовал подвоха. Они видели лишь то, что хотели увидеть: как Луфар задает мерзкой скотине зрелищную и вполне заслуженную порку. Глокта скользнул взглядом по скамьям, сам не зная, чего ищет.

«Байяз... Так называемый Байяз!»

Он сидел впереди, возле самой арены, наклонившись вперед и глядя на бойцов с предельным вниманием. Его «ученик» и покрытый шрамами северянин расположились рядом. Никто ничего не замечал, все были слишком поглощены схваткой, но Глокта увидел. Он потер глаза и посмотрел еще раз.

«Здесь что-то не так».

— Если хочешь рассказать про первого из магов, Расскажи, что он чертов мошенник! — прорычал Логен.

Байяз слегка улыбнулся уголком рта, утирая пот со лба.

— А разве кто-нибудь когда-нибудь с этим спорил? — отозвался он.

Луфар снова попал в трудное положение. Очень трудное. Каждый раз, когда он отражал мощный рубящий удар Горста, его клинки относило все дальше назад, и ему было все сложнее удержать их в руках. Он уворачивался и оказывался все ближе к краю желтого круга.

Затем, когда конец уже казался неизбежным, Логен краем глаза заметил, что воздух вокруг плеч Байяза задрожал. Так было на дороге, когда загорелся лес; Логен ощутил то же странное тянущее чувство у себя в животе.

А Луфар вдруг собрался с силами и поймал новый мощный удар на эфес своей короткой шпаги. Минутой раньше такой удар с легкостью выбил бы клинок у него из рук. Но теперь он на мгновение удержал выпад противника, а затем с криком выбросил руку вперед, выбил Горста из равновесия и неожиданно перешел в атаку.

— Если бы тебя поймали на таком мошенничестве у нас на Севере, — проворчал Логен, качая головой, — тебе бы вырезали кровавый крест на

брюхе и вытащили бы кишки наружу.

— К счастью, — пробормотал Байяз сквозь стиснутые зубы, не отводя глаз от сражающихся, — мы не на Севере.

Бисеринки пота опять проступали на его лысом черепе и потекли по лицу крупными каплями. Кулаки мага были крепко сжаты и дрожали от усилия.

Луфар яростно колот, делал выпад за выпадом, его шпаги слились в одно сверкающее размытое пятно. Горст ворчал и рычал, отражая удары, но капитан теперь стал для него слишком быстрым и слишком сильным. Он безжалостно гонял тяжеловеса по кругу, как бешеный пес мог бы гонять корову.

— Проклятое жульничество! — снова проворчал Логен, когда клинок Луфара блеснул в воздухе и оставил на скуле Горста ярко-красную черту.

Несколько капель крови брызнули в толпу слева от Логена, и та взорвалась буйными выкриками. Северянин на миг увидел тень собственных поединков. Крик арбитра, объявлявшего три касания подряд, почти заглушило ликование толпы. Слегка помрачневший Горст трогал рукой лицо.

За этим шумом Логен едва расслышал шепот Малахуса:

— Никогда не ставь против мага...

Джезаль знал, что он хороший фехтовальщик, но ему даже во сне не снилось, что он может быть настолько хорош. Он был гибким, как кошка, легким, как муха, сильным, как медведь. Его ребра и запястья больше не болели, усталость исчезла, а с нею и все следы сомнений. Он был бесстрашным, несравненным, непреодолимым. Аплодисменты оглушали его, однако он мог слышать каждое слово, произнесенное в толпе, и видеть в деталях каждое лицо. Его сердце вместо крови качало звенящее пламя, его легкие вдыхали целые облака.

Он не присел во время перерыва, настолько велико было его стремление вернуться в круг. Стул казался ему оскорблением. Он не слушал, что говорили Варуз и Вест, — их слова не имели для него никакого значения. Маленькие людишки, где-то далеко внизу. Они смотрели на Джезаль во все глаза: испуганные, пораженные, какими им и следовало быть.

Он — величайший фехтовальщик всех времен.

Этот мерзкий калека Глокта даже не знал, насколько он прав: Джезалю надо лишь постараться, и он получит все, чего бы ни захотел. Он радостно хохотнул, танцующим шагом направляясь к своей отметке. Он смеялся под

восторженные крики толпы. Он улыбался Горсту. Все в точности так, как должно быть. Глаза Горста над маленьким красным рубцом, которым наградил его Джезаль, по-прежнему оставались полузакрытыми и сонными, но теперь в них появилось кое-что еще: следы потрясения, тень настороженности, толика уважения. Как и должно быть.

Нет ничего такого, что не по плечу Джезалю. Он непобедим. Он неодолим. Он...

— Начинайте!

...в полном дерьме. Боль копьем пронзила его бок и заставила охнуть. Внезапно он снова стал испуганным, усталым и слабым. Горст зарычал и принялся наносить яростные удары. Он выбивал оружие из рук Джезали и заставлял противника метаться, как испуганный заяц. Все искусство капитана Луфара вмиг испарилось, а вместе с ним исчезли интуиция и уверенность. Горст атаковал еще свирепее, чем прежде. Джезаль почувствовал ужасающий прилив отчаяния, когда длинный клинок, вырванный из его гудящих пальцев, пролетел по воздуху и с лязгом ударился о барьер. Под градом жестоких ударов Джезаль упал на колени. Толпа ахнула. Все кончено...

Ничего не кончено. Рапира приближалась к нему по дуге. Окончательный удар. Казалось, лезвие зависло в воздухе. Медленно-медленно опускался клинок, словно сквозь толщу меда. Джезаль улыбнулся. Для него было проще простого отразить выпад короткой шпагой. Сила вновь потекла в него. Он вскочил на ноги, отпихнул Горста свободной рукой, парировал следующий удар и еще один. Единственный клинок успевал работать за двоих, и еще оставалось лишнее время. Публика притихла, затаила дыхание, в тишине раздавался только частый стук клинков. Вправо и влево, вправо и влево двигалась короткая шпага; она мелькала быстрее, чем мог уследить глаз, быстрее, чем мог помыслить мозг. Казалось, она сама тащила бойца за собой.

Раздался лязг металла о металл, и короткая шпага Джезали вырвала длинный клинок из руки Горста, а потом перелетела на другую сторону. Снова лязг — и то же самое произошло с коротким. На мгновение все замерли. Разоруженный гигант стоял, почти касаясь пятками края круга, и смотрел на Джезали. Публика безмолвствовала.

Затем Джезаль медленно поднял свой короткий клинок, внезапно налившийся огромным весом, и мягко ткнул им Горста в бок.

— Ух, — тихо проговорил тот, подняв брови.

И тут толпа взорвалась оглушительными овациями. Гром аплодисментов вздымался выше и выше, омывая Джезали своими волнами.

Теперь, когда все было закончено, он ощутил невероятное опустошение. Он закрыл глаза, покачнулся, выронил шпагу из бесчувственных пальцев и опустил на колени. Джебаль был абсолютно истощен, словно за несколько мгновений израсходовал энергию целой недели. Ему не хватало сил, чтобы стоять на коленях, и он сомневался, сумеет ли подняться, если сейчас упадет.

А потом чьи-то сильные руки взяли его под мышки и подняли с земли. Шум толпы усилился, и Джебаль оказался в воздухе. Он открыл глаза: перед ним мелькали смутные, размазанные цветочные пятна — очевидно, его несли по арене. В голове звенело от криков. Он лежал на чьих-то плечах. Выбритая голова... Это Горст! Гигант поднял его с земли, как отец поднимает ребенка, и показывал толпе, улыбаясь снизу широкой безобразной улыбкой. Джебаль против воли улыбнулся в ответ. Что ни говори, а это был странный момент.

— Луфар победил! — раздался никому не нужный крик арбитра, едва слышный за общим гомоном. — Луфар победил!

Гвалт толпы перешел в размеренное скандирование:

— Лу-фар! Лу-фар! Лу-фар!

Вся площадь содрогалась от этих криков. Они кружили голову Джебали. Это все равно что напиться допьяна. Он был опьянен победой. Опьянен самим собой.

Когда вопли толпы наконец начали стихать, Горст опустил его на землю.

— Ты побил меня! — сказал он, широко улыбаясь. Как ни странно, его голос был высоким и нежным, как у женщины. — Честь по чести. Я хочу первым тебя поздравить. — Он кивнул своей огромной головой и снова улыбнулся, потирая рубец под глазом без малейшей горечи. — Ты заслужил, — проговорил он, протягивая ему руку.

— Спасибо.

Джебаль натянуто улыбнулся, пожал гигантскую лапищу так быстро, как только возможно, и повернулся к своей загородке. Конечно, он заслужил, черт побери! И будь он проклят, если позволит этой сволочи купаться в отражении своей славы хоть на мгновение дольше!

— Отлично, мой мальчик, просто великолепно! — брызгал слюной маршал Варуз и хлопал его по плечам, пока Джебаль ковылял к своему стулу на нетвердых ногах. — Я знал, ты сможешь!

Вест ухмыльнулся и протянул другу полотенце.

— Об этом будут говорить годами.

Вокруг собралась целая толпа с поздравлениями, люди тянулись к

победителю через барьер. Круговорот улыбающихся лиц, и среди них — лицо отца, сияющее гордостью.

— Я знал, что ты сможешь сделать это, Джебаль! Я никогда не сомневался в тебе! Ни на минуту не сомневался! Ты прославил свою семью!

Джебаль, однако, заметил, что старший брат не особенно радуется — на его лице застыло обычное унылое выражение. Даже в миг победы! Занудный завистливый паскудник! Неужели он не может порадоваться за Джебала хотя бы один день?

— Могу ли я тоже поздравить победителя? — слышался голос из-за его плеча.

Это говорил старый идиот, которого Джебаль встретил тогда у ворот, — тот, кого Сульфур объявил своим господином. Он назвался именем Байяза. Лысый череп был в испарине, старик просто обливался потом; его лицо побледнело, а глаза провалились, словно он сам только что сражался до семи касаний с Горстом.

— Отлично, мой юный друг! Можно сказать... почти магия!

— Спасибо, — пробурчал Джебаль. Он не совсем понимал, кто такой этот старик, что ему надо, и не испытывал к самозванцу ни малейшего доверия. — Однако прошу прощения, мне нужно...

— Разумеется! Мы поговорим позже.

Он произнес это уверенно, как нечто решенное, и его непонятная уверенность внушала тревогу. Затем старик повернулся и бесследно исчез среди толпы. Отец Джебала смотрел ему вслед с посеревшим лицом, словно увидел призрака.

— Ты знаешь его, отец?

— Я...

— Джебаль! — Варуз возбужденно схватил его за руку. — Пойдем! Король желает лично поздравить тебя!

Он потащил капитана прочь от семьи, по направлению к фехтовальному кругу. В толпе снова слышался шум аплодисментов, когда они вдвоем прошагали через участок высохшей травы — арену победы. Лорд-маршал по-отечески обнял Джебала за плечи и с улыбкой обернулся к публике, словно аплодисменты относились к нему. Казалось, все хотят урвать клочок славы. Впрочем, Джебалу удалось вырваться, и он стал подниматься по ступеням к королевской ложе.

Принц Рейнольт, младший сын короля, приветствовал его первым: скромно одетый, серьезный и задумчивый, не похожий на остальных членов королевской семьи.

— Прекрасно! — крикнул он сквозь рев толпы. Похоже, он действительно восхищался победой Джекзала. — Просто прекрасно!

Старший брат Рейнольта выразил свои чувства более цветисто.

— Невероятно! — прокричал кронпринц Ладислав, сверкая на солнце золотыми пуговицами своей белой куртки. — Великолепно! Потрясающе! Изумительно! Я никогда не видел ничего подобного!

Джекзал ухмыльнулся и скромно поклонился, проходя мимо него. Он невольно сгорбился, когда кронпринц в восторге сильно хлопнул его по спине и добавил:

— Я всегда знал, что вы сможете! Я всегда говорил, что вы мой человек!

Принцесса Тереза, единственная дочь великого герцога Орсо Талинского, глядела на Джекзала с едва заметной пренебрежительной улыбкой и равнодушно постукивала двумя вялыми пальцами по ладони другой руки, что обозначало аплодисменты. Подбородок она держала очень высоко, словно один ее взгляд — это такая честь, какой Джекзал никогда не сможет добиться.

И вот наконец он подошел к высокому престолу Гуслава Пятого, высокого короля Союза. Голова монарха немного свешивалась набок под тяжестью сверкающей короны. Распухшие белые пальцы подрагивали на малиновой шелковой мантии, словно слизи. Глаза короля были закрыты, грудь мягко вздымалась и опускалась, ее движения сопровождались тихим бульканьем слюны, стекавшей между вялых губ и струйкой бежавшей по подбородку. Под подбородком слюна присоединялась к каплям пота, усеявшим мощную складку жира под королевской челюстью, и вместе они превращали воротник Гуслава в темную от влаги тряпку.

Воистину, Джекзал предстал пред ликом величия.

— Ваше величество, — тихо проговорил лорд Хофф.

Глава государства никак не откликнулся. Его супруга продолжала смотреть перед собой, напряженно выпрямившись. Застывшая улыбка королевы была лишена эмоций и казалась приклеенной к сильно напудренному лицу. Джекзал не знал, куда девать глаза, и уставился на свои пыльные туфли. Лорд-камергер громко кашлянул. Под слоем жира на королевской щеке дернулся мускул, но его величество не проснулся. Хофф поморщился, огляделся, убедился, что никто на них не смотрит, и ткнул монарха пальцем в бок.

Король подпрыгнул, качнув тяжелыми брылами, его веки внезапно распахнулись, и он воззрился на Джекзала дикими глазами, налитыми кровью и окаймленными красными кругами.

— Ваше величество, это капитан...

— Рейнольт! — воскликнул король. — Сын мой!

Джезаль нервно глотнул, изо всех сил удерживая на лице окаменевшую улыбку. Выживший из ума старый идиот принял его за своего младшего сына! Что еще хуже, настоящий принц стоял в четырех шагах отсюда. Деревянная улыбка королевы чуть дрогнула. Безупречные губы принцессы Терезы сложились в презрительную гримасу. Лорд-камергер смущенно кашлянул.

— Э-э, нет, ваше величество, это...

Но было уже поздно. Без предупреждения монарх поднялся на ноги и заключил Джезаль в объятия. Тяжелая корона съехала набок, едва не выколов юноше глаз одним из зубцов с драгоценными камнями. Лорд Хофф замер и разинул рот от неожиданности. Двое принцев остолбенели. Джезаль выжал из себя лишь нечто нечленораздельное.

— Сын мой! — лепетал король, задыхаясь от чувств. — Рейнольт, я так рад, что ты вернулся! Когда меня не станет, Ладисле понадобится твоя помощь. Он слаб, а корона — это такая тяжесть! Ты гораздо лучше приспособлен для нее. Ах, это такая тяжесть! — всхлипывал он, уткнувшись Джезалю в плечо.

Это походило на кошмарный сон. Ладислав и настоящий Рейнольт переглядывались, затем смотрели на отца; обоим было не по себе. Тереза высокомерно усмехалась и глядела на своего предполагаемого свекра с нескрываемым презрением. Чем дальше, тем хуже! Как, черт подери, вести себя в подобной ситуации? Такой случай не предусмотрен этикетом. Джезаль неловко похлопал короля по жирной спине. А что еще он мог сделать? Пихнуть слабоумного идиота обратно в кресло на глазах у половины его подданных? Джезаль почувствовал сильное искушение так и поступить.

Утешало лишь то, что толпа сочла королевские объятия официальным подтверждением победы капитана Луфара, и все слова заглушила новая волна оваций. Люди за пределами монаршей ложи не слышали, что было сказано на самом деле. Никто из них не понял значения того, что стало, без сомнений, самым неловким моментом в жизни Джезали.

Идеальная аудитория

Когда Глокта вошел, архитектор стоял возле своего огромного окна. Как всегда стройный и импозантный, в безупречном белом камзоле, Сульт задумчиво глядел поверх шпилей Университета в сторону Дома Делателя. По большой круглой комнате проносился мягкий ветерок, он трепал копну белых волос архитектора и шуршал бумагами на его огромном письменном столе.

Сульт повернулся навстречу Глокте.

— Инквизитор, — произнес он, протягивая руку в белой перчатке.

Яркий солнечный свет из окна упал на огромный камень на архитекторском кольце, и тот засиял багровым огнем.

— Служу и повинуюсь, ваше преосвященство.

Глокта взял руку Сульта и нагнулся, поморщившись от боли, чтобы поцеловать кольцо. Он едва устоял на ногах, вцепившись дрожащими пальцами в свою трость.

«Черт меня побери, если старый подонок с каждым разом не опускает руку все ниже, чтобы полюбоваться на мои мучения».

Сульт одним плавным движением переместился в высокое кресло и устроился там: локти на столешнице, пальцы сложены перед лицом. Глокте ничего не оставалось, как стоять и ждать. Его нога горела огнем после подъема на лестнице Допросного дома, капли пота стекали, щекоча кожу черепа, а он стоял и ждал приглашения сесть.

— Прошу вас, усаживайтесь, — промурлыкал архитектор и подождал, пока Глокта доковыляет до одного из кресел поменьше, расставленных вокруг круглого стола. — Итак, скажите мне, достигло ли ваше расследование хоть какого-то успеха?

— Некоторого. Несколько дней назад, ночью, в покоях наших посетителей была тревога. Они заявляют, что...

— Несомненно, это лишь попытка прибавить достоверности всей возмутительной истории. Магия! — Сульт презрительно фыркнул. — Удалось ли выяснить, каким образом в действительности проделана брешь?

«Может быть, магия?»

— Боюсь, что нет, архитектор.

— Прискорбно. Нам помогли бы какие-либо объяснения того, как именно им удалось устроить свой фокус. Впрочем... — Сульт вздохнул, словно ничего лучшего он и не ожидал, — не стоит гнаться за слишком

многим. Вы разговаривали с этими... людьми?

— Разговаривал. Байяз — если мне позволено использовать это имя — оказался более чем скользким собеседником. Не имея в своем распоряжении никаких более сильных средств убеждения, чем простые вопросы, я не вытянул из него ничего. Его друг-северянин тоже требует внимания и изучения.

Единственная морщинка пересекла гладкий лоб Сульта.

— Вы подозреваете, что он связан с этим дикарем Бетодом?

— Возможно.

— Возможно? — раздраженно переспросил архитектор. — Что еще случилось?

— В нашей веселой компании появился еще один товарищ.

— Я знаю. Навигатор.

«Зачем же тогда я утруждал себя?»

— Да, ваше преосвященство, один из навигаторов.

— Нашим гостям можно только пожелать удачи. Эти грошовые предсказатели хлопот приносят больше, чем сами стоят. Только и знают, что нести вздор о боге и прочую чушь. Алчные оборванцы.

— Совершенно согласен с вами, архитектор, хлопот от них больше. Хотя интересно было бы выяснить, для чего им понадобился такой человек.

— И для чего же?

Глокта мгновение помолчал, потом отозвался:

— Я не знаю.

— Ха! — фыркнул Султ. — Что еще?

— После упомянутого ночного посещения наши друзья помещены в другие покои, рядом с парком. И пару ночей назад неподалеку произошла очень скверная история с трупом. Всего в двадцати шагах от их окон.

— Да, наставник Гойл упоминал об этом. По его словам, здесь нет ничего, о чем мне стоило бы беспокоиться, и случившееся никак не связано с нашими гостями. Я оставил дело в его ведении. — Он нахмурился и посмотрел на Глокту. — Может быть, я принял неверное решение?

«Ох, боже мой, ответ напрашивается сам собой».

— Ни в коем случае, архитектор. — Глокта почтительнейше склонил голову. — Если наставник Гойл удовлетворен, то я тем более.

— Итак, вы можете сказать мне лишь одно: по большому счету вы ничего не раскопали?

«Ну, не совсем так...»

— У нас есть вот это. — Глокта выудил из кармана древний свиток и протянул его Сульту.

Тот взял манускрипт с выражением легкого любопытства на лице, развернул на столе и уставился на ряды бессмысленных символов.

— Что это?

«Ха! Значит, ты все-таки знаешь не все».

— Я бы сказал, что это кусочек истории. Рассказ о том, как Байяз одержал победу над мастером Делателем.

— Кусочек истории... — Сульт задумчиво побарабанил пальцами по столу. — И чем он может нам помочь?

«Чем он может помочь тебе, ты имеешь в виду?»

— Если верить тому, что здесь написано, именно наш друг Байяз запечатал Дом Делателя. — Глокта кивнул на зловещий силуэт за окном. — Запечатал... и унес ключ.

— Ключ? Да эта башня всегда была запечатана! Всегда! Насколько мне известно, там даже нет замочной скважины.

— В точности то же самое подумал и я, ваше преосвященство.

— Что ж... — произнес Сульт, и его лицо медленно озарилось улыбкой. — История зависит от того, как ее рассказать, да? Наш друг Байяз отлично это понимает, смею предположить. Он использует наши собственные истории против нас, но теперь мы поменяемся местами. Мне нравится заключенная в этом ирония. — Он снова поднял свиток. — Он настоящий?

— А это имеет значение?

— Разумеется, нет.

Сульт изящным движением поднялся с кресла и медленно прошелся по комнате, постукивая пальцами по свернутой рукописи. Потом остановился и некоторое время глядел в окно. Когда он обернулся, на его лице отразилось глубочайшее удовлетворение.

— Если не ошибаюсь, завтра вечером нас ждет пир в честь нового чемпиона-фехтовальщика, капитана Луфара.

«Этого мерзкого обманщика».

— На нем будут присутствовать важные персоны: королева, оба принца, почти все члены закрытого совета, несколько важнейших дворян, — продолжал Сульт.

«Не стоит забывать и о самом короле. До какого состояния надо дойти монарху, чтобы его присутствие на обеде не стоило упоминания!»

— Мне кажется, это идеальная аудитория для нашего небольшого разоблачения, как вы думаете?

Глокта настороженно склонил голову:

— Разумеется, архилектор. Идеальная аудитория.

«Если предположить, что все сработает. Но такая аудитория окажется более чем неподходящей, если мы сядем в лужу».

Однако Сульт уже предвкушал триумф.

— Да, компания превосходная, — говорил он. — Как раз хватит времени для необходимых приготовлений. Пошлите гонца к нашему другу, первому из магов, и сообщите ему, что он и его товарищи сердечно приглашаются к обеду завтра вечером. Надеюсь, сами вы тоже придете?

«Что? Я?»

Глокта снова поклонился:

— Ни за что не упущу такой возможности, ваше преосвященство.

— Отлично. Возьмите с собой ваших практиков. Вдруг наши друзья станут буйными, когда поймут, что их игра окончена? Кто знает, на что способны эти варвары?

И неуловимым движением руки в перчатке архилектор дал понять, что беседа закончена.

«Все эти ступеньки — только ради этого?»

Пока Глокта доковылял до порога, Сульт развернул свиток и углубился в него.

— Идеальная аудитория, — повторил он, когда за Глоктой закрывалась тяжелая дверь.

Там, на Севере, карлы каждый вечер ужинали вместе со своим вождем в его замке. Женщины приносили еду в больших деревянных мисках. Ты вытаскивал оттуда ножом куски мяса, разрезал их и запихивал в рот пальцами. Если тебе попадались кости или хрящи, ты кидал их вниз на солому собакам. Стол представлял собой несколько плохо пригнанных деревянных брусков, усеянных пятнами и изрезанных ножами. Карлы сидели на длинных скамьях, иногда ставили парочку стульев для названных. Света было мало, особенно долгими зимними вечерами. Вился дым от очага и трубок, набитых чаггой. Слышались песни, звучали шутки и насмешливые выкрики. Порой раздавались и оскорбления, а выпивка всегда лилась рекой. Соблюдали единственное правило: вождь начинает первым.

Логен понятия не имел о здешних правилах, но догадывался, что их немало.

Гости располагались вокруг трех длинных столов в форме подковы — человек шестьдесят, а то и больше. У каждого собственный стул, а темное дерево столешниц так отполировано, что Логен мог видеть размытое отражение собственного лица при свете сотен свечей, горящих в стенных

канделябрах и на столе. Перед каждым гостем лежали три тупых ножа и несколько других предметов — Логен не имел ни малейшего представления, для чего они нужны, — в том числе большой плоский круг из блестящего металла.

Не было слышно никаких криков, а тем более песен. Только приглушенное бормотание, словно гул пчелиного улья: люди переговаривались вполголоса, наклоняясь друг к другу, словно делились секретами. Их одежда показалась Логену еще более странной, чем прежде. Пожилые надели тяжелые черно-красно-золотые мантии, подбитые блестящим мехом, — в такую жару! Молодые нарядились в узкие разноцветные куртки — малиновые, зеленые или голубые, отделанные шнурами и кистями из золотых и серебряных нитей. Женщины были сплошь увешаны цепочками и кольцами, сверкали золотом и драгоценными камнями. Их странные платья из яркой материи в одних местах казались нелепо просторными, в других — мучительно тесными, а кое-где совершенно обнажали тело, что очень смущало Логена.

Даже слуги разделились как лорды. Они рыскали позади гостей и время от времени молча склонялись вперед, чтобы наполнить кубки сладким слабым вином. Логен выпил уже немало, и по ярко освещенной комнате понемногу стал разливаться приятный жар.

Однако проблема заключалась в том, что еды здесь не было. Логен ничего не ел с самого утра, и у него бурчало в желудке. Он взглянул на кувшины с растениями, расставленные на столах перед гостями. Зелень была усыпана яркими цветами и не походила на нечто съедобное, но ведь в этой стране употребляют в пищу довольно странные вещи.

Оставалось их попробовать. Логен вытащил из стоявшего перед ним кувшина одно из растений — длинный зеленый стебель с желтым цветком сверху — и откусил маленький кусочек с другого конца. Стебель оказался безвкусным и водянистым, но его хотя бы можно было жевать. Логен откусил побольше и без удовольствия заработал челюстями.

— Не думаю, что это годится в пищу.

Логен удивленно обернулся. Он никак не ожидал услышать здесь северное наречие, да и вообще не ожидал, что с ним кто-нибудь заговорит. Его сосед, высокий худощавый человек с резкими чертами морщинистого лица, наклонился к нему со смущенной улыбкой. Он показался Логену смутно знакомым. Ну да, он же присутствовал на игре с мечами — держал клинки для того парня.

— А-а, — промычал Логен с набитым ртом.

Вкус становился тем хуже, чем дольше он жевал.

— Прошу прощения, — проговорил он, протолкнув кусок в глотку, — я не очень-то много знаю о таких вещах.

— Честно говоря, я тоже. Каково оно на вкус?

— Дерьмово.

Логен неуверенно повертел в пальцах недоеденный цветок. Вымощенный плиткой пол был безупречно чистым, и вряд ли правильно кидать растение под стол. Собак здесь нет, а если бы и были, вряд ли стали бы это есть. У собак больше здравого смысла, чем у него. Логен уронил цветок на металлическое блюдо и вытер пальцы о грудь, надеясь, что никто ничего не заметил.

— Меня зовут Вест, — сказал его сосед, протягивая руку. — Я родом из Инглии.

Логен крепко сжал его ладонь.

— А я Десятипалый. Из Бриннов. Это немного к северу от Высокогорья.

— Десятипалый? — Логен покачал перед ним обрубком пальца, и человек кивнул: — Да, понимаю. — Он улыбнулся, словно вспомнил что-то забавное. — В Инглии я слышал одну песню о десятипалом человеке. Как же его звали? Ах да, Девять Смертей!

Логен почувствовал, что улыбка исчезает с его лица.

— Типичная северная песня. Ну вы знаете их, сплошное насилие, — продолжал его собеседник. — Девять Смертей порубил столько человек, что их головы грузили повозками, сжигал целые города, пил пиво пополам с кровью и все такое прочее. Это часом не про вас, а?

По-видимому, Вест шутил.

— Нет-нет, я никогда о таком не слышал, — ответил Логен с нервным смешком.

К счастью, Вест уже говорил о другом:

— Скажите мне — судя по всему, вы повидали кое-какие сражения в свое время?

— Да, я участвовал в нескольких заварушках. — Было бы бессмысленно отрицать.

— А знаете вы что-нибудь о человеке, которого называют королем Севера? Об этом Бетоде?

Логен отвел взгляд.

— Да, я знаю его, — кивнул он.

— Вы сражались против него?

Логен поморщился. Он до сих пор чувствовал отвратительный вкус растения во рту. Десятипалый взял свой кубок и сделал хороший глоток.

— Хуже, — медленно проговорил он и поставил кубок на место. — Я сражался за него.

Однако эти слова лишь подстегнули любопытство соседа.

— Тогда вы должны иметь представление о тактике Бетода, о его армии, о том, как он ведет войну!

Логен кивнул.

— Что вы можете рассказать о нем?

— Он самый хитрый и беспощадный противник, без жалости, без колебаний. Поймите меня правильно: я ненавижу этого человека, но со времен Скарлинга Простоволосого в мире не было полководца, равного Бетоду. Он внушает людям уважение и страх. Или по меньшей мере заставляет их повиноваться. Он выжимает все силы из солдат, чтобы успеть первым и выбрать место для битвы, и люди готовы выкладываться, потому что он приводит их к победе. Где нужно, он осторожен, а где нужно — бесстрашен; он не упускает из виду ни одной мелочи. Он с удовольствием использует любые военные приемы — расставляет западни и засады, измышляет хитрости и обманы, устраивает внезапные налеты на неподготовленного противника. Ищи его там, где меньше всего ожидаешь. Будь готов к тому, что он окажется сильнейшим, когда выглядит слабейшим. Будь особенно осторожен, если тебе почудится, что он готов отступить. Люди его боятся — неглупые люди. — Логен взял с блюда цветок и принялся разрывать его на части. — Войсками Бетода командуют вожди кланов, которые по праву считаются сильными полководцами. Большая часть бойцов — это бонды, люди подневольные, крестьяне, силой отправленные на войну, легко вооруженные копьями или луком и собранные в подвижные отряды. Вначале им не хватало подготовки, поскольку их забирали прямо с ферм. Но войны у нас длятся так долго, что крестьяне превратились в закаленных беспощадных воинов.

Он разложил по столу обрывки растения: они обозначали группы солдат, а тарелка — холм.

— Каждый вождь имеет при себе карлов — собственных наемных воинов, хорошо вооруженных, облаченных в доспехи, дисциплинированных, искусно владеющих и секирой, и мечом, и копьем. Среди них мало всадников, но Бетод берегает таких бойцов, выжидая наилучшего момента, чтобы бросить их в атаку или в погоню. — Он оборвал с цветка желтые лепестки, и они стали всадниками, спрятанными на флангах. — И наконец, есть прославленные воины — названные. Это люди, заслужившие себе имя и почет на поле битвы. Они могут возглавлять группы карлов в сражении или действовать в качестве разведчиков либо

налетчиков, иногда глубоко в тылу врага.

Внезапно Логен осознал, что вся его тарелка покрыта обрывками растения, и торопливо стряхнул их на стол.

— Так традиционно ведутся войны на Севере, но Бетод очень интересуется новыми идеями. Он прочел много книг, он изучал разные способы ведения боя и часто говорил о необходимости покупать у южных торговцев арбалеты, тяжелые доспехи и сильных боевых лошадей. Он всегда хотел создать армию, которая устрасит весь мир.

Логен вдруг понял, что говорит без остановки уже целую вечность. Он наговорил вдвое больше слов, чем за последние несколько лет, но Вест смотрел на него с тем же сосредоточенным вниманием.

— Судя по вашим словам, вы знаете свое дело, — заметил майор.

— Ну, вы предложили единственную тему, в которой я разбираюсь.

— Какой совет вы дадите человеку, отправляющемуся на войну с Бетодом?

Логен посуровел и ответил:

— Будьте осторожны. И следите за вашими тылами.

Джезаль не получал никакого удовольствия от происходящего. Вначале, разумеется, идея показалась ему восхитительной — как раз о таком он всегда мечтал: празднество в его честь, где соберутся знатнейшие люди Союза! Несомненно, это только начало чудесной новой жизни победителя турнира. Он уже видел перед собой великие свершения, которые все ему предсказывали — нет, обещали! Как перезрелый фрукт, они вот-вот сорвутся с дерева и упадут прямо в руки Джезали. Слава и карьера, несомненно, уже ожидают его. Возможно, сегодня вечером его сделают майором и он отправится на войну в Инглию во главе целого батальона.

Однако на деле оказалось, что большинство гостей гораздо больше интересовались собственными делами. Они обсуждали государственные проблемы, торговые сделки, покупку земли и права собственности, политические вопросы. Фехтование и замечательное мастерство капитана Луфара почти не упоминались. И мгновенное повышение по службе ему не светило. Он был вынужден просто сидеть, улыбаться и принимать до странности равнодушные поздравления роскошно одетых незнакомых людей, почти не смотревших ему в глаза. Восковая кукла могла бы запросто исполнить его роль. Он признал, что поклонение простого народа на трибунах доставило ему значительно больше удовольствия. По крайней мере, их восторженные крики звучали искренне.

Однако он никогда прежде не бывал во дворце — в этой крепости внутри крепости Агрионта. Сюда допускали только избранных. И вот теперь он сидел за главным столом в королевском обеденном зале; правда, Джезаль не сомневался, что его величество чаще обедает не здесь, а в постели, обложенный подушками, и кормят его, скорее всего, с ложечки.

В дальнем конце комнаты в стенной нише была устроена сцена. Джезаль слышал, что король Остус, вступивший на престол ребенком, во время трапез смотрел представления, которые разыгрывали для него придворные шуты. Морлик Безумец, по контрасту, за обедом любил наблюдать казни, а король Казамир каждое утро за завтраком заставлял двойников своих врагов выкрикивать ему с этой сцены оскорбления, чтобы гнев его не угасал. Но сейчас занавес был опущен. Придется искать другие развлечения, и шансов найти их оставалось немного.

Маршал Варуз, склонясь к уху Джезалья, болтал не переставая. Его хотя бы интересовало фехтование, но, к несчастью, он не говорил ни о чем другом.

— Я никогда не видел ничего подобного! Город буквально гудит, люди только и говорят об этом. Это самый замечательный поединок за всю историю фехтования! Клянусь, ты еще лучше Занда дан Глокты, каким он был в свое время, а я не надеялся увидеть подобного ему! Мне и во сне не снилось, что ты можешь так сражаться, я и не подозревал!

Джезаль неопределенно мычал в ответ.

Кронпринц Ладислав и его предполагаемая невеста Тереза Талинская являли собой ослепительную пару. Они сидели во главе стола, в непосредственной близости от дремлющего короля, и совершенно не обращали внимания на окружающих. Но это отнюдь не походило на поведение молодых влюбленных: принц и Тереза ругались, даже не понижая голоса. Соседи старательно делали вид, что не слушают, но впитывали каждое слово.

— Ну что ж, я скоро отправлюсь на войну в Инглию, так что вам не придется выносить меня слишком долго! — нудил Ладислав. — Может быть, меня там убьют! Это наконец осчастливит ваше высочество?

— О, прошу вас, только не надо умирать из-за меня! — парировала Тереза, чей стирийским акцент звучал очень ядовито. — Впрочем, если суждено, так тому и быть. Полагаю, я как-нибудь справлюсь со своим горем...

Один из соседей Джезалья отвлек его внимание, стукнув кулаком по столу:

— Черт бы побрал это простонародье! Проклятые крестьяне подняли

восстание в Старикланде! Они совсем не хотят работать! Этим собакам даже руку поднять лень!

— Виноваты налоги, — проворчал другой гость. — Из-за военных поборов все полезли в бутылку. Вам не доводилось слышать о мерзком типе, которого называют Дубильщиком? Какой-то чертов крестьянин открыто проповедует бунт! Мне говорили, что смерды напали на одного из королевских сборщиков всего в миле от стен Колона. На королевского сборщика, подумать только! Какой-то сброд! В миле от городских стен...

— Ну мы сами, черт возьми, накликали это на себя!

Джезаль не видел лица говорившего, но узнал его по вышитым золотом манжетам мантии: Маровия, верховный судья. Он продолжал свою речь:

— Если обращаться с человеком как с собакой, рано или поздно он начнет кусаться, это очевидный факт. Как правители и просто как благородные люди мы обязаны уважать и защищать простой народ, а не угнетать и презирать его!

— Я ничего не говорил о презрении или угнетении, лорд Маровия. А только о том, что они должны платить нам должное как землевладельцам, да и как своим природным господам, если уж на то пошло...

Тем временем маршал Варуз не умолкал ни на мгновение:

— Да, это было здорово! Как ты сделал его, одним клинком против двух! — Старый солдат рассек ладонью воздух. — Весь город гудит! Ну, теперь тебя ждут великие дела, мой мальчик, попомни эти слова. Тебя ждут великие дела! Будь я проклят, если ты когда-нибудь не займешь мое кресло в закрытом совете!

Джезаль терпел Варуза долгие месяцы, но ему представлялось, что после победы с этим будет покончено. Однако его постигло разочарование. Странно, но Джезаль до сих пор не вполне осознавал, каким нудным старым кретином был маршал Варуз. Сейчас он ощутил это в полной мере.

В дополнение ко всем огорчениям за праздничным столом сидели люди, которых Джезаль совершенно не хотел видеть среди своих гостей. Он мог бы сделать исключение для архилектора королевской инквизиции — Сульт был членом закрытого совета и, несомненно, персоной могущественной. Но зачем архилектору понадобилось тащить с собой этого мерзкого Глокту? Калека выглядел еще хуже, чем обычно, его глаза, окруженные темными кругами, глубоко запали. Он постоянно бросал на Джезала мрачные настороженные взгляды, словно подозревал его в каком-то преступлении. Это наглость, черт возьми, — ведь сегодня чествуют победителя турнира!

А в другом конце зала капитан увидел лысого старика, называвшего себя Байязом. Джезаль до сих пор не понял смысла странных слов, сказанных магом после турнира, и почему отец так отреагировал на его появление. Рядом с Байязом сидел его отвратительный спутник, девятипалый варвар.

Майору Весту не повезло — его посадили рядом с дикарем, однако он неплохо справлялся с неприятной ситуацией. Когда Джезаль посмотрел на приятеля, тот вел оживленный разговор с соседом. Северянин время от времени раздражался внезапными раскатами хохота и колотил огромным кулаком по столу, заставляядребезжать стаканы. Ну хорошо, что хоть кто-то получает удовольствие от праздника, кисло подумал Джезаль. Он почти желал оказаться там, вместе с ними.

Несмотря на все разочарования, он по-прежнему думал о том, что хочет стать важной персоной. Хочет носить одежду, украшенную мехом, и тяжелую золотую цепь, указывающую на его положение. Хочет, чтобы люди кланялись, расшаркивались и лебезили перед ним. Он давно так решил, и эта мысль по-прежнему ему нравилась. Однако вблизи все казалось чудовищно фальшивым и нудным! Куда приятнее очутиться наедине с Арди. Несмотря на то, что он виделся с ней прошлым вечером. Уж в ней-то нет ничего нудного...

— Говорят, дикари уже на подступах к Остенгорму! — кричал кто-то слева от Джезали. — Лорд-губернатор Мид собирает войска. Он поклялся, что выкинет варваров из Инглии!

— Что? Мид? Да надутый старый дурак не сумеет и горелую корку выкинуть из тарелки!

— Ну, его вполне достаточно, чтобы разделаться с этими животными. Один хороший солдат Союза стоит десятка таких, как они...

Общий гомон внезапно пререзал пронзительный голос Терезы — настолько громкий, что его, наверное, услышали в дальнем конце комнаты:

— Разумеется, я выйду замуж, если мне прикажет отец, но я не обязана делать вид, что мне это нравится!

Ее лицо исказилось такой злобной гримасой, что Джезали бы не удивило, если бы она тут же ткнула кронпринца вилкой в лицо. Капитан ощутил некоторое удовлетворение: значит, он не единственный, у кого проблемы с женщинами.

— О да, потрясающее зрелище! О поединке говорят повсюду! — продолжал бубнить Варуз.

Джезаль заерзал на стуле. Долго ли еще продлится треклятое празднество? Он задыхался. Капитан снова оглядел лица гостей и поймал

взор Глокты: тот смотрел на него с прежним мрачным и настороженным выражением изможденного лица. Джебаль даже на собственном празднике не мог долго выдерживать взгляд инквизитора. Черт возьми, что этот калека против него имеет?

«Мелкая гадина. Он жульничал. Я знаю это, хотя и не знаю как».

Взгляд Глокты изучал лица гостей за столом напротив, пока не остановился на Байязе. Старый мошенник тоже был здесь и чувствовал себя как дома.

«Он участвовал в этом. Они жульничали вместе. Хотя я и не знаю как».

— Господа и дамы! — Лорд-камергер поднялся, чтобы произнести свою речь, и разговоры смолкли. — От имени его величества я приветствую вас на нашем скромном празднике.

Сам король слабо пошевелился, обвел вокруг себя бессмысленным взором, моргнул и снова закрыл глаза.

— Мы собрались здесь, как вы все знаете, чтобы почтить капитана Джебала дан Луфара. Его имя только что вошло в почетный список избранных — фехтовальщиков, одержавших победу на летнем турнире.

Некоторые гости подняли бокалы, раздалось несколько равнодушных возгласов одобрения.

— Среди присутствующих здесь я вижу и других победителей турнира. Многие из них сейчас занимают главнейшие посты в государстве. Это лорд-маршал Варуз, это Валдис, командующий рыцарями-герольдами, это майор Вест — как известно, он состоит при штабе маршала Берра. Даже я в свое время был чемпионом... хотя мое время, разумеется, давно прошло.

Он улыбнулся и опустил взгляд на свое выпирающее брюхо. По комнате пронеслась рябь вежливых смешков.

«Заметим, что меня он не упомянул. Очевидно, не всем победителям можно позавидовать, а?»

— Многие победители турнира, — продолжал лорд-камергер, — впоследствии становились героями и вершили великие дела. Я надеюсь — конечно же, мы все надеемся, — что так случится и с нашим юным другом, капитаном Луфаром!

«А я надеюсь, что лживый гаденыш встретит мучительную смерть в Инглии».

Тем не менее Глокта поднял бокал вместе со всеми, чтобы выпить за здоровье надутого осла, в то время как Луфар во главе стола наслаждался

каждым мгновением.

«Подумать только! Ведь я сидел в том же самом кресле после моей победы на турнире. Мне тоже аплодировали и завидовали, меня тоже хлопали по плечу. Другие потные лица, но такие же роскошные одежды, и, по сути, ничего с тех пор не изменилось. Была ли моя тогдашняя улыбка менее самодовольной? Разумеется, нет! Откровенно говоря, я был еще хуже. Но я, по крайней мере, победил честно!»

Лорд Хофф отнесся к своему тосту с таким рвением, что не остановился, пока не опустошил кубок до дна. Затем поставил его обратно на стол и облизал губы.

— Ну что ж, а теперь, пока не принесли еду, вас ждет небольшой сюрприз, подготовленный моим коллегой архитектором Сультом в честь кое-кого из наших гостей. Надеюсь, вы найдете его занимательным.

И лорд-камергер тяжело опустился в кресло, тут же протянув свой пустой кубок, чтобы в него налили еще вина.

Глокта бросил взгляд на Сульта. «Сюрприз от архитектора? Кому-то это не обещает ничего хорошего».

Тяжелый красный занавес на сцене медленно раздвинулся и открыл взорам публики дощатые подмости. Там лежал старик в белом одеянии, запятнанном ярко-красной кровью. Широкий холст на заднем плане изображал лес под звездным небом. Это неприятно напомнило Глокте роспись в круглой комнате — той самой, в подвале приобретенного Секутором полуразрушенного дома возле доков.

Из-за кулис уверенным шагом вышел второй человек: тоже пожилой, высокий, худощавый, с замечательно тонкими и четкими чертами. Несмотря на то что его голова была наголо выбрита, а внизу лица топорщилась короткая белая борода, Глокта сразу узнал его.

«Йозив Лестек, один из самых знаменитых городских актеров».

Заметив окровавленное тело, актер нарочито содрогнулся.

— О-о-о! — завопил он и широко раскинул руки в театрально-преувеличенном отчаянии.

У него был очень сильный голос — такой сильный, что затряслись потолочные балки. Убедившись, что внимание аудитории приковано к нему, Лестек принялся декламировать, рассекая воздух плавными жестами рук. На лице его отражались все бушующие страсти.

Здесь Иувин лежит, мой добрый мастер.

И смерть его — конец мечтам о счастье!

Все Канедиаса предательство сгубило.

Зашло животворящее светило
Над нашим веком.

Старый актер откинул назад голову, и Глокта увидел, что в его глазах
блестят слезы.

«Ловкий трюк — вот так заплакать в нужный момент».

Одинокая слезинка медленно скатилась по щеке; зрители замерли как
за мороженые. Лестек снова повернулся к телу.

Брат убивает брата! За все время
Не видел мир такого преступления.
О, почему свет звездный не померк,
Не расступился ад и не изверг
Ревущий огонь?

Он бросился на колени и ударил себя в грудь.

О горький рок! Как счастлив был бы я
С ним вместе умереть! Но нет, нельзя:
Когда великий умирает, мы,
Хоть велика потеря, жить должны
И биться дальше!

Лестек медленно поднял голову, взглянул на публику и медленно
поднялся с колен; глубочайшая скорбь на его лице сменялась суровой
решимостью.

Пусть Делателя Дом и затворен,
Пусть камнем он и сталью укреплен,
Дождусь, пока та сталь не проржавеет,
Иль камни раскрошу и в пыль развею,
Но я отмщу!

Глаза актера сверкали огнем, когда он, запахнувшись в мантию,
горделиво сходил со сцены под восхищенные аплодисменты. Это была
сокращенная версия известной и часто исполняемой пьесы.

«Но не часто ее исполняют настолько хорошо. — Глокта с удивлением осознал, что и сам аплодирует. — Отличная игра. Благородство, страсть, властность... У него это получается куда убедительнее, чем у нашего фальшивого Байяза».

Он откинулся в кресле, вытянул левую ногу под столом и приготовился насладиться спектаклем.

Логен смотрел, наморщив лицо от напряжения. Он догадался, что это одно из тех представлений, о которых говорил Байяз, но недостаточное владение языком мешало разобраться в сюжете.

Актеры расхаживали взад и вперед по сцене, одетые в яркие костюмы, много вздыхали и размахивали руками, разговаривали нараспев. Видимо, предполагалось, что двое из них темнокожие, хотя это были явно белые люди с лицами, размалеванными черной краской. В другой сцене тот, который играл Байяза, о чем-то шептал женщине через дверь — похоже, умолял открыть. Правда, дверь была куском раскрашенного дерева, водруженным прямо посередине подмостков, а женщину изображал мальчик в платье. Было бы проще, подумал Логен, обойти этот кусок дерева и поговорить с ним — или с ней — лицом к лицу.

Одно, однако, не вызывало сомнений: настоящий Байяз был очень недоволен. Логен чувствовал, что раздражение мага растет с каждой новой сценой. Оно достигло пика, когда главный злодей — крупный человек в перчатке и с повязкой через глаз — спихнул мальчика в платье с какой-то деревянной зубчатой стены. Подразумевалось, что он (или она) при этом упал с большой высоты, хотя Логен слышал, как юный актер приземлился на что-то мягкое позади подмостков.

— Как они смеют, черт побери? — сквозь зубы прорычал настоящий Байяз.

Логен с радостью покинул бы зал, если бы мог. Но пришлось удовлетвориться тем, что он подвинул свой стул поближе к Весту, как можно дальше от разгневанного волшебника.

Тем временем на сцене второй Байяз сражался со стариком в перчатке и с повязкой на глазу, хотя их сражение в основном состояло из хождения кругами и длинных разговоров. В конце концов злодей отправился вслед за мальчиком за край подмостков, но не прежде, чем его противник получил от него огромный золотой ключ.

— Да здесь деталей даже больше, чем в оригинале, — пробурчал настоящий Байяз, когда его двойник воздел ключ над головой и разразился новым потоком стихов.

Представление подходило к концу, а Логен по-прежнему мало что понимал. Но все же он уловил последние две строки как раз перед тем, как старый актер склонился в низком поклоне:

В конце рассказа просим снисхожденья,
Мы не держали в мыслях оскорбленья.

— Как же, не держали, мать твою! Расскажи это моей старой заднице! — прошипел Байяз сквозь стиснутые зубы, изображая на лице улыбку, и бурно зааплодировал.

Глокта смотрел, как занавес опускается перед Лестеком, который отвешивал последние поклоны публике, не выпуская из рук сияющий золотой ключ. Когда аплодисменты утихли, архитектор Сульт снова поднялся с места.

— Я очень рад, что наше маленькое развлечение вам понравилось, — произнес он, любезно улыбаясь благодарным зрителям. — Не сомневаюсь, что многие из вас видели эту пьесу раньше, но сегодня вечером она имеет особенное значение. Капитан Луфар — не единственный, ради кого мы здесь собрались. Сегодня среди нас присутствует еще один почетный гость — не кто иной, как главный герой нашей пьесы. Сам Байяз, первый из магов!

Сульт улыбнулся и повел рукой в сторону старого мошенника, сидевшего в другом конце зала. Послышался тихий шорох: все гости отвернулись от архитектора, чтобы посмотреть на Байяза. Тот улыбнулся им.

— Добрый вечер, — сказал он.

Некоторые из высокопоставленных лиц засмеялись, ожидая продолжения забавы, но Сульт не присоединился к ним, и веселье быстро угасло. В комнате воцарилось неуютное молчание.

«Убийственное молчание, я бы сказал».

— Первый из магов. Он живет с нами в Агрионте вот уже несколько недель. Он и несколько его... товарищей. — Сульт свысока взглянул на покрытого шрамами северянина, затем снова перевел взгляд на самозваного мага. — Байяз... — Он покатал имя во рту, чтобы оно достигло ушей каждого из слушателей. — Первая буква в алфавите древнего языка. Первый ученик Иувина, первая буква алфавита, не так ли, мастер Байяз?

— Что же, архитектор, — отозвался маг с той же улыбкой, — вы

наводили обо мне справки?

«Впечатляющая выдержка. Даже теперь, когда он должен чувствовать, что игра скоро закончится, он не выходит из роли».

Сульт, однако, не был впечатлен.

— Это моя обязанность — всесторонне исследовать любого, кто может представлять собой угрозу для моего короля или страны, — жестко произнес он.

— Вы настоящий патриот! Ваши исследования, несомненно, открыли вам, что я по-прежнему являюсь членом закрытого совета, хотя мое кресло пока стоит пустым. Поэтому, полагаю, более уместно обращаться ко мне «лорд Байяз».

Холодная улыбка Сульта осталась неизменной.

— А когда в точности вы в последний раз посещали нас, лорд Байяз? Казалось бы, человек, настолько глубоко вовлеченный в нашу историю, должен проявить к ней больше интереса за эти годы! Почему же, если позволите спросить, на протяжении столетий после образования Союза, со времен Гарода Великого, вы ни разу не нанесли нам визит?

«Хороший вопрос. Жаль, что он не пришел мне в голову».

— Ну как же, я наносил вам визиты. Во время правления короля Морлика Безумца и в течение гражданской войны, последовавшей после него. Я был наставником молодого человека по имени Арнольт. Позже, когда Морлика убили и Арнольт был возведен на трон открытым советом, я служил при нем в качестве лорд-камергера. В те дни я называл себя Бьяловельдом. Затем я снова посетил вашу страну в царствование короля Казамира — ему я был известен как Цоллер. Тогда я занимал ваше место, архилектор!

Глокта едва сумел сдержать возглас негодования и услышал несколько таких же вскриков с соседних мест.

«У него нет никакого стыда, в этом ему не откажешь. Бьяловельд и Цоллер, двое самых почитаемых служителей Союза! Да как он смеет? А впрочем... — Глокта представил себе портрет Цоллера в архилекторском кабинете и статую Бьяловельда в аллее Королей. — Да, оба лысые, суровые, оба с бородами... Да о чем это я думаю? Вон у майора Веста волосы редют на макушке — и что же, это делает его легендарным волшебником? Скорее всего, шарлатан просто перебрал всех значительных людей в истории и выбрал двух самых лысых».

Сульт тем временем перешел к другой тактике:

— Скажите мне тогда вот что, Байяз: существует широко известная история о том, как Гарод усомнился в вас, когда вы впервые пришли в его

дворец много лет назад. И тогда в качестве доказательства своего могущества вы разбили перед королем надвое его длинный стол. Возможно, среди собравшихся здесь сегодня тоже есть несколько скептиков. Не покажете ли вы нам что-либо подобное прямо сейчас?

Чем холоднее становился тон Сульта, тем беззаботнее выглядел старый мошенник. Эту последнюю попытку он попросту отмел ленивым взмахом руки:

— То, о чем вы говорите, архилектор, не какие-то фокусы и не игра на сцене. Подобные деяния всегда представляют определенную опасность и имеют определенную цену. К тому же мне стыдно портить капитану Луфару праздник только для того, чтобы покрасоваться. Не говоря о том, что будет испорчена прекрасная старинная мебель. Я, в отличие от большинства нынешних людей, питаю глубочайшее почтение к прошлому.

Наблюдая за поединком двух стариков, кое-кто неуверенно улыбался, поскольку все еще подозревал некий хитроумный розыгрыш. Более чувствительные гости мрачно хмурились и пытались понять, что происходит и кто берет верх. Верховный судья Маровия, как заметил Глокта, откровенно наслаждался происходящим.

«Словно он знает что-то, чего не знаем мы. — Глокта неуютно поерзал на стуле, не спуская глаз с лысого актера. — Дело идет далеко не так хорошо, как хотелось бы. Когда же он начнет потеть? Когда?»

Кто-то поставил перед Логеном миску с дымящимся супом. Не было сомнений в том, что это еда, но теперь у него пропал аппетит. Пусть Логен и не знаком с придворным этикетом, но он с первого взгляда мог различить, когда люди готовятся к драке. С каждой новой репликой улыбки на лицах двух стариков таяли, голоса становились жестче, а гнетущая атмосфера в зале сгущалась. Теперь уже все присутствующие встревожились — и Вест, и тот самодовольный парень, что выиграл игру на мечах благодаря жульничеству Байяза, и лихорадочно-беспокойный калека, приходивший расспрашивать товарищей мага...

Логен почувствовал, как у него зашевелились волосы на загривке: в ближайшем дверном проеме маячили две фигуры. В черной одежде и черных масках. Его взгляд метнулся к другим дверям. В каждом проеме стояли такие же фигуры в масках — по две, а то и больше. Вряд ли они находились там, чтобы забрать у гостей пустые тарелки.

Они пришли за ним. За ним и за Байязом, Логен чувствовал это. Если человек надел маску, он явно задумал черное дело. Конечно, Логену не справиться со всеми этими людьми, но он все же стащил со стола и спрятал

в рукав нож, лежавший рядом с тарелкой. Если они попытаются взять Девятипалого, он будет драться. Без раздумий.

Голос Байяза уже звучал сердито:

— Я представил вам все доказательства, о которых вы просили, архилектор!

— Доказательства! — Высокий человек по имени Сульт улыбнулся холодной и презрительной улыбкой. — Вы предъявили мне лишь слова и пыльные бумаги! Больше похоже на сопливого писца, чем на героя легенды! Люди вам скажут, что если маг не творит чудеса — он просто старик, сующий нос в чужие дела! Мы ведем войну и не позволим себе рисковать! Вы сами упомянули архилектора Цоллера. Его усердие в деле выявления истины отражено во многих документах. Уверен, вы можете понять меня. — Сульт наклонился вперед, упершись кулаками в стол. — Покажите нам магию, Байяз! Или покажите ключ!

Логен сглотнул. Ему очень не нравилось развитие событий. С другой стороны, он не знал правил этой игры. Однажды он решил довериться Байязу и теперь не изменит решения. Поздно переходить на другую сторону.

— Ну что, вам нечего больше сказать? — спросил Сульт. Он медленно опустился в кресло, на его лицо вернулась улыбка. Его взгляд скользнул к дверям, и Логен всем телом ощутил, как фигуры в масках двинулись вперед, готовые к действиям. — У вас не осталось слов? Не осталось фокусов?

— Только один.

Байяз сунул руку за воротник. Он нащупал что-то у себя под рубашкой и потянул. Длинная тонкая цепочка. Одна из фигур в черной маске сделала шаг вперед, ожидая увидеть оружие, и рука Логена крепче сжала рукоятку столового ножа. Но когда цепочка была извлечена полностью, на конце ее болтался всего лишь тонкий брусок темного металла.

— Ключ, — пояснил Байяз, поднимая брусок к свету. Металл почти не отблескивал. — Возможно, он выглядит не так красиво, как тот, что был в вашей пьесе, но он настоящий, могу вас заверить. Канедиас никогда не имел дела с золотом. Он не любил красивых вещей. Он любил вещи, которые работают.

Архилектор скривил губу:

— И вы ждете, что мы просто поверим вам на слово?

— Разумеется, нет. Это ваша работа — подозревать всех и каждого, и должен сказать, вы справляетесь с ней исключительно хорошо. Однако уже довольно поздно, так что я подожду до завтрашнего утра, прежде чем

открою Дом Делателя. — Кто-то уронил на пол ложку, и она звякнула о плитку пола. — Разумеется, в присутствии свидетелей, которые проследят за тем, чтобы я не пытался смошенничать. Я бы предложил... — Холодные зеленые глаза Байяза обвели взглядом стол. — Инквизитора Глокту... И вашего нового победителя капитана Луфара.

Калека нахмурился, услышав свое имя; Луфар выглядел совершенно ошеломленным. Архилектор выпрямился, насмешливое и презрительное выражение его лица сменилось на непроницаемо-каменное. Он переводил внимательный взгляд с веселого лица Байяза на покачивающийся брусок темного металла и обратно. Потом посмотрел на людей в масках и еле заметно покачал головой. Темные фигуры отступили назад и исчезли в тени. Логен разжал ноющие челюсти и незаметно положил нож обратно на стол.

Байяз широко улыбнулся:

— Помилуйте, мастер Сульт, как вам трудно угодить!

— Я полагаю, более уместным обращением будет «ваше преосвященство», — прошипел архилектор.

— Совершенно верно, совершенно верно. Однако я вижу, что вы не почувствуете удовлетворения, пока я не сломаю что-нибудь из мебели. И поскольку мне бы не хотелось расплескать суп наших гостей...

Внезапно кресло под архилектором с треском подломилось. Сульт взмахнул рукой, ухватился за край скатерти и рухнул на пол среди рассыпающихся обломков, со стоном растянувшись на спине. Король вздрогнул и проснулся. Гости ахнули от неожиданности. Байяз не обращал внимания на поднявшийся переполох.

— А суп, кстати, отличный, — заметил он, шумно хлебнув кушанье с ложки.

Дом Делателя

День был ветреный, и Дом Делателя выглядел сурово и мрачно — огромный темный силуэт на фоне рваных облаков. Холодный ветер хлестал по улицам и площадям Агрионта, хлопал лапами темного пальто Глокты, ковылявшего вслед за капитаном Луфаром и предполагаемым магом рядом с покрытым шрамами северянином. Инквизитор знал, что за ними наблюдают.

«Следят с самого начала пути. Из окон, из-за дверей, с крыш».

Практики были повсюду. Глокта ощущал на себе их взгляды.

Он очень надеялся, что за ночь Байяз со своими спутниками исчезнет, но этого не произошло. Лысый старик тревожился не больше, чем если бы собирался открыть собственный погреб, и Глокте это не нравилось.

«Скоро ли его блеф закончится? Скоро ли он наконец поднимет руки вверх и признает, что это игра? Когда это случится — когда мы дойдем до Университета? Когда перейдем мост? Когда мы остановимся у самых ворот Дома Делателя и его ключ не подойдет?»

Но в отдаленном закоулке мозга инквизитора таилась другая мысль:

«А что, если это не закончится? Если дверь откроется? Если он действительно тот, кем себя называет?»

Пока они пересекали пустынный двор перед Университетом, Байяз беззаботно болтал с Луфаром.

«Так же непринужденно, как дед беседует с любимым внуком. И так же скучно».

— Конечно, город ужасно вырос с тех пор, как я последний раз был здесь, — говорил Байяз. — Район, который вы называете Три Фермы, теперь так многолюден, там идет такая бурная деятельность! А я помню времена, когда на том месте действительно стояли три фермы, и больше ничего! Честное слово! Причем эти фермы находились далеко за стенами города!

— Э-э... — протянул Луфар.

— А что до нового здания гильдии торговцев пряностями — я никогда не видел столь самодовольного...

Глокта хромал за ними, и его мысли метались, вылавливая скрытый смысл в море болтовни. Он искал порядок в этом хаосе.

«Зачем выбирать свидетелем меня? Почему не самого архилектора? Может быть, он считает, что меня легче провести? А зачем ему Луфар?»

Потому что Луфар выиграл турнир? А каким образом он выиграл? Может, капитан тоже замешан в обмане?»

Однако если Луфар и был в чем-то замешан, он ничем этого не выдавал. Глокта видел перед собой обычного самовлюбленного молодого идиота.

«И у нас есть еще одна головоломка».

Глокта покосился на огромного северянина. На изрубленном лице Логена не отражалось никаких преступных намерений, да и вообще никаких намерений. Невозможно было понять, что у него на уме.

«Кто он — полный глупец или очень хитрый человек? Можно ли им пренебречь или его следует бояться? Слуга он или господин?»

Ни на один из этих вопросов не было ответа. Пока.

— Ну а это место сейчас — лишь тень того, чем оно когда-то являлось, — сказал Байяз.

Он остановился перед входом в Университет и окинул взором ветхие покосившиеся статуи. Потом резко постучал в потемневшую деревянную дверь, так что она заходила на петлях. К удивлению Глокты, дверь почти сразу же отворили.

— Вас ожидают, — прохрипел древний привратник.

Они прошли мимо него и окунулись в полумрак.

— Я провожу вас... — начал старик, с трудом затворяя скрипящую дверь.

— Не нужно, — кинул ему Байяз через плечо, устремляясь вперед по пыльному коридору. — Я знаю дорогу!

Глокта изо всех сил старался не отстать. Он обливался потом, несмотря на холодную погоду, и припадал на горящую болью ногу. Он так спешил, что не имел времени подумать над тем, откуда лысый мошенник знает это здание.

«А он явно очень хорошо знает его!»

Байяз шагал уверенно, словно ходил здесь всю жизнь. Он неодобрительно качал головой при виде того, в каком состоянии находился Университет, и продолжал болтать:

— Нигде и никогда я не видел столько пыли. Как вам это нравится, капитан Луфар? Черт подери, я не удивлюсь, если здесь не прибирались со времен моего последнего посещения! Как можно заниматься науками в таких условиях? Не представляю!

Сотни мертвых и заслуженно позабытых адептов угрюмо взирали на них со своих портретов, как будто раздраженные этой суматохой.

Они шли по коридорам Университета — древнего, пыльного, всеми позабытого здания. Здесь не было ничего, кроме потемневших старых картин и заплесневелых книг. Джезаль никогда не понимал, зачем нужны книги. Он прочел несколько томов о фехтовании и верховой езде, еще парочку о знаменитых военных кампаниях, да однажды открыл огромную историю Союза, найденную в отцовском кабинете, но заскучал на четвертой странице.

— Вот здесь мы сражались со слугами Делателя, — продолжал бубнить Байяз. — Я хорошо помню, как это было. Они взывали к Канедиасу, умоляли его спасти их, но он так и не сошел вниз. Коридоры в тот день были залиты кровью, наполнены дымом и содрогались от воплей.

Джезаль не понимал, почему старый дурак выбрал именно его, чтобы рассказывать свои байки. Еще меньше он понимал, что отвечать магу.

— Наверное, это было... жестоко, — пробормотал юноша.

— Так и есть, — кивнул Байяз. — И я не горжусь этим. Но хорошим людям иногда приходится делать жестокие вещи.

— Точно, — внезапно буркнул северянин.

Джезаль и не подозревал, что он слушает.

— Кроме того, тогда была совсем другая эпоха. Жестокое время. Лишь в Старой империи можно было найти людей, несколько возвысившихся над первобытной дикостью. А Срединные земли, это сердце Союза, являли собой настоящий хлев. Никчемная страна, где жили постоянно воюющие варварские племена. Самые удачливые попадали на службу к Делателю, прочие оставались дикарями с размаляванными лицами, без письменности, без науки. Они мало отличались от животных.

Джезаль украдкой бросил взгляд на Девятипалого. Не так уж трудно представить себе варваров, когда у тебя под боком такая огромная скотина. Однако мысль о том, что прекрасная родина Джезала была когда-то «никчемной страной», а его предки — примитивными дикарями, казалась нелепой. Этот лысый старик либо пустой болтун, либо лжец, но некоторые важные люди почему-то принимают его всерьез. Джезаль всегда считал полезным делать то, что говорят важные люди.

Логен вслед за остальными прошел в запущенный дворик, ограниченный с трех сторон полуразрушенными корпусами Университета, а с четвертой — внутренней стороной отвесной стены Агрионта. Все вокруг заросло мхом, густым плющом, высохшим колючим кустарником. Среди бурьяна на шатком стуле сидел человек и наблюдал за приближающейся компанией.

— Я ждал вас, — сказал он, поднимаясь с некоторым затруднением. — Чертовы колени! Я уже не тот, что был раньше.

Ничем не примечательный немолодой человек, одетый в поношенную рубашку с пятнами на груди. Байяз насупился и посмотрел на него:

— Вы главный хранитель?

— Да, я.

— А где все остальные?

— Моя жена готовит завтрак, а кроме нее, в общем-то, никого тут и нет. Яичница, — добавил он весело, похлопывая себя по животу.

— Что?

— У нас на завтрак. Люблю яичницу.

— Рад за вас, — пробормотал Байяз, несколько озадаченный. — В царствование короля Казамира хранителями Дома назначали пятьдесят храбрейших солдат королевской охраны, и они сторожили здешние ворота. Это считалось высочайшей честью!

— Ну, это давно прошло, — отозвался единственный хранитель, теребя свою засаленную рубашку. — Во времена моей юности нас было девять. Потом кто-то занялся другими делами, кто-то умер, а новых так и не прислали. Не знаю, кто займет мое место, когда я умру. Желающих мало.

— Вы меня удивляете. — Байяз прочистил горло. — Слушай меня, главный хранитель! Я, Байяз, первый из магов, прошу твоего дозволения подняться по лестнице к пятым вратам, через пятые врата взойти на мост и через мост дойти до двери Дома Делателя!

Главный хранитель прищурился:

— Вы уверены?

— Уверен. А что? — спросил Байяз с растущим нетерпением.

— Да вот вспоминаю парня, который в последний раз пробовал это сделать. Я тогда был еще мальчишкой. Вроде бы он был непростой человек, какой-то мудрец или вроде того. Он поднялся по лестнице с десятью крепкими работниками, с зубилами, молотками, ломami и прочими инструментами. Заявил, что откроет Дом и вынесет оттуда сокровища. Но через пять минут они вернулись обратно и уже ничего не говорили, а вид имели такой, будто ходячего мертвеца увидали.

— Что же произошло? — спросил Луфар.

— Не знаю. Одно могу сказать точно: никаких сокровищ при них не было.

— Без сомнения, это очень страшная история, — сказал Байяз. — Тем не менее мы идем.

— Ну, как знаете.

Хранитель повернулся и повел их через запущенный двор. Они поднялись по узкой лестнице с истертыми ступенями, прошли по туннелю сквозь высокую стену Агрионта и оказались в темноте перед узкой двустворчатой дверью.

Логен ощутил какое-то странное беспокойство, когда отодвигались засовы. Он передернул плечами, пытаясь избавиться от непонятного ощущения, и хранитель ухмыльнулся ему:

— Уже почувствовал, да?

— Почувствовал что?

— «Дыхание Делателя», так это называют. — Хранитель тихо толкнул створки, и они одновременно распахнулись, заливая светом тьму туннеля. — Дыхание Делателя...

Глокта шел по мосту, пошатываясь, вонзив зубы в десны, мучительно осознавая количество пустого пространства под ногами. Мост представлял собой цельную изящную арку, перекинувшуюся от верхней части стены Агрионта к воротам Дома Делателя. Глокта часто любовался ею снизу, из города, с другой стороны озера, и удивлялся, как она смогла уцелеть за эти годы. Удивительная, прекрасная конструкция.

«Однако сейчас она не кажется такой прекрасной».

Мост шириной в рост человека и слишком узкий, чтобы чувствовать себя спокойно, плюс ужасающее расстояние до воды внизу. Что еще хуже, здесь не было ни парапета, ни даже деревянных перил.

«А ветерок сегодня довольно свежий».

Луфар и Девятипалый тоже выглядели обеспокоенными, хотя они, думал Глокта, не испытывают проблем со своими ногами. Одного лишь Байяза не пугала долгая прогулка по мосту: он шел уверенно, словно по деревенской дороге.

И разумеется, весь путь их накрывала огромная тень Дома Делателя. Чем ближе они подходили, тем более массивным он становился. Самый нижний из его парапетов располагался значительно выше стены Агрионта. Дом был как голая черная гора, отвесно поднимавшаяся из озера и загораживающая солнце. Создание другой эпохи, построенное по другим масштабам.

Глокта глянул назад, в сторону оставшейся за спиной двери. Кажется, он уловил какое-то движение между зубцами стены наверху?

«Наблюдающий практик?»

Они увидят, как старику не удастся открыть дверь. Они будут ждать, чтобы взять его, когда компания двинется в обратный путь.

«Но до тех пор я беспомощен».

Это мысль не утешала.

А Глокта нуждался в утешении. Он ковылял по мосту, а в сердце его набухал страх. Страх был сильнее, чем боязнь высоты, чем риск оказаться рядом с неизвестными людьми, чем эта огромная башня, нависающая над головой. Глубокий подлый страх без всякой причины. Животный ужас кошмара. С каждым шагом ощущение все росло. Теперь Глокта видел дверь — квадрат темного металла, вделанный в гладкие камни башни. В центре по кругу были вытравлены буквы. По какой-то причине их вид вызывал у Глокты тошноту, но он все равно тащился по направлению к ним. Точнее, буквы располагались двумя кругами: большие и маленькие, тонкий паучий шрифт, который инквизитор не смог распознать. Его кишки завязывались узлом. Много кругов; буквы и строчки слишком мелкие, чтобы их разглядеть. Они плыли перед распухшими и слезящимися глазами. Дальше идти он не мог. Глокта замер на месте, опираясь на трость, и каждой каплей своей воли боролся с побуждением упасть на колени, развернуться и ползти назад.

С Десятипалым дело обстояло не лучше: он тяжело дышал, на его лице застыло выражение глубочайшего ужаса и отвращения. Луфару было еще хуже. Крепко сжав зубы, наполовину парализованный и задыхающийся, мертвенно-бледный, он медленно опустился на одно колено как раз в тот миг, когда Глокта бочком протиснулся мимо.

Один Байяз не выглядел напуганным. Он подошел прямо к двери и провел пальцами по строчке самых крупных символов.

— Одиннадцать стражей. И одиннадцать перевернутых стражей. — Он потрогал круг из букв помельче. — И одиннадцать раз по одиннадцать. — Его палец прошелся по тонкой линии, окружавшей их.

«Неужели и эта линия тоже состоит из крошечных букв?» — подумал Глокта.

— Кто может сказать, сколько здесь сотен? Воистину могущественное заклинание! — говорил маг.

Ощущение благоговейного страха лишь немного уменьшилось от того звука, который издавал Джезаль: он шумно блевал через край моста.

— Что здесь написано? — прохрипел Глокта и постарался проглотить сгусток желчи.

Старик ухмыльнулся.

— А разве вы сами не чувствуете, инквизитор? Здесь написано: «Поворачивай назад!» Здесь написано: «Прочь отсюда!» Здесь написано: «Никто... не... пройдет!» Но это послание не для нас.

Он запустил руку за пазуху и достал брусок темного металла. Такого же, из какого была сделана сама дверь.

— Нам нельзя здесь оставаться, — прорычал сзади Девятипалый. — Это место мертвое. Надо уходить.

Но Байяз, казалось, его не слышал.

— Магия утекает из мира, — слышал Глокта его бормотание, — и все достижения Иувина лежат в руинах. — Байяз взвесил ключ на ладони, медленно поднял его вверх. — Но работа Делателя остается столь же крепкой, как прежде. Время не умалило ее... и никогда не умалит.

На двери не было замочной скважины, но ключ медленно скользнул внутрь ее. Медленно-медленно, в самый центр всех кругов. Глокта затаил дыхание.

Щелк.

Ничего не произошло. Дверь не открылась!

«Ну вот и все. Игра окончена».

Он ощутил, как нахлынуло облегчение, и повернулся назад к Агрионту, поднимая руку, чтобы дать сигнал практикам на вершине стены.

«Мне не нужно идти дальше. Не нужно».

И тут из глубины двери донеслось ответное эхо.

Щелк.

Глокта почувствовал, как его лицо дернулось вместе с этим звуком.

«Может быть, мне почудилось?»

Он надеялся на это, надеялся всем существом.

Щелк.

Снова!

«Нет, никакой ошибки».

И вот перед его отказывающимися верить глазами круги в двери начали поворачиваться. Глокта ошеломленно отступил назад, скребнув тростью по камням моста.

Щелк, щелк.

Ничто не позволяло предположить, будто металл не был монолитным — никаких трещинок, никаких бороздок, никакого механизма. Однако круги вращались, каждый со своей собственной скоростью.

Щелк, щелк, щелк...

Все быстрее и быстрее. У Глокты закружилась голова. Внутренний круг из больших букв по-прежнему еле полз, а внешний, самый тонкий, крутился с такой скоростью, что невозможно было уследить за ним глазами.

Щелк, щелк, щелк, щелк, щелк...

Движущиеся символы соединялись и образовывали фигуры: линии, квадраты, треугольники. Невообразимо сложные комбинации плясали перед глазами Глокты и мгновенно исчезали, когда круги поворачивались...

Щелк.

Круги остановились, собравшись в новый узор. Байяз протянул руку и вытащил ключ из двери. Раздалось тихое, едва слышное шипение, словно шелест волн где-то вдалеке, и в двери появилась длинная трещина. Две половинки начали медленно и плавно раскрываться. Пространство между ними неуклонно расширялось.

Щелк.

Они скользнули внутрь стен, заподлицо со сторонами квадратного проема. Дверь была открыта.

— Да, — тихо проговорил Байяз, — вот это мастерство.

Изнутри не веяло гнилью или разложением, не было затхлости, какая образуется в запертом на столько лет помещении, — лишь поток прохладного сухого воздуха.

«И все же ощущение такое, будто открыли гроб».

Стояла абсолютная тишина. Ее нарушал лишь ветер, шелестевший по темному камню, свистящее дыхание Глокты да плеск воды далеко внизу. Неземной ужас пропал. Теперь, глядя в открытый проем, инквизитор ощущал лишь тревогу.

«Но не больше, чем перед дверью в кабинет архилектора».

Байяз повернулся к ним с улыбкой.

— Много лет прошло с тех пор, как я запечатал это место, и за все эти годы ни один человек не переступал его порог. Вам троим выпала великая честь!

Глокта не осознавал никакой чести. Он чувствовал себя больным.

— Там, внутри, немало опасностей. Ничего не трогайте и идите только по моим следам. Старайтесь держаться поближе ко мне, потому что дорога может меняться.

— Меняться? — переспросил Глокта. — Как это может быть?

Старик пожал плечами.

— Я привратник, а не творец, — ответил он и опустил ключ на цепочке обратно за воротник рубашки.

И шагнул в темный проем.

Джезаль чувствовал себя плохо, совсем плохо. И дело не в тошноте, которую почему-то вызвали у него буквы на двери. Это был шок и прилив неожиданного отвращения, словно он взял в руки чашку и отхлебнул из

нее, а внутри оказалась не вода, а нечто совсем другое. Моча, например. Так произошло сейчас, такой же приступ отвращения и удивления, но растянувшийся на минуты и часы. Джезаль всегда отмахивался от подобных вещей, считая их чушью и старыми сказками, и вдруг они объявились перед ним в качестве непреложных фактов. Мир стал совсем иным, чем день назад, он оказался таинственным и тревожным, а Джезалю отчаянно хотелось видеть его таким, как раньше.

Зачем он здесь? Джезаль не мог этого понять. Он почти ничего не знал об истории. Канедиас, Иувин, Байяз — имена из пыльных книг, он что-то слышал о них в детстве, безо всякого интереса. Сейчас ему просто не повезло; не повезло, и все тут. Он победил на турнире, а теперь вынужден бродить по какой-то странной старой башне. Только и всего, ничего больше. Странная старая башня.

— Добро пожаловать в Дом Делателя, — проговорил Байяз.

Джезаль оторвал взгляд от пола, и его челюсть отвисла. Слово «дом» едва ли могло описать это огромное сумрачное пространство. Здесь мог бы с удобством разместиться Круг лордов — все здание целиком — и еще осталось бы место. Стены сделаны из шероховатых каменных глыб, неотесанных, не скрепленных раствором, наваленных друг на друга без всякого порядка, и, однако, вздымавшихся все выше и выше. В центре помещения, высоко над головами, что-то висело. Что-то огромное, зачаровывающее.

Оно напомнило Джезалю какой-то навигационный инструмент, выполненный в большом масштабе. Это была система поблескивавших в тусклом свете гигантских металлических колец, одно вокруг другого, с меньшими кольцами между ними, внутри них, вокруг них. В общей сложности их набралось бы не меньше сотни, и все покрыты какими-то метками — возможно, письменами или просто бессмысленными зарубками. В самом центре конструкции висел огромный черный шар.

Байяз уже ступил на гигантский круг пола, который покрывали замысловатые линии из светлого металла, вделанного в темный камень. Шаги мага эхом отдавались высоко вверху. Джезаль нехотя потащился следом. Передвижение в столь огромном пространстве пугало и вызывало головокружение.

— Это Срединные земли, — сказал ему Байяз.

— Что?

Старик показал вниз. Внезапно извилистые металлические линии приобрели смысл: это береговые линии, горы, реки, суша и море. Очертания Срединных земель, ясно запечатлевшиеся в мозгу Джезали по

сотням карт, лежали под его ногами.

— Здесь весь Земной круг. — Байяз повел рукой вдоль бесконечного пола. — Там лежит Инглия, а позади нее земли Севера. Гуркхул в той стороне. Вон Старикланд и Старая империя, а здесь города-государства Стирии, позади Сулджук и далекий Тхонд. Канедиас обнаружил, что земли известного нам мира образуют круг. Центр его находится здесь, в Доме, а внешний край проходит через остров Шабульян далеко на западе, за Старой империей.

— Край мира, — пробормотал северянин, тихо кивая.

— Какая самонадеянность, — фыркнул Глокта, — считать свой дом центром всего сущего!

— Ха! — Байяз огляделся, окидывая взором огромное пространство зала. — Самонадеянности у Делателя хватало. Как и у его братьев.

Джезаль тупо уставился вверх. В высоту зал оказался еще больше, чем в ширину: невидимый потолок терялся в сумраке. Грубую каменную стену на высоте двадцати шагов опоясывали железные перила — похоже, там была галерея. Выше располагалась еще одна, над ней другая, и еще, и еще, едва различимые в тусклом свете. А на самом верху висела эта странная конструкция.

Внезапно Джезаль вздрогнул. Она двигалась! Эта штука двигалась! Медленно, плавно, беззвучно кольца перемещались, поворачивались, вращались одно вокруг другого. Невозможно представить, что приводило их в движение. Может быть, ключ в двери запустил механизм... или... Возможно ли, чтобы оно вращалось всегда, все прошедшие годы?

У Джезали закружилась голова. Теперь кольца поворачивались и вращались все быстрее, а галереи двигались в противоположных направлениях. Если стоишь с поднятой головой, трудно справиться с дезориентацией, и Джезаль устремил воспаленные глаза в пол, на карту Срединных земель. У него перехватило дыхание. Так еще хуже — теперь и пол тоже закачался! Зал вращался вокруг него! Проходы, ведущие наружу, не отличались друг от друга, их было не меньше дюжины, и Джезаль не мог угадать, куда идти. На него накатила волна паники. Лишь далекая черная сфера в центре кругов оставалась неподвижной. В отчаянии Джезаль зафиксировал на ней взгляд, заставляя себя дышать размеренно.

Постепенно стало легче. Огромный зал снова был неподвижен — почти. Кольца еще едва ощутимо шевелились в медленном бесконечном движении. Джезаль проглотил скопившуюся во рту слюну, ссутулился, опустил голову и поспешил за остальными.

— Не туда! — внезапно взревел Байяз.

Его голос взорвался в вязкой тишине, вырвался наружу и тысячекратно отозвался эхом в необъятном зале:

— Не туда! Не туда!

Джезаль отпрыгнул назад. Проем, за которым лежал сумрачный зал, выглядел точно так же, как тот, через который проходили спутники мага. Но теперь капитан понял, что взял правее. Его каким-то образом развернуло не в ту сторону.

— Идти по моим следам, я сказал! — прошипел старик.

— Не туда! Не туда! — не смолкало эхо.

— Простите... — лепетал Джезаль. Его голос в огромном пространстве звучал слабо и жалко. — Мне почудилось... они все одинаковые!

Байяз успокаивающе положил руку ему на плечо и без усилий повернул в нужном направлении.

— Я не хотел напугать вас, мой друг. Но было бы очень жаль, если бы такой одаренный молодой человек покинул нас в столь юном возрасте.

Джезаль нервно сглотнул и уставился в темный проход, гадая, что его там ожидало. Воображение предлагало бесконечное количество неприятных возможностей.

Эхо все еще шептало:

— Не туда... не туда... не туда...

Логен возненавидел это место. Застывшие мертвые камни, неподвижный воздух, и даже шаги звучали приглушенно и безжизненно. Здесь не было ни холодно, ни жарко, однако по его спине стекали струйки пота, а шею покалывало от беспричинного страха. Каждые несколько шагов он резко поворачивал голову от внезапного ощущения, что за ним наблюдают, но позади никого не было. Только этот мальчишка Луфар да хромой Глокта, озабоченный и сбитый с толку, как и сам Логен.

— Мы гнались за ним по этим залам, — тихо бормотал Байяз. — Нас было одиннадцать. Все маги, в последний раз вместе. Кхалюль и Захарус — вот здесь они бились с Делателем, и оба потерпели поражение. Им повезло, они смогли убежать и остались в живых. Ансельми и Сломанный Зуб были не настолько удачливы. Канедиас принес им смерть. Двух добрых друзей, двух братьев потерял я в тот день.

Они вышли на узкий балкон, освещенный бледной занавеской света. Гладкая каменная стена отвесно поднималась с одной стороны, с другой так же отвесно падала вниз и терялась в темноте. Черная яма, полная теней, без края, без вершины, без дна. Несмотря на огромное пространство, здесь не

звучало эхо. В неподвижном воздухе не чувствовалось ни малейшего дуновения, он был спертым и затхлым, как в гробнице.

— Где-то внизу, несомненно, течет вода, — пробормотал Глокта, мрачно глядя поверх ограждения. — Должно же там быть хоть что-то? — Он прищурился и взглянул наверх. — А где потолок?

— Тут воняет, — заныл Луфар, зажав нос.

Логен в кои-то веки с ним согласился. Этот запах он знал хорошо. Его губы растянулись, обнажились зубы — он оскалился от ненависти:

— Пахнет треклятыми плоскоголовыми!

— О да, — сказал Байяз, — шанка тоже сотворены мастером.

— Сотворены?

— Совершенно верно. Он взял глину, металл, излишек плоти — и сделал их.

Логен уставился на него:

— Он их сделал?

— Чтобы они сражались за него. Против нас. Против магов. Против его брата Иувина. Он вырастил первых шанка здесь, после чего выпустил их в мир — расти, размножаться и разрушать. Такова цель их существования. Многие годы после смерти Канедиаса мы охотились на них, но так и не смогли переловить всех. Мы загнали их в самые темные щели мира, и там они снова принялись расти и размножаться, а вот теперь вылезли наружу. Они будут расти, размножаться и разрушать, как им положено от века.

Логен смотрел на него, разинув рот.

— Шанка! — Луфар засмеялся и потряхнул головой.

Плоскоголовые — это не повод для веселья. Логен резко повернулся, перегородил своим телом узкий балкон и навис над Луфаром в полумраке.

— Что смешного? — спросил он.

— Ну, просто... Все же знают, что их не существует!

— Я всю жизнь сражался с ними вот этими самыми руками! — прорычал Логен. — Они убили мою жену, моих детей, моих друзей. Север кишит треклятыми плоскоголовыми сволочами! — Он наклонился над Джезалем. — Не говори мне, что их не существует.

Луфар побледнел. Он взглянул на Глокту в поисках поддержки, но инквизитор стоял, безвольно опершись о стену, и потирал свою ногу. Его тонкие губы были плотно сжаты, изможденное лицо покрывали бисеринки пота.

— Мне наплевать на это дерьмо, как бы там ни было! — отрезал он.

— В мире полно шанка, — прошипел Логен, придвигая лицо еще

ближе к Луфару. — Может быть, однажды ты тоже встретишься с ними.

Девятипалый повернулся и зашагал следом за Байязом, который уже почти исчез в проеме в дальнем конце балкона. Он не желал оставаться здесь.

«Еще один зал».

Такой же огромный, а вдоль его противоположной стороны рос молчаливый лес колонн, населенный множеством теней. Откуда-то сверху прорезались световые лучи и гравировали каменный пол странными узорами — фигуры из тени и света, черно-белые линии.

«Почти как письма. А вдруг это послание? Для меня? — Глокта дрожал. — Если бы посмотреть хоть на мгновение подольше, может быть, я сумел бы понять...»

Мимо прошел Луфар, его тень пересекла пол, и линии оборвались, странное чувство ушло. Глокта встряхнулся.

«Я теряю рассудок в этом проклятом месте. Я должен мыслить ясно. Только факты, Глокта, и ничего, кроме фактов».

— Откуда здесь свет? — спросил он.

Байяз махнул рукой.

— Сверху.

— Там окна?

— Может быть.

Трость Глокты постукивала по пятнам света и тени, он подволакивал левую ногу.

— И что же, здесь нет ничего, кроме залов и проходов? Каково назначение места?

— Кто может знать замыслы Делателя? — напыщенно провозгласил Байяз. — Или измерить глубину его великих дел?

Кажется, он гордился тем, что никогда не давал прямых ответов.

С точки зрения Глокты, это колоссальное сооружение было пустой тратой сил.

— Сколько людей здесь жили?

— Давным-давно, в более счастливые времена, — многие сотни. Те, что служили Канедиасу и помогали ему в делах. Однако Делатель всегда был недоверчив и ревниво хранил свои тайны. Мало-помалу он выгнал отсюда всех своих последователей, отправил их в Агрионт, в Университет. Под конец их осталось только трое: сам Канедиас, его помощник Яремия... — Байяз мгновение помедлил. — И его дочь Толомея.

— Дочь Делателя?

— Да, а что? — резко спросил старик.

— Ничего, ровным счетом ничего. — «Однако маска соскользнула, хоть всего и на мгновение. Любопытно, что он так хорошо знает все здешние проходы». — А когда здесь жили вы?

Байяз помрачнел и произнес:

— Слишком много вопросов.

Глокта смотрел в его удаляющуюся спину.

«Сулыт был не прав. Великий архилектор, оказывается, тоже ошибается. Он недооценил старика, и очень зря. Кто же этот лысый раздражительный фигляр, способный повалить на задницу и выставить идиотом самого могущественного человека Союза?»

Сейчас, когда Глокта стоял здесь, в самой сердцевине этого сверхъестественного места, ответ не казался ему странным.

«Первый из магов».

— Вот оно.

— Что? — спросил Логен.

Проход простирался в обоих направлениях, слегка заворачивая и исчезая в темноте. Стены, сложенные из массивных каменных блоков, с обеих сторон были цельными и не прерывались.

Байяз не ответил. Он мягко проводил руками по поверхности камня, пытаясь что-то найти.

— Да. Это оно. — Байяз вытащил ключ из-за ворота рубашки. — Возможно, вам стоит приготовиться.

— К чему?

Маг сунул ключ в невидимую скважину. Один из блоков стены внезапно исчез — взлетел под потолок с оглушительным грохотом. Логен зашатался, трясая головой. Он увидел, что Луфар нагнулся вперед и прижал ладони к ушам. Коридор загудел от несмолкающего громового эха, повторяющегося раз за разом.

— Ждите здесь, — сказал Байяз, хотя Логен едва слышал его сквозь звон в ушах. — Не трогайте ничего. Никуда не ходите. — Маг шагнул в проем, оставив ключ торчащим в стене.

Логен поглядел ему вслед. В узком проеме мерцал отблеск света и пробивался шелестящий звук, похожий на плеск ручья. Логен ощутил покалывание странного любопытства. Он оглянулся на своих спутников. Может быть, Байяз имел в виду, что стоять на месте должны они? Он нырнул в проем.

...И сощурился, увидев светлую круглую комнату. Потоки лучей

заливали ее откуда-то сверху — ослепительный свет, мучительно яркий после полумрака остальных помещений. Изгибающиеся стены сложены из великолепного чисто белого камня; по ним струйками стекала вода, собираясь в круглый бассейн внизу. Воздух, коснувшийся кожи Логена, был прохладным и влажным. Сразу у прохода начинался узкий мостик. Ступеньки вели вверх, к высокой белой колонне, поднимавшейся из воды. Байяз стоял на ее верхушке и смотрел вниз — разглядывал что-то у своих ног.

Логен прокрался наверх и встал за спиной мага, стараясь дышать неглубоко. На вершине колонны возвышался блок белого камня. Прямо в его гладкую твердую середину капала вода — несмолкающее «кап-кап-кап», все время в одно и то же место. А под тонким слоем влаги лежали две вещи. Первая — простой квадратный ящик из темного металла, достаточно большой, чтобы вместить человеческую голову. Другая вещь выглядела куда более странно.

Возможно, это было оружие, нечто вроде секиры. Длинное древко сделано из крошечных металлических трубочек, переплетенных, словно стебли старой лозы. На одном конце рифленая металлическая рукоятка, на другом — плоский кусочек металла, унизанный мелкими дырочками, а от него отходит длинный тонкий крюк. Свет играл на множестве темных поверхностей этой вещи, сверкал в каплях влаги. Что-то странное, прекрасное, зачаровывающее... На рукоятке блестела единственная буква, серебром на темном металле. Логен узнал ее — такая же была на его мече. Знак Канедиаса. Работа мастера Делателя.

— Что это? — спросил он, протягивая руку к странному предмету.

— Не трогай! — вскрикнул Байяз, отталкивая руку Логена. — Разве я не велел тебе ждать снаружи?

Логен неуверенно шагнул назад. Он никогда не видел мага таким встревоженным, но не мог отвести глаз от загадочной металлической штуки, лежавшей на каменной глыбе.

— Это оружие? — снова спросил он.

Байяз медленно выдохнул и ответил:

— Да, и чрезвычайно опасное, мой друг. Оружие, против которого не защитит ни сталь, ни камень, ни магия. Предупреждаю тебя, никогда даже не приближайся к нему. Это очень опасно. «Разделитель», так назвал его Канедиас. С его помощью он убил собственного брата Иувина, моего учителя. Однажды он сказал мне, что оружие имеет два клинка: один здесь, второй на другой стороне.

— И что это значит, черт побери? — пробормотал Логен. Он пока не

заметил ни одного клинка, которым можно было бы что-то разрезать.

Байяз пожал плечами:

— Если бы я знал, я был бы мастером Делателем, а не просто первым из магов. — Он поднял ящик, сморщившись от натуги, словно нес огромную тяжесть. — Ты не мог бы мне помочь?

Логен подставил руки и охнул: ящик не мог бы весить больше, будь он целиком отлит из железа.

— Тяжелый, — пропыхтел он.

— Канедиас выковал его очень прочным. Настолько прочным, насколько это вообще возможно. Не для того, чтобы спасти его содержимое от мира... — Байяз наклонился к Логену и тихо закончил: — А для того, чтобы спасти мир от его содержимого.

Логен нахмурился, глядя вниз.

— А что в нем?

— Ничего, — буркнул Байяз. — Пока ничего.

Джезаль пытался вспомнить, есть ли люди, которых он ненавидит сильнее. Бринт? Он всего лишь надутый самодовольный идиот. Горст? Всего лишь противник на фехтовальном поединке. Варуз? Всего лишь старый напыщенный осел.

Нет. В первых строках списка эти трое: заносчивый старик со своей идиотской болтовней и фальшивой таинственностью, здоровенный дикарь с безобразными шрамами и угрожающей мрачной физиономией да снисходительный калека, считающий, будто он знает о жизни все. От их вида, вкупе с затхлым воздухом и вечным сумраком этого кошмарного места, Джезаль опять затошнило. Хуже такой компании было бы только полное одиночество. Джезаль представил себе, что он здесь один, и содрогнулся.

Однако его настроение улучшилось, когда они завернули за угол. Наверху появился маленький квадратик дневного света. Джезаль поспешил туда, обгоняя Глокту. Он уже предвкушал, как снова увидит небо над головой.

Выйдя на воздух, он закрыл глаза от удовольствия. Холодный ветер гладил его по лицу, и Джезаль глотал его, наполняя легкие. Он чувствовал себя так, словно несколько недель просидел во тьме, а теперь его выпустили на волю. Он не спеша пересек широкое открытое пространство, вымощенное твердыми плоскими камнями. Впереди, у высокого парапета, бок о бок стояли Девятипалый и Байяз, а за ними...

Внизу открывался вид на Агрионт. Мозаика белых стен, серых крыш,

сверкающих окон, зеленых садилов. Спутники мага находились не на самой вершине Дома Делателя, а лишь на одной из ближайших к земле площадок над воротами, но и это было ужасно высоко. Джезаль узнал ветхое здание Университета, сияющий купол Круга лордов, приземистую громаду Допросного дома. Он различил площадь Маршалов и чашу, образованную деревянными сиденьями посреди окружающих зданий, и даже крошечный желтый мазок фехтовального круга в ее центре. Позади цитадели, за белой стеной и поблескивающим рвом, простирался город — серая масса домов под грязно-серым небом, уходящая вдаль до самого моря.

Джезаль расхохотался со смешанным чувством недоверия и восторга. Цепная башня по сравнению с этим — садовая лестница! Он находился так высоко над миром, что все вокруг казалось неподвижным, застывшим во времени. Он чувствовал себя королем! Ни один человек не видел такого, ни один за сотни лет! Джезаль ощутил свое величие: он гораздо более значителен, чем эти крошечные людишки, живущие и работающие в маленьких домишках там, внизу. Джезаль повернулся к Глокте, но калека не улыбался. Еще более бледный, чем прежде, он хмуро разглядывал игрушечный город у подножия дома, и его левый глаз беспокойно подергивался.

— Бойтесь высоты? — рассмеялся Джезаль.

Глокта обернул к нему пепельно-серое лицо.

— Там не было ступеней. Мы не взбирались по ступеням по пути сюда! — Улыбка Джезала начала угасать. — Не было ступеней, вы понимаете? Как это может быть? Как? Скажите мне!

Джезаль сглотнул, припоминая путь, который они прошли. Калека прав. Не было ни ступеней, ни пандусов, они не поднимались и не спускались, но очутились гораздо выше самой высокой башни Агрионта. Его снова затошнило. Вид на город теперь вызывал головокружение и казался отвратительным, непристойным. На подгибающихся ногах Джезаль отступил от парапета. Ему хотелось домой.

— Я преследовал его один, сквозь тьму, и здесь я встретился с ним. Канедиас. Мастер Делатель. Здесь мы бились. Огнем, сталью и плотью. Здесь мы стояли. Он швырнул Толомею с крыши на моих глазах. Я видел, как это случилось, но не мог остановить его. Его собственная дочь. Вы можете себе представить? Она не заслужила такого. В мире не было более чистой души.

Логен насупился. Он не знал, что тут можно сказать.

— Здесь мы боролись, — бормотал Байяз, сжимая край парапета

сильными ладонями. — Я атаковал его огнем, сталью и плотью, а он боролся со мной. Я сбросил его вниз. Он упал, объятый пламенем, и разбился о мост внизу. Так последний из сынов Эуса ушел из нашего мира, и разгадки множества тайн были навсегда потеряны. Они уничтожили друг друга, все четверо. Какая утрата! — Байяз повернулся и посмотрел на Логена. — Но это было давным-давно, а, мой друг? Давным-давно... — Он надул щеки и ссутулился. — Давайте уйдет отсюда. Здесь как в могиле. Это и есть могила. Давайте же снова запечатаем ее, а вместе с ней и воспоминания. Все это в прошлом.

— Ха! — сказал Логен. — Мой отец говорил, что семена прошлого приносят плоды в настоящем.

— Так и есть. — Байяз протянул руку, и его пальцы скользнули по холодному темному металлу ящика, который Логен держал в руках. — Так и есть. Твой отец был мудрым человеком.

Нога Глокты горела, его перекрученный позвоночник превратился в реку огня, от зада до самого черепа. Во рту пересохло, словно он наелся опилок, потное лицо пощипывало, он сопел, но продолжал тащиться сквозь тьму прочь от огромного зала, от черной сферы в центре странного сооружения, к открытой двери.

«И к свету».

Он остановился на узком мосту перед дверью и поднял голову. Его рука дрожала на рукоятке трости, он моргал и тер глаза, глотал свежий воздух и ощущал веяние прохладного ветерка.

«Я и не думал, что ветер бывает таким приятным. Может быть, это даже хорошо, что там не оказалось ступенек. Я бы не одолел их».

Луфар уже прошел половину моста — так быстро, словно за ним гнался дьявол. Деятипалый был недалеко, он тяжело дышал и бормотал что-то на своем наречии, повторял слова снова и снова. «Еще жив», — кажется, что-то вроде этого. Его огромные руки крепко сжимали квадратный металлический ящик. Жилы набухли так, словно груз весил не меньше, чем наковальня.

«Этот поход — нечто большее, чем простое доказательство правоты мага. Что же это? Что они вынесли оттуда? Что может быть таким тяжелым?»

Глокта обернулся назад, в темноту, и поежился. Он сомневался, на самом ли деле хочет это знать.

Байяз широким шагом вышел из туннеля на открытый воздух. Выглядел маг, как обычно, самодовольным.

— Ну, инквизитор, — весело произнес он, — что вы скажете о нашей небольшой прогулке в Дом Делателя?

«Запутанный, непонятный и жуткий кошмар. Я, пожалуй, предпочел бы вернуться на пару часов в императорские тюрьмы».

— Неплохо, чтобы скоротать утро, — отрезал он.

— Я очень рад, что вы нашли путешествие занимательным, — хохотнул Байяз, вытаскивая брусок темного металла из-за воротника рубашки. — А скажите мне, вы по-прежнему считаете меня лжецом? Или ваши подозрения наконец рассеялись?

Глокта мрачно посмотрел на ключ. Потом перевел взгляд на старика. Затем все так же хмуро оглянулся на чудовищную тьму Дома Делателя.

«Мои подозрения возрастают с каждой минутой. Они никогда не рассеиваются. Они лишь меняют форму».

— Честно? Я не знаю, чему верить.

— Очень хорошо. Знать о своем невежестве — первый шаг к просвещению. Однако, между нами, я бы на вашем месте подумал о чем-то другом, что можно рассказать архилектору, — проговорил Байяз, и Глокта ощутил, как у него затрепетало веко. — Может быть, вам лучше перейти мост, а инквизитор? Пока я еще не запер?

Перспектива погружения в холодную воду внизу больше не казалась такой уж страшной.

«Если мне суждено свалиться, то по крайней мере я умру при свете дня».

Глокта посмотрел назад только один раз — когда услышал, как двери Дома Делателя с тихим щелчком закрылись, и круги скользнули в исходное положение.

«Все как было до нашего прибытия».

Он повернул к двери покалывающую спину, пососал десны, чтобы избавиться от знакомого чувства тошноты, и побрел через мост, хромя и ругаясь.

На том конце Луфар отчаянно барабанил в древнюю дверь.

— Выпустите нас! — Он почти всхлипывал, когда Глокта ковылял к нему. В голосе звучали нотки безумной паники: — Выпустите нас!

Наконец дверь вздрогнула и открылась, а за ней возникло потрясенное лицо хранителя.

«Жаль. Я уже ждал, что капитан Луфар разрыдается. Героический победитель турнира, храбрейший из молодых сынов Союза, цвет мужественности обливается слезами, стоя на коленях! Такое зрелище стоило бы всех потраченных сегодня сил».

Луфар шмыгнул в открывшуюся дверь. Десятипалый угрюмо последовал за ним, неся в объятиях металлический ящик. Хранитель прищурился и спросил Глокту, хромавшего к воротам:

— Уже возвращаетесь?

«Ах ты, старый болван!»

— Какого черта? Что значит «уже»?

— Да я еще яичницу не доел. Вы ушли меньше получаса назад.

Глокта хохотнул лающим безрадостным смехом.

— А может, это у вас на яичницу ушло полдня?

Но когда он выглянул во двор, его брови сдвинулись. Тени почти не передвинулись с тех пор, как они ушли отсюда.

«Сейчас по-прежнему раннее утро. Но как же так?»

— Делатель однажды сказал мне, что время идет только у нас в сознании.

Глокта резко повернул голову и поморщился: Байяз незаметно подошел к нему сзади и теперь стоял, постукивая толстым пальцем по виску.

— Могло быть и хуже, поверьте мне, — продолжал маг. — Вот если бы вы вышли оттуда раньше, чем вошли, у вас действительно появился бы повод для тревоги.

Он улыбнулся. Его глаза блестели в лучах света, падавшего в проем двери.

«Валяет дурака? Или пытается одурачить меня? В любом случае, эта игра мне надоела».

— Хватит загадок, — презрительно фыркнул Глокта. — Почему бы попросту не сказать, чего вы хотите?

Улыбка первого из магов — если старик действительно им был — расплылась еще шире:

— Вы мне нравитесь, инквизитор. Ей-богу, нравитесь. Я не удивлюсь, если вы окажетесь единственным честным человеком в этой растреклятой стране. Нам надо встретиться и поговорить с глазу на глаз. И о том, чего хочу я, и о том, чего хотите вы. — Его улыбка погасла. — Но не сегодня.

Байяз шагнул в открытую дверь, оставив Глокту позади, среди теней.

Ничья собака

— Почему я? — бормотал Вест сквозь зубы, глядя вдоль моста на Южные ворота.

Эта нелепица в порту задержала его гораздо дольше, чем он рассчитывал, но, с другой стороны, разве в последнее время бывало иначе? Иногда ему казалось, что в Союзе только он один серьезно готовится к войне. Приходилось все делать самому — даже считать гвозди для конских подков. Он уже опоздал на ежедневную встречу с маршалом Берром, и его еще ждала сотня дел, которые необходимо, но невозможно сделать сегодня. Такие дела находились всегда. Не хватало только бессмысленной заминки у самых ворот Агрионта.

— Почему, черт побери, все это происходит со мной?

У него снова заболела голова: знакомая пульсирующая боль позади глазных яблок. С каждым днем она начиналась все раньше и становилась все сильнее.

Из-за установившейся жары стражникам разрешили заступать в караул не в полной выкладке. По крайней мере двое из них сейчас жалели об этом. Один солдат корчился на земле возле ворот, сжимая руками мошонку, и шумно всхлипывал. Рядом с ним Вест увидел сержанта: кровь текла у него из носа на камни моста крупными темно-красными каплями. Еще два стражника склонили копья, нацелив их на тощего темнокожего парнишку. Поодаль стоял второй южанин — пожилой человек с длинными седыми волосами; он опирался на перила и взирал на происходящее с выражением глубочайшей покорности судьбе.

Парнишка кинул быстрый взгляд через плечо, и Вест ощутил укол удивления. Это была женщина! Темные волосы, коротко обрезанные и торчащие во все стороны массой сальных перьев. Один рукав оторван возле плеча, длинная и жилистая коричневая рука крепко сжата в кулак на рукоятке кривого ножа. Клинок сверкал, зеркально-яркий и зловеще острый — единственная из вещей девушки, которая выглядела чистой. По всей правой стороне лица проходил тонкий серый шрам, пересекавший черную бровь и презрительно сжатые губы. Однако по-настоящему Вест был потрясен, когда разглядел ее глаза: слегка раскосые, суженные, полные глубочайшей враждебности и подозрительности — и желтые. Он повидал немало самых разных кантийцев в свое время, пока воевал в Гуркхуле, но ни у кого прежде не видел подобных глаз. Глубокий, насыщенный,

золотистый желтый цвет, как...

Моча. Вот чем от нее пахло, понял он, подойдя поближе. Моча, пыль и застарелый перекишенный пот. Он запомнил этот запах на войне — так пахли люди, не мывшиеся очень давно. Вест поборол неодолимое желание зажать нос и дышать ртом, а также побуждение обойти незнакомку, не приближаясь к сверкающему лезвию. Если хочешь разрядить опасную обстановку, нельзя выказывать страха, как бы ты на самом деле ни боялся. Вест знал по опыту: если сумеешь сделать вид, что все под контролем, — ты наполовину победил.

— Что здесь происходит, черт побери? — прорычал он, обращаясь к окровавленному сержанту. Ему не было необходимости притворяться раздраженным: с каждой секундой он все сильнее опаздывал и все больше злился.

— Эти вонючие бродяги намеревались пройти в Агрионт, сэр! Я, разумеется, хотел их прогнать, но у них есть бумаги!

— Бумаги?

Странный старик постучал Веста по плечу и вручил ему сложенный листок, слегка обтрепавшийся по краям. Майор прочитал бумагу, все больше хмурия брови, и сказал:

— Это пропуск, подписанный лично лордом Хоффом. Их следует пропустить.

— Но не с оружием, сэр! Я им так и сказал: нельзя пройти с оружием! — Сержант держал необычного вида лук из темного дерева в одной руке и изогнутый гуркский меч в другой. — Едва заставил ее сдать хотя бы вот это, а когда попытался обыскать... эта гуркская сука...

Женщина зашипела, сделала стремительный шаг вперед, и сержант с двумя стражниками нервно попятились, сбившись в кучу.

— Спокойно, Ферро, — со вздохом произнес старик по-кантийски. — Ради бога, успокойся.

Женщина плюнула на камни моста и прошипела какое-то ругательство, которого Вест не разобрал. Она помахивала клинком из стороны в сторону так, что было ясно: она умеет с ним обращаться и очень хочет этого.

— Почему я? — пробормотал Вест сквозь зубы.

Он уже понял, что и это затруднение придется улаживать ему. Словно и без того не хватает проблем! Вест глубоко вздохнул и приложил все усилия, чтобы поставить себя на место этой смердящей женщины: в незнакомом месте, вокруг люди непривычного вида, они произносят непонятные слова, потрясают копьями и пытаются ее обыскать. Возможно,

как раз сейчас она думает о том, как отвратительно пахнет от Веста. Скорее всего, она не опасна, но сбита с толку и испугана... Впрочем, вид у нее вполне опасный и ни в малейшей степени не испуганный.

Старик, несомненно, выглядел более рассудительным, поэтому Вест сначала обратился к нему.

— Вы пришли из Гуркхула? — спросил майор на ломаном кантийском.

Старик поднял на него усталые глаза:

— Нет. На юге есть много других народов, кроме гурков.

— Тогда из Кадира? Из Тавриса?

— Вы знаете юг?

— Немного. Я воевал там.

Старик дернул головой, показывая на женщину, с подозрением наблюдавшую за ними желтыми раскосыми глазами:

— Место, где она родилась, называется Мунтаз.

— Никогда не слышал о таком.

— Да и с чего бы? — Старик пожал костлявыми плечами. — Маленькая страна возле моря, далеко к востоку от Шаффы, по ту сторону гор. Гурки захватили ее много лет назад, а народ уничтожили или продали в рабство. Очевидно, с тех самых пор она пребывает в плохом настроении.

Женщина хмуро взглянула на них, не выпуская из виду солдат.

— А вы сами? — спросил Вест.

— О, моя родина лежит еще дальше на юге. За Кантой, за пустыней, даже за пределами Земного круга. Страны, где я родился, нет на ваших картах, мой друг. Юлвей, так меня называют. — И он протянул майору длинную черную руку.

— Коллем Вест.

Женщина настороженно смотрела, как они пожимают друг другу руки.

— Этого человека зовут Вест, Ферро! Он сражался с гурками! Может быть, это заставит тебя довериться ему?

В голосе Юлвея звучало не очень много надежды. И действительно, плечи женщины остались такими же ссутуленными и напряженными, как прежде, а ее кулак все так же крепко сжимал рукоять ножа. Один из солдат выбрал весьма неудачный момент, чтобы сделать шаг вперед со своим копьем наперевес, и женщина снова зарычала и сплюнула на землю, выкрикивая нечленораздельные ругательства.

— Хватит! — услышал Вест собственный голос. Он кричал на стражников: — Поднимите ваши долбаные копья!

Солдаты потрясенно уставились на него, и он заставил себя успокоиться.

— Мне не кажется, что это вторжение неприятельских войск. А как по-вашему? Поднимите копья!

Наконечники копий неохотно отодвинулись от женщины. Вест решительно шагнул к ней и поглядел прямо в желтые глаза со всей уверенностью, на какую только был способен. «Не выдавай страха», — говорил он себе, однако его сердце все равно колотилось. Он протянул дикарке открытую ладонь, подойдя так близко, что мог бы до нее дотронуться.

— Нож, — резко произнес Вест. — Прошу тебя. Тебе не причинят вреда, даю слово.

Женщина внимательно поглядела на него раскосыми блестящими желтыми глазами, перевела взгляд на стражников с копьями, потом снова на него. Это заняло кучу времени. Вест стоял перед ней с пересохшими губами, с мучительной головной болью, он опаздывал все больше и больше, он взмок под мундиром на горячем солнце и пытался не обращать внимания на то, как от нее пахнет. Время шло.

— Зубы господни, Ферро! — воскликнул внезапно ее спутник. — Я старик! Имей жалость! Мне, может, осталось жить несколько лет! Отдай ему нож прежде, чем я умру!

— С-с-с, — прошипела она, скривив рот.

В течение головокружительного, бесконечного мгновения нож поднимался вверх, потом рукоятка шлепнулась в ладонь Веста. Он позволил себе коротко сглотнуть от облегчения. Вплоть до самого последнего момента он был почти уверен, что нож долетит до него острым концом вперед.

— Благодарю тебя, — проговорил он более спокойно, чем чувствовал себя на самом деле. Потом отдал нож сержанту и сказал: — Уберите оружие и проводите наших гостей в Агрионт. Если кому-нибудь из них будет причинен малейший вред — особенно ей, — вы лично ответите мне за это. Вы поняли?

Еще мгновение он сверлил сержанта взглядом, потом повернулся и, пока не случилась какая-нибудь новая неприятность, поспешил через ворота в туннель, оставив старика и вонючую женщину за спиной. Головная боль усилилась. Черт побери, он опаздывал!

— Ну почему я, черт возьми? — проворчал Вест самому себе.

— Боюсь, оружейные склады сегодня закрыты, — с презрительной усмешкой сказал майор Валлимир, глядя на Веста сверху вниз, словно на нищего попрошайку. — Необходимые нормы выполнены, мы даже

опередили график и больше не будем разжигать горны на этой неделе. Возможно, если бы вы пришли вовремя...

Молоты в голове Веста стучали все сильнее. Он заставил себя дышать медленно, говорить спокойно и ровно. Он ничего не добьется, если выйдет из себя. Так никогда ничего не выиграешь.

— Я понимаю, майор, — терпеливо сказал Вест, — но идет война. Многие из рекрутов, которых мы получили, почти не вооружены, и лорд-маршал Берр попросил, чтобы горны снова разожгли с целью обеспечить им снаряжение.

Это не вполне соответствовало истине, но с того времени, как он присоединился к маршальскому штабу, Вест почти оставил попытки говорить людям правду — таким способом ничего нельзя было добиться. Он взял на вооружение смесь лести, хвастовства и откровенной лжи, смиренных просьб и скрытых угроз и научился с немалой точностью определять, какая именно тактика наиболее эффективна с тем или иным человеком.

К несчастью, до сих пор ему так и не удалось нащупать нужную струнку в отношениях с майором Валлимиром, мастером-распорядителем королевских оружейных складов. То, что они были в одном ранге, делало задачу еще более затруднительной: Вест не мог безнаказанно давить на Валлимира и не мог заставить себя просить.

Более того: если говорить о социальном положении, они были далеко не равней. Валлимир, потомственный дворянин из влиятельной семьи, отличался невероятным самомнением; по сравнению с ним Джебаль дан Луфар казался робким и самоотверженным. То, что у Валлимира абсолютно отсутствовал боевой опыт, только ухудшало положение: чтобы компенсировать его недостаток, он совершал вдвое больше глупостей. Поэтому указания Веста, пусть даже они исходили от самого маршала Берра, встречали у майора такой же радушный прием, как если бы их отдавал грязный свинопас.

Сегодняшний день не стал исключением.

— Месячные нормы выполнены, майор Вест, — Валлимир сделал на его имени насмешливое ударение, — и горны погашены. Это все, что я могу вам сказать.

— И я должен передать это лорд-маршалу?

— За вооружение рекрутов отвечают лорды, которые их посылают, — сухо отчеканил Валлимир. — Нельзя винить меня за то, что они не выполнили своих обязательств. Это не наша проблема, майор Вест, и вот это вы можете передать лорд-маршалу.

Вот так всегда. Замкнутый круг: из канцелярии Берра — в снабженческие конторы, к командирам рот, батальонов, полков, на склады, разбросанные по всему Агрионту и городу, в арсеналы, в бараки, в конюшни, в порты, где солдаты со снаряжением должны погрузиться на корабли через несколько коротких дней, в другие управления, а потом обратно — туда, откуда начал. Можно прошагать целые мили и ничего не добиться. Каждую ночь он камнем падал в постель, чтобы через несколько часов вскочить и начать все заново.

Когда Вест командовал батальоном, он бился с врагами, и его оружием был меч. В качестве штабного офицера ему пришлось биться со своими, а оружием стала бумага. Такое занятие больше подходило для секретаря, чем для солдата. Вест чувствовал себя так, словно пытался вкатить на гору огромный камень: старался изо всех сил, но не двигался с места и не имел возможности расслабиться — иначе камень рухнет и погребет его под собой. А надменные подонки не желали замечать нависшей над всеми опасности. Они бездельничали рядом и говорили: «Ну это же не мой камень!»

Теперь он понимал, почему в Гуркхуле временами не хватало еды для людей, или одежды, или подвод для припасов, или лошадей для подвод, или множества других нужнейших вещей, необходимость которых было легко предугадать.

Вест решил: будь он проклят, если что-либо подобное произойдет по его недосмотру и он увидит, как люди умирают из-за нехватки оружия. Он опять стал успокаивать себя, но с каждой новой попыткой голова болела все сильнее, а голос совсем охрип.

— А что будет, когда мы окажемся в Инглии с толпой полуодетых безоружных крестьян без снаряжения и снабжения? Что тогда, майор Валлимир? Чья это будет проблема? Уж точно не ваша, осмелюсь сказать! Вы-то останетесь тут, вместе со своими холодными горнами!

Едва Вест договорил, как тут же понял, что зашел слишком далеко: его собеседник буквально взорвался от негодования.

— Как вы смеете, сэр! Вы подвергаете сомнению мою честь? Девять поколений моей семьи служили в королевской охране!

Вест потерял глаза, не зная, чего ему хочется больше — смеяться или плакать.

— Уверяю вас, у меня нет никаких сомнений в вашей храбрости. Я имел в виду совершенно другое, — проговорил он.

Он попытался поставить себя на место Валлимира. Ведь неизвестно, какому давлению тот подвергается: может быть, он предпочел бы

командовать солдатами, а не кузнецами; может быть... Нет, все бесполезно. Валлимир был ничтожным человеком, и Вест его ненавидел. Он сказал:

— Это не вопрос вашей чести, майор, или чести вашей семьи. Это вопрос нашей готовности к войне!

Глаза Валлимира стали убийственно холодными.

— Да вы знаете, с кем разговариваете, грязный простолюдин! Ваше влияние на Берра... А кто он такой, как не олух из провинции, поднявшийся до своего положения исключительно благодаря удаче?

Вест моргнул. Он догадывался, что говорят о нем за спиной, но не ожидал услышать это прямо в лицо. Валлимир продолжал:

— А когда Берра не станет, что будет с вами? А? Куда вы пойдете, когда больше не сможете прятаться за его спину? У вас нет ни происхождения, ни семьи! — Валлимир скривил губы в холодной насмешливой улыбке. — Не считая вашей сестры, разумеется, а судя по тому, что я о ней слышал...

Вест внезапно осознал, что стремительно придвинулся к майору.

— Что? — прорычал он. — Что ты сказал?

Должно быть, выглядел он воистину устрашающе: лицо Валлимира побелело.

— Я... я...

— Ты думаешь, мне нужен Берр, чтобы сражаться за меня в бою? Так, жалкий долбаный червяк?

Он снова двинулся вперед, почти не владея собой. Валлимир попятился к стене, отвернулся и поднял руку, словно хотел защититься от неминуемого удара. Вест собрал всю силу воли, чтобы остановить собственные руки, не дать им схватить мерзкого паскудника и трясти его, пока не отвалится дурная голова. Голова самого Коллема раскалывалась, боль давила на глаза, готовые выскочить из орбит. Он сделал несколько глубоких медленных вдохов через нос и крепко сжал кулаки. Ярость понемногу утихла и уже не грозила захватить контроль над телом. Теперь она просто пульсировала, сжимая грудную клетку.

— Если вам есть что сказать по поводу моей сестры, — вкрадчиво прошептал Вест, — вы можете сделать это. Прямо сейчас. — Его левая рука медленно опустилась и легла на эфес шпаги. — И мы закончим наш разговор за стенами города.

Майор Валлимир отступил еще дальше назад.

— Нет, нет, я ничего не слышал, — пробормотал он. — Ровным счетом ничего.

— Ровным счетом ничего. — Вест еще мгновение смотрел в его белое

лицо, затем сделал шаг назад. — Ну хорошо, тогда не будете ли вы добры снова разжечь для меня горны? У нас еще уйма работы.

Валлимир немного постоял, моргая, и ответил:

— Да, конечно. Я сейчас же распоряжусь, чтобы их разожгли.

Вест развернулся на каблуках и зашагал прочь. Он знал, что Валлимир с ненавистью смотрит ему в спину, что скверная ситуация обернулась наихудшей стороной и что он обзавелся еще одним высокородным врагом в придачу к множеству уже имеющихся. Неприятнее всего то, что Валлимир был прав. Если уйдет Берр, с Вестом покончено. И у него действительно нет семьи — не считая сестры, разумеется. Черт, как болит голова!

— Почему я? — шептал он. — Почему?

Дел еще оставалось для целого дня работы, но Вест больше не мог терпеть. Голова болела так сильно, что ломило глаза. Нужно прилечь где-нибудь в темноте и положить мокрое полотенце на лоб — хотя бы на час, хотя бы на минуту. Он порылся одной рукой в кармане в поисках ключа, а другую прижал к воспаленным глазам, крепко сжимая зубы. А потом он услышал звук с другой стороны двери. Слабый звон стекла. Арди.

— Нет! — прошипел он.

Только не сейчас! И зачем только ему понадобилось давать ей ключ? Тихо ругаясь, он поднял кулак, чтобы постучать. Стучать в собственную дверь — вот до чего он дошел! Однако его кулак замер и опустился. Где-то в глубине мозга начала вырисовываться самая неприятная картина: Арди и Луфар, голые и потные, извиваются на ковре. Он быстро повернул ключ в замке и толкнул дверь.

Арди стояла у окна — одна и, к облегчению Коллема, полностью одетая. Однако меньшее удовольствие ему доставило то, что она наполнила из графина бокал до самого края. Арди подняла одну бровь, когда он вломился в дверь.

— А, это ты, — произнесла она.

— Кто же еще, черт побери? — отрезал Вест. — Это моя квартира, не так ли?

— Кое-кто не в лучшем настроении сегодня утром.

Немного вина выплеснулось на стол. Арди вытерла лужицу рукой и принялась облизывать пальцы, затем сделала большой глоток из бокала. Каждое ее движение раздражало Веста. Он поморщился и захлопнул дверь.

— Неужели тебе необходимо столько пить?

— Я понимаю, у молодой леди должны быть более благопристойные развлечения.

Ее слова звучали беззаботно, но даже сквозь головную боль Вест заметил: что-то не так. Она все поглядывала на стол, потом подвинулась к нему. Вест добрался туда первым и схватил листок бумаги с написанной на нем единственной строчкой.

— Что это?

— Ничего! Отдай мне!

Удерживая ее одной рукой, он прочел: «Сегодня ночью, на том же месте. А.».

Лоб Вест покрылся морщинами от гнева.

— Ничего? Ничего?

Он потрясал письмом перед лицом сестры. Арди отвернулась, дернув головой, словно отгоняла муху. Она ничего не говорила, только прихлебывала вино из бокала. Вест скрипнул зубами.

— Это Луфар, так?

— Я этого не говорила.

— Тебе и не нужно ничего говорить.

Вест скомкал записку в кулаке. Он обернулся к двери, каждый его мускул дрожал от напряжения. Он хотел выбежать из дома и придушить на месте эту гадину, но все же заставил себя минуту подумать.

Джезаль предал его. Это подлость. Неблагодарная скотина. Но ведь это не новость — парень всегда был дерьмом. Если наливаешь вино в бумажный кулек, не удивляйся, что он протекает. К тому же записку писал не Джезаль. Что толку наказывать его? В мире найдется множество других пустоголовых молодчиков.

— И куда это приведет тебя, Арди?

Она уселась на диван и обратила на него ледяной взгляд поверх кромки бокала.

— Что приведет, братец? — спросила она.

— Ты сама знаешь, что!

— Разве мы не одна семья? Неужели мы не можем быть откровенны друг с другом? Если тебе есть что сказать, так и говори! Куда, по-твоему, это меня приведет?

— Я думаю, это приведет тебя прямо в дерьмо, если уж ты спрашиваешь! — Отчаянным усилием он заставил себя говорить спокойнее. — История с Луфаром зашла слишком далеко. Письма? Записки? Я предупреждал его, но проблема, похоже, не в нем! О чем ты думаешь? И думаешь ли ты вообще? Перестань, пока люди не начали о тебе болтать! — Он снова попытался сдержаться, сделал глубокий вдох, но гневный крик все-таки вырвался наружу: — Они, черт побери, уже всюю

болтают! Ты должна немедленно прекратить это! Ты слышишь меня?

— Я слышу тебя, — небрежно ответила Арди. — Но кого заботит, что они подумают?

— Меня! Меня заботит! — Он почти кричал. — Ты знаешь, сколько мне приходится работать? Ты считаешь меня дураком? Ты сама знаешь, куда ты катишься, Арди! — Ее лицо помрачнело, но он безжалостно продолжал: — И ведь не в первый раз! Вряд ли стоит напоминать, что с мужчинами тебе не слишком везет!

— По крайней мере, с мужчинами из моей семьи! — Теперь она сидела прямо, с лицом напряженным и бледным от гнева. — И что ты можешь знать о моем везении? Мы десять лет почти не разговаривали!

— Но мы разговариваем сейчас! — проревел Вест, швыряя скомканный листок через комнату. — Ты подумала о том, что из этого выйдет? Если тебе удастся заполучить его? Ты думала об этом? Будет ли его семья радоваться при виде краснеющей невесты, как ты думаешь? В лучшем случае они не станут с тобой разговаривать. В худшем — вышвырнут вас обоих из дома! — Вест указал трясущимся пальцем на дверь. — Ты не заметила, что он тщеславная и самодовольная свинья? Они все такие! Как, по твоему мнению, он будет сводить концы с концами без своего жалованья? И своих высокопоставленных друзей? Да он даже не знает, с чего начать! И вы будете счастливы вместе? — Его голова раскалывалась, но он продолжал бушевать. — А если ты не сможешь его заполучить, что гораздо более вероятно? Что тогда? С тобой будет покончено! Ты думала об этом? Ты уже испытала такое однажды! И ты считаешься у нас самой умной! Ты выставяешь себя на посмеище! — Он задыхался от ярости. — Нас обоих!

Арди всплеснула руками:

— А-а, мы наконец-то добрались до сути! — Она тоже почти кричала. — На меня всем плевать, но если твоя репутация в опасности...

— Ты долбаная тупая сука!

Графин, кувыряясь, перелетел через комнату и разбился о стену недалеко от головы Арди. Посыпались осколки, вино потекло по штукатурке. Это привело Веста в еще большую ярость.

— Почему, черт тебя дерит, ты никогда не слушаешь?

В одну секунду он очутился рядом с сестрой. В глазах Арди на миг отразилось удивление, потом раздался резкий звук удара — Вест попал ей кулаком в лицо, как раз когда она вставала. Девушка повалилась на пол, но руки брата поймали ее, вздернули вверх и швырнули спиной о стену.

— Ты нас погубишь! — кричал он.

Голова Арди ударилась о штукатурку — один, два, три раза. Вест схватил сестру за шею, оскалился и стал сжимать ее горло. Раздался тихий хрип.

— Эгоистичная, никчемная... долбаная... шлюха!

Ее лицо прикрыли спутанные волосы. Вест видел только часть щеки, уголок рта, темный глаз.

Глаз смотрел на него. Без боли. Без страха. Пустой, безжизненный, как мертвый.

Он сжал пальцы. Раздался хрип. Он сжал еще раз.

И еще раз...

Вест вздрогнул и очнулся. Разжал пальцы и отдернул руку. Арди осталась стоять, выпрямившись возле стены. Он слышал, как она дышит: короткие судорожные вдохи. Или это он сам? Голова раскалывалась. Глаз девушки по-прежнему смотрел на него.

Должно быть, он вообразил все это. Наверняка. Через секунду-другую он проснется, и кошмар закончится. Это просто сон.

Потом она откинула волосы с лица.

Ее кожа была нездорово-бледной, словно свечной воск или тесто. Струйка крови, стекавшая из носа, казалась почти черной. На шее четкими пятнами проступили красные отметины от пальцев. Его пальцев. Значит, все-таки не сон.

Желудок Веста выворачивался наизнанку. Его рот открылся, но оттуда не донеслось ни звука. Он посмотрел на кровь на ее губе, и его затошнило.

— Арди...

Его едва не вырвало от отвращения, когда он произнес ее имя. Вест чувствовал вкус желчи на корне языка, однако голос его продолжал лепетать:

— Прости меня... Я виноват... С тобой все в порядке?

— Бывало и хуже.

Она медленно подняла руку и прикоснулась кончиком пальца к губе. Ее рот был измазан кровью.

— Арди... — Его рука потянулась к сестре, но он отдернул ее, опасаясь того, что мог сделать. — Прости меня...

— Он всегда просил прощения. Ты помнишь? Он всегда обнимал нас и плакал. И всегда просил прощения. Но это никогда не останавливало его в следующий раз. Или ты забыл?

Вест подавился и снова удержался от рвоты. Если бы она стала плакать, кричать, колотить его кулаками, ему было бы легче. Все что угодно, только не это. Он пытался не вспоминать об этом, но он не забыл.

— Нет, — прошептал он, — я помню.

— Может быть, ты думал, что он изменился, когда ты ушел от нас? Он стал еще хуже. Только теперь я пряталась одна. Я часто мечтала, что ты вернешься. Вернешься и спасешь меня. Но ты вернулся совсем ненадолго, и между нами все было по-другому, и ты не сделал ничего.

— Арди... Я не знал...

— Ты знал, но сбежал. Ведь проще не делать ничего. Притвориться. Я понимаю. Знаешь, я даже не виню тебя. Это в некотором роде утешало в те дни — знать, что тебе удалось сбежать. День, когда он умер, был счастливейшим днем моей жизни.

— Арди, он был наш отец...

— О да! Это все мое невезение. Невезение по части мужчин. Я рыдала на его могиле, как подобает почтительной дочери. Рыдала, пока плакальщики не начали бояться за мой рассудок. Потом я долго лежала в кровати, пока все не заснуло. А потом я тайком выбралась из дома, вернулась на могилу, немного постояла, поглядела... а потом я помочилась на него, черт подери! Я задрала рубашку, присела сверху и помочилась на него! И все это время я думала: я больше никогда не буду ничьей собакой! — Она вытерла кровь с носа тыльной стороной руки. — Если бы ты видел, как я была счастлива, когда ты послал за мной! Я перечитывала письмо снова и снова. Все мои жалкие мечты вдруг ожили. Надежда, да? Проклятое чувство! Уехать, чтобы жить с моим братом. Моим защитником. Он присмотрит за мной, он поможет мне. Теперь, может быть, и у меня будет жизнь! Но я вижу, что ты совсем не тот, каким я тебя помнила. Ты такой взрослый. Сначала не замечал меня, потом стал читать мне лекции, потом ударил, а теперь вот просишь прощения. Истинный сын своего отца!

Он застонал. Казалось, она колет его иглой прямо в череп. И это самое меньшее, чего он заслуживал. Она права: он предал ее. Задолго до сегодняшнего дня. Пока он забавлялся со шпагами и целовал зады тех, кто его презирал, она страдала. От него требовалось лишь небольшое усилие, но он не смог заставить себя его сделать. Каждую минуту рядом с Арди он чувствовал свою вину — тянущую вниз, как камень в кишках, невыносимую.

Она сделала шаг от стены и сказала:

— Пойду-ка я повидать Джезала. Возможно, он самый ничтожный идиот во всем городе, но он никогда не поднимет на меня руку, правда?

Она оттолкнула Веста и двинулась к двери.

— Арди! — Он схватил ее за руку. — Прощу тебя... Арди... Мне очень жаль...

Она высунула язык, свернула его трубочкой и выплюнула струю кровавой слюны, мелкими брызгами осевшей на мундире брата.

— Вот тебе твоя жалость, сволочь.

Дверь захлопнулась перед его лицом.

Каждый молится на себя

Ферро, прищурившись, рассматривала здорового розового, и он тоже не сводил с нее пристального взгляда. Разглядывание длилось уже довольно долго. Все розовые безобразны — мягкие, белые, — но этот какой-то особенный.

Отвратительный.

Ферро знала, что ее собственное лицо покрыто шрамами, обветрено и опалено солнцем за годы, проведенные в пустыне. Но бледная кожа на его лице напоминала щит, побывавший во многих битвах: изрубленная, выщербленная, рваная, бугристая. Странно видеть на таком искромсанном лице живые глаза; но они жили и наблюдали за ней.

Ферро решила, что он опасен.

Его тело поражало не просто массой — это была сила. Звериная сила. Он весил, наверное, вдвое больше Ферро, его толстая шея сплошь состояла из жил. Девушка физически ощущала исходящую от него мощь. Он мог бы поднять ее одной рукой, но Ферро это не пугало. Сначала ему придется ее поймать, а вес и сила часто делают человека медлительным.

Медлительный и опасный — несоединимые качества.

Шрамы тоже не напугали Ферро. Они означали, что человек побывал во множестве переделок, но не говорили о том, что он побеждал. Дело было в другом. Он сидел спокойно, но не расслабленно. Терпеливый, готовый ко всему, он изучал Ферро, потом осторожно обводил взглядом комнату, затем снова смотрел на Ферро. Темные глаза, наблюдательные и вдумчивые, словно взвешивали девушку. Вены на тыльной стороне ладоней очень мощные, а пальцы длинные, чуткие, с полосками грязи под ногтями. Одного не хватало — белый обрубок.

Все это Ферро совсем не нравилось. Она чувала опасность.

Ей бы не хотелось драться с ним без оружия.

Однако она отдала свой нож тому розовому на мосту. Она уже была готова прирезать его, но в последний миг передумала. Что-то в его глазах напомнило ей Аруфа, еще до того, как гурки насадили его голову на копье. Спокойный и уравновешенный взор, словно он понимал ее. Словно она была личностью, а не вещью. В последний миг, помимо собственной воли, Ферро отдала ему нож. Позволила привести ее сюда.

Глупо!

Сейчас она сожалела об этом, горько сожалела; но если понадобится,

она будет драться всеми возможными способами. Большинство людей не осознают, что окружающий мир полон оружия. Вещи можно ломать и использовать как дубинки. Тряпки скручиваются в веревку, которой можно душить. Грязь можно кидать в лицо врагу. Если не подвернется ничего другого, Ферро сумеет перегрызть противнику горло. Она оскалилась, чтобы доказать это, но человек без пальца, кажется, ничего не заметил. Он все так же сидел и смотрел на нее. Молчаливый, спокойный, безобразный — и опасный.

— Долбаные розовые, — прошипела Ферро.

Второй, тощий, по контрасту с первым выглядел совершенно безобидным. Болезненный, длинноволосый, как женщина, неловкий и нервный, он поминутно облизывал губы. Время от времени он украдкой смотрел на Ферро, но стоило ей хмуро глянуть на него, как тут же отводил глаза и сглатывал — бугристый кадык на его шее постоянно двигался вверх и вниз. Он казался напуганным и бессильным, но Ферро все же не забывала о нем, пока наблюдала за верзилой. Нельзя полностью сбрасывать тощего со счетов.

Жизнь научила ее, что сюрпризов можно ждать отовсюду.

Наконец, был еще старик. Ферро не доверяла никому из розовых, а этому лысому меньше всех. У него было много глубоких морщин — вокруг глаз, вокруг носа. Суровые морщины. Жесткие, тяжелые кости скул. Большие мясистые руки с седыми волосками на тыльной стороне. Ферро решила: если придется убивать этих троих, то первым она убьет не опасного верзилу, а лысого старика. Он осмотрел ее, как работороговец — сверху донизу, всю целиком. Холодный оценивающий взгляд.

Сволочь.

Байяз, так назвал его Юлвей. Похоже, что старики хорошо знали друг друга.

— Ну что, брат мой, — говорил лысый розовый на кантийском наречии, хотя было вполне очевидно, что он и Юлвей не состоят в родстве, — как идут дела в великой империи Гуркхула?

Юлвей вздохнул.

— Всего лишь год назад Уфман захватил корону, а уже успел расправиться с последними из мятежников. Он держит своих наместников в ежовых рукавицах. Сейчас молодого императора боятся больше, чем когда-либо боялись его отца. Уфман-уль-Дошт, называют его солдаты, и произносят это с гордостью. Он сжимает Канту мертвой хваткой, у него абсолютная власть вдоль всего Южного моря.

— Не считая Дагоски.

— Верно. Но он не смотрит в ту сторону. Армии толпами устремляются к полуострову, а за могучими стенами Дагоски неустанно работают его шпионы. Теперь, когда на Севере война, он не скоро выберет момент для осады города. А когда он это сделает, вряд ли город выстоит долго.

— Ты уверен? Союз по-прежнему контролирует моря.

Юлвей сдвинул брови и ответил:

— Мы видели корабли, брат мой. Много больших кораблей. Гурки построили могучий флот, и сделали это тайно. Должно быть, они начали много лет назад, во время последней войны. Боюсь, Союзу недолго осталось владычествовать на море.

— Флот? Я надеялся, что у меня есть хотя бы несколько лет на подготовку. — Голос лысого звучал мрачно. — Мои планы становятся еще более срочными.

Ферро надоел их разговор. Она привыкла двигаться, она всегда была на шаг впереди, она ненавидела остановки. Задержишься на месте слишком долго, и гурки найдут тебя. Ей не нравилось сидеть здесь и показывать себя, чтобы этим придурочным розовым было на что пялиться. Старики продолжали плести бесконечные слова, а она расхаживала по комнате, гримасничала и кусала губы, взмахивала руками, топала по истертым доскам пола, тыкала пальцем в настенные занавеси и заглядывала за них, проводила рукой по предметам мебели, цокала языком и щелкала зубами.

И заставляла всех нервничать.

Ферро прошла так близко от огромного безобразного розового, сидевшего в кресле, что почти задела рукой его изрытое шрамами лицо. Она хотела показать, что ей плевать на его громадный рост, шрамы и все прочее. Потом направилась ко второму — нервному и тощему, с длинными волосами. Тот сглотнул, когда Ферро придвинулась к нему вплотную.

— С-с-с, — зашипела она ему в лицо.

Тощий что-то пробормотал и убрался в сторону, а она заняла его место у открытого окна. Выглянула наружу, повернувшись спиной к сидящим в комнате.

Пусть эти розовые знают, что ей плевать на них.

За окном был парк. Деревья, цветы, просторные ухоженные лужайки. Группы бледных мужчин и женщин лениво разлеглись под солнечными лучами на аккуратно выстриженной траве, что-то ели и пили. Ферро мрачно глядела на них сверху. Жирные, уродливые, ленивые, умеющие только жрать и бездельничать.

— Парк, — фыркнула она.

Дворец Уфмана тоже окружал парк. Она частенько смотрела туда из крошечного окошка своей комнаты. Своей камеры. Задолго до того, как Уфман стал Уфман-уль-Доштом. Тогда он был всего лишь младшим сыном императора, а она — одной из множества его рабынь. Его пленницей. Ферро перегнулась через подоконник и плюнула наружу.

Она ненавидела парки.

Она ненавидела города. Прибежища рабства, страха, вырождения. Их стены — стены тюрем. Когда она уберется из этого трижды проклятого места, она будет счастлива. Или хотя бы не так несчастна. Она отвернулась от окна и снова нахмурилась: все трое пристально разглядывали ее.

Тот, кого называли Байязом, заговорил первым:

— Да, тебе несомненно удалось сделать поразительную находку, брат мой. Ее не потеряешь в толпе! Ты уверен, что это именно то, что я ищу?

Юлвей с минуту смотрел на нее, потом сказал:

— Настолько уверен, насколько вообще возможно.

— Я стою перед вами! — прорычала она, но лысый розовый продолжал говорить так, словно она не могла его слышать:

— Чувствует ли она боль?

— Почти нет. По дороге она сражалась с едоком.

— Правда? — Байяз тихо рассмеялся. — И сильно он ее повредил?

— Сильно, но через два дня она уже ходила, а через неделю полностью исцелилась. У нее не осталось ни царапины после той схватки. Это ненормально.

— Мы оба видели множество вещей, которые не назовешь нормальными. Мы должны быть уверены.

Лысый полез к себе в карман. Под подозрительным взглядом Ферро он вытащил оттуда что-то в сжатом кулаке и поднес к столу. Когда он убрал руку, на деревянной столешнице остались лежать два гладко отполированных камешка. Лысый наклонился вперед.

— Скажи мне, Ферро, который из камней синий? — спросил он.

Она мрачно уставилась на него, затем перевела взгляд на камни. Между ними не было никакой разницы. Все в комнате смотрели на нее еще пристальнее, чем прежде. Она скрипнула зубами.

— Вот этот. — Она показала на левый камешек.

Байяз улыбнулся:

— В точности тот ответ, на который я надеялся.

Ферро пожала плечами.

«Повезло, — подумала она. — Я угадала».

Затем она заметила выражение лица большого розового — тот

насупился, глядя на камни, словно чего-то не понимал.

— Они оба красные, — сказал Байяз. — Ты совсем не различаешь цвета, Ферро?

Значит, лысый розовый одурачил ее! Ей это не понравилось. Ферро Малджин никому не позволит себя дурачить. Она засмеялась — хриплым, неблагозвучным, захлебывающимся смехом.

Потом прыгнула через стол.

Удивленное выражение лишь только проступало на лице старика, когда кулак Ферро с хрустом врезался ему в нос. Лысый всхрипнул, вместе со стулом повалился назад и распластался на полу. Ферро вскарабкалась на стол, чтобы добраться до старика, но Юлвей схватил ее за ногу и стащил вниз. Ее пальцы промахнулись мимо шеи лысого паскудника, ухватились за стол и опрокинули его набок. Камешки упали на пол и куда-то закатились.

Она дернула ногой, высвободила ее и снова бросилась на старого розового, неловко поднимавшегося с пола. Но Юлвей поймал ее за руку и снова потащил обратно, не переставая кричать:

— Успокойся!

За свои старания он получил от нее локтем в лицо и сполз по стенке, а Ферро повалилась сверху. Она поднялась первой, готовая вновь налететь на лысую гадину.

Но к этому моменту большой розовый встал на ноги и двинулся вперед, не отрывая от нее взгляда. Ферро улыбнулась ему, сжимая кулаки. Сейчас она посмотрит, насколько он опасен на деле.

Он сделал еще один шаг.

Однако Байяз поднял руку и удержал его. Вторую ладонь он прижимал к носу, пытаясь остановить текущую кровь. Он смеялся.

— Отлично! — кашляя, проговорил он. — Просто отлично! Яростная и стремительная. Несомненно, это именно то, что нам нужно! Надеюсь, ты примешь мои извинения, Ферро.

— Что?

— Прости меня за мои ужасные манеры. — Он вытер кровь с верхней губы. — Я вполне заслужил этот удар, но я должен был удостовериться. Я раскаиваюсь. Ты простишь меня?

Сейчас он казался другим, хотя ничего не изменилось. Дружелюбный, внимательный, искренний. Раскаивающийся. Однако требовалось нечто большее, чтобы завоевать ее доверие. Гораздо большее.

— Посмотрим, — прошипела она.

— Только об этом я и прошу. Я бы хотел еще, чтобы ты дала нам с Юлвеем несколько минут на обсуждение... кое-каких вопросов. Нам лучше

обсуждать их наедине.

— Все в порядке, Ферро, — сказал Юлвей. — Здесь нет врагов, здесь твои друзья.

Она была абсолютно уверена, что они не являются ее друзьями, но позволила ему выпроводить себя из комнаты вместе с двумя розовыми.

— Постарайся никого из них не убить, пока мы разговариваем, — сказал Юлвей и закрыл дверь.

Новая комната была так же роскошна. Должно быть, они богаты, эти розовые, хотя по виду и не скажешь. Огромный камин, сделанный из темного камня с прожилками. Диваны. Тонкая ткань возле окна, на ней мелкими стежками вышиты цветы и птицы. Со стены на Ферро взирало изображение сурового мужчины с короной на голове. Она ответила ему таким же мрачным взглядом. Ишь какая роскошь.

Роскошь Ферро ненавидела даже больше, чем парки.

Роскошь — это такой же плен, как прутья клетки. Мягкие ковры и мягкая постель опаснее, чем оружие. Жесткая земля и холодная вода — вот все, что нужно. Мягкие вещи делают тебя мягким, и Ферро не хотела иметь с ними ничего общего.

Здесь их ждал еще один человек. Он ходил по комнате кругами, заложив руки за спину, словно не любил слишком долго стоять на месте. Не то чтобы совсем розовый — по цвету обветренной кожи он был где-то посередине между ней и остальными. Голова выбрита, как у жреца. Это Ферро не понравилось.

Жрецов она ненавидела больше всего.

Но едва бритый увидел Ферро, его глаза загорелись, несмотря на ее презрительную усмешку, и он поспешил подойти ближе. Странный маленький человечек в изношенной дорожной одежде. Его макушка едва доставала Ферро до рта.

— Я брат Длинноногий, — представился он, размахивая руками, как мельница. — Я член великого ордена навигаторов.

— Тебе повезло. — Ферро повернулась вполоборота и напрягла слух, чтобы расслышать разговор двоих стариков за дверью.

Но Длинноногий не смутился.

— Разумеется, мне повезло! — вскричал он. — Да, да, несомненно! Бог благословил меня! Уверенно скажу: еще никогда ни один человек так не подходил для своей профессии — или профессия для человека — как я, брат Длинноногий, подхожу для благородного искусства навигации! От покрытых снегами горных вершин далекого Севера до пропитанных солнцем песков крайнего Юга весь мир является моим домом. Клянусь, это

так!

Он улыбнулся Ферро с тошнотворно самодовольным выражением, но она не обращала на него внимания. Двое розовых, здоровенный и тощий, беседовали друг с другом в дальнем конце комнаты. Они говорили на незнакомом языке, похожем на хрюканье свиней. Возможно, они говорили о Ферро, но ей было наплевать. Потом они вышли за дверь, оставив девушку наедине со жрецом. Тот не переставал болтать:

— Я, брат Длинноногий, знаю почти все народы, живущие внутри Земного круга. Тем не менее я теряюсь в догадках относительно вашего происхождения. — Он выжидающе замолчал, но Ферро ничего не ответила. — То есть вы предпочитаете, чтобы я понял сам? О, это интересная задача! Позвольте, позвольте... ваши глаза той же формы, что у людей отдаленного Сулджук, где черные скалы отвесно поднимаются из сверкающего моря. Это несомненно. Однако ваша кожа...

— Закрой рот, мудака.

Тот замолчал на полуслове, кашлянул и отошел подальше, оставив Ферро прислушиваться к голосам по ту сторону двери. Она улыбнулась: деревянная дверь была толстой и заглушала звуки, однако старики не приняли в расчет остроту ее слуха. Они по-прежнему говорили по-кантийски, и теперь, когда идиот навигатор наконец умолк, она слышала каждое слово Юлвея:

— Кхалюль нарушает второй закон, и, значит, ты должен нарушить первый? Мне это не нравится. Иувин никогда бы этого не позволил!

Ферро нахмурилась. В голосе Юлвея звучало нечто странное. Страх. Второй закон... Ферро помнила, что он говорил это едокам: запрещено поедать человеческую плоть.

Она услышала ответ лысого розового:

— Первый закон — парадокс. Вся магия приходит с другой стороны, даже наша. Каждый раз, когда ты меняешь малейшую вещь, ты касаешься нижнего мира; каждый раз, когда ты творишь малейшую вещь, ты занимаешь ее у другой стороны, и всему всегда есть цена.

— Но на сей раз цена может оказаться слишком высока! Это семя — ужасная вещь! На нем лежит проклятие! Из него не вырастает ничего, кроме хаоса! Сыновья Эуса обладали великой мудростью и могуществом, но семя покончило с ними, с каждым по-своему. Или ты мудрее Иувина, Байяз? Искуснее Канедиаса? Сильнее Гластрода?

— Нет, нет и нет, брат мой. Но скажи мне... сколько едоков создал Кхалюль?

Долгая пауза.

— Я не знаю точно.

— Сколько?

Еще одна пауза.

— Ну, может быть, две сотни. Может быть, больше. Жречество прочесывает Юг в поисках тех, кто хоть как-то подходит. Теперь он делает их все быстрее, но большинство молоды и слабы.

— Две сотни или больше, и их количество увеличивается. Многие слабы, но есть и такие, кто может поспорить с тобой или со мной. Они были учениками Кхалюля в Древние Времена: и Мамун, и тот, кого они называют Восточным Ветром, и эти трижды проклятые близнецы.

Юлвей простонал:

— Чтоб они провалились, эти твари! Мамун был в Бесплодных землях, я ощутил его присутствие. Он стал очень сильным.

— Ты сам знаешь, что я прав. А наши ряды не пополняются.

— Мне казалось, будто Ки подавал надежды?

— Нам нужна еще сотня таких, как он, и двадцать лет, чтобы их обучить. Тогда мы будем с ними на равных. Нет, брат мой, нет. Мы должны использовать огонь против огня.

— Даже если огонь сожжет дотла тебя самого и целый мир в придачу? Позволь мне сходить в Саркант. Возможно, Кхалюль еще способен прислушаться к разумным доводам...

Смех.

— Он уже поработил половину мира! Когда же ты проснешься, Юлвей? Когда он поработит вторую половину? Я не хочу потерять тебя, брат мой!

— Вспомни, Байяз, есть вещи и похуже, чем Кхалюль. Гораздо хуже. — Его голос понизился до шепота, и Ферро наострила уши. — Рассказчики Тайн постоянно слушают...

— Хватит, Юлвей! Лучше даже не думать об этом!

Ферро нахмурилась. Это что за чушь? Рассказчики Тайн? Каких тайн?

— Вспомни, Байяз, что говорил тебе Иувин: бойся гордыни. Ты использовал искусство. Я знаю это. Я вижу на тебе тень.

— Чума на твои тени! Я делаю то, что должен! Вспомни, как Иувин говорил тебе, Юлвей: нельзя бесконечно сидеть и наблюдать. Время на исходе, и я больше не могу наблюдать. Я первый, мне принимать решение.

— Разве я не следовал за тобой, куда бы ты ни вел? Всегда, даже когда совесть предостерегала меня?

— А разве я хоть раз завел тебя не туда?

— Нам еще предстоит увидеть. Ты первый, Байяз, но ты не Иувин.

Мне выпало на долю оспаривать твои решения, и Захарусу тоже. Ему это понравится еще меньше, чем мне. Гораздо меньше.

— Это должно быть сделано.

— Но платить придется другим, так бывало всегда. Этот северянин Девятипалый — он умеет говорить с духами?

— Да.

Ферро нахмурилась. С духами? Казалось, и с людьми-то девятипалый розовый едва умеет говорить.

— А если ты найдешь семя, — донесся из-за двери голос Юлвея, — ты хочешь, чтобы Ферро несла его?

— В ней течет нужная кровь, и кто-то должен это сделать.

— Тогда будь осторожен, Байяз! Я знаю тебя. Мало кто знает тебя лучше. Дай мне слово, что будешь охранять ее и после того, как она послужит твоей цели.

— Я буду охранять ее лучше, чем охранял бы собственную дочь.

— Охраняй ее лучше, чем ты охранял дочь Делателя, и я буду удовлетворен.

Долгое молчание. Ферро сжимала челюсти, обдумывая то, что услышала. Иувин, Канедиас, Захарус — эти странные имена ничего не значили для нее. И что за семя, которое способно сжечь дотла целый мир? Она вовсе не хотела иметь с ним никаких дел. Ее место на Юге, ее дело — бороться с гурками тем оружием, которым она владела.

Дверь открылась, и два старика шагнули в комнату. Трудно представить людей более не похожих друг на друга: один смуглый, высокий и костлявый, с длинными волосами, второй светлокожий, массивный и лысый. Ферро с подозрением посмотрела на них. Первым заговорил светлокожий:

— Ферро, я хочу предложить тебе одну...

— Я не собираюсь идти с тобой, старый болван.

Легчайшая тень раздражения скользнула по лицу лысого, но он быстро справился с собой.

— Но почему? — спросил он. — Какие у тебя есть неотложные дела?

Над этим не пришлось долго думать.

— Мечь. — Ее любимое слово.

— А-а, понимаю. Ты ненавидишь гурков?

— Да.

— Они задолжали тебе за то, что сделали с тобой?

— Да.

— За то, что сделали с твоей семьей, с твоим народом, с твоей

страной?

— Да.

— За то, что сделали тебя рабыней, — прошептал он. Она сердито смотрела на старика и гадала, откуда он столько узнал о ней и не стоит ли еще раз наброситься на него. — Они ограбили тебя, Ферро, они отняли у тебя все. Они украли у тебя твою жизнь. Будь я на твоём месте... перестрадай я столько же, сколько выстрадала ты... на Юге не хватило бы крови, чтобы удовлетворить меня. Все гуркские солдаты стали бы трупами. Я бы сжег их города дотла. Я бы заставил их императора сгнить в клетке перед собственным дворцом!

— Да! — прошипела она со злорадной улыбкой, исказившей лицо. Теперь он говорил на её языке. Юлвей никогда так не говорил. Может быть, этот лысый розовый не так уж плох. — Ты понимаешь! Вот почему я должна вернуться на Юг!

— Нет, Ферро. — Теперь усмешка играла на лице лысого. — Ты не поняла, какую возможность я тебе предлагаю. На самом деле в Канте правит не император. Каким бы могущественным он ни казался, он пляшет под чужую дудку. Все решает человек, скрытый от посторонних глаз. Кхалюль, так его называют.

— Пророк.

Байяз кивнул.

— Если тебя ранят, будешь ты ненавидеть кинжал или того, кто его держит? Император, гурки — все они лишь орудия Кхалюля, Ферро. Императоры приходят и уходят, но пророк всегда остается на своём месте, позади них. Нашептывает. Советует. Приказывает. Именно он — тот, кто задолжал тебе.

— Кхалюль... да.

Едоки упоминали его имя. Кхалюль. Пророк. Императорский дворец полон жрецов, все это знали. И дворцы наместников тоже. Жрецы были везде, они кишели, как насекомые. В городах, в деревнях, среди солдат они неустанно распространяли свою ложь. Нашептывали. Советовали. Приказывали. Юлвей хмурился, он был недоволен, но Ферро знала, что старый розовый прав.

— Да, да, я понимаю! — воскликнула она.

— Помоги мне, и я дам тебе твою месть, Ферро. Настоящее мщение. Не один мертвый солдат, не десять мертвых солдат, но тысячи. Десятки тысяч! Возможно, даже сам император, как знать? — Он пожал плечами и повернулся к ней вполоборота. — Однако я не могу тебя заставлять. Если хочешь, возвращайся в Бесплодные земли, прячься, убегай, закапывайся в

пыль, словно крыса. Если это тебя удовлетворит. Если это полная мера твоего мщения. Теперь тобой заинтересовались едоки. Дети Кхалюля. Без нас они настигнут тебя рано или поздно. Тем не менее выбор за тобой.

Ферро нахмурилась. Годы, которые она провела в диких местах, сражаясь не на жизнь, а на смерть, постоянно на бегу, не дали ей ничего. Никакой мести, достойной этого слова. Если бы не Юлвей, с ней было бы покончено. Белые кости посреди пустыни. Мясо в брюхе у едоков. Труп в клетке перед императорским дворцом.

Гниющий труп.

Она не могла сказать «нет», но это ей не нравилось. Старик точно знал, что ей предложить. Она ненавидела ситуации, когда ей не оставляли выбора.

— Я подумаю, — ответила она.

И вновь легчайшая тень гнева легла на лицо лысого и быстро исчезла.

— Хорошо, подумай. Но не слишком долго. Император собирает войска, времени почти нет.

Он вышел из комнаты вслед за остальными, оставив Ферро наедине с Юлвеем.

— Мне не нравятся эти розовые, — заявила она достаточно громко, чтобы лысый старик мог услышать ее из коридора. Затем добавила потише: — Нам необходимо идти с ними?

— Тебе — да, необходимо. Мне же нужно возвращаться на Юг.

— Что?

— Кто-то должен следить за гурками.

— Нет!

Юлвей рассмеялся:

— Дважды ты пыталась убить меня. Один раз ты попыталась убежать от меня. Теперь я ухожу, а ты хочешь, чтобы я остался? Тебя трудно понять, Ферро.

— Этот лысый сказал, что сможет дать мне мщение. Он лжет? — спросила она.

— Нет.

— Тогда я должна идти с ним.

— Знаю. Именно поэтому я и привел тебя сюда.

Она не могла придумать, что еще сказать. Опустила голову и принялась смотреть в пол, но тут Юлвей неожиданно шагнул вперед. Ферро подняла руку, защищаясь от удара, но он обнял ее обеими руками и крепко прижал к себе. Странное ощущение — быть так близко к другому человеку. Теплое. Затем Юлвей отступил в сторону, не снимая руку с ее

плеча.

— Иди божьими стопами, Ферро Малджин.

— Ха. У них здесь нету бога.

— Скажем лучше, что у них здесь много богов.

— Много?

— Разве ты не заметила? Каждый молится на себя.

Она кивнула. Это было похоже на правду.

— Будь осторожна, Ферро. И слушай Байяза. Он первый в моем ордене, и не много найдется людей столь же мудрых, как он.

— Я ему не доверяю.

Юлвей наклонился к ней и проговорил:

— А я и не говорил, что ему надо доверять.

Затем улыбнулся и повернулся к ней спиной. Ферро смотрела, как он медленно шагает к двери, выходит в коридор. Она слышала, как его босые ноги шлепают по плитам пола, как тихо звенят браслеты на его руках.

А потом она осталась одна — наедине с этой роскошью, этими парками и этими розовыми.

Старые друзья

В дверь громко застучали, и Глокта вскинул голову, судорожно подергивая левым глазом.

«Кто, черт побери, ломится в такое время? Иней? Секунтор? Или кто-то другой? Наставник Гойл, к примеру, — пришел ко мне с визитом, прихватив с собой всю свою цирковую команду? Вдруг архилектору наскучила его хромая кукла? Ведь не скажешь, что пиршество прошло в соответствии с задуманным планом, а его преосвященство не назовешь человеком, склонным прощать ошибки. Тело, найденное возле доков...»

Стук повторился — громкий, уверенный.

«Так стучат, когда требуют открыть, прежде чем дверь снесут с петель».

— Иду, иду! — крикнул он несколько осипшим голосом, вытаскивая себя из-за стола. — Уже иду!

Ухватив трость, Глокта доковылял до двери, набрал в грудь воздуха и отпер замок.

Это был не Иней и не Секунтор. Но и не Гойл и не его уродцы практики. За дверью стоял совершенно неожиданный гость. Глокта изумленно поднял бровь и прислонился к дверному косяку.

— Майор Вест! Вот сюрприз!

Иногда старые друзья встречаются, и все немедленно становится в точности таким, как много лет назад. Дружба возобновляется, не тронутая временем, словно и не было никакого перерыва.

«Иногда, но не сейчас».

— Инквизитор Глокта, — пробормотал Вест неуверенно, неловко, смущенно. — Простите, что беспокою вас так поздно...

— Не стоит извиняться, — ответил Глокта с ледяной чопорностью.

Майор едва заметно поморщился.

— Могу я войти?

— Разумеется.

Глокта закрыл входную дверь и прохромал вслед за Вестом в столовую. Майор уселся в одно из кресел, Глокта в другое. Так они сидели какое-то время, глядели друг на друга и не говорили ни слова.

«Какого черта ему от меня надо, хоть в это время, хоть в какое угодно другое?»

Глокта рассматривал лицо старого друга в отблесках огня от камина и

мерцании единственной свечки. Теперь он разглядел Веста получше и понял, что тот изменился.

«Он выглядит постаревшим».

Надо лбом майора виднелись залысины, на висках блестела седина. Его лицо стало бледным и худым, он осунулся.

«Выглядит обеспокоенным. Он измучен. Еле держится».

Вест оглядел жалкую комнату, жалкий огонь, жалкую мебель, бросил настороженный взгляд на Глокту и тут же опустил глаза. Он явно нервничал.

«Похоже, ему не по себе. Так и должно быть».

Вест, по-видимому, не был готов прервать молчание, так что Глокта взял это на себя.

— Итак, сколько же времени прошло, а? Не считая той ночи в городе... А ее едва ли стоит считать, не так ли?

Воспоминание о неудачной встрече на мгновение повисло в воздухе, словно неприличный звук. Затем Вест, откашлявшись, произнес:

— Девять лет.

— Девять лет... Подумать только. С тех пор как мы, два старых друга, стояли там на хребте и глядели вниз на реку. На мост и на всех этих гурков на другой стороне. Кажется, с тех пор прошла целая жизнь, не правда ли? Девять лет. Я помню, как ты умолял меня не ходить туда, но я никого не слушал. Каким дураком я был, а? Воображал, будто я — наша последняя надежда. Воображал, что я непобедим.

— Ты нас спас в тот день. Спас целую армию.

— Правда? Как чудесно. Не сомневаюсь, если бы я умер тогда на мосту, сейчас повсюду стояли бы мои статуи. Жаль, что вышло по-другому, ей-богу, жаль. Так было бы лучше для всех.

Вест сморщился и заерзал в кресле с еще более неловким видом, чем раньше.

— Потом я искал тебя... — промямлил он.

«Ты меня искал? Как чертовски благородно, мать твою! Настоящий друг. Правда, мне это мало помогло, когда меня тащили, ослепшего от боли, с ногой, изрубленной в фарш. И это только начало».

— Ты пришел не для того, чтобы вспоминать старые времена, Вест.

— Да... Да, правда. Я пришел по поводу моей сестры.

Глокта замер. Он ожидал чего угодно, только не этого.

— Арди?

— Да, Арди. Видишь ли, я скоро уезжаю в Инглию, и... Я надеялся, что ты присмотришь за ней, пока меня не будет. — Вест вскинул на него

глаза. — Ты всегда умел обращаться с женщинами... Занд.

Глокта скорчил гримасу, услышав свое имя. Никто больше не называл его так.

«Никто, кроме моей матери».

— Ты всегда знал, что им сказать. Помнишь тех трех сестричек... как же их звали? Они на все были готовы для тебя! Каждая из них...

Вест улыбнулся, но Глокта не мог. Он все помнил, но воспоминания выцвели и поблекли.

«Это чужие воспоминания. Тот человек умер. Моя жизнь началась в Гуркхуле, в императорской тюрьме. То, что было дальше, я помню очень хорошо. Как я вернулся домой и, словно труп, лежал на кровати в темноте, ожидая друзей, а они не пришли. — Он посмотрел на Веста убийственно холодным взглядом. — Думаешь, меня можно подкупить честным лицом и разговорами о былых временах? Изображаешь брошенного пса, преданно вернувшегося домой? Ну уж нет! От тебя воняет, Вест. От тебя несет предательством. Вот это мои воспоминания».

Глокта медленно откинулся на спинку кресла.

— Занд дан Глокта, — пробормотал он, словно вспоминая давно позабытое имя. — Что с ним стало, как ты думаешь, Вест? Ты ведь помнишь его — твоего друга, блестящего юношу, красивого, гордого, бесстрашного? Имевшего магическое влияние на женщин. Всеми любимого и уважаемого, предназначенного для великих дел. Куда он делся?

Вест озадаченно смотрел на него, не зная, что ответить. Глокта резко наклонился к нему, раскинул руки по столу и оскалился, чтобы показать свой изуродованный рот.

— Он мертв! Он умер на том мосту! А что осталось? Долбаная развалина, носящая его имя! Хромая тень, таящаяся по углам! Искалеченный призрак, цепляющийся за жизнь, как запах мочи держится возле бродяги! У него нет друзей, у этого мерзкого вонючего уроды, и он не хочет их иметь! Убирайся, Вест! Иди к своему Варузу, к своему Луфару, к остальным пустоголовым недоноскам! Здесь нет никого из твоих приятелей!

Губы Глокты дрожали, он брызгал слюной от отвращения. Он не знал, для кого он более мерзок, для Веста или для самого себя.

Майор заморгал. На его скулах тихо перекатывались желваки. Наконец он поднялся на ноги и пошел к выходу.

— Мне очень жаль, — проговорил он, обернувшись через плечо.

— Скажи мне! — вскричал Глокта, настигая его возле двери. — Я понимаю остальных: они держались меня, пока я мог быть им полезен,

пока я шел в гору. Я всегда это понимал. Меня не удивило, что они не захотели иметь со мной ничего общего после моего возвращения. Но ты, Вест!.. Я считал, что ты другой, что ты лучше! Я всегда думал, что уж ты-то — хотя бы ты! — придешь навестить меня... — Глокта пожал плечами. — Видимо, я ошибался.

Он отвернулся и хмуро уставился в огонь, дожидаясь звука закрывающейся двери.

— Так она тебе не сказала? — спросил Вест.

Глокта снова повернулся.

— Кто?

— Твоя мать.

Глокта хмыкнул:

— Моя мать? Не сказала мне о чем?

— Я приходил. Дважды. Как только узнал, что ты вернулся, я сразу пошел к тебе. Твоя мать встретила меня у ворот вашего имения. Она сказала, что ты слишком болен, не можешь принимать посетителей и больше не хочешь иметь никаких дел с армией, а в особенности со мной. Через несколько месяцев я пришел еще раз. Я думал, что должен сделать для тебя хотя бы это. Но ко мне послали слугу, чтобы он выпроводил меня. Потом я услышал, что ты вступил в инквизицию и уехал в Инглию. И я выбросил тебя из головы... до тех пор, пока мы не встретились... тогда, ночью, в городе...

Вест умолк.

Прошло некоторое время, прежде чем его слова дошли до сознания Глокты. Когда это произошло, он осознал, что сидит с открытым ртом.

«Так просто. Никакого заговора. Никакой паутины предательства. — Он чуть не рассмеялся от идиотизма ситуации. — Моя мать выгнала его, а я был уверен, что ко мне никто не приходил. Мать всегда ненавидела Веста. Неподходящий друг, недостойный ее драгоценного сыночка. Разумеется, она винила его в том, что со мной произошло. Я должен был догадаться, но я был слишком занят — упивался своими страданиями и горечью. Слишком занят тем, что разыгрывал трагедию».

Глокта сглотнул.

— Ты приходил? — переспросил он.

Вест пожал плечами:

— Можешь мне не верить.

«Ну, хорошо. Что же мы теперь можем сделать, не считая того, что в следующий раз постараемся вести себя лучше?»

Глокта моргнул и набрал в грудь воздуха.

— Я, э-э... Я прошу прощения. Забудь о том, что я тебе сказал, если можешь. Пожалуйста. Сядь. Ты что-то говорил о своей сестре.

— Да. Да. О моей сестре. — Вест неловко пробирался обратно к своему креслу, глядя в пол; его лицо снова приобрело тревожное и виноватое выражение. — Мы скоро выступаем в Инглию, и я не знаю, когда вернусь... и вернусь ли вообще... У нее не останется в городе никого из друзей, и я... э-э... Кажется, ты видел ее, когда гостил у нас?

— Несомненно. Собственно, я видел ее недавно.

— Ты встречал ее?

— Да. В компании нашего общего друга капитана Луффара. Вест побледнел пуще прежнего.

«Здесь есть что-то еще, о чем он не говорит».

Однако Глокта не хотел ляпнуть что-нибудь лишнее и потерять единственного друга сразу же после того, как их дружба возродилась. Он промолчал, и через мгновение майор продолжил:

— Жизнь... сурово с ней обошлась. Я мог бы сделать что-нибудь. Я должен был что-нибудь сделать.

Вест уставился горестным взглядом в стену, и по его лицу прошла безобразная судорога.

«Я знаю это чувство. Как оно мне знакомо! Отвращение к себе».

— Но я позволил другим вещам встать у меня на пути; я приложил все силы, чтобы забыть о ее бедах; я делал вид, будто все идет как надо. Сестра страдала, и винить в этом следует меня. — Он кашлянул, затем шумно сглотнул. Его губы задрожали, и он закрыл лицо руками. — Я буду виноват... если с ней что-нибудь случится...

Его плечи беззвучно затряслись, и Глокта поднял брови. Он, разумеется, привык к тому, что люди в его присутствии плачут...

«Но обычно мне приходится сначала показать им инструменты».

— Брось, Коллем, это не похоже на тебя. — Он неуверенно потянулся к Весту через стол, почти убрал руку обратно, но в конце концов все же неловко потрепал всхлипывающего друга по плечу. — Ты ошибался, но кто избежал этого? Ошибки уже в прошлом, их не изменить. Теперь ничего не вернешь, но можно постараться сделать лучше, а?

«Что? Неужели это говорю я? Инквизитор Глокта — утешитель страждущих?»

Однако Вест явно испытал облегчение. Он поднял голову, вытер нос и с надеждой воззрился на Глокту мокрыми глазами.

— Ты прав, конечно, ты прав! — воскликнул он. — Я должен возместить ущерб. Должен! Ты поможешь мне, Занд? Ты присмотришь за

ней, пока меня не будет?

— Я сделаю для нее все, что смогу, Коллем, можешь на меня положиться. Когда-то я гордился тем, что называю тебя своим другом, и... Я снова буду гордиться этим.

Как ни странно, но Глокта ощутил, что его глаза наполняются слезами.

«Это я? Разве такое возможно? Инквизитор Глокта — преданный друг? Инквизитор Глокта — покровитель беззащитных девиц?»

Он едва не рассмеялся вслух при этой мысли. Надо же! Он никогда не думал об этом, но сейчас почувствовал, как это хорошо — снова иметь друга.

— Холлит, — произнес Глокта.

— Что?

— Те три сестрички. Их фамилия Холлит. — Он засмеялся про себя, радуясь возвращению воспоминаний. Они стали яснее, чем прежде. — Они были помешаны на фехтовании. Ужасно его любили. Может, их притягивал запах мужского пота?

— Да, кажется, именно тогда я и решил взять в руки шпагу. — Вест тоже рассмеялся, затем наморщил лоб, словно пытался поймать что-то, ускользающее из памяти. — Слушай, а как звали нашего квартирмейстера? Он питал страсть к младшенькой и сходил с ума от ревности. Черт побери, как же его звали? Такой толстый?

Это имя Глокта легко припомнил.

— Реус. Салем Реус, — подсказал он.

— Точно! Реус! Надо же, я совершенно о нем забыл! Реус! Он рассказывал истории, как никто другой. Мы порой всю ночь слушали его и покатывались со смеху! Интересно, что с ним стало?

Глокта мгновение помолчал.

— Кажется, он ушел из армии... стал купцом или вроде того. — Инквизитор махнул рукой. — Я слышал, он переехал на Север.

Вернуться в грязь

Карлеон выглядел совсем не так, как его запомнил Ищейка. Правда, он запомнил его горящим. Эти картины остаются в памяти надолго: разрушенные крыши, разбитые окна, толпы воинов, опьяненных болью и победой... ну и вином, конечно... Грабежи, убийство, поджоги, все прочие неблагоприятные дела. Женщины рыдают, мужчины кричат, воздух наполнен дымом и страхом. В общем, хаос и разрушение, и они с Логеном в самом центре событий.

Бетод потушил пожары и сделал город своим. Въехал в него и начал отстраивать Карлеон заново. Дело не сильно продвинулось к тому моменту, когда Логена, Ищейку и остальных вышвырнули вон, но теперь город очень изменился. Он стал вдвое больше прежнего, занял весь холм и склон, спускающийся к реке. Больше Уфриса. Больше любого из городов, какие Ищейка когда-либо видел. Оттуда, где он находился, из гущи деревьев с другой стороны долины, нельзя было увидеть людей, но их должно быть ужасно много. Три новые дороги расходились от ворот. Два больших новых моста. Повсюду новые дома, большие на месте прежних маленьких. Множество домов — каменные, с крытыми сланцем крышами, а некоторые окна даже застеклены.

— Они время зря не теряли, — заметил Тридуба.

— Новые стены, — сказал Молчун.

— Их тут полно, — отозвался Ищейка.

Стены были повсюду. Одна проходила по периметру, с башнями, с широким рвом вдоль нее. Еще одна, даже мощнее первой, окружала вершину холма, где с давних пор стоял замок Скарлинга. Громадина. Ищейка не мог представить себе, где они нашли столько камня, чтобы выстроить ее.

— Черт меня подери, это самая большая стена, какую я видел, — сказал он.

Тридуба покачал головой.

— Мне это не нравится. Если Форли схватят, мы никогда не сможем вытащить его оттуда.

— Если Форли схватят, вождь, нас останется пятеро, и нас будут искать. Он-то ни для кого не представляет угрозы, а вот мы представляем. Вытаскивать его — это самая последняя из наших забот. Он-то уж вывернется, как обычно. Скорее всего, он переживет нас всех.

— Я бы не удивился, — пробормотал Тридуба. — У нас опасная работа.

Они скользнули обратно в кустарник и вернулись в лагерь. Там их ждал Черный Доу, и выглядел он еще более раздраженно, чем обычно. Тул Дуру тоже был здесь, он зашивал дыру на своей куртке: держал огромными толстыми пальцами иголку и морщился от старания совладать с маленьким кусочком металла. Форли сидел рядом с ним и глядел вверх, на небо сквозь листву.

— Ну, как самочувствие, Форли? — спросил Ищейка.

— Не очень. Но иногда нужно бояться, чтобы стать отважным.

Ищейка ухмыльнулся:

— Да, и я такое слышал. Тогда мы с тобой герои, а?

— Точно, — ответил Форли и ухмыльнулся в ответ.

Тридуба был чрезвычайно озабочен.

— Ты уверен, Форли? — спрашивал он. — Уверен, что хочешь пойти туда? А если обратного пути не будет, несмотря на все твоё красноречие?

— Я уверен. Даже если я наложу в штаны, всё равно пойду. Там от меня больше пользы, чем здесь. Нужно предупредить их про шанка. Ты сам знаешь, вождь. Кто это сделает, если не я?

Командир склонил голову — медленно-медленно, словно заходящее солнце. Как обычно, он выждал свою минуту.

— Ладно. Хорошо. Скажи им, что я жду тебя здесь, возле старого моста. Скажи, что я один. Это на случай, если Бетод не обрадуется тебе, понимаешь?

— Я понял. Ты здесь один, Тридуба. Обратно через горы сумели перейти только мы двое.

Теперь все бойцы собрались вокруг, и Форли с улыбкой оглядел их.

— Ну, парни, всё было здорово, правда?

— Заткнись, Слабейший, — хмуро сказал Доу. — Бетод ничего не имеет против тебя. Ты вернешься.

— Ну всё равно. Если вдруг не вернусь — всё было здорово.

Ищейка кивнул ему, ощущая неловкость. Вокруг были привычные лица, грязные и покрытые шрамами, но ещё более угрюмые. Никому не хотелось подвергать опасности одного из своих, но Форли был прав: кто-то должен сделать это, а он подходит для такого лучше других. Иногда слабость — более надёжный щит, чем сила, подумал Ищейка. Бетод — злобная сволочь, но он неглуп. Шанка приближаются, и его необходимо известить. Надо надеяться, что он будет благодарен за предупреждение.

Они прошли вместе до края леса и выглянули наружу, на тропу. Она

пересекала старый мост и, извиваясь, спускалась вниз, в долину. Отсюда — к вратам Карлеона. В крепость Бетода.

Форли глубоко вздохнул, и Ищейка хлопнул его по плечу.

— Ну, удачи тебе, Форли! Удачи!

— И тебе тоже. — Слабейший на мгновение стиснул руку Ищейки. — И всем вам, ребята.

Он повернулся и зашагал прочь по направлению к мосту, высоко подняв голову.

— Удачи, Форли! — заорал ему вслед Черный Доу, к всеобщему удивлению.

Слабейший остановился на вершине моста, обернулся и немного постоял, широко улыбаясь товарищам. Потом скрылся из виду.

Тридуба вздохнул.

— Проверить оружие! — приказал он. — На тот случай, если Бетод не захочет прислушаться к здравому смыслу. И ждите сигнала, ладно?

Они долго ждали здесь, наверху, среди листвы, тихо и неподвижно, глядя вниз на новые стены города. Ищейка лежал на брюхе, приготовив лук, наблюдал, выжидал и гадал, как там дела у Форли. Время тянулось долго. Потом он увидел их: из ближайших ворот выехали всадники. Они пересекли реку по одному из новых мостов, а позади них двигалась повозка. Ищейка не понимал, зачем она им понадобилась, и это ему совсем не нравилось. Форли не было видно, и Ищейка не мог решить, хорошо это или плохо.

Они приближались быстро, прищпоривая лошадей — вверх по краю долины, по крутой тропе, по направлению к деревьям и старому каменному мосту через ручей. Прямо на Ищейку. Он слышал, как стучат по грязи копыта. Они уже так близко, что можно сосчитать их и хорошенько рассмотреть. Копья, щиты и хорошие доспехи. Шлемы и кольчуги. Десять всадников и еще двое в повозке, по обе стороны от возницы, с какими-то штуковинами, похожими на маленькие луки, приделанные к деревянным брускам. Ищейка не знал, что это такое, а ему не нравилось чего-либо не знать. Он предпочитал преподносить сюрпризы сам.

Извиваясь, он прополз на брюхе обратно сквозь кусты, прошлепал по ручью и поспешил к опушке леса, откуда открывался хороший вид на старый мост. Тридуба, Тул и Доу стояли возле ближайшего к Ищейке конца моста, и он махнул им рукой. Молчуна не было видно — скорее всего, тот находился где-то между деревьев с другой стороны. Ищейка сделал знак рукой: «всадники»; поднял вверх сжатый кулак: «десять»; приложил раскрытую ладонь к груди: «доспехи».

Доу вытащил меч и секиру и побежал к грудке каменных глыб, наваленных на склоне высоко над мостом. Он пригибался к земле и двигался бесшумно. Тул скользнул с берега в ручей (в том месте глубина была по колено) и распластал свое огромное тело по дальней стороне каменной арки моста, подняв длинный меч над водой. Ищейке стало малость не по себе: Тул очень хорошо просматривался отсюда. Однако всадники никак не смогут его заметить, если поедут прямо, не сворачивая с тропы. Они думают, что их ждет только один человек, и вряд ли станут слишком осторожничать. Ищейка очень на это надеялся. А если, черт побери, они все же не пожалеют времени на проверку, это будет полный провал.

Ищейка видел, как Тридуба пристегнул щит к руке, вытащил меч, вытянул шею и замер, перекрыв тропу с ближней стороны моста. Он выглядел так, словно был один на целом свете.

Стук копыт и громохание колес повозки за деревьями приближались. Ищейка вытащил несколько стрел и воткнул их в землю наконечниками вниз, чтобы быстрее выхватить. Он старался побороть страх. Его пальцы дрожали, но это ничего не значило. Они сработают как надо, когда придет время.

— Жди сигнала, — шептал он сам себе. — Жди сигнала.

Он взял одну стрелу и наполовину натянул тетиву, прицелившись вниз, в направлении моста. Будь он проклят, но ему ужасно хотелось отлить.

Над выгибом моста показалось острие первого копья, за ним другие. Качающиеся шлемы, кольчужные груди, лошадиные морды — мало-помалу всадники въезжали на мост. Позади катилась повозка с возницей и двумя странными пассажирами, влекомая большим лохматым тяжеловозом.

Первый из всадников уже заметил на мосту Тридуба и пришпорил лошадь. Ищейка вздохнул свободнее, когда остальные зарысили вслед за первым, сбившись в кучу, в явном нетерпении стремясь к цели. Значит, Форли сказал все, как условились, и люди Бетода ожидали здесь лишь одного. Ищейка видел, как из-под замшелой арки выглядывает Тул, пытаясь рассмотреть скачущих над ним лошадей. Во имя мертвых, как же трясутся руки! Ищейка боялся, что нечаянно спустит не до конца натянутую тетиву и испортит все дело.

Повозка остановилась на том берегу. Двое людей, ехавших рядом с возницей, встали и направили свои странные луки на Тридуба. Ищейка тщательно прицелился в одного из лучников. Большая часть всадников уже въехала на мост, их кони беспокойно шарахались в стороны, недовольные тем, что оказались в такой тесноте. Первый всадник остановил коня перед

Тридуба и направив на противника копье. Старый воин, однако, не отступил ни на шаг. Кто угодно, только не он. Он лишь глядел вверх, хмурил брови и не позволял всадникам объехать себя, так что все они плотно сгруппировались на мосту.

— Ну-ка, ну-ка, — слышался голос командира всадников. — Рудда Тридуба! Мы думали, ты давно помер, старина.

Ищейка узнал этот голос: один из самых старых карлов Бетода. Дело-Дрянь, так его звали.

— Да нет, во мне еще осталось силенок на пару хороших драк, — отвечал Тридуба, по-прежнему не двигаясь с места.

Дело-Дрянь огляделся по сторонам и всмотрелся в кромку леса. У него хватало ума понять, что он занял плохую позицию, но не хватало осторожности.

— А где остальные из вашей шайки? Где этот пердун Доу, а?

Тридуба пожал плечами.

— Здесь только я.

— Вернулся в грязь? — Ищейка представил себе, как Дело-Дрянь ухмыляется из-под шлема. — Жаль, жаль. Я-то надеялся сам прикончить гадину.

Ищейка поморщился, почти уверенный, что Доу вылетит из-за камней сразу после этих слов, но тот не показывался. Пока рано. В кои-то веки он ждал сигнала.

— Где Бетод? — спросил Тридуба.

— Король не выйдет из дворца ради встречи с такими, как ты! К тому же он сейчас в Инглии, надирает задницы союзникам. В его отсутствие все решает принц Кальдер.

Тридуба фыркнул:

— Кальдер теперь принц? Я помню, как он сосал мамкину титьку. У него даже это плохо получалось.

— С тех пор многое изменилось, старина. Очень многое.

Ищейке жутко хотелось, чтобы они поторопились. Он едва сдерживался, чтоб не обмочиться. «Жди сигнала», — беззвучно шептал он себе, просто чтобы как-то справиться с руками.

— Плоскоголовые повсюду, — говорил Тридуба. — Следующим летом они двинутся на юг, а может быть, и раньше. Надо что-то делать.

— Хорошо. Почему бы тогда тебе не отправиться с нами? Предупредишь Кальдера лично. Мы взяли повозку, специально для тебя. Человеку твоего возраста не подобает ходить пешком.

При этих словах несколько всадников рассмеялись, но Тридуба не

присоединился к ним.

— Где Форли? — пророкотал он. — Где Слабейший?

Раздались новые смешки.

— О, он недалеко, — ответил Дело-Дрянь. — Совсем рядом. Почему бы тебе не залезть в повозку? Мы доставим тебя прямо к нему. А потом сядем в кружок и поговорим о плоскоголовых, тихо и мирно.

Ищейке это не нравилось. Очень не нравилось. У него появилось плохое предчувствие.

— Ты держишь меня за полного дурака, — сказал Тридуба. — Я никуда не двинусь, пока не увижу Форли.

Дело-Дрянь нахмурился.

— В твоём положении не приходится выбирать, что ты будешь делать, а что нет. Может, когда-то ты был большим человеком, но теперь ты меньше чем ничто, и здесь нечего спорить. А теперь отдай мне меч и полезай, черт побери, в повозку, пока я не потерял терпение!

Он снова попытался двинуть лошадь вперед, но Тридуба не шелохнулся.

— Где Форли? — повторил он. — Либо я услышу ясный ответ, либо увижу твои кишки!

Дело-Дрянь ухмыльнулся через плечо своим соратникам, и они ухмыльнулись в ответ.

— Ну хорошо, старина, раз ты так настаиваешь... Кальдер хотел, чтобы мы подождали с этим, но мне хочется посмотреть на твое лицо. Слабейший в повозке. По крайней мере, большая его часть.

Он улыбнулся и уронил что-то с седла на землю. Холщовый мешок. Ищейка уже догадался, что внутри. Мешок ударился о землю у ног Тридуба. То, что было в нем, выкатилось наружу, и по лицу командира Ищейка понял, что его догадка верна. Там была голова Форли.

Тут-то все и началось. Черт с ним, с сигналом. Первая стрела Ищейки вонзилась человеку в повозку прямо в грудь, тот вскрикнул и упал в кузов, заодно свалив и возницу. Хороший выстрел, но не время думать об этом — Ищейка уже нащупывал следующую стрелу и вопил во всю глотку. Он даже не осознавал, какие слова кричал — просто кричал. Молчун, очевидно, тоже начал стрельбу, потому что один из карлов на мосту вскрикнул и упал с лошади прямо в воду.

Тридуба пригнулся, закрывшись щитом, и отступал от Дела-Дрянь. Тот колот противника копьем и одновременно пришпоривал лошадь, чтобы спрыгнуть с моста на тропу. Всадник из-за его спины протиснулся вперед, желая поскорее оказаться на берегу, и подъехал совсем близко к груде

камней.

— Гады чертовы! — Доу выскочил из-за камней над его головой и налетел на всадника.

Они сцепились и покатались по склону, но Ищейка видел, что Доу взял верх. Его секира пару раз резко поднялась и опустилась. Еще один враг повержен.

Вторая стрела Ищейки пролетела мимо цели — он слишком разошелся, крича во все горло, — но вонзилась в круп одной из лошадей. Это обернулось неожиданной удачей. Лошадь принялась брыкаться и метаться, и вскоре все кони на мосту ржали, теснили друг друга, а всадники ругались и беспорядочно махали копьями. Шум и сумятица усиливались.

Внезапно кровь брызнула во все стороны и тело всадника, замыкавшего колонну, распалось пополам — это Грозовая Туча выбрался из ручья и напал на противника с тыла. Никакой доспех не выдержал бы его удара. Великан взревел и вновь взмахнул над головой громадной полосой окровавленного металла. Следующий в очереди успел подставить щит, но напрасно: клинок прорубил его, раскрыл воину голову и выбил всадника из седла. Удар был так силен, что свалил на землю и коня.

Один из всадников успел развернуть своего скакуна и теперь поднимал копье, чтобы поразить Тула сбоку. Но он не успел сделать это, ахнул и дернулся, сгибаясь пополам. Ищейка увидел перья, торчащие из его бока: должно быть, стрела Молчуна. Раненый свалился с седла, его нога застряла в стремени, и он повис, раскачиваясь. Он кричал и стонал, пытался выбраться, но его лошадь металась вместе с остальными, заставляя его болтаться вверх ногами и биться головой о мост. Всадник выронил копье в ручей, попытался втащить себя в седло, но тут лошадь врезала ему копытом по плечу, и удар высвободил его. Он упал прямо под копыта. Ищейка больше не смотрел на него.

В повозке еще оставался второй стрелок. Он уже оправился от потрясения и теперь целился из своего лука в Тридуба, прикрывавшегося щитом. Ищейка выстрелил первым, но поторопился. Стрела прошла мимо, ударила в плечо возницу, как раз выбравшегося из кузова, и снова повалила его назад.

Станный лук тренькнул, и Тридуба резко дернулся за своим щитом. Ищейка сначала испугался, но потом увидел, что стрела расколола плотное дерево и прошла насквозь, но все же застряла, чуть-чуть не дойдя до лица Тридуба. Она торчала в щите — оперение с одной стороны, наконечник с другой.

«Опасная штука этот маленький лук», — подумал Ищейка.

Он услышал рев Тула и увидел, как еще один всадник полетел в ручей. Другой свалился с коня со стрелой Молчуна в спине. Доу повернулся и подрубил мечом задние ноги лошади, на которой сидел Дело-Дрянь; она споткнулась и рухнула вместе с наездником. Оставались еще двое, но они попали в западню: Доу и Тридуба с одной стороны, Тул с другой, на мосту слишком тесно от испуганных неуправляемых лошадей, нельзя развернуться и что-то предпринять. Участь последних всадников решил скрывавшийся за деревьями Молчун: он быстро и безжалостно перестрелял их.

Человек с луком попытался сбежать. Он отшвырнул деревянный брусок и прыгнул с повозки. На этот раз Ищейка тщательно прицелился, и стрела попала лучнику прямо между лопаток, так что он упал лицом вниз, успев сделать лишь нескольких шагов. Он попытался ползти, но не смог далеко уйти. Возница снова показался из повозки, стесая и хватаясь за стрелу в плечо. Обычно Ищейка не добивал раненых, но сегодня решил сделать исключение. Он выстрелил вознице прямо в рот, и все было кончено.

Ищейка заметил всадника, хромающего прочь со стрелой Молчуна в ноге, и направил на него последнюю стрелу. Однако Тридуба первым добрался до врага и проткнул его насквозь, ударив мечом в спину. Еще один зашевелился, пытаясь подняться на колени, и Ищейка прицелился в него. Но Доу сделал шаг вперед и одним ударом отрубил противнику голову. Все вокруг было залито кровью. Лошади по-прежнему теснились на мосту, с жалобным ржанием оскальзывались на окровавленных камнях.

Теперь Ищейка видел и Дело-Дрянь — последнего, кто остался на ногах. Видимо, он потерял шлем при падении с лошади. Дело-Дрянь барахтался в ручье, стоя на четвереньках, ему мешали тяжелые доспехи. Он бросил щит и копье, чтобы выиграть время для бегства, но не осознал, что бежит прямо на Ищейку.

— Возьмите его живым! — заорал Тридуба.

Тул пустился бежать по одному берегу, но двигался медленно, скользя и зарываясь ногами в грязь, развороченную повозкой.

— Возьмите его живым!

Доу тоже бросился в погоню, шлепая по воде и ругаясь. Дело-Дрянь был уже близко. Ищейка слышал, как он всхлипывает от страха, пробираясь вниз по руслу ручья.

— А-а! — взвыл Дело-Дрянь, когда стрела Ищейки ужалила его в ногу, как раз под нижним краем кольчуги. Он завалился набок, кровь из раны окрасила мутную воду. Потом он попытался выползти на влажный дерн.

— Так его, Ищейка! — воскликнул Тридуба. — Живым!

Ищейка выскользнул из-за деревьев на берег и бросился в воду. Он держал нож наготове. Тул и Доу по-прежнему немного отставали, но спешили к нему. Дело-Дрянь катался в грязи, его лицо было перекошено от боли, стрела торчала в ноге. Он поднял вверх руки:

— Хорошо, хорошо, я гргл...

— Что? — спросил Ищейка, глядя на него сверху вниз.

— Гргл... — повторил тот с изумленным выражением лица, схватившись рукой за шею.

Кровь лилась потоком между его пальцами, заливая грудь мокрой кольчуги.

Доу наконец добрался до них, встал рядом и посмотрел вниз.

— Ну что ж, вот и конец им всем, — произнес он.

— На кой черт ты это сделал? — проорал Тридуба, подбегая к ним.

— А? — переспросил Ищейка. Потом опустил взгляд на свой нож. Тот был весь в крови. — А-а.

Только теперь он понял, что сам перерезал глотку Делу-Дрянь.

— Мы бы расспросили его! — сказал Тридуба. — Он мог отнести послание Кальдеру, рассказать ему, кто это сделал и почему!

— Проснись, вождь, — буркнул Тул Дуру, уже вытиравший свой меч. — Никто больше дерьма не даст за эти старые обычаи. Да они и так вот-вот начнут на нас охоту. Нет смысла давать им узнать больше, чем они уже знают.

Доу хлопнул Ищейку по плечу:

— Ты правильно сделал. Для послания вполне сойдет и голова этой сволочи.

Ищейка сомневался, что одобрение Доу — именно то, чего ему не хватало, но было уже поздно. Доу в два удара отделил голову Дела-Дрянь от тела и понес, держа за волосы и помахивая ею так небрежно и беззаботно, словно это был мешок с репой. По пути он прихватил из ручья копье и принялся выбирать место себе по вкусу.

— Все нынче не так, как раньше, — пробормотал Тридуба и зашагал по берегу к Молчуну. Тот уже осматривал трупы.

Ищейка последовал за ним. Доу тем временем насадил голову Дела-Дрянь на копье, воткнул тупой конец в землю, подбоченился и отступил назад, чтобы полюбоваться своей работой. Он слегка наклонил древко вправо, потом снова влево, пока оно не встало строго вертикально. Доу ухмыльнулся Ищейке.

— То, что надо, — сказал он.

— Что теперь, вождь? — спросил Тул. — Что теперь?

Тридуба нагнулся над ручьем и мыл окровавленные руки.

— Что будем делать дальше? — произнес Доу.

Командир медленно выпрямился и вытер руки о куртку, выдерживая свою минуту на размышление.

— Пойдем на юг, — ответил он. — Похороним Форли по дороге. Возьмем этих лошадей — они все равно пойдут за нами — и двинемся на юг. Тул, распряги-ка тяжеловоза, он единственный сможет тебя выдержать.

— На юг? — в недоумении переспросил Грозовая Туча. — Куда на юг?

— В Инглию.

— В Инглию? — повторил Ищейка, и он знал, что они все думают одно и то же. — Но зачем? Разве там сейчас не воюют?

— Конечно воюют. Именно поэтому я и собираюсь туда идти.

Доу нахмурился:

— А мы? Что мы имеем против Союза?

— Да нет же, дурень, — отозвался Тридуба. — Я собираюсь драться вместе с ними.

— Вместе с Союзом? — удивился Тул, кривя губу. — С этими девчонками? Будь я проклят! Это не наша драка, вождь!

— Отныне любая драка с Бетодом — моя драка. Я намерен своими глазами увидеть, как с ним будет покончено.

Если подумать, Ищейка еще ни разу не видел, чтобы Тридуба изменил принятое решение. Ни разу.

— Кто со мной? — спросил Тридуба.

Они все были с ним. Как же иначе?

Шел дождь. Мелкий дождь, пропитавший сыростью весь мир. «Мягкий, как девичий поцелуй» — так говорили, хотя Ищейка едва ли мог вспомнить, что это такое. Дождь... Почему-то казалось, что для этого дела погода подходящая. Доу уже набросал холмик и теперь, шмыгая носом, зарывал лопату в землю рядом с могилой. Она была далеко от дороги, очень далеко. Они не хотели, чтобы кто-нибудь нашел ее и откопал Форли. Пятеро бойцов — теперь лишь пятеро — собрались вокруг могилы, глядя вниз. Много времени прошло с тех пор, когда они в последний раз хоронили кого-то из своих. Конечно, шанка добрались до Логена, это случилось не так давно, но они не нашли тело. Сейчас в их команде стало меньше лишь на одного, но Ищейка чувствовал, что не хватает очень многого.

Тридуба насупился и молча обдумывал, что сказать. Хорошо, что

именно он стал вождем и должен сейчас подбирать слова. Ищейка сомневался, что сумел бы выудить из себя хоть одно. Наконец Тридуба заговорил — так медленно, как свет угасает на закате.

— Он был слабым — тот, кто лежит здесь. Слабейший, это точно. Так его и звали. Шутка ли, называть человека Слабейшим? Самый плохой боец, какого смогли найти, чтобы сдаться Девятипалому. Слабый боец, здесь не поспоришь, но я скажу: сильное сердце!

— Точно, — кивнул Молчун.

— Сильное сердце, — повторил Тул Дуру.

— Сильнейшее, — пробормотал Ищейка, чувствуя комок в горле.

Тридуба кивнул и продолжил:

— Нужно иметь крепкий костяк, чтобы встретить смерть так, как он ее встретил. Встать и пойти ей навстречу, не жалуясь. Самому просить о ней. И не ради себя — ради других, ради тех, кого он даже не знал. — Тридуба стиснул зубы и немного помолчал, глядя в землю. Они все молчали. — Вот и все, что я хочу сказать. Возвращайся в грязь, Форли. Мы стали беднее, а земля богаче с тобой.

Доу встал на колени и положил руку на свеженасыпанный холмик.

— Возвращайся в грязь, — проговорил он.

Ищейке на миг показалось, что с носа Доу капнула слеза. Нет, должно быть, просто дождь — это ведь Черный Доу. Он встал и пошел прочь с опущенной головой, и остальные последовали за ним. Один за другим они направились к своим лошадям.

— Прощай, Форли, — произнес Ищейка. — Больше нет страха.

Ему подумалось, что теперь он будет главным трусом в отряде.

Несчастный

Джезаль хмурился. Арди опаздывала. Она никогда не опаздывала прежде. Когда он приходил, она всегда была на месте, какое бы место они ни назначили. Ему совсем не нравилось, что он должен ее ждать. Ему приходилось ждать ее писем, и это само по себе раздражало. Но стоять здесь, как идиот... Он и без того чувствовал себя рабом, а теперь и подавно.

Он угрюмо взглянул на серое небо: оттуда сыпались редкие капли дождя, под стать настроению Джезаль. Время от времени капля крошечным булавочным уколом падала на лицо. Он смотрел, как дождь рисует круги на серой поверхности озера, бледными штрихами ложится на зелень деревьев, на серые здания. Темный силуэт Дома Делателя виднелся сквозь дымку. На него Джезаль посмотрел с особенным неудовольствием.

Теперь он не знал, что и думать о Доме. Все случившееся там походило на лихорадочный кошмар, и Джезаль решил просто не думать о нем — сделать вид, что вообще ничего не было. Возможно, он бы преуспел в этом, но треклятая штукавина постоянно попадалась на глаза, стоило только выйти за дверь. Она напоминала о том, что мир полон неразгаданных загадок, скрытых под тонким верхним слоем бытия.

— Пропади все пропадом, — пробормотал Джезаль. — И этот сумасшедший Байяз тоже.

Он хмуро посмотрел на сырые лужайки. Дождь выгнал людей из парка, и сейчас здесь было пусто как никогда. Лишь два или три мрачных человека безучастно сидели на скамейках, погруженные в свои горестные думы, да несколько прохожих спешили по аллее неизвестно откуда бог знает куда. Одна из фигур, закутанная в длинный плащ, шла прямо к Джезалю.

Его настроение мгновенно изменилось. Это Арди, он узнал ее! Ее капюшон был низко опущен, закрывая лицо. Погода стояла холодная и ветреная, но такой костюм все же выглядел слишком драматично. Ведь Арди из тех, кого пугают капли дождя. Так или иначе, Джезаль был страшно рад ее видеть. Сияя улыбкой, он поспешил вперед. Затем, когда их разделяло лишь несколько шагов, она откинула капюшон.

Джезаль ахнул, охваченный ужасом. Ее лицо покрывали огромные багровые кровоподтеки: на шее, вокруг глаза, в углу рта! Мгновение он стоял неподвижно, по-дурацки желая, чтобы избили его, а не ее. Тогда было бы не так больно. Он осознал, что его рука прижата ко рту, а глаза стали

круглыми, как у впечатлительной маленькой девочки при виде паука, но он ничего не мог с собой поделать.

Арди сердито взглянула на него:

— Что? Ты никогда прежде не видел синяков?

— Э-э, видел, конечно, но... С тобой все в порядке?

— Конечно все в порядке! — Она обогнула его и пошла дальше по дорожке. Ему пришлось поспешить, чтобы не отстать. — Это ерунда. Упала, вот и все. Я неуклюжая дура. Всегда была такой. Всю жизнь.

Ему показалось, что она произнесла это с горечью.

— Я могу что-то для тебя сделать?

— А что ты можешь сделать? Поцеловать, чтобы поскорее зажило?

Если бы они были наедине, он бы решился попробовать, но ее нахмуренные брови подсказывали, как она относится к подобной идее. Странно — синяки должны были показаться Джезалю отталкивающими, однако не показались. Ничуть. Наоборот, он ощущал всепоглощающую потребность обнять ее, погладить по голове, прошептать что-то утешительное. Трогательно, ничего не скажешь! Возможно, в ответ она бы дала ему пощечину. И эта пощечина, возможно, была бы заслуженной. Она не нуждалась в его помощи. Кроме того, вокруг были люди, черт бы их побрал. Чужие глаза повсюду. Никогда не знаешь, кто за тобой наблюдает. Эта мысль заставила его сильно занервничать.

— Арди... а это не опасно? То есть, ну, ты понимаешь — вдруг твой брат...

Она фыркнула:

— Забудь о нем. Он ничего не сделает. Я сказала ему, чтобы он не совал нос в мои дела.

Джезаль невольно улыбнулся. Он представлял себе, какая это забавная сцена.

— Кроме того, я слышала, что вы все отправляетесь в Инглию со следующим приливом. А я не могу позволить тебе уехать не попрощавшись, правда?

— Я бы никогда так не поступил! — воскликнул он, снова объятый ужасом. Ему было больно слышать, как она говорит о прощании. — То есть я бы скорее дал им уплыть без меня, чем так поступил!

— Хм.

Какое-то время они оба шли вокруг озера, не отрывая глаз от гравия дорожки. Это не походило на то горько-сладкое прощание, которое он вообразил заранее. На деле оно вышло просто горькое. Они шли между стволов старых ив, полоскавших ветви в воде. Это был уединенный уголок,

скрытый от любопытных глаз. Вряд ли удастся найти лучшее место для того, что он хотел сказать. Джезаль искоса посмотрел на нее и набрал в грудь воздуха.

— Арди... э-э... я не знаю, долго ли продлится война... Понимаешь, дело может затянуться на несколько месяцев... — Он пожевал верхнюю губу. Все получалось совсем не так, как он надеялся. Он репетировал свою речь перед зеркалом раз двадцать, пока в точности не добился необходимого выражения лица: серьезного, доверительного, слегка заискивающего. Теперь, однако, слова вырывались с глупой поспешностью. — Я надеюсь... то есть, может быть... ты будешь меня ждать?

— Осмелюсь предположить, что я никуда отсюда не денусь. Останусь здесь, мне больше нечего делать. Но не беспокойся, в Инглии у тебя будет много других забот — война, честь, слава и все такое прочее. Ты быстро забудешь обо мне.

— Нет! — вскричал он и схватил ее за руку. — Нет, никогда!

Он быстро убрал руку, пока никто ничего не заметил. По крайней мере, теперь Арди смотрела на него, несколько удивленная тем, насколько страстной была его реакция. Сам он удивился гораздо больше.

Джезаль глядел на нее сверху вниз. Несомненно, симпатичная девушка, однако слишком темноволосая, слишком загорелая — и слишком умная; одетая просто, без всяких украшений, да еще с огромным безобразным синяком на лице. Едва ли она могла стать предметом оживленного обсуждения в офицерской столовой. Почему же она казалась Джезалю самой восхитительной женщиной в мире? Принцесса Тереза рядом с ней выглядела немойтой собачонкой.

Все умные слова вылетели из головы Джезали, и он заговорил, не думая, глядя прямо в ее глаза. Может быть, именно это и есть искренность.

— Послушай, Арди, я знаю, что ты считаешь меня ослом, и... Ну, может быть, я такой и есть, но я не собираюсь всегда им оставаться. Не знаю, зачем ты посмотрела на меня, я вообще не особенно много знаю о таких вещах, но я... я все время думаю о тебе. Я не думаю почти ни о чем другом в последнее время. — Он набрал в грудь еще воздуха. — Мне кажется... — Он снова оглянулся по сторонам и убедился, что никто на них не смотрит. — Мне кажется, я люблю тебя!

Арди разразилась хохотом.

— Ты действительно осел, — сказала она.

Отчаяние. Он был раздавлен. Он едва мог дышать от разочарования. Его лицо исказилось, голова поникла, он устался в землю. В глазах

стояли слезы. Настоящие слезы. Он был жалок.

— Однако я буду тебя ждать.

Счастье. Оно набухло в груди и вырвалось наружу коротким девчоночьим всхлипом. Он чувствовал беспомощность. Даже смешно — какую власть над ним она имела. Разница между горем и радостью заключена в одном ее слове.

Арди снова рассмеялась:

— Посмотри на себя, дурачок. — Она подняла руку, коснулась его лица, вытерла большим пальцем слезу с его щеки. — Я буду ждать, — повторила она и улыбнулась ему.

Эта ее кривоватая улыбка...

Люди исчезли, исчез парк, город, весь мир. Джекзал бесконечно долго смотрел сверху вниз на лицо Арди. Он пытался запечатлеть в памяти каждую ее черту. У него было необъяснимое ощущение, что память об этой улыбке поможет ему преодолеть многие испытания.

В порту кипела деятельность, необычайно бурная даже для порта. Пристани кишели народом, воздух звенел и дрожал от гомона. Солдаты, снаряжение и припасы бесконечным потоком текли по шатким сходням вверх на палубы. Несли ящики, катили бочонки, затаскивали и заталкивали на борт сотни лошадей с выкаченными глазами и пеной на губах. Люди с криком налегали на мокрые веревки, наваливались на балки, громко перекликались под моросящим дождем, скользили ногами по мокрым палубам и металась взад-вперед в грандиозном столпотворении.

Повсюду люди обнимались, целовались, махали руками. Жены прощались с мужьями, матери — с сыновьями, дети — с родителями. Все вымокли под дождем. Кто-то пытался сделать мужественное лицо, кто-то плакал и стонал. Другие оставались спокойны: это были зрители, пришедшие поглазеть на всеобщее безумие.

Все это не имело никакого значения для Джекзала, стоявшего у перил на палубе корабля, который должен был увезти его в Инглию. Джекзал погрузился в глубочайшее уныние, из носа его текло, намокшие волосы липли к черепу. Арди здесь не было, и все же она была повсюду. В шуме толпы ему слышался ее голос, выкликавший его имя. То и дело ему мерещился ее силуэт — она смотрела на Джекзала, и дыхание прерывалось в его груди. Он улыбался, поднимал руку, собирался помахать ей, и тут же понимал, что это не она. Другая темноволосая женщина улыбалась другому солдату. Плечи Джекзала снова опускались; с каждым разом разочарование становилось горше.

Теперь он понимал, что совершил ужасную ошибку. За каким чертом ему понадобилось просить ее, чтобы она его ждала? Чего ей ждать? Без сомнений, Джезаль на ней не женится. Это просто невозможно. Но при одной мысли о том, что она может посмотреть на другого мужчину, у него сжимался желудок. Он попал в отчаянное положение.

Любовь. Ему отчаянно не хотелось этого признавать, но, по-видимому, это была именно она. Он всегда с презрением относился к ней. Дурацкое слово. Подходит для плохих поэтов, которым не о чем больше строчить, и глупых женщин, которым не о чем поболтать. Джезаль считал это сказками для детей, ведь в реальном мире отношения между мужчинами и женщинами сводятся к постели и деньгам. А теперь вот, посмотрите на него: по уши увяз в кошмарном болоте страха и вины, вожделения и смятения, потери и страдания. Любовь. Что за проклятие!

— Хотел бы я увидеть Арди, — с тоской проговорил вдруг Каспа.

Джезаль резко обернулся и уставился на него:

— Что? Что ты сказал?

— Ну, приятно было бы ее увидеть, вот и все, — ответил лейтенант, поднимая вверх обе руки. После той карточной игры все обращались с Луфаром осторожно, словно он мог взорваться в любой момент.

Джезаль угрюмо повернулся обратно к толпе. Внизу на пристани наблюдалась какая-то суматоха. Одиноким всадник прокладывал себе дорогу сквозь царящий вокруг хаос, прищипывая взмыленную лошадь, и сопровождал свое движение криками:

— Разойдись!

Даже под дождем было видно, как поблескивают крылышки на его шлеме. Рыцарь-герольд.

— Для кого-то плохие новости, — пробормотал Каспа.

Джезаль кивнул.

— Похоже, это к нам.

И правда, всадник направлялся прямо к их кораблю, оставляя за собой ошеломленных и рассерженных солдат и портовых рабочих. Он спрыгнул с седла и целеустремленно зашагал вверх по сходням. Его лицо было мрачно, а отполированные до блеска доспехи, мокрые от дождя, позвякивали при каждом шаге.

— Капитан Луфар? — спросил он.

— Да, — отозвался Джезаль. — Сейчас я позову полковника.

— В этом нет необходимости. Послание адресовано вам.

— Мне?

— Верховный судья Маровия требует вашего присутствия в его

кабинете. Немедленно. Будет лучше, если вы возьмете мою лошадь.

Джезаль нахмурился. Происходящее ему очень не нравилось. Он не видел никаких причин для посылки к нему рыцаря-герольда, кроме того похода в Дом Делателя, к которому Джезаль больше не желал иметь отношения. Он хотел оставить это дело в прошлом и забыть — вместе с Байязом, северянином и отвратительным калекой.

— Верховный судья ждет, капитан.

— Да. Да, конечно.

Похоже, ничего тут не поделаешь.

— А, капитан Луфар! Большая честь видеть вас снова!

Джезаль не особенно удивился, когда наткнулся на безумца Сульфур под самыми стенами канцелярии верховного судьи. Тот теперь даже не казался безумцем — просто еще одна частица окончательно спятившего мира.

— Огромная честь! — Сульфур задыхался от возбуждения.

— Взаимно, — безучастно отозвался Луфар.

— Мне ужасно повезло, что я вас поймал, ведь мы оба скоро должны уехать! У меня куча всевозможнейших поручений от моего господина. — Он глубоко вздохнул. — Ни минуты покоя, да?

— Да, я очень хорошо вас понимаю.

— И тем не менее это великая честь — встретиться с вами, да еще после победы на турнире! Я видел это от начала до конца. Мне повезло оказаться свидетелем такого события! — Он широко улыбнулся, его разноцветные глаза сверкали. — И подумать только, вы намеревались все бросить! Ха! Но вы передумали, в точности как я и говорил! Да, да, передумали, и теперь пожинаете плоды! Край мира! — прошептал он еле слышно, словно произнести эти слова вслух значило бы навлечь несчастье. — Край мира, подумать только! Я завидую вам, ей-богу, завидую!

Джезаль моргнул.

— Что?

— Что! Ха! Он еще спрашивает «что»! Вы бесстрашный человек, сэр! Бесстрашный!

И Сульфур зашагал прочь через мокрую площадь Маршалов, посмеиваясь про себя. Джезаль был настолько ошеломлен, что даже не стал ругать этого чертова идиота, когда тот удалился за пределы слышимости.

Один из многочисленных секретарей Маровии проводил Луфара по пустому гулкому коридору к огромной двустворчатой двери и постучал в

нее. Изнутри ответили, он повернул ручку, потянул на себя одну из створок и почтительно отступил в сторону, чтобы пропустить Джекзаль.

— Вы можете войти, — тихо проговорил секретарь.

— Да-да, конечно.

В огромном гулком пространстве царил зловещая тишина. В этой громадной, обшитой панелями комнате было необычно мало мебели, и вся она казалась непомерно большой, словно предназначалась для людей гораздо более крупных, чем Джекзаль. Это вызвало у него смутное ощущение, что здесь будут судить его самого.

Верховный судья Маровия восседал за огромным столом, отполированным до зеркального блеска. Он улыбался Джекзалю благожелательно и несколько сочувственно. Слева от него расположился маршал Варуз, он виновато опустил глаза и уставился на собственное расплывчатое отражение в столешнице. Настроение Джекзаль было хуже некуда, но оно ухудшилось еще больше при виде третьего члена собрания — самодовольно ухмылявшегося Байяза. Входная дверь закрылась, и Джекзаль ощутил легкий приступ паники: щелчок замка прозвучал как лязг тяжелого засова в тюремной камере.

Байяз поднялся с кресла и пошел к нему вокруг стола.

— Капитан Луфар, я так рад, что вы присоединились к нам! — Старик взял влажную руку Джекзаль и крепко сжал обеими ладонями, увлекая его на середину комнаты. — Спасибо за то, что пришли. Большое спасибо.

— Да не за что... — пробормотал Джекзаль.

Словно у него был выбор!

— Ну что ж. Вы, должно быть, удивляетесь, что это все значит? Позвольте мне объясниться. — Маг отступил на шаг назад и взгромоздился на край стола, словно добрый дядюшка, поучающий ребенка. — Я и несколько моих отважных компаньонов — отборные люди, как вы понимаете, люди высшего сорта! — собираемся предпринять великое путешествие. Эпохальное путешествие! Грандиозное приключение! Если нас ждет успех, об этом будут слагать истории на протяжении многих грядущих лет. Очень многих лет. — Байяз поднял седые брови, отчего его лоб покрылся морщинами. — Ну? Что вы об этом думаете?

— Э-э... — Джекзаль нервно взглянул в сторону Маровии с Варузом, но те не дали ему никаких подсказок относительно происходящего. — Если мне позволено спросить...

— Конечно, Джекзаль... Я ведь могу называть вас просто по имени?

— Ну да, разумеется. Э-э, дело в том, что... я не понимаю, какое отношение это имеет ко мне?

Байяз улыбнулся:

— У нас не хватает одного человека.

Повисло долгое, тяжелое молчание. Капля воды скатилась по голове Джезаль, упала с волос, пробежала по носу и разбилась о плиты пола под ногами. Ужас медленно растекался по телу: он начинался где-то в желудке и доходил до кончиков пальцев.

— Я? — прохрипел Джезаль.

— Дорога будет долгой, трудной и, скорее всего, опасной. У нас есть враги — и у вас, и у меня. Их больше, чем вы можете себе представить. Кто же в таком случае будет полезнее, чем испытанный фехтовальщик вроде вас? Победитель турнира!

Джезаль сглотнул и проговорил:

— Я очень ценю ваше предложение, поверьте мне. Но я боюсь, что мне придется отказаться. Мое место в армии, вы должны меня понять. — Он сделал неуверенный шаг к двери. — Мне пора отправляться на Север. Мой корабль скоро отплывает, и...

— Боюсь, он уже отплыл, капитан, — произнес Маровия. Звук его ласкового голоса заставил Джезаль замереть на месте. — Вам больше нет необходимости думать об этом. Вы не поедете в Инглию.

— Но моя рота...

— Найдет себе другого командира, — с улыбкой закончил верховный судья: все понимающий, сочувствующий, но до ужаса непреклонный. — Уверяю вас, я прекрасно представляю себе ваши чувства. Однако это задание мы считаем более важным. Необходимо, чтобы Союз представляли именно вы.

— Страшно важно, — пробормотал Варуз, словно сомневался в этом.

Джезаль, моргая, смотрел на стариков. Выхода не было. Итак, вот какова оказалась награда за победу на турнире? Безумное путешествие бог знает куда в компании спятившего старика и банды дикарей? Как бы ему сейчас хотелось никогда не брать в руки шпагу! Не видеть бы клинка всю свою жизнь! Однако мечтать бессмысленно, обратного хода нет.

— Но я должен служить моей стране... — промямлил Джезаль.

Байяз рассмеялся:

— Есть другие способы служить стране, мой мальчик! Не обязательно становиться еще одним трупом где-то в снегах на Севере. Мы выступаем завтра.

— Завтра? Но мои вещи...

— Не беспокойтесь, капитан. — Байяз соскочил со стола и весело хлопнул его по плечу. — Все уже устроено. Ваш багаж сняли с борта,

прежде чем корабль отплыл. У вас есть этот вечер, чтобы собраться в путь, но мы должны отправляться налегке. Разумеется, необходимо оружие, а также крепкая дорожная одежда. Не забудьте приготовить пару хороших сапог. Мундир, боюсь, придется снять — он привлечет лишнее внимание там, куда мы направляемся.

— Да, я понимаю, — несчастным голосом проговорил Джезаль. — А могу я спросить... Куда именно мы направляемся?

— На край мира, мой мальчик, на край мира! — Глаза Байяза блестели. — И обратно, конечно... Будем надеяться.

Девять Смертей

Если хочешь сказать про Логена Девятипалого, скажи, что он был счастлив. Наконец-то они убирались отсюда. Если не принимать в расчет туманные разговоры про Старую империю и край мира, он понятия не имел, куда они направлялись, и ему было наплевать. Подальше от этого проклятого места — уже хорошо. И чем скорее, тем лучше.

Тот, кто присоединился к их компании последним, не разделял радости Логена. Луфар — тот надменный молодой парень, которого они встретили у ворот, выигравший поединок благодаря мошенничеству Байяза, — был бледен как мел. Он все время молчал, стоял с каменным лицом и глядел в окно, прямой и неподвижный, словно ему засунули копье в задницу.

Логен неторопливо подошел к нему. Если ты отправляешься с кем-то в дорогу и собираешься сражаться с ним на одной стороне, хорошо бы сначала поговорить и посмеяться вместе, если получится. Так приходит понимание, а затем и доверие. Доверие связывает людей, а там, в диких местах, оно помогает отделить жизнь от смерти. Чтобы завоевать доверие, требуются время и усилия. Логен считал, что лучше начать раньше, чем опоздать. К тому же сегодня у него было хорошее настроение. Он остановился рядом с Луфаром и стал смотреть на парк, пытаясь нащупать общую почву, куда можно посеять семена столь диковинной дружбы.

— Здесь прекрасно. Мне нравится ваша родина. — Это была неправда, но более удачной темы в голову не пришло.

Луфар повернулся и надменно оглядел Логена с ног до головы.

— Что ты можешь в этом понимать?

— Сдается мне, мысли одного человека стоят не меньше, чем мысли другого.

— Ха, — холодно хмыкнул юноша. — В этом мы расходимся.

Капитан снова повернулся к окну.

Логен глубоко вздохнул. Видимо, доверие придет не сразу. Он оставил Луфара и попытался поговорить с Ки, но от ученика мага толку было не много: Малахус сидел в кресле, нахохлившись, и глядел в пустоту.

Логен присел рядом с ним.

— Разве ты не рад, что скоро увидишь дом? — спросил Девятипалый.

— Дом, — безучастно повторил ученик.

— Ну да, Старую империю... или откуда ты родом?

— Ты не знаешь, что там сейчас творится.

— Ну так расскажи мне, — предложил Логен, надеясь услышать про мирные долины, города, реки и прочее.

— Кровь. Там повсюду кровь, нет никаких законов, а жизнь дешевле грязи.

Кровь и никаких законов... Знакомый неприятный мотив.

— Разве у вас нет императора или какого-то правителя?

— Их полно, и они постоянно воюют друг с другом. Заключают союзы на неделю, день или час, прежде чем снова передрались, и каждый надеется, что первым успеет поразить другого в спину. Когда один император теряет власть, появляется другой, за ним следующий и так далее, а тем временем люди, лишённые надежд на лучшее и всего, что они имели, роятся в отбросах, грабят и убивают. Города приходят в упадок, великие достижения прошлого разрушаются, поля не возделываются, люди голодают. Кровопролитие и предательство длятся сотни лет. Междоусобицы так всех запутали, что немногие сейчас могут сказать, кто кого ненавидит, и уже никто не знает за что. Причины уже не важны.

Логен сделал последнюю попытку:

— Мы никогда не знаем, чем все закончится. Положение ещё может улучшиться.

— С какой стати? — пробормотал ученик. — С какой стати?

Логен пытался найти ответ, когда одна из дверей распахнулась.

Байяз, нахмурившись, оглядел комнату.

— Где Малджин? — спросил он.

Ки сглотнул:

— Её здесь нет.

— Я вижу, что её здесь нет! Кажется, я велел тебе не выпускать её из комнаты!

— Да, только вы не объяснили, как это сделать, — промямлил ученик.

Маг отмел его возражение.

— Что, черт возьми, происходит с этой треклятой женщиной? Мы должны выступить не позже полудня! Я знаком с ней три дня, а она уже доводит меня до белого каления! — Он стиснул зубы и глубоко вздохнул. — Найди её, Логен, хорошо? Найди и приведи обратно.

— А если она не захочет идти?

— Ну не знаю. Возьми её на руки и принеси! Можешь гнать её пинками, мне все равно!

Легко сказать. Логен с трудом мог такое представить. Однако если это нужно сделать, прежде чем они пустятся в путь, лучше начать прямо сейчас. Он вздохнул, поднялся с кресла и пошел к двери.

Логен прижался к стене, оставаясь в тени, и стал наблюдать.

— Дерьмо, — прошептал он себе.

И почему все происходит именно сейчас, когда они почти собрались отчаливать! Ферро стояла в двадцати шагах от него, выпрямившись, с еще более угрюмым выражением смуглого лица, чем обычно. Ее обступили трое в масках, в черных одеждах. Они прятали дубинки за спинами, но Логен знал, что у них на уме. Он слышал, как один говорит — точнее, шипит сквозь маску, — что Ферро надо по-тихому идти с ними. Он поморщился: «идти по-тихому» явно не в ее стиле.

Он подумал: не лучше ли тихонько ускользнуть и рассказать обо всем остальным? Честно говоря, ему не особенно нравилась эта женщина; во всяком случае, не настолько, чтобы рисковать из-за нее головой. Но если оставить здесь Ферро одну против троих, не исключено, что к его возвращению ее разорвут на клочки, как бы крута она ни была, и утащат невесть куда. И он никогда не выберется из этого треклятого города.

Логен стал прикидывать, как и с какой стороны удобнее атаковать. Но он давно не был в деле и соображал слишком медленно. Он все еще раздумывал, когда Ферро внезапно прыгнула на одного из троих, вопя во всю глотку, и опрокинула его на спину. Она успела пару раз хорошенько ударить противника по лицу, прежде чем остальные оттащили ее в сторону.

— Дерьмо, — прошептал Логен.

Три человека боролись в переулке, метались из стороны в сторону, задевали о стены, пытели и чертыхались, лягались и молотили друг друга, сбившись в сплошной клубок мелькающих конечностей. Похоже, времени на раздумья больше нет. Логен стиснул зубы и ринулся в драку.

Тот первый, что лежал на земле, перекатился и встал на ноги. Он тряс головой, чтобы прийти в себя, а двое других тем временем покрепче ухватили Ферро. Один из них высоко занес дубинку, готовый раскрыть женщине череп. Логен издал зычный рев. Человек в маске резко обернулся, не ожидая нападения.

Плечо Логена тут же врезалось ему под ребра. Десятипалый поднял врага в воздух и бросил на землю. Кто-то из масок попытался огреть нового противника дубинкой, но от неожиданности действовал не очень-то ловко. Логен отбил дубинку рукой и отвесил нападавшему два удара прямо в закрытое маской лицо — сначала одним кулаком, потом другим. Человек в черном отшатнулся и замахал руками, уже падая. Логен схватил его за черное пальто и с размаху швырнул головой о стену.

Человек захрипел, сполз по стене и распластался на булыжнике

мостовой. Логен развернулся, сжав кулаки, однако последний враг уже лежал лицом вниз, а поверх него сидела Ферро. Упираясь коленом в спину поверженного противника, она держала его за волосы и молотила лицом о камни, выкрикивая бессмысленные проклятия.

— Что ты наделала, черт подери? — крикнул Логен. Он схватил ее за локоть и потащил в сторону.

Ферро рванулась и высвободилась. Она стояла, тяжело дыша, и стискивала кулаки; из ее носа текла кровь.

— Ничего, — огрызнулась она.

Логен предусмотрительно отступил на шаг.

— Ничего? — спросил он. — А что тогда все это значит?

— Понятия... не... имею, — проговорила она со своим ужасным акцентом: словно откусывала и выплевывала каждое слово.

Она вытерла рукой кровь с губ и замерла. Логен оглянулся через плечо: еще три маски бежали к ним по узкому переулку.

— Дерьмо!

— Двигай, розовый!

Ферро развернулась и бросилась бежать, а Логен за ней. Что еще ему оставалось? Только бежать, задыхаясь, ожидая удара в спину, судорожно глотая воздух и прислушиваясь к звукам погони за спиной.

Мелькали высокие белые здания, статуи, сады. Люди что-то кричали, отскакивали прочь с дороги или прижимались к стенам. Логен не имел представления, где они находятся и куда направляются. Какой-то человек вышел из дома, держа перед собой огромную стопку бумаг, и столкнулся с Логеном. Оба рухнули на землю и кувырком покатались в канаву, а над ними разлетелись бумаги.

Логен попытался встать, но его ноги гудели. К тому же он ничего не видел! Его лицо прикрывал лист бумаги. Девятипалый сорвал его, и тут кто-то схватил его под руку и потащил вперед.

— Поднимайся, розовый! Шевелись! — услышал он.

Ферро. Она даже не запыхалась. Логену не хватало воздуха, он изо всех сил старался не отставать, но Ферро уходила все дальше вперед: голова опущена, ноги едва касаются земли.

Она пронеслась сквозь какую-то арку, маячившую впереди, и Логен устремился за ней, чуть не поскользнувшись, когда заворачивал за угол. Широкая затененная площадка, какие-то балки, вздымающиеся высоко вверх, словно лес квадратных брусьев. Что это такое, черт подери? Впереди виднелся яркий свет — выход на открытое пространство. Логен рванулся туда и остановился, моргая. Ферро стояла поодаль и медленно озиралась,

тяжело дыша. Они находились посередине небольшого круга, поросшего травой.

Логен понял: это та самая арена, где проходил фехтовальный поединок. Вокруг нее стояли пустые скамьи, а между ними копошились плотники, звенели пилы, стучали молотки. Рабочие уже сняли несколько скамей в задних рядах, и опоры торчали высоко в воздухе, как гигантские ребра. Логен уперся руками в подгибающиеся колени и наклонился вперед, переводя дыхание.

— Куда... теперь?

— Сюда! — сказала Ферро.

Логен с усилием выпрямился и заковылял вслед за ней, но она уже возвращалась:

— Не туда!

Логен уже видел сам: снова фигуры в черных масках. Впереди шла высокая женщина с копной пышных рыжих волос. Она беззвучно, на цыпочках, двинулась по направлению к кругу и махнула рукой, приказывая двоим подручным разойтись в стороны и окружить Ферро и Логена с флангов. Девятипалый поискал взглядом какое-нибудь оружие, но ничего не нашел — только пустые скамьи и высокие белые стены за ними. Ферро пятилась к нему, она была меньше чем в десяти футах. Дальше он заметил еще две маски, выползавшие с дубинками в руках из-за загоронок для участников турнира. Пятеро. Целых пятеро.

— Дерьмо, — проговорил он.

— Что их задерживает, черт побери? — гремел Байяз, вышагивая по комнате.

Джезаль еще ни разу не видел старика раздраженным, и это заставляло его нервничать. Каждый раз, когда тот приближался, Джезалю хотелось убраться подальше.

— Ладно, черт с ними, я иду в ванную! Может быть, пройдут месяцы, прежде чем мне снова представится такая возможность. Месяцы!

Байяз захлопнул за собой дверь ванной комнаты, оставив Джезаль наедине с учеником.

Кроме примерно одинакового возраста, ничего общего у них не было — во всяком случае, так считал Джезаль. Он разглядывал юношу с неприкрытым презрением: болезненный, гибкий, хлипкий, как все эти книгочеи. Ученик прохаживался по комнате с мрачным видом. По мнению Джезаль, выглядел он нелепо и вел себя невежливо. Чертовски невежливо! Джезаль кипел от негодования. Кто он такой, этот заносчивый щенок? Что,

черт побери, с ним стряслось, почему у него такая унылая физиономия? Ведь у него не выкрали из-под носа всю его жизнь!

Однако, подумал Джезаль, если необходимо остаться наедине с одним из них, то могло быть гораздо хуже. Есть еще debil северянин со своими неуклюжими попытками завязать светский разговор. Или гуркская ведьма, не сводящая с тебя дьявольских желтых глаз. Он содрогнулся при одной мысли об этом. Отборные люди, так назвал их Байяз. Джезаль бы рассмеялся, не будь он на грани слез.

Он бросился на мягкие подушки кресла с высокой спинкой, но легче ему не стало. Его друзья плыли в Инглию, и он уже скучал по ним. Вест, Каспа, Челенгорм. Даже эта сволочь Бринт. На пути к славе, на пути к известности. Кампания давно закончится, когда Джезаль вернется из неведомой дыры, куда тащит его спятивший старик, — если вообще вернется. Кто знает, скоро ли случится другая война, другой шанс завоевать славу?

Как он хотел пойти сражаться с северянами! Как он хотел очутиться рядом с Арди! Казалось, прошли годы с той поры, когда он был счастлив. Его жизнь отвратительна. Отвратительна! Он бессильно откинулся в кресле. Вряд ли дела могут быть хуже, чем теперь.

— Ух! — вскрикнул Логен, когда одна дубинка ударила его по руке, другая по плечу и третья в бок.

Он отступил назад, почти упал на колени и попытался закрыть руками. Он слышал, как Ферро кричит где-то позади — от ярости или от боли, он не разобрал — был слишком занят, уворачиваясь от ударов.

Кто-то врезал ему по черепу с такой силой, что он полетел в сторону трибун. Логен упал лицом вниз, и передняя скамья ударила его в грудь, выбив воздух из легких. Кровь текла ручьями по его голове, по рукам, по губам. Глаза слезились от удара по носу, костяшки кровоточили, кожа на них была почти так же изодрана, как его одежда. Какое-то мгновение он лежал и собирал оставшиеся силы. На земле за скамьей валялся толстый деревянный брус. Логен потянул его за конец: не закреплен. Логен подтащил деревяшку к себе и взял в руку. Хороший брус. Тяжелый.

Он втянул порцию воздуха, призывая себя сделать еще одно усилие. Слегка пошевелил руками и ногами, проверяя их. Ничего не сломано — не считая носа, может быть, но это не в первый раз. Сзади слышались шаги. Тихие, неторопливые.

Логен медленно оттолкнулся от земли, стараясь двигаться так, словно он оглушен. Затем испустил рев и развернулся кругом, поднимая брус по

дуге над головой. Брус врезался человеку в маску в плечо и с громким треском сломался, половина отлетела в сторону и загремела среди скамей. Человек издал приглушенный вопль, осел на землю и закрыл глаза, схватившись рукой за шею. Вторая его рука безжизненно повисла, дубинку он выронил. Логен замахнулся коротким обломком бруса и ударил противника в лицо. От удара тот откинулся назад и повалился в траву. Маска наполовину сорвалась, из-под нее пузырилась кровь.

Тут голова Логена взорвалась ослепительной вспышкой, он зашатался и рухнул на колени. Кто-то ударил его по затылку. Сильно ударил. Мгновение он покачивался, пытаясь не упасть лицом вперед, затем внезапно зрение пришло в норму. Над ним стояла рыжеволосая женщина. Она высоко подняла свою дубинку.

Логен заставил себя подняться, всем телом ринулся к женщине и схватил ее за руку. Одновременно он опирался на нее, в ушах его звенело, все вокруг кружилось. Они стояли, сцепившись и пошатываясь, тянули на себя дубинку, как пьяницы сражаются за бутылку, и топтались по поросшему травой кругу. Логен почувствовал, как женщина другой рукой бьет его в бок. Жестко, прямо по ребрам.

— А-а! — зарычал он.

Но голова уже прояснилась, а противница весила вдвое меньше его. Логен завернул руку с дубинкой ей за спину. Женщина снова ударила кулаком, на этот раз по лицу. Звезды на мгновение снова замелькали в глазах Логена, но он быстро поймал и обездвигил ее второе запястье. Потом перегнул женщину назад, подставив под спину колено.

Она лягалась и извивалась, глаза ее сузились в свирепые щелки, но Логен держал крепко. Он высвободил свою правую руку, высоко поднял кулак и саданул рыжую в живот. Та тяжело захрипела и обмякла, выпучив глаза. Логен отшвырнул ее в сторону, и она отползла на пару футов, стащила с себя маску и принялась выкашливать на траву блевотину.

Логен покачивался и тряс головой, отплевывал кровь и грязь. Не считая женщины, в круге валялись четыре черных скрюченных тела. Одно из этих тел Ферро избивала ногами, и оно тихо екало в такт ударам. Все лицо Ферро было залито кровью, но она улыбалась.

— Я еще жив, — пробормотал Логен. — Я еще...

Но это было не все — из-под арки выходили новые люди в масках. Он повернулся и едва не упал. Еще четверо с другой стороны. Это ловушка.

— Живо, розовый!

Ферро пронеслась мимо него и вскочила на первую скамью, затем перепрыгнула на вторую, на третью, делая огромные шаги. Безумие. А куда

она денется оттуда? Рыжеволосая пришла в себя и тянулась к своей дубинке. Остальные быстро смыкали кольцо, их было еще больше, чем прежде. Ферро уже проскакала четверть пути до задних рядов и не собиралась замедлять темп. Она прыгала со скамьи на скамью, доски гремели под ее ногами.

— Дерьмо!

Логен припустился за ней. Через дюжину скамей его ноги снова заболели. Он отказался от попыток перескакивать через ряды и просто полез вверх. Переваливаясь через спинки сидений, он заметил людей в масках — они карабкались следом, наблюдали, показывали на Ферро и Логена и что-то кричали.

Он двигался все медленнее. Каждая скамья казалась горой. От ближайшей маски его отделяли лишь несколько скамей. Он цеплялся за доски, до крови обдирал колени о скамьи; в голове гудело, дышать было тяжело, пот стекал по коже. Внезапно впереди распахнулось пустое пространство. Логен застыл, хватая ртом воздух, взмахнул руками и едва сумел удержаться на краю головокружительной пропасти.

Высокие крыши зданий по краям площади были совсем рядом, но большую часть сидений в задних рядах уже разобрали. Оставались только опоры — столбы, соединяющие их узкие брусья и пустота между ними. Логен смотрел, как Ферро прыгает с одной взмывающей ввысь стойки на другую и перебегает по колеблющейся планке, не обращая внимания на пустое пространство внизу. Вот она прыгнула на плоскую крышу над головой Логена. Логену казалось, что это очень, очень высоко.

— Дерьмо!

Логен, покачиваясь, шагнул на ближайший брус. Он раскинул руки в стороны для равновесия и подволакивал ноги, как старик. Его сердце стучало, словно молот по наковальне, колени дрожали и подгибались после подъема. Он старался не обращать внимания на крики людей за спиной и смотреть только на корявую поверхность бруса; но он бросал взгляд вниз и видел паутину балок у себя под ногами, а еще ниже — крошечные плиты, которыми вымощена площадь. Очень далеко внизу.

Пошатнувшись, он ступил на еще не убранный кусок лестницы, с грохотом вскарабкался наверх, влез на возвышавшееся над головой бревно, сел на него верхом и пополз на заднице, обхватив бревно ногами. Он снова и снова шептал себе:

— Я еще жив.

Одна из масок уже добралась до лестницы и бежала к нему.

Бревно было верхушкой одной из вертикальных опор: квадратный

деревянный торец, пара футов в поперечнике. А за ним — ничего. Два шага пустого пространства. Затем еще один квадрат на конце другой головокружительной мачты и планка, перекинутая на плоскую крышу. Ферро глядела на Логена из-за парапета.

— Прыгай! — крикнула она. — Прыгай, розовая сволочь!

Логен прыгнул и почувствовал, как вокруг него засвистел ветер. Левой ногой он приземлился на деревянный квадрат, но не сумел остановиться. Его правая нога наступила на планку, щиколотка подвернулась, колено подогнулось. Мир пошатнулся и накренился. Левая нога сорвалась — половина ступни на доске, половина в воздухе. Планка с грохотом сдвинулась. Он взмахнул руками и полетел через пропасть. Казалось, это длилось очень долго.

— У-уф!

Парапет врезался ему в грудь, и Логен вцепился в него руками. Но он совсем выдохся и стал соскальзывать назад, медленно-медленно, один кошмарный дюйм за другим. Сначала он видел крышу, потом свои руки, потом уже не видел ничего, кроме каменных блоков перед глазами.

— Помогите, — прошептал он, но помощь не приходила.

Падать вниз очень далеко, он помнил это. Очень, очень далеко, и на сей раз там нет воды. Только твердые, плоские, неумолимые камни. Он услышал грохот — маска приземлилась на планку позади него. До Логена донесся чей-то крик, но это сейчас не имело большого значения. Он соскользнул еще ниже, скребя пальцами по осыпающейся известке.

— Помогите, — прохрипел он.

Но здесь не было никого, чтобы помочь. Только маски и Ферро, и никто из них, похоже, помогать Логену не хотел.

Он услышал звук тяжелого удара и отчаянный вопль: Ферро толкнула ногой планку, и маска рухнула с крыши. Вопль летел вниз бесконечно долго, затем оборвался далеким глухим стуком. Тело человека в маске разбилось вдребезги о камни площади, и Логен подумал, что скоро присоединится к нему. Надо быть реалистом. На этот раз ему не повезет. Его пальцы медленно соскальзывали, известка крошилась. Драка, бегство, прыжки по скамьям высосали последние силы, больше не оставалось ничего. Что он будет кричать, когда полетит сквозь пустоту?

— Помогите, — беззвучно проговорил Логен.

И сильные пальцы сомкнулись на его запястье. Смуглые грязные пальцы. Он услышал рычание и почувствовал, что его тянут за руку, очень сильно. Он застонал. Край парапета снова появился в поле зрения. Потом он увидел Ферро: зубы стиснуты, глаза зажмурены от напряжения, на шее

набухли вены, поперек темного лица синевато-багровый шрам. Он вцепился в парапет второй рукой, потом поднялся над ним верхней частью тела, сумел перекинуть колено...

Ферро вытащила его. Логен перекатился, упал на спину, стал хватать ртом воздух, как выброшенная на берег рыба, и уставился в белое небо наверху.

— Я еще жив, — пробормотал он через какое-то время, едва осмеливаясь поверить в это. Он бы не удивился, если бы Ферро сделала все наоборот — наступила ему на пальцы и помогла упасть.

Над ним возникло ее лицо: желтые глаза смотрят вниз, зубы оскалены в свирепой усмешке:

— Глупая, тяжелая розовая сволочь!

Она отвернулась, потрясла головой, подошла к стене и принялась проворно карабкаться на следующую пологую крышу. Логен поморщился: неужели она никогда не устает? Его руки были сплошь покрыты синяками и царапинами. Ноги болели, из носа снова шла кровь. Все тело болело. Он повернулся и глянул с крыши: одна из масок наблюдала за ним с того места, где кончались скамьи, шагах в двадцати отсюда. Еще несколько суетились внизу в поисках другого способа взобраться наверх. А в самом низу, посередине желтого кружка травы, стояла тоненькая черная фигурка с рыжими волосами. Она показывала в разные стороны, а затем вверх на Логена — давала указания.

Рано или поздно они отыщут путь сюда. Ферро сидела верхом на коньке крыши над ним: оборванный черный силуэт на фоне яркого неба.

— Оставайся здесь, если хочешь, — крикнула она, повернулась и исчезла из виду.

Постанывая, Логен поднялся на ноги, побрел к стене, вздохнул и начал искать, за что ухватиться.

— Где же остальные? — спросил мастер Длинноногий. — Где мой прославленный наниматель? Где мастер Десятипалый? Где очаровательная леди Малджин?

Джезаль оглянулся: болезненный ученик слишком погрузился в мрачные раздумья, чтобы отвечать.

— Насчет остальных не знаю, а Байяз в ванной.

— Клянусь, я никогда не встречал человека, более приверженного ваннам, чем он! Надеюсь, остальные не станут слишком задерживаться. Все уже готово, понимаете! Корабль снаряжен, припасы на борту. Не в моих правилах откладывать отъезд. Мы должны успеть к приливу, иначе

застрянем здесь до... — Маленький человечек остановился, глядя на Джезаль снизу вверх с внезапным беспокойством. — Вы кажетесь мне расстроенным, мой юный друг. Вы чем-то озабочены, ей-богу. Могу ли я, брат Длинноногий, как-то вам помочь?

Джезаль был почти готов посоветовать ему заниматься своими делами, но ограничился лишь раздраженным:

— Нет, не можете.

— Готов поспорить, здесь замешана женщина. Прав ли я?

Джезаль резко поднял голову. Он удивился — как человечек сумел догадаться?

— Возможно, ваша жена?

— Нет! Я не женат. Здесь совершенно другое! Это, э-э... — Джезаль искал подходящие слова, но не нашел их. — Это совершенно другое дело, вот и все.

— Ага, — проговорил навигатор с понимающей улыбкой. — Значит, запретная любовь, тайная связь, не так ли?

К собственной досаде Джезаль обнаружил, что краснеет.

— Я вижу, что я прав! Нет плода слаще, чем тот, которого не можешь отвесть, а, мой юный друг? А? А?

И брат Длинноногий энергично задвигал бровями — совершенно отталкивающим образом, по мнению Джезаль.

— Интересно, куда запропастились эти двое? — спросил Джезаль. Ему было наплевать на них, но подходило что угодно, лишь бы переменить тему.

— Малджин и Десятипалый? Ха! — рассмеялся Длинноногий, склоняясь поближе к нему. — А вдруг между ними тоже возникла, гм, тайная связь вроде вашей? Возможно, они уединились и предались тому, что вполне естественно в таких случаях! — Он пихнул Джезаль в бок. — Можете представить их вместе? Это было бы забавное зрелище, не правда ли? Ха-ха-ха!

Джезаль скорчил гримасу. Насколько он успел понять, отвратительный северянин был настоящим животным, а мерзкая женщина, судя по всему, могла оказаться еще хуже. Естественно для них, по мнению Джезаль, только одно — какое-нибудь зверство. Идея навигатора показалась ему совершенно омерзительной. Джезаль почувствовал себя грязным при мысли об этом.

Крышам, казалось, не будет конца. Вверх по одной, вниз по другой. Они пробирались вдоль коньков, расставив скользящие ноги по обе

стороны, ползли бочком над козырьками, переступали обломки обвалившихся стен. Время от времени Логен на мгновение поднимал взгляд, и ему представал головокружительный вид: поверх беспорядочного скопления мокрых сланцевых крыш, выщербленной черепицы, древнего свинца он видел в отдалении стену Агрионта, а порой и город далеко за ней. Зрелище могло показаться почти мирным, если бы не Ферро: она двигалась быстро и уверенно, непрестанно ругала Логена, тащила вперед и не давала ему времени подумать ни об открывающихся видах, ни о душераздирающих пропастях, по краю которых они проходили, ни о черных фигурах, рыскавших далеко внизу.

Один из рукавов Ферро наполовину оторвался в пылу схватки и теперь болтался у запястья, постоянно попадаясь под руку при подъемах. Наконец она зарычала и оторвала его начисто возле плеча. Логен тайком улыбнулся — он вспомнил, какие усилия приложил Байяз, чтобы заставить ее сменить старые вонючие тряпки на новую одежду. Теперь девушка стала еще грязнее прежнего: рубашка пропотела насквозь, покрылась пятнами крови и толстым слоем грязи с крыш.

Ферро обернулась через плечо и увидела, что Логен наблюдает за ней.

— Живее, розовый! — прошипела она.

— Ты же не различаешь цвета, верно?

Она не ответила и продолжала карабкаться дальше, осторожно обошла дымящуюся трубу и сползла на животе по грязным сланцевым плитам на узкий карниз между двумя крышами. Логен спустился за ней.

— Ты не видишь никаких цветов, — повторил он.

— И что? — бросила она через плечо.

— Так почему же ты зовешь меня розовым?

Ферро обернулась.

— Ты же розовый? — спросила она.

Логен воззрился на свои руки. Если не считать синяков, красных ссадин, голубых вен — да, надо признаться, что они розовые. Он нахмурился и кивнул:

— Вроде бы да.

Ферро снова понеслась между крыш, добежала до конца здания и глянула вниз. Логен подбежал следом и опасно перегнулся через край. Два человека двигались в разные стороны в переулке внизу — далеко внизу. Спуститься здесь нельзя. Придется возвращаться тем же путем, каким пришли. Ферро уже двинулась назад, скрывшись за его спиной.

Щеки Логена коснулось дуновение ветра. Нога Ферро шлепнула по краю крыши и в следующее мгновение уже была в воздухе. Распахнув рот,

он смотрел, как Ферро летит: спина выгнута, руки и ноги молотят пустоту. Она приземлилась на плоскую крышу — серый свинец с полосками зеленого мха, — перекатилась и плавным движением поднялась на ноги.

Логен облизнул губы, показал на свою грудь. Ферро кивнула. Плоская крыша находилась в десяти футах ниже него, но до нее было по меньшей мере двадцать футов пустого пространства, а падать вниз далеко. Логен медленно отступил назад, оставляя себе место для разбега. Сделал пару глубоких вдохов, на минутку закрыл глаза...

Если он упадет — что ж... Больше никаких песен, никаких историй. Лишь кровавая лепешка на никому не известной улице. Он начал разбег. Его ноги тяжело застучали по камню. Воздух засвистел, стал трепать рваную одежду. Плоская крыша полетела вверх ему навстречу. Он врезался в нее с оглушительным грохотом, перекатился в точности так же, как Ферро, и поднялся на ноги. Он был еще жив.

— Ха! — воскликнул он. — Ну, что скажешь?

Раздался скрип, потом треск, и твердая поверхность под ногами Логена подалась. Падая, он в отчаянии уцепился за Ферро, и она беспомощно скользнула за ним. На протяжении одного тошнотворного мгновения он кувыркался в воздухе, выл и хватал руками пустоту, затем рухнул на спину.

Окутанный облаком пыли, Логен закашлялся, потряс головой и заставил себя пошевелиться. Он находился в какой-то комнате, чернильно-темной после яркого света снаружи. Пыль просеивалась вниз сквозь луч света из рваной дыры в крыше наверху. Под Логеном было что-то мягкое. Это кровать. Она наполовину развалилась под его весом и накренилась, одеяло покрывали куски осыпавшейся штукатурки. Поперек его ног что-то лежало. Ферро. Он фыркнул от внезапного приступа смеха. В постели с женщиной, после стольких лет! К сожалению, это не совсем то, на что он надеялся.

— Долбанный розовый болван! — рывкнула Ферро, слезая с него и бросаясь к двери. С ее покрытой пылью спины сыпались куски дерева и штукатурки. Она потянула за дверную ручку: — Закрыта! И что...

Логен налег на дверь, снес ее с петель и вывалился в коридор на четвереньках. Ферро перепрыгнула через него.

— Поднимайся, розовый, поднимайся!

Логен подобрал подходящий обломок двери с парой гвоздей, торчавших с одного конца. Прихватив его, он встал на ноги, прошел несколько шагов по коридору и добрался до развилки. Широкий сумрачный проход простирался в обе стороны. Маленькие окошки проливали резко

очерченные лужицы света на темный ковер. Никаких подсказок насчет того, в какую сторону пошла Ферро. Он повернул направо, к лестничному пролету.

По сумрачному коридору в его направлении осторожно двигалась какая-то фигура. Длинная и тощая, как черный паук в темноте, она балансировала на цыпочках. Луч света вспыхнул на ярко-рыжих волосах.

— Опять ты, — сказал Логен, поднимая обломок доски.

— Именно так. Опять я.

Послышался тихий звон, в темноте сверкнул металл. Обломок вырвался из пальцев Логена, потом перелетел через плечо женщины. Девятипалый загромыхал дальше по коридору. Он снова был безоружен, но рыжая не дала ему времени на размышление. У нее в руке была какая-то вещь — нечто вроде ножа, и она метнула эту штуку в Логена. Тот увернулся, и нож просвистел мимо уха. Женщина дернула второй рукой, и что-то резануло его по лицу, под самым глазом. Он отпрянул к стене, пытаюсь сообразить, с какой магией имеет дело.

Это было нечто вроде металлического креста, та штука у нее в руке, — три изогнутых лезвия, одно с крюком на конце. Тонкая цепочка проходила петлей через кольцо на рукоятке, второй ее конец прятался у женщины в рукаве.

Странный нож снова метнулся вперед, на дюйм не долетел до лица отшатнувшегося Логена, выбил фонтан искр из стены позади него и ловко прыгнул обратно в руку хозяйки. Рыжая отпустила его, и нож повис на цепочке, слегка покачиваясь. Он постукивал по полу, подпрыгивая и подтанцовывая все ближе, по мере того как женщина продвигалась вперед. Она дернула запястьем, и оружие снова бросилось на Логена. Он попытался увернуться, но лезвие полоснуло его по груди. На стену брызнули капельки крови.

Пригнувшись, Девятипалый ринулся к женщине, но его вытянутые руки схватили пустоту. Раздался металлический звон, и его что-то дернуло за ногу. Лодыжку пронзила жгучая боль: женщина поймала его цепочкой. Логен распластался лицом вниз, потом стал подниматься. Цепочка змеей скользнула ему на шею. Он едва успел просунуть под нее руку, прежде чем она натянулась. Женщина уже оседлала Логена, он чувствовал ее колено, упирающееся в спину, слышал свистящее дыхание под маской. Рыжая тянула цепочку, та затягивалась все туже и туже, врезалась в его ладонь.

Хрипя, Логен встал на колени и неловко поднялся на ноги. Женщина по-прежнему держалась у него на спине, навалившись своим весом, и затягивала цепочку изо всех сил. Логен замолотил по воздуху свободной

рукой, но не мог достать противницу и сбросить с себя — она сидела прочно, словно седло на лошади. У него уже не хватало дыхания. Он сделал несколько неуверенных шагов вперед, затем опрокинулся на спину.

— О-ох, — выдохнула женщина на ухо Логену, когда он своим весом впечатал ее в пол.

Цепочка ослабела настолько, что он сумел оттянуть ее и выскользнуть из петли. Свободен! Он перекатился, ухватил женщину левой рукой за шею и принялся душить. Она била его коленями, молотила кулаками, но Логен придавил ее своей тяжестью, и удары были слабыми. Они рычали, пыхтели и хрипели друг другу в лицо, как животные; их лица разделяло лишь несколько дюймов. Несколько капель крови из пореза на его щеке упали на ее маску. Рука женщины поднялась и зашарила по лицу Логена, отталкивая его голову назад. Один из пальцев воткнулся ему в ноздрю.

— А-а! — завопил он.

Боль кинжалом пронзила голову. Логен отпустил противницу и вскочил, шатаясь и прижимая руку к лицу. Женщина закашлялась, поднялась на ноги и лягнула Десятипалого под ребра так, что он перегнулся пополам, но по-прежнему не выпускал из рук цепочку. Теперь он рванул за нее, приложив все свои силы. Рука женщины дернулась, она взвыла и врезалась в Логена. Он ударил рыжую коленом в бок, так что она задохнулась. Потом ухватил ее сзади за одежду, приподнял над полом и швырнул вниз по ступеням.

Она катилась, кувыркалась и подскакивала до самого низа, пока наконец не замерла возле подножия лестницы. Логена подмывало спуститься за ней и довершить дело, но на это не оставалось времени. Там, откуда она пришла, должны быть и другие. Он повернулся и заковылял в противоположную сторону, проклиная подвернутую лодыжку.

Со всех сторон он ловил неясные звуки: они катились эхом вдоль коридора бог знает откуда. Отдаленный грохот и удары, крики и вопли. Логен вглядывался в темноту и хромал, обливаясь потом; одной рукой он держался за стену, чтобы идти ровно. Он заглянул за угол, чтобы проверить, все ли чисто, и ощутил что-то холодное у своего горла. Нож.

— Еще жив? — прошептал голос ему на ухо. — Тебя не так-то легко прикончить. А, розовый?

Ферро. Он медленно отвел ее руку.

— Где ты взяла нож? — Логен не отказался бы от такого.

— Его мне дал вон тот. — Она кивнула на скрюченную фигуру, что лежала в тени у стены. Ковер вокруг нее пропитался темной кровью. — Нам туда.

Ферро кралась по коридору, низко пригнувшись в темноте. Логен по-прежнему слышал звуки — внизу, сбоку, повсюду. Они тихонько пробрались вниз по лестнице и вышли в сумрачный коридор, обшитый панелями темного дерева. Ферро быстро перебегала от тени к тени. Логен хромал следом, подволакивая ногу, и старался не вопить от боли каждый раз, когда ему приходилось на нее наступить.

— Сюда! Они здесь!

Черные фигуры появились в темном коридоре сзади. Логен повернулся, чтобы бежать, но Ферро вытянула руку: впереди показались другие. С левой стороны Девятипалый заметил большую чуть приоткрытую дверь.

— Давай туда! — бросил он и протиснулся внутрь.

Ферро шмыгнула за ним. Рядом с дверью стояла массивная мебель — что-то вроде серванта с посудой. Логен ухватил этот шкаф за один конец и подтащил к двери; пара тарелок упала на пол и разбилась. Он прижался к серванту спиной. Это должно задержать их хотя бы на минуту.

Логен огляделся: огромная комната с высоким куполообразным потолком. Два широких окна почти целиком занимали одну из обшитых деревянными панелями стен, напротив — большой каменный очаг. Между ними располагался длинный стол с десятью стульями с каждой стороны, накрытый для еды, со столовыми приборами и подсвечниками. Большой обеденный зал с одним входом. Он же выход.

Логен услышал за дверью приглушенные возгласы. Огромный сервант за его спиной покачнулся. Еще одна тарелка свалилась с полки, отскочила от его плеча и разбилась о каменные плиты, осколки брызнули по всему полу.

— Отличный план, твою мать, — прорычала Ферро.

Ноги Логена начали скользить, и он отчаянно пытался удержать на месте раскачивающийся сервант. Ферро метнулась к ближайшему окну, заскребла по частому металлическому переплету ногтями, пытаясь подковырнуть его, но выхода не было.

И тут взгляд Логена упал на одну вещь. Старинный двуручный меч висел над камином в качестве украшения. Оружие! В последний раз толкнув сервант к двери, Логен поспешил туда, ухватился обеими руками за длинную рукоятку и выдернул меч из креплений. Тупой, как плуг, тяжелый клинок усеивали пятна ржавчины, но он был целый. Удар таким мечом если и не разрубит человека пополам, то уж с ног собьет наверняка. Логен повернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как сервант падает и усыпает каменный пол осколками посуды.

В комнату хлынули черные фигуры в масках. У того, кто шел спереди, была зловещего вида секира, у второго — меч с коротким клинком. За ними следовал чернокожий с золотыми кольцами в ушах. В обеих руках он держал по длинному кривому кинжалу.

Таким оружием можно не просто ударить человека по голове, а выбить ему мозги. Это боевое оружие, оно служит для убийства. Значит, маски уже не думали о том, чтобы взять противников в плен. Что ж, тем лучше, сказал себе Логен. Если хочешь сказать про Логена Девятипалого — сказать одну-единственную вещь — скажи, что он умеет убивать. Он смотрел, как люди в черных масках перебираются через упавший сервант и распределяются вдоль дальней стены. Он бросил взгляд на Ферро: зубы оскалены, нож в руке, желтые глаза поблескивают. Он оцупал рукоять украденного меча — тяжелый, беспощадный меч. Подходящий инструмент для работы, в кои-то веки.

Логен ринулся на ближайшую маску, вопя во все горло и размахивая мечом над головой. Человек попытался увернуться, но острие клинка попало ему в плечо и сбило с ног. Еще один выпрыгнул из-за его спины с секирой, и Логену пришлось отступить. Он охнул, когда всем весом опустился на подвернутую лодыжку.

Огромный клинок свистел, рассекая воздух, но врагов было слишком много. Один перебрался через стол, встал между Логеном и Ферро. Что-то стукнуло Девятипалого по спине, он пошатнулся, обернулся, поскользнулся, полоснул мечом и ударил во что-то мягкое. Кто-то завопил, но человек с секирой снова добрался до Логена. Все вокруг превратилось в сплошное мелькание масок и железа — грохот, скрежет оружия, проклятия и крики, хриплое дыхание.

Логен размахнулся мечом, но его уже донимали усталость, раны и боль. Оружие было слишком тяжелым и с каждым разом становилось все тяжелее. Маска ускользнула в сторону, и ржавый клинок с лязгом врезался в стену, вырубил здоровенный кусок деревянной панели и вонзился в штукатурку. Удар вышел таким сильным, что Логен чуть не выпустил меч из рук.

— У-уф, — выдохнул он: противник дал ему коленом под дых.

Что-то ударило Логена по ноге, и он едва не упал. Он слышал, что сзади кто-то вопит, но крики доносились как будто издалека. Грудь болела, во рту ощущался кислый вкус. Из ран хлестала кровь. Он был весь покрыт ею. Он задыхался. Маска сделала шаг вперед и еще шаг, улыбаясь в предчувствии победы. Логен рванулся к камину, споткнулся и упал на одно колено.

Все приходит к концу.

Он больше не мог поднять древний меч. У него не осталось сил. У него ничего не осталось. Комната начала расплываться перед глазами.

Все приходит к концу, но кое-что лежит тихо, позабытое...

По животу Логена стал распространяться холод — холод, которого он не чувствовал уже очень давно.

— Нет, — прошептал он. — Я избавился от тебя!

Но было поздно. Слишком поздно...

...Он был весь в крови, и это хорошо. Кровь была всегда. Но он стоял на коленях, а это неправильно. Девять Смертей ни перед кем не становится на колени. Его пальцы нащупывали трещины между камнями очага, врастали в них, словно корни старого дерева, и вытаскивали тело, заставляя встать на ноги. Его лодыжка болела, а он улыбнулся. Боль — это топливо, которое поддерживает огонь. Перед ним что-то двигалось. Люди в масках. Враги.

Значит, трупы.

— Ты ранен, северянин! — Глаза ближайшего врага поблескивали над маской, сверкающее лезвие секиры плясало в воздухе. — Не хочешь сдаться?

— Ранен? — Девять Смертей закинул назад голову и расхохотался. — Я, мать твою, покажу тебе, как я ранен!

Он бросился вперед, ловко проскочил под секирой, как рыбы проплывают под корягой, и пустил тяжелый клинок по огромной дуге над самым полом. Меч с хрустом врезался врагу в колено, и оно вывернулось в обратную сторону. Затем Логен подрубил другую его ногу, лишив человека в маске последней опоры. Тот издал глухой вопль и закувыркался по каменному полу, болтая в воздухе раздробленными ногами.

Девять Смертей почувствовал, как что-то воткнулось ему в спину, но боли не ощутил. Это был знак, послание на тайном языке, понятное лишь ему: оно говорило о том, где находится следующий мертвец. Логен развернулся, и меч прочертил вслед за ним яростную, великолепную, неотвратимую линию. Удар пришелся человеку в живот, сложил его пополам и сбил с ног. Противник Логена врезался в стену возле камина и рухнул на пол в ливне осыпающейся штукатурки.

В воздухе просвистел нож, с глухим стуком вонзился в плечо. Его бросил тот черный с кольцами в ушах. Он стоял по другую сторону стола и улыбался, довольный броском. Страшная ошибка. Девять Смертей бросился на него. Еще один нож пролетел мимо и со звоном ударился о

стену. Черный перепрыгнул через стол, и меч последовал за ним.

Темнокожий увернулся и от первого могучего выпада, и от второго. Умный, быстрый и ловкий. Но все же недостаточно ловкий. Третий удар задел его бок. Скользящий удар, почти укус, всего лишь раздробил ребра и заставил раненого упасть на колени, вопя от боли. Последний удар был лучше: плоть и железо описали полный круг, чтобы врубиться врагу в лицо и наполовину отхватить ему голову, заливая стены фонтаном крови. Девять Смертей вытащил нож из своего плеча и швырнул на пол. Из раны хлынула кровь; она просочилась сквозь рубашку и оставила на ней большое, красивое, теплое красное пятно.

Он упал и пропал из виду — как листья, падающие с дерева, — перекатившись по полу мимо человека в маске, рубившего коротким мечом воздух в том месте, где он только что стоял. Маска не успела повернуться, а Девять Смертей уже оказался рядом, и его левая рука змеей обхватила кулаки противника. Тот рвался и боролся, но все напрасно: хватка у Девяти Смертей крепкая, как корни гор, и неотвратимая, как прилив.

— Они посылают против меня таких, как ты?

Он швырнул врага спиной об стену и навалился сверху, сдавливая его пальцы вокруг рукоятки оружия и поворачивая короткий клинок, пока тот не нацелился в грудь своего хозяина.

— Черт побери, это оскорбление! — взревел Девятипалый и насадил противника на его собственный меч.

Из-под маски раздавались крики, а Девять Смертей смеялся и поворачивал клинок в ране. Логен мог бы пожалеть человека, но Логен был далеко, а Девять Смертей имел не больше жалости, чем зимняя вьюга. Даже меньше. Он колот и резал, резал и улыбался. Мало-помалу вопли утихли, и он выпустил труп, упавший на холодные камни. Его пальцы стали скользкими от крови, и Девять Смертей вытирал их об одежду, о свои руки, о свое лицо — как и должно быть.

Тот, что остался у камина, сидел обмякшей кучей, уставившись в потолок: голова запрокинута, глаза как мокрые камни. Теперь он стал частью земли. Для верности Девять Смертей раскроил ему лицо мечом. Другой — тот, что был с секирой, — полз к двери. Его вывернутые ноги волочились по каменному полу, он стонал и всхлипывал.

— Ну-ка, утихни.

Тяжелый клинок с хрустом врубился в затылок, кровь брызнула по камням.

— Еще, — прошептал Девять Смертей, и комната повернулась вокруг него: он выискивал новую жертву. — Еще! — взревел он и захохотал, и ему

вторили стены, и трупы хохотали вместе с ним. — Куда вы все подевались?

Он увидел смуглую женщину с кровоточащим порезом на лице и ножом в руке. Она не походила на остальных, но сойдет и эта. Он улыбнулся и стал красться вперед, занося меч над головой обеими руками. Женщина отступила в сторону, она наблюдала за противником и держалась так, чтобы их разделял стол. Жесткие желтые глаза, как у волка. Какой-то слабенький голосок подсказал ему, что женщина на его стороне. А жаль.

— Эй, это ты, северянин? — окликнул его какой-то массивный человек, появившийся в дверном проеме.

— Да, а кто меня спрашивает?

— Камнедробитель!

Новый враг был очень большой, крепкий и свирепый. Огромным сапогом он отпихнул в сторону сервант и двинулся вперед, хрустя разбитыми тарелками. Однако это ничего не значило — Девять Смертей был создан для того, чтобы сокрушать таких людей. Тул Дуру Грозовая Туча был крупнее, Рудда Тридуба — крепче, Черный Доу — вдвое более свиреп. Девять Смертей победил их всех и множество других. Чем больше, чем крепче, чем свирепее враг, тем хуже ему придется.

— Камнедробитель? — рассмеялся Девять Смертей. — Мать-перемать! И что из того? Новый труп — вот ты кто, и больше ничего! — Он поднял вверх левую руку, забрызганную красной кровью, растопырил три пальца и ухмыльнулся через дырку на месте среднего. — Меня называют Девять Смертей.

— Что? — Камнедробитель сорвал маску и швырнул ее на пол. — Ты лжешь! На Севере куча людей без одного пальца. Но не все они Девятипалые!

— Не все. Только я.

Огромное лицо великана исказилось от гнева:

— Ты лжешь, черт побери! Думаешь запугать Камнедробителя именем, которое тебе не принадлежит? Да я вырежу тебе еще одну задницу, червяк! Я нарисую на тебе кровавый крест! Я отправлю тебя обратно в грязь, ты, трусливый лживый подонок!

— Ты убьешь меня? — Девять Смертей расхохотался еще громче, чем прежде. — Глупец! Здесь убиваю я!

Разговор был окончен. Камнедробитель бросился на врага с секирой в одной руке и палицей в другой — тяжелое оружие, которое он, однако, использовал с достаточной быстротой. Палица пронеслась по кругу и пробила огромную дыру в стекле одного из окон. Секира опустилась и перерубила пополам одну из досок стола, так что тарелки взлетели в

воздух, а подсвечники опрокинулись. Девять Смертей отскочил в сторону — так прыгает лягушка, — выжидая своего часа.

Палица прошла на дюйм от его плеча, когда он перекатывался через стол, врезалась в одну из здоровенных каменных плит на полу и расколола ее посередине. В воздух брызнули осколки. Камнедробитель ревел и размахивал оружием. Он разнес в щепки стул, выбил большую каменную глыбу из камина, пробил огромную дыру в стене. На мгновение его секира застряла в деревянной обшивке, и тут Девять Смертей пустил в ход свой меч: клинок мелькнул в воздухе, перерубил пополам рукоять секиры и оставил в лапе Камнедробителя расщепленный обломок. Тот отшвырнул секиру в сторону, взмахнул палицей и рванул вперед с еще большей яростью, издавая свирепый рев.

Вот палица пронеслась над головой Девяти Смертей. Он поймал ее мечом и вырвал из огромной руки противника. Палица промелькнула в воздухе и с громом обрушилась в угол, однако Камнедробитель продолжал наступать, широко расставив здоровенные ручки. Он был уже слишком близко, чтобы использовать длинный меч. Ухмыляясь, Камнедробитель обхватил врага своими лапами и крепко сжал.

— Попался! — взревел он, стискивая Девять Смертей в могучем объятии.

Страшная ошибка. Лучше бы он обнял пылающий огонь.

Девять Смертей лбом ударил его по зубам. Он ощутил, что хватка Камнедробителя ослабла, и задвигал плечами, высвобождая место — копай, копай, крот в норе. Он откинул голову назад так далеко, как только мог. Так атакует козел. Второй удар головой раздробил противнику плоский нос. Камнедробитель охнул, огромные руки еще немного раздвинулись. Третий удар разбил ему скулу. Руки разжались. Четвертый сломал тяжелую челюсть. Теперь Девять Смертей сам держал Камнедробителя и улыбался, молотя лбом по раскромсанному лицу. Дятел долбит: тук, тук, тук. Пять. Шесть. Семь. Восемь. В хрусте ломающихся костей был успокаивающий ритм. Девять — и он позволил Камнедробителю упасть. Тот осел набок и завалился на пол, заливая плиты кровью из разбитого лица.

— Ну как тебе это? — захохотал Девять Смертей, вытирая кровь с глаз.

Он наградил безжизненное тело врага парой пинков. Комната кружилась вокруг него, все плыло и хохотало, хохотало...

— Как тебе... черт... — Он пошатнулся, моргнул, охваченный сонливостью, как угасающий костер. — Нет... не сейчас...

Он упал на колени. Не сейчас. У него еще есть работа, у него всегда

есть работа.

— Не сейчас, — прорычал он, но его время вышло...

...Логен закричал. Он падал. Боль повсюду. Ноги, плечо, голова. Он стонал и кричал, пока кровь не залила ему глотку, потом начал кашлять, задыхаться и кататься по полу, скребя скрюченными пальцами. Мир казался сплошным расплывчатым пятном. Логен закричал, кровь забулькала у него в горле и вытекла наружу. Этого хватило, чтобы закричать снова.

Чья-то ладонь зажала ему рот.

— Розовый, кончай орать, черт побери! Ну, ты слышишь? — Голос настойчиво шептал ему на ухо. Станный, жесткий голос. — Кончай орать, или я тебя брошу, понял? Последний шанс!

Ладонь убралась. Сквозь стиснутые зубы Логена вырвался тонкий протяжный стон, но не слишком громкий.

Рука ухватила его за запястье и дернула вверх. Он охнул: ему вытягивали плечо, под него подсовывали что-то твердое. Пытка.

— Поднимайся, сволочь, я не могу тебя нести! Ну, вставай! Последний шанс, ты понял?

Его медленно поднимали, и он старался отталкиваться ногами, как мог. Дыхание свистело и клокотало в глотке, но у него получалось. Левая нога, правая нога. Потихоньку. Колено подогнулось, боль пронзила ногу, он снова вскрикнул и упал, скорчившись на полу. Лучше спокойно полежать. Его глаза закрылись.

Что-то сильно хлопнуло его по лицу, потом еще раз. Он заворчал. Что-то скользнуло ему под мышку и потащило его вверх.

— Вставай, розовый! Поднимайся, или я тебя брошу. Последний шанс, слышишь?

Вдох, выдох. Левая нога, правая нога.

Длинноногий был обеспокоен. Сперва он постукивал по подлокотнику своего кресла, потом принялся что-то подсчитывать на пальцах, качая головой и бормоча что-то о приливах. Джебаль молчал и изо всех сил надеялся, что двое дикарей утонули где-нибудь во рву и теперь их предприятие сорвется. У него есть куча времени, чтобы добраться до Инглии. Может быть, еще не все потеряно...

Он услышал, как за спиной открылась дверь, и все его мечты сдулись, словно проколотый воздушный шар. Навалилось уныние, мгновенно сменившееся удивлением и ужасом, когда он обернулся.

В дверном проеме стояли две оборванные фигуры, с головы до ног

покрытые кровью и грязью. Настоящие дьяволы, только что вышедшие из какой-нибудь потайной двери в ад. Гуркская женщина ввалилась в комнату, изрыгая проклятия: одна рука Десятипалого перекинута через ее плечо, другая безвольно болтается сбоку, с кончиков пальцев капает кровь, голова поникла на грудь.

Шатаясь, они прошли вместе пару шагов, затем нетвердая нога северянина зацепилась за ножку кресла, и оба обрушились на пол. Женщина зарычала и стряхнула с себя вялую руку раненого, отпихнула его прочь и поднялась на ноги. Десятипалый медленно, со стоном, перевернулся на спину, и глубокая рана в его плече разверзлась, заливая кровью ковер. Открылась красная плоть, как свежее мясо в лавке мясника. Дездемона сглотнул, охваченный ужасом и зачарованный этим зрелищем.

— Дыхание господне!

— Они пришли за нами.

— Что?

— Кто пришел?

В дверной проем осторожно скользнула рыжеволосая женщина в черных одеждах, в маске. Очевидно, она практик, догадался Дездемона, но не мог понять, почему женщина так избита и так сильно хромот. Еще один вошел следом за рыжей — мужчина, вооруженный тяжелым мечом.

— Вы пойдете с нами, — произнесла женщина.

— Заставь меня! — отрывисто отозвалась Малджин.

Дездемона был потрясен, когда Ферро неизвестно откуда вытащила нож, да еще окровавленный. У нее не должно быть оружия! Только не здесь!

Как глупо, вдруг осознал он, у него же на поясе шпага! Ну конечно! Дездемона нащупал эфес и вытащил оружие с туманным намерением ударить гуркскую ведьму плашмя по затылку, прежде чем та успеет причинить еще какой-нибудь вред. Если она нужна инквизиции, пускай забирают ее, черт возьми, и всех остальных вместе с ней. К несчастью, практики поняли его движение неправильно.

— Брось оружие, — прошипела рыжеволосая женщина, сердито глядя на него прищуренными глазами.

— Не брошу! — ответил Дездемона. Он чрезвычайно оскорбился тем, что она могла решить, будто он на стороне этих негодяев.

— Э-э... — промямлил Ки.

— А-а! — простонал Десятипалый, ухватился за окровавленный ковер и потянул его на себя, так что стол зашатался и поехал по полу.

Третий практик прокрался в дверь и обошел рыжеволосую женщину. Его рука в перчатке сжимала тяжелую палицу. Неприятное оружие.

Джезаль невольно вообразил, что палица сделает с его черепом, если ее пустят в дело. Он неуверенно сжал эфес шпаги и почувствовал сильную потребность в указаниях, что делать.

— Вы пойдете с нами, — повторила женщина, пока двое ее товарищей тихо продвигались в глубь комнаты.

— Ох, боже мой, — пробормотал Длинноногий, укрываясь за столом.

И тут дверь ванной комнаты распахнулась, ударившись о стену. На пороге стоял совершенно голый Байяз, по нему стекали струйки мыльной воды. Он медленно обвел взглядом всех: Ферро с ножом, мрачно глядевшую перед собой, спрятавшегося за столом Длинноногого, Джезаль со шпагой, Ки с раскрытым ртом, окровавленного Девятипалого на полу и наконец — три черные фигуры в масках, с оружием наготове.

Повисло зловещее, угрожающее молчание.

— Какого черта это все значит? — проревел маг, выступая на середину комнаты.

Вода капала с его бороды, с седеющих волос, с болтающихся гениталий. Это было странное зрелище: голый старик против трех вооруженных практиков инквизиции. Смешно, но никто не смеялся. Маг выглядел до странности устрашающе, даже без одежды и мокрый с ног до головы. Не он, а практики отодвинулись назад, смущенные и испуганные.

— Вы пойдете с нами, — произнесла женщина в третий раз, хотя в ее голосе слышалось некоторое сомнение.

Один из ее коллег сделал осторожный шаг в сторону Байяза.

У Джезаль появилось странное ощущение в желудке — тянущее, сосущее; какая-то тошнотворная пустота. Словно он снова стоял на мосту в тени Дома Делателя. Только хуже. Лицо мага сделалось пугающе жестким.

— Моему терпению пришел конец, — произнес он.

Как брошенная с большой высоты бутылка, ближайший к нему практик разлетелся вдребезги. Не было никакого громового удара, лишь тихое чмокание. Мгновение назад он шагнул к старику, подняв меч, совершенно целый; в следующий миг он распался на тысячу отдельных фрагментов. Одна из мелких частиц его тела глухо шлепнулась о штукатурку рядом с головой Джезаль. Рука молодого человека опустилась, скребнув шпагой об пол.

— Итак, о чем вы говорили? — прорычал первый из магов.

Колени Джезаль дрожали, рот открылся. Он чувствовал обморочную слабость, тошноту и ужасающую пустоту внутри. На его лицо попало несколько капель крови, но он не осмелился пошевелиться и вытереть их. Он глядел на голого старика, не веря глазам. Благодушный старый фигляр

мгновенно превратился в жестокого убийцу, он сделал это без малейшего колебания.

Рыжеволосая женщина, забрызганная кровью и облепленная клочками мяса и костей, с глазами округлившимися, как две обеденные тарелки, постояла еще несколько секунд, затем медленно попятилась к двери. Второй практик последовал за ней и едва не споткнулся о ногу Девятипалого, торопясь поскорее убраться отсюда. Остальные застыли, словно статуи. Джезаль услышал быстрые шаги в коридоре снаружи — практики уносили ноги. Он почти завидовал: им удалось ускользнуть, а он заперт в этом кошмаре, как в ловушке.

— Мы должны уходить немедленно! — гаркнул Байяз и сморщился, словно от боли. — Сразу же, как только я надену штаны. Помогите ему, Длинноногий! — крикнул он через плечо.

В кои-то веки у навигатора не нашлось слов. Он лишь моргнул, затем выбрался из-за стола и наклонился над бездыханным северянином. Оторвал полосу от своей поношенной рубашки, чтобы использовать в качестве бинта, остановился и нахмурил брови, будто не знал, с чего начать.

Джезаль сглотнул. Он по-прежнему держал в руке шпагу — у него не хватало сил убрать ее. Клочки незадачливого практика разлетелись по комнате, прилипли к стенам, к потолку, к людям. Джезаль еще ни разу не видел смерти, и уж тем более — такой отвратительной и противоестественной. Но вместо ужаса он чувствовал лишь громадное облегчение. Все его заботы казались теперь мелочными и незначительными.

По крайней мере, он еще жив.

Орудия, которые у нас есть

Глокта стоял в узком коридоре, опираясь на трость, и ждал. По другую сторону двери раздавались повышенные голоса.

— Я сказала, никаких посетителей!

Он вздохнул про себя. Есть множество более приятных занятий, чем стоять здесь со своей больной ногой, но он дал слово и собирался сдержать его. Тесные помещения, ничем не примечательный коридор, ничем не примечательный дом среди многих сотен других точно таких же. Этот район был застроен недавно рядами стандартных домов нового типа: каркасные, трехэтажные, подходящие для одной семьи с парой слуг. Сотни практически одинаковых зданий. Дома для зажиточных людей, недавно разбогатевших. Выскочки-простолюдины, как, скорее всего, назвал бы их Сульт — банкиры, купцы, ремесленники, лавочники, писцы.

«Может быть, один-два городских особняка для преуспевающих фермеров, вроде этого».

Голоса смолкли. Глокта уловил какое-то движение, звяканье стекла, затем дверь приоткрылась, и в щелку выглянула служанка — некрасивая девушка с большими слезящимися глазами. Вид у нее был виноватый и испуганный.

«Но я привык к такому. Все выглядят виновато и испуганно при встрече с инквизицией».

— Она готова вас принять, — пробормотала девушка.

Глокта кивнул и прошаркал мимо нее в комнату.

У него сохранились смутные воспоминания о том, как однажды летом он неделю или две гостил у Вестов в Инглии. Наверное, лет двенадцать назад, хотя ему казалось, что сто. Он помнил, как фехтовал с Вестом во дворе перед их домом, и каждый день за ним наблюдала темноволосая девочка с серьезным лицом. Он помнил недавнюю встречу с молодой женщиной в парке: она спросила его, как он себя чувствует. В тот момент ему было ужасно больно, он почти ничего не видел, и ее лицо осталось в памяти расплывчатым пятном. Поэтому Глокта не знал, чего ему ждать, но никак не ожидал увидеть синяки. На миг он даже ощутил потрясение.

«Но мне удалось это скрыть».

Под левым глазом темное пятно, лилово-буро-желтое, нижнее веко сильно распухло. В углу рта то же самое, губа разбита и покрыта коркой. Глокта знал о кровоподтеках много — мало кто знает больше.

«И мне не кажется, что это случайные увечья. Ее кто-то бил по лицу. Бил вполне умышленно».

Он смотрел на безобразные отметины и вспоминал старого друга Коллема Веста — как тот плакал у него в столовой и просил помощи. Глокта сложил эти два факта вместе.

«Интересно».

Арди, одетая в белое, сидела в комнате и глядела на него. Она вздернула подбородок и повернулась той стороной лица, где было больше синяков, словно хотела заставить его заговорить об этом.

«Она не похожа на брата. Совершенно не похожа. Она бы не стала лить слезы в моей столовой или где-то еще».

— Чем я могу вам помочь, инквизитор? — холодно спросила она.

Глокта отметил, что слово «инквизитор» она произнесла чуточку невнятно.

«Она выпила... но хорошо это скрывает. Не настолько пьяна, чтобы сделать глупость».

Глокта поджал губы. У него появилось необъяснимое ощущение, что следует быть осторожным.

— Я здесь не в качестве инквизитора, — отозвался он. — Дело в том, что ваш брат попросил меня...

Она грубо оборвала его:

— Вот как, неужели? Пришли удостовериться, что я не трахаюсь с кем не следует, да?

Глокта мгновение подождал, пока полностью осознал ее слова, потом тихо рассмеялся.

— Я сказала что-то смешное? — резко спросила она.

— Прошу прощения, — ответил Глокта, вытирая пальцем слезящийся глаз, — но я провел два года в императорских тюрьмах. Если бы я точно знал, что пробуду там хотя бы половину этого срока, я предпринял бы более обдуманную попытку самоубийства. Семьсот дней во тьме, так близко к преисподней, насколько это возможно для живого человека. И я хочу сказать вам: если вы хотите выбить меня из колеи, вам потребуется нечто большее, чем обычная грубость.

И Глокта дал ей полюбоваться на свою омерзительную, беззубую, безумную улыбку. Мало кто из людей мог долго выносить это зрелище, но Арди ни на секунду не отвела взгляд. Больше того — она сама начала улыбаться. У нее была очень своеобразная кривая усмешка, которую Глокта нашел странно обезоруживающей.

«Возможно, надо сменить тактику».

— Дело в том, что ваш брат попросил меня позаботиться о вашем благополучии, пока он в отъезде. Вообще-то вы можете трахаться с кем вам угодно, но, по моим наблюдениям, репутация молодой женщины тем лучше, чем меньше она это делает. Разумеется, для молодых людей верно обратное. Едва ли это можно назвать справедливым, но жизнь вообще несправедлива, и мне кажется, этот конкретный случай не нуждается в особых комментариях.

— Ха. Здесь вы правы.

— Ну и отлично, — сказал Глокта. — Значит, мы понимаем друг друга. Я вижу, вы повредили лицо?

Она пожала плечами:

— Упала. Я неуклюжая дура.

— Хорошо вас понимаю. Я и сам такой же дурак, что умудрился выбить себе половину зубов и искромсать ногу так, что она превратилась в никуда не годное месиво. И посмотрите теперь на меня, калеку. Это удивительно — куда нас заводит небольшая глупость, если дать ей волю. Таким неуклюжим людям, как мы, лучше держаться друг друга. Как вы считаете?

С минуту она задумчиво смотрела на него, поглаживая синяки на челюсти.

— Да, — наконец сказала она, — думаю, так будет лучше.

Витари, женщина-практик Гойла, полулежала в кресле напротив Глокты, рядом с огромной темной дверью в кабинет архилектора. Не просто полулежала — она была распростерта, разлита, распластана по креслу, словно мокрая тряпка. Она свесила по бокам длинные руки и откинула голову на спинку. Лениво поводя глазами из-под тяжелых век, она обшаривала взглядом комнату и время от времени оскорбительно долго рассматривала самого Глокту. Впрочем, она ни разу не повернула головы и не шевельнула ни единым мускулом, словно такое усилие могло оказаться слишком болезненным.

«Что, собственно, очень похоже на правду».

Без сомнений, она недавно участвовала в жестокой рукопашной схватке. Ее шея над черным воротником сплошь пестрела кровоподтеками. Гораздо больше их было вокруг черной маски Витари, и еще длинный порез через лоб. Одна ее рука, свесившаяся с подлокотника, была забинтована, костяшки другой содраны и покрыты корками подживающих царапин.

«На ее долю досталось больше, чем пара ударов. Это был жестокий

бой, и противник дрался не на шутку».

Крошечный колокольчик подпрыгнул и зазвенел.

— Инквизитор Глокта, — произнес секретарь, поспешно выходя из-за стола, чтобы открыть дверь, — его преосвященство готов вас принять.

Глокта вздохнул и поднялся на ноги, кряхтя и опираясь на палку.

— Удачи, — сказала женщина, когда он хромал мимо нее.

— Что?

Она едва заметно кивнула в сторону кабинета архитектора.

— Он сегодня в кошмарном настроении.

Из двери в приемную выплеснулся голос Сульта, из приглушенного бормотания превратившийся в истошный крик. Секретарь отдернулся от щели, словно получил пощечину.

— Двадцать практиков! — вопил архитектор по ту сторону арочного проема. — Двадцать! Мы должны сейчас допрашивать эту суку, вместо того чтобы сидеть и зализывать раны! Сколько было практиков?

— Двадцать, архи...

— Двадцать! Двадцать, черт побери!..

Глокта набрал в грудь воздуха и просочился через дверь.

— И сколько убитых? — продолжал Сульт.

Архитектор беспокойно расхаживал взад и вперед по выложенному плиткой полу огромного круглого кабинета, жестикулируя длинными руками. Он был одет в белое и выглядел, как всегда, безупречно.

«Хотя, если не ошибаюсь, один волосок все-таки выбился из прически. Может быть, даже два. Видимо, он действительно в ярости».

— Сколько? — повторил Сульт.

— Семеро, — пробормотал наставник Гойл, сгорбившись в кресле.

— Это же треть! Треть! А сколько ранены?

— Восемь.

— То есть большинство остальных! А сколько их было?

— Ну, в целом там было шесть...

— Да неужели? — Архитектор ударил обеими кулаками по столу и навис над съежившимся наставником. — А я слышал, двое. Двое! — взвизгнул он и снова стал вышагивать вокруг стола. — И оба дикари! Двое, слышал я! Белый и черный! Причем черный — женщина! Женщина! — Он яростно пнул кресло рядом с Гойлом, и оно закачалось на ножках. — А что самое плохое, этот позор видели бесчисленные свидетели! Разве я не приказывал сделать все аккуратно? Вы понимаете, что означает слово «аккуратно», Гойл?

— Но, архитектор, обстоятельства не позволили...

— Не позволили?! — Голос Сульта поднялся почти до визга. — Не позволили? Как вы смеете говорить мне это? Аккуратно — вот о чем я просил, Гойл! А вы устроили кровавую резню на пол-Агрионта и вдобавок провалили дело! Мы выглядим дураками! Хуже того, мы выглядим слабыми дураками! Мои враги в закрытом совете не упустят случая использовать этот фарс к своей выгоде. С Маровией и без того полно проблем, старый пустозвон занят только тем, что ноет насчет свободы, затягивания узды и всего такого прочего! Чертовы законники! Дай им волю, вообще ничего не будет! И теперь вы, вы, Гойл, позволили такому случиться! Я увиливаю, я приношу извинения, я пытаюсь подать вещи в наилучшем свете, но дерьмо — это дерьмо, как его ни освещай! Вы имеете представление о том, какой ущерб вы причинили? Сколько месяцев тяжелой работы пошли псу под хвост?

— Но, архилектор, разве они не покинули...

— Они вернутся, кретин! Он не стал бы устраивать всю возню ради того, чтобы уехать! Болван! Да, они покинули город, идиот, и увезли все ответы с собой! Кто они такие, чего они хотят, кто за ними стоит! Уехали? Уехали? Черт бы вас побрал, Гойл!

— Я достоин презрения, ваше преосвященство.

— Вы достойны худшего!

— Мне ничего не остается, как принести свои извинения.

— Вам повезло, что вы не приносите извинения над медленным огнем! — Султ с омерзением фыркнул. — Убирайтесь! Убирайтесь с глаз моих долой!

Метнув на Глокту взгляд, исполненный глубочайшей ненависти, Гойл раболепно, бочком выбрался из комнаты.

«До свидания, наставник Гойл, до свидания. Гнев архилектора не мог найти более достойную мишень».

Глокта не сумел подавить самую сдержанную из улыбок, наблюдая за уходом Гойла.

— Вас что-то веселит, Глокта?

Голос Сульта был исполнен ледяного холода. Он протянул инквизитору руку в белой перчатке со сверкающим на пальце багровым камнем.

Глокта нагнулся, чтобы поцеловать перстень.

— Что вы, ваше преосвященство! Разумеется, нет!

— И хорошо. Потому вам совершенно нечему радоваться, могу вас уверить! Ключи? — насмешливо фыркнул архилектор. — Истории? Свитки? Что на меня нашло, когда я слушал эти бредни?

— Я понимаю, ваше преосвященство. Я приношу свои извинения.

Глокта смиренно присел в то самое кресло, которое Гойл так недавно покинул.

— Вы приносите извинения, вот как? Все приносят мне извинения! А что мне с них толку? Поменьше извинений и побольше успехов — вот что мне нужно! Подумать только, я имел на вас такие надежды! Ну что ж, полагаю, мы должны работать с теми орудиями, которые у нас есть.

«Что это значит?»

Однако Глокта благоразумно промолчал.

— У нас проблемы, — сказал Султ. — Очень серьезные проблемы на Юге.

— На Юге, архилектор?

— Дагоска. Положение там очень тяжелое. Гуркские войска стекаются к полуострову. Уже сейчас они превосходят наш гарнизон силами десять к одному, а вся наша мощь сосредоточена на Севере. В Адуде остались три подразделения королевской охраны, но поскольку крестьяне доброй половины Срединных земель отбились от рук, мы не можем ими пожертвовать. Наставник Давуст держал меня в курсе событий еженедельными письмами. Он был моими глазами, Глокта, вы понимаете? Он подозревал, что внутри города зреет заговор. Заговор с целью передать Дагоску в руки гурков. Три недели назад письма прекратились, а вчера я узнал, что Давуст пропал. Исчез! Наставник инквизиции! Растворился в воздухе! Я ослеп, Глокта. Я иду на ощупь в темноте, и это в самый критический момент! Мне нужно иметь там кого-то, кому я могу доверять. Вы понимаете меня?

У Глокты забилося сердце.

— Я?

— О, вы кое-чему научились, — насмешливо хмыкнул Султ. — Вы новый наставник Дагоски!

— Я?

— Примите мои поздравления, и прошу меня простить, если мы отложим торжественный обед до более спокойного момента! Вы, Глокта, вы! — Архилектор склонился над ним. — Отправляйтесь в Дагоску и начинайте расследование. Выясните, что случилось с Давустом. Прополите тамошний сад. Убирайте все, что окажется нелояльным. Все и всех! Разожгите под ними огонь и подпалите им пятки! Я должен знать, что там происходит, и если для этого вам придется поджарить лорда-губернатора — жарьте, пока с него сок не закапает!

Глокта сглотнул:

— Поджарить лорда-губернатора?

— Вы превратились в эхо? — раздраженно воскликнул Сульт, еще тяжелее нависая над ним. — Вынюхивайте любую гниль, а как найдете — вырезайте! Кромсайте с мясом, выжигайте каленым железом! Все, что отыщете, где бы оно ни находилось! Возьмите на себя командование обороной города, если это понадобится. Вы же были солдатом! — Он протянул руку и опустил на стол лист пергаментной бумаги. — Это королевский указ, подписанный всеми двенадцатью членами закрытого совета. Всеми двенадцатью. Мне стоило кровавого пота заполучить его. В пределах Дагоски вы получаете неограниченные полномочия.

Глокта воззрился на документ. Одинокий листок бумаги кремового цвета, черные буквы, внизу большая красная печать: «Мы, нижеподписавшиеся, предоставляем верному слуге его величества наставнику Занду дан Глокте нашу полную силу и власть...» Несколько абзацев, заполненных аккуратным почерком, и внизу — два столбца имен. Расползающиеся кляксы, летящие росчерки, неразборчивые каракули. Хофф, Сульт, Маровия, Варуз, Халлек, Берр, Торлихорм и все остальные. Могушественные имена. Глокта почувствовал слабость, когда взял документ обеими трясущимися руками. Листок показался ему тяжелым.

— Только не позволяйте этому вскружить вам голову! Вам по-прежнему необходимо действовать с осторожностью. Мы больше не можем себе позволить попасть в неловкое положение, но гурков следует удерживать любой ценой, по меньшей мере до тех пор, пока эта ситуация в Инглии не будет улажена. Любой ценой, вы меня поняли?

«Я понял. Назначение в город, окруженный врагами и кишаций изменниками, где один наставник уже исчез при загадочных обстоятельствах. Больше похоже на нож в спину, чем на повышение, но мы должны работать с теми орудиями, которые у нас есть».

— Я понял, архилектор.

— Ну и хорошо. Держите меня в курсе. Я хочу, чтобы вы завалили меня письмами!

— Разумеется.

— У вас два практика, я не ошибаюсь?

— Да, ваше преосвященство. Иней и Секутор, оба весьма...

— Более чем недостаточно! Там вы не можете доверять никому, даже инквизиции. — Сульт остановился, немного подумал. — Особенно инквизиции. Я подобрал для вас полдюжины других, чьи умения проверены, включая практика Витари.

«Что? Чтобы эта женщина постоянно смотрела мне через плечо?»

— Но, архилектор...

— Никаких «но», Глокта! — прошипел Сульт. — Не смейте говорить мне «но», только не сегодня! Вы еще не настолько изувечены, насколько это возможно! Даже вполонину не настолько, вы меня поняли?

Глокта склонил голову:

— Прошу прощения.

— Вы раздумываете, не так ли? Я вижу, как крутятся шестеренки в вашем мозгу. Вы не хотите, чтобы кто-то из людей Гойла путался в ваши дела? Так вот, я вам скажу: до того, как она стала работать на Гойла, она работала на меня. Она стирйика из Сипано. Эти люди холодны как снег, и Витари среди них самая холодная, уверяю вас. Так что можете не беспокоиться; во всяком случае, по поводу Гойла.

«Да уж. Только по поводу тебя, что гораздо хуже».

— Я буду весьма счастлив иметь ее при себе.

«Я буду чертовски осторожен».

— Будьте счастливы так, как вам угодно, только, черт подери, не разочаровывайте меня! Если вы провалите это задание, для спасения вашей шкуры вам потребуется больше, чем этот клочок бумаги! Корабль ждет у причала. Отправляйтесь. Немедленно.

— Конечно, ваше преосвященство.

Сульт отвернулся и подошел к окну. Глокта тихо поднялся, тихо пододвинул свое кресло к столу, тихо проковылял через комнату. Архилектор так же стоял, сцепив руки за спиной, когда Глокта осторожно притворил за собой дверь. Только услышав клацанье защелки, инквизитор осознал: все это время он задерживал дыхание.

— Ну, как прошло?

Глокта резко повернулся, и в его шее болезненно щелкнуло.

«Странно, почему я никак не привыкну не делать этого?»

Практик Витари по-прежнему лежала, распластавшись в кресле, и глядела на него снизу вверх утомленными глазами. Похоже, она ни разу не повернулась за то время, что Глокта провел в кабинете.

«А как оно прошло? — повторил он себе ее вопрос и пробежался языком по беззубым деснам, задумавшись над этим. — Пока не ясно».

— Интересно, — ответил он наконец. — Я отправляюсь в Дагоску.

— Да, я уже слышала.

Теперь он заметил, что она действительно говорит с акцентом.

«Слабый душок свободных городов».

— Насколько я понимаю, вы едете со мной.

— Насколько я понимаю, да, — ответила она, однако не двинулась с

места.

— Мы немного спешим.

— Я знаю. — Она протянула ему руку. — Вы не поможете мне встать?

Глокта поднял брови.

«Интересно, когда мне в последний раз задавали этот вопрос?»

Он был уже готов ответить отказом, однако в конце концов подал ей руку, хотя бы ради новизны ощущений. Пальцы Витари сомкнулись на ладони Глокты и оперлись на нее. Ее глаза сузились, и он услышал свистящее дыхание, когда она медленно выпрастывалась из кресла. Он испытывал боль, когда она вот так тянула его — болела рука, спина.

«Однако ей больнее».

Он был уверен, что ее зубы под маской мучительно стиснуты. Витари двигалась осторожно, постепенно, потому что не знала, где еще у нее заболит и насколько сильно. Глокта невольно улыбнулся.

«Такой обряд я сам совершаю каждое утро. Как ни странно, это весьма воодушевляет — видеть, что его проделывает кто-то другой».

В конце концов она встала на ноги, прижимая забинтованную руку к ребрам.

— Вы в состоянии ходить? — спросил Глокта.

— Я разойдусь.

— Что с вами случилось? Собаки?

Она рассмеялась лающим смехом и сказала:

— Нет. Один здоровенный северянин выбил из меня лишнее дерьмо.

Глокта хмыкнул: «Что ж, по крайней мере откровенно».

— Ну как, пойдем?

Она опустила взгляд на его трость:

— Вряд ли у вас есть при себе запасная, правда?

— Боюсь, что нет. Эта единственная, и без нее я не могу ходить.

— Хорошо вас понимаю.

«Не совсем».

Глокта повернулся и захромал прочь от архилекторова кабинета.

«Не совсем».

Он слышал, как женщина ковыляет следом.

«Это тоже до странности воодушевляет — когда кто-то пытается угнаться за мной».

Он прибавил шаг и ощутил боль.

«Однако ей больнее... Значит, обратно на Юг. — Он облизнул пустые десны. — Вряд ли я могу назвать его местом счастливых воспоминаний. Опять биться с гурками после того, чего мне это стоило в последний раз.

Искоренять измену в городе, где никому нельзя доверять, а в особенности тем, кто послан мне в помощь. Бороться на жаре и в пыли за неблагодарное дело, которое почти наверняка закончится провалом. А провал, более чем вероятно, будет означать смерть. — Он ощутил, как у него задержалась щека, затрепетало веко. — Умереть от рук гурков? Или от рук заговорщиков, злоумышляющих против короны? Или от рук агентов его преосвященства? Или попросту исчезнуть, как случилось с моим предшественником? У кого еще есть столь широкий выбор разнообразных смертей? — Уголок его рта дернулся вверх. — Я едва могу дождаться, чтобы начать».

Один и тот же вопрос приходил в голову снова и снова, и у Глокты по-прежнему не было на него ответа.

«Зачем я делаю это?»

notes

Примечания

1

Goodman (*англ.*) — добрый человек, общепринятое обращение к простолюдину.